

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ПРАВО И СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИКА: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

III научно-практической конференции с международным участием
юридического факультета СПбГЭУ

Санкт-Петербург

9 апреля 2020 года

*Под научной редакцией канд. юрид. наук,
доцента Н.А. Крайновой*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2020

**ББК 67
П68**

П68 **Право** и современная экономика: новые вызовы и перспективы : сборник материалов III научно-практической конференции с международным участием юридического факультета СПбГЭУ. Санкт-Петербург 9 апреля 2020 г. / под науч. ред. канд. юрид. наук, доцента Н.А. Крайновой. — СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2020. — 513 с.

ISBN 978-5-7310-4894-1

В сборнике опубликованы научные материалы выступлений участников III научно-практической конференции с международным участием «Право и современная экономика: новые вызовы и перспективы», состоявшейся на юридическом факультете Санкт-Петербургского государственного экономического университета 9 апреля 2020 года.

Доклады участников конференции из России, Италии и других стран охватывают проблемные вопросы правового регулирования мировой, зарубежной и российской экономики, рассмотренные с теоретической и практической сторон.

Сборник рассчитан на широкий круг читателей, интересующихся юридической наукой, студентов, аспирантов и профессорско-преподавательский состав университетов, обучающихся по юридическим специальностям, практических работников и всех, интересующихся правовыми проблемами.

ББК 67

Редакционная коллегия:

Абрамова Е.Н. — доцент кафедры гражданского и корпоративного права, и.о. зав. кафедрой предпринимательского и энергетического права, канд. юрид. наук, доцент; **Аверьянова О.В.** — доцент кафедры финансового права, канд. юрид. наук, доцент; **Бернацкий Г.Г.** — зав. кафедрой теории и истории государства и права, д-р юрид. наук, профессор; **Крайнова Н.А.** — декан юридического факультета, канд. юрид. наук, доцент; **Свиштунова Л.Ю.** — доцент кафедры конституционного и административного права, канд. юрид. наук, доцент; **Смирнов В.И.** — зав. кафедрой гражданского и корпоративного права, канд. юрид. наук, доцент; **Чабукиани О.А.** — зав. кафедрой уголовного права и уголовного процесса, канд. юрид. наук, доцент

ISBN 978-5-7310-4894-1

© СПбГЭУ, 2020

Раздел I

СТАТЬИ УЧАСТНИКОВ СЕКЦИИ «ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»

*Ответственный — зав. кафедрой теории и истории государства
и права СПбГЭУ, д-р юрид. наук, профессор Г.Г. Бернацкий*

УДК 347

Научная специальность — 12.00.03

Агеева Елена Александровна

канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории
государства и права СПбГЭУ

Бернацкий Георгий Генрихович

д-р юрид. наук, зав. кафедрой теории и истории
государства и права СПбГЭУ

АЛЬТЕРНАТИВЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Elena A. Ageeva,

Ph. D. in judicial science, Associate Professor at the Department
of Theories and History of the State and the Law
of the State University of Economics

Georgy G. Bernatsky

Doctor of Juridical Sciences, Head of the Department of
Theories and History of the State and the Law
of the State University of Economics

ALTERNATIVES IN THE MODERN ECONOMY

Abstract. The article considers the opposite trends in the modern economy: private property or public property, efficient economy or fair economy

Keywords: private property, public property, efficient economy, fair economy.

Разразившаяся в мире пандемия коронавируса неизбежно приведет к мощному усилению социалистических тенденция в экономике и политике. Мы наблюдаем, как государство сейчас монопольно диктует условия деятельности частным предпринимателям, как устанавливает строгие правила социальной частной жизни. И мы осознаем, что эти меры необходимы для борьбы со страшной заразой. Однако пандемия — это одно из многих угроз, которые стоят перед челове-

ством. Мир стоит практически на пороге экологической, финансовой, этнокультурной катастроф. Противостоять этим вызовам можно только путем объединения усилий всего народа государства, всех народов мира. Социалистические принципы в хозяйстве и политике становятся важнейшим инструментом выживания человечества.

XX век прошел под знаком конкуренции двух противоположных экономических систем — капиталистической и социалистической. Противоборствуют две тенденции — доминирование в экономике частной собственности, либо публичной (государственной) собственности. Кто-то может утверждать, что в современном мире капиталистическая модель полностью победила. Наша страна распрощалась с социалистической моделью. Однако Китай остается социалистической державой и выходит на первое место по экономическому развитию в мире. Едва ли сейчас кто-то будет утверждать, что социалистическая модель полностью себя исчерпала.

Мы утверждаем, что нет одной наиболее эффективной формы собственности на все времена, для всех стран и в любых условиях. У каждой формы собственности есть граница применимости, или мера эффективного действия, за которой она становится уже неэффективной или даже опасной для общества.

Франция и Англия на протяжении нескольких столетий ведут спор о том, какая собственность наиболее эффективная. Во Франции традиционно преобладает публичная собственность, а в Англии — частная. В США доминировала частная собственность до великого кризиса 30-х годов XX века. Новый курс Рузвельта усилил государственное регулирование и рост государственной собственности. Финансовый кризис 2008 г. разразился во многом из-за того, что огромные финансовые средства находились в руках частных лиц, которые склонны к мошенничеству. В тот период президент Франции Н. Саркози выступил с программой — установить мировое правительство для контроля над финансовыми институтами мира. Необходим надгосударственный контроль! Фактически — это призыв к финансовому социализму. В 1994 и 1995 годах Британские железные дороги, находящиеся в государственной собственности, были разделены на несколько компаний и приватизированы в период с 1996 по 1997 год. Однако приватизация не дала ожидаемых результатов. Оказалось, что частная собственность не эффективна в определенных условиях.

Сама жизнь в XX веке делала вывод о том, что исключительно государственная собственность, либо исключительно частная соб-

ственность — односторонняя неэффективная модель. Она ведет к кризису. На первый план выдвигается смешанная экономика. К такому положению дел приходит эмпирическое хозяйство разных стран. Однако она не отвечает на теоретические вопросы. Например, какие секторы экономики наиболее эффективно действуют в частных руках, а какие следует оставлять в руках государства. Почему исторически то нарастает частная собственность и уменьшается государственная, то наоборот, нарастает государственная. Как объяснить изменение баланса между частной и государственной собственностью.

Можно утверждать, что в современном мире требуется не просто смешанная экономика, но экономика, в которой происходит постоянная тонкая настройка модели собственности на более эффективное функционирование, где учитываются не только частные интересы собственника, но и публичные интересы общества, причем эти интересы многогранны. У каждой формы собственности есть граница применимости, или мера эффективного действия, за которой она становится уже неэффективной или даже опасной для общества. Например, частная медицинская клиника может работать более эффективно, чем государственная. Однако в погоне за прибылью клиника начинает назначать ненужные анализы, проводить ненужные операции, тянуть деньги с пациента. Клиника становится опасной. Вот мера — погоня за прибылью не должна переходить грань добросовестного лечения. Или, к примеру, деятельность крупной горнодобывающей компании не должна приводить к разрушению экосистемы.

Общество, выбирая ту или иную форму собственности, руководствуется конкретными историческими и природными условиями, уровнем развития населения, внешними факторами, общенациональными ценностями и святынями. Например, в ст. 5 Конституции Монголии сказано: «5. Скот является национальным достоянием и охраняется государством». Для Монголии сельскохозяйственный скот является общенациональной ценностью и находится под защитой государства даже если он в частных руках.

Конституции современных государств определяют основы экономического строя общества. В них устанавливаются допустимые формы собственности, тип экономики, цели экономического развития, средства реализации экономического роста. Причем мы помним, что одно и то же государство способно в течение нескольких десятилетий менять в конституции формы собственности и тип экономики на противоположные. Люди заняты вечным поиском наиболее эффективной формы

собственности для данного времени и данных обстоятельств. Невозможно дать один рецепт эффективной формы собственности для всех народов и на все времена.

Недавно в стране наш парламент внес поправки в Конституцию России. В дополнение к этому мы полагаем, что в Конституцию РФ следует записать принцип, который можно назвать принципом эффективности собственности: «Каждая форма собственности имеет границу применимости, или меру эффективного действия, за которой она становится неэффективной или даже опасной для общества. Государство обязано осуществлять контроль за использованием собственности. Собственность обязывает. Пользование собственностью должно одновременно служить общему благу». Такой принцип позволил бы конституционно закрепить положение, что каждая форма собственности хороша на своем месте, в свое время и в определённых границах. Это будет сдерживать государство и общество от шаrahаний то исключительно в частную, то в государственную собственность.

Другой парой альтернативных тенденций в экономике мира можно считать движение либо к эффективной, либо справедливой экономике.

Элементами социальной справедливости в современном обществе считаются: обеспечение работой каждого трудоспособного человека, получение достойной заработной платы, социальное обеспечение инвалидов, детей без родителей. Можно сказать, что социальная справедливость реализуется в государстве, если достигаются цели, провозглашаемые принципами социального государства. Статья 7 Конституции РФ утверждает: «1. Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. 2. В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты».

Экономическая эффективность направлена на увеличение общественного продукта. Эффективность возрастает путем повышения производительности труда, внедрения новых технологий, совершенствования методов организации производства и т. д. Но такая система порождает нарушение социальной справедливости: богатые богатеют,

а бедные беднеют, растет число безработных, интенсивность и эксплуатация труда возрастает, растет число малоимущих, бездомных. Если в стране кризис, то весь народ должен совместно нести его тяготы. Однако почему каждый год увеличивается число миллиардеров России. X съезд Федерации независимых профсоюзов России 22 мая 2019 года в Москве принял Программу ФНПР «За справедливую экономику» [1]. Во Франции президент Э. Макрон, вступая в должность, обещал развитие эффективной экономики. Но простые граждане Франции посчитали себя обманутыми. Движение «желтые жилеты» уже много месяцев воюет на улицах страны за справедливость в экономике.

Вектор Рынка и вектор Справедливости имеют разную направленность. Экономическая эффективность в определенной степени противоречит социальной справедливости.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Официальный сайт ФНПР [Электронный ресурс] — URL: <http://www.fnpr.ru>.

УДК 347.457

Научная специальность — 12.00.03.

Боряев Сергей Александрович

Соискатель, кафедра теории и истории государства и права СПбГЭУ

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЭМИССИИ ЦЕННЫХ БУМАГ

Boryaev Sergei

Postgraduate, Department of Theory and History of State and Law,
St. Petersburg State University of Economics

THE CONCEPT OF SECURITIES ISSUE

Abstract. The article discusses and analyzes the concept and legal concepts of the legal concept of the issue of securities in Russian civil law.

Key words: equity securities; emission; securities issue concept.

На современном этапе, ценные бумаги играют важную роль в экономике, являясь инструментом для привлечения инвестиций и влияя на структурные преобразования. Ценные бумаги, выполняющие функцию

удовлетворения имущественных интересов граждан и юридических лиц, также являются средством получения дивидендов.

По состоянию на 01.04.2020 в Единый государственный реестр юридических лиц Российской Федерации, внесены сведения о более чем шестидесяти тысячах юридических лиц, имеющих организационно-правовую форму «акционерное общество». При этом, конституирующим элементом акционерного общества является наличие уставного капитала, разделенного на определенное количество акций — одного из наиболее массовых видов корпоративных эмиссионных ценных бумаг в России [6, с. 155]. Наряду с акциями, к корпоративным ценным бумагам также относят корпоративные, т. е. негосударственные, облигации, а также производные ценные бумаги [8, с. 47].

Эмиссионные ценные бумаги, к которым относятся акции и облигации, становятся объектом гражданских прав в результате осуществления установленной действующим законодательством процедуры эмиссии ценных бумаг, без прохождения которой ценная бумага считается не эмитированной. Появление в гражданском обороте эмиссионных ценных бумаг является результатом особого эмиссионного процесса.

Для приобретения статуса эмиссионной, ценная бумага должна обладать одновременно тремя признаками: первый — закрепляет совокупность имущественных и неимущественных прав, подлежащих удостоверению, уступке, и безусловному осуществлению с соблюдением установленных Федеральным законом от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (далее — ФЗ О РЦБ) формы и порядка; второй — ценная бумага должна размещаться выпусками; третий — рассматриваемые ценные бумаги должны иметь равные объем и сроки осуществления прав внутри одного выпуска вне зависимости от времени и приобретения ценной бумаги [11, с. 204].

Легальное определение понятия эмиссии ценных бумаг в российском законодательстве закреплено в ст. 2 ФЗ О РЦБ, в соответствии с которой эмиссия ценных бумаг — установленная ФЗ О РЦБ последовательность связанных с размещением эмиссионных ценных бумаг действий эмитента и иных лиц.

На сегодняшний день единый доктринальный подход к понятию правовой природы эмиссии ценных бумаг не выработан. Указанное, по мнению А. В. Габова, вызвано тем, что «...правовое регулирование

эмиссии представляет собой в настоящее время чрезвычайное разнообразие. Объясняется это тем, что, строго говоря, общие положения об эмиссии регулируют очень незначительное число случаев эмиссии эмиссионных ценных бумаг. Структура регулирования здесь такова, что большая часть инструментов регулируется с применением каких-то специальных правил» [4, с. 1104].

По мнению М.Р. Брагинского, эмиссия является односторонней сделкой: «В этом качестве договор противостоит односторонним сделкам, к которым относят эмиссию ценных бумаг, завещания и разнарядку покупателей или поставщика. Все эти сделки односторонние, так как для их легитимного осуществления нужно и достаточно выражения воли одной стороны другими актами права или соглашениями между сторонами...» [3, с. 13].

В.К. Андреев также полагает, что эмиссия является односторонней сделкой, создающей обязанности для эмитентов (для акционерного общества, иного юридического лица, государственных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления) [2, с. 61–62].

Л.Р. Юлдашбаева, перечисляя этапы эмиссии, характеризует их следующим образом: принятие эмитентом решения о выпуске эмиссионных ценных бумаг является односторонней сделкой, государственная регистрация выпуска носит характер административного акта, изготовление сертификатов ценных бумаг рассматривается как односторонняя сделка, а размещение ценных бумаг рассматривается как договор [13, с. 136–137].

И.В. Редькин считает, что эмиссия ценных бумаг — это совокупность одно и многосторонних сделок и административных актов, которые осуществляются в предписанной правом форме и последовательности, объединенных общим решением выпустить ценные бумаги [10, с. 21].

А.С. Рогов полагает, что эмиссия ценных бумаг представляет собой сложный юридический состав, состоящий из ряда последовательно возникающих юридических фактов. В этот состав, с его точки зрения, входят решение о выпуске ценных бумаг (сделка), регистрация выпуска ценных бумаг (административный акт), совокупность сделок по размещению ценных бумаг, регистрация отчета об итогах выпуска ценных бумаг (административный акт). В ряде случаев, как он полагает, эмиссия ценных бумаг является особо усложненным юридическим составом, когда решение о выпуске ценных бумаг представляет

собой самостоятельный юридический состав (при учреждении и реорганизации акционерного общества в форме присоединения или слияния) [9, с. 7].

Г.Н. Шевченко предлагает свое определение эмиссии: «Эмиссия — это сложное юридическое явление, которое не может быть сведено к односторонней сделке; это последовательность действий эмитента, включающая в себя различные юридические факты, в том числе односторонние сделки, административные акты, гражданско-правовые договоры» [12, с. 111].

Е.В. Галкова указывает, что эмиссия ценных бумаг — это установленная законодательством процедура последовательных действий эмитента и государственных органов, направленных на создание и выпуск в обращение ценных бумаг, как объектов гражданских прав [5, с. 34].

А.В. Майфат, рассматривая эмиссию в качестве «сложного юридического процесса» (процедуры), считает ее состоявшейся только тогда, когда имеется последовательно накопленное волеизъявление лиц. Иными словами, направляющей силой и основанием для начала следующего этапа является именно воля эмитента, кроме того, эта воля, порождая юридический факт, должна «накапливаться» и давать толчок следующему этапу, причем накапливаясь только в строго установленной законом юридической последовательности [7, с. 51].

А.Ю. Синенко на основе сопоставления различных правовых концепций правовой природы эмиссии ценных бумаг сформулировано понимание эмиссии в широком и узком смыслах. В узком смысле эмиссия это «выпуск в обращение денег и ценных бумаг, осуществляемый государством или под его контролем» [10, с. 129]. В широком смысле: эмиссия ценных бумаг — это совокупность гражданско-правовых сделок, административных актов и организационно-распорядительных действий, совершаемых эмитентом и иными лицами в предписываемом законом или в порядке, им установленным, форме и последовательности и направленных на размещение ценных бумаг, а в конечном счёте — на удовлетворение экономических потребностей граждан и юридических лиц» [10, с. 138]. Из понимания эмиссии ценных бумаг, сформулированного А.Ю. Синенко, следует, что особое внимание автором уделяется совокупности юридических фактов, формирующим содержание эмиссии ценных бумаг, а также субъектному составу рассматриваемых правоотношений.

По мнению А.Ю. Синенко понимание эмиссии ценных бумаг как односторонней сделки не соответствует законодательному определению этого термина. Данная позиция А.Ю. Синенко также подтверждается тем, что субъектами правоотношений, складывающихся в процессе эмиссии ценных бумаг, помимо эмитента являются и другие лица, в связи с чем волеизъявления одной стороны (эмитента) недостаточно для возникновения прав и обязанностей у других субъектов. Следует отметить, после вступления в силу ФЗ от 27.12.2018 № 514-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования осуществления эмиссии ценных бумаг» была изменена формулировка определения понятия эмиссии ценных бумаг, содержащаяся в статье 2 ФЗ О РЦБ, в части круга субъектов рассматриваемых правоотношений.

В процессе эмиссии ценных бумаг правовые последствия порождаются не только действиями эмитента, но и иными юридическими фактами. Такими юридическими фактами, как определяет А.Ю. Синенко, являются гражданско-правовые сделки, административные акты, организационно-распорядительные действия [10, с. 140]. Таким образом, возможно рассматривать эмиссию ценных бумаг в качестве юридического состава, состоящего из различных юридических фактов.

С учетом изложенного, по нашему мнению, эмиссию ценных бумаг возможно определить как установленный законом поэтапный процесс возникновения юридических фактов, образующих особый эмиссионный юридический состав, целью которого является появление в гражданском обороте эмиссионных ценных бумаг.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Андреев В.К. Рынок ценных бумаг. Правовое регулирование: Курс лекций. М., 1998. С. 61–62.
2. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. 1. М., 1997.
3. Габов А.В. Ценные бумаги: вопросы теории и правового регулирования рынка. М., 2011.
4. Галкова Е. В. Эмиссия ценных бумаг по российскому гражданскому праву и праву зарубежных стран // Автореферат канд. дисс. М., 2013. С. 34.
5. Долинская В.В. Акционерное общество как корпорация // Вестник ЮУрГУ, № 8, 2005.
6. Кремлёва О.К. Понятие корпоративных ценных бумаг. // Вестник Санкт-Петербургского университета, Вып. 3, 2009.

7. Майфат А.В. Эмиссия эмиссионных ценных бумаг. некоторые вопросы теории и практики. Екатеринбург: Изд-во УрЮИ МВД РФ, 2002.
8. Редькин И. В. Меры гражданско-правовой охраны прав участников отношений в сфере рынка ценных бумаг. М., 1997.
9. Рогов А.С. Гражданско-правовое регулирование эмиссии акций: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002.
10. Синенко А. Ю. Эмиссия корпоративных ценных бумаг: правовое регулирование, теория и практика. М.: Статут. 2002
11. Телюкина М.В. Комментарий к ФЗ «Об акционерных обществах». М., 2005.
12. Шевченко Г.Н. Эмиссионные ценные бумаги: понятие, эмиссия, обращение. М., 2006.
13. Юлдашбаева Л. Р. Правовое регулирование оборота эмиссионных ценных бумаг (акций, облигаций). М., 1999.

УДК 347

Научная специальность — 12.00.03.

Елизаров Виталий Павлович

канд. полит. наук, доцент кафедры теории и истории
государства и права СПбГЭУ

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА: НА ПРИМЕРЕ ИНСТИТУТА ФИНАНСИРОВАНИЯ ВЫБОРОВ

Yelizarov Vitaly

Ph. D. in political science, Associate Professor at the Department
of Theories and History of the State and the Law
of the State University of Economics

ON THE PROBLEM OF DEFINING A LEGAL INSTITUTION: ON THE EXAMPLE OF AN ELECTORAL FINANCING INSTITUTE

Abstract. The article defines a legal institution as a relatively separate, independent and stable group of norms regulating the type of public relations.

Keywords: legal institution, the of finance election institute.

Определение правового института, как правило, включает в себя указание на совокупность норм, которые регулируют однородные общественные отношения. Также правовой институт может пониматься как совокупность типичных общественных отношений, или же определенную разновидность схожих по своим ключевым параметрам общественных отношений [1], [2, С. 27]. В рамках данной работы в ка-

честве базового будет принято определение М. К. Сулейменова, согласно которому правовой институт является «относительно обособленной, самостоятельной и устойчивой группой норм, регулирующих отдельные виды однородных общественных отношений (специальные институты) или упорядочивающих общее во всех отношениях данного рода, независимо от их видовой принадлежности (общие институты)» [3, С. 13]. Из этого определения следует, что институциональная принадлежность той или иной группы правовых норм будет определяться в соответствии с целями и методами регулирования общественных отношений определенного рода. В настоящем тексте делается попытка охарактеризовать институциональную принадлежность совокупности правовых норм, целью которых является регулирование выборов.

Двадцать первая статья Всеобщей декларации прав человека (от 10 декабря 1948 г.) декларирует ценность выборов как правового и политического института на уровне международного права: «Воля народа должна быть основой власти правительства; эта воля должна находить себе выражение в периодических нефальсифицированных выборах, которые должны проводиться при всеобщем и равном избирательном праве, путем тайного голосования или же посредством равнозначных форм, обеспечивающих свободу голосования» [4].

В действующей Конституции РФ нет раздела, посвященного детальному описанию избирательной системы. Однако российское конституционное право уделяет вопросу выборов принципиальное значение, определяя их место в системе государственной власти. [12, С. 8–9]

В настоящее время в российском конституционном праве ведутся дискуссии, относительно того, к какой разновидности правовых институтов следует отнести институт финансирования выборов и избирательных кампаний. Исторически это обусловлено тем, что на рубеже 1980–1990-х гг. поменялся подход как целям и методам регулирования той совокупности общественных отношений, которые определяли финансирование выборов. Связано это, прежде всего, с тем, как решался вопрос о финансировании выборов в советский период. До начала 1990-х гг. цели и методы регулирования института финансирования выборов определялись тем фактом, что советское конституционное право закрепляли государственное финансирование как единственный принцип финансирования избирательного

процесса. Соответственно, институт финансирования выборов находился в сфере публичного права [12, С. 8–9] [6].

С начала 1990-х гг. развитие российского законодательства, задающее правила и процедуры финансирования выборов проходило в два этапа. Исходным пунктом является принятие Конституции РФ, а затем Указа Президента РФ от 1 октября 1993 г. № 1557 «Об утверждении уточненной редакции Положения о выборах депутатов Государственной Думы в 1993 году и внесении изменений и дополнений в Положение о федеральных органах власти на переходный период». Следующий этап начинается с принятия в 2002 рамочного Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав граждан» [8] и продолжает по настоящее время.

Определяя, что стало главной тенденцией изменений, затронувших ту часть российского законодательства, которая регулирует финансирование организации и проведения выборов и референдумов, можно определенно сказать, что главную роль здесь играет потеря государственной монополии. Но данное утверждение нуждается в уточнении: до сих пор именно государство берет на себя возмещение расходов по организации выборов. Но при этом, участники электоральной политики получили то, что в советский период времени было невозможным — доступ к негосударственным финансовым ресурсам, которые они могут направить на организацию своих избирательных кампаний. Действующее законодательство предоставляет участникам выборов достаточно широкий спектр возможностей в привлечении таких средств. Это имеет свои негативные эффекты, которые, как правило, связывают с «теневым финансированием», но в целом это, безусловно, расширяет границы электоральной политики [7].

В связи с этим по-новому встает вопрос о целях и методах регулирования финансирования выборов и избирательных кампаний. Цели регулирования по сравнению с советским периодом не изменились: защита государственного интереса. Иначе говоря, как и в советский период, публичный характер целей регулирования финансирования выборов.

Прежде чем перейти к оценке методов регулирования определимся с исходным понятием «финансирования выборов». П. 19 ст. 2 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002 № 67-ФЗ, определяет избирательную кампанию, как дея-

тельность по подготовке и проведению выборов, осуществляемую в период со дня официального опубликования (публикации) решения уполномоченного на то должностного лица, государственного органа, органа местного самоуправления о назначении выборов до дня представления избирательной комиссией, организующей выборы, отчета о расходовании средств соответствующего бюджета, выделенных на подготовку и проведение выборов.

В корпус нормативных актов, регулирующих финансирование выборов, входят федеральные законы «О выборах Президента РФ», «О выборах депутатов Государственной Думы РФ», «Об общих принципах организации местного самоуправления», и т. д. Кроме того, отдельные элементы избирательного процесса регулируются указами Президента РФ. Прибавим сюда законы субъектов РФ и нормативно-правовые акты муниципальных образований. Удивительным при таком многообразии нормативной базы является отсутствие единого закона, определяющего рамку регулирования финансирования электоральной политики. На практике часть нормативных актов и инструкций противоречат друг другу [9]. Специалисты насчитывают порядка 400 законов, которые в период 2007–2016-х гг. регулировали проведение выборов [10, С. 87]. Это дает основание для утверждения о чрезмерной детализации и зарегулированности данной правовой сферы. О запросе на кодификацию избирательного законодательства специалисты говорят с середины 2000-х годов [11].

Вернемся теперь к специфике института финансирования выборов в контексте современного российского законодательства и правоприменительной практики. Как уже было отмечено, одной из сторон правоотношений здесь является государство. Это означает, что, как и в советский период основным методом регулирования в рамках рассматриваемого нами института оказывается императивный метод регулирования. Большая часть норм, задающая рамку финансирования выборов, имеет обязывающий характер.

Часто можно встретить утверждение о том, что правовая модель финансирования выборов носит смешанный характер. Основанием для этого является то, что правовые нормы, определяющие рамку финансирования выборов, принадлежат к разным правовым отраслям: конституционному, гражданскому, финансовому, и административному праву. Как уже было отмечено, с одной стороны, финансирование выборов является вотчиной государства. Сюда относится как

прямое финансирование системы организации выборов, так и косвенное финансирование участников избирательного процесса (например, предоставление бесплатного эфирного времени). С другой стороны, закон «Об основных гарантиях избирательных прав» обеспечивает кандидату и политической партии право использовать для организации и проведения своих избирательных кампаний собственные средства, а также право использовать средства (в виде пожертвований) физических лиц и юридических лиц.

В конечном итоге, именно использование методов правового регулирования позволяет ответить на вопрос, к какой сфере права относится институт финансирования выборов. Возможность для участников избирательного процесса использовать для целей организации своих кампании частные средств, никак не отменяет того обстоятельства, что цели и методы регулирования института выборов носят публичный характер. В рамках действующего российского законодательства описывать финансирование выборов и избирательных кампаний в терминах имущественных и гражданско-правовых отношений можно лишь в той мере, в какой мы не теряем из виду целей и методов регулирования, а они, безусловно, имеют публичный характер [12, С. 8–9].

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М., 2004.
2. Бобылев А.И. Современное толкование системы права и системы законодательства // Государство и право. 1998. № 2. С. 22–27.
3. Сулейменов М.К. Предпринимательский договор как комплексный институт гражданского права // Журнал российского права. 2008. № 1. С. 10–20.
4. Всеобщая декларация прав человека: Принята и провозглашена Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 года. — СПб: Регион-Про, 2004 г.
5. «Конституция Российской Федерации»/ «Собрание законодательства РФ», 04.08.2014, № 31, ст. 4398.
6. Конституция Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный) / Руководитель авторского коллектива Дмитриев Ю. А. / Научный ред. Скуратов Ю. И.. 2-е изд., — М.: Статут, 2013.
7. Елизаров В.П. К вопросу об определении размера избирательного фонда и «теневом» финансировании избирательных кампаний // Право и политика. — 2019. — № 11. — С. 22–23.
8. Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002 № 67-ФЗ (последняя редакция). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/ (Дата доступа: 27.09.2019).

9. Девицкий Э. И. О проблемных вопросах финансирования избирательных кампаний кандидатов, избирательных объединений //Избирательное право. — 2014. — № 2. С. 32–33.

10. Какителашвили М. М. Конституционно-правовые проблемы финансирования политических партий и избирательных кампаний в Российской Федерации. М.: Галлея Принт, 2017.

11. Любарев А. Е. О концепции избирательного кодекса Российской Федерации // Государство и право. — 2010. — № 7. — С. 46–54.

12. Рябинин А. В. Конституционно-правовые проблемы финансирования выборов в Российской Федерации. Диплом.: МГУ,

УДК 347

Научная специальность — 12.00.03.

Игнатьева Светлана Викторовна

докт. юрид. наук, профессор кафедры гражданского права
и гражданского процесса СПб университета МВД России

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

Ignatyeva Svetlana

Doctor of Juridical Sciences, Professor at the Department of
Civil law and Civil process of the St. Petersburg University of
the Ministry of Internal Affairs of Russia

CONCEPTUAL ASPECTS OF STATE-LEGAL REGULATION OF BUSINESS ACTIVITY IN RUSSIA

Abstract. The article analyzes the conceptual aspects of state and legal regulation of business activity in Russia.

Keywords: state and legal, regulation business activity.

Процесс реформирования российской экономики, становление предпринимательского хозяйства, основанного на экономической самостоятельности, ответственности и конкуренции производителей, требует переосмысления места и роли государства и права в экономике, форм и методов государственного воздействия с учетом соблюдения оптимального баланса механизмов рыночной саморегуляции и государственного регулирования рынка. Объективная необходимость государственного вмешательства в экономические процессы, обусловленная

несовпадением, а нередко и противоположностью интересов предпринимателей, производителей, потребителей, предпринимателей и общества в целом сегодня мало у кого вызывает сомнения. Такая противоречивость интересов обусловлена самим характером товарного (рыночного) хозяйства. Задача государства — смягчить эти противоречия, обеспечить эффективное функционирование бизнеса при условии социальной защищенности человека — в этом одно из важнейших направлений его деятельности как средства сохранения стабильности в обществе.

Однако диапазон взглядов на роль государства и степень его воздействия на рыночные отношения очень широк. За идеей государственного регулирования экономических и социальных процессов, очень общей и ценностной по своему характеру, стоит огромное множество концепций и теорий различных по своей идеологической окраске и философско-мировоззренческой направленности, отвечающих курсу разнообразных политических движений и партий. Эти теории консервативные и либеральные, демократические и авторитарные, естественно-правовые и юридико-догматические.

В различных типах рыночной экономики роль государства различна. В одних моделях регулирующая роль государства менее значима (Англия, США), в других — значительно более весома (ФРГ, Япония, Франция), в третьих — государство занимает в экономике умеренные позиции (Италия, Испания). Однако какова бы ни была роль и степень участия государства в рыночной экономике, ясно одно, что государственность нельзя оторвать от хозяйственной жизни. И если уж встает вопрос, то не о государственности как таковой, а лишь о ее мере. Перспективы развития предпринимательских отношений в России во многом будут зависеть от правильного выбора общей концепции взаимодействия государства, права и экономики. Между тем, разработка такой концепции, определение основных целей и ориентиров рыночных преобразований как никогда актуальная задача.

В условиях жесткой борьбы за существование, конкуренции резко возрастает социальная поляризация общества, социальное неравенство различных групп населения. Вследствие этого возникают вопросы: берет ли на себя государство функцию регулирования распределительных отношений; правомерно ли перераспределение доходов между различными социальными слоями общества через государственный бюджет, налогообложение и кредитование; устарели ли идеи ра-

венства и справедливости в новых условиях; можно ли создать общество социальной справедливости в условиях рынка?

Нам представляется, что ни авторитарное общество, ни социальное правовое государство в современных условиях не могут игнорировать принципы справедливости и общечеловеческой морали. Те же модели рыночного хозяйства, которые основаны на жестких стандартах, связанных с борьбой за существование, конкуренцией, минимизацией роли государства в социальной защите индивида не применимы в России.

Решающими аргументами для реальной политики должны стать в первую очередь достигнутые результаты в социально-экономической сфере. Именно они должны стать самым объективным критерием правильности сделанного выбора или, напротив, необходимости смены курса. Наше общество уже исчерпало возможности определять ориентиры развития методом проб и ошибок, экспериментируя на практике. Слишком велика цена. Поэтому актуальной становится проблема моделирования социальной ситуации и разработка на этой основе научно обоснованных прогнозов развития рыночных преобразований в России.

Любое общество может успешно развиваться, если опирается на четко обозначенные реальные цели, на научно обоснованные прогнозы своего жизнеустройства. В современных условиях нет ясности в позиции государства по отношению к свободе хозяйствующих субъектов. Между тем, этот вопрос находится в эпицентре политической, экономической, правовой и философской мысли уже несколько столетий, с момента зарождения буржуазных отношений.

Однако механический перенос западных экономических и правовых моделей пока не дает положительных результатов в силу разных обстоятельств. Порой в качестве главного из них называют то, что российский человек в силу своей природы, психологии или, как сейчас говорят, менталитета не подготовлен к восприятию свободы, открытому обществу. В этой связи, создавая концепцию государственно-правового регулирования предпринимательской деятельности в нашей стране, необходимо, с одной стороны, опираться на опыт мировой цивилизации взаимодействия государства и рыночной экономики, учитывая нормы международного права, достижения философской, правовой, экономической мысли в решении этой проблемы. С другой, необходимо учитывать традиции и особенности культурно-исторического развития России. Такой междисциплинарный, комплексный

подход к исследованию проблемы позволяет сформулировать концепцию, соединяющую воедино интересы развития государства с интересами конкретного товаропроизводителя как в сравнении с прежним опытом, традициями своей страны, так и с учетом общемирового цивилизационного процесса. Разработка такой концепции, объясняющей закономерности и особенности взаимодействия государства и новых субъектов экономических отношений в условиях нового геополитического статуса Российской Федерации, имеет не только большое теоретическое значение с позиций проблематики теории государства и права, концепции прав и свобод личности в демократическом обществе. Разработка такой концепции становится также актуальной практической задачей, поскольку не имея таких основных принципов и ориентиров регулирования экономических отношений, не могут быть определены направления развития экономического законодательства по конкретным сферам его действия. В развитие таких общих принципов и положений сформулированной концепции должны разрабатываться и приниматься отдельные законы: о собственности, об акционерных обществах, о банках, инвестиционной деятельности, налогообложении и т. п. Такая схема вполне логична и жизнеспособна, так как, с одной стороны, дает законодателю возможность программировать свою деятельность и, главное, принимать скоординированные между собой законы. С другой стороны, такой подход позволяет разрабатывать законопроекты с учетом тех закономерностей и способов самоорганизации системы, которые в наибольшей мере соответствуют новым общественным отношениям и будут способствовать их переходу на устойчивые формы своего развития в будущем.

Следует отметить однако, что круг задач, стоящих на повестке дня в области практической реализации новой концепции государственно-правового регулирования предпринимательской деятельности гораздо более широк: нам предстоит не только сформулировать те основные идеи и принципы, которые лягут в основу новой философии предпринимательского права, но и дождаться формирования своего рода новой психологии в условиях рынка, поскольку при отсутствии последней, как указывал И.Ф. Покровский, трудно рассчитывать на эффективность сколь угодно концептуально проработанного правового механизма. [5] Очевидно и то, что формирование такой психологии достаточно непростой и довольно растянутый во времени процесс. Однако сам этот процесс может развиваться, лишь

имея в своей основе ту новую философию права, которую предстоит сформулировать нашей науке.

Важным вопросом в деле практической реализации философии предпринимательского права является правовая культура, ее роль в утверждении верховенства закона, правопорядка, гарантий прав личности. Внимание к вопросам правовой культуры еще больше повышается в связи с развитием договорных отношений, реализация которых в значительной мере зависит от уровня правосознания и правовой культуры граждан и должностных лиц.

Сегодня мы уже столкнулись со многими противоречиями, имеющими непосредственное отношение к правовой культуре. И не только противоречие между ростом духовных запросов граждан и реальными возможностями для их удовлетворения. Сегодня противоречия объясняются более глубинными причинами: как только общество отказалось от авторитарных методов неправового государства, как только появилась более или менее реальная возможность пользоваться правами и свободами, так тотчас же дал о себе знать низкий уровень правовой культуры общества, десятилетиями царившие в нем пренебрежение к праву, его недооценка. И здесь мы, как и во многих других отношениях, расплачиваемся за прошлое. Однако дефицит права и правосознания в стране имеет и более отдаленные корни, которые уходят в историю российского государства.

Поэтому сейчас просто необходимо, наряду с использованием ценного мирового опыта, обратиться к живой отечественной мысли и истории. Ибо попытки во что бы то ни стало реализовать в социальной практике идеи, законы, для воплощения которых в данном обществе нет ни материальных, ни духовных предпосылок, обречена на неудачу. Неэффективные законы — это те, которые не сумели в максимальной степени отразить интересы людей, общества, государства. Они нереальны, нежизненны, а потому и не работают, не достигают поставленных целей. И сегодня актуально звучат слова русского социолога-правоведа Б.А. Кистяковского о том, что “никогда государство не могло продолжительно существовать только насилием и угнетением”... Истинные задачи государства “заключаются в осуществлении солидарных интересов людей. При помощи государства осуществляется то, что нужно, дорого и ценно всем людям”». [2, С. 251]

В связи с этим весьма важно обратиться к исследованию культурных традиций либеральной русской философско-правовой мысли

с позиций историзма, к трудам С.Н. Булгакова, Новгородцева П.И., Кистяковского Б.А., Ильина И.А. в познании таких проблем, как право и нравственность, право и демократия, право и государство. Сейчас, когда само время поставило вопрос национальной идентификации России в новых экономических условиях, необходимость подобного анализа очевидна.

Для правовой культуры России и Запада характерно разное соотношение естественного и писанного права. В России большая роль принадлежит естественному праву. Русский человек менее “законник”, для него содержание важнее формы. “Суди по совести, а не по закону” — эта теза органически воспринимается русской национальной психологией. В русской философии права “идею естественного права заменяли идеалы добродетели, справедливости и правды — нравственное, но не правовое отношение к закону и праву”. Нравственным, христианским было и отношение русского человека к собственности. На нравственное, социальное понимание частной собственности указывал русский правовед И.Л. Ильин. “Собственник, лишенный чувства ответственности и чувства сверх классовой солидарности, распоряжающийся своим имуществом ко вреду других и поступающий антисоциально, должен убедиться в том, ... что собственность его пользуется меньшей защитой, что такое ведение хозяйства оказывается экономически, юридически и нравственно невыгодным для него самого”. [1, С. 131, 132] Стремление к нравственному измерению ситуаций, складывающихся в результате действия законов рынка, было характерно и для П.И. Новгородцева, который отмечал, «что задача правового государства заключается в том, чтобы создать солидарность власти с народом». [4] Это была попытка вырвать идею правового государства из либерально-индивидуальных представлений и дополнить ее принципом солидарности, стремлением ко всеобщему согласию и примирению социально различных слоев общества на базе права.

Отмеченные отличительные черты русского самосознания, сформированные всем ходом и характером национальной истории, свидетельствуют о необходимости искать свои пути либерализации на основе изучения национальных, духовных истоков развития России. На протяжении всей истории существования нашего общества государство играло заметную роль в его функционировании. Отношение между обществом и государством строилось на основе полного или частичного подчинения первого второму. Государство было укоренено

в обществе и выступало в качестве гаранта порядка и справедливости. На этой основе формировалось и общественное сознание. Патерналистская политика государства по отношению к гражданам была по сути нормой политической жизни России. В этих условиях быстрая деэтизация общества способна лишь дезинтегрировать его, укрепить в нем те социальные силы (например, мафиозные структуры), которые будут оказывать негативное воздействие на процесс демократизации общества.

Отмеченные отличительные традиции культурно-исторического, национального, духовного развития российского государства необходимо учитывать при разработке механизма социальной адаптации общества к современным условиям реформирования экономики.

Концепция социального правового государства в посттоталитарном обществе, обеспечивающего постепенный переход к равенству, справедливости и нравственности, — важный аспект модели нового общества, которое должно быть сформировано в России.

Сила современного гуманистического общества базируется на том, что в нем создается система баланса интересов, которая не позволяет выходить за пределы здравого смысла ни в деле утверждения личной свободы, ни в осуществлении равенства и справедливости. [3, С. 22–27]

Если с этих позиций посмотреть на такие, например, категории как, свобода предпринимательской деятельности и государственное регулирование, индивидуализм и коллективизм, экономическая свобода и социально-политическое равенство, то можно заметить, что все они, хотя и трудно, с немалыми издержками, противоречиво, но все же эволюционируют в определенном направлении: от устойчивой взаимной антагонистичности (старый порядок) к взаимной ответственности и доверию, ориентируясь на согласие и гуманистические идеалы мировой цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Ильин И.А. О частной собственности // Русская философия собственности (XVIII—XX вв.). СПб. СП «Ганза». 1993.
2. Кистяковский Б.А. Государство и личность // Русская философия собственности (XVIII—XX вв.). СПб. СП «Ганза». 1993.
3. Лескова Ю.Г. Частноправовые средства как инструменты публично-предпринимательских отношений // Современная наука. 2011. № 3
4. Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. М. 1909.
5. Покровский И.Ф. Формирование правосознания личности. Л.: ЛГУ, 1972.

Калашикова Юлия Алексеевна

Соискатель, кафедры теории и истории государства и права СПбГЭУ

ПРОБЛЕМЫ ОДНОСТОРОННЕГО ОТКАЗА ОТ ИСПОЛНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО (МУНИЦИПАЛЬНОГО) КОНТРАКТА

Kalashnikova Uliya

Postgraduate, Department of Theory and History of State and Law,
St. Petersburg State University of Economics

UNILATERAL REPUDIATION ASPECTS FROM THE PUBLIC CONTRACTS' OBLIGATIONS

Abstract. The article is dedicated to the special aspects of unilateral repudiation of obligations under the public contract, its legal issues and solution approach.

Key words: public contract, cancellation of the public contract, unilateral repudiation of the public contract.

Государственный (муниципальный) контракт (далее — контракт) может быть расторгнут по соглашению сторон, по решению суда, в случае одностороннего отказа стороны контракта от исполнения контракта в соответствии с гражданским законодательством. Отказ от договора (исполнения договора) предусмотрен ст. 450.1 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [1]. Однако в отношении одностороннего отказа от исполнения государственного (муниципального) контракта имеется ряд особенностей.

В данной статье рассмотрим право заказчика и поставщика (подрядчика, исполнителя) на односторонний отказ от исполнения контракта, основания такого отказа, а также постараемся выявить возможные проблемы отказа от исполнения контракта в одностороннем порядке.

Частью 9 ст. 95 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Федеральный закон № 44-ФЗ, Закон о контрактной системе, Закон) установлено право заказчика на принятие решения об одностороннем отказе от исполнения контракта. Так, заказчик вправе принять решение об одностороннем отказе от исполнения контракта по основаниям, предусмотренным ГК [2] для одностороннего отказа от исполнения

отдельных видов обязательств, при условии, если это было предусмотрено контрактом.

Согласно ч. 19 ст. 95 Федерального закона № 44-ФЗ поставщик (подрядчик, исполнитель) вправе принять решение об одностороннем отказе от исполнения контракта по основаниям, предусмотренным ГК для одностороннего отказа от исполнения отдельных видов обязательств, если в контракте было предусмотрено право заказчика принять решение об одностороннем отказе от исполнения контракта. Из указанной нормы Федерального закона № 44-ФЗ следует, что поставщик (подрядчик, исполнитель) вправе отказаться от исполнения контракта только в том случае, если в самом контракте установлено право заказчика на односторонний отказ от исполнения контракта. Как видно, право поставщика (подрядчика, исполнителя) на односторонний отказ от исполнения контракта поставлено в зависимость от наличия либо отсутствия подобного права со стороны заказчика. Представляется, что положения ч. 19 ст. 95 Закона уравнивают баланс интересов сторон, делают невозможным установление невыгодных для стороны поставщика (подрядчика, исполнителя) условий контракта в части одностороннего отказа от его исполнения, что ставит стороны в равное положение.

Таким образом, поставщик (подрядчик, исполнитель) вне зависимости от наличия либо отсутствия в контракте условия о его праве на односторонний отказ от исполнения контракта вправе принять такое решение, в случае если в контракте установлено право заказчика на односторонний отказ от исполнения контракта. Заказчик вправе принять решение об одностороннем отказе от исполнения контракта только в случае если такое право предусмотрено контрактом.

При этом, как следует из положений ч. 9, ч. 19 ст. 95 Закона о контрактной системе и заказчик, и поставщик (подрядчик, исполнитель) вправе принять решение об одностороннем отказе от исполнения контракта по основаниям, предусмотренным ГК для одностороннего отказа от исполнения отдельных видов обязательств.

Согласно ч. 14 ст. 95 Закона о контрактной системе заказчик обязан отменить не вступившее в силу решение об одностороннем отказе от исполнения контракта, если в течение десятидневного срока с даты надлежащего уведомления поставщика (подрядчика, исполнителя) о принятом решении об одностороннем отказе от исполнения контракта устранено нарушение условий контракта, послужившее

основанием для принятия указанного решения, а также заказчику компенсированы затраты на проведение экспертизы в соответствии с ч. 10 настоящей статьи. Данное правило не применяется в случае повторного нарушения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) условий контракта, которые в соответствии с гражданским законодательством являются основанием для одностороннего отказа заказчика от исполнения.

Подобная обязанность установлена и для поставщика (подрядчика, исполнителя). Так, в соответствии с ч. 22 ст. 95 Закона поставщик (подрядчик, исполнитель) обязан отменить не вступившее в силу решение об одностороннем отказе от исполнения контракта, если в течение десятидневного срока с даты надлежащего уведомления заказчика о принятом решении об одностороннем отказе от исполнения контракта устранены нарушения условий контракта, послужившие основанием для принятия указанного решения.

Таким образом, по смыслу частей 14, 22 ст. 95 Федерального закона № 44-ФЗ односторонний отказ возможен лишь в случае неисполнения либо ненадлежащего исполнения заказчиком или поставщиком условий контракта.

Указанные выше нормы права (ч. 9, 19 и ч. 14, 22 ст. 95 Закона) вступают в противоречие, поскольку Гражданским кодексом в зависимости от вида договора предусмотрено право стороны на безусловный односторонний отказ, вне зависимости от наличия либо отсутствия нарушений условий контракта со стороны заказчика. Так, по договору подряда ст. 717 ГК предусмотрено право заказчика в любое время до сдачи ему результата работы отказаться от исполнения договора. По договору возмездного оказания услуг ч. 1 ст. 782 ГК установлено право заказчика отказаться от исполнения договора возмездного оказания услуг при условии оплаты исполнителю фактически понесенных им расходов, частью 2 той же статьи ГК установлено право исполнителя отказаться от исполнения обязательств по договору возмездного оказания услуг лишь при условии полного возмещения заказчику убытков.

Судебная практика по данному вопросу неоднозначна. В одних случаях суды признают право стороны на немотивированный отказ от исполнения контракта, в других случаях суды считают такой отказ не соответствующим целям законодательства о контрактной системе, а также высказывают позицию, что такой отказ делает невозможным

реализацию права подрядчика в установленный срок устранить допущенные нарушения контракта с целью отмены не вступившего в силу решения об одностороннем отказе от исполнения контракта самим заказчиком. Автор соглашается с выводами судов, согласно которым немотивированный, то есть не имеющий в качестве оснований неисполнение или ненадлежащее исполнение условий контракта, односторонний отказ от исполнения не соответствует целям законодательства о контрактной системе, а также может привести к злоупотреблениям со стороны недобросовестных заказчиков или поставщиков (подрядчиков, исполнителей).

В связи с изложенным автор полагает, что необходимо скорректировать положения Федерального закона № 44-ФЗ в части оснований для принятия решений на односторонний отказ от исполнения контракта, установив, что односторонний отказ от исполнения контракта возможен только по тем основаниям ГК РФ для одностороннего отказа от исполнения отдельных видов обязательств, которые связаны с неисполнением или ненадлежащим исполнением стороны своих обязательств.

Статьей 95 Закона № 44-ФЗ установлен порядок расторжения контракта, при несоблюдении которого решение об одностороннем отказе от исполнения контракта может быть признано недействительным по иску заинтересованной стороны. Кроме того, Кодексом Российской Федерации предусмотрена административная ответственность за нарушение порядка расторжения контракта в случае одностороннего отказа от исполнения контракта.

Частью 12 ст. 95 Закона о контрактной системе установлена обязанность заказчика в течение трех рабочих дней с даты принятия решения об одностороннем отказе от исполнения контракта разместить указанное решение в единой информационной системе в сфере закупок, а также направить его поставщику (подрядчику, исполнителю) по почте заказным письмом с уведомлением о вручении, а также телеграммой, либо посредством факсимильной связи, либо по адресу электронной почты, либо с использованием иных средств связи и доставки, обеспечивающих фиксирование такого уведомления и получение заказчиком подтверждения о его вручении поставщику (подрядчику, исполнителю). В свою очередь, поставщик (подрядчик, исполнитель) в силу ч. 20 ст. 95 Закона также в течение трех рабочих дней с даты принятия решения об одностороннем отказе от исполнения контракта обязан

направить заказчику такое решение с использованием таких же способов и средств связи, обеспечивающих фиксирование такого уведомления и получение поставщиком (подрядчиком, исполнителем) подтверждения о его вручении заказчику.

Выполнение указанных выше требований считается надлежащим уведомлением контрагента об одностороннем отказе от исполнения контракта. Решение об одностороннем отказе от исполнения контракта вступает в силу и контракт считается расторгнутым через 10 дней с даты надлежащего уведомления заказчиком поставщика (поставщиком заказчика) об одностороннем отказе от исполнения контракта (ч. 13, ч. 20 ст. 95 Закона № 44-ФЗ). Датой надлежащего уведомления считается дата получения контрагентом уведомления об одностороннем отказе от исполнения контракта.

Целью размещения в единой информационной системе решения заказчика об одностороннем отказе от исполнения контракта является уведомление поставщика (подрядчика, исполнителя), а также контролирующих органов о расторжении контракта. При этом, обязанность заказчика размещать в ЕИС информацию об одностороннем отказе поставщика (подрядчика, исполнителя) от исполнения контракта Законом о контрактной системе не установлена. Ранее частью 26 ст. 95 Закона была установлена обязанность заказчика размещать в единой информационной системе информацию об изменении контракта или о расторжении контракта, за исключением сведений, составляющих государственную тайну, в течение одного рабочего дня, следующего за датой изменения контракта или расторжения контракта. Однако Федеральным законом от 31.12.2017 года № 504-ФЗ данная норма признана утратившей силу с 1 июля 2018 года.

Отсутствие обязанности заказчика по размещению в ЕИС сведений об отказе поставщика (подрядчика, исполнителя) от исполнения контракта приводит к невозможности поставить в известность контролирующие органы и иных лиц о расторжении контракта и об основаниях его расторжения, а также к недобросовестному поведению заказчика, который после получения от поставщика уведомления об одностороннем расторжении контракта, принимает со своей стороны решение об одностороннем отказе от исполнения контракта и размещает его в ЕИС. Последствиями такого недобросовестного поведения может быть включение информации о поставщике (подрядчике, исполнителе) в реестр недобросовестных поставщиков,

в силу чего добросовестные поставщики вынуждены обжаловать действия заказчика и доказывать, что решение заказчика об одностороннем расторжении не привело к юридическим последствиям, поскольку контракт уже был расторгнут поставщиком (подрядчиком, исполнителем).

При этом, согласно ч. 3 ст. 103 ФЗ № 44 установлена обязанность заказчика направлять информацию о расторжении контракта и основаниях его расторжения в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий правоприменительные функции по кассовому обслуживанию исполнения бюджетов бюджетной системы РФ, который в силу ч. 4 ст. 103 Закона проверяет наличие предусмотренных ч. 2 настоящей статьи информации и документов и их соответствие требованиям, установленным порядком ведения реестра контрактов, и размещает в единой информационной системе информацию и документы в течение трех рабочих дней с даты их получения. В случае несоответствия информации и документов указанным требованиям такие информация и документы не подлежат размещению в реестре контрактов.

Не направление в орган, уполномоченный на ведение реестра контрактов, заключенных заказчиками, информации (сведений) и (или) документов, подлежащих включению в такие реестры контрактов, если направление, представление указанных информации (сведений) и (или) документов являются обязательными в соответствии с законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок, является административным правонарушением, предусмотренным ч. 2 ст. 7.31 КоАП РФ.

Между тем, несмотря на установленную обязанность заказчика направлять информацию о расторжении контракта в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий правоприменительные функции по кассовому обслуживанию исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, недобросовестные заказчики зачастую в случае расторжения контракта в связи с односторонним отказом поставщика (подрядчика, исполнителя) от его исполнения не направляют указанную информацию в уполномоченный орган, в связи с чем для третьих лиц и контролирующих органов данная информация не доступна, что является нарушением принципа открытости и прозрачности, установленного Законом.

Автор полагает, что в целях исключения злоупотреблений со стороны заказчика необходимо возложить обязанность по направлению

уведомления о принятом поставщиком (подрядчиком, исполнителем) решении об одностороннем отказе от исполнения контракта на поставщика (подрядчика, исполнителя). Целесообразно направлять указанную информацию в федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный на осуществление контроля в сфере закупок, который контролирует исполнение требований законодательства о контрактной системе в сфере закупок, в том числе исполнение требования о направлении заказчиками информации о расторжении контракта в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий правоприменительные функции по кассовому обслуживанию исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, который размещает данную информацию в системе ЕИС. При отсутствии в системе ЕИС информации о расторжении контракта в связи с односторонним отказом поставщика (подрядчика, исполнителя) от исполнения контракта по причине не направления заказчиком информации о расторжении контракта в федеральное казначейство, федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный на осуществление контроля в сфере закупок, вправе привлечь заказчика к административной ответственности, а также выдать обязательное для исполнения заказчиком предписание об устранении нарушений требований законодательства о контрактной системе.

Подводя итоги, можно сказать, что несмотря на значительные изменения, которые претерпевает Федеральный закон о контрактной системе, он по-прежнему имеет несовершенства и противоречия, в том числе и в части одностороннего отказа от исполнения контракта. Данные несовершенства и противоречия не позволяют достичь целей законодательства о контрактной системе, а также приводят к негативным последствиям для участников контрактной системы. Предложенные автором изменения в Федеральный закон № 44-ФЗ позволят исключить имеющиеся противоречия, а также исключить злоупотребления сторон при одностороннем отказе от исполнения контракта.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги (переиздание). — М., 2018. 528 с.
2. Кремлёва О.К. Новеллы Гражданского Кодекса Российской Федерации о корпорациях. Юридическая наука: история и современность. 2017. № 3. С. 78–81.

Кремлёва Ольга Клавдиевна

канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права СПбГЭУ

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МАНИПУЛИРОВАНИЕ
НА РЫНКЕ ЦЕННЫХ БУМАГ КАК КАТАЛИЗАТОР
ПОСТКОВИДНОЙ ЭКОНОМИКИ**

Kremleva Olga

Ph. D. in judicial science, Associate Professor at the Department of Theories and History of the State and the Law of the State University of Economics

**IMPROVING THE LEGISLATION ON RESPONSIBILITY
FOR MANIPULATING OF THE SECURITIES MARKET
AS A CATALYST FOR A POSTCOVID ECONOMY**

Abstract. The global decline in economic activity due to the pandemic requires an immediate search for ways out of the crisis. It is important to ensure confidence in investment institutions, the fair management of financial assets to protect the rights and legally protected interests of all bona fide economic participants. Strengthening the opposition to manipulation provides transparency and promotes the investment attractiveness of the securities market, which can be a catalyst for a post-covid economy.

Keywords: trust in investment institutions, manipulation of the securities market, responsibility, ensuring transparency, investment attractiveness.

Глобальное снижение экономической активности вследствие пандемии требует незамедлительного поиска путей выхода из кризисной ситуации, равной которой не складывалось с окончания второй мировой войны. Аккумулятором монетарных активов непрерывно глобализовавшейся с тех пор мировой экономики выступал фондовый рынок, падение которого выглядит особенно демонстративно. Корректировки индексов показывают и степень провала экономических показателей, и индексы надежды — агрессивный рост отраслей, претендующих занять образовавшиеся лакуны и сформировать экономику нового «постковидного» мира. В данной ситуации чрезвычайно важно обеспечить доверие к инвестиционным институтам, справедливое управление финансовыми активами для защиты прав

и охраняемых законом интересов всех добросовестных участников экономической деятельности.

Для достижения указанной цели одной из приоритетных задач является предотвращение манипулирования ценами на финансовых рынках, как в фондовых, так и в товарных сегментах. Алгоритмы манипулирования и их последствия давно являются объектом пристального внимания надзорных органов, однако в нынешней ситуации с учетом роста информационных вбросов и скорости их распространения, отсутствие мер предотвращения манипулирования на финансовых рынках способно свести на нет приток средств в активы перспективных компаний. Следует прогнозировать, что в ближайшие месяцы поведение инвесторов будет весьма осторожным, что предоставляет временной резерв для совершенствования нормативного обеспечения противодействия манипулированию на рынке ценных бумаг.

Доказательством перспективности совершенствования законодательства в направлении противодействия манипулированию является изменение достаточно объективных биржевых индикаторов и статистических данных в период пандемии. На фоне коронавирусного падения биржевых котировок в компаниях с низкой долей рискованных активов наблюдается приток инвестиций, позволивший нивелировать негативное влияние конъюнктуры.

Турбулентность поведения рынков возможно лишь временно корректировать в направлении позитивной динамики за счет привлечения покупателей резко подешевевших акций и более стабильных в цене по отношению к акциям облигаций. Драйвером истинно стабильного роста финансовых рынков может стать лишь рост реальных секторов и обеспечение их справедливой оценки секьютеризации.

Следует заметить, что и в отсутствие глобальных катастроф манипулирование рынком представляло собой большую угрозу как частным инвесторам, так и развитым экономикам. В США 75% дел, связанных с использованием инсайдерской информации, заканчиваются не судами и многомиллионными штрафами, а предписаниями.

Примеры крупномасштабных манипулираний не только сотрясли информационно-экономический мир, но и привели к переоценке приоритетов. Наиболее заметными толчками послужили процессы в отношении:

1. Мэтью Мартома, трейдера хедж-фонда SAC Capital Advisors, уличенного в участии в инсайдерской торговле и приговоренного за

содеянное к девяти годам тюремного заключения. Неосновательное обогащение за счёт манипуляций составило \$275 млн., а бонусные выплаты трейдеру персонально \$9,4 млн.

2. Раджа Раджаратнама, учредителя хедж-фонда Galleon Group, за семь лет организовавшего заключение незаконных сделок в объёме \$63,8 млрд и приговоренному к 11-летнему тюремному заключению с выплатой штрафа в размере \$10 млн.

3. В манипулировании рынком обвинен основатель и мажоритарный акционер Tesla Илон Маск за твит, сообщавший о его намерении обратного выкупа акций компании по цене выше рыночной на 23%, что обеспечило резкое повышение котировок акций Tesla. Ввиду отсутствия анонсированных действий с последующей коррекцией на уровне выше изначального, был заявлен групповой иск миноритариев, скупавших акции в расчёте на их рост их стоимости.

Запрет законодательства США на использование каких бы то ни было манипуляций подразумевает способные оказать влияние на изменение цен финансовых активов ложные или вводящие в заблуждение намеренно распространяемые заявления, как в отношении материального факта, так и информации. Аналогичные действующим в США запреты на использование манипулятивных приёмов распространены в мировой практике. Штраф в размере \$870 млн., назначенный китайской логистической компании Xiamen Weibadao Group, в шесть раз превысил выручку от манипуляций на рынке ценных бумаг.

Манипулирования финансовыми инструментами в России постоянно и эффективно выявляет Центральный Банк Российской Федерации. По инициативе мегарегулятора изменились правила контроля за инсайдом и борьбы с манипулированием рынком. В настоящее время в целях обеспечения стабильности и развития финансового рынка Российской Федерации повысились требования к информированию об инсайдерах эмитентов и управляющих компаний, кредитных организаций, которые проводят расчеты по сделкам, совершенным через организаторов торговли, профучастников рынка ценных бумаг и других лиц, которые в интересах клиентов совершают операции с финансовыми инструментами, иностранной валютой и товарами, получая от клиентов инсайд. Действует требование о разработке и выполнении правил внутреннего контроля за использованием инсайдерской информации. ЦБ РФ может осуществлять осмотр помещений, документов и предметов лиц, участвующих в инсайдерской деятельности.

35% расследований, связанных с манипулированием рынка, заканчиваются установлением факта неправомерного использования инсайда. Так, Банк России передал в Генеральную прокуратуру и МВД информацию о группе российских и иностранных компаний, действующих под брендом «Кэшбери», холдинге, гарантировавшем доходность инвестиций в криптовалюту до 550 процентов.

Усиление противодействия манипулированию обеспечивает транспарентность и способствует инвестиционной привлекательности рынка ценных бумаг, что, несомненно, способно выступить катализатором постковидной экономики.

УДК 4414

Научная специальность — 12.00.03

Куницкая Елизавета Владимировна

Аспирант кафедры теории и истории государства и права СПбГЭУ

ВЕНЧУРНЫЕ ФОНДЫ КАК ОСОБЫЙ СУБЪЕКТ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Kunitskaya Elizaveta

Postgraduate, Department of Theory and History of State and Law,
St. Petersburg State University of Economics

VENTURE FUNDS AS A SPECIAL SUBJECT OF INVESTMENT ACTIVITY

Abstract. Venture funds are investors, professional participants in investment activities, investing in innovative business. And although there is still no legal definition in Russian legislation, the venture capital fund is assigned a leading role in the formation of leading sectors of the economy. The author of this article has proved that venture capital funds are investors with characteristic features that make it possible to separate venture capital funds from other participants in investment activity.

Key words: venture capital fund, investor, investment activity.

В силу ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» (далее — закон № 39-ФЗ) инвестором признается субъект, осуществляющий инвестиционную деятельность посредством внесения капитальных вложений.

Указанным законом предусмотрено, что инвесторами могут выступать как физические, так и юридические лица, создаваемые на основе договора о совместной деятельности и не имеющие статуса юридического лица объединения юридических лиц [Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений»].

В доктрине под инвестором понимают субъект, осуществляющий инвестиционную деятельность. Данную точку зрения поддерживает большинство ученых, к числу которых относится И.Ю. Ткаченко, В.В. Бочаров П.А. Виленский, Т.А. Серебряков и С.А. Смоляк, В тоже время есть и особые точки зрения. К примеру, А.В. Майфат определяет инвестора как «субъекта, передающего имущество (инвестиции) в собственность другого лица с целью получения в будущем материальной выгоды (дохода), которая может быть создана в результате предпринимательской или иной деятельности, получившего имущество субъекта (или связанных с ним третьих лиц), и не имеющего правовой возможности участвовать в процессе использования инвестиций и получения дохода» [4].

Вместе с тем представляется, что вторая точка зрения раскрывает основные черты, присущие инвестору. Вместе с тем из анализа таких понятий как инвестиция и инвестиционная деятельность, представленных в законе № 39-ФЗ, а также в Закон РСФСР от 26.06.1991 № 1488–1 (ред. от 26.07.2017) «Об инвестиционной деятельности в РСФСР». Автор настоящей статьи под инвестором будет понимать субъекта инвестиционной деятельности, который при отчуждении инвестиции следует на свой страх и риск с целью получения прибыли взамен предоставленной инвестиции.

Полагаем, что в настоящий момент одним из инвесторов можно признать венчурный фонд. Категории венчурного фонда в настоящий момент действующим законодательством не предусмотрено, вместе с тем, отражение данного понятия получило в послании президента правительству. Согласно национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации» венчурным фондам отведено главенствующие место при организации и развитии образовательных технологий цифровой экономики.

Впервые на законодательном уровне в США понятие венчурный фонд было закреплено в 1958 с принятием закона «Об инвестициях

в малый бизнес». Принимая данный закон, американский законодатель впервые устанавливал ряд требований, при наличии которых частные компании могли привлекать инвестиции для последующего вложения в инновационный бизнес.

Так венчурный фонд представляет собой (организацию), распоряжающуюся капиталом, состоящим из привлеченных денежных средств третьих лиц с целью инвестирования в высокорискованные высокотехнологические инновационные проекты. Рассматривая венчурный фонд Сытник А.А. и Колотырин Д.А. утверждают, что венчурный фонд — это инструмент инвестирования в инновационные компании путем создания организации с собственным капиталом [5].

В зарубежном праве (Англия, США) венчурные фонды организованы по типу ограниченного партнерства к признакам которого относятся:

- возможность участия в договоре двух и более лиц. При этом одним лицом является партнером, — венчурной компанией, осуществляющей приобретение активов в инновационной сфере и управление ими до тех пор, пока они не будут проданы. А другое — вкладчиком-инвестором, ответственность и права на участие в управлении партнерством которого ограничены соглашением;
- вкладчик (инвестор) не может покинуть венчурный фонд в течение инвестиционного капиталовложения;
- возможность партнера и вкладчика-инвестора участвовать в нескольких партнерствах одновременно;
- исключение двойного налогообложения.

Из анализа зарубежного опыта можно сделать вывод, что венчурный фонд отвечает совокупности признаков, присущих инвестору, так венчурный фонд аккумулирует денежные средства, распоряжается ими на свой страх и риск (т. е. производит капиталовложения в фирмы, осуществляющие инновационные проекты) при этом первоочередной задачей является получение выгоды. При всей совокупности черт инвестора, ему присущи и ряд специфических, речь о которых пойдет ниже.

- В соответствии с российским законодательством венчурный фонд на территории РФ может быть создан как на основании

договора простого товарищества, так и в форме юридического лица. К основным формам можно отнести инвестиционное товарищество, паевой инвестиционный фонд, корпорацию.

Обращаясь к плюсам и минусам представленных форм можно отметить, что в случае организации венчурного фонда по типу простого товарищества, оборот долей, как и выход из такого фонда будет весьма затруднителен. Между тем, очевидным плюсом указанного типа будет являться стабильность данного фонда, а также участники фонда смогут избежать двойного налогообложения [2].

Еще одной не малозначительной чертой данного вида фонда является то, что управление денежными средствами осуществляет управляющая компания, которая не является владельцем инвестиций. В этом случае управляющая компания паевого инвестиционного фонда несет перед владельцами инвестиционных паев ответственность в размере реального ущерба в случае причинения им убытков.*

В случае, если венчурный фонд будет образован в качестве корпорации, к примеру, акционерного общества, то здесь очевидным является то, что отчуждение акций (если уставом не предусмотрено ограничений на отчуждение акций) менее проблематично. Представляется, что исходя из самой сути венчурного фонда, природы отношений между фондом и его участниками преобладающим является точка зрения, что венчурные фонды должны быть образованы по типу простого товарищества.

В частности участниками венчурного фонда могут выступать как физические лица, так и юридические лица, в частности: страховые компании, пенсионные фонды, а также иные организации.

Венчурному фонду принадлежит еще ряд характерных черт и связано это, прежде всего с характеристикой фирм, в которые они осуществляют капиталовложения. Так венчурные фонды осуществляют долгосрочные инвестиции в фирмы, занимающиеся инновационной деятельностью. Долгосрочными данные инвестиции являются в связи с тем, что капиталовложения осуществляются на ранних стадиях зарождения этих фирм.

Зачастую венчурный фонд не преследует цель управления инновационной фирмой, поэтому не покупает контрольный пакет акций,

---

* Федеральный закон от 29.11.2001 N 156-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «Об инвестиционных фондах».

так как в случае покупки всех акций риск потерять вложенные инвестиции увеличивается. Осуществляя капиталовложения фонд совместно проживает с ними, разделяя все риски. По мнению ряда авторов: Н. Скуратова, А. Гришановича, Л.Н. Оголева, Г.П. Подшиваленко данный аспект является отличительной чертой венчурного фонда от банка. Кроме того, по нашему мнению, к различиям можно отнести отсутствие задатков, независимых гарантий и выплаты процентов по займу, который предоставляет банк.

Понятие «венчурный фонд» не закреплено в российском законодательстве [3]. Вместе с тем венчурный фонд отвечает всем признакам, присущим инвестору, а также ряду характерных черт, позволяющим произвести водораздел с иными субъектами инвестиционной деятельности. Полагаем, что в целях улучшения инвестиционного климата необходимо внести раздел в Федеральный закон от 29.11.2001 № 156-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «Об инвестиционных фондах» посвящённый венчурному фонду в котором необходимо закрепить понятие венчурного фонда, права и обязанности участников, привести меры по защите последних.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений»
2. Губин Е.П. Правовые основы рынка ценных бумаг. М., 1997.
3. Кремлёва О.К. Роль межгосударственных стандартов в деятельности корпораций и интегрировании интеграционных процессов // Материалы Третьего Международного форума «Евразийская экономическая перспектива» Под общей редакцией Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации С.Е.Нарышкина. Издание Государственной Думы. Москва, 2015 г.
4. Майфат А.В. Инвестор: понятие, статус, деятельность [Электронный ресурс] — URL:<https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/>.
5. Сытник Д.А., Колотырин А.А., Классификация венчурных фондов //Известия Саратовского университета. Серия Экономика. Управление. Право, 2014, № 2.

Потёмкина Екатерина Владимировна
канд. ист. наук, доцент кафедры теории и истории
государства и права СПбГЭУ

**ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ЭВАКУАЦИИ
КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ДВОРЦОВ-МУЗЕЕВ
ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941 ГОДУ**

Potyomkina Ekaterina
Ph. D. in historical science, Associate Professor at the Department
of Theories and History of the State and the Law
of the State University of Economics

**LEGAL ISSUES OF EVACUATION OF CULTURAL PROPERTY OF
PALACES-MUSEUMS OF LENINGRAD REGION IN 1941**

Abstract. The article deals with the legal regulation of evacuation of cultural values of palaces and museums of the Leningrad region in 1941

Keywords: the legal regulation, evacuation of cultural values of palaces and museums.

В первые месяцы Великой Отечественной войны остро встал вопрос о том, как поступить с многочисленными экспонатами музеев Ленинграда и его пригородов. Остроту этому вопросу придавало то, что на протяжении предвоенных лет создавалась материальная и нормативная база возможного спасения экспонатов, но в первые же дни фашистского наступления стало понятно, что старые планы рассыпались вместе со старой стратегией войны «малой кровью на чужой территории».

Путей спасения культурных ценностей было три: эвакуировать вглубь страны, вывезти в Ленинград и «захоронить» во временных хранилищах. Сотрудники музеев воспользовались всеми способами и сделали все возможное для спасения экспонатов. Однако быстрое наступление немецко-фашистских войск летом 1941 г. не позволило в полной мере спасти ни предметы искусства, ни дворцовое убранство. Задача данной статьи — рассмотреть довоенную нормативную базу эвакуации, ее слабые и сильные места, а также реальные действия сотрудников музеев по сохранению культурного наследия.

Эвакуация музейных ценностей, несмотря на ускоренный и неплановый характер в условиях общей неразберихи, происходила на-

сколько это было возможно четко по всем правилам транспортировки экспонатов. Однако часть вещей была оставлена в хранилищах и прямо на экспозициях. Помимо быстрого продвижения немецких войск, причиной этого стали политические установки государства в области культуры, и в военной стратегии накануне войны. Эти установки сформировали определенное отношение управленческого аппарата, рассматривавшего великие памятники культуры, наследие российского народа, как нечто утилитарное, в списке ценностей советского человека, находящееся далеко не на первом месте.

Изначально с 1920-х гг. дворцы и парки пригородов Петрограда (Ленинграда) находились в ведении Наркомпроса. В 1938 году дворцово-парковые ансамбли были изъяты из ведения Наркомпроса и переведены в ведение управления Ленинградскими пригородными дворцами, музеями и парками Ленсовета в Отдел массовой политико-культурно-просветительской работы. Они попадают в управление культурно-просветительских предприятий Ленсовета, а не центра, то есть статус, защищенность и финансирование снижалось. Музеи, подведомственные народному Комиссариату просвещения, оказались лучше подготовленными к эвакуации.

К моменту объявления войны в предприятиях системы Управления культурно-просветительских предприятий Ленгорсовета действовал вариант плана «РАЗГРУЗКИ» музейных ценностей, разработанный в 1936 г. В соответствии с этим планом была создана специальная комиссия для отправки музейных предметов вглубь страны. «В результате работы этой комиссии для плана разгрузки был составлен список предметов, предназначенных к вывозу из дворцов-музеев г. Пушкина, г. Петергофа, г. Слущка (Павловска — Е.П.) и г. Красногвардейска (Гатчины — Е.П.), состоящий из 4871 экспоната. ... Исходя из этого списка, тогда же было определено и количество железнодорожных вагонов, потребных для вывоза указанных 4871 экспоната — 8 двухосных вагонов*». Для данных экспонатов Наркомхозом были подготовлены базы в Горьком и Сарапуле. Судя по всему, сложная межведомственная операция должна была спасти только самые редкие и ценные предметы от бомбардировок с воздуха. Другого варианта вторжения не предусматривалось, стратегия войны «малой кровью, на чужой территории» не должна была дать

---

* ЦГАЛИ СПб. Ф.510. Оп.1.Д.40.Л.6.

ни одного шанса противнику подобраться иным способом к нашему культурному наследию.

При проведении генеральной инвентаризации музейных ценностей, проводившейся в 1938г., Управление культурно-просветительскими предприятиями Ленгорисполкома дало директиву подведомственным музеям о составлении новых списков наиболее ценных экспонатов, разбитых на три категории. Эти списки исчислялись уже несколькими десятками тысяч экспонатов, что значительно превысило цифры 1936 г. В 1939 г. Управление обратилось в Ленсовет с предложением пересмотреть план разгрузки, как явно устаревший. Требовалось увеличить количество эвакуобаз, количество вагонов и упаковочных материалов. Однако сдвинуть с места мощную бюрократическую машину не удалось: такие мероприятия, как инвентаризация, происходили по указанию центра, при согласовании работы нескольких министерств, в том числе министерства обороны, НКВД, несмотря на местный характер подчинения музея-заповедника. «На неоднократные настоятельные требования УКППЛ о пересмотре плана был получен в 1941 г. ответ Военного отдела Ленгорисполкома о том, что пересмотр плана разгрузки Управлением может быть произведен только при общем пересмотре плана, что зависит от центральных правительственных органов, и о чем будут даны особые указания, в действии остается покамест, до разработки нового варианта, старый план».* Управление все же предприняло работу по составлению новых списков ценностей, подлежавших эвакуации, а также издало инструкцию по «перевозке и переноске музейных ценностей».

Но и план «разгрузки» не был выполнен. Предполагалось, что он автоматически вступит в действие вместе с объявлением мобилизации в вооруженные силы. Первый приказ о мобилизации был подписан 22 июня, а введение в действие плана «разгрузки» специальным приказом было отложено Военным отделом Ленгорисполкома на неопределенный срок. Ни автомашины, ни упаковочные материалы, ни рабочая сила предоставлены по плану разгрузки не были вообще. Все это было организовано самими музеями. УКППЛ первоначально пыталось проявить инициативу в рамках бюрократических правил и запросило Наркомхоз о предоставлении дополнительных эвакуобаз, но Наркомхоз не ответил. Вопрос был разрешен прямой перепиской

---

* ЦГАЛИ СПб. Ф.510. Оп.1.Д.40.Л.6.

с горсоветами Сарапула и Горького. В условиях массовой эвакуации все же удалось получить 10 вагонов для Петергофа. Аккуратно упакованные и описанные предметы были отправлены из прифронтовой зоны. Судя по воспоминаниям директора музеев и парков Петродворца М.М. Ребанэ,[2] сотрудники работали самоотверженно, но четко и методично, несмотря на то, что фронт неуклонно приближался. Из-за неразберихи и неорганизованности постоянно возникали непредвиденные сложности. Например, сотрудников музеев привлекали к трудовой повинности, отправляли на рытье окопов. Не помогло даже вмешательство Ленгорисполкома — районные власти решали собственные проблемы. Тем не менее, героическими усилиями сотрудников работы продолжались вплоть до 22 сентября — даты начала оккупации Петергофа. Предпоследняя очередь эвакуации была собрана, упакована и описана 28 августа, но из Ленинграда не вывезена, поскольку немцами была взята станция Мга. Последняя очередь покинула Петергоф 13 сентября на грузовиках. Все это ценности в ящиках сохранялись в подвале Исаакиевского собора, и частично в кладовой Ленинград-Московской товарной станции. Когда вынужденно прекратилась эвакуация на восток страны и вывоз экспонатов в город, сотрудники музея продолжали спасать оставшиеся ценности.

Не менее героическим было поведение сотрудников Павловска. «К третьей неделе августа, меньше чем за шестьдесят дней, эти тридцать человек сумели запаковать и отправить в эвакуацию тринадцать тысяч экспонатов вместе с документацией дворца, которая после окончания войны оказалась бесценной. Второй эшелон вывозимых ценностей с 42 ящиками был отправлен в Горький, третий, с 63 ящиками, — в Сарапул. Последний эшелон («Ящики устанавливали, нарушая инструкцию, по три в высоту». — писала Зеленова) содержал 3168 предметов искусства и был отправлен 20 августа 1941 года — в Ленинград, так как уже было невозможно перевезти экспонаты в тыл»[1].

Однако при определении количества предметов, вывезенных в тыл мы наталкиваемся на намеренное искажение информации. особенно очевидно это с документами по эвакуации Петергофа. Информация о количестве эвакуированных экспонатов можно почерпнуть из докладной записки директора Петродворцового музея М.М. Ребанэ от 22 сентября и отчет УКППЛ от 25 октября 1941 г. Судя по всему, в отчете Управления использована записка директора, но в отчете все описано гораздо оптимистичнее. Например: «Благодаря планомер-

ности отбора экспонатов, предназначенных к вывозу в последующих очередях, в конечном счете, удалось вывезти подавляющее большинство коллекций полностью, не разрознивая их, тем самым не обесценивая собрания»*. Дальше следовала откровенная ложь о вывозе 60% фонтанной скульптуры и «сколько-нибудь ценных ковров». Аккуратные «вставки» в подлинные данные ложных дополнений являются характерной чертой бюрократических отчетов, пытающихся с лучшей стороны представить собственные усилия, особенно, когда проверка сведений затруднена.

С аналогичной проблемой сталкиваемся и при описании консервации экспонатов парковой скульптуры на месте. Эти события отражены как в отчете Управления, так и в М.М. Ребанэ**. С чердаков были убраны легковоспламеняющиеся вещи. Считалось, что крыша и межэтажные перекрытия могут спасти от пожаров и бомбардировки с воздуха. Чердаки дворцов были снабжены бочками с водой, кучами песка, совками, лопатами, ведрами для тушения зажигательных бомб. Чердачные перекрытия были частично покрыты суперфосфатом, чтобы избежать возгорания от искр. В подвалах Церковного и корпуса под Гербом были оборудованы хранилища, куда переместили оставшиеся предметы из Марли, Коттеджа, Монплезира. Все паковалось насколько возможно тщательно. Хрупкие экспонаты (хрусталь, фарфор) уложены в подвалах на сено, мебель разложена в коридорах нижних этажей, ткани спрятаны в ящики, зеркала и окна были заклеены бумагой или тканью. Проемы нижних этажей забиты досками и заложены кирпичом, чтобы снизить возможное действие ударной волны. Паркеты были засыпаны песком на 2–3 см и покрыты малоценными коврами. Вокруг дворцов и павильонов также расставлялись бочки с водой. Удивляет это упорное исполнение заведомо бессмысленных действий: все это было бы хорошо, если бы Петродворец остался в руках Красной армии. Вряд ли сотрудники музея рассчитывали на то, что оккупанты, заняв территорию музея, начнут тушить дворец или парк в случае возгорания. Зачем тогда было ставить бочки? Бесплодность усилий и потраченного впустую драгоценного времени поражает — музейщики вышли из Петергофа после отхода регулярных войск. Они делали это в последний момент, ставя под угрозу свои жизни. Однако вести скрупулезный подсчет наряду с фонтанной скульптурой

---

* ЦГАЛИ СПб. Ф. 510. Оп. 1. Д. 40. Л. 8

** ЦГАЛИ СПб. Ф. 510. Оп. 1. Д. 40. и ЦГАЛИ СПб. Ф. 510. Оп. 1. Д. 88. л. 1-3.

садового инвентаря, горшков, а также «деревянные и фанерные предметы, пришедшие в негодность», когда уже полдня идет перестрелка в Александрии, кажется по меньшей мере странным, если не бессмысленным. И все это происходит после решительно и хладнокровно осуществленной эвакуации. Скорее всего, завершив эвакуацию ценностей, директор составил отчет по правилам, предложенным планом разгрузки 1936 года. Отчитаться о действиях четко по инструкции или по утвержденному плану было необходимо, поскольку оценивать любую деятельность принято было «по законам военного времени», то есть в соответствии с приказами руководства, которые, как мы видели, не изменили своей сути с 1936 г., тем не менее неисполнение грозило суровым наказанием. Видимо тогда казалось, что указания инструкции, есть самая надежная защита от любого обвинения, в том числе и в измене. Было очевидно, что надо спасать музейные ценности, при этом соблюдая все правила бюрократического этикета.

Более реально действия музейщиков описаны в воспоминаниях того же директора М.М. Ребанэ, составленных в 1975 г. Они отражают картину, не похожую на ту, что вырисовывается из отчета. В нижеприведенном отрывке ясно ощущается паническое состояние сотрудников музея, не успевавших спасти все: «В последний момент послужили порожные баркасы, доставившие суперфосфат для групп ПВО... На них уже в отчаянии, навалом, без всякой упаковки, погрузили в основном мебель. Судьба этих баркасов неизвестна».[2] Больше сообщений о таинственных баркасах нет. Если попытаться совместить приведенные отрывки докладных записок и воспоминаний, то можно предположить, что отчет, написанный для вышестоящих органов (и, возможно, под надзором или для НКВД) все-таки дает часть ложных сведений. Трудно представить себе, что люди готовили бочки для спасения от пожара, практически находясь уже в зоне боевых действий. Больше на правду походит отрывок из воспоминаний, хотя и написанных в 1975 г., но как раз в то время, когда над автором уже не довлел страх ответственности за неправильные действия.

Подводя итог, следует сказать, что сохранение культурных ценностей в пригородах Ленинграда — безусловно еще одна героическая страница истории Великой Отечественной войны, раскрывающая нам условия работы бюрократической системы в чрезвычайных обстоятельствах, с одной стороны, и мужество и профессионализм музейных работников, с другой.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Месси С. Жизнь русского дворца. 1990. [Электронный ресурс] — URL: <https://anna-y.livejournal.com/759512.html>
2. Топаж Х.И. Петергоф, возрожденный из пепла / Х. И. Топаж. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2009. 167.С.13.

УДК 347

Научная специальность — 12.00.03

Родионова Татьяна Николаевна

канд. экон. наук, доцент кафедры теории
и истории государства и права СПбГЭУ

УСЛОВИЯ ВЫХОДА КРЕСТЬЯН ИЗ СЕЛЬСКОГО СОСТОЯНИЯ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД ВТОРОЙ ПОЛОВИ- НЫ XIX ВЕКА

Rodionova Tatyana

Ph. D. in economicscience, Associate Professor at the Department
of Theories and History of the State and the Law
of the State University of Economics

CONDITIONS FOR FARMERS TO LEAVE THE RURAL STATE IN THE POST-REFORM PERIOD OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

Abstract. The article analyzes the reasons for the exit of a significant number of peasants from the rural state in post-reform Russia of the 19th century.

Keywords: peasants, the rural state, post-reform Russia.

Ввиду долгого сохранения крепостничества в России, тормозившего естественное развитие экономических процессов и сдерживавшего развитие капиталистических отношений, в середине XIX в. наблюдался явный переизбыток сельского населения. После объявления реформы 1861 г., отменявшей крепостное право, обозначилось стремление части крестьян выйти из сельского состояния и пополнить иные сословия, в том числе городское население. Для этого крестьянин должен был соответствовать ряду условий.* Однако

---

* Свод законов Российской империи. — Т. IX. Особое приложение к законам о состояниях. СПб., 1902.

этому противодействовал ряд факторов. Среди них следует назвать сложность ликвидации и разрыва связей с прежним деревенским хозяйством, отсутствие гарантий успешно обосноваться и обеспечить себе средства существования в городе, а также трудоемкость и часто вероятностный характер результата самой процедуры документального оформления этого перемещения и изменения статуса бывшего крестьянина. С одной стороны, требовалось добиться разрешения покинуть сельское общество, что воплощалось в получении так называемого увольнительного приговора, а с другой стороны, получить приемный приговор уже от мещанского общества о возможности приписки к городскому сословию. Тот и другой этап сопровождались рядом сложностей. На практике в случае невозможности осуществления первого этапа крестьяне иногда сначала добивались получения приемных приговоров от мещанских обществ, и лишь затем пытались получить увольнения из сельского состояния[3]. Иногда позволяли себе уходить самовольно.

Процессы раскрестьянивания невозможно сколько-нибудь полно оценить, не прибегая к рассмотрению различных сторон и последствий реформы по отмене крепостного права. Сама реформа была подготовлена с сознанием того, что невозможно далее откладывать освобождение крестьян. Но, вместе с тем, не предполагалось и не рассматривалось как желательное изменение на селе традиционных патриархальных устоев. Можно констатировать, что одновременно с проведением реформы возникали обратные направленные процессы, которые ей противоречили, всячески затягивали осуществление поступательных изменений, изошренно консервировали на неопределенное время остатки крепостничества часто под предлогом помощи сельскому населению и, тем самым, способствовали дальнейшему ограблению и разорению крестьянства.

Вновь принимаемые законы, несмотря на новые формулировки, были подчас «равносущностными» старым. Те же документы, которые действительно меняли права и обязанности участников в пользу крестьян, подолгу замалчивались, скрывались и не доводились до сведения интересантов. Центральными правительственными органами и местными администраторами предпринимались всевозможные меры предосторожности. Зачастую рекомендовалось избегать обнародования ряда новых положений или информации о наступающем периоде, а также задерживать тех лиц, которые на местах рас-

пространяют «ложные» слухи о значении тех или иных реформаторских документов и нововведений.

Вопросы о крестьянских наделах и тенденции отказа от них неоднократно с опаской обсуждались во властных кругах по мере приближения 1870 года, когда ожидалось упрощения перехода крестьян в иные сословия, и в последующий период.[4] Власти опасались массового исхода крестьян, собирали информацию, просчитывали последствия, указывали, что результатом станет образование городского пролетариата. Чтобы заранее оценить грядущие опасности по запросу министерств собирались сведения о реальном положении, настроениях населения по поводу выхода из крестьянского состояния и возможных брожениях в крестьянской среде, а также о прогнозах местных властей на ближайшее будущее. В качестве ограничительных мер ухода из сел и приписки к числу городских жителей Министерство внутренних дел предлагало какие-либо условия, например, приобретение бывшими крестьянами недвижимого имущества в городе или волости. Часто эти меры оправдывались заботой о предотвращении легкомысленного и безвозвратного обезземеливания крестьянства.

Среди участников правовых отношений того времени на селе можно назвать крестьян, положение которых могло различаться в зависимости от степени погашения ими податей и выкупных платежей; сельское общество (общину) как низовое звено общегосударственной административной системы, членами которого крестьяне являлись; администрацию посада или местечка; помещика, теперь уже согласно закону, в статусе «попечителя» сельского общества на период временнообязанных отношений; Губернское по крестьянским делам присутствие, подчиненное губернатору; Министерство внутренних дел в лице его земского отдела; Министерство государственных имуществ и т. п.

Из указанных выше лиц лишь крестьяне были заинтересованы в положительных для себя изменениях. Помещик всеми силами старался законсервировать обязанное состояние крестьян и всячески препятствовал их увольнению из сельского общества. Этот интерес был давним и обнаруживал себя на протяжении всего периода попыток решения крестьянского вопроса. Например, можно обратиться еще ко времени движения декабристов и разрабатываемым ими проектам освобождения крестьян. Так, прогрессивно мыслящий декабрист Н. Муравьев, жестоко поплатившийся за свои революционные

идеи, сам, будучи представителем дворянства, в последовательно предлагавшихся им трех (умеренных по характеру) вариантах Конституции уже тогда с очевидностью продемонстрировал желательность рычагов, которые смогут удержать крестьянина на селе в качестве трудового ресурса для преобразуемого помещичьего хозяйства. Начав с освобождения крестьян без какого-либо имущества, в каждом следующем проекте он усиливал послабления в пользу освобождаемых крестьян для оседлости их, ограничив их в итоге лишь двумя десятинами земли[1], чего было явно недостаточно для прокорма крестьянской семьи. Таким образом, предполагалось предоставить крестьянину лишь самый минимум из возможного, чтобы, мучаясь от безземелья и под бременем податей, балансируя, он все-таки оставался на селе и обслуживал хозяйство помещика. В смысле интересов помещика к 60-м годам XIX в. ничто не изменилось.

Интерес крестьян состоял в закреплении частной собственности на свой надел при минимизации платежной нагрузки своего хозяйства. При невыносимых условиях хозяйствования, в зависимости от причины, крестьяне могли желать разделения большой разросшейся семьи (что не допускалось без специального разрешения), смены места жительства в пользу городского проживания (с прекращением или без прекращения их прав и обязанностей как членов своей общины) или даже просто смены сословия с крестьянского на мещанское или цеховое. Осуществление данных устремлений требовало больших усилий, средств, времени, сложного документального оформления без гарантии положительного итога этой длинной процедуры. Надо сказать, что препятствия на пути к смене сословия подчас приводили к активизации процесса распада сословных порядков в том смысле, что часть людей вообще утрачивала какую-либо сословную принадлежность.

Соответствующие устремления значительной части крестьянства по выходу из сельского состояния подогревались тем фактом, что статус крестьянина был сильно принижен по сравнению со статусом самых низших городских сословий. После объявления реформы 1861 г. готовилась и с 1863 г. была введена отмена подушной подати с мещан, что еще более усилило стремление представителей крестьянства к смене сословной принадлежности.

Формально крестьяне могли заявить о желании покинуть село уже будучи в статусе временнообязанных, еще не рассчитавшись за землю.

Но, на протяжении девятилетнего срока после реформы возможность полного освобождения от прикрепления к земле была невозможна. На практике это было связано со всевозможными препятствиями, затруднениями и многообразием ситуаций, которые сводились, как правило, к двум вариантам. С одной стороны, наблюдалось перемещение части крестьян в города без прекращения их прав и обязанностей как членов своей общины; с другой стороны, можно выделить попытки изменения сословной принадлежности бывших крестьян, их выход из сельской общины и оформление сословной принадлежности к городскому населению. Иногда возникало сочетание этих двух процессов.

Примером первой составляющей являлся временный «отход» крестьян на заработки, когда крестьянин не рвал связь и продолжал нести ответственность перед своим сельским обществом. Но даже эта, казалось бы, безбидная в смысле сохранения крестьянского статуса ситуация требовала сложного документального оформления.

В отношении второго варианта надо обратить внимание, что в процессе реформы, отменившей крепостную зависимость, формально права крестьян были расширены, но многие ограничения и пережитки остались. Они воспроизводились во взаимоотношениях с помещиками, с сельским самоуправлением и чиновничеством. В результате положение крестьян значительно проигрывало любой, даже самой низкой категории городского населения. Это подталкивало представителей крестьянства в их стремлении к изменению сословной принадлежности в пользу городских сословий. В случае достижения такой цели, даже без изменения места жительства, они уже не подчинялись сельской власти. Но процедура подобного изменения статуса требовала значительных усилий и средств без гарантии достижения искомой цели.

Реже способом изменения приписки крестьян без смены места жительства являлся случай, когда бывшему селению присваивался статус города. Он был более благоприятным, так как ввиду массовости проводился упрощенно. Здесь, правда, есть одна тонкость: став горожанином по месту жительства, человек мог оставаться крестьянином по сословной принадлежности, если только специально не менял ее.

Чаще крестьяне вынуждены были единолично заниматься переходом в городское звание. Регламентирующим документом на этот счет было «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», которое определяло ряд условий.

Община в форме сельского общества посредством круговой поруки обеспечивала коллективную ответственность за исправную уплату податей, а также регулировала поведение крестьян в их общественно-экономической деятельности. Факт круговой поруки оказывал сильное сдерживающее влияние на преобразующие процессы и, в частности, на возможность выхода крестьян из общины со всеми вытекающими последствиями.

Так, покидая сельское общество, согласно закону, крестьянин должен был отказаться от своего участка и вернуть его общине. После осуществления этой процедуры обратного пути не было. Поэтому инициировать сдачу своего участка могли лишь те, кому удавалось заблаговременно упрочить свои позиции на новом месте.

С течением времени отказаться от участка с точки зрения самого крестьянина было все сложнее, так как за прошедший период он уже успевал вложить все больше средств в процедуру выкупа своей земли, продолжая при этом исполнять и закрепленные за ним подати. Продать участок до поры не было возможности: земля еще не принадлежала крестьянину; уходя с нее, он должен был передать кому-то бремя установленных платежей, тогда как ценность земли и ее доходность не всегда были благоприятными. Получалось, что из недвижимости можно было продать под снос лишь постройки, а землю предстояло отдать (вернуть общине) безвозмездно, просто за факт получения увольнительного приговора (иногда за это требовалось отдельное вознаграждение).

Однако и безвозмездно отказаться от земли было не просто. Известны факты, когда крестьяне целыми деревнями подавали прошения о возвращении земель помещику и потом долго пребывали в состоянии неопределенности. Если же они переставали обрабатывать землю полностью или частично, то оказывались виноватыми в нанесении вреда помещику, так как возвращение в оборот заброшенных участков требовало дополнительных средств на их «исправление». Не допускалось и нарушение принятой тогда трехпольной системы землепользования. В этих случаях перед отпуском крестьян с них требовали вознаграждения в пользу помещика за работы по приведению полей в порядок по местным ценам.

В любом случае после реформы 1861 года крестьянин мог заявить о желании переселения или перехода в иные сословия только с со-

гласия помещика и сельского общества.* Однако, факт так называемого «попечительства» со стороны помещика, осуществляемого по закону на протяжении 60-х годов в период временнообязанных отношений, способствовал консервации прикрепления крестьян к наделу, ибо помещик оставался заинтересован в сохранении повинностей и выплат.

Для крестьянской семьи участок земли был главным средством производства и получения жизненных средств. Но он еще не был в частной собственности крестьянина. Он закреплялся за ним не столько ввиду наличия у него такого права, сколько по причине возложенного на него обязательства по исполнению повинностей. Согласие помещика на уход крестьянина означало бы прощение его повинностей и, соответственно, снижение помещичьего дохода, либо сельское общество должно было взять на себя выплату доли повинностей уходящего крестьянина. То и другое было проблемно. Богатый крестьянин в качестве отступного мог внести в капитал общества денежную сумму, равную капитализированному оброку со своего участка из расчета 6% годовых. Однако, и эта возможность исчезала, если сельское общество имело по повинностям в пользу помещика просроченную задолженность.

Лишь после 1870 г. выход крестьян из сословного состояния мог приобрести массовый характер, что было предметом особого беспокойства властей. Но препятствия для выхода не заканчивались и после прекращения временно обязанного состояния крестьянина, особенно если община в целом еще не рассчиталась по долгам выкупной операции. Конкретным способом избавиться от своего участка, уже приобретенного в личную собственность, была продажа его кому-то из односельчан, ибо круговая порука требовала продолжения платежей за землю и отбывтия повинностей. При этом покупатель приобретал как надел, так и закрепленные за ним повинности. В условиях низкой доходности участка, не сопоставимой с размером повинностей, найти желающих было непросто.

Архивные материалы в подробностях свидетельствуют об устремлениях крестьян и результатах запретительных мер правительства. Например, в Самарской губернии из 4491 человек, подавших

---

* Крестьянская реформа в России 1861 года: Сборник законодательных актов. М., 1954. С. 210–211.

прошение на переход в мещанство и уже заручившихся приемными приговорами, действительно перешли только 222, в Пензенской губернии — 83 из 557, в Саратовской — только 101 из 207. [3] В ряде случаев полученные приемные приговоры отбирались, а городским головам делалось внушение и предписывалось выдавать таковые более осмотрительно, преимущественно тем, кто владеет особыми промыслами или ремеслами. Власти правильно понимали, что главной целью перехода крестьян в городские общества было желание прекратить обязательные отношения перед помещиками, надежда заняться с выгодой для себя различными работами, промыслами и торговлей. Но это расценивалось как недопустимая и безрассудная вольность.

Следует отметить, что и в конце XIX в. Закон о неотчуждаемости крестьянских надельных земель 1893 года в очередной раз определил условия, ограничивающие возможность отделения участков отдельных крестьянских семей. Решение зависело от согласия «мира», а постановление схода о принятии им надела должно было быть утверждено губернским по крестьянским делам присутствием на основе удостоверения в платежеспособности общины. [2]

Несмотря на мощное сопротивление властей объективные процессы все же пробивали себе дорогу. Об этом свидетельствуют данные статистических таблиц Российской империи 1863 года, а также более поздние данные переписи населения 1897 года. За четыре десятилетия периода 1858—1897 годов городское население европейской части России выросло более, чем в 2 раза, при этом численность бывших крестьян в составе горожан возросла более, чем в 4,5 раза, тогда как для других сословий увеличение оказалось лишь полуторным. [3]

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Дружинин Н. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933.
2. Риттих А.А. Зависимость крестьян от общины и мира. СПб., 1903. С. 125—126.
3. Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. М., 1983. С. 210—211.
4. Чернуха В.Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике России. Л., 1972.

Садчикова Алиса Витальевна
Юридический факультет СПбГЭУ

СИСТЕМА ПРАВА И СИСТЕМА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Sadchikova Alice

Faculty of law
St. Petersburg State University of Economics

LAW SYSTEM AND LEGAL SYSTEM

Abstract. The article discusses the similarities and differences between the law system and the legal system.

Keywords: the law system, the legal system.

Вопрос о соотношении понятий системы права и системы законодательства с течением времени не теряет свою актуальность. Поэтому данные правовые явления и стали объектом этого исследования. Предметом исследования стоит выделить теоретические аспекты системы права и системы законодательства, возможные варианты их соотношения. Предполагаю, что верно будет начать работу с анализа каждого явления в отдельности.

В юридической науке за основу принято брать систему права. Именно она, по мнению С. С. Алексеева, отражает объединение и дифференциацию юридических норм, объясняет одновременное интегрирование и деление нормативного массива на отрасли и институты. В системе права существует иерархическая структура, в основе которой лежит юридическая норма, она служит единицей правой материи. Как правило, норма права признана регулировать только одну сторону каких-либо общественных правоотношений, поэтому следующим элементом данной структуры ученые выделяют институт права. Он содержит в себе совокупность юридических норм, относящихся к отношениям одного вида (например, в гражданском праве — институт исковой давности, институт дарения, институт представительства, в конституционном праве — институт гражданства, институт Президента, институт прав и свобод человека и гражданина). Согласно делению, которое предлагает С.С. Алексеев, существуют отраслевые и межотраслевые институты. [1] Отраслевой институт состоит из норм права конкретной отрасли, межотраслевой — из двух и более

отраслей. (Например, институт опеки и попечительства, включающий в себя нормы гражданского, административного, семейного и муниципального права.) Институты также делятся на простые и сложные: простые не содержат в себе иных структурных составляющих, сложные же подразделяются на субинституты (пример — субинститут заключения и расторжения брака между гражданином Российской Федерации и иностранным гражданином). Более весомым и объемным элементом системы права предстает отрасль права, которая состоит из юридических норм и институтов, также регулирующих определенную сферу общественных правоотношений. Отрасли права в свою очередь подразделяются на материальные и процессуальные. Первая категория регулирует непосредственно сами правоотношения, возникающие по конкретному поводу, последняя создана для упорядочения процесса реализации этих норм, диктует алгоритмы их применения. Также выделяют фундаментальные и предметные отрасли. К фундаментальным относят исторически сложившиеся гражданское право, конституционное право, административное право и уголовное право. К предметным принято относить отрасли, выделившиеся из базовых (земельное, финансовое, трудовое, семейное, экологическое), а также процессуальные отрасли. На правовой дискуссии 1982 г было установлено, что предмет и метод правового регулирования выступают основой выделения институтов и отраслей права. С. С. Алексеев в своих трудах даёт следующие определения данным понятиям. Предмет правового регулирования — это фактические отношения людей, объективно нуждающиеся в правовом опосредовании. Этим отношениям присущи следующие черты:

- это жизненно важные для человека и его объединений отношения;
- это волевые, целенаправленные (разумные) отношения;
- это устойчивые, повторяющиеся и типичные отношения;
- это отношения поведенческие, за которыми можно осуществлять внешний контроль (например, юрисдикционными органами).[1]

Таким образом, можно сделать микровывод: общественные отношения становятся главным объективным критерием деления права на отрасли и институты. В ходе исторического развития общественные отношения претерпевают изменения, и, как результат, правовая система тоже меняется. Стоит обратить на это особое внимание, так как

при дальнейшем анализе системы законодательства, можно будет проследить разницу определений в данном отношении.

Методом правового регулирования С.С. Алексеев называет совокупность приёмов юридического воздействия на поведение людей, выработанных в результате длительного человеческого общения. По отношению к предмету метод носит дополнительный (процессуальный) характер. Для каждой отрасли права характерен особый метод правового регулирования соответственно. [1] Далее предлагаю обратиться к трудам Л.А. Морозовой и перейти к анализу второго определения темы данного исследования.

Л. А. Морозова называет системой законодательства совокупность нормативно правовых актов, в которых объективируются содержательные и структурные характеристики права. [2] Из этого определения следует, что система законодательства выступает внешним содержанием системы права, а данная характеристика в свою очередь иллюстрирует их взаимосвязь. Система права выступает научной основой системы законодательства. Не случайно многие ученые призывают различать понятия системы и систематизации права, так как результатом систематизации правовых норм как раз становится появление системы законодательства и её основной единицы — нормативно-правового акта. В трудах С. С. Алексеева системы законодательства подразделяются на горизонтальные, вертикальные и федеративные. [1]

Горизонтальные структуры связаны напрямую с отраслью права, то есть, если мы говорим о системе конституционного права, то с ним связано конституционное законодательство, с трудовым — трудовое, и т. д.

Вертикальные структуры отражают иерархию нормативно-правовых актов по их юридической силе. В Российской Федерации данное строение выглядит следующим образом: во главе находится Конституция РФ, далее идут Федеральные законы и подзаконные акты (указы Президента РФ, постановления Правительства, нормативные акты местных органов власти, локальные нормативные акты)

Федеративные структуры основываются на совокупности полномочий субъектов федерации в сфере законодательства и федеративной структуре государства. Например, в России согласно 65 ст. Конституции РФ и Федеративному договору от 31 марта 1992 г. Можно выделить три уровня нормативно-правовых актов РФ.

1) федеральное законодательство (Конституция РФ, основы законодательства, федеральные законы, указы Президента, постановления Правительства РФ и иные нормативные акты Федерации);

2) законодательство субъектов Российской Федерации — республик в составе РФ (конституции республик, законы и иные нормативные акты), краев, областей, автономных округов, автономной области, городов федерального значения — Москвы, Санкт-Петербурга, Севастополя (уставы, законы, постановления глав администраций и иные нормативные акты);

3) законодательство органов местного самоуправления (решения, постановления).*

Теперь, после детального разбора таких правовых явлений как система права и система законодательства, выявления их сходств, необходимо перейти к сравнению и поиску различий.

Как уже было сказано, на складывание системы права влияет характер общественных отношений в конкретный период, поэтому можно говорить о её объективности, система законодательства же носит субъективный характер, так как складывается в результате целенаправленной деятельности и по воле законодателя.

Говоря о внешнем и внутреннем выражении, можно выделить следующие различия: система права является структурой содержания права, а система законодательства, будучи его внешним выражением, предстает структурой формы права.

Немаловажным различием, которое выделяет большинство ученых юристов и которое уже частично было затронуто в данной работе, является основополагающий элемент каждой из систем. Если в системе права — это юридическая норма, то в система законодательства — нормативно-правовой акт.

Далее снова обратимся к трудам Л. А. Морозовой. По её мнению, система права выступает исходным началом по отношению к системе законодательства. При составлении последнего государство должно максимально ориентироваться на существующую в конкретный период систему права, отслеживать процессы, проходящие

---

* Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014. № 31.— ст. 4398.

в ней. Система права должна служить главным ориентиром для законодателя, потому что идеальным вариантом многими учеными признается вариант совпадения системы права и системы законодательства.[2]

В заключение стоит сказать, что данная тема является наиболее актуальной для теоретической науки. В современном развитии правового сознания и правовой системы РФ можно выделить множество проблем, а эффективность законов во многом зависит от их правильного понимания обществом. Стоит помнить, что система права выступает первоисточником формирования правосознания, которое в дальнейшем толкует систему законодательства. Правосознание также мотивирует и направляет субъекта на правомерное поведение, реализацию формальных источников права. Возможно, следует уделять больше внимания разграничению правовых явлений, указанных в данном исследовании. Ведь, взаимосвязи и алгоритмы, описанные выше, ещё раз подчеркивают значимость изучения системы права и системы законодательства в теории, что в дальнейшем обеспечит положительное развитие отечественной юридической науки и практики.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Алексеев С. С. Теория государства и права. М; 2004.
2. Морозова, Л. А. Теория государства и права. М.: 2014.

Свиридов Ярослав Сергеевич

Аспирант кафедры теории и истории государства и права СПбГЭУ

**ЛИЦА, ПОТЕНЦИАЛЬНО ЗАИНТЕРЕСОВАННЫЕ
В СОВЕРШЕНИИ СДЕЛКИ ХОЗЯЙСТВЕННЫМ ОБЩЕСТВОМ
(БИЗНЕС-КОРПОРАЦИЕЙ), И ОСНОВАНИЯ
ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТИ В РОССИИ И В ШТАТЕ ДЕЛАВЭР
(США): СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ**

Sviridov Yaroslav

Postgraduate, Department of Theory and History of State and Law,
St. Petersburg State University of Economics

**PERSONS POTENTIALLY INTERESTED IN PERFORMING
THE TRANSACTIONS BY THE ECONOMIC SOCIETY
(BUSINESS-CORPORATION) AND CAUSES
OF ACTUAL INTEREST IN RUSSIA AND DELAWARE STATE
(USA): COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS**

Abstract. The article deals with the comparison of the list of persons potentially interested in the transaction by the economic society (business corporation), as well as the grounds for the recognition of such persons as interested (having a real conflict of interest) under the law of Russia and the state of Delaware (USA). Attention is drawn to the fact that the legal systems in question have different approaches to detecting actual interest (real conflict of interest). On the basis of this functional comparison, it is proposed to expand the normative list of persons potentially interested in a transaction by a corporation, as set out in Russian legislation on economic societies.

Key words: related party transactions, transaction with conflict of interests, causes of interest, economic society, business corporation.

Вопрос об определении регуляторами лиц, заинтересованных в совершении сделки хозяйственным обществом (бизнес-корпорацией), является ключевым в правовых системах России и штата Делавэр, корпоративное право которого, как известно, служит примером для других штатов.

В российском правопорядке признание лица имеющим реальную заинтересованность в совершении сделки влияет на эффективность защиты прав и законных интересов общества и участников как посредством регулятивного способа защиты — получение согласие на совершение сделки либо её последующее одобрение в установленном

порядке, а также с помощью такого охранительного способа защиты права, как оспаривание сделки с заинтересованностью.

В Российской Федерации для признания сделки такой, в которой имеется заинтересованность, необходимо определить лиц, потенциально заинтересованных в совершении той или иной сделки общества, и основания заинтересованности таких лиц. Поскольку российский правопорядок принадлежит к романо-германской правовой семье, с момента появления института сделок с заинтересованностью в отечественном правопорядке данные критерии были закреплены на законодательном уровне в п. 1 ст. 45 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее — Закон об ООО) и в п. 1 ст. 81 Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее — Закон об АО). Так, заинтересованными лицами в целях применения к сделкам, совершаемым хозяйственным обществом, правового режима сделок с заинтересованностью признаются (п. 1 ст. 45 Закона об ООО и п. 1 ст. 81 Закона об АО) член совета директоров, единоличный исполнительный орган, член коллегиального исполнительного органа, лицо, контролирующее общество, лицо, имеющее давать обязательные для общества указания. При этом в соответствии с указанными положениями обоих законов данные «... лица признаются заинтересованными в совершении обществом сделки в случаях, если они, их супруги, родители, дети, полнородные и неполнородные братья и сестры, усыновители и усыновленные и (или) подконтрольные им лица (подконтрольные организации) являются стороной, выгодоприобретателем, посредником или представителем в сделке; являются контролирующим лицом юридического лица, являющегося стороной, выгодоприобретателем, посредником или представителем в сделке; занимают должности в органах управления юридического лица, являющегося стороной, выгодоприобретателем, посредником или представителем в сделке, а также должности в органах управления управляющей организации такого юридического лица».

Данные перечни по общему правилу являются закрытыми. Однако уставом непубличного акционерного общества или общества с ограниченной ответственностью данный перечень может быть расширен или сужен, также могут быть изменены критерии признания таких лиц заинтересованными (п. 8 ст. 83 Закона об АО, п. 9 ст. 45 Закона об ООО, п. 28 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации

от 26.06.2018г. № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность»). Соответственно, в публичных акционерных обществах определен п. 1 ст. 81 Закона об АО перечень потенциально заинтересованных лиц и критерии отнесения к таким лицам не может быть изменен по усмотрению акционеров.

В правовой системе Делавэра при определении наличия личного интереса в совершаемой бизнес-корпорацией сделки того или иного лица используется иной подход, чем в российском правовом порядке. А именно существует понятие «конфликт интересов», которое охватывается фидуциарной обязанностью действовать лояльно по отношению к корпорации (The Duty of Loyalty), подразумевающей, что интересы корпорации и её участников превалируют над личными интересами или предвзятостью фидуциария (директора, контролирующего акционера, менеджмента) [1]. Соответственно, одним из вариантов конфликта интересов, который попадает в сферу регулирования указанной обязанности, входит совершение сделок в личных интересах (Self-Interested Transactions) (далее — сделки с заинтересованностью). Вследствие данного подхода перечень лиц, потенциально имеющих конфликт интересов при совершении корпорацией сделки, а также оснований заинтересованности, в Делавэре шире, чем в России, и был выработан прецедентным правом, а также частично кодифицирован в §144 Общего Закона Делавэра о Корпорациях [2]. В частности, потенциально «конфликтными» лицами в бизнес-корпорациях согласно праву Делавэра являются: директора-члены правления бизнес-корпорации; менеджеры высшего звена (officers); контролирующий акционер и группа контролирующих акционеров. В настоящее время ведется активная дискуссия о том, что в некоторых случаях обязанность соблюдать лояльность может быть признана за миноритарным акционером [3; с. 1018—1030]. Директор или высшее должностное лицо признается потенциально не соблюдающим стандарт действовать лояльно по отношению к корпорации в следующих случаях: когда он использует корпоративные возможности в своих интересах; представляет интересы в качестве директора или менеджера высшего звена организации или субъекта, с которыми сделка заключается; если он имеет личный финансовый интерес, посредством реализации которого такое лицо хочет извлечь финансовую выгоду; если он получает повышение по службе или нанимается кор-

порацией-контрагентом по соглашению о слиянии [Там же, с. 997]. Акционер признается контролирующим, если он: обладает более чем 50% голосующих акций (де-юре контролирующий акционер); обладает существенным пакетом акций, составляющим менее чем 50%, и при этом имеет существенное влияние на правление (де-факто контролирующий акционер). Заинтересованным лицом также может быть признана группа неаффилированных акционеров, которая образована на основании заключенного между акционерами соглашения, предоставляющего им возможность контролировать принятие решений в корпорации (де-факто контролирующий акционер) [4].

Между тем наличие конфликта интересов сам по себе не означает нарушение обязанности лояльности. Для определения того, соблюдается ли обязанность действовать лояльно, в Делавэре выработаны следующие стандарты рассмотрения (TheStandardofReview): правило делового решения (TheBusinessJudgmentRule), которое применяется как презумпция того, что директор действует исходя из всей имеющейся информации, добросовестно и искренне полагая, что его действия соответствуют лучшим интересам корпорации, и, если данная презумпция опровергается, применяется стандарт полной справедливости (TheEntireFairnessStandard). Более того, суды Делавэра неоднократно обращали внимание на то, что действия фидуциариев проверяются на соответствие обязанности соблюдать лояльность только в случае, если вскрывается наличие существенных личных интересов или влияний [5, с. 18].

В качестве примеров сделок, при совершении которых может возникнуть обязанность проявлять лояльность, можно привести следующие: договоры между корпорацией и директорами или организациями, в которых директор (член правления) имеет существенный интерес; покупка акций корпорации её менеджментом (managementbuyouts); сделки между материнской и дочерней корпорацией; при одобрении директором сделки, при совершении которой директор не получил выгоду, однако одобрил сделку, в результате совершения которой мажоритарным акционером была получена прибыль, в то время как миноритариям был причинен ущерб [Там же, с. 19].

Таким образом, сравнительно-правовой анализ лиц, имеющих потенциальную заинтересованность в совершении сделки российскими хозяйственными обществами и бизнес-корпорациями штата

Делавэр, а также основания отнесения данных лиц к заинтересованным в названных юрисдикциях, позволяет сделать следующие выводы:

- при конструировании регулирования по вопросу определения лиц, имеющих потенциальную заинтересованность или потенциальный конфликт интересов в совершении сделки корпорацией, оба правовых порядка решают следующие одинаковые задачи:
  - защитить интересы корпорации и её участников от совершения инсайдерами (членами органов управления, контролирующим акционером и др.) сделок, которые причиняют ущерб интересам корпорации и приносят выгоду таким инсайдерам или связанным с ними лицами, или более широко противодействовать коррупции в бизнес-среде;
  - не подвергнуть детальное исследование судом каждой сделки на предмет заключения её на нерыночных условиях в ущерб корпорации и её участников;
  - не создать для бизнеса излишние издержки, связанные с необходимостью одобрения каждой сделки, совершаемой корпорацией.
- в штате Делавэр фидуциарии обязаны действовать в соответствии с лучшими интересами корпорации, т. е. соблюдать обязанность действовать лояльно, не ставя свои личные интересы выше общекорпоративных. Поэтому перечень лиц, которые обязаны воздерживаться от совершения «конфликтных» действий, не является исчерпывающим и может быть расширен в случае признания того или иного лица не соблюдающим вышеназванную фидуциарную обязанность. Основания признания лиц заинтересованными в также содержатся в Общем Законе Делавэра о Корпорациях и дополняется прецедентным правом, в силу чего также не являются исчерпывающими, что позволяет его корректировать по мере развития экономического оборота.
- согласно российскому праву перечень лиц, которые могут быть признаны заинтересованными, и оснований заинтересованности, которые определены в Законе об АО и в Законе об ООО, является формальным и не позволяет отнести к данным лицам тех, кто не подпадает под данные критерии. Особенно данная дилемма актуальна для публичных акционерных обществ, в которых у акционеров отсутствует возможность предусмотреть более широкий перечень заинтересованных лиц и оснований

заинтересованности уставом. Такое правовое регулирование видится нам несоответствующим главной цели института сделок с заинтересованностью — не допустить неправомерного вывода активов из общества. В частности, довольно узкий формальный перечень обоих критериев, содержащийся в п. 1 ст. 81 Закона об АО и п. 1 ст. 45 Закона об ООО, не позволяет участникам и иным членам уполномоченных органов управления эффективно реализовать право требовать одобрения сделки, которая де-факто является сделкой с заинтересованностью, с одной стороны, в случае нанесения ущерба корпорации оспорить такую сделку, если мажоритарий использовал схему по обходу данных правил, с другой.

- С учетом вышеизложенного предлагаем:
  - скорректировать формальное понятие «контролирующее (подконтрольное) лицо» с учетом того, что: не являются контролирующими акционеры (участники), владеющие менее 50% акций (долей в уставном капитале), хотя в совете директоров могут быть представлены голоса акционеров (участников), владеющих менее 50% акций (долей); закон даёт возможность «разрывать» цепочку подконтрольных организаций «встраиванием» в неё индивидуальных предпринимателей и физических лиц, поскольку в качестве подконтрольного лица может выступать только организация (см. абзац 6 п. 1 ст. 81 ФЗ об АО, абзац 6 п. 1 ст. 45 ФЗ об ООО);
  - расширить перечень родственников, которые могут быть признаны заинтересованными в совершении сделки, указанный в п. 1 ст. 81 Закона об АО и п. 1 ст. 45 Закона об ООО, включив в него не только близких родственников, но иных (дядя, тетя, племянники, двоюродные и троюродные братья и сестры).
  - дополнить п. 1 ст. 81 Закона об АО и п. 1 ст. 45 Закона об ООО последним абзацем, устанавливающим дискрецию суда в отнесении того или иного лица к имеющим реальную заинтересованность с учетом фактических обстоятельств дела.
- Считаем, что предложенные нами законодательные изменения позволят обеспечить более эффективную защиту прав и законных интересов хозяйственных обществ и их участников, а также будут способствовать повышению инвестиционной привлекательности российской экономики.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Cede & Co. v. Technicolor, Inc., 634 A.2d 345, 361 (Del. 1993).
2. Delaware C. 1953, § 144. Available at: [Электронный ресурс] — URL: <https://delcode.delaware.gov/title8/c001/sc04/index.shtml>.
3. Stracar N., APPLYING A NEW REGULATORY FRAMEWORK TO INTERESTED TRANSACTIONS BY MINORITY SHAREHOLDER // P. U. OF PENNSYLVANIA JOURNAL OF BUSINESS LAW.2018. Vol. XX:IV. [Электронный ресурс] — URL: <https://scholarship.law.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1571&context=jbl>.
4. Rosenberg, J., Lewis-Reisen A., Controlling-Shareholder Related-Party Transactions Under Delaware Law (August 30, 2017) [Электронный ресурс] — URL: <https://corpgov.law.harvard.edu/2017/08/30/controlling-shareholder-related-party-transactions-under-delaware-law/>.
5. Byron F. Egan. How to Deal with Fiduciary Duties in Conflict Transactions In Texas and Delaware [Электронный ресурс] — URL: <https://www.jw.com/wp-content/uploads/2019/10/Egan-Conflict-Transactions-Oct-2019-23552271.pdf>.

УДК 347

Научная специальность — 12.00.03

Слесарев Виталий Владимирович

ассистент кафедры теории и истории
государства и права СПбГЭУ

НЕОБХОДИМОСТЬ ВВЕДЕНИЯ ТАМОЖЕННОГО АУДИТА КАК ЭЛЕМЕНТА ВСЕСТОРОННЕЙ ОЦЕНКИ ФИНАНСОВО-ХО- ЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТНИКОВ ВЭД

Slesarev Vitaly

Postgraduate at the Department of
of Theories and History of the State and the Law
of the State University of Economics

NECESSITY TO INTRODUCE CUSTOMS AUDIT AS AN ELEMENT OF COMPREHENSIVE ASSESSMENT OF FINANCIAL AND ECONOMIC ACTIVITY OF VED PARTICIPANTS

Abstract. The article considers the place of customs audit in the General system of financial and economic activities of participants in foreign economic activity.

Keywords: customs audit, system of financial and economic, foreign economic activity.

При увеличении оборота внешнеэкономической деятельности свидетельствует о необходимости развития таможенного администрирования и упрощения таможенных процедур. Имеющиеся на сегодняшний момент механизмы таможенного контроля и присоединения РФ

к Международной конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур* представляют актуальным рассмотрение вопроса таможенного аудита в рамках Стратегии развития таможенных органов.

На территории РФ** в рамках осуществления рекомендаций Всемирной таможенной организации принимаются обязательственные начала к внедрению таможенного аудита, однако имеется ряд специфических особенностей, которые способствуют процессу торможения запуска таможенного аудита в силу его прямого отсутствия в нормативно-правовом регулировании.

При проведении реформ на внутри территории РФ и при внесении изменений в нормативные источники, в том числе при разработке и последующем введении в юридическую силу Стратегию Федеральной таможенной службы до 2020 года отсутствовало понятийное содержание таможенного аудита.

Ряд учёных, экспертов [2], [4], [5], [6] стремительно пытаются дать свое понятийное содержание таможенного аудита, соединив начала содержания термина со смысловым наполнением. Так А.А. Берзан склоняется к определению таможенного аудита — как «комплекса взаимосвязанных мероприятий, осуществляемый таможенными органами, направленных на оценку финансовой деятельности организации, имеющих отношение к товарам, перемещаемым через таможенную границу, в целях обеспечения соблюдения законодательства в сфере таможенного регулирования»[2], Д. Джальчинов говорит, что таможенный аудит — это «формирование прозрачного механизма упрощения процедуры таможенного декларирования компаниями, чья деятельность по результатам проведения таможенного аудита будет характеризоваться низкой степенью риска»[3].

Данные утверждения и определения являются собой отдельно разрозненными, но имеющие единение мысли в части определения таможенного аудита и способствуют тому, чтобы на законодательном уровне было введено само определение таможенного аудита и прове-

---

* Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур (совершено в Киото 18.05.1973) (в ред. Протокола от 26.06.1999) // СЗ РФ. 08.08.2011. № 32, ст. 4810.

** Федеральный закон от 03.11.2010 № 279-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Международной конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур от 18 мая 1973 года в редакции Протокола о внесении изменений в Международную конвенцию об упрощении и гармонизации таможенных процедур от 26 июня 1999 года» // Собрание законодательства РФ. — 08.11.2010. — № 45, ст. 5744.

дены мероприятий по его наполнению содержанием, механизмом реализации и стратегии развития в рамках Стратегии Федеральной таможенной службы до 2020 года*, поскольку в указанной Стратегии закрепляются и признаются систематизированные долгосрочные установки и приоритеты, которые направлены на развитие таможенных органов РФ поэтапно.

Необходимость скорейшего реформирования и перехода на новую форму администрирования таможенного аудита направлено на соединение воедино имеющегося опыта работы стран-участниц Киотской Конвенции**, который в настоящее время затянут в связи с тем, что документооборот перенесен на бумажный носитель, по ценообороту — затратен и требует привлечения некоторых специалистов, соединяющих в себе познания в области бухгалтерской отчетности и таможенного законодательства.

Таможенное администрирование является той организационно-управленческой деятельностью ФТС России на основе закрепленных нормативных правовых актов.

Таможенное администрирование не может отставать от процессов информационного развития не просто общественных внутрисоциальных отношений, но и должно идти в ногу со временем и откликаться на все новые вводимые информационные ресурсы, т. е. переход на информационное обеспечение таможенного администрирования не просто общегосударственная необходимость, а требование современных внешнеэкономических отношений.

Переход на комплексное информационное систематизирование по принципу «единого окна» как формы таможенного контроля, применяемого после выпуска товаров — вот необходимое условие, которое максимально запустит Стратегию, привлечет и наполнит бюджет, будет выступать гарантом в обеспечении экономической безопасности государства, учета и контроля за проводимой внешнеэкономической деятельностью между РФ и ее иностранными партнерами, даст необходимое применение таможенного аудита, упро-

---

* Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2012 г. № 2575-р (ред. от 10.02.2018) «О Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2020 года» // СЗ РФ. — 14.01.2013. — № 2, ст. 109.

** Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур (совершено в Киото 18.05.1973) (в ред. Протокола от 26.06.1999) // СЗ РФ. 08.08.2011. № 32, ст. 4810.

тив ее администрирование, которое в настоящее время сводится к сбору документации, ее пересылки, дополнения, разрозненности работы различных государственных органов и организаций, оказывающих услуги в области таможенного оформления грузов. Однако, таможенный аудит невозможен, если рассматривать его только как инструмент для дополнительного сбора в бюджет, т. к. это объясняется необходимостью всесторонней оценки финансово-хозяйственной деятельности участников ВЭД, «имеющих непосредственное отношений к работе с товарами, перемещаемыми через таможенную границу Евразийского экономического союза. Кроме того, в ряде случаев в данный перечень может входить и оказание юридической помощи в сфере ВЭД»[4].

На основании международных норм, которые существуют на территории мирового пространства, контроль за товарами крайне важен, поскольку это имеет прямое отражение на репутации участников ВЭД и сводит к минимуму потери от административной ответственности за неумышленные правонарушения. Таможенный аудит — это наиболее эффективный механизм соответствия участников ВЭД требованиям законодательства.

Методами таможенного аудита на сегодняшний момент несколько, основными среди которых выделяют:

- детализация, суть которой состоит в выявление факторов, или неправильно оформленной документации, вследствие чего наступает неправомерное поведение и нарушается таможенное законодательство;
- метод баланса, базирующийся на паритетности средств, источников использования и итоговой прибыли;
- графический метод, который визуально воссоздает результат аудита (графики, схемы, графические рисунки, слайды и т. д.);
- метод инвентаризации средств, состоявший к сведению воедино бухгалтерских и фактических остатков[1].

Таким образом, в рамках реформирования системы таможенного контроля и государственной надобности изменений при товарообороте с иностранными контрагентами и при имеющихся на сегодняшний момент санкциях очевидным становится необходимость внесения в имеющуюся Стратегию таможенного развития учет норм международного законодательства в части проведения таможенного аудита, вычленив наиболее существенные и действенные механизмы с целью

осуществления и упрощенной процедуры таможенного декларирования и наиболее сниженной степени риска, которые могут проводиться аккредитованными специалистами в области аудита или в виде консультирования на основе стандартизации в области аудита, что объясняется отсутствием прямых ссылок и разработанности механизма проведения таможенного аудита и отсутствием специалистов в рамках ФТС России, сочетающих в себе знания и умения к овладению соединённой квалификацией бухгалтерско-таможенной направленности с одной стороны, а с другой стороны, в силу Федерального закона от 30.12.2018 г. № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности»* проводить аудит могут только аудиторские организации и индивидуальные аудиторы и применять, внедрять таможенный аудит в систему таможенных органов весьма затруднительно в той части, что нельзя рассматривать его как предмет деятельности ФТС России, а скорее как предпринимательская деятельность.

Таким образом, в Стратегию развития необходим внесение наиболее прозрачной и упрощенной системы, сочетающий в себе вышеуказанные методы.

Поскольку таможенные органы являются инструментарием государства в рамках обеспечения экономической безопасности, то и стратегические составляющие, исходя из основ структуры, будут направлены на создание наиболее благоприятных условий с целью привлечения инвестирования в экономику РФ и как следствие пополнение бюджета, создания условий для российских производителей и охраны их в рамках интеллектуального и авторского законодательства в тандеме с проведением внешнеэкономических операций на основе таможенного администрирования.

Необходимость введения таможенного аудита с учетом имеющегося пробного опыта РФ на основании Приказа ФТС России от 14.10.2015 № 2053** и продолжения работы в этом направлении очевидна, поскольку сделанные выводы из данного пробного эксперимента свидетельствуют о том, что:

---

* Федеральный закон от 30.12.2008 г. № 307-ФЗ (ред. от 23.04.2018) «Об аудиторской деятельности» // СЗ РФ. 05.01.2009. № 1, ст. 15.

** Приказ ФТС России от 14.10.2015г. № 2053 «О проведении эксперимента по установлению возможности использования таможенными органами России аудиторских заключений для целей таможенного контроля» [Электронный ресурс] — URL: // <http://customs.ru>

1. Необходима дополнительная работа по разработке конкретизации дополнительных критериев оценки деятельности участника ВЭД в сочетании и сведении воедино общих и специальных разделов аудиторского заключения при системе управления рисками *;

2. Выборочность таможенного аудита участника ВЭД;

3. В рамках таможенного аудита и при наличии аудиторского заключения с низким уровнем риска в части нарушений таможенного законодательства участником ВЭД применять аудит в части выбора объектов таможенного контроля;

4. Выработать систему обучения и углубления знаний для сотрудников таможенных органов в части применения и использования таможенного аудита в профессиональных центрах повышения квалификации, имеющих лицензию и аккредитацию на ведение ими образовательной деятельности либо рекомендовать введение специализации в рамках получения высшего профессионального образования в высших учебных заведениях профильного уровня «Таможенный аудитор», сочетающий знания в области бухгалтерии и таможенного законодательства;

5. Внести поправку в Федеральный закон от 30.12.2018г. № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» понятие таможенного аудита, разграничить полномочия участников в части субъектов применения и при использовании таможенного аудита именно в его части исключить составляющую предпринимательской деятельности, указав единственным субъектом, наделённым полномочиями в его проведении, ФТС России;

6. Разработать в рамках Стратегии Федеральной таможенной службы до 2020года систему проведения таможенного аудита сотрудниками ФТС России, определить их правовое поле, разграничить права и обязанности, определить компетенции.

Подводя итог вышесказанному, представляется возможным сделать вывод о необходимости введения таможенного аудита не просто как дань времени, а обоснованной необходимости информационной систематизации таможенного администрирования и выступать основополагающим началом для продуктивного контроля за участниками ВЭД и наполнения государственного бюджета.

---

* Итоги эксперимента по установлению возможности использования таможенными органами РФ аудиторских заключений для целей таможенного контроля [Электронный ресурс] — URL: <http://customs.ru/press/federal/document/19096>

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Баландина Г. В., Пономарев Ю. Ю., Синельников-Мурылев С. Г., Точин А. В. Таможенное администрирование в России: что делать? М.: Фонд «Центр стратегических разработок», 2018.
2. Берзан А.А. Развитие методических основ посттаможенного контроля. — М.: Экслибрис-Пресс, 2008. — с. 171.
3. Джальчинов Д. Таможенный аудит: новый подход к вопросу реализации таможенного контроля после выпуска товаров. — 22.09.2017 [Электронный ресурс] — URL: <http://www.russiantaxandcustoms.com/customs-audit/>.
4. Елисанова И. Таможенный аудит важен, но его нет// Все о таможене. 04.03.2019 [Электронный ресурс] — URL: <https://www.tks.ru/reviews/2019/03/04/02/print>
5. Красильников А.Ю. Таможенный союз как новая форма становления внешнеэкономических связей в условиях правовой формации // Научно-практический журнал «Аспирант». № 5/2015(2). Ростов-на-Дону, 2015. С. 43.
6. Лунева Е.П. Методические и организационные основы таможенного аудита экспортно-импортных операций участников внешнеэкономической деятельности: монография; под общ. ред. д.э.н., профессора Л.А. Поповой. М.: РИО РТА, 2013. 220 с.

УДК 347

Научная специальность — 12.00.03

Честнов Илья Львович

докт. юрид. наук, проф. Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры РФ

ПРАВО В СИТУАЦИИ ПОСТПОСТМОДЕРНА

Chestnov Ilya

Doctor of Juridical Sciences,
Professor of the Saint-Petersburg law institute (branch)
University of the Office of the Prosecutor of the Russian Federation

LAW IN THE POST-POSTMODERN SITUATION

Abstract. The article states that the law is determined by the historical and socio-cultural situation. Increasing complexity is the main problem and threat of post-modern society. Law in the post-postmodern situation is the result of the struggle of social groups for the right to officially define social phenomena as legally significant.

Keywords: law, post-modern society, increasing complexity, variability of legal reality.

Право, как и любое социальное (или социокультурное) явление определяется контекстуальностью своего бытия. Поэтому для того, чтобы выяснить, каково содержание современного (или точнее — постсовре-

менного) права, необходимо проанализировать характеристики контекста бытия права. Последние определяются исторической и социокультурной ситуацией. При этом сложность состоит в том, что сегодня нет возможности механической редукции признаков права к характеристикам контекста, по примеру того, как это представлялось в классической социологии: для объяснения права необходимо провести редукцию его признаков к особенностям общества, его обуславливающего. Проблематичность такой процедуры состоит в том, что характеристики самого контекста вызывают оживленные дискуссии в постсовременной науке, а редукция и обусловленность всегда относительны и оспоримы. Тем не менее, в первой части статьи предпринимается попытка реконструкции исторического и социокультурного контекста, а во второй речь пойдет об определяемых этим контекстом признаках права.

Сложность экспликации основных характеристик исторического и социокультурного контекста постсовременного мира состоит не только в том, что эти характеристики являются «сущностно оспоримыми» (дискуссионными в такой степени, что содержательный консенсус по их поводу весьма маловероятен), но и в «безграничности» столь грандиозной задачи. Скромность вынуждает высказать лишь некоторые «авторские» (субъективные) замечания, не претендующие на аподиктичность. Ко всему прочему, характеристики контекста социального мира постоянно изменяются, поэтому всегда надо указывать временные рамки исследования.

Методы. Адекватной социальной сложности постсовременному миру методологией выступает постклассическая научно-исследовательская программа. [9, С. 106–118] Современный (постсовременный) мир, очевидно, отличается от эпохи модерна. Новый тип социальных отношений феноменологически выражается в информатизации (цифровизации) жизни, в новых технологиях, культурных и социо-экономических отношениях, прежде всего, в связи с глобализацией. В общем и целом, происходит перманентное усложнение жизни. Так, рост информатизации, развитие коммуникативных сетей и информационных систем, который начинается в 1960-е годы XX в., обнаруживает «рост диспропорции между производством новой информации и возможностью ее восприятия и использования».[10, С. 26]Избыток информации приводит к «информационному шуму» и даже к неврозам, психологической травме невозможности «полноценно воспринимать окружающую информационную среду».[10, С. 29]

Рост сложности, пожалуй, — главная проблема и угроза постсовременности. Она связана не только и не столько с неуправляемым ростом техники и технологий, с которыми сложно справиться даже специалистам — экспертам, но и в первую очередь с невозможностью адекватно осмыслить саму онтологическую (или «онтическую») сложность. По авторитетному заявлению итальянского политолога Д. Дзолы, термин «сложность» «отсылает к когнитивным ситуациям, в которых оказываются субъекты — как индивиды, так и социальные группы. Отношения, которые строят субъекты и которые субъекты проецируют на окружающую их среду в попытках самоориентации, то есть упорядочения, прогнозирования, планирования или манипулирования, будут в зависимости от обстоятельств более или менее сложными». [3, С. 29] При этом, «чем шире масштаб возможных вариантов выбора и чем больше количество переменных, которые приходится учитывать субъектам в своих попытках разрешения проблем знания, адаптации и организации, тем сложнее становится окружающая их среда. ... Чем выше сложность, тем сильнее жители крупного города начинают осознавать возможность того, что они подвергаются воздействию загрязняющих веществ. В странах Запада политическая жизнь стала сложнее с появлением опросов общественного мнения, проводимых во время предвыборных кампаний. Такие опросы расширяют границы доступной информации и оказывают влияние, на поведение избирателей, предвосхищая результаты голосования.

Чем сложнее становится среда, тем сильнее взаимозависимость переменных, Изменение значения одной переменной неизбежно сказывается на других переменных (это влияние взаимно), что неизбежно усложняет задачу познания (и действия). ... После преодоления известного порога сложности расчеты, необходимые для прогнозирования последствий рекурсивных отношении, которые связывают факторы среды между собой, требуют качественного изменения, Даже анализ отдельных явлений становится менее определенным, учитывая то, что изначальное состояние этих явлений и их последующее развитие вряд ли можно отделить от нелинейных связей.

Третий элемент сложности связан с нестабильностью или турбулентностью среды и тенденцией ее переменных меняться по быстрым или непредсказуемым траекториям. Этот аспект сложности обладает динамичной природой и тем более важен, что он связан с процессами, которые приводят к переходу от порядка к беспорядку (к революции,

хаотичной эволюции, катастрофической бифуркации и т. д.) или, что еще более важно, к возникновению порядка из беспорядка.

Четвертой чертой сложности, объемлющей три первые, является то, что субъекты, осознающие высокий уровень сложности среды, в которой они существуют, достигают состояния когнитивной циркулярности. ... На самом деле трудность возникает в сущности из познавательной деятельности субъектов, направленной на построение и изменение среды посредством ее понимания. (Эта ситуация, по-видимому, получает подтверждение благодаря преобладающим толкованиям принципа неопределенности). Соответственно, субъекты учитывают то обстоятельство, что они не могут определить свою среду в объективных категориях. То есть субъекты не могут нейтрализовать искажения, внесенные их собственной познавательной деятельностью и, если идти по кругу, не могут определить самих себя без обращения к сложности и турбулентности внешней среды, которая со временем начинает определять и модифицировать познавательную деятельность субъектов. Таким образом, субъекты оказываются в ситуации эпистемологической сложности. Как мы увидим, отсюда возникает потребность в рефлексивной эпистемологии, основанной на признании когнитивной взаимосвязи субъекта (или системы) и среды в условиях повышенной сложности». [3, С. 30–32]

Сложность или перманентный риск постсовременного социума приводит к тому, что, как прозорливо указывает выдающийся английский социолог Э. Гидденс, изменяется «доверие простых людей к экспертным системам и их чувство онтологической безопасности». Сегодня необходимо признать *неизбежность* жизни с опасностями, которые недоступны контролю не только индивидов, но также больших организаций, включая государства, и которые являются *высоко интенсивными и угрожающими жизни* миллионов людей (а потенциально и всему человечеству). ... Тот факт, что это не риски, от которых все *предпочитают* бежать, и что, в терминах Бека, нет «других», которые могли бы быть ответственными, оспоренными или осужденными, усиливает ощущение дурного предчувствия, которое столь многие отметили как характерное для нашей эпохи. ... Ведь чреватые последствиями глобальные риски, с которыми сегодня вам всем приходится сталкиваться, являются ключевыми элементами вышедшего из-под контроля, все сокрушающего на своем пути характера современности, и отдельным индивидам и даже группам индивидов

не по силам с ними справиться, равно как и взять на себя ответственность за них». [1, С. 270]

Результаты. Постсовременность, именуемая разными авторами по-разному (как высокий модерн, другой модерн или радикализованная современность) характеризуется не только ростом информатизации социальных отношений и повседневности, но и онтологичностью (или «онтичностью») информации. Информация (восприятие, когнитивность) становится (стала) неизбежным моментом или стороной всех социальных явлений и процессов. Что-либо существует только если воспринимается как существующее, наделяется социальными значениями и индивидуальными смыслами — утверждали социальные феноменологи еще в сер. XX в. Рефлексивность жизни одновременно выступает металогическим принципом постсовременной науки, хотя «тезис о том, что увеличение знаний о социальной жизни (даже если эти знания настолько основательно подкреплены опытом, насколько это вообще возможно) равносильно усилению контроля над вашей судьбой, ложен. Этот тезис (как можно показать) истинен относительно физического мира, но не относительно универсума общественных событий. Развитие нашего понимания социального мира могло бы вести нас ко все более ясному пониманию человеческих институтов, и, следовательно, к постоянно нарастающему “технологическому” контролю над ними, если бы социальная жизнь была либо полностью отделена от человеческого звания о ней, либо это знание могло непрерывно проникать в область мотивов социального действия, вызывая последовательное увеличение “рациональности” поведения относительно определенных целей». [1, С. 162]

Рост сложности в широком смысле этого слова в конце XX в. приводит к признанию многими интеллектуалами того, что общество эпохи модерна ушло в прошлое, а ему на смену пришло (или приходит) новый тип социума — постмодерн. Э. Гидденс и Ф. Саттон считают, что постмодерн — это «исторический период, следующий за модерном. Он менее четко определен и более плюралистичен и социально разнообразен, чем предшествующий ему модерн. Считается, что постмодерн начал развиваться в 1970-е годы. ... Быстрый рост и распространение массмедиа, новые информационные технологии, увеличение передвижений через национальные границы, исчезновение классовой идентичности и возникновение мультикультурного общества — все эти изменения, по мнению постмодернистов, ведут к заключению, что

мы больше не живем в мире модерна, упорядоченном национальными государствами. Модерн мертв, и мы вступаем в эру постмодерна». [2, С. 33, 36]

Несмотря на глобальную гиперпопулярность понятия «постмодерн» (и «постмодернизм»), уже в начале 2000-х гг. приходит разочарование многих социальных философов в его адекватности изменяющимся реалиям. «Отрицать постмодерн, — пишет А.В. Павлов, — не столько в плане термина, сколько в отношении его содержательного наполнения, что бы под ним ни подразумевалось, было всегда актуальным для гуманитарных наук и социальной теории. Еще на пике дискуссий о постмодернизме в конце 1980-х годов некоторые авторы, не соглашаясь с коллегами, отрицали, что мир или теория находятся в “состоянии постмодерна”. Проблема заключалась и заключается до сих пор в том, что не было никакого общепризнанного понимания постмодерна, а это означало, что новым трендом критиковали какие-то индивидуальные концепции, пусть и весьма влиятельные, типа тезиса Лиотара, или же собственные представления о постмодерне, сложившиеся под влиянием важных, но все же вторичных источников. Однако, когда многие философы или ученые, кто теоретизировал сам термин “постмодерн”, в итоге в разных формах от него отказались, стало ясно, что постмодернизм находится, как никогда ранее, в шатком положении». [7, С. 11]

Полагаю, что поиски новой теории, адекватной состоянию культуры и общества (точнее — исторической и социокультурной реальности) обусловлены не тем, что многие авторы отказались от данного термина (хотя терминология, как и описание играет важную роль в конструировании социальной реальности), а радикальным релятивизмом и критицизмом влиятельных концепций постмодернизма. Да, сторонники постмодернизма во многом справедливо критикуют эпоху модерна, в том числе, гипертрофированные ожидания, связанные с научной рациональностью, которые на поверку выродились в тотальный контроль над обществом с помощью новых «мягких» манипулятивных методов-технологий, ради интересов общественной безопасности. Однако при этом почти ничего конструктивного они не предлагают. Разочарование в перманентной критике и страхе перед возрастающей неопределенностью и рисками нового мира вынудили практически всех постсовременных мыслителей искать новые теории. К ним относится направление в культуре и науке,

именуемое «постпостмодернизм». Конвенциональный термин «постпостмодернизм», по мнению А.В. Павлова, — это «дискурсивный универсум теорий, упраздняющих постмодернизм и предполагающих новые языки описания мира прежде всего через трансформации в культуре». [8, С. 9]

Среди таких новых подходов можно выделить концепцию диджимодернизма (цифромодернизма) А. Кирби в рамках постпостмодернизма. А.В. Павлов утверждает: «Стоит признать, что за последние пятнадцать-двадцать лет именно в области культуры цифровизации-произошли невероятные изменения, оказывающие влияние на нашу повседневную жизнь». [8, С. 419–420] По мнению А. Кирби, новая эпоха, пришедшая на смену постмодернизма, характеризуется совершенно новыми технологиями. В эту эпоху «изменились отношения между аудиторией и продуктами культуры, созданными в цифровом мире. ... Теперь автора, создававшего когда-то произведения искусства, нет, а все, что производят участники культурного процесса (то есть вообще все люди), есть “текст” в самом широком понимании слова». [8, С. 422] Таким образом, диджимодернизм у А. Кирби — это «форма мышления о современности». [8, С. 431]

Другим вариантом, взыскующим найти выход из постмодернистского релятивизма и иронии, выступает концепция метамодернизма. По утверждению авторов и пропагандистов этого термина Робина ван дер Аккера и ТимотеусаВермюлена, «с точки зрения истории метамодернизм привязан к периоду после постмодернизма в том смысле, что он из него сначала развился, а потом сместил, самолично заняв место доминирующей культурной логики западных капиталистических обществ. Мы утверждаем, что этот переход от постмодернизма к метамодернизму произошел в начале 2000-х годов... Именно в 2000-х годах поколение миллениалов достигло совершеннолетия; зрелость и доступность цифровых и возобновляемых технологий достигли критического порога; появился БРИКС, готовясь занять видное положение на геополитической арене; эра “легких ископаемых” и фантазии о ядерном изобилии уступили место “тяжелой нефти” и мечтам об энергетической независимости, подпитываемым технологиями гидро-разрыва пласта; на Запад обрушилась так называемая “четвертая” волна терроризма; война в Ираке дестабилизировала регион, заодно обанкротив не только американское казначейство, но и воинскую честь; проект “Европа” сошел с рельсов после того, как голландцы

и французы сказали “нет” европейской конституции; иммиграционная политика и идеалы мультикультурализма привели к возрождению националистического популизма; гегемония США пошла на спад; Арабская весна свалила сразу нескольких диктаторов, в течение долгого времени служивших законным иностранным интересам; безнадежные долги, наконец, неизбежно стали для богатых северных стран такой же проблемой, какой всегда были для бедных южных государств; а финансовые кризисы запустили еще один раунд неолиберализации (на этот раз посредством различных строгих мер), несущий в себе угрозу и все углубляющийся практически вошедший в норму тренд в сторону финансовой нестабильности, экономического неравенства, шаткости рабочих мест и экологической катастрофы». [6, С. 63–63]

Содержание же матемодернизма, однако, оказывается весьма туманным. «Матемодернизм представляет собой структуру чувства, не только возникающую в результате реакции на постмодерн, но и представляющую собой его культурную логику, соответствующую нынешней стадии глобального капитализма». [6, С. 49]

Обсуждение. В общем и целом, приходится констатировать, что благородные попытки найти новую серьезность и надежные основания теории постсовременности пока не принесли сколько-нибудь впечатляющих результатов. Тем не менее, это не повод «сидеть сложа руки». Об этом, в частности, рассуждает В.Д. Зорькин. Так, он утверждает: «В последнее время многие специалисты говорят о том, что эпоха постмодерна как особого культурного явления закончилась. Возможно, это и так, но я пока не вижу, какая новая эпоха пришла на смену. По-моему, при всех декларируемых разочарованиях в постмодернизме мы все еще живем в условиях господства если и не самой этой идеологии, то уж точно — релевантных ей социальных практик. Это влияние философии постмодерна особенно наглядно проявляется сейчас в сфере действия международного права, где мы можем наблюдать все «прелести» постмодернистского подхода с его отрицанием иерархий, иронией и сарказмом в качестве основного онтологического метода, деконструкцией основ и тотальным взаимным недоверием, заменой правды на постправду и т. д. Данный подход уже привел к тому, что принципы международного права, в прямом смысле прописанные кровью, вспоминаются и применяются только тогда, когда это выгодно определенным акторам международных отношений. А это, по сути, и есть разрушение международного правопорядка.

О каком праве как искусстве добра и справедливости можно всерьез говорить здесь?!». [4]

По его мнению, чрезвычайно перспективно «значение метамодернистского подхода для правовой теории и прежде всего для понимания права, лежащего в ее основе. Именно в этой области требуется, как мне кажется, “расшатывание догматов”, потому что без преодоления устоявшихся теоретических стереотипов невозможно противостоять кризису в правовой сфере. При этом в метамодернистском подходе привлекает идея синтеза различных типов правопонимания, развивающихся в рамках модерна, постмодерна и даже премодерна как особых парадигм мышления. ... В идее метамодерна мне видится возможность правового развития именно в этом направлении. В любом случае важно, что метамодернистская философия содержит в себе потенциал для преодоления того одностороннего, европоцентричного подхода к пониманию ценностей права и правовой демократии, доставшегося нам в наследство от эпохи модерна, который при желании так легко трансформируется в другую крайность — в циничную постмодернистскую практику. Только на пути такого широкого и в этом смысле — *метамодернистского* подхода к осмыслению права, позволяющего аккумулировать в себе эвристический потенциал самых разных типов правопонимания, возможно преодоление кризиса права и правовой демократии, который уже очевиден для любого неангажированного наблюдателя» [4].

Соглашаясь с авторитетным мнением перспективности интегративного подхода, позволю заметить, что его необходимо наполнять практической конкретикой для того, чтобы он стал работоспособной программой. Поэтому провозглашения важности и перспективности взаимодополнительности разных аспектов бытия права явно недостаточно. Таким перспективным инструментальным подходом, вытекающим из постулатов постпостмодернизма, на мой взгляд, является дискурс-анализ, конкретизирующий конструктивистскую парадигму постмодернизма.

Так, сегодня очевидно, что, например, уголовно-правовая политика (деятельность государства по криминализации и декриминализации некоторых деяний) не может быть «объективно рациональной», так как критерии общественной опасности являются «сущностно оспоримыми», контекстуальными и конвенциональными. Не случайно авторитетный швейцарский криминолог К.-Д. Кунц утверждает:

«Нормальность основывается на конвенциональном определении, которое не может быть объективным или универсальным. Масштаб норм соответствует тому, что влиятельные члены общества воспринимают нормальным. Если нарушение определяется на основе масштаба норм, то далее наблюдаются и описываются симптомы их нарушений у определенных индивидов». [5, С. 111–112] Поэтому «преступность не имеет в своей основе онтологической реальности: ее отношение к действительности исчерпывается в применении понятия к отелным действиям, которые в таком свете воспринимаются преступными. Действия «сами по себе» не являются преступными. Напротив, в разные эпохи и в иных обществах практикуется разное применение понятия преступного поведения, причем, в какой-то мере, чаще охвачены многие незначительные вопросы, а некоторые в высшей степени вредные для общества образцы поведения остаются не включенными в это определение. Преступность, не вдаваясь в подробности, есть продукт общества и выражает то или иное его культурное отношение к чему бы то ни было. Общество является той инстанцией, которая вырабатывает преступность. Криминальным считается то, что в обществе ассоциируют с пунитивными реакциями. Социальные взаимоотношения по поводу того, что является нормой, а что отклонением от нее, что есть желаемое, а что бойкотируется или запрещается, что толерируется, а что требует репрессий — определяет содержание преступности. Преступность невозможно обозначить без того, чтобы установить видимые отклонения от установленного обществом нормативного масштаба. Иными словами, она находится под влиянием общества — носит общественный характер. Преступность есть часть коллективной системы смыслов социума, в котором значения назначаются, а смыслы производят. Более того, преступность — это зеркало общества. Общество, через определение преступности, выражает свое понимание нормы и готовность проявлять толерантность» [5, с. 21–22].

Подводя итог всему вышеизложенному, можно утверждать, что право в ситуации постпостмодерна — это результат борьбы социальных групп (точнее — и представителей) за право официальной номинации некоторых социальных явлений и процессов как юридически значимых. Такой результат зависит не только от эффективности используемых дискурсивных практик по умению сформировать и навязать населению убедительную картину юридической реальности, но

и от расстановки политических сил, специфики культуры социума и множества других социокультурных факторов. Их изучение вместе с процессами юридической интериоризации — насущная задача пост-постмодернистской науки теории права, которая выступает аспектом правовой реальности общества постпостмодерна.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Гидденс Э. Последствия современности. Пер. с англ. Г. К. Ольховикова; Д. А. Кибальчича; вступ. статья Т. А. Дмитриева. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис». 2011
2. Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии / пер. с англ. Е. Рождественской, С. Гавриленко; Под науч. ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики» М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018.
3. Дзоло Д. Демократия и сложность: реалистический подход / пер. с англ. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010
4. Зорькин В.Д. Право метамодерна: постановка проблемы Лекция на IX Петербургском международном юридическом форуме (СПб., 16 мая 2019 года)[Электронный ресурс] — URL: <https://rg.ru/2019/05/16/zorkin-priverzhennost-vernoj-filosofii-prava-pozvoliaet-tvorit-dobro.html> (дата обращения — 15.03.2020).
5. Кунц К.-Д. Введение в криминологическое мышление / Пер. с нем. к.ю.н. Ангелины Козловой. СПб.: 000 Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2019.
6. Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина. М.: РИПОЛ классик, 2019.
7. Павлов А.В. Метамодернизм: критическое введение // Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина. М.: РИПОЛ классик, 2019.
8. Павлов А.В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. М.: РАНХИГС, 2019
9. Честнов И.Л. История и методология юридической науки: учебник. М.: ИНФРА-М, 2018. С. 106–118.
10. Эпштейн М. Постмодернизм в России. СПб: Азбука, 2019.

Раздел II

СТАТЬИ УЧАСТНИКОВ СЕКЦИИ «КОНСТИТУЦИОННОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА»

*Ответственный — доцент кафедры конституционного
и административного права, канд.юрид.наук, доцент Л.Ю.Свистунова*

УДК 342.7

Научная специальность — 12.00.02

Воронцова Мадлена Александровна

ст. преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия,
кандидат юридических наук

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РЕПРОДУКТИВНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СВЕТЕ ПРИМЕНЕНИЯ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Vorontsova Madlena

Senior Lecturer, Department of Public Legal Disciplines
North-West Branch of the Russian State University of Justice, PhD in law

CONSTITUTIONAL AND LEGAL ANALYSIS OF REPRODUCTIVE HUMAN RIGHTS IN THE LIGHT OF THE APPLICATION OF ASSISTED REPRODUCTIVE TECHNOLOGY

Abstract. The article is devoted to the analysis of the constitutional and legal regulation of reproductive human rights as natural human rights. It is proposed to form a legislative basis for carrying out procedures involving the use of assisted reproductive technologies in the field of medicine.

Key words: reproductive rights, health, constitution, assisted reproductive technologies.

В современном быстро меняющемся мире все актуальнее становится вопрос о совершенствовании правового регулирования сравнительно новых областей человеческой жизни. С развитием общества и государства приходит понимание необходимости признания новых прав, которые ранее не выделялись в теории права, в качестве самостоятельных, в том числе и их законодательной имплементации.

К одной из таких областей относится признание за человеком «репродуктивных прав».

Человечество начало задумываться о наличии у человека репродуктивных прав и сохранении репродуктивного здоровья как о важнейшей составляющей более общего понятия «здоровье» лишь в XX столетии. В свою очередь, понятие «репродуктивное здоровье» получило преобладающее распространение в мире в 1980-х годах, а само «понятие «репродуктивные права» впервые было зафиксировано в Программе действий, принятой Международной Конференцией по народонаселению и развитию (Каир, 1994 г.) и получило дальнейшее развитие в Докладе Четвертой всемирной Конференции по положению женщин и в принятой Конференцией Платформе действий» [1, с. 9]. В Платформе действий в качестве одного из основных принципов было выделено обеспечение государством всеобщего доступа к услугам по охране репродуктивного здоровья, которые связаны с планированием семьи и сексуальным здоровьем. Данным документом было также определено, что все супружеские пары и отдельные лица имеют основное право свободно и ответственно решать вопрос о количестве планируемых детей и продолжительности периода между их рождением, а также на получение необходимых для этого информации, образования и средств [4]. С этого момента репродуктивные права обрели законодательное закрепление на международном уровне. Российская Федерация присоединилась к данному документу [5, с. 13], тем самым взяла на себя ряд обязательств по развитию деятельности, направленной на сохранения репродуктивного здоровья своих граждан.

Конституция РФ 1993 г. несмотря на широкий перечень прав и свобод, приведенных в главе II, не содержит понятия «репродуктивные права», тем не менее нельзя однозначно сказать о том, что такие права у российских граждан отсутствуют. Для более детального анализа стоит обратиться к тексту Основного закона России: частью 1 ст. 55 закрепляется, что перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина; частью 1 ст. 17 — признание права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права. Таким образом, несмотря на то, что в тексте Конституции РФ «репродуктивные права» не закреплены, они все же признаются за российскими гражданами.

По своему характеру данная категория прав относится к соматическим правам человека. Репродуктивные права тесным образом связаны с самой природой человека, с возможностью продолжения своего рода или отказа от таковой. Стоит отметить, что специфическим объектом данных прав выступает тело человека [3, с. 2]. Отсюда следует, что репродуктивные права тесным образом переключаются с конституционным правом человека на охрану здоровья и медицинскую помощь, закрепленному ч. 1 ст. 41 Конституции РФ. Данная конституционная норма выступает одной из конституционных основ охраны репродуктивных прав человека. Именно от того насколько будет обеспечена охрана здоровья человека, а в необходимых случаях — своевременная и квалифицированная медицинская помощь, во многом зависит сохранится ли у человека способность иметь детей. В целом репродуктивные права по своему содержанию связаны с правом женщин и мужчин на охрану здоровья в сфере репродуктивной системы человека. Таким образом, конституционно-правовое регулирование прав граждан на охрану репродуктивного здоровья находит свое отражение в тексте Конституции РФ.

Конституция РФ в ст.19 закрепляет принцип равенства всех людей, а в ч. 3 закрепляется равенство мужчины и женщины. Несмотря на то, что мужчины и женщины имеют ряд физиологических различий, репродуктивные права принадлежат всем людям без исключения, не зависят от их гендерной принадлежности и носят естественный характер.

В теории права «Данная категория прав, как правило, разделяется на две категории: репродуктивные права негативного характера (аборт, стерилизация, контрацепция) и репродуктивные права позитивного характера (искусственное оплодотворение)» [2, с. 26]. Полагаем целесообразным включить сюда и право человека свободно определять сколько детей иметь или не иметь вообще, когда и с какой периодичностью рожать детей, рожать самостоятельно (для женщин) или с использованием услуг суррогатной матери, а также право на поддержание фертильных функций организма (возможность доступа к медицинским услугам в репродуктивной области) и, как следствие, право знать каким образом осуществляется все вышеуказанное. Здесь же следует рассматривать право на свободу от принудительной стерилизации, абортов и контрацепции.

Особую актуальность гарантии обеспечения и охраны «репродуктивных прав» приобретают в свете применения вспомогательных

репродуктивных технологий. В современных условиях российские граждане все чаще используют вспомогательные медицинские технологии при планировании рождения детей. Стремительное развитие репродуктивных технологий и активный интерес к ним со стороны граждан объективно требуют обеспечения правового регулирования как самой процедуры их проведения, так и охраны репродуктивных прав человека.

Стоит отметить, что на сегодняшний день насчитывается достаточно большое количество семей, в которых один из супругов или оба по состоянию здоровья имеют проблемы с рождением ребенка. Причин этому можно выделить достаточно много: снижение общего здоровья граждан; рост числа патологий; стресс; плохая экология; халатное отношение к своему здоровью со стороны самих людей; заболевания, передающиеся половым путем; работа во вредных условиях труда; высокий уровень абортот; отсутствие должного информирования широких масс населения о способах поддержания репродуктивных функций организма и другие.

Охрана репродуктивного здоровья населения России является одной из приоритетных задач проводимой государственной политики в сфере медицины. Стремительное развитие репродуктивных технологий пришлось на начало XXI в., когда страна стала принимать усилия для решения проблемы колоссального снижения рождаемости в 90-х годах XX в., в данный период стала активно развиваться медицина в области вспомогательных репродуктивных технологий, в том числе как внедряться западные, так и разрабатываться новые отечественные технологии. На сегодняшний день репродуктивные технологии активно поддерживаются государством и рассматриваются им в качестве решения демографической проблемы, в частности для повышения рождаемости.

В течение долгого периода времени данная сфера общественных отношений не подпадала под правовое регулирование. Более того, стоит отметить, что имеется существенный законодательный пробел, так как на текущий момент отсутствует правовой массив, способный в полной мере объективно решить вопрос детальной регламентации вспомогательных репродуктивных технологий, а также закрепить на законодательном уровне репродуктивные права и правовые гарантии их обеспечения. В настоящее время все законодательное регулирование вспомогательных репродуктивных технологий сводится

к ст. 55 «Применение вспомогательных репродуктивных технологий» Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ, что является недостаточным.

В этой области существует множество вопросов, требующих правовой регламентации: проведение вспомогательных репродуктивных процедур сопряжено с высокими рисками для пациентов; при проведении процедуры экстракорпорального оплодотворения организм женщины подвергается повышенным физическим и психологическим нагрузкам; до конца не урегулированы вопросы разграничения родительских прав у потенциальных родителей «заказчиков» и суррогатной матери; темным пятном остается право использовать репродуктивный материал после смерти донора и возможность его наследования родственниками; использование эмбрионов после развода супругов и другие. Сейчас в данной области имеется больше вопросов, нежели ответов.

В первую очередь, необходимо минимизировать фактор врачебных ошибок при проведении подобных процедур, обеспечить охрану репродуктивных прав человека, так как ценой подобных ошибок могут быть тяжелые последствия, сопряженные с неспособностью человека в дальнейшем иметь детей, а в крайних случаях — с его смертью.

На сегодняшний день, только устранив законодательные пробелы можно говорить о том, что права человека соблюдаются в полной мере. Внедрение механизмов правового регулирования в сфере применения вспомогательных репродуктивных технологий будет способствовать повышению уровня безопасности человека, созданию более благоприятных условий для реализации государственных гарантий его полноценной защиты и охраны. В данной ситуации целесообразным будет принятие на федеральном уровне нормативно-правового акта, который закрепит понятие «репродуктивные права», гарантии обеспечения репродуктивных прав, сформирует правовые рамки применения вспомогательных репродуктивных технологий в области медицины, разграничит права и обязанности суррогатной матери и потенциальных родителей («заказчиков»).

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Балаева Е.А. Гендерная экспертиза законодательства РФ: репродуктивные права женщин в России / Е.А. Балаева М., МЦГИ / Проект гендерная экспертиза, 1998. 135 с.

2. Гончаров И. В. Соматические права: вопросы юридического признания и практика реализации // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 2. С. 23–27.

3. Поцелуев Е. Л., Данилова Е. С. Понятие и виды личных (соматических) прав человека // Наука. Общество. Государство. 2015. № 1. С. 1–10.

4. Программа действий. Принята на Международной конференции по народонаселению и развитию. Каир, 5–13 сентября 1994 г. Юбилейное издание по случаю 20-летия. 392 с. URL://<https://www.un.org> (дата обращения: 10.03.2020)

5. Самойлова В. В. Семейно-правовые аспекты реализации репродуктивных прав при применении вспомогательных репродуктивных технологий / В. В. Самойлова. М., МЭСИ, 2012. 159 с.

УДК 342

Коломейцева Т. А.

доцент кафедры конституционного и административного права СПбГЭУ,
кандидат юридических наук

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ ФЕДЕРАТИВНОГО ГОСУДАРСТВА

Федеративное устройство — это организация федеративного государства, которая характеризуется определенным уровнем взаимодействия органов государственной власти федерации с органами власти составных частей этого государства и взаимоотношения органов власти субъектов федеративного государства.

Согласно п. 3 ст. 5 Конституции РФ 1993 г., федеративное устройство Российской Федерации основано на государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, равноправии и самоопределении народов в РФ.

Принцип единства системы органов государственной власти Российской Федерации. В целях обеспечения единого взаимодействия органов власти в законодательстве Российской Федерации правоустановлено, что системы органов государственной власти субъектов Российской Федерации образуются и функционируют согласно основным началам, устанавливаемым как федеральными, так и региональными нормативно-правовыми актами. В настоящее время такие принципы

отражены в Федеральном законе от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации».

В соответствии с Конституции РФ принцип единства системы органов государственной власти непосредственно закрепляется в отношении системы органов исполнительной и судебной власти.

Согласно ч. 2 ст. 77 Конституции Российской Федерации лишь в пределах ведения Российской Федерации и полномочий федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации образуют единую систему исполнительной власти в Российской Федерации.

Таким образом, если в унитарном государстве принцип единства системы органов власти распространяется на все сферы ведения, то в федеративном — на предметы ведения Российской Федерации и частично — совместного ведения.

Вышеуказанный принцип предполагает наличие целей и принципов, объединяющих все элементы указанной системы, а также характер связи между ними. Объединяющими все субъекты государственной власти в России являются:

- Конституция Российской Федерации, верховенство которой распространяется на все государственные органы и должностные лица, действующие в России;
- основы конституционного строя, зафиксированные в гл. 1 Конституции Российской Федерации, обязательные для всех государственных структур (и федеральных, и субъектов федерации), и создающие единый режим деятельности государства по отношению ко всем социальным субъектам, находящихся под юрисдикцией Российской Федерации;
- единое социальное предназначение государственной власти и всех её структур, независимо от дифференциации функций, задач и полномочий, — соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, обеспечение безопасности общества;
- единые режим и формы деятельности власти — демократическая и правовая государственность.

Государственная целостность. Данный принцип российского федерализма указывает на принципиальное качество российского

государства, состоящего из субъекта федерации, но выступающего как целое организационно-властное явление во внутренних и внешних политико-правовых отношениях.

Этот принцип проявляется: в неделимости и неотчуждаемости территории Российской Федерации, так как территория каждого субъекта является одновременно и территорией России (ч. 1 ст. 67); в едином государственном суверенитете, которым не обладает ни один субъект федерации; в едином российском гражданстве (ч. 1 ст. 6); в единых денежной единице и системе налогов (ч. 1 и 3 ст. 75); в едином экономическом пространстве (ч. 1 ст. 8, ст. 74); в единых государственных символах и едином государственном языке (ч. 1 ст. 68, ч. 1 ст. 70).

Данный принцип произведен от основополагающего начала, нашедший свою правовую регламентацию в ст. 3 Конституции РФ, согласно которой носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является народ Российской Федерации во всем его национальном многообразии.

Согласно Постановлению Конституционного Суда Российской от 31 июля 1995 г. № 10, в котором отмечается, что целостность государственной территории РФ — основа равного правового статуса всех граждан независимо от места их проживания, способ обеспечения основных прав и свобод [5]. В Постановлении от 7 июня 2000 г. № 10 — П Конституционный Суд Российской Федерации обосновал вывод о признании суверенитета только за Российской Федерацией в целом (но не за какими-либо субъектам федерации), ссылаясь, в первую очередь, на принцип государственной целостности.

Исходя из положения данного принципа субъекты Российской Федерации лишены права сепарации в силу единого и неделимого народного суверенитета Российской Федерации.

Равноправие субъектов Российской Федерации. В соответствии с пунктом четвертым статьи пятой Конституции РФ 1993 г. субъекты нашего государства равноправны между собой во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти. В соответствии с этим принципом закрепляется единый список сфер ведения Российской Федерации и предметов совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Данный принцип указывает на формальные юридические связи между субъектами Российской Федерации и самой федерации, а также на уровень правых возмож-

ностей, которыми наделяется каждый субъект федерации в отношении с другими составляющими федерацию субъектами.

Равноправие — важный принцип демократического общества. Система взаимодействия множества территориальных образований в Российской Федерации строится на основе принципа их равноправия. Этот принцип закреплён как основа конституционного строя (ч. 1 и 4 ст. 5 Конституции Российской Федерации). Он определяет, в первую очередь, одинаковые правовые возможности, заложенные в статусе каждого субъекта федерации — независимо от вида, размера и характера территории, численности населения и других факторов.

По общему правилу, каждый субъект Российской Федерации наделён Конституцией РФ одинаковым набором властно-правовых возможностей. Наиболее важные среди них: право быть стороной федеративного договора и иных договоров; право создавать свою систему органов власти и свою нормативно-правовую систему, включающую учредительные акты — конституция (устав), законы и подзаконные акты; право использовать на территории субъекта Российской Федерации формы прямой и непосредственной демократии для принятия властных решений по вопросам собственного и совместного с Российской Федерацией введения в соответствии с единым для всех субъектов федерации исключительным перечнем (ст. 72 Конституции РФ); единым подходом, зафиксированном ст. 73 Конституции РФ; право на согласие при решении вопроса об изменении своих границ; право на инициирование вопроса об изменении своего статуса, а также об объединении с другими субъектами федерации.

Ч. 5 ст. 5 Конституции Российской Федерации подтверждают равные правовые возможности субъектов федерации в отношениях с федеральными органами государственной власти. Основной Закон России, иное федеральное законодательство конкретизируют эти возможности. Согласно ч. 2 ст. 95 Конституции РФ, в Совет Федерации входит по два представителя от каждого субъекта федерации: по одному от представительного и от исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации. Законодательный представительный орган государственной власти любого субъекта федерации вправе обратиться в Государственную Думу с законодательной инициативой, а также выразить свое одобрение

либо неодобрение законопроекта, поступившего в Государственную Думу до его рассмотрения в первом чтении, если этот документ касается вопросов совместного ведения Российской Федерации и её субъектов. Органы законодательной и исполнительной власти каждого субъекта Федерации имеют возможность запросить Конституционный Суд Российской Федерации разрешить вопрос о соответствии основному закону страны нормативного правового акта или договора.

Принцип равноправия субъектов Российского государства предопределяет и требование статьи семьдесят семь Конституции РФ: система органов государственной власти субъектов РФ устанавливается соответствии с общими принципами организации представительных и исполнительных органов государственной власти. При этом часть четвертая статьи 66 Конституции РФ предоставляет право таким субъектам Федерации, как автономные округа, входящих в состав другого субъекта, заключать договоры между органами власти автономного округа и, соответственно, органами государственной власти края или области. Из указанной нормы вытекает право данных субъектов инициировать принятие федерального закона о взаимоотношениях автономного округа и субъекта федерации, в состав которого он входит. Кроме того, каждый субъект федерации вправе заключать индивидуальный договор о разграничении предметов ведения и полномочий с Федерацией.

Принцип равноправия и самоопределения народов. Данный международно-правовой принцип, упомянутый в преамбуле и закреплённый ч. 3 ст. 5 Конституции РФ как один из принципов государственного устройства России, напрямую к институту федерализма не относится. Международно-правовые документы адресуют его любым демократическим государствам мира независимо от их территориального устройства.

Однако особенности российского общества и федеративного устройства российского государства тесно связывает институт федерализма с принципом равноправия и самоопределения народов. При этом отдельного разъяснения требует использование в качестве основы данного принципа специального понятия — «народы России».

Термин «народ» применен в Конституции РФ 1993 г. в двух несопадающих по смыслу значениях. Во-первых, ст. 3 говорит о совокупной массе граждан России как социальной общности, исторически

сложившейся на её территории и являющейся основой государственной власти в Российской Федерации: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является её многонациональный народ».

В науке понятие «многонациональный народ Российской Федерации» означает одного из трёх базовых субъектов российского общества наряду с человеком и государством: «человек — народ — государство».

Во-вторых, принцип равноправия и самоопределения народов, закреплённый ч. 3 ст. 5 Конституции Российской Федерации, представляет другое понятия — «народы Российской Федерации», наполняя его специальным содержанием.

В данном контексте народы России — устойчивые социальные общности, характеризующиеся: компактностью расселения на части территории России; этнической общностью и общностью этнического языка; особенностями культуры, традиций, обычаев; самоидентификацией, то есть осознанием своего единства как отдельной общности; фиксированным самоназванием.

Содержание принципа равноправия и самоопределения народов условно можно разделить на две составляющие. Первая отражает отношения равноправия, которые обеспечивают одинаковые возможности всем народам независимо от численности, размера территории компактного расселения выступать объектами правовой защиты, аккумулировать собственные интересы, представлять и отстаивать свои притязания в отношениях с публичной властью.

Вторая составляющая данного принципа — самоопределение народов как право определенного народа свободно устанавливать свой политический статус и свободно обеспечивать свое экономическое, социальное и культурное развитие. Все народы для достижения своих целей могут свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами без ущерба для каких-либо обязательств, вытекающих из международного экономического сотрудничества, основанного на принципе взаимной выгоды, и из международного права.

В науке самоопределение народа связывают с возможностью самостоятельно определять форму своей политической организации, то есть создавать собственное государство либо отказаться от создания единой политико-территориальной формы.

В теории права сецессия, то есть отделение в одностороннем порядке части территории государства, признается нежелательной, исключительной формой самоопределения; её использование возможно только в ситуации, когда иные способы к устранению вооруженного противостояния не привели.

Конституция Российской Федерации, провозглашая принцип самоопределения народов России, предусматривает такие формы его реализации как:

- образование субъекта Федерации;
- объединение субъектов Федерации;
- прекращение существования субъекта федерации на национально-территориальной основе;
- изменение статуса субъекта Российской Федерации;
- образование национальной автономии в составе субъекта Российской Федерации.

Сецессия, то есть отделение, как форма самоопределения народа Конституцией РФ не предусмотрена, что логически вытекает из принципов государственной целостности, единого суверенитета России, а также приоритета прав человека (ст. 2 и 4; ч. 3 ст. 5).

Однако с учётом мировой практики преобразования современных государств, а также наличия действующего конституционно-правового института принятия в состав Российской Федерации нового субъекта федерации (ч. 2 ст. 65), следует расценивать институт сецессии как имеющий право на существование одновременно в конституционном и международном праве.

Разграничение предметов ведения между федерации и её субъектами является одним из первоочередных принципов разделения государственной власти между центром и составными частями в федеративном государстве.

Данный принцип занимает центральное место в федеративном устройстве России, поскольку с его помощью устанавливается механизм распределения власти между Российской Федерацией и входящими в неё субъектами. Модель децентрализации власти суверенного государства — главный вопрос любой федерации. Одни федеративные конституции выделяют перечень исключительной компетенции федерации; остальные же вопросы могут решать её субъекты — Австралия, Бразилия. В других федерациях представлена конституционная регламентация двух сфер компетенции: первую

составляет исключительное ведение федерации; вторая представляется в виде исключительной компетенции её членов — Канада, либо единого перечня конкурирующей компетенции федерации и её членов — ФРГ. Третья модель включает три уровня разграничение власти: Исключительную компетенцию федерации — США; компетенцию субъекта федерации и совместную компетенцию федерации и членов федерации Индии. Существуют и более сложные модели распределения власти между федеральным центром и членами федерации — Австрии. Модель распределения власти в Российской Федерации устанавливается, главным образом, нормами главы третьей Конституции РФ: «Федеративное устройство» и, прежде всего статьями 71 72 и 73 Конституции Российской Федерации. Согласно этой модели вся суверенная власть Российского государства разделена на три области ведения: сфера ведения Российской Федерации; конкурирующее законодательство Российской Федерации и субъектов Российской Федерации; собственные сферы действия субъекта федерации. Сфера ведения — область социальной жизни, в рамках которой принятие властных решений отнесено законом к определённому уровню власти. Каждая сфера ведения структурирована по предметам ведения — виды общественных отношений, в рамках которых властные решения вправе принимать субъекты определённого властного уровня. Например, в сферу ведения Российской Федерации включён целый перечень предметов ведения, обозначенной частью первой статьи 70 первой Конституции Российской Федерации. Наконец, каждый из предметов ведения, в свою очередь, подразумевает целую систему полномочий, закреплённых за конкретными государственными органами или должностными лицами, представляющими тот или иной уровень власти.

Свистунова Людмила Юрьевна

доцент кафедры конституционного и административного права СПбГЭУ,
кандидат юридических наук, доцент

**ГАРМОНИЗАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
КАК ЭЛЕМЕНТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПОНЯТИЕ, ПРИНЦИПЫ
И КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЕ ПРЕДЕЛЫ**

Svistunova Lyidmila

**HARMONIZATION OF LEGISLATION AS AN ELEMENT OF
GLOBALIZATION: CONCEPT, PRINCIPLES AND
CONSTITUTIONAL AND LEGAL LIMITS**

Abstract: The article is devoted to the analysis of the development of national legislation in the field of protection of the right to education and its harmonization in the system of international law.

Key words: Constitutional law, the right to education, harmonization of legislation, human and civil rights.

С начала XX века и по сей день главным неотъемлемым атрибутом правового государства признаются права и свободы каждого человека и гражданина. Комплекс прав каждого члена общества обеспечивает ему не только защиту и социальные гарантии, но и даёт ему право для развития и саморазвития. В наше время в постоянно развивающемся, меняющемся обществе и государстве, общественные отношения подвержены постоянному влиянию культурной, экономической, политической, информационной интеграции во всех сферах жизни. В сложившейся ситуации особую значимость приобретает образование, и конституционно закреплённое право на его получение. Ведь именно образование на всех его уровнях выступает фундаментом, основой для формирования правильной, грамотной экономики, политики, государственности, культуры, что становится просто невозможным без активности граждан государства.

В соответствии с концепцией модернизации российского образования в период до 2020 года, в современных условиях социокультурной глобализации, развивающемся обществу нужны современно образованные, нравственные, предприимчивые люди, которые смогут самостоятельно принимать ответственные решения в ситуации выбора,

прогнозируя возможные последствия, способны к сотрудничеству, отличаются мобильностью, динамизмом, конструктивностью, обладают развитым чувством ответственности за судьбу страны [1].

Мировые тенденции развития взаимоотношений между государствами обосновывают необходимость преобразований в сфере образования. Об этом Президент страны В.В. Путин говорил в своём ежегодном Послании Федеральному Собранию Российской Федерации еще в начале двадцать первого века: «Считаю, что должен быть изменён сам подход к образованию. В эпоху глобализации и новых технологий это не просто социальная сфера — это вложение в будущее страны»[2].

Постоянная модернизация влечёт за собой необходимость формирования качественно-нового понимания права на образование, закреплённого в Конституции РФ. Это, в свою очередь, порождает вопросы, касающиеся его содержания и реализации на практике. Как представляется автору, здесь перед обществом встаёт ряд вопросов, требующих переосмысления и анализа:

- потребность теоретического переосмысления понятия и содержания конституционного права на образование.
- необходимость реформы нормативно-правового регулирования реализации прав граждан Российской Федерации на образование.
- необходимость разработки дальнейших целей и задач в области опережающего правотворчества в сфере развивающейся глобализации и интеграции. Это основные из тех факторов, которые должны способствовать модернизации и реформированию нормативно-правового регулирования образовательных правоотношений. Анализируя современную структуру законодательства, беря во внимание факторы постоянно меняющегося, трансформирующегося и развивающегося общества, мы приходим к тому, что государство обязано не только создать, но и гарантировать реализацию условий для реального участия всех членов общества в развитии системы образования. Следовательно, государству необходимо обеспечить не только формирование качественной образовательной среды, но и контроль за реализацией конституционного права на образование, в том числе, за созданием и надлежащим исполнением законодательства об образовании; за разработкой и реализацией государственных

образовательных стандартов, а также за соблюдением и защитой прав и законных интересов всех субъектов правоотношений в этой сфере.

Необходимо понимать, что современная система образования ориентируется на вхождение в мировое пространство, прежде всего культурное и образовательное. Одним из наиболее очевидных признаков глобализации современности является международная интеграция национальных образовательных систем. Таким образом, мировая интеграция, глобализация, информатизация кардинальным образом влияют на развитие всех современных систем, в особенности образовательных. В связи с этим четкие границы обретает целый ряд сопутствующих проблем, системно появляющихся в активно развивающемся мире. Определяя широкий круг проблем, не углубляясь в индивидуальность каждой, многие из современных западных и отечественных специалистов связывают дальнейшее позитивное функциональное развитие образовательных систем именно с глобализацией.

Представляется, что поэтапная и последовательная гармонизация национального законодательства с нормами международного права приведет к значительному повышению уровня и качества образования в Российской Федерации. Отметим, что этот процесс уже активно идет — это процесс реформирования правовой базы, направленной на создание и укрепление основ демократического строя, ставит высокие планки, главным образом, в вопросе совершенствовании законотворческой, правотворческой, правоприменительной деятельности. Это и повышение качества закона, устранение выявленных проблем и пробелов в уже существующем строе, корректировка противоречивости норм, обеспечение эффективной и грамотной реализации действующих нормативно-правовых актов.

Нормативно-правовая база и её реализация на практике всегда служат индикаторами юридических конфликтов. Некоторые из них порождаются правовыми актами низкого качества, принятыми несвоевременно, и как следствие, противоречивыми. В процессе столкновения этих актов возникают правовые конфликты в их многообразном проявлении. Именно принятие и реализация качественных нормативно-правовых актов играют активную роль в преодолении подобных конфликтов. Отметим, что «гармонизацию» применительно к сближению нормативной базы различных государств следует рас-

сма­тривать как процесс согласо­вания в решении задач по совершен­ствованию нор­мативной базы и правоприменительной практики в образовательном процессе и достижении общей цели — реализации права человека на образование. Этот процесс достаточно универсальный и сложный, который должен привести, в итоге, к созданию еди­нообразных принципов и механизмов.

В современной правовой науке выделяют два уровня гармонизации, первый из которых — уровень статической гармонизации, представляющий собой процесс изменения содержания правовой базы в пределах конкретного закона, между двумя и большим количеством законов (межобъектная гармонизация или же согласо­вание правовых актов в пределах единого для них предмета регулирования (монопредметная гармонизация). Второй уровень — динамическая гармонизация — анализ и работа непосредственно над действием законов. Здесь выделяется два подуровня: темпоральная (преодоление противоречий без внесения в законодательство содержательных коррекций) и алгоритмическая гармонизация с обязательными изменениями содержания правовых актов. Между собой эти уровни не перекликаются, но это не исключает их применение одновременно, или последовательно друг за другом.

Как правовой феномен, гармонизация может перекликаться и соотносится с такими процессами как унификация, инкорпорация, консолидация, имплементация, систематизация законодательства.

Что бы четко выделить именно наш правовой феномен гармонизации в науке четко выделяются функции, которые он в себе включает, основные из них: гносеологическая, инструментальная, обеспечения согласо­вания в действиях различных субъектов, обеспечение рационально взаимосвязи субъектов правовых отношений, организация методического процесса правоприменения и другие.

Таким образом, основной целью гармонизации является такое состояние законодательства в образовательной сфере, которое можно охарактеризовать как единое целое нор­мативной базы.

Отдельного внимания заслуживают принципы гармонизации. Перечислим основные из них: целесообразность; пропорциональность, симметричность, вариативность, универсализация, реализм, рентабельность.

Пропорциональность включает в себе грамотное соотношение, синхронизацию нор­мативных актов и их взаимодействий. Симметричность

подразумевает под собой возможность повторного отражения композиции нормативных актов, либо внешнюю рецепцию. Для предупреждения стагнации и плоскости правовых норм сформулирован принцип вариативности, который требует наличия подвижности, гибкости и взаимодействия различных векторов движения. По сути это возможность корректировки самой гармонизации на всех этапах её развития. Принцип универсализации подразумевает универсализацию процедурно-временных параметров. Основной базой гармонизации выступают реалии права в действительности, отсюда вытекает принцип реализма. Кроме того, гармонизация должна быть оправдана с точки зрения экономических процессов, должна быть экономически обоснована и должна выступать экономически безопасным процессом деятельности.

Обращаясь непосредственно к науке, правоведы выделяют несколько уровней гармонизации, а именно: в пределах правовой нормы или акта; горизонтальный; вертикальный; типологическая корреляция; межгосударственный уровень.

Наиболее узкий из них — уровень гармонизации в пределах нормативного акта. Выделяют два вида: проектирование правовой нормы и согласование ее элементов; проектирование структуры правового акта и согласование норм между собой

Следующий уровень горизонтальной гармонизации, предполагает работы внутри одного блока нормативных актов, либо актов, касающихся одного предмета ведения. Здесь остро встают вопросы межотраслевого взаимодействия. Предметы, находящиеся в подведомственности различных субъектов правоприменения не могут быть урегулированы без гибкого реформирования законодательных норм.

Иерархическая или горизонтальная гармонизация. Это наиболее проработанный приём в технике нормотворчества. Единство системы, согласованность и иерархичность нормативно-правовых актов залог правильного функционирования системы.

Наиболее высоким из внутринациональных уровней гармонизации выступает типологическая корреляция — приведение в систему нескольких близких законодательных блоков и правовых комплексов.

Четвёртый уровень, международной гармонизации предусматривает взаимодействие законодательств суверенных государств. Примером такого процесса могут послужить «Рекомендации по гармонизации»

зации законодательств государств — членов ЕврАзЭС в области определения критериев качества профессионального образования», одобренные постановлением Бюро МПА ЕврАзЭС от 02.12.2009 № 11.

В современном постиндустриальном обществе, глобализационные процессы открывают всё новые и новые возможности, особенно в сфере образования. Прежде всего, это широкие возможности доступа человека и гражданина к образованию, что обусловлено развитием информационных технологий. Интернет, как средство связи и как информационная сеть стал важнейшим ресурсом получения информации, для людей, граждан всех возрастов и профессий, которые имеют желания получить образование, не выходя из дома. На просторах интернета с каждым днём растёт количество образовательных порталов и сайтов. Большинство ВУЗов нашей страны уже имеет в интернете электронные версии своих образовательных программ и учебных планов. Благодаря интернету перестала существовать монополия государства на развитие образования. Но гораздо важнее то, что благодаря информационным технологиям качественно новые форм начал приобретать сам процесс получения образования. Возник и стремительно развивается феномен дистанционного обучения. С каждым днём разрабатывается всё более масштабные и доступные программы дистанционного обучения, что имеет огромное значение для людей с ограниченными возможностями. Процесс выбора программ и дисциплин всё меньше ограничивается объективными рамками, доступность образовательных услуг позволяет составить гибкую, индивидуальную программу обучения для каждого.

Однако наряду с положительными аспектами существуют и проблемы, на которых тоже стоит сделать акцент. Первая масштабная проблема, которая встаёт перед каждым человеком, особенно в сфере образования, это необходимость умения пользования компьютерными технологиями. И педагог, и обучаемый должны иметь навыки использования новейших технологий. Вторая, не менее серьёзная проблема — языковой барьер. Большая часть интернет ресурсов англоязычные, что делает их практически недоступными для людей, не знающих языка. Однако, существующие проблемы поэтапно и последовательно решаются на всех уровнях и государства, и институтов гражданского общества.

Таким образом, гармонизация законодательства представляет собой совокупность мер организационно-правового характера, осуществляемых государством по согласованию правовых норм для достижения цели приведения их в ограниченно слаженное, равновесное состояние для реализации и защиты конституционных прав и законных интересов, в том числе в сфере права на образование.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES:

1. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 295 (ред. от 01.03.2017 г.) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы» // Собрание законодательства РФ, 28.04.2014 г. — № 17. — ст. 2058.
2. Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации. «Не будет ни революции, ни контрреволюции» // Российская газета, 2001 год. № 7. С. 4.

Раздел III

СТАТЬИ УЧАСТНИКОВ СЕКЦИИ «УГОЛОВНОГО ПРАВА И УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА»

Ответственный — заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса, кандидат юридических наук, доцент О.А. Чабукиани

УДК 347.96

Научная специальность: 12.00.09

Виноградов Владимир Александрович
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
юридического факультета РГПУ им. А.И.Герцена

ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫЕ ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ НА КАЧЕСТВО ОКАЗАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Vinogradov Vladimir
senior lecture of the department of Criminal
procedure of Hersen RSPU

ECONOMICAL AND LAW FACTORS THAT MADE INFLUCE ON A QUALITY OF LEGAL ASSISTANCE IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE

Abstract: In basic article are analyzed legal norms that regulate an order of advocates assignment for work at public expense. The purpose of article consists of definition the most problem factors (economical and law) that make influence on a quality of work of advocates who receive applications of law enforcement authorities in the Russian criminal procedure On the base of the research that was made author conclusion that Russian legislator should limit the number of law-processual actions in which advocate has write to take care during one day

Key words: criminal procedure, advocate, defendant, defense, legal assistance

Актуальность рассматриваемой проблематики вызвана необходимостью полной реализации норм статьи 48 Конституции Российской Федерации, предусматривающей каждому лицу право на получение юридической помощи в случаях, предусмотренных законом. В контексте анализа юридической действительности в рамках уголовного судопроизводства наиболее сложным и болезненным можно признать

вопрос осуществления защиты в порядке статей 50, 51 Уголовно-процессуального кодекса РФ, — так называемой работы «по назначению», то есть счет средств федерального бюджета. Качество данной работы не должно быть ниже чем при оказании юридической помощи по назначению. Согласно пункту 8 статьи 10 Кодекса профессиональной этики адвоката [1] обязанности адвоката, установленные действующим законодательством, при оказании им юридической помощи бесплатно в случаях, предусмотренных законодательством, или по назначению органа дознания, органа предварительного следствия или суда не отличаются от обязанностей при оказании юридической помощи на гонорарной основе.

Данное требование приобретает особое значение в субъектах РФ, где данный порядок оказания защиты по уголовным делам является основным. Так, по данным Счетной палаты РФ [2] в 2018 году наибольшая доля адвокатов, участвующих в уголовном судопроизводстве по назначению, от общего количества адвокатов в разрезе субъектов Российской Федерации установлена в Ненецком автономном округе (100%), Республике Алтай (96,7%), Пензенской области (95,2%), Забайкальском крае (93,4%), Ханты-Мансийском автономном округе (92,5%).

Главной проблемой при оценке качества работы защитника в уголовном процессе стоит признать сложность выработки объективных критериев ее осуществления. Этот факт обуславливает и наличие различных подходов Адвокатских палат субъектов РФ при решении вопроса о применении дисциплинарных санкций к нарушителям профессиональной этики. [3, с.34]

Представляется, что правильным шагом на пути к частичному решению данной проблемы явилось принятие Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве.[4] Данный акт установил объем **необходимых** процессуальных действий адвоката при оказании юридической помощи своему подзащитному, однако говорить о надлежащем качестве работы адвоката можно говорить лишь тогда, когда необходимая форма наполняется **достаточным** содержанием в виде реального, а не формального участия в уголовном судопроизводстве. Однако, категория надлежащего содержания вряд ли поддается какой-либо универсальной методической оценке и справедливо оценивается индивидуально в каждом конкретном случае.

Между тем, Стандарт не может полностью снять проблематику некачественной юридической помощи «по назначению» в силу объ-

активных экономических факторов. К таковым можно отнести не только ставший предметом ироничного профессионального фольклора размер оплаты данной работы [5], но и порядок начисления денежных средств. Самой проблемной нормой данного правового акта является, по мнению автора, абзац 2 статьи 23. «Время занятости адвоката, участвующего в уголовном деле по назначению дознавателя, следователя или суда, исчисляется в днях, в которые он был фактически занят осуществлением полномочий адвоката по соответствующему уголовному делу, вне зависимости от продолжительности работы по данному уголовному делу в течение дня, в том числе в течение нерабочего праздничного дня или выходного дня либо ночью времени».

Таким образом, равные суммы подлежит выплате как адвокату, который выступил в судебных прениях продолжительностью 10 минут, так и защитнику, который провел практически весь день, участвуя в многочасовом и изматывающем допросе в следственном отделе. Разумеется, что даже короткое участие в процессуальном действии подразумевает, как правило, долгую, а иногда, и затратную подготовку к нему. Поэтому избранный Правительством России подход в данной части изначально представляется оправданным. К сожалению, как это нередко бывает, этичный и соответствующей, в том числе рыночным условиям посыл, возведенный в норму права, был извращен при столкновении с правовой действительностью.

Основой профессиональной стратегии ряда недобросовестных адвокатов стало увеличение количества следственных действий, в которых они принимают участие в течение дня. Разумеется, что это возможно только при условии, что присутствие на каждом из них по отдельности не отнимает у такого защитника критическое для него количество времени. Данное обстоятельство, в свою очередь, влечет избрание пассивной тактики защиты, а иногда и вовсе просто физическое присутствие адвоката — «кивалы», вся защитительная деятельность которого, сводится к фразам «ходатайств не имею» и «вопрос наказания оставляю на усмотрение суда».

Вполне естественно, что данная проблема не осталась без внимания органов адвокатского сообщества, которое предпринимает определенные усилия к искоренению описанной практики. Одной из таких мер стало распространение на общефедеральный уровень [6], внедренного ранее рядом адвокатских палат субъектов РФ правила о вызове

адвоката должностными лицами правоохранительных органов и судом не путем непосредственного обращения к специалисту, а посредством направления заявки координатору адвокатской палаты субъекта РФ, который, в свою очередь, распределяет обращения об осуществлении защиты в соответствии с установленными палатой субъекта РФ правилами (например, с помощью электронной очереди).

Данный шаг направлен на предотвращение появления «связок» в виде недобросовестного следователя (дознателя) и адвоката, объединенных общим интересом формального и короткого проведения следственного действия. Между тем, несмотря на всю необходимость и адекватность принятой новеллы, а также реальность применения к нарушителям самых строгих мер, адвокаты продолжают принимать вызовы непосредственно от сотрудников правоохранительных органов. Такие случаи не являются единичными, о чем свидетельствуют обобщения дисциплинарной практики крупнейших адвокатских палат. [7] [8] [9] Без интервьюирования нарушителей сложно сказать, что движет ими в первую очередь — незнание правил работы или тривиальная жадность, но очевидно, что необходимы дальнейшие шаги в анализируемом направлении.

По мнению автора, необходимо введение правового ограничения на количество следственных действий в порядке работы по назначению в течение дня. Представляется, что их оптимальное количество не может превышать 2 в течение суток, а в исключительных случаях (таких как участие в ночных следственных действиях) — не более трех.

Вопрос о том — насколько оправдано искусственное количественное ограничение объема работы адвоката в порядке назначения здесь вполне уместен. И ответ на него видится следующим. В отличие от работы по соглашению, где основным регулятором выступают законы рыночных отношений и качество работы определяется, прежде всего доверителями, а основным профессиональным активом адвоката является его репутация, сам клиент определяет готов ли он доверить свою судьбу перегруженному работой адвокату. В ряде случаев, особенно при наличии у адвокатского образования достаточной материально-технической базы и кадровых ресурсов, ведение большого числа дел одним адвокатом не является большой проблемой и не оказывает критического влияния на качество юридической помощи. Таким образом, в сфере, где основой правоотношений является диспозитивный метод введение дополнительных барьеров, представляется излишним.

В свою очередь, при вступлении в уголовный процесс адвоката по назначению качество юридической помощи должны обеспечивать публично-правовые механизмы. В противном случае, как показывают реалии правоприменительной практики под угрозой оказываются интересы подзащитных, что влечет подрыв доверия как к адвокатуре в целом, так и институту защиты в порядке назначения защитника за счет оплаты его труда из средств федерального бюджета, а также препятствует реализации конституционного принципа на получение квалифицированной юридической помощи вне зависимости от уровня доходов доверителя.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Кодекс профессиональной этики адвоката от 31 января 2013 г Принят первым всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г. с изменениями и дополнениями от 24.04.2017 года. URL : <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/the-code-of-professional-ethics-of-lawyer/> Дата обращения 14.03.2020.

2. Блинова Т.В. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ использования средств федерального бюджета, предусматриваемых на оплату труда, участвующих в качестве защитника по в уголовном процессе по назначению суда в 2016–2018 годах и в текущем периоде 2019 г. С. 16.

3. Мельниченко Р.Г. Качество юридической помощи адвоката «по назначению»/ Уголовный процесс 2013. № 5. С. 33–39.

4. Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве Принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г. URL : <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/standard-implementation-of-a-defence-counsel-in-criminal-proceedings/> Дата обращения 14 марта 2020.

5. Постановление Правительства РФ от 21 мая 2019 г. № 634 «О внесении изменений в Положение о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации» в редакции от 21 мая 2019 г Доступ из СПС «Гарант» Дата обращения 15 марта 2020 г.

6. Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве Утвержден Советом ФПА РФ 15 марта 2019 г. URL : <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/the-procedure-for-appointment-of-lawyers-as-defenders-in-criminal-proceedings/> Дата обращения 15 марта 2019 г.

7. Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты Республики Дагестан за 2017–2019 гг. URL: <http://advokatrd.ru/disciplinary-practices/> Дата обращения 13 марта 2019 г.

8. Обзор дисциплинарной практики Адвокатской Палаты г. Москва за 2017–2020 гг. URL: <https://www.advokatymoscow.ru/advocate/docs/discipline/> Дата обращения 13.03.2020

9. Обзоры дисциплинарной практики Адвокатской палаты Санкт-Петербурга за 2017–2020 гг. URL: <http://www.apspb.ru/forLawyers/dp/> Дата обращения 13.03. 2020.

Капитонова Елена Анатольевна

доцент кафедры уголовного права Пензенского государственного университета,
кандидат юридических наук

ОГРАНИЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В ЦЕЛЯХ РАЦИОНАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РАСТИТЕЛЬНОГО МИРА

Капитонова Елена

Associate professor of the Department
of Criminal Law of Penza State University,
Candidate of Law

RESTRICTION OF CONSTITUTIONAL RIGHTS OF CITIZENS FOR THE RATIONAL USE OF FLORA

Abstract. Restrictions of constitutional rights related to the rational use of flora is considered in the context proposed by the author of four groups: 1) restrict the right of free movement; 2) restrictions on the freedom of entrepreneurship; 3) limitation of private property rights; 4) restrictions on forest resource use rights. Based on the analysis of the draft of the new Administrative Code of the Russian Federation, it is concluded that the attention of the legislator to liability for violations of restrictions in the form of prohibitions in this area is increased.

Key words: restriction of constitutional rights and freedoms, human and civil rights and freedoms, rational use of natural resources, rational use of flora.

Конституция Российской Федерации 1993 года устанавливает перечень основных прав и свобод, соблюдение которых в России гарантируется. Среди них выделяют те, что принадлежат от рождения всем лицам, находящимся на территории страны (права человека), и те, что предоставляются только лицам, имеющим особую юридическую связь с государством (права гражданина). Кроме того, часть 3 статьи 55 Конституции РФ предусматривает возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина при соблюдении ряда необходимых условий:

- цель введения ограничений — защита конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства;
- пределы ограничений — не превышающие объема минимально необходимых мер, которые выражены в нормообразующей формуле «только в той мере, в какой это необходимо»;

— юридическое основание — обязательное принятие федерального закона, регулирующего данный вопрос.

Задача обеспечения рационального использования природных ресурсов сочетает в себе несколько целей из числа вышеупомянутых. С одной стороны, окружающая среда значительно влияет на условия существования человека на Земле, что определяет зависимость здоровья населения от ее общего состояния (качества потребляемой воды, воздуха и т. п.). С другой стороны, если рассматривать безопасность государства в широком смысле, понимая под ней не только защищенность страны от внешних угроз, но и исключение возможности воздействия внутренних негативных факторов, то в этом контексте государственная безопасность включает в себя стабильность общества, каковая проявляется в том числе в обеспечении безопасности граждан и улучшении условий их жизни (включая повышение или, как минимум, сохранение качества окружающей среды).

Таким образом, рациональное использование природных ресурсов является достаточным фактическим основанием для введения ограничений предусмотренных Конституцией РФ прав и свобод. Кроме того, Основной Закон страны предусматривает обязанность каждого бережно относиться к природным богатствам, сохранять природу и окружающую среду (статья 58), что дополняет установленные действующим законодательством ограничения, призванные обеспечить защиту природной среды.

Рассмотрим возможные механизмы ограничения конституционных прав и свобод на примере реализации цели рационального использования растительного мира.

Дефиниция понятия «растительный мир» в действующем законодательстве отсутствует, однако это не влечет неопределенности значения термина. Статья 1 Федерального закона от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» называет растительный мир в числе компонентов природной среды и, по всей видимости, исходит из общепотребительного значения слова «растительный», обозначающего особый вид природных организмов, не наделенных сознанием и питающихся неорганическими веществами воздуха и почвы.

Основные принципы осуществления связанной с растительным миром деятельности давно сформулированы и упоминаются в исследованиях многих специалистов. Среди них, в первую очередь, выделяют осмысленный подход к использованию соответствующих ресурсов,

не допускающий хищничества и наступления вредных последствий для среды их произрастания, который должен быть основан на необходимости воспроизводства и сохранения биоразнообразия существующего растительного мира [5].

Вопросы пользования природными ресурсами являются предметом совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ (п. «в», «д», «к» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ), что определяет усложнение содержания массива нормативных актов, регулирующих данные вопросы, за счет включения в него не только федерального законодательства, но и актов региональных органов власти.

Все нормативные положения, устанавливающие ограничения прав и свобод личности, направленные на сохранение и защиту растительного мира, в зависимости от предмета ограничений можно разделить на 4 группы.

1. Ограничения права свободного передвижения

Ч. 1 ст. 27 Конституции РФ гарантирует каждому законно находящемуся в России лицу право свободно передвигаться по территории страны и по своему усмотрению выбирать место пребывания. Однако в контексте защиты растительного мира данное право ограничивается всеобщими запретами, действующими при определенных обстоятельствах — императивными правилами, вступающими в силу в случае установления на соответствующей территории особого противопожарного режима.

Статья 30 Федерального закона от 21.12.1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» предоставляет органам государственной власти и органам местного самоуправления право вводить на своей территории особый правовой режим, предусматривающий вступление в силу дополнительных требований пожарной безопасности. К числу таких требований относится, помимо прочего, запрет на посещение гражданами лесов — во избежание разведения ими костров в неустановленных местах и допущения иных нарушений, способных привести к развитию неблагоприятной ситуации, связанной с распространением огня в лесных насаждениях.

По опыту прошлых лет можно констатировать, что данная мера используется региональными властями ежегодно. Так, на территории различных районов Пензенской области особый противопожарный режим в последние годы вводился регулярно и действовал на протяжении всех периодов засушливой погоды в теплое время года

(в 2014 году — с 31 июля по 21 августа, в 2017 году — с 28 апреля по 30 мая и с 25 августа до особого распоряжения, в 2019 году — с 8 июня по 30 июля и т. д. [3]).

2. Ограничения свободы предпринимательства

Часть 1 статьи 34 Конституции РФ предоставляет каждому право свободно использовать собственное имущество и способности для осуществления предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. В контексте рационального использования растительного мира данное право ограничивается рядом специальных запретов, действующих в определенных сферах деятельности. В частности, запрещаются:

- реализация проектов, способных привести к изменению или уничтожению генетического фонда растений (ст. 3 Федерального закона «Об охране окружающей среды»);
- выращивание генномодифицированных растений в иных целях, кроме научно-исследовательских (абз. 2 п. 1 ст. 49 Федерального закона «Об охране окружающей среды»);
- действия, противоречащие условию сохранения растительного мира на участках леса, предоставленных для осуществления рекреационной деятельности (ч. 3 ст. 41 Лесного кодекса РФ);
- проектирование, строительство, реконструкция и эксплуатация гидротехнических сооружений без своевременной реализации мероприятий по охране растительного мира (ч. 1 ст. 42 Водного кодекса РФ);
- действия, ведущие к сокращению численности редких видов растений либо ухудшающие среду их произрастания, в ходе заготовки древесины (приказ Минприроды России от 29.05.2017 № 264 «Об утверждении Особенности охраны в лесах редких и находящихся под угрозой исчезновения деревьев, кустарников, лиан, иных лесных растений, занесенных в Красную книгу РФ или красные книги субъектов РФ»).

3. Ограничение права частной собственности

Часть 2 статьи 35 Конституции РФ гарантирует право частной собственности, предоставляя каждому возможность свободно владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом. Часть 2 статьи 36 Основного Закона предоставляет аналогичное право в отношении земли только гражданам России и дополнительно оговаривает его предоставление условием соблюдения всеобщего запрета нанесения

вреда окружающей среде в ходе его осуществления. Подпункт 2 пункта 2 статьи 56 Земельного кодекса РФ расширяет содержание данного запрета, устанавливая возможность нормативного ограничения прав на землю в целях создания особых условий охраны растительного мира. Такого рода ограничения могут вводиться не только законом, но и актами исполнительных органов госвласти и местного самоуправления, а также по решению суда.

Подобный подход к вопросу, на наш взгляд, не является абсолютно верным. Как правильно отмечает Е.Л. Минина, многие важные вопросы требуют разрешения на федеральном уровне [2]. К их числу относятся, к примеру, установление границ использования агрохимикатов, а также четкое регулирование порядка охраны владельцами земельных участков растений редких и исчезающих видов, растущих на их участках.

4. Ограничения права пользования лесными ресурсами

Часть 1 статьи 11 Лесного кодекса РФ предоставляет гражданам России право собирать дикорастущие плоды, грибы, орехи, ягоды и другие недревесные лесные ресурсы без уплаты какого-либо сбора. Однако это право также имеет свои ограничения: всем лицам запрещено осуществлять сбор объектов растительного мира, внесенных в Красную книгу РФ (Приказ МПР России от 25.10.2005 г. № 289), красные книги субъектов РФ (например, постановление Правительства Пензенской области от 10.01.2006 г. № 2-пП (ред. от 13.04.2012) «О Красной книге Пензенской области и обеспечении работы по ее ведению»), а также грибов и дикорастущих растений, которые признаются наркотическими средствами в соответствии с Федеральным законом от 8.01.1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах».

Соблюдение соответствующих запретов обеспечивается посредством установления ответственности за их нарушение. Наиболее часто применяется административная ответственность: незаконный сбор охраняемых Красной книгой РФ видов подснежников и других редких растений влечет штраф и конфискацию всего собранного (согласно ст. 8.35 КоАП РФ, размер штрафа для граждан составляет от 2500 до 5000 рублей). Также можно констатировать повышение внимания законодательной власти к такого рода нарушениям. В тексте нового КоАП РФ, который был представлен на общественное обсуждение в конце января 2020 года и планируется к внесению в Го-

сударственную Думу в качестве законопроекта в июне текущего года, обозначено существенное увеличение размера штрафа за уничтожение редких и находящихся под угрозой исчезновения видов растений — от 15 до 100 тысяч рублей для граждан (ст. 17.40) [4]. В настоящее время такой размер штрафа не применяется даже в отношении должностных лиц и приравненных к ним по ответственности индивидуальных предпринимателей (для них он составляет от 15 до 20 тысяч рублей).

Что касается уголовной ответственности, то она предусмотрена только за уничтожение критических местообитаний организмов, занесенных в Красную книгу РФ, если это повлекло гибель популяции (ст. 259 Уголовного кодекса РФ). Статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ показывает, что осуждение за данный состав преступления в России чрезвычайно редко (количество привлеченных к ответственности лиц составляет: в 2016 году — 0; в 2017 году — 0; в 2018 году — 0; в первом полугодии 2019 года — 0) [1].

Подводя итог рассмотрению ограничений конституционных прав и свобод, установленных в целях рационального использования растительного мира, можно сделать вывод, что они реализуются сразу на нескольких уровнях (федеральном и региональном) в форме общеобязательных запретов либо специальных запретов, действующих в определенных сферах деятельности, соблюдение которых обеспечивается установлением административной и уголовной ответственности за их нарушение.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.
2. Минина Е.Л. Тенденции развития законодательства о растительном мире // Журнал российского права. 2016. № 5. С. 108–117.
3. МЧС России. Главное управление по Пензенской области. URL: <https://58.mchs.gov.ru>.
4. Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=99059>.
5. Юдичев Е.Н., Рябинина З.Н., Сафонов М.А. К вопросу формирования законодательной базы о растительном мире в Оренбургской области // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 4. С. 115–116.

Крайнова Надежда Александровна

кандидат юридических наук, доцент
декан юридического факультета СПбГЭУ

СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ РИСКИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА УГОЛОВНУЮ ПОЛИТИКУ В СФЕРЕ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ

Kraynova Nadezhda

Candidate of Law, Associate Professor
Dean of Law Faculty, St. Petersburg State University of Economics

MODERN GLOBAL RISKS AND THEIR INFLUENCE ON CRIMINAL POLICY IN THE FIELD OF RE-SOCIALIZATION OF CONDEMNED

Abstract. The article analyzes the influence of global risks on the change in domestic criminal policy in the field of re-socialization of convicts. Attention is focused on the threat of the spread of coronavirus infection, an increase in the effect in case of penetration into institutions of the execution of criminal punishment, pre-trial detention centers. The conclusion is made about the need to tighten criminal policy in this area, the introduction of quarantine measures.

Key words: global risks, pandemic, re-socialization of convicts, criminal policy.

В настоящее время мировое сообщество переживает нелегкие времена, связанные с преодолением угрозы, вызванной объявленной ВОЗ пандемией коронавирусной инфекции COVID-2019. С тех пор, когда угроза распространения вируса во всем мире стала реальностью и Всемирная организация здравоохранения объявила пандемию, ситуация все более усугубляется, и пока только Китай может похвастаться тем, что в целом справился с ситуацией за счет применения достаточно жестких управленческих мер, четкой организации процессов, подключения всего общества и государства к борьбе с масштабной угрозой.

Не вдаваясь в медицинские, технологические и, безусловно, политические нюансы ситуации, в условиях, когда для России отсутствует определенность в отношении конкретных прогнозов развития ситуации, и ученые выстраивают самые разнообразные сценарии, попробуем остановиться на вопросах, которые, пожалуй, обозначим как концептуальные, стержневые. Насколько современный глобализованный мир готов и способен преодолевать угрозы такого уровня и характера? На-

сколько это в принципе возможно и необходимо? Каким образом глобальные риски влияют на внутреннюю политику государства, в частности, уголовную политику в сфере ресоциализации осужденных?

В настоящее время совершенно очевидно, что такое экспоненциальное распространение коронавирусной инфекции, которое мы можем наблюдать сейчас в мире, как раз и обусловлено глобализованными отношениями. Люди постоянно перемещаются, границы между государствами, по сути, означают только прохождение процедур контроля, но не являются препятствием для перемещения. Контрольные мероприятия, их объем и качество, оговариваются между государствами, исполняются конкретными пограничными и таможенными службами и, как показывает практика, отданы на откуп самим государствам при отсутствии международного контроля. А государства сосредотачиваются, в основном, на контроле грузов, багажа и пассажиров на предмет провоза запрещенных предметов и уклонения от уплаты таможенных сборов и платежей. Но совершенно забытыми остаются такие вечные «спутники человека», как бактерии и вирусы и на уровне государств не осуществляется четкий контроль за их перемещением. Данная ситуация способствует распространению инфекции между странами и континентами, как мы это наглядно можем наблюдать на примере коронавируса.

Допустив распространение коронавирусной инфекции в мировом масштабе (наверное, здесь следует говорить о том, что сама глобализация сущностно содержит в себе такую угрозу), глобализованный мир оказался не способен противостоять угрозе планетарного масштаба, и находится сейчас в состоянии растерянности. Мы наладили глобальные экономические, социальные и культурные связи, позволяющие говорить о некоем статусе человека, как гражданина мира, но не смогли наладить организацию и функционирование глобальных «служб безопасности», противодействующих распространению глобальных угроз, в том числе информационных, террористических, и вот теперь эпидемиологических. Глобализованный мир не может защитить себя ни от компьютерного вируса, поражающего информационные системы, ни от реального коронавируса, поражающего человечество.

В ситуации пандемии, по сути, государства остаются самостоятельными и берут на себя ответственность в принятии стратегических решений по противодействию угрозе. И в этом, на наш взгляд, проявляется сущность государства, как организации общества, призванной выполнять

организационные, охранительные функции, обеспечение безопасности и соблюдения прав человека на безопасную окружающую среду, медицинскую помощь и охрану здоровья человека. От того, насколько государство сохранило самостоятельность, насколько его внутренняя организация процессов осталась независимой и способной выполнять охранительные функции внутри государства теперь зависит и сама жизнеспособность государства и общества, его будущее.

Перед государством стоит задача продемонстрировать готовность противодействовать глобальной угрозе, разработать и реализовать реально действенные предупредительные меры, организовать четко работающую систему противодействия распространению вируса внутри страны. По сути, в данной ситуации можно говорить о том, что государство должно продемонстрировать свою жизнеспособность и перспективы на будущее, учитывая все последствия пандемии, как с позиции человеческих ресурсов, так и имея в виду негативные тенденции экономического характера.

После пандемии мир не будет таким как прежде, этот постулат уже никем не оспаривается, вопрос только в том, каким будет этот мир. Какие выводы для себя сделают государства и их руководители. Как представляется, очевидным в данной ситуации является вывод о том, что необходимо обратить взор на внутригосударственные проблемы, укреплять политику в социальной, экономической и иных сферах, обратить внимание на систему образования, здравоохранения, опираясь на собственный опыт и исторические традиции, не копируя бездумно западные образцы, которые так очевидно не выдерживают критики.

В ситуации противодействия глобальному риску распространения коронавирусной инфекции каждое государство оказалось перед необходимостью противостоять, в первую очередь, самостоятельно. Помощь со стороны органов управления глобализованных структур не приходит, а, в некоторых случаях, ее оказывают неожиданные партнеры. И здесь государствам приходится опираться только на свои ресурсы, ту систему, которая уже была выстроена, пожинать плоды проводимой ранее политики.

Наверное, с определенной долей осторожности можно сказать, что Российская Федерация, как правопреемник СССР, в ситуации противодействия эпидемиям и пандемиям, находится в более выгодном положении, так как имеет опыт борьбы с такими явлениями и выстроенную в свое время систему государственного здравоохранения.

Именно системный подход, сохранение государственного контроля дает нам некий шанс, возможность надеяться на благоприятное течение пандемической угрозы в Российской Федерации.

С другой стороны, мы должны понимать, что не все так гладко и замечательно обстоит в РФ, поводов для оптимизма мало, и следует просчитывать все риски, связанные с угрозой быстрого распространения инфекции в ограниченных пространствах нахождения людей, таких как школы, детские сады, образовательные учреждения, а также учреждения системы ФСИН (СИЗО, исправительные колонии, исправительные центры). И если в отношении детских садов, школ, образовательных учреждений среднего и высшего образования были приняты решения о переводе на дистанционное обучение и нахождение в условиях самоизоляции дома, то в отношении учреждений системы ФСИН такое решение принять достаточно сложно. Однако некоторые страны идут по такому пути. Так, «тюрьмы в США начали массово выпускать заключенных из-за неоднократно зафиксированных в пенитенциарных учреждениях страны случаев заражения Covid-2019» [1]. Конечно, речь идет об осужденных, страдающих заболеваниями, ухудшающими течение коронавирусной болезни, и совершивших незначительные преступления, но, тем не менее, это создает нагрузку на медицинские учреждения системы здравоохранения, вызывает недовольство у законопослушного населения.

В РФ ситуация с распространением коронавируса пока не затронула систему исполнения наказания, но, учитывая темпы прироста, такой шанс достаточно велик. Руководство ФСИН предприняло меры направленные на недопущение распространения инфекции в исправительных учреждениях и изоляторах и ограничились свидания с осужденными, даже краткосрочные. По мнению экспертов, это действительно эффективная мера. «Те, кто находится в местах лишения свободы, более защищены, чем люди на свободе», отмечает член общественной наблюдательной комиссии Татарстана Альберт Зарипов. «Но если вирус, не дай Бог, просочится, то это может произойти через следственные изоляторы, куда доставляются люди, которые были задержаны недавно. И если кто-то заразится, то заболеют все и смертность будет высокая» [2].

Что касается подготовленности к пандемической угрозе учреждений системы ФСИН, то мы должны честно отметить наличие весьма тревожных оснований для пессимизма. Следует отметить отсутствие

в учреждениях исполнения наказаний должным образом организованной и выстроенной системы оказания медицинской помощи осужденным. Существовавшая в советские годы сеть лечебных исправительных учреждений, в которых отбывали наказание страдающие хроническим алкоголизмом, туберкулезом, осужденные, прекратила свое существование, а новая так и не была создана. В настоящий момент следует констатировать как отсутствие материально-технического обеспечения больниц, имеющих в распоряжении ФСИН, так и отсутствие квалифицированных врачей, способных диагностировать заболевания и выбирать правильную тактику лечения. При таких условиях, думается, учреждения системы исполнения наказаний, следственные изоляторы могут вполне стать очагами и рассадниками распространения коронавирусной инфекции.

Эксперты в настоящее время рассматривают различные варианты развития ситуации, в том числе обращения к президенту РФ, Федеральному собранию РФ с просьбой объявить внеочередную амнистию, разгрузить учреждения исполнения наказания и СИЗО, отпустить на свободу осужденных, совершивших преступления небольшой и средней тяжести с тем, чтобы предотвратить масштабную угрозу заражения. Как представляется, такой шаг не является оправданным, так как опять же создает дополнительную нагрузку на все институты гражданского общества, в стрессовых условиях, в которых сейчас находятся социальная и экономическая сферы, будет являться дополнительным фактором, усугубляющим ситуацию.

В настоящее время, пока темпы распространения коронавирусной инфекции укладываются в благоприятный сценарий, необходимо предпринять все меры, направленные на недопущение попадания вируса в учреждения, обеспечивающие изоляцию осужденных. Необходимо внутри учреждений провести ревизию и подготовиться к тому, чтобы максимально оперативно реагировать на малейшую угрозу проникновения инфекции, незамедлительно предпринимать меры, направленные на изоляцию подозрительных лиц. Обеспечить строгий контроль за состоянием сотрудников учреждений, вести с ними разъяснительную работу, предупреждать об ответственности, в том числе и уголовной, за несоблюдение мер безопасности.

Уголовная политика в сфере ресоциализации осужденных в условиях предупреждения распространения коронавирусной инфекции

должна быть жесткой, государство должно четко держать этот вопрос под контролем. Необходимо понимать, что бывшие осужденные являются специфическим контингентом, потенциально способным явиться разносчиком коронавирусной инфекции, как с позиций состояния здоровья, так и в нравственно-психологическом плане. Освобожденные от отбывания наказания лица достаточно уязвимы для новых факторов внешней среды. Пребывая в ограниченном пространстве, организм человека приспосабливается к определенным вирусам и бактериям, находящимся в окружающей среде, иммунитет, не подвергаясь воздействию, не тренируется и ослабляется, что способствует более легкому пути проникновения в организм человека новых инфекций. Кроме того, бывшие осужденные, обладая асоциальными и даже антисоциальными установками, зачастую крайне невнимательны к соблюдению правил гигиены и безопасности. Есть еще и финансовый аспект: защитные маски, перчатки, санитайзеры, рекомендуемые Роспотребнадзором для защиты от распространения коронавирусной инфекции, необходимо приобрести самостоятельно, на это нужны средства, которых у освобожденных от наказания лиц может и не быть. Представляется, что сейчас необходимо взять под обязательный надзор всех, освобождаемых от отбытия наказания лиц, осуществить контроль за их перемещением и нахождением, соблюдением режима самоизоляции.

В настоящее время государству следует самым серьезным образом обратить внимание на происходящие внутри страны процессы, усилить контроль и надзор за потенциально опасными сферами, к числу которых относится система исполнения наказаний и спецконтингент бывших осужденных, освобожденных от отбытия наказания. Уголовная политика в сфере ресоциализации должна быть жесткой, предусматривающей введение запретительных мер, установление контроля и надзора со стороны органов государственной власти. Глобализованный мир продемонстрировал свою неспособность противостоять глобальным угрозам, необходимо справляться самостоятельно, делая выводы на будущее.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Тюрьмы США начали выпускать осужденных из-за коронавируса/ [Электронный документ]. — Режим доступа: URL: <https://rg.ru/2020/03/20/tiurmy-v-ssha-nachali-vypuskat-zakliuchennyh-iz-za-koronavirusa.html> (дата обращения 03.04.2020 г.).

2. В российских тюрьмах последствия коронавируса могут оказаться катастрофическими. [Электронный документ]. — Режим доступа: URL: <https://meduza.io/feature/2020/03/20/v-rossijskih-tyurmah-posledstviya-koronavirusa-mogut-okazatsya-katastrofichesкими> (дата обращения 03.04.2020 г.).

УДК 343.3/.7

Научная специальность — 12.00.08

Мельник Андрей Олегович

Участковый уполномоченный 86 ОП УМВД
по Приморскому району г. Санкт-Петербург, капитан полиции

Научный руководитель:

Надежда Александровна Крайнова,

декан юридического факультета СПбГЭУ, к.ю.н., доцент

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЙСТВУЮЩЕГО РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА

Andrey O. Melnik

Precinct authorized 86 PD Department of the
Ministry of the Interior in Primorsky district

St. Petersburg, police captain

Scientific adviser:

Nadezhda A. Krainova,

Dean of the Faculty of Law, St. Petersburg State University of Economics,

Candidate of Law, Associate Professor

Abstract. This article discusses the relevance and the need to improve the legislation of the Russian Federation (RF) in the field of administrative supervision. The current legislation of the Russian Federation is analyzed with a view to its application to existing problems in the practice of administrative supervision of supervised persons by employees of internal affairs bodies.

Key words: administrative supervision; supervised person; Federal Law of 06.04.2011 No. 64-FZ; forced labor; internal affairs bodies.

Федеральным законом от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (далее — Закон № 64-ФЗ) восстановлен в России институт административного надзора.

Указанным законом для соответствующих групп лиц, освобожденных из мест лишения свободы, устанавливаются судами временные

ограничительные меры (так называемые, административные ограничения). Наблюдение за соблюдением такими лицами временных ограничений их свобод и прав, установленных судом (и за выполнением обязанностей, подлежащих выполнению данными лицами), так называемый, административный надзор, осуществляется сотрудниками органов внутренних дел.

Закон № 64-ФЗ постоянно совершенствуется, в него вносятся дополнения и уточнения (в 2013 г. и в 2017 г.).

Последнее изменение в Закон № 64 внесено Федеральным законом от 01.10.2019 года № 331-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», вступившим в действие 12.10.2019. Согласно внесенным изменениям:

1) уточнены сроки, в которые поднадзорному лицу вменено в обязанность уведомить Орган внутренних дел, если у поднадзорного лица изменилось место фактического пребывания (нахождения), либо место жительства. Уведомлять следует: до момента перемены места — не позднее трех рабочих дней, и по возвращении — в течение трех рабочих дней. Однако указанные сроки применимы только в случае отсутствия поднадзорным лицом по исключительным личным обстоятельствам, которые предусмотрены в ч.3 ст.12 (на основании п. 5 ч. 1 ст. 11 Закона № 64-ФЗ);

2) увеличен список оснований для продления административного надзора судом. К таким основаниям отнесены следующие:

- совершение поднадзорным лицом преступления, находясь под административным надзором, наказание за которое не связано с изоляцией от общества (ч. 1 ст. 7 Закона № 64-ФЗ);
- совершение поднадзорным лицом преступления (во время нахождения под административным надзором) с отсрочкой отбывания наказания, или с отсрочкой в исполнении приговора, или осуждение условно поднадзорного лица (ч. 2 ст. 7 Закона № 64-ФЗ);
- совершение поднадзорным лицом преступления (во время нахождения под административным надзором), наказание за которое — применение мер уголовно-правового характера без его изоляции от общества (ч. 1 ст. 7 Закона № 64-ФЗ);

3) появляется возможность замены принудительными работами неотбытой части наказания, связанного с лишением свободы (ч. 4 ст. 5 Закона № 64-ФЗ);

4) приостанавливается течение срока административного надзора, если поднадзорное лицо осуждено к принудительным работам (п. 5 ч. 5 ст. 5 Закона № 64-ФЗ).

Кроме того, также постоянно совершенствуясь, вносятся изменения в главу 29 «Производство по административным делам об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» Кодекса административного судопроизводства РФ (КАС РФ), несмотря на то, что сам КАС РФ принят относительно недавно — в марте 2015 года. Так, изменения были внесены: в ч. 5, ч. 6 ст. 270 Федеральными законами от 28.05.2017 № 101-ФЗ, № 102-ФЗ; в п. 1 ч. 1 ст. 271, ч. 3 ст. 271, ч.1 ст. 272, ч.7 ст. 272 Федеральным законом от 28.11.2018 № 451-ФЗ.

Приказом Министерства внутренних дел РФ от 08.07.2011 № 818 введен Порядок осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы (далее — Порядок) для исполнения норм указанного Закона № 64.

Для осуществления административного надзора, в соответствии с указанным выше Порядком, привлекаются сотрудники различных подразделений ведомства: участковые уполномоченные полиции, сотрудники, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, сотрудники дежурных частей органов внутренних дел, сотрудники строевых подразделений ППС, ДПС ГИБДД МВД РФ, сотрудники полиции линейных управлений и отделений МВД РФ на водном, воздушном и железнодорожном транспорте.

Несмотря на предпринимаемые меры и вводимые новшества, как показывает практика административного надзора за освобожденными, пробелы в законодательстве остаются и требуют решения.

Среди проблем, например, можно выделить следующие:

- трудоустройству поднадзорных лиц для работы в ночное время препятствует установленный (для некоторых освобождаемых) судом запрет о выходе из дома после 22.00 час.

Кроме того, такая практика ведет к обязанности сотрудников полиции проверять местонахождение поднадзорных лиц в ночное время, что при наличии в семье поднадзорного лица детей и пожилых родственников, не способствует поднятию авторитета сотрудников Органов внутренних дел среди населения, а также нарушает права частной жизни проживающих совместно с поднадзорным лицом членов его семьи. Регулярное посещение сотрудниками полиции семей поднад-

зорных лиц способствует конфликтным ситуациям в семьях, влечет их разрушение. Также известны случаи развития психических расстройств у поднадзорных лиц из-за постоянного напряжения не укладывать звонок или телефонный вызов;

- имеется много случаев проживания не обеспеченных работой поднадзорных лиц в сельской местности, у которых недостаточно средств добраться до полиции, чтобы явиться в определенный срок в целях выполнения законодательно установленных обязанностей поднадзорного лица;
- имеются регионы с низким уровнем занятости населения. Поднадзорные лица, проживая в таких регионах, в поисках работы находятся в постоянных разъездах. Данный факт, при отсутствии поднадзорного лица при проверке, может быть расценен сотрудниками надзорных органов, как уклонение поднадзорного лица от административного надзора.

Формальный характер установленных при административном надзоре ограничений, который никак не связан с характером и мотивом совершенного преступления, также не выполняет функции профилактики и не влияет на снижение количества преступлений.

В свете вышесказанного, видится необходимость в совершенствовании правового регулирования в области административного надзора. К предложениям по совершенствованию правового регулирования можно отнести необходимость:

- наделить правами сотрудников надзорных органов ходатайствовать перед судом о пересмотре установленных судом ограничений в случае их препятствия поднадзорному лицу выполнять семейные обязанности;
- наделить правами сотрудников надзорных органов пересматривать установленные судом ограничения, учитывая трудовую занятость поднадзорного лица;
- предусмотреть альтернативные способы проверки местонахождения поднадзорного лица при осуществлении контроля поднадзорного лица в ночное время сотрудниками органов внутренних дел без нарушения прав членов семьи поднадзорного лица;
- индивидуального подхода для установления ограничений конкретному поднадзорному лицу в зависимости от совершенного преступления, учитывая личность осужденного.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.04.2020).
2. Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.04.2020).
3. Федеральный закон от 01.10.2019 года № 331-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.04.2020).
4. Приказ МВД России от 08.07.2011 № 818 «О Порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.04.2020).

УДК 4414

Научная специальность — 12.00.09

Петров Валерий Викторович

судья, пребывающий в отставке,
старший преподаватель кафедры уголовного права
и уголовного процесса СПбГЭУ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОГЛАШЕНИЯ ПОКАЗАНИЙ ПОТЕРПЕВШЕГО ИЛИ СВИДЕТЕЛЯ В ХОДЕ СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ. ОГЛАШЕНИЕ ПОКАЗАНИЙ ЗАБЫВЧИВОГО ПОТЕРПЕВШЕГО ИЛИ СВИДЕТЕЛЯ

Valery V. Petrov,

The judge staying in resignation,
chief lecturer of the Department of criminal law
and criminal process of Saint Petersburg University of Economics

SOME QUESTIONS OF READING THE TESTIMONY OF THE VICTIM OR WITNESS DURING THE JUDICIAL IN VESTIGATION DISCLOSURE OF EVIDENCE TESTIMONY OF A FORGETFUL WITNESS OR VICTIM

Abstract. This article discusses some issues that arise when applying the provisions of article 281 of the criminal procedure code of the Russian Federation, and analyzes some of the provisions of this law.

The provisions of the criminal procedure legislation of the Russian Federation and international law and judicial practice are correlated.

The purpose of this paper is to draw attention to the gaps that exist in the application of the norms of article 281 of the criminal procedure code of the Russian Federation.

Based on the research, the author suggests further ways to improve the criminal procedure legislation.

Key words: the victim, the witness, the announcement of testimony, the criminal procedure code of the Russian Federation. interrogation

Возможности оглашения показаний потерпевшего или свидетеля в ходе судебного следствия достаточно полно изложены в статье 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (далее — УПК РФ) и нет препятствий к оглашению показаний при наличии согласия сторон. Наиболее проблемным видится ситуация, при которой в ходе судебного следствия стороной обвинения заявляется ходатайство об оглашении показаний потерпевшего или свидетеля, а подсудимый и сторона защиты возражают.

В части 2 статьи 281 УПК РФ указано, что оглашение показаний потерпевшего или свидетеля обвинения возможно по ходатайству стороны или по инициативе суда в случае смерти, тяжелой болезни потерпевшего или свидетеля, либо отказа явиться по вызову суда если потерпевший или свидетель является иностранным гражданином.

Вопросы оглашения показаний потерпевшего или свидетеля в случаях, предусмотренных частью 2 статьи 281 УПК РФ достаточно полно освещены судебной практикой это и Определение Конституционного Суда РФ от 10.10.2017 № 2252-О «По жалобе гражданина Хасенова Ибрагима Насрудиновича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» и Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» и Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)», Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 № 26 (ред. от 01.12.2015) «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции».

Уголовно процессуальное законодательство РФ регулирует возможность оглашения показаний потерпевшего или свидетеля, а также воспроизведение видеозаписи или киносъемки следственных

действий, производимых с их участием, в случае невозможности допроса указанных лиц в ходе судебного следствия, а так же предусматривает осуществление уголовного судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон.

По общему правилу все доказательства подлежат непосредственному исследованию в ходе судебного разбирательства, приговор постановляется только на исследованных доказательствах, которые в нем и перечисляются, что придает особую значимость реализации права сторон на предоставление доказательств.

Суд, не являясь органом уголовного преследования и не выступая на стороне обвинения или стороне защиты, создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав.

Стороны имеют равные права на предоставление доказательств в суде, в том числе и показаний потерпевшего, свидетеля, воспроизведение видеозаписи или киносъемки следственных действий, производимых с их участием. Невозможность прибытия потерпевшего или свидетеля в судебное заседание не должно лишать сторону права на предоставления этого доказательства.

До 02 марта 2016 года разрешение вопроса оглашения показаний потерпевшего или свидетеля представляло определенную сложность, поскольку в случае отсутствия потерпевшего или свидетеля не позволяло, к примеру, стороне обвинения представить доказательства в виде их показаний суду, что нарушало принципы состязательности и равноправия сторон. И суды стремясь соблюсти общие принципы судебного разбирательства оглашали показания потерпевшего или свидетеля обеспечить участие которых в судебном заседании не представлялось возможным прибегая к пункту 4 статьи 281 УПК РФ признавая данные обстоятельства чрезвычайными, вынося соответствующее постановление. Данные решения вышестоящими судами воспринимались неоднозначно, поскольку Конвенция о защите прав человека и основных свобод, заключенная в г. Риме 04.11.1950 года с изменениями от 13.05.2004 года (далее — Конвенция) определяла минимальные права обвиняемого в уголовном судопроизводстве и одно из них это допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него (пункт d Конвенции).

На практике эти положения означали, что подсудимому либо на стадии предварительного расследования, либо в ходе судебного разбирательства должна быть предоставлена возможность задавать вопросы потерпевшему или свидетелю в ходе производства следственных действий. Исходя из норм УПК РФ, регулирующих предварительное расследование, данное право возможно обеспечить в ходе проведения очной ставки, а в ходе судебного разбирательства во время допроса потерпевшего или свидетелей при непосредственном участии подсудимого.

Указанные нормы создают препятствие к оглашению показаний потерпевшего или свидетеля при непредоставлении подсудимому на любой стадии производства по делу осуществления вышеупомянутого права.

После изменения Федеральным законом от 02.03.2016 № 40-ФЗ редакции статьи 281 УПК РФ и введения части 5, ситуация значительно изменилась и УПК РФ в действующей редакции позволяет суду принимать решение об оглашении показаний потерпевшего или свидетеля в случае, если в результате принятых мер установить место нахождения упомянутых участников процесса для вызова в судебное заседание не представилось возможным. Этим же законом, в целях соблюдения прав подсудимого в статью 281 УПК РФ введена часть 2.1., которая указывает, что решение об оглашении показаний потерпевшего или свидетеля и о воспроизведении видеозаписи или киносъемки следственных действий, производимых с их участием, может быть принято судом при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами.

Конкретные способы оспаривания доказательств обвиняемым (подсудимым) в УПК РФ не указаны и следуя положениям Конвенции это право можно реализовать опять же в ходе очной ставки, которая проводится, исходя из статьи 192 УПК РФ, при наличии существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц. В случае отсутствия существенных противоречий в показаниях участников процесса очная ставка может и не проводиться, тем более что это право следователя, а не его обязанность. Обвиняемый о доказательствах, полученных в отношении него в ходе предварительного расследования, как правило узнает при ознакомлении с материалами уголовного дела

и возможность оспаривания показаний потерпевшего или свидетеля, когда расследование окончено, в законе не детализируется.

В ранее упомянутом Определении от 10.10.2017 № 2252-О Конституционный Суд РФ ссылаясь на Конвенцию указывает, что оглашение показаний потерпевшего или свидетеля, которые ими даны в ходе предварительного расследования возможно лишь в исключительных случаях, предусмотренных законом. При этом определено условие, как-то обеспечение надлежащей оценки достоверности этих показаний в качестве доказательств. Еще одно неперенное условие это реализация обвиняемым возможности задавать вопросы лицу, которое давало в отношении него показания или возможности оспаривания достоверности данных показаний на стадии досудебного производства или в предыдущих судебных стадиях разбирательства по уголовному делу. Каким именно образом, в ходе каких процессуальных действий может быть реализовано право оспаривания достоверности показаний Конституционный Суд РФ не конкретизировал.

Вместе с тем Конституционный Суд РФ указал, что реализация стороной защиты своих прав, касающихся проверки и опровержения показаний, значимых, по ее мнению, для разрешения уголовного дела, предполагает активную форму поведения. Бездействие самого обвиняемого (подсудимого) или его защитника относительно осуществления этих прав не может расцениваться как непредоставление ему возможности оспорить соответствующие показания предусмотренными законом способами.

Толкование норм, изложенных в частях 2 и 2.1 УПК РФ и конкретно условий, позволяющих огласить показания потерпевшего или свидетеля при наличии возражений другой стороны сводится к реализации права обвиняемого на стадии предварительного расследования оспаривать показания оппонентов и единственный реальный способ это задавать вопросы, что возможно при проведении очной ставки.

В Определении Конституционного суда РФ от 10.10.2017 № 2252-О появилось такое понятие как «бездействие самого обвиняемого (подсудимого) или его защитника относительно осуществления своих прав». В реальных условиях может сложиться ситуация, когда о доказательствах, полученных в ходе предварительного расследования, обвиняемый, и его защитник узнали лишь в ходе ознакомления с материалами уголовного дела при окончании расследования и реальная возможность оспорить доказательства будет предоставлена только в суде.

И вот потерпевший или свидетель в судебное заседание не прибыли, местонахождение их неизвестно и государственный обвинитель в соответствии с частью 2 статьи 281 УПК РФ заявляет ходатайство об оглашении показаний неявившихся лиц, а защита и подсудимый возражают, мотивируя это тем, что у них есть вопросы к потерпевшему и свидетелям. Очная ставка не проводилась и какое решение может быть принято судом. Исходя из буквального толкования УПК РФ и Конвенции в оглашении показаний должно быть отказано, но как же право стороны обвинения на предоставление доказательств, отказ в оглашении показаний означает ограничение реализации этого права.

Нужно еще и понимать реальные условия судебного разбирательства применительно, в том числе и к осуществлению судопроизводства в разумный срок. Суды субъектов РФ эти сроки понимают по-разному и суды первой инстанции сроки рассмотрения дел стараются максимально сократить. Исключая в дальнейшем возможность принесение прокурором протеста на принятое судебное решение по основаниям ограничения права на предоставления доказательств суды принимают решение об оглашении показаний неявившихся потерпевших и свидетелей, в том числе и применительно к понятию, данному в Определении Конституционного суда РФ от 10.10.2017 № 2252-О «бездействие самого обвиняемого (подсудимого) или его защитника относительно осуществления своих прав», то есть не захотел оспаривать показания в ходе предварительного расследования, значит бездействовал.

Очевидно, выходом из данной ситуации может быть процессуальный способ реализации права обвиняемого оспорить соответствующие показания предусмотренными законом способами, а именно путем проведения очных ставок между обвиняемыми и потерпевшими, свидетелями, что в реальных условиях не всегда осуществимо. Расплывчатость формулировок законодательства относительно существенности противоречий и права лица, производящего предварительное следствие либо дознание на проведение очных ставок, не могут в полной мере способствовать реализации вышеупомянутого права подсудимого (обвиняемого).

Еще один аспект рассматриваемой проблемы может проявиться, когда допрашиваемый в судебном заседании потерпевший или свидетель запямятовали события в виду их давности, а детали порой очень важны, поскольку суд в приговоре должен указывать только доказательства, исследованные в ходе судебного следствия. Например, если

потерпевший забыл стоимость похищенных вещей и вспомнить сумму, в которую он их оценивал в ходе допроса у следователя в судебном заседании не может. Государственный обвинитель заявляет ходатайство об оглашении показаний допрашиваемого лица, а подсудимый и защитник возражают. Судье в приговоре необходимо указать конкретную стоимость той или иной вещи, а из какого источника получить эти сведения. Будет ли запечатывание существенным противоречием, очевидно, что нет, поскольку человек просто не помнит событий прошлого времени. Данная ситуация судебной практикой не освещается, хотя существовала всегда, поскольку с момента преступного деяния до момента судебного разбирательства могут пройти месяцы, а то и годы. По определению, данному в Большой советской энциклопедии память это способность к воспроизведению прошлого опыта, одно из основных свойств нервной системы, выражающееся в способности длительно хранить информацию о событиях внешнего мира и реакцию организма и многократно вводить её в сферу сознания и поведения [1]. Способности каждого человека индивидуальны и сетовать на него, за забывчатость, невозможно.

Если еще учесть и право подсудимого оспаривания доказательств, что предусмотрено Конвенцией, то возникает и вовсе неурегулированная ситуация. Суды как правило идут на оглашение показаний, прибегая в постановлении (определении) выносимым в ходе судебного следствия к формулировкам в «в виду существенных противоречий», однако как это соотносится с правами подсудимого, неясно, поскольку судебной практикой не урегулировано.

Случаи отмены или изменения приговоров судов ввиду нарушения положений об оглашении показания потерпевшего или свидетелей ввиду запечатывания ими происходивших событий судебной практикой не приводится, но это не означает, что этого не может быть в будущем.

Очевидно, что и в данной части уголовно процессуальное законодательство нуждается в корректировке путем конкретизации описываемой ситуации, к примеру ввести положение, что основанием оглашения показаний наряду с отсутствием у суда сведений о месте нахождения потерпевшего или свидетеля является и запечатывание ими событий, о которых они давали показания ввиду давности. И непременно эти положения необходимо соотнести с правом подсудимого (обвиняемого) на оспаривание доказательств, которые выдвигает противоположная сторона в ходе судебного разбирательства.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Байбаков, Н.К. Большая советская энциклопедия / ред. А.М. Прохоров, Н.К. Байбаков, А.А. Благонравов. — М.: Советская Энциклопедия; Издание 3-е, 1969. — 771 с.

УДК 343.01

Научная специальность: 12.00.09

Петухов Николай Александрович

профессор кафедры уголовного процесса
и криминалистики (командного)
Санкт-Петербургского военного института войск
национальной гвардии
заслуженный юрист Российской Федерации

Чабукиани Оксана Алексеевна

заведующий кафедрой уголовного права
и уголовного процесса Санкт-Петербургского
государственного экономического университета
кандидат юридических наук, доцент

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ

Petukhov Nikolai Alexandrovich

Professor of the Department of criminal procedure
and criminology (command)
Saint Petersburg military Institute of troops
national guard
honored lawyer of the Russian Federation

Oksana Chabukiani

head of the Department of criminal law
and criminal proceedings of Saint Petersburg
state University of Economics
candidate of law, associate Professor

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF JUSTICE IN CRIMINAL IN CRIMINAL PROCEDURE LAW

Questions of the effectiveness of punishment are the subject of research in many Sciences, however, to date, the current legislation does not have clear criteria for determining fair punishment for crimes. The difficulty of passing a fair sentence is that if the requirements of comprehensiveness, objectivity and completeness of research of the criminal case materials are excluded, and the need to establish the truth in the criminal case, the judge must make a fair decision based on the available evidence.

With this position of the legislator, the question arises, the justice of the sentence is the justice of the punishment based on: 1) the socially dangerous act committed; 2) the collected evidence in the criminal case, which was investigated and found admissible in court; 3) the damage caused to the victim and necessary to restore his violated rights; 4) the need to correct the convicted person, ensure his socialization?

Keywords: justice of punishment, justice of sentence, execution of punishment.

Вопросами справедливости, эффективности и значимости наказания для достижения целей уголовно-правовой политики государства занимались и занимаются многие ученые на протяжении нескольких столетий. За последние пять лет написано множество работ, среди которых труды: Х.Д. Аликперова, Я.И. Гилинского, Т.Б. Гнеушевой, Ю.В. Голик, Г.Н. Горшенкова, А.П. Данилова, И.Р. Диваевой, С.У. Дикаева, В.И. Зубковой, С.Б. Карамашева, В.С. Кохтачева, Н.А. Крайновой, С.Ф. Милюкова, С.Г. Олькова, Л.В. Сердюк, Л.Б. Смирнова, Ч.М. Токтоназарова, Д.Ш. Цырендоржиевой, Р.Д. Шарапова, Д.А. Шестакова и др.

Наказание, его назначение, эффективность являются предметом ученых в рамках уголовного права, уголовного процесса, уголовно-исполнительного права, криминологии и ряда других. Неоднократно являлось темой конференций и заседаний. Например, в 2018 году были проведены Международная научно-практическая конференция, посвященная памяти профессора кафедры уголовного права Рязанской высшей школы МВД СССР В.А. Елеонского и Н.А. Огурцова «Уголовная ответственность и наказание»; Межвузовская научно-практическая конференция, посвященная памяти заслуженного деятеля науки РСФСР, д.ю.н., профессора А.И. Зубкова и Дню российской науки «Организационно правовое регулирование деятельности уголовно-исполнительной системы: теоретические и прикладные аспекты», 15.02.2019 года Криминологическим клубом Санкт-Петербурга была проведена международная беседа «Преступление и проблемы адекватного наказания», в рамках которой с основным докладом выступил Х.Д. Аликперов [1] с темой «Электронные весы правосудия»*.

Но каковы же критерии справедливости наказания?

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ) есть лишь единое упоминание справедливости — ст. 297 «Законность, обоснованность и справедливость приговора», но

---

* <https://www.criminologyclub.ru/the-last-sessions.html>

каких-либо разъяснений нет. Не содержится критериев также и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 года № 55 «О судебном приговоре» (далее — ППВС № 55). В силу ст. 297 УПК РФ для достижения справедливости должны быть выполнены лишь требования УПК РФ и правильно применен уголовный закон. Но обеспечит ли это справедливость выбранного судом вида и размера наказания?

Какая справедливость должна быть обеспечена приговором? В соответствии со ст. 60 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) лицу назначается справедливое наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ, с учетом положений Общей части УК РФ, обеспечивающее достижение целей наказания (восстановление социальной справедливости; исправление осужденного; предупреждение совершения новых преступлений). Социальная справедливость должна рассматриваться через требования защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений (ст. 6 УПК РФ).

В соответствии со ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16.12.1966 года и ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4.11.1950 года приговор должен быть вынесен по результатам справедливого судебного разбирательства. Это требование содержится и в разъяснениях ППВС № 55. Но как это обеспечить при расследовании в форме сокращенного дознания и дальнейшего рассмотрения дела в суде в особом порядке?

Как обеспечить социальную справедливость приговора при имеющихся видах наказания, направленных исключительно на личность виновного? Единственным существующим способом возмещения причиненного общественно опасным деянием вреда является возможность подачи гражданского иска, который не всегда рассматривается фактически вместе с вынесением приговора.

Ситуация усложняется введением ст. 76.1 УК РФ, которая предусматривает освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба. Во-первых, возможность прекращения в связи с возмещением ущерба и деятельным раскаянием была предусмотрена и ранее, но в силу ст. 75 УК РФ; во-вторых, по какому критерию выбраны преступления, при возмещении вреда за которые предусмотрено освобождение (предусмотрено мошенничество, но не предусмотрено краж); в-третьих, при наличии данной статьи почему продолжает существовать административная преюдиция?

Итак, принцип всесторонности, полноты и объективности исключен из УПК РФ, следовательно, дознаватель отнесен к участникам стороны обвинения, защитник является обязательным участником не по всем уголовным делам; есть уголовные дела частного обвинения; предусмотрены сокращенные формы производства расследования, имеются особые порядки судебного разбирательства, в рамках которого принимается решение без судебного следствия, имеются альтернативны судебному наказанию; есть обстоятельства, уменьшающие размер наказания без учета мнения потерпевшего. Как в таких условиях реализовать принцип справедливости? Все это усложняется отсутствием единых критериев вида наказания, исходя из тяжести совершенного общественно опасного деяния.

Так, например, ч. 1 ст. 111 УК РФ («Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью») предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до 8 лет; ч. 4 ст. 111 УК РФ («Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего») — на срок до 15 лет; ч. 1 ст. 112 УК РФ («Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью») — до 3 лет, а ч. 2 ст. 333 УК РФ («Сопrotивление начальнику или принуждение его к нарушению обязанностей военной службы, совершенное с причинением тяжкого или средней тяжести вреда здоровью либо иных тяжких последствий») — до 8 лет; ч. 2 ст. 334 УК РФ («Насильственные действия в отношении начальника, совершенные с причинением тяжкого или средней тяжести вреда здоровью либо иных тяжких последствий») — до 8 лет. Т. е. в последних двух указанных статьях законодатель назначает наказание, не разделяя по степени тяжести наступивших общественно опасных последствий, и при наличии двуобъектности, предусматривает наказание меньшее, чем за аналогичные последствия общеуголовного преступления. Таких примеров можно приводить множество. Таким образом, даже при 100% соблюдении процессуальной формы и соблюдения правил квалификации деяния, можно ли обеспечить справедливость приговора без единых критерием соразмерности наказания? [2, с. 177].

Аналогичные примеры можно привести и по неосторожным преступлениям. Ст. 15 УК РФ в последней редакции предусматривает три категории неосторожных преступлений: небольшой тяжести (до 3 лет лишения свободы), средней тяжести (не превышает 10 лет лишения свободы) и тяжкие (до 15 лет лишения свободы). На сколько справед-

ливо такое изменение, если во многих статьях Особенной части УК РФ при квалифицирующем виде указывают общественно опасные последствия в виде причинения смерти «двух или более лицам»? Например, ч. 3 ст. 109 УК РФ («Причинение смерти по неосторожности») предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до 4 лет, т. е. относится к категории преступлений средней тяжести, позволяющей прекратить уголовное дело с применением судебного штрафа, в связи с деятельным раскаянием или примирением с потерпевшим. При этом нет никакой разницы в объеме наказания в зависимости от количества жертв (2 или 102).

Изучив выносимые приговоры, обзоры по судебным решениям, предлагаем следующие меры, направленные на гарантию справедливости приговора:

1) разработка единых критериев определения вида наказания, исходя из степени тяжести совершенного деяния;

2) выработка единообразной практики учета смягчающих наказаний при определении размера наказания;

3) обеспечение критерием размера наказания при повторном совершении преступления, так как совершение преступления впервые и в десятый раз не должно определяться одним размером санкции. Ранее элемент справедливости в таком случае обеспечивался наличием квалифицирующего признака по абсолютному большинству составов — «деяние, совершенное неоднократно» [3, с. 157];

4) размер наказания также должен быть определен, исходя из фактического восстановления виновным нарушенного права потерпевшему. Т. е. при полном возмещении вреда потерпевшему размер санкции должен быть снижен не на усмотрение судьи, а в обязательном порядке;

5) вид и размер наказания должен изменяться, исходя из поведения осужденного. При должном поведении не осужденный должен ходатайствовать об изменении условий отбывания наказания либо ходатайствовать об условно-досрочном освобождении, а администрация соответствующих мест отбывания наказаний либо уголовно-исполнительных инспекций;

6) вид и размер наказания должны быть мотивированы исследованными доказательствами в суде. Для имеющихся сокращенных форм целесообразно ввести электронную систему учета выявленных и установленных обстоятельств, которые бы анализировались на вопрос

допустимости в ходе предварительного слушания. При отсутствии хотя бы одного обязательного достоверно установленного обстоятельства судебное разбирательство должно проводиться в общем порядке.

Введение электронных систем будет отвечать новым требованиям цифровизации, облегчит работу судей, обеспечит всестороннюю работу сторон обвинения и защиты по объему представляемых доказательств, исключит коррупционную составляющую, поможет достичь единообразной практики применения, минимизировать судебные издержки при вынесении приговора. Для обеспечения справедливого приговора должно быть справедливое законодательство в области уголовно-правовой политики государства. В статье были рассмотрены лишь некоторые вопросы, возникающие на пути должного назначения уголовного законодательства. Справедливость может быть достигнута лишь при соразмерности наказания тяжести совершенного общественно опасного деяния, личности осужденного, степени доказанности факта совершенного преступления и единых критериев ответственности по всем деяниям, предусмотренным Особенной частью УК РФ.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Аликперов Х.Д. Компьютерная программа определения меры наказания. Материал доклада, сделанного в Санкт-Петербургском международном криминологическом клубе 15 февраля 2019 г. СПб: АФПолигрАФ.
2. Захарцев С.И., Сальников В.П. Судья-робот в уголовном процессе: хорошо или плохо? // Юридическая наука: истина и современность. 2018. — № 7. С. 176–180.
3. Зубкова В.И., Мазур С.Ф. Принцип справедливости при назначении уголовных наказаний // Юридическая наука: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3(43). С. 156–159.

Рагулин Андрей Викторович

*доктор юридических наук, доцент,
адвокат АП г. Москвы, старший вице-президент
Русско-Азиатской ассоциации юристов
главный редактор международного научно-практического
юридического журнала «Евразийская адвокатура»,
профессор кафедры уголовного права Московского университета
МВД России им. В.Я. Кикотя*

**СОВРЕМЕННЫЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ РИСКИ
В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ
ПРАКТИКИ И СУДЕБНОЙ СТАТИСТИКИ**

Andrey Viktorovich Ragulin

*doctor of law, associate Professor,
lawyer of the AP of Moscow, senior Vice President
Russian-Asian bar Association
editor-in-chief of the international scientific and practical legal journal "Eurasian bar",
Professor of the Department of criminal law at Moscow University
Ministry of internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot*

**MODERN CRIMINAL LAW RISKS IN BUSINESS:
RESULTS OF ANALYSIS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE
AND JUDICIAL STATISTICS**

Abstract: the analysis of available scientific research and content analysis of mass media, statistical data of the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation, as a result of which a set of criminal legal risks was determined, leaving them without elimination and effective response measures led to the initiation of criminal cases on the relevant elements of crimes against business owners and managers, and their subsequent conviction.

Keywords: criminal law risks, risks in the field of taxation.

А.Э. Жалинский отмечал, что уголовно-правовой риск представляет собой «опасность быть подвергнутым уголовному преследованию без законных материально-правовых оснований для этого либо претерпеть различного рода ограничения, связанные с предварительной или окончательной, вступившей в силу или отмененной оценкой деяния как преступления» [1, с. 242].

В целях установления совокупности основных уголовно-правовых рисков в сфере предпринимательской деятельности автором был

произведен анализ ранее проведенных научных исследований и контент-анализ СМИ, статистических данных Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации о результатах рассмотрения уголовных дел судами за 2015–2017 гг. и лицах, привлеченных к уголовной ответственности.

В результате исследования была определена совокупность уголовно-правовых рисков, оставление которых без устранения и адекватных мер реагирования зачастую приводило к возбуждению уголовных дел по соответствующим составам преступлений в отношении собственников и руководителей бизнеса, и их последующему осуждению.

1. К основным уголовно-правовым рискам в сфере налогообложения необходимо относить совершение руководителями или собственниками бизнеса следующих действий:

- занижение прибыли через увеличение расходов;
- неуплата или неполная уплата обязательных платежей в бюджет;
- организационное дробление бизнеса;
- необоснованное применение налоговых льгот, льготных налоговых ставок;
- расчеты с контрагентами через другие организации;
- работа с фирмами-однодневками;
- заключение мнимых и притворных сделок;
- нарушения при ведении бухгалтерского учета.

2. К основным уголовно-правовым рискам в сфере приобретения активов необходимо относить совершение руководителями или собственниками бизнеса следующих действий:

- отсутствие необходимой проверки в отношении контрагентов;
- отсутствие контроля за происхождением приобретаемых активов;
- намеренное приобретение имущества, полученного в результате совершения преступления.

3. К основным уголовно-правовым рискам в сфере обращения с кредиторской задолженностью и валютой необходимо относить совершение руководителями или собственниками бизнеса следующих действий:

- преднамеренная невыплата долга по судебному решению;
- непродуманное совершение валютных операций;
- небрежное отношение к оформлению документов при совершении валютных операций.

4. К основным уголовно-правовым рискам в сфере банкротства необходимо относить совершение руководителями или собственниками бизнеса следующих действий (бездействия):

- передача имущества во владение иным лицам, отчуждение или уничтожение имущества;
- сокрытие имущества, имущественных прав или имущественных обязанностей, сведений об имуществе, о его размере, местонахождении либо иной информации об имуществе;
- сокрытие, уничтожение, фальсификация бухгалтерских и иных учетных документов;
- неправомерное удовлетворение имущественных требований отдельных кредиторов за счет имущества должника;
- воспрепятствование деятельности арбитражного управляющего, временной администрации кредитной или иной финансовой организации;
- иные действия (бездействия), заведомо влекущие неспособность в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей.

5. К основным уголовно-правовым рискам в таможенной сфере необходимо относить совершение руководителями или собственниками бизнеса следующих действий:

- занижение таможенной стоимости ввозимой продукции;
- создание видимости приобретения продукции у российских поставщиков;
- осуществление ввоза/вывоза предметов, оборот которых ограничен в силу их свойств или назначения.

6. К основным уголовно-правовым рискам в связи с совершением преступлений связанных с контрагентами, конкурентами, сотрудниками государственных органов, необходимо относить совершение руководителями или собственниками бизнеса следующих действий:

- необходимость получения доказательств для гражданских процессов;
- отказ от погашения долговых обязательств и иных обязательств по договорам;
- отказ от возмещения ущерба, причиненного в ходе производственной деятельности;
- нарушение закона контрагентами;

- неисполнение договорных обязательств соисполнителем;
- оценка содержания переговоров и бесед как элемента объективной стороны преступных действий;
- прямые предложения «купить» решение вопроса или способствовать даче / получению незаконного вознаграждения.

7. К основным уголовно-правовым рискам в связи с совершением преступлений в сфере государственных закупок, необходимо относить совершение руководителями или собственниками бизнеса следующих действий:

- завышение стоимости товаров, работ, услуг;
- завышение объемов поставки товаров, работ, услуг
- фиктивность субподрядчиков;
- несоответствия в актах сдачи-приемки работ;
- аффилированность с представителем заказчика;
- неисполнение или несвоевременное исполнение договорных обязательств.

8. К основным уголовно-правовым рискам в сфере оборота ценных бумаг необходимо относить совершение руководителями или собственниками бизнеса следующих действий:

- совершение операций с ценными бумагами при отсутствии юридического сопровождения;
- распространение инсайдерской информации;
- извлечение прибыли из владения инсайдерской информацией;
- оформление актов коллективного органа управления без фактического проведения его заседания.

9. К основным уголовно-правовым рискам, связанных с трудовыми отношениями, необходимо относить совершение руководителями или собственниками бизнеса следующих действий:

- некорректный отказ в приеме на работу;
- некорректное увольнение работников;
- невыплата заработной платы;
- нарушения требований нормативных актов по охране труда.

10. К основным уголовно-правовым рискам, связанных с отдельными сферами бизнес-активности, необходимо относить совершение руководителями или собственниками бизнеса следующих действий:

- осуществление без разрешения деятельности, требующей разрешения;
- нарушение особых правил ведения деятельности;

- нарушение особого нормативного порядка деятельности по обращению с веществами и предметами.

Представляется, что нейтрализация выявленных уголовно-правовых рисков может способствовать защите предпринимателей, осуществляющих свою деятельность в различных сферах бизнес-активности от потенциального применения к ним мер уголовно-правового воздействия со стороны государственных органов.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен. М.: Проспект, 2009.

УДК 343.2/7

Научная специальность — 12.00.08

Радошниova Наталья Валерьевна

доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса
СПбГЭУ, кандидат юридических наук

БАНДИТИЗМ (ОСОБАЯ КАТЕГОРИЯ) УК РСФСР 1926 г.

Natalia V. Radoshnova

Senior lecture of the Department of criminal law and criminal procedure
of St.Petersburg state economic University,
Candidate of jurisprudence

BANDITRY (SPECIAL CATEGORY) OF THE CRIMINAL CODE OF RSFSR IN 1926

Abstract. One of the reasons for the appearance and disappearance of crime is the drastic changes in the economy that create certain prerequisites for the emergence of new socially dangerous acts. If the situation changes and such changes disappear in the economy of the state the Commission of such crimes stops. Such is cannibalism in besieged Leningrad cases of which were registered in 1941–1943. This article is devoted to the study of this socially dangerous phenomenon and its qualification.

Key words: war, blockade, starvation, cannibalism, eating dead meat murder, banditry.

Одной из причин появления и исчезновения преступлений являются кардинальные изменения в экономике, создающие предпосылки для возникновения новых общественно опасных деяний. При изменении обстановки и исчезновении таких изменений в экономике

государства, совершение подобных преступлений прекращается. Таковым являлся каннибализм в блокадном Ленинграде, случаи которого были зарегистрированы с 1941 по 1943 годы.

Случаи поедания трупного человеческого мяса впервые были официально зарегистрированы в двадцатых числах ноября 1941 года.

26 декабря 1941 года начальник Управления НКВД по Ленинграду и Ленинградской Области комиссар государственной безопасности 3-го ранга П.Н. Курбаткин предоставил А.А. Жданову, руководившему Ленинградом в годы блокады, официальный документ о двадцати пяти случаях появления в Ленинграде нового преступления. Это был, говоря современным языком, каннибализм, то есть употребление человеческого мяса в пищу, причем как от трупов умерших от голода, так и убийство людей с целью их поедания [3, с. 124].

В последующих сводках Управления НКВД по Ленинграду и Ленинградской Области, например, от 3 декабря 1941 года сообщались подробности совершения девяти таких случаев. В сообщении от 24 декабря 1941 года — указывалось на тринадцать случаев употребления в пищу человеческого мяса.

На протяжении 1942 года за употребление человеческого мяса в Ленинграде в январе месяце было задержано 366 человек; в феврале месяце задержано 612 человек; в марте месяце было задержано 399 человек; в апреле месяце было задержано 300 человек; в мае месяце было задержано 326 человек. Но начиная с июня месяца 1942 года наблюдается тенденция быстрого снижения количества людей, которым были предъявлены обвинения в употреблении в пищу человеческого мяса. В июле таких оказалось 15 человек. За октябрь, ноябрь и декабрь 1942 года были задержаны один-два человека. Начиная с весны 1943 года случаи совершения каннибализма прекратились [6, с. 163].

Дело в том, что главной проблемой в декабре 1941 года была транспортировка трупов к местам захоронения и погребения. Максимальное количество смертей жителей блокадного города приходилось на январь-февраль 1942 года.

На Нюрнбергском процессе советской стороной было заявлено о том, что в ленинградскую блокаду умерло 632 253 человека [2, с. 76].

По мнению современных историков, уточненные цифры количества умерших во время блокады Ленинграда составляют 933 716 человек, из которых треть — это дети до четырнадцати лет [6, с. 166].

Погибших и умерших от голода людей захоранивали сначала на старых Ленинградских кладбищах: Волковом, Большеохтинском,

Смоленском (в той его части, которая находилась на острове Декабристов), Богословском и Киновеевском кладбищах. С середины декабря 1941 года в противотанковых оборонных рвах стали производиться массовые захоронения на Серафимовском кладбище и ставшем впоследствии мемориалом героизму ленинградцев — Пискаревском кладбище.

По подсчетам современных исследователей, в порядке убывания количества массовых захоронений ленинградцев в блокаду можно перечислить следующие: 1) Пискаревское кладбище (490 тысяч погребенных); 2) Серафимовское кладбище (около 200 тысяч умерших); 3) Богословское кладбище (около 60 тысяч погибших). В блокадном крематории на месте которого в настоящее время находится Московский Парк Победы в 1942 году было сожжено 119 863 человеческих тел [6, с. 173–174].

В декабре 1941 года на ленинградских кладбищах, как, например, Серафимовское, по воспоминаниям многочисленных очевидцев, наблюдалось следующее: «Перед воротами кладбищ прямо на улице, на самих кладбищах, у контор, церквей, на дорожках, в канавах, на могилах и между ними десятками, а иногда и сотнями, лежали оставленные покойники в гробах и без них; их постепенно работники кладбищ и привлеченные убирали, хоронили в траншеях, но покойников продолжали подбрасывать, и это зрелище оставалось до марта 1942 года» [6, с. 174].

Поскольку количество тел умерших людей катастрофически стало увеличиваться, например, с декабря по март 1942 года только на Пискаревское кладбище доставлялось от пяти до семи тысяч трупов ежедневно, то в конце декабря 1941 года стали рыть новые траншеи на острове Декабристов, на Волковском, Большеохтинском и Пискаревском кладбищах. Несмотря на это, с января 1942 года количество не захороненных трупов снова стало увеличиваться. Вполне понятно, что в этот период времени кладбища и доставленные туда тела умерших людей практически не охранялись. Именно тогда стали расхищаться части трупов. Например: «

1. На Еврейском кладбище было обнаружено, что во вскрытом не захороненном гробу были оставлены отрубленные голова и ступни ног; все остальные части тела унесены.

2. На Серафимовском кладбище заведующий кладбищем Беляковский и участковый инспектор милиции обнаружили брошенную отрубленную голову покойника, следы от места обнаружения головы привели в деревянные дома, расположенные на западной окраине

кладбища, где и было обнаружено, что жители домов занимались варкой человеческого мяса.

3. Сторож Богословского кладбища т. Самсонова вечером в марте 1942 года задержала гражданку, которая на ручных саночках в наматраснике что-то вывозила с кладбища, а при осмотре в мешке были обнаружены пять детских трупов. Гражданка было направлена в милицию.

4. На Кременчугской улице недалеко от больницы Боткина был обнаружен труп с отрубленными мягкими частями тела» [6, с. 181–182]. Только после массового распространения подобных случаев в блокадном Ленинграде на все кладбища поставили милицейскую охрану.

Следовательно, в большинстве случаев с декабря 1941 года в пищу употреблялось мясо трупов уже умерших людей, поскольку трупы с улиц города своевременно не убирались. Но прежде всего в пищу использовались трупы умерших детей [6, с. 164].

Еще одна история. Женщина (рассказчица) вышла в общий коридор коммуналки, а там трехлетняя девочка сидит на полу. «Совсем на старушку похожа. Спрашивают у неё:

- Ниночка, а где Галя?
- А Галю мы съели.
- Как съели?
- Съели ... там.

Вошли в мерзлую комнату, а там полубезумная мать, а у стены мерзлый труп старшей её дочери. И она действительно ... Спасла младшую. И спасла. А сама вскорости умерла» [1, с.645].

Другим способом употребления человеческого мяса в пищу стало умерщвление живых людей. Наиболее часто заманивали в квартиры детей для убийства и последующего использования мяса тел убитых. Для этого использовалась детская доверчивость и наивность. Особое внимание убийцы уделяли детям, просившим хлеб у булочных. Детям предлагали пойти с убийцами, так как их обещали угостить, накормить, поиграть и т. п. [6, с. 164].

Однако нельзя не вспомнить и другие случаи, например история, рассказанная композитором В. Баснером. В ноябре 1941 года в блокадном Ленинграде члены семьи Баснера так уже ослабли, что не могли выйти в магазин, чтобы получить хлеб по карточкам. Они отправили туда шестнадцатилетнего Веню, у которого в очереди то ли украли карточки, то ли он их потерял. Он понял, что обреч на голодную смерть свою семью и решил не возвращаться домой. Сел в подвезде

на ступеньки и стал, замерзая, засыпать. Пришел в себя он от того, что неизвестный солдат тряс его за плечо. Узнав, что случилось, солдат вынул из своего вещмешки и отдал мальчику практически все, что там было: хлеб, банки с тушенкой и шоколад. Не поблагодарив солдата, мальчик пошел домой. Благодаря полученным продуктам семья дожила до следующих карточек и была спасена неизвестным солдатом.

После войны композитор В. Баснер попал на спектакль в Большой Драматический Театр (БДТ). В одном из актеров театра он узнал того самого солдата, лицо которого он запомнил навсегда. После окончания спектакля Баснер бросился за кулисы, чтобы поблагодарить того, кто их спас. В ответ он услышал, что ошибся, хотя по глазам актера композитор понял, что не ошибся. Именно этот человек спас его семью. Это был будущий народный артист СССР Ефим Копелян [4, с. 230].

После блокадного периода осталось очень мало официальных документов, в которых было проведено криминологическое исследование лиц, виновных в каннибализме. Таким документом является докладная записка военного прокурора Ленинграда А.И.Панфиленко от 21 февраля 1942 года: «С целью поедания человеческого мяса, а также в преступлениях по поеданию трупного мяса, участвовали целые группы лиц.

В отдельных случаях лица, совершившие подобные преступления, не только сами поедали трупное мясо, но и продавали его другим гражданам.

Социальный состав лиц, преданных суду за совершение указанных выше преступлений, характеризуется следующими данными:

1. По полу:

мужчин — 322 человека (36,5%);

женщин — 564 человека (63,5%).

Например, в сообщении начальника Управления НКВД по Ленинграду комиссара государственной безопасности 3-го ранга П.Н.Курбаткина от 2 мая 1942 г. сообщается о захваченной на станции «Разлив» женской банде. В течение января-марта месяцев 1942 г. её участницы убили и употребили в пищу 13 человек. Они были приговорены к высшей мере наказания [5].

Продолжим цитировать справку А.И.Панфиленко от 21 февраля 1942 года: «2. Характеристика виновных в употреблении человеческого мяса в пищу по возрасту:

от 16 до 20 лет — 192 человека (21,6%);
от 20 до 30 лет — 204 человека (23,0%);
от 30 до 40 лет — 235 человек (26,4%);
старше 40 лет — 255 человек (29,0%).

3. По роду занятий привлеченные к уголовной ответственности распределяются следующим образом:

рабочих — 363 человека (41,0%);
крестьян — 6 человек (0,7%);
безработных — 202 человека (22,4%);
лиц без определенных занятий — 275 человек (31,4%).

4. Из общего числа привлеченных к уголовной ответственности по указанной категории дел:

коренных жителей Ленинграда (уроженцев) — 131 человек (14,7%);
остальные 755 человек (85,3%) прибыли в Ленинград в различное время, причем из них:

уроженцев Ленинградской области — 169 человек;
Калининской области — 163 человека;
Ярославской области — 38 человек;
других областей — 516 человек.

Из 886 человек, привлеченных к уголовной ответственности, только 18 человек (2%), имели в прошлом судимость» [6, с. 165–166].

Таким образом, лиц, совершивших в блокадном Ленинграде такое преступление, как каннибализм и осужденных за совершение этого страшного преступления, возможно разделить на четыре условные группы:

1. Преступников, убивавших живых людей с целью поедания человеческого мяса. Таких лиц приговаривали к высшей мере наказания — расстрелу;

2. Преступников, которые были замечены в употреблении в пищу мяса человеческих трупов. Такие лица приговаривались к различным срокам лишения свободы;

3. Преступников, которые сами не употреблявших человеческое мясо в пищу. Они продавали на толкучках и около рынков мясные полуфабрикаты, «якобы изготовленные из свинины». Интересно, что самой дурной славой по этой части в осажденном Ленинграде пользовался именно Сенной рынок [6, с. 105]. К продавцам подобных мясных полуфабрикатов, в случае, если анализ мяса подтверждал его не животное происхождение, также применялась высшая мера наказания;

4. Лица, покупавших полуфабрикаты из «свинины» на толкучках и рынках. Такие люди к уголовной ответственности не привлекались, а купленные мясные полуфабрикаты у них конфисковались.

Согласно имеющимся статистическим данным по преступлениям, совершенным в блокадном Ленинграде с декабря 1941 года по июль 1943 года (включительно) по статье 16–59.3 (Бандитизм. Особая категория) УК РСФСР 1926 г. было осуждено 1700 человек. Из этого количества осужденных по статье 16.59.3 УК РСФСР 1926 г., «364 человека были приговорены к высшей мере наказания (расстрелу), 1 336 человек были приговорены к различным срокам лишения свободы. С большей степенью вероятности можно предположить, что большинство расстрелянных составляли именно каннибалы, остальные — уличенные в трупоедстве» [3, с. 124].

Ст. 16 УК РСФСР 1926 г. сформулирована следующим образом: «Если то, или иное общественно опасное действие прямо не предусмотрено настоящим Кодексом, то основание и пределы ответственности за него определяются применительно к тем статьям Кодекса, которые предусматривают наиболее сходные по роду преступления».

Ст. 59.3 (Бандитизм) УК РСФСР 1926 г. гласит, что: «Бандитизм, т. е. организация вооруженных банд и участие в них и в организуемых ими нападениях на советские и частные учреждения или отдельных граждан, остановки поездов и разрушении железнодорожных путей и иных средств сообщения и связи влечет за собой ... лишение свободы на срок не ниже 3 лет, с конфискацией всего или части имущества, с повышением, при особо отягчающих обстоятельствах, вплоть до высшей меры социальной защиты — расстрела, с конфискацией имущества».

Таким образом, квалификация такого преступления как каннибализм в блокадном Ленинграде проводилась с применением аналогии уголовного закона, категорически запрещенной законодателем в последующем УК РСФСР 1960 года и действующем УК РФ.

Следовательно, квалификация такого общественно опасного деяния блокадного города, существовавшего с конца 1941 года до первой половины 1943 года, как каннибализм, причем и в случаях убийства людей с целью употребления их мяса в пищу, а также в случаях употребления в пищу мяса трупов умерших людей, проводилась с применением аналогии уголовного закона, предусмотренной статьей 16 УК РСФСР 1926 года и статьи 59.3 «Бандитизм» УК РСФСР 1926 года.

Поэтому окончательная квалификация подобных немногочисленных уголовных дел выглядела следующим образом: статьи 16–59.3 «Бандитизм (Особая категория)» УК РСФСР 1926 года. Такой термин как «канибализм» в документах блокадного периода Ленинграда, в том числе и в секретных документах, не применялся.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Гранин Д., Адамович О. Блокадная книга. М.: Молодая гвардия, 2019.
2. Звягинцев А.Г. Нюрнбергский процесс. М.: РИПОЛ классик, 2018.
3. Константинов А.Д. Бандитская Россия / А.Д. Константинов. — М.: АСТ, 2017.
4. Лейферкус С.П. Трудно быть злодеем, или Маленькие секреты большой оперы: Учебное пособие. СПб.: Изд-во «Лань»; Изд-во «Планета музыки», 2016.
5. Шерих Д.Ю. Город у эшафота. За что и как казнили в Петербурге. Глава 24. Город у эшафота [Электронный ресурс]. URL: <http://www.historywikireading.ru> (дата обращения: 11.02.2020).
6. Яров С.В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда / С.В.Яров. М.: Молодая гвардия, 2018.

УДК 343.721

Научная специальность: 12.00.08

Семенов Константин Петрович

доцент кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ФИКТИВНОГО ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ

Semenov Konstantin Petrovich

St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Associate Professor of the Department of Criminal Law,
Candidate of Law

OT THE ISSUE OF QUALIFICATION OF AN ACT USING THE CIRCUMSTANCES OF A FICTITIOUS TRAFFIC ACCIDENT

Resume: in the article, the author pays attention to the issue of qualifying incidents related to the use of circumstances of a fictitious traffic accident by subjects. The author provides a phased criminological description of the circumstances of such an

incident, gives a criminal legal assessment of the actions of the subjects and concludes that the criminal act is qualified as fraud committed by an organized group.

Key words: traffic accident, car, compensation of harm, fraud.

Активное развитие автомобильного транспорта в современных условиях российской действительности, предоставляющих доступную возможность приобретения в собственность или временное пользование автомобильное транспортное средство гражданам, открывает широкие возможности для совершения в отношении лица, владеющим или управляющим транспортным средством, разнообразных противоправных деяний, направленных на неправомерное завладение имеющимся у такого лица денежными средствами или иным имуществом. В частности, речь пойдет о противоправном изъятии у лица, управляющим автомобилем, его денежных средств или иного имущества путем использования субъектом обстоятельств фиктивного дорожно-транспортного происшествия, что дает необходимую информацию для юридической оценки и квалификации подобных деяний. Полагаем, что проведенный нами анализ обстоятельств такого происшествия будет полезным не только для специалистов правоведов, но и для отечественных обывателей, являющимися водителями автомобильных транспортных средств и участниками дорожного движения.

Для создания прецедента для последующих притязаний на компенсацию якобы причиненного вреда субъекту необходимо сымитировать обстоятельства фиктивного дорожно-транспортного происшествия. Под дорожно-транспортным происшествием понимается событие, возникшее в процессе движения по дороге транспортного средства и с его участием, при котором погибли или ранены люди, повреждены транспортные средства, сооружения, грузы либо причинен иной материальный ущерб [1, п. 1.2].

Субъекту не выгодно и бессмысленно имитировать дорожно-транспортное происшествие с тяжкими последствиями, в разрешении которого обязательно примут участие компетентные органы, что приведет к его разоблачению. Поэтому он создает происшествие с незначительными последствиями, что не запрещает его участникам принять меры к самостоятельному договорному разрешению. Способов имитации таких происшествий достаточно много. Рассмотрим один, связанный с контактированием автомобилей кузовами, элементами конструкций или перевозимыми грузами.

На этапе создания обстоятельств фиктивного дорожно-транспортного происшествия удобнее и безопаснее использовать участие двух или более лиц, находящихся в дорогом брендовом подержанном автомобиле «пострадавшей» стороны, обладающим хорошей динамикой и маневренностью. Автомобиль движется в потоке машин, а находящиеся в нем субъекты высматривают потенциальную жертву, которой становится одинокий водитель-мужчина в возрасте старше тридцати пяти лет, управляющий недорогим, желательным новым, автомобилем, пользующимся достаточно широким спросом у автолюбителей [2]. Наиболее удобным моментом для имитации контакта автомобилей выбирается момент маневрирования автомобиля выбранной жертвы, например, смена полосы движения, поворот или съезд на другую дорогу. Лицо, управляющее транспортным средством «пострадавшей» стороны, должно максимально сблизиться с автомобилем «нарушителя», двигаясь с ним параллельно и немного отставая от него. При этом, водитель «нарушитель» не должен видеть последующие действия лиц, находящихся в автомобиле «пострадавшей» стороны. Один из субъектов в этот момент производит бросок камушком или каким-либо иным предметом в кузов автомобиля избранной жертвы. Услышав звук удара постороннего предмета по кузову своего автомобиля, водитель, продолжая движение, осматриваясь по сторонам, старается установить причину и замечает сзади световые сигналы, подаваемые водителем «пострадавшей» стороны, который призывает водителя-«нарушителя» к остановке. От места броска постороннего предмета в кузов автомобиля «нарушителя» до места остановки, где оба водителя вступают в диалог по поводу повреждения транспортного средства «пострадавшей» стороны, машины удаляются на достаточно приличное расстояние, что используется субъектом как аргумент для разрешения конфликтной ситуации путем компенсации «нарушителем» «причиненного» вреда в добровольном порядке без участия сотрудников ГИБДД в виду оставления им места дорожно-транспортного происшествия (место броска постороннего предмета по кузову автомобиля «нарушителя»), что влечет более серьезные санкции для «нарушителя» вплоть до лишения права управления транспортными средствами (ч. 2, ст. 12.27 КоАП РФ «Невыполнение обязанностей в связи с дорожно-транспортным происшествием») [3].

На этапе вступления конфликтующих сторон в диалог по поводу компенсации причиненного вреда, чтобы не запутать читателя, будем называть участников фиктивного дорожно-транспортного происше-

ствия сообразно их правового статуса. Лица, ставшие инициаторами конфликта, — субъекты правонарушения. Лицо, вовлеченное в конфликт, — потерпевший. Что касается повреждения автомобиля субъектов, то совершенно очевидно, что потерпевший к этому не причастен. А то повреждение, что субъекты предъявляют потерпевшему лицу как фактическое основание для возникшего конфликта, требующего компенсации, возникло задолго до инициации происшествия путем самостоятельного повреждения субъектом кузова или элементов конструкции своего автомобиля, например, разбитое боковое зеркало заднего вида, держащееся на полуразрушенных элементах его конструкции.

Далее субъект, управлявший автомобилем, требует у потерпевшего компенсировать причиненный вред, используя для этого самые разнообразные ухищрения. Другие лица, находившиеся в салоне автомобиля субъекта, оказывают ему в этом поддержку. Их задача сообща оказать психическое воздействие на потерпевшего, убедить его в том, что дорожно-транспортное происшествие «действительно» было и виновником причиненного вреда является только потерпевший в виду не соблюдения им правил дорожного движения еще и усугубленное оставлением места происшествия. Здесь субъекты используют такие способы как осведомленность в действующем законодательстве, занимаемый ими авторитетный статус в обществе, неотвратимость и скорость наказания для потерпевшего в виду занимаемого высокого служебного положения субъектом в органах власти [4]. При этом субъект, управляющий автомобилем, звонит по мобильному телефону якобы своему начальнику, докладывает о вынужденной задержке в дороге, настаивает, чтобы потерпевший переговорил с его руководителем, которому принадлежит поврежденный служебный транспорт и мнимый руководитель повелительным тоном требует от потерпевшего немедленно компенсировать причиненный вред, используя при этом все вышелечисленные аргументы. Если потерпевший сомневается в своей виновности и настаивает на обращении за помощью к сотрудникам ГИБДД, субъект, управляющий транспортным средством, в присутствии потерпевшего имитирует звонок с использованием функции громкой связи с мобильного телефона в экстренную службу 112, где «диспетчер», выслушав объяснение субъекта, соединяет с мнимой дежурной службой ГИБДД. «Сотрудник полиции», выслушав объяснения участников мнимого дорожно-транспортного происшествия, заверяет, что сейчас просматривает запись камеры видеонаблюдения, комментирует якобы

просматриваемый видеосюжет и делает вывод о виновности потерпевшего, предлагая в случае имеющихся разногласий у сторон, выслать на место происшествия наряд ГИБДД для оформления его обстоятельств, предупреждая, что наряд приедет не скоро в виду служебной занятости. Субъект просит паузу и обещает еще раз перезвонить попозже.

Такая предварительная оценка «компетентным» лицом является крайне убедительным аргументом для потерпевшего, который начинает верить в свою виновность, реально оценивать последствия привлечения к ответственности и начинает искать компромиссные выходы из создавшегося положения без привлечения представителей ГИБДД. Если в этот момент субъектам удастся сломить волю потерпевшего на выполнение требований о компенсации вреда на месте или совместного следования к источнику материальных средств, например, банкомату, для изъятия требуемого количества и передачи их потерпевшим субъекту, то задача этого этапа противоправного намерения субъектов выполнена.

Последним этапом организованного фиктивного дорожно-транспортного происшествия является добровольная передача потерпевшим субъекту имеющихся у него материальных средств для компенсации «причиненного» им материального вреда. Если он проводит расчет на месте происшествия, то это наиболее благоприятный исход конфликта для субъекта. Если расчет на месте произвести невозможно, то субъект вместе с потерпевшим следует к источнику материальных средств потерпевшего, где и происходит расчет. На этом этапе важно не выпускать субъектом внимание потерпевшего, направленное на необходимость компенсации вреда. Иначе потерпевший может одуматься, обратиться к кому-либо за помощью или за советом, что может привести к разоблачению противоправных намерений субъектов и оставить безрезультатным всю проведенную акцию. Поэтому субъект неотступно находится рядом с потерпевшим, контролируя его внимание и ограждая его от посторонних контактов [5]. С передачей потерпевшим субъекту требуемой компенсации вреда конфликт можно считать исчерпанным, а цель проведенной субъектами акции — достигнутой.

Если предыдущий этап не достиг своей цели и потерпевший настаивает на своей невиновности, требует вызова на место происшествия сотрудников ГИБДД, то субъекты в этом случае соглашаются на

компромиссное решение о самостоятельном компенсировании причиненного ущерба за счет собственных средств и на этом конфликт считается исчерпанным а его участники разъезжаются. Хотя, можно предположить, что субъекты и на этот случай имеют вариант продолжения конфликта с вызовом со своего мобильного телефона и подъездом к месту происшествия фиктивного наряда ГИБДД или мнимого аварийного комиссара, обладающих всеми внешними атрибутами принадлежности к соответствующим службам. Такому аргументу потерпевшему действительно сложно будет противостоять и он может решиться на выполнение требований субъекта о компенсации вреда. Подобный вариант развития конфликта может иметь место в объективной реальности, что подтверждается активным вовлечением действующих и мнимых сотрудников полиции в подобного рода акции [6].

Таким образом, изложенные обстоятельства фиктивного дорожно-транспортного происшествия указывают на ряд характерных признаков преступления, предусмотренного Уголовным кодексом РФ (далее УК РФ), требующего соответствующей квалификации. Выше описанное деяние обладает признаками хищения, что указывает на нарушение соответствующего объекта охраны в виде общественных отношений, обеспечивающих неприкосновенность чужой собственности (глава 21 УК РФ). К обязательным признакам хищения, реализуемым в обстоятельствах описанного фиктивного дорожно-транспортного происшествия, согласно примечания 1 к ст. 158 УК РФ, относятся противоправность, корыстность, безвозмездность, ущербность, изъятие чужого имущества. В описанных нами обстоятельствах происшествия, формообразующим способом хищения имущества потерпевшего выступает обман, выражающийся в умышленных действиях со стороны субъектов, направленных на введение потерпевшего лица в заблуждение относительно совершенного дорожно-транспортного происшествия и в сознательном сообщении ему заведомо ложных сведений об этом, в целях убеждения его в виновности в происшествии и изъятии его имущества для компенсации «причиненного» вреда [7, п. 2]. При изложенных обстоятельствах совершенное деяние подпадает под признаки преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ «Мошенничество». Учитывая относительную сложность избранного субъектами способа изъятия чужого имущества, требующего тщательной подготовки и координирования их действий, при юридической оценке подобных происшествий правоприменителям целесообразно

усматривать в качестве квалифицирующего признака состава преступления — его совершение организованной группой, что предусмотрено ч. 4 ст. 159 УК РФ [8, п. 15]. На признак устойчивости организованной группы указывают такие признаки, как стабильность состава лиц, задействованных в совершении мошеннических действий, тесная взаимосвязь между ними, согласованность действий, постоянство форм и методов преступной деятельности, длительность существования мошеннической группы и количество совершенных ею преступлений [9, п. 4]. В случае установления признака совершения мошенничества организованной группой, действия всех участников совершения преступления, независимо от их фактической роли, следует признавать соисполнительством при совершении мошенничества [7, п. 28].

В случае не доведения преступления до изъятия материальных средств потерпевшего [7, п. 5], когда он, не зависимо от интенсивности оказанного на него психического воздействия, сомневается в своей виновности и требует рассмотрения обстоятельств происшествия компетентными органами, что вынуждает субъектов покинуть место происшествия, их действия необходимо квалифицировать как покушение на мошенничество, совершенное организованной группой, то есть со ссылкой на ч. 3, ст. 30 УК РФ.

В завершении, хотелось бы рекомендовать лицам, управляющим транспортными средствами, в целях предотвращения возможности стать потерпевшими от мошеннических действий при обстоятельствах фиктивного дорожно-транспортного происшествия, обзавестись средствами видеорегистрации процесса движения автомобиля и, оказавшись в обстановке конфликта при сомнительных обстоятельствах дорожно-транспортного происшествия, активно настаивать на своей невинности, не передавая инициативу в разрешении конфликта противоположной стороне. При отсутствии между сторонами согласия в виновности в происшествии, самостоятельно обращаться за помощью к сотрудникам правоохранительных органов.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 21.12.2019) «О Правилах дорожного движения» (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения») [Электронный ресурс] // Правовой сайт «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 27.03.2020).

2. Фалеев, М. Охота на дорогах / Мошенники устраивали автоподставы с помощью камней [Текст] // Российская газета. — 2016. — 25 июля.
3. Фалеев, М. Перевел стрелки / Мошенник устраивал автоподставы с помощью часов [Текст] // Российская газета. — 2016. — 03 октября.
4. Черенева, В. В Петербурге арестованы подозреваемые в миллионной автоподставе [Текст] // Российская газета. — 2020. — 24 января.
5. Григорьев, Д. В Петербурге возбуждено уголовное дело по «автоподставе» [Текст] // Российская газета. — 2013. — 01 марта.
6. Андреев, А. На Вятке бывший полицейский с друзьями поставил на поток автоподставы [Текст] // Российская газета. — 2019. — 25 ноября.

УДК 343.97

Научная специальность: 12.00.08

Стебенева Елена Викторовна

доцент кафедры криминологии
Санкт-Петербургского университета МВД России
кандидат юридических наук, доцент

**КОРРУПЦИОГЕННОСТЬ ЗАКОНА
КАК ОДИН ИЗ КРИМИНОГЕННЫХ ФАКТОРОВ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ**

Stebeneva Elena Viktorovna

associate professor, department of criminology
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, candidate of law,
associate professor

**CORRUPTION LAW AS ONE OF THE CRIMINOGENIC FACTORS
ECONOMIC CRIME**

Annotation: the article deals with economic crimes and the legal factors that determine them, where special attention is paid to the corruptiogenicity of the law and measures to counter this phenomenon.

Keywords: economic crime, corruption of the law, anti-corruption expertise of normative legal acts.

Современные тенденции развития общества, экономики, политики и иных сфер, несомненно способствуют проявлению различного рода негативных явлений, которые существуют в любом государстве. Одним из таковых деструктивных явлений выступает коррупция,

которая наносит вред нормальному и стабильному функционированию публичных институтов, обостряет социальные противоречия и общественную напряженность.

Коррупция является одной из составляющих теневого сектора экономики, и данная проблема требует рассмотрения, в том числе, в контексте экономических интересов при сопоставлении рисков, издержек и выгод. Взаимосвязь между нормальной жизнедеятельностью общества, государства и планомерными, стабильными процессами в экономике, влияет, не только на уровень обеспечения необходимыми материальными благами, но и на развитие социума в целом. От качества валютно-финансовых, производственных, трудовых и иных отношений зависит интенсивность, а главное, эффективность экономического сотрудничества между странами, хозяйствующими субъектами, что, в той или иной мере, способствует успешному преодолению глобальных проблем.

Поэтому таким немаловажным становится выявление и предупреждение коррупции в экономической сфере. Так, за 2018 год по России всего зарегистрировано 109463 преступления экономической направленности (из них: преступлений, связанных с потребительским рынком — 10182; с финансово-кредитной системой — 29833; с внешнеэкономической деятельностью — 950; с операциями с недвижимостью — 7372 и др.), что на 4,2% выше по сравнению с предыдущим годом.

В то же время в 2019 году отметилась тенденция к снижению (на 4,1%) зарегистрированных по стране преступлений рассматриваемого вида, что составило 104927 фактов, из них связанных с потребительским рынком — 8566, с финансово-кредитной сферой — 29779, с внешнеэкономической деятельностью — 1112, с операциями с недвижимостью — 7340 и др.).

Как видим, что количество зарегистрированных преступлений увеличилось в такой сфере как внешнеэкономическая деятельность, что, в первую очередь, может быть связано с активизацией международного сотрудничества между хозяйствующими субъектами, международным движением капитала, экспортом и импортом товаров и др.

Также возрастающая тенденция наблюдается по доле в общем количестве зарегистрированных преступлений экономической направленности, связанных со взяточничеством — в 2018 году 7090 фактов, что на 13% выше, по сравнению с 2017 годом; в 2019 году —

8459 (+19,3%) [2]. Данная динамика в очередной раз подтверждает высокую коррумпированность экономического сектора.

Существует целый перечень криминогенных факторов экономической преступности, но особое внимание уделим детерминантам, способствующим коррупции в экономических отношениях, а именно несовершенству законодательства, в том числе, антикоррупционного [6, с. 166–169]. Несомненно, одним из обязательных принципов реализации антикоррупционной политики государства выступает законность, что в свою очередь актуализирует потребность разработки правовой основы, регламентирующей данное направление деятельности.

С момента принятия Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» создана достаточно обширная нормативная база по предупреждению коррупционных правонарушений, формирование которой продолжается и по сегодняшний день. Учитывая, что законодательство призвано создавать правовую основу, регулировать взаимоотношения субъектов по противодействию коррупции, то к одной из первостепенных мер требуется отнести предупреждение и устранение коррупционности самого закона. Допущенные в процессе правотворчества и правоприменения нарушения, дефекты, могут приводить к снижению эффективности противодействия коррупции, а порой, создавать благоприятные условия для совершения правонарушений коррупционной направленности.

Наиболее высоким коррупциогенным потенциалом обладают нормативные правовые акты в таких отраслях, которые связаны с административным, финансовым, таможенным, налоговым и др. правом [3, с.18], где определяются функции и полномочия должностных лиц; процедуры контроля и привлечения к ответственности, что непосредственно относится, в том числе, к регулированию экономических отношений между хозяйствующими субъектами.

Одними из самых распространенных коррупциогенных факторов, содержащихся в правовых актах, являются нормы, связанные с реализацией полномочий органами власти. Среди них следует выделить: неопределенная широта применения полномочий должностным лицом; отсутствие конкретного перечня прав и обязанностей должностного лица и граждан, юридических лиц; неопределенность сроков и порядка подготовки и принятия решения; неконкретность ответственности

за совершение неправомерных действий и др. Указанные факторы могут проявлять свое действие в совокупности с коррупционными факторами, связанными с наличием правовых пробелов: недостаточное правовое регулирование регламентов, процедур по конкретным направлениям деятельности; отсутствие контроля за деятельностью должностных лиц и низкая прозрачность в принятии решений и др.

Отметим, что коррупционные риски могут повышаться за счет юридико-лингвистической неопределенности в виде употребления двусмысленных или свободно трактуемых терминов («в требуемый срок», «в установленном объеме» и т. п.); за счет нарушения юридической техники при разработке нормативного правового акта.

В совокупности это создает благоприятную почву как для злоупотреблений со стороны должностных лиц, так и для обхода установленных требований и норм участниками экономических отношений и, в итоге, к уходу от ответственности всех перечисленных.

Среди правовых технологий противодействия коррупции, наравне с мониторингом правоприменения, используется антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов согласно Федеральному закону от 17 июля 2009 года № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативно-правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [1]. Во исполнении данного закона, осуществляется разработка и совершенствование методики выявления коррупционных факторов и подготовка соответствующих специалистов.

В соответствии с разработанной методикой проведения антикоррупционной экспертизы*, в ходе данной процедуры выявляются факторы, связанные с неправильным определением компетенции органов государственной власти, местного самоуправления и наличием правовых пробелов; факторы, устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения и применения полномочий и прав; факторы, содержащие трудновыполнимые или обременительные требования к гражданам и организациям и др.

Таким образом, антикоррупционная экспертиза позволяет выявлять и устранять коррупционные факторы; повышать эффектив-

---

* Утверждена Постановлением Правительства РФ от 26.02.2010 №96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и их проектов» [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» - URL:: <http://www.consultant.ru> (дата обращения) 22.03.2020).

ность, простоту, доступность применения, реализации норм правовых актов в повседневной деятельности экономических субъектов.

В заключении отметим, что одно из приоритетных направлений государственной политики — это создание благоприятного инвестиционного климата в стране, развитие и сохранение бюджетобразующих, инфраструктурных отраслей, формирование наукоемких инновационных кластеров в экономике и улучшение качества жизни граждан в целом. В связи с этим, российская экономика нуждается в стабильных социальных, экономических, политических условиях реализации базовых инвестиционных проектов, развития приоритетных отраслей экономики и социальной сферы, гарантом чего, несомненно, является эффективная, разработанная на должном уровне система законодательства, лишенная коррупциогенности и несовершенств.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Федеральный закон от 17 июля 2009 года № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «консультант-плюс». — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 22.03.2020).
2. Статистические сборники «Состояние преступности по России за январь-декабрь 2018 года»; «Состояние преступности по России за январь-декабрь 2019 года» [Электронный ресурс] ЦСИ ГИАЦ МВД России (дата обращения 22.03.2020).
3. Коррупциогенность законодательства: причины, факторы, преодоление: монография / Н.Я. Абузярова, В.Ю. Артемов, Б.А. Булаевский и др. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; юрид. фирма «Контракт», 2013. — 304 с.
4. Криминология. Особенная часть: учебник. — СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, ООО «Р-КОПИ», 2019. — 383 с.
5. Предупреждение коррупции в органах внутренних дел и формирование антикоррупционного поведения сотрудников и работников органов внутренних дел: учебное пособие / под ред. Стебенева Е.В. — СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2018. — 258 с.
6. Стебенева Е.В. Антикоррупционное российское законодательство: проблемы совершенствования и интерпретации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2(78). С. 166–169.
7. Тюнин В.И. Преступления в сфере экономической деятельности: учебное пособие. 2-е изд., доп. и перераб. — М.: Юрайт, 2019.
8. Тюнин В.И., Готчина Л.В., Стебенева Е.В., Корсикова Н.А., Радошнова В.Н., Григорьева А.А. Новые вызовы преступности и противодействие ей: монография / под общ. ред. В.И. Тюнина СПб.: СПбГЭУ, 2019.

Фомин Алексей Александрович

профессор кафедры конституционного и административного права
Санкт-Петербургского государственного экономического университета,
доктор юридических наук, профессор

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТЬ В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПСИХИЧЕСКОЙ (ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ) И ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ*

Aleksey A. Fomin,

Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of
Saint Petersburg State University of Economics,
Doctor of Law, Professor

CRIMINAL LIABILITY AND IRRESPONSIBILITY IN THE MECHANISM OF ENSURING MENTAL (PSYCHOLOGICAL) AND SPIRITUAL SECURITY

Abstract. The defective criminal law regulation in the field of information and psychological (mental) security of the person creates the phenomenon of criminal legal irresponsibility. The article attempts to study of gaps and conflicts in criminal legislation establishing liability for socially dangerous effects on human mental activity. The main directions of improvement of criminal legal support of mental (psychological) security are defined. Special attention is paid to the analysis of problems of criminal liability for the commission of criminal acts in the sphere of spiritual, moral and religious security.

Key words: criminal responsibility, information-psychological (mental) security, spiritual security.

В соответствии с п. 44 Стратегии национальной безопасности, утв. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015г. № 683 [8], к числу одного из приоритетных направлений обеспечения государственной и общественной безопасности относится «совершенствование правового регулирования предупреждения преступности (в том числе в информационной сфере)». Между тем в современных условиях требует корректирования на законодательном уровне уголовно-правовое обеспечение информационно-психологической безопасности личности, связанной с неприкосновенностью частной жизни, охраной личной

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках гранта «Юридическая ответственность в механизме обеспечения национальной безопасности» (проект № 19–011–00083 А).

и семейной тайны, защитой своей чести и доброго имени, гарантированием тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, недопустимостью сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия (ст.ст. 23, 24 Конституции РФ). Информация, составляющая частную тайну и не подлежащая распространению, в отличие от государственной тайны не имеет грифа «совершенно секретно» и, как правило, хранится в обычных документах, компьютерных базах сетевых магазинов, банков и т. п., что создает опасность ее изъятия посторонними лицами помимо воли законных владельцев либо пользователей информации. Каналы утечки персональных данных из такого рода источников пока недостаточно перекрыты уголовно-правовыми средствами.

Уголовное законодательство устанавливает ответственность за традиционные способы противоправного завладения информацией, содержащей сведения психологического, интимного пространства личности, категорически не предназначенной для публичного освещения: нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений граждан (ст. 138 УК РФ), незаконный оборот специальных технических средств, используемых для негласного получения информации (ст. 138.1 УК РФ). За последнее время в Уголовном кодексе появились принципиально новые нормы ответственности, так или иначе касающиеся сферы информационно-психологической безопасности, а именно за мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ), за неправомерное использование инсайдерской информации (ст. 185.6 УК РФ), за неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ) и ряд других [7].

При этом уголовное законодательство вовсе не реагирует на нетрадиционные способы извлечения информации, представляющие угрозу интересам психологической безопасности личности и общества, о необходимости уголовно-правового противодействия которым еще более двадцати лет назад писал известный представитель уголовно-правовой науки А.А. Тер-Акопов (1940–2003 гг.) [6, с. 99–134]. Идеи профессора А.А. Тер-Акопова о психологической безопасности, нетрадиционных способах воздействия на психические процессы и нетрадиционных (психобиологических) способах сбора информации, революционные для своего времени, так и не получили законодательного отражения.

А между тем их опасность, на наш взгляд, в связи с цифровизацией экономики, образования, сферы государственных и муниципальных услуг, внедрением искусственного интеллекта только возрастает, порождая феномен юридической безответственности [3, с. 6–24], в том числе уголовной безответственности в сфере психологической безопасности личности. Речь идет о таких нетрадиционных способах завладения информацией, как: технические (получение данных с использованием микроволновых, радиолокационных, ультразвуковых и тому подобных устройств), биологические (биолокация, реконструкция образа человека по голосу, почерку и другим отдельным признакам), психологические (экстрасенсорика, хиромантия, астрология, ясновидение, гадание и т. п.).

Поэтому в законодательство должна быть включена система преступлений против психологической безопасности, охватывающая деяния, выражающиеся в воздействии на психику, а через нее, возможно, и на соматику индивида, его жизнь, здоровье, собственность, другие социальные ценности посредством использования психотропных информационных и материальных источников [6, с. 134]. Налицо ситуация отсутствия норм уголовного законодательства, предусматривающих ответственность за посягательства на психическую деятельность личности, при одновременном объективном существовании общественно опасных деяний, вызывающих психическое расстройство здоровья, например: проведение незаконных психотерапевтических сеансов и психологических опытов; пропаганда деструктивных культов и псевдорелигиозных экстремистских взглядов; и т. п. В настоящее время в действующем Уголовном кодексе запрещен крайне ограниченный перечень посягательств на психическое здоровье. Так, психические травмы, полученные потерпевшими при изнасилованиях, неуставных воинских отношениях и совершении некоторых других преступлений, рассматриваются в уголовно-правовой практике как расстройство здоровья и квалифицируются как причинение вреда здоровью той или иной степени тяжести (ст.ст. 111–115 УК РФ).

Психическая деятельность в сфере уголовно-правового регулирования выступает не только как объект преступного внешнего воздействия, нарушающего здоровое нормальное психическое состояние личности, но и в качестве источника опасности, способ совершения преступления, когда с помощью психологического воздействия, используя психические способности, осуществляется совершение анти-

общественных деяний. Имеются в виду преступления, в которых посредством установления психологического контроля над сознанием, появляется возможность использовать человека в качестве орудия преступления. Этот аспект нуждается в научном осмыслении и правовом регулировании, хотя и выходит на парапсихологические явления*, которые до сих пор не признаются научным сообществом.

К числу средств психического воздействия, традиционно отраженных в уголовном законодательстве, относится психическое насилие в виде угроз. В частности, подобный способ совершения преступления является факультативным элементом объективной стороны таких составов преступления, как: доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство (ст. 110 УК РФ); принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации (ст. 120 УК РФ); воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий (п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ); принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения (ст. 179 УК РФ); и т. д.

Спорным представляется высказанное в уголовно-правовой литературе утверждение о том, что «угроза — единственная форма выражения психического насилия» [2, с. 6]. Да, действительно, страх перед насилием — наиболее распространенная, но не единственная форма психологической реакции, приводящая к изменениям психического состояния. В качестве состояния измененного сознания, на наш взгляд, следует рассматривать состояние обманутости, возникающее при совершении мошенничества (ст. 159 УК РФ), фальсификации единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета (ст. 170.1 УК РФ), внесении заведомо ложных сведений в межевые планы, технические планы, проекты межевания земельных участков и т. п. акты, в том числе через подлог документов (ст. 170.2 УК РФ), объявлении о фиктивном банкротстве (ст. 197 УК РФ). Что это, как не информационно-психическое воздействие помимо воли потерпевших лиц, противоречащее их интересам. Проблема обманутых психических состояний актуализируется в наши дни в связи с экспансией нетрадиционных методов лечения, оккультизма, эзотерики, экстрасенсорики,

---

* Так, например, основатель «Российской академии психологии» Р. Симбатулин презентует себя в сети Интернет (<http://пушан.рф>) в качестве «мага, духовного учителя, потомственного целителя, ясновидящего, парапсихолога, медиума, экзорциста, биоэнерготерапевта».

различного рода психологических тренингов, организуемых «шарлатанами от психологии».

Еще один достаточно разработанный в уголовном законодательстве источник опасности в информационно-психологической сфере, дестабилизирующий психическую деятельность личности, связан с применением психотропных препаратов. Механизм воздействия психотропных веществ отличается от психического насилия и обмана, но вот результат тождественен: использование психотропных веществ (от др.-греч. «поворотный, изменяющийся») приводит к болезненному изменению психического состояния, в силу чего человек утрачивает способность к корректному осмыслению действительности и совершает немотивированные действия, в том числе общественно опасные. К числу отягчающих наказание обстоятельств относится совершение преступления с использованием наркотических средств и психотропных веществ (п. «к» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

Психическая безопасность является частью более широкой категории «духовная безопасность». Изложение статей о духовной безопасности в Уголовном кодексе РФ отличается дефектностью, поскольку ответственность за посягательства на объекты духовной безопасности предусмотрена разными главами Уголовного кодекса: например, ст. 148 — «Воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповедания» помещена в 19 главу Уголовного кодекса «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина», а ст. 282 — «Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды» — в главу 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства». Заслуживает внимания предложение В.Г. Беспалько о необходимости дифференциации в структуре Особенной части УК РФ уголовно-правовых норм, обеспечивающих защищенность от посягательств в сфере духовной безопасности, путем объединения их в самостоятельную главу уголовного закона, назвав ее «Преступления против духовной безопасности» и включив в раздел IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» УК РФ [1, с. 161].

Проблемой в сфере уголовно-правового обеспечения духовной безопасности является явная недостаточность уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за посягательства на духовные ценности. Несмотря на отсутствие законодательной регламентации, с точки зрения смысла и принципов уголовно-правового регулирования,

к числу угроз психической и духовной безопасности, безусловно, следует отнести деятельность оккультных, деструктивных, тоталитарных и им подобных организаций. Наряду с ответственностью за антиобщественную деятельность псевдорелигиозных организаций, в Уголовном кодексе необходимо предусмотреть и ответственность за злоупотребление религией и, прежде всего, в экстремистских целях. Одними из наиболее существенных источников угроз в сфере духовной (психической) безопасности является экстремистская деятельность религиозных организаций [5, с. 108–112]. А между тем в уголовном законодательстве Российской Федерации нет даже легальной дефиниции религиозного экстремизма, отсутствуют его юридические признаки.

Проблемность в уголовно-правовом регулировании психологической и духовной безопасности как разновидности безопасности личности и национальной безопасности порождает феномен «безответственности» за совершение общественно опасных деяний. В ст. 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (Принят 16 декабря 1966г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) [4] предусматривается право каждого гражданина не только на физическое, но и психическое здоровье, обязывая ратифицировавшие Пакт государства принимать меры к полному осуществлению этого права, в том числе путем установления уголовно-правовых гарантий психологической защиты личности.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Беспалько В.Г. Духовная безопасность как объект уголовно-правовой охраны // Право и безопасность. 2006. № 3–4 (20–21). С. 155–166.
2. Левертова Р.А. Ответственность за психологическое насилие: учебное пособие. Омск: НИиРИО Ом. ВШМ МВД СССР, 1978.
3. Липинский Д.А. Юридическая ответственность и безответственность как парные юридические категории // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 2 (48). С. 6–24.
4. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Принят 16 декабря 1966г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.
5. Мещерякова А.Ф., Фомин А.А. К вопросу о законодательном обеспечении религиозной безопасности в современной России // Право и безопасность. 2013. № 1–2 (44). С. 108–112.
6. Тер-Акопов А.А. Безопасность человека (теоретические основы социально-правовой концепции). М.: МНЭПУ, 1998. 196 с.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996г. № 63-ФЗ (в ред. от 18.02.2020г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

8. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть II). Ст. 212.

УДК 4414

Научная специальность — 12.00.08

Шестак Виктор Анатольевич

доктор юридических наук
профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
МГИМО МИД России

Михалева Мария Юрьевна

студентка 2-го курса Международно-правового факультета
МГИМО МИД России

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ БАНКРОТСТВА: ОПЫТ ФРГ

Viktor A. Shestak

Doctor of Juridical Science
Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology
MGIMO-University of the MFA of Russia

Mikhaleva Maria Yuryevna

2-year student of the International Law School
MGIMO-University of the MFA of Russia

RESPONSIBILITY FOR BANKRUPTCY VIOLATIONS: GERMAN EXPERIENCE

Abstract: the authors made an attempt, based on an analysis of the criminal legislation of the Federal Republic of Germany, to consider the issues of criminal and administrative liability for violations in the field of bankruptcy, as well as to touch upon certain problems associated with holding accountable for their commission, to consider legislative trends to improve legal regulation in this area.

Keywords: liability for bankruptcy violations, deliberate bankruptcy, criminal liability, judicial practice.

Существование развитой рыночной экономики государства во многом определяется стабильной финансовой активностью его юридических лиц, основная цель создания и деятельности которых на-

правлены на непрерывный рост потенциала страны, ее конкурентоспособность на мировом рынке, повышение социальных гарантий для собственного населения. Снижение же темпов роста и развития отдельных участников предпринимательской деятельности, неспособность отвечать по долгам перед кредиторами вследствие собственной неплатежеспособности наносят существенный вред как отдельным контрагентам такого юридического лица, так и экономике государства в целом. В этой связи практически каждому правопорядку известен институт банкротства — своеобразный правовой механизм, направленный на применение комплекса процедур, осуществляемых под контролем суда, главная цель которых — финансовое оздоровление субъекта экономической деятельности или, если данная цель недостижима, цивилизованный вывод этого субъекта из гражданского оборота.

Однако если из экстраординарного способа урегулирования спорных задолженностей и расчетов с кредиторами институт банкротства превращается в механизм для недобросовестных бенефициаров по уходу от исполнения обязательств, в инструмент преступных сообществ по реализации незаконных финансовых операций, а также используется для достижения иных, противозаконных целей. Любой развитый правопорядок за такие действия устанавливает в законодательстве своей страны различные виды ответственности, включая и уголовную. Уголовные законы большинства стран мира выделяют криминальное банкротство в самостоятельные составы, в некоторых же, если данные деяния являются следствием уклонения от уплаты налогов или связаны с кредитованием от имени несуществующего юридического лица, включает эти преступления в число преступлений против налоговой системы.

Так, в Германии ответственность за нарушение законодательства в сфере банкротства устанавливается в целом ряде нормативных правовых актов. К ним, во-первых, относятся — Уголовный кодекс ФРГ (Strafgesetzbuch) [8] и специальные законы о борьбе с экономической преступностью (1976 и 1986 г. г.) — Erstes Gesetz zur Bekämpfung der Wirtschaftskriminalität [2] и Zweites Gesetz zur Bekämpfung der Wirtschaftskriminalität [9], а, во-вторых — специальные корпоративные законы, регламентирующие правовое положение отдельных видов юридических лиц — Закон об акционерных обществах 1965 г. (Aktiengesetz) [1] и Закон о товариществах с ограниченной ответственностью в редакции

1994 г. (Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung) [3]. Процедура привлечения к уголовной ответственности по делам о преступных действиях, совершаемых при банкротстве или приведших к таковому, регламентирована в Уголовно-процессуальном кодексе ФРГ (Положение об уголовном процессе ФРГ — (Strafprozeßordnung)) [7]. Непосредственно же институт банкротства регламентирован в Положении о несостоятельности 1994 г. (Insolvenzordnung) [4]. Правовое регулирование, предусмотренное указанными выше актами, осуществляется как на федеральном уровне, так и на уровне земель.

Предваряя анализ преступлений, совершаемых в сфере банкротства, по законодательству ФРГ, следует отметить, что с 2017 г. в этой стране на фоне стабильного снижения уровня преступности наблюдается и неуклонное снижение преступлений данной группы. Так, согласно данным, размещенным на Официальном портале Федерального ведомства уголовной полиции (Offizielles Portal der deutschen Polizei) МВД ФРГ (Bundesministerium des Innern, BMI) если в 2016 г. было зарегистрировано 6,37 млн. преступлений, в 2017 г. эта цифра составила 5.76 млн., а в 2018 г. снизилась до 5.4 млн., что по сравнению с 2016 составляет более чем на 18% [6]. Это, как заявил в апреле 2019 г. глава МВД страны Х. Зеехофер, самый низкий уровень преступности за последние 27 лет [10].

Так, если за 2015 г. указанным ведомством было зарегистрировано 11153 рассматриваемых преступлений, в 2016 г. — 11266, в 2017 г. эта цифра снизилась до показателя 10640, а в 2018 г. составила 10454 преступления. Таким образом, за четыре указанных года преступность по делам в сфере банкротства снизилась в ФРГ приблизительно на 7 процентов, что свидетельствует о стабильном развитии немецкой экономики, предотвращающей конструирование нелегальных схем ведения бизнеса, вывод активов в обход закона, уклонение от уплаты налогов и сборов и другие махинации, которые, в конечном итоге, выступают основой уголовно-наказуемых деяний, ответственность за которые установлена в соответствующих статьях УК ФРГ.

В пользу такого вывода свидетельствует и статистика гражданских процессов о несостоятельности (банкротстве) в Германии, количество которых за рассматриваемый нами период также неуклонно снижается. Так, по данным, опубликованном на сайте Института германской экономики (Institut der deutschen Wirtschaft), если в 2015 году число дел о банкротстве составляло — 134871, в 2016 году — 122514, в 2017 году —

115632, а в 2018 году снизилось до 109584 дел (–19% по сравнению с 2015 годом) [5].

Уголовный кодекс Германии в разделе 24 содержит 5 статей с формальными составами, посвященных так называемым конкурсным преступлениям — §283–283d. Самой объемной нормой является § 283 (Банкротство), в которой устанавливается уголовная ответственность за ряд злоупотреблений, связанных с банкротством. Данные деяния нельзя в полной мере расценивать как преднамеренное и фиктивное банкротство, ответственность за которые предусмотрены в статьях 196 и 197 УК РФ, однако они достаточно близки.

К ним, в частности, относится ряд действий, совершаемых в период уже наступившей неплатежеспособности или в ее преддверии:

сокрытие имущества или его части, которое должно войти в конкурсную массу;

заключение сомнительных или мнимых сделок с контрагентами, противоречащих обычной хозяйственной практике;

отчуждение или предоставление в кредит товаров, работ, услуг по цене, значительно ниже рыночной;

предоставление заведомо ложной информации о правах третьих лиц или признание их фиктивных прав;

заведомое уклонение от ведения различного рода отчетности, торговых книг, иной документации, установленной законом, или же намеренное искажение сведений в таких документах, которое не позволит установить в будущем истинное имущественное положение должника, а также умышленное повреждение необходимых для ведения бизнеса документов;

намеренное ухудшение своего имущественного положения и ряд других действий.

Признаком, объединяющим все выше перечисленные действия, является то, что все эти действия должны быть связаны с банкротством должника, который в момент их совершения находится в кризисном состоянии, поскольку именно оно с достоверностью подтверждает неплатежеспособность этого лица. Однако уголовная ответственность за эти действия наступает только при условии, что в отношении должника впоследствии инициирована процедура банкротства

Предусмотренные в § 283 деяния наказываются лишением свободы до пяти или штрафом. Если лицо действовало легкомысленно или небрежно срок лишения свободы не может превышать двух лет.

Субъектом ответственности по данной норме может выступить любое физическое лицо или представитель юридического лица. Норма § 283а предусматривает уголовную ответственность, пожалуй, за самое тяжкое деяние, которое может быть совершено при банкротстве (Особо тяжкий случай банкротства). Таковым деяние будет расценено, если лицо действует из корыстных побуждений, а также, если он осознанно подвергает опасности вверенное ему большим количеством лиц имущество, или создает для этих лиц угрозу бедственного экономического положения. Уголовная ответственность за указанное преступление наступает в виде лишения свободы сроком от шести месяцев до десяти лет.

К преступлениям в сфере банкротства раздел 24 УК ФРГ относит также нарушение обязанности ведения бухгалтерских книг (§ 283b), Деяния, предусмотренные в этой статье — сокрытие, утаивание или уничтожение документации, нарушение торгового права, не составление баланса и финансовой отчетности — аналогичны деяниям, предусмотренным в § 283. Однако за их совершение лицо привлекается к уголовной ответственности вне связи с начавшейся процедурой банкротства, т. е. по факту их совершения. Поскольку сами по себе такие действия таят в себе угрозу банкротства, содержащая их норма также включена в раздел о конкурсных преступлениях. Ответственность, установленная за деяния, предусмотренные в § 283b Кодекса, дифференцирована в зависимости от формы вины лица, совершившего указанные деяния. Если лицо действовало по небрежности, оно несет ответственность в виде лишения свободы сроком до одного года или наказывается штрафом. При умышленной форме вины срок лишения свободы увеличен до двух лет.

К конкурсным преступлениям УК ФРГ относит также § 283c («Способствование одному из кредиторов») и § 283d («Способствование несостоятельному должнику»). Также как и деяния, предусмотренные в § 283b Кодекса, деяния, ответственность за которые установлена в § 283c и в § 283d, являются наказуемыми вне связи с наступившим банкротством, а лишь только потому, что таят в себе опасность его наступления. Следует отметить достаточно суровую ответственность, установленную в § 283d, если виновное лицо действовало из корыстных побуждений или же подвергло опасности вверенное ему большим количеством людей имущество, а также привело их к бедственному хозяйственному положению. За подобные деяния предусмотрена уго-

ловная ответственность, аналогичная ответственности, установленной в § 283a Кодекса — лишения свободы на срок от шести месяцев до десяти лет.

По нашему мнению, рассмотренные конструкции наглядно свидетельствуют о желании и возможности немецкого законодателя пресекать любые деяния, которые могут привести к банкротству и затронуть интересы добросовестных кредиторов.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES:

1. Aktiengesetz / Bundesgesetzblatt. Jahrgang 1965. Teil I. Nr. 48. Seite 1089.
2. Erstes Gesetz zur Bekämpfung der Wirtschaftskriminalität / Bundesgesetzblatt. Jahrgang 1976. Teil I. Nr. 93. Seite 2034.
3. Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung / Reichsgesetzblatt vom 20 April 1892. Seite 477. In der Fassung vom 1994.
4. Insolvenzordnung. — Электронный ресурс. URL <https://www.gesetze-im-internet.de/inso/>(дата обращения: 09.03.2020).
5. Institut der deutschen Wirtschaft: Zugriffsverfahren. — Электронный ресурс. URL: <https://www.deutschlandin zahlen.de/tab/deutschland/branchen-unternehmen/unternehmen/insolvenzen> (дата обращения: 09.03.2020).
6. Offizielles Portal der deutschen Polizeiішии: Zugriffsverfahren. — Электронный ресурс. URL: https://www.bka.de/SharedDocs/Downloads/DE/Publikationen/JahresberichteUndLagebilder/Wirtschaftskriminalitaet/wirtschaftskriminalitaetBundeslagebild2018.pdf?__blob=publicationFile&v=4 (дата обращения: 09.03.2020).
7. Österreichische Strafprozessordnung vom 09.12.1975 // Rechtsinformationssystem des Bundes: Zugriffsverfahren. — Электронный ресурс. URL: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10002326> (дата обращения: 09.03.2020).
8. Strafgesetzbuch in der am 13. November 1998 verkündeten Fassung, zuletzt geändert durch Artikel 3 des Gesetzes vom 2. Oktober 2009 // Federal Law Gazette [Bundesgesetzblatt] I p. 3214, I p. 3322.
9. Zweites Gesetz zur Bekämpfung der Wirtschaftskriminalität / Bundesgesetzblatt. Jahrgang 1986. Teil I. Nr. 21. Seite 721.
10. Добрынин В. В урезанном виде: как власти ФРГ занижают уровень преступности. — Электронный ресурс. URL:<https://iz.ru/868189/vladimir-dobrynin/v-urezannom-vidе-kak-vlasti-frg-zanizhaiut-uroven-prestupnosti> (дата обращения: 09. 03. 2020).

Раздел IV

СТАТЬИ УЧАСТНИКОВ СЕКЦИИ «ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО И ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПРАВА»

*Ответственный — и.о. зав.кафедрой предпринимательского
и энергетического права СПбГЭУ, кандидат юрид. наук,
доцент Е.Н. Абрамова*

УДК 346.7

Научная специальность: 12.00.07

Абрамова Елена Николаевна
кандидат юридических наук, доцент
и.о. кафедры предпринимательского
и энергетического права СПбГЭУ

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ИНВЕСТИРОВАНИЯ В ЭНЕРГЕТИКУ

Abramova Elena
Candidate of Law, Associate Professor
Bissness and energy law department,
St. Petersburg State University of Economics

LEGAL MECHANISMS OF INVESTING IN ENERGY SECTOR

Abstract: investing in individual sectors of the economy has its own specific characteristics. This is particularly characteristic of investing in the energy sector. The article analyzes both the long-established legal mechanisms of investing in the energy sector, from the point of view of the need to modernize them and change the current legislation, and new trends in the development of Russian investment and energy legislation.

Key words: investment, energy law, energy market, legal mechanism.

В настоящее время инвестиционное законодательство не представляет собой единой системы, поскольку состоит из разрозненных законодательных и подзаконных актов. При этом, активно развиваясь, инвестиционное законодательство все еще не предоставляет иностранным и национальным инвесторам того уровня благоприятности условий, который необходим для активного инвестирования в экономику страны. Не до конца сформированы и продуманы и пра-

новые механизмы инвестирования в российском законодательстве, в результате чего инвесторы предпочитают уходить в иностранные юрисдикции и пользоваться английским, голландским, немецким или др. законодательством, но не российским. Поэтому инвестиционный климат России, несомненно улучшенный за последние годы, все еще является недостаточным и нуждается в совершенствовании. Такое улучшение обеспечивается, прежде всего, реформированием инвестиционного законодательства.

Так, разработано несколько законопроектов, направленных на улучшение инвестиционного климата и повышение эффективности использования инвестиций, в том числе, за счет разработки новых правовых механизмов инвестирования. Например, было подготовлено сразу два законопроекта о защите капиталовложений в РФ*. В проекте предусматривается обязательность заключения инвестиционного договора при наличии ряда условий и отсутствии оснований для отказа инвестору в его заключении. Введение подобного механизма обязательности заключения инвестиционного договора для публично-правового образования, несомненно, способно активизировать инвестиционную деятельность на территории страны, поскольку в настоящее время многие инвестиционные проекты не получают внедрения из-за нежелания или неспособности государства принять вложения, предлагаемые инвесторами. Этим же законопроектом предусмотрен механизм закрепления специальных, льготных правил для особо крупных инвесторов, вплоть до предоставления индивидуальной стабилизационной оговорки. Другой правовой механизм инвестирования предложен Минэкономразвития в проекте ФЗ «О государственном и муниципальном имуществе», устанавливающим систему эффективного управления публичным имуществом.

Актуальность развития инвестиционных процессов подтверждается не только активным совершенствованием российского законодательства, но и аналогичными процессами в мире. Так, в ЕС и США активно обсуждается идея заменить рассмотрение инвестиционных споров в Международном коммерческом арбитраже на создание

---

* Проект ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (внесен Минфином) и проект ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений и развитии инвестиционной деятельности в Российской Федерации» (внесен Правительством РФ).

специализированного постоянно действующего Международного инвестиционного суда. Однако в российской литературе такие перспективы оцениваются неоднозначно. В частности, С.А. Синицын отмечает существенные риски умаления экономического суверенитета и юрисдикционного иммунитета РФ как участника международных и гражданско-правовых отношений, а также отсутствие четких подходов к терминологии [8, с. 474] что может привести к неопределенности полномочий международного инвестиционного трибунала [12, с. 262–262].

Несомненно, что совершенствованию подлежит и инвестиционное энергетическое законодательство. При этом необходимо учитывать особенности энергетической отрасли и ее рынков. Во-первых, к таким особенностям энергетического рынка можно отнести его сетевой характер; во-вторых — существование тарифов; в-третьих — особые климатические условия России, подразумевающие потребность в значительных объемах энергии на протяжении долгого времени и, как следствие, необходимость жесткого планирования данного сектора экономики; и, наконец, — многообразие рынков энергетики, отличающихся технологически, территориально и обеспечивающие разные потребности разных групп потребителей. Указанные особенности определяют необходимость особого подхода к развитию энергетического инвестиционного законодательства и выбора специфических правовых механизмов инвестирования. При этом в литературе отмечается наличие ряда специальных проблем государственной инвестиционной политики в сфере энергетики (в том числе ее неэффективность и неактуальность, несоответствие действующих правовых средств и источников инвестирования стратегическим целям развития энергетики, несогласованность инвестиционных проектов в энергетике с программами развития в других отраслях экономики, сочетание низкого инвестиционного потенциала с незаинтересованностью субъектов энергетики в активизации инвестиционной деятельности) [11, с. 245], что не может не приводить к негативному опыту реализации инвестиционных механизмов (например, инвестиционный контракт, проектное финансирование, инвестиционные стимулы и т. д.) [2, с. 3–4].

В настоящее время, в связи с необходимостью планирования, преобладают преимущественно государственные инвестиции в энергетику. Роль частно-правовых механизмов инвестирования при этом недооценивается либо вовсе не учитывается. Подобная ситуация

должна быть преодолена в процессе реформирования энергетического инвестиционного законодательства. Другим направлением его развития должна стать его гармонизация в разных сферах (нефте- и газо-добычи и переработки, электроэнергетики и пр.), поскольку в настоящее время в каждой из названных сфер существует свое специальное регулирование, не применимое к другим сферам. В свою очередь создание общих рынков также требует гармонизации законодательства отдельных государств. При этом, как отмечают исследователи, российское законодательство о естественных монополиях вступает в противоречие с общими рынками, антимонопольное законодательство в целом отстает от общемировых тенденций*.

Из указанных особенностей энергетических рынков вытекают причины непривлекательности их для инвесторов. Основной причиной можно назвать невозможность получения быстрой прибыли в краткосрочной перспективе, а зачастую — и вовсе невозможность получения хоть какой-то прибыли (из-за наличия, например, тарифов (получение прибыли сверх установленных тарифов является невозможным) и объектов, из которых невозможно получить доход напрямую (например, сетевые объекты, для которых инвестирование невозможно, но которые являются основными для данного сектора экономики)). На устранение этой причины и должно быть направлено совершенствование энергетического инвестиционного законодательства. При этом необходимо учитывать, что инвестиции в энергетику имеют стратегическое значение и, одновременно с этим, имеют повышенные риски и не могут быстро окупиться.

Прежде всего, таким образом, в совершенствовании нуждается законодательство о тарифах. Для координации тарифного регулирования требуется развитие эталонного регулирования тарифов. При этом исследователи отмечают, что тарифное регулирование должно быть рамочным, а не таким точно очерченным, как сейчас требует антимонопольный орган, и может отличаться в зависимости от сферы, так как разные сферы энергетики имеют свою специфику. Введение эталонов для энергосбытовых компаний позволит накапливать экономию, которую можно направлять на инвестиции или на получение

---

* Так, Россия, копирующая антимонопольное регулирование Германии, в настоящее время осваивает лишь «пятый пакет» антимонопольного законодательства, в то время как в самой Германии с 2017 года уже действует девятый пакет поправок к закону против недобросовестной конкуренции.

дохода инвестором. Другим рекомендуемым, прежде всего, для электро- и тепло-энергетики, правовым механизмом, уже давно используемым во многих странах, является введение так называемого РАБ-регулирования (РАВ — от англ. Regulatory Asset Base — регулируемая база инвестированного капитала) — системы долгосрочного тарифообразования, целью которой является привлечение инвестиций и повышения за их счет надежности энергоснабжения и качества предоставляемых потребителям услуг. Унификация тарифного законодательства может быть проведена как на уровне специального тарифного закона, так и в рамках принятия Энергетического кодекса, который бы включал инвестиционное регулирование, тарифы и пр.

Помимо совершенствования тарифного регулирования необходима модернизация уже существующих правовых механизмов привлечения инвестиций и разработка новых.

К таким новым инструментам инвестирования относится введенная в ст. 16 ФЗ «О промышленной политике»^{*} новая договорная конструкция — специальный инвестиционный контракт, позволяющий обеспечивать интересы «как государства (развитие промышленного производства на территории РФ на основе современных технологий), так и инвесторов (предоставление стабильных условий ведения бизнеса и мер стимулирования)» [1, с. 18], в том числе за счет установления ответственности в виде возмещения реального ущерба и уплаты штрафов в случае невыполнения или ненадлежащего выполнения условий контракта инвестором или публично-правовым образованием (например, при неприменении предусмотренных контрактом мер стимулирования инвестор может в судебном порядке расторгнуть договор и потребовать возмещения причиненного в результате этого реального ущерба). Данный правовой инструмент предназначен, прежде всего, для привлечения инвесторов сферу энергетики, поскольку в соответствии со ст. 3 указанного закона под промышленным производством в нем понимается экономическая деятельность по «добыче полезных ископаемых, обрабатывающему производству, обеспечению электрической энергией, газом и паром, кондиционированию воздуха, водоснабжению, водоотведению» и др., в том числе на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне.

---

^{*} ФЗ «О промышленной политике» 2014 г. в ред. от 2 августа 2019 // <http://www.pravo.gov.ru>

Особое значение в современных условиях приобретает развитие интеллектуальной (цифровой) энергетики и стимулирование ее инвестирования. Специалисты прогнозируют значительное возрастание доходности цифровой энергетики, а «барьеры входа в новые сегменты энергетики в настоящее время значительно ниже, чем в традиционные (производство энергетического оборудования, строительство крупных генерирующих объектов)», поскольку «в новых сегментах конкурентным преимуществом обладают не действующие игроки на рынке, а игроки, имеющие компетенции в информационных технологиях» (например, телекоммуникационные компании) [4, с. 87–88]. Для развития инвестиций в интеллектуальную энергетику требуется решение традиционных для инвестиционного энергетического законодательства проблем, связанных с совершенствованием тарифного регулирования, концессионного законодательства и т. д. Но уже сейчас исследователи отмечают наибольшую привлекательность интеллектуальной энергетики для инвесторов по сравнению с традиционной энергетикой, поскольку технологии цифровой энергетики позволят принципиально иным образом решать проблемы инвестиций — за счет радикального повышения эффективности существующей инфраструктуры без масштабной реновации основных фондов. Кроме того, в отличие от сетевого сегмента, цифровая энергетика не находится под контролем государства, чем и вызван интерес к ней у инвесторов, в том числе нетрадиционных для энергетического рынка [4, 89]. В качестве дополнительного стимула для инвестирования в энергетику называется развитие распределенной энергетики, подразумевающей снятие барьеров между производителями и потребителями электроэнергии и появления нового статуса «активного потребителя». Но этому пока препятствует существующее регулирование оптового и розничного рынков электроэнергии, не подразумевающее объединение деятельности производителей и потребителей энергии, что требует появления новых механизмов по снятию правовых барьеров для развития распределенной генерации.

Цифровизация экономики получила свое отражение не только в электроэнергетике, но и в других отраслях. Например, активно развиваются в нефтегазовой отрасли такие направления, как сейсмическое моделирование, эксплуатационное бурение, создание «интеллектуальных месторождений» и «умных» скважин, автоматизация процессов нефтепереработки, повышение операционной эффективности в цепочке снабжения и поставок [5, с. 17].

Новый механизм привлечения инвестиций в форме краудфандинга установлен в ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ»*, вступающим в силу с 1 января 2020 года. Он заключается в привлечении инвестиций через оператора инвестиционной платформы, который оказывает услуги по привлечению инвестиций (для лица, привлекающего инвестиции) и по содействию в инвестировании (для инвестора). Инвестирование с использованием инвестиционных платформ заключается в приобретении ценных бумаг, утилитарных цифровых прав (права требовать передачи вещи, исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и права требовать выполнения работ или оказания услуг) и в предоставлении займа. Использование указанных способов инвестирования через инвестиционную платформу предоставляет особые гарантии защиты прав участников инвестиционного проекта, закрепленные в данном законе. Инвестирование другими способами, как и вне предложенной законом инфраструктуры, возможно, но при отсутствии указанных гарантий риски совершения сделок на иных площадках становятся более высокими [10, с. 10].

В ст. 9 указанного ФЗ предусматривается новый вид ценной бумаги — цифровое свидетельство, которое квалифицируется как неэмиссионная бездокументарная ценная бумага без номинальной стоимости, удостоверяющая права владельца на утилитарное цифровое право. Цифровое свидетельство выдается депозитарием обладателю цифрового права, учет которого осуществляется этим депозитарием. Еще одной особенностью инвестирования через инвестиционные платформы является заключение договоров инвестирования с помощью информационных технологий и технических средств путем принятия инвестиционного предложения лица, привлекающего инвестиции, и перечисления на его банковский счет денежных средств инвесторов (п. 1 ст. 13 указанного ФЗ). Учитывая, что сама конструкция «цифровое право», недавно появившаяся в ГК РФ, неоднозначно, но в целом критично, оценена в научной среде, указанные нововведения требуют своего анализа и исследования, которые пока не предпринимались. Но уже сейчас отмечается, что краудфандинговые проекты «не направлены на привлечение значительных объемов средств — они в ос-

---

* ФЗ от 2 августа 2019 года «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 4418.

новном поддерживают малый и средний бизнес, а также венчурные проекты» [10].

Таким образом, скорость развития цифровой экономики и ее потребностей значительно опережает состояние российского законодательства и его способность адекватно подстраиваться под меняющиеся общественные отношения. Однако не вызывает сомнения необходимость появления новых механизмов инвестирования с помощью средств цифровой экономики.

В качестве перспективных механизмов усиления инвестиционной привлекательности нельзя не отметить создание разнообразных по статусу территорий и зон*, туристических кластеров и медицинских кластеров в ряде регионов России и т. п., а также планирование возможности установления особого режима осуществления предпринимательской деятельности в Арктической зоне России, виртуальных особых экономических зон и пр. Несмотря на значительное количество уже существующих таких территорий их эффективность пока оценивается как незначительная, поскольку законодателю не удастся создать механизмы, обеспечивающие четкие правила игры, минимальные бюрократические издержки и т. п. признаки благоприятного инвестиционного климата данных территорий. Основным направлением программных документов в этой сфере является снятие административных барьеров. Одним из развивающихся механизмов в этих целях считается концепция «одного окна», через которое органы территорий обеспечивают предоставление услуг по регистрации юридических лиц, сделок с недвижимостью, организацией строительства и подключения объектов к сетям инженерно-технического обеспечения и т. п. В литературе отмечается, что усилит привлекательность территории для инвестора не просто воплощение идеи одного окна, но возможность доступа к нему в электронном виде, упрощение процедуры государственной регистрации потенциальных резидентов таких территорий, разработка договорного механизма привлечения инвесторов в границы территории (договор об условиях деятельности в данной зоне или

---

* ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации»; ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»; ФЗ «Об особой экономической зоне в Калининградской области»; ФЗ «О развитии Республики Крым и города федерального значения Севастополя и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя»; ФЗ «О зонах территориального развития»; ФЗ «О свободном порте Владивосток», др.

на данной территории), снижение минимального размера инвестиций, пр. [6, с. 161–164].

В настоящее время основным правовым механизмом по привлечению инвестиций в сферу энергетики является концессионное соглашение. Это самый популярный механизм, в пользу которого, в частности, проектом изменений в ГК* предлагается заменить существующую в настоящее время такую организационно-правовую форму юридических лиц, как государственные (муниципальные) унитарные предприятия, являющиеся в настоящее время формой осуществления предпринимательской деятельности публично-правовым образованием путем выделения и распределения публичного имущества и закрепления его за ГУПом или МУПом. Другим способом искусственного сдерживания развития инвестиционных механизмов и ограничения их единственным способом — концессионным соглашением, является законодательное правило о возможности передачи объекта старше пяти лет только по концессионному соглашению. Таким образом, другие формы взаимодействия с инвестором, например, договоры купли-продажи, аренды или др., становятся недоступными, даже если нет желающих заключить концессионное соглашение.

При этом концессионное соглашение как механизм привлечения инвестиций имеет и свои отрицательные стороны [3, с.408]. Так, на практике данный договор, как правило, подразумевает лишь одну цель — проведение капитального ремонта, в то время как инвестиции, особенно в такую науко- и технико-емкую область, как энергетика, не могут и не должны заключаться исключительно в проведении капитального ремонта. Способность концессионных соглашений выполнять все функции ГУПов и МУПов также вызывает обоснованные сомнения. Поэтому специалисты отмечают, что такую организационно-правовую форму участия в предпринимательской деятельности государства необходимо оставить при наличии определенных условий. К последним относятся, например, осуществление юридическим лицом деятельности в отдаленных и труднодоступных районах, куда инвесторы предпочитают не вкладывать свои вложения (районы Крайнего Севера и т. п.); в условиях естественной монополии; в сферах и на

---

* Проект ФЗ № 554026-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части установления запрета на создание и осуществление деятельности унитарных предприятий)» // СПС Консультант-Плюс.

территориях, где инвесторы отсутствуют. Такой подход и был реализован законодателем.

Затрудняет развитие инвестиций в энергетику и такое законодательное требование, как необходимость заключения концессионного соглашения исключительно в результате конкурса. Несовершенства законодательства о проведении и организации конкурсных торгов приводят на практике к недопуску к заключению соглашения с тем инвестором, который готов инвестировать не только для получения прибыли, но и для достижения иных социально-важных целей. Таким образом, процедура проведения и организации конкурса подразумевает множество сложностей, формальностей и ограничений, снижающих привлекательность инвестиций для инвестора.

Еще одной важной особенностью инвестиций в энергетику является долгосрочность получения прибыли от вложений. В этой связи законодательство о концессионных соглашениях нуждается в коренном пересмотре на предмет облегчения деятельности инвестора, связанного условиями такого договора. Так, требование о необходимости ежегодного согласования в ФАС отпугивает потенциальных инвесторов от заключения концессионных соглашений, поскольку самым близким сроком начала получения возврата от вложений является семь лет.

Ограничивают заключение концессионных соглашений и другие нормы действующего российского законодательства. В частности, концессионный договор в настоящее время может быть заключен исключительно с одним публично-правовым образованием (например, с одним муниципалитетом). Поэтому, если инвестор заинтересован в крупных инвестициях на конкретной территории, ему необходимо заключить несколько концессионных соглашений со всеми публично-правовыми образованиями, находящимися на этой территории. Готовность заключения такого количества договоров гораздо меньше у потенциального инвестора, чем его готовность заключить один договор со множественностью на стороне концедента, что сегодня прямо запрещено законом.

Поэтому сфера энергетики нуждается и в иных механизмах инвестирования. Например, перспективным представляется механизм оставления экономии у организации, если экономия получена за счет энергосберегающих технологий. При этом сэкономленные средства должны идти на инвестиционные программы. Помимо активизации собственно инвестиционной деятельности, подобный механизм

направлен на развитие новых технологий, улучшение экологии и сбережение энергоресурсов.

Отдельной проблемой является слабая заинтересованность в инвестировании в российские рынки иностранных инвесторов. Она вытекает, во-первых, из законодательного запрета для иностранных инвесторов выступать в качестве инвесторов в отдельных сферах энергетики (в частности, имеющих стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства). Так, в настоящее время для иностранных инвесторов закрыты рынки водоснабжения и водоотведения, закрыт частично рынок атомной энергетики в связи с их особой стратегической ролью. Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года закреплено прав государств-членов ограничивать деятельность инвесторов других государств-членов, а также вводить изъятия из национального режима. Конечно, государства, как справедливо отмечается в литературе, будучи суверенными, сами вправе решать, допускать иностранных инвесторов на свою территорию или нет [7, с. 26–38], однако следует учитывать, что такое решение должно быть согласовано с общегосударственной инвестиционной политикой, поскольку несогласованность регулятивных тенденций в разных сферах препятствует реальной реализации поставленных задач и, в данном случае, препятствует иностранному инвестированию.

Во-вторых, непривлекательность российских рынков для иностранных инвесторов объясняется их коррумпированностью, которая влечет непредсказуемость деловых операций, увеличенную рискованность инвестиций, снижение роста и возможностей развития предпринимательства [13, с. 194] и неконкурентоспособность России на международной арене [14, с. 20–29]. При этом аксиомой признается вывод о существовании устойчивой зависимости между уровнем восприятия коррупции в стране и притоком иностранных инвестиций в эту страну [9].

Активное развитие и использование за рубежом современных информационных технологий диктует потребность и российского рынка переходить на современные технологии и знакомство с ними возможно, в том числе, с помощью доступа иностранных инвесторов, готовых включить в инвестиционный проект новые технологические решения, на российский рынок. Например, договоры Китая обязательно включают условие о доступе к технологиям и возможности их

использования. При этом, однако, встает проблема защиты национальных технологий.

Помимо развития и совершенствования уже существующих общих правовых механизмов инвестирования, важное значение имеет создание новых, в том числе специфичных для энергетики, механизмов. Комплексным планом модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года* предусмотрены такие новые механизмы как: 1) новый механизм конкурсного отбора инвестиционных проектов на базе долгосрочного рынка мощности, который позволит обеспечить функционирование механизма модернизации существующего парка генерирующих мощностей тепловых электрических станций и привлечь значительные инвестиции; 2) механизм поддержки использования распределенной генерации на основе возобновляемых источников энергии в удаленных и изолированных энерго-районах.

Следует отметить, что инвестиции в альтернативную энергетику имеют свои особенности. В России последняя не получила активного развития, поскольку не способна в краткие сроки обеспечить значительные объемы, необходимые в условиях сурового климата и обширной территории. Однако нельзя сказать, что механизмы инвестирования в возобновляемую энергетику не развиваются в России вовсе. Альтернативная энергетика активно развивается, в том числе за счет формирования таких специальных механизмов привлечения инвестиций, как особые договорные конструкции (договор о предоставлении мощности генерирующих объектов, функционирующих на основе возобновляемых источников энергии), и другие механизмы (оплата потерь электроэнергии в сетях за счет электроэнергии, произведенной на объектах, функционирующих на основе возобновляемых источников энергии; компенсация стоимости технологического присоединения генерирующих объектов с установленной генерирующей мощностью не более 25 МВт, признанных квалифицированными генерирующими объектами, функционирующими на основе использования возобновляемых источников энергии и др.)**.

Таким образом, несмотря на специфичность энергетической отрасли, совершенствование инвестиционного законодательства в целом способно существенно улучшить инвестиционную привлекательность

---

* Ут. в распоряжении Правительства РФ от 30 сентября 2018 г. № 2102-р.

** Символоков О.А. Указ. Соч. С. 243.

энергетического сектора экономики России, а формирование новых, хорошо продуманных специфичных механизмов, основанных на функционировании энергетических рынков в современных условиях, увеличит объем привлеченного финансирования и изменит качество предоставляемых энергетическими отраслями услуг.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Андреева Л.В., Егорова М.А. Возрастание роли специального инвестиционного контракта в применении современных технологий в промышленности // Инвестиции в национальном и международном праве: баланс частных и публичных интересов. Сборник материалов к XIV Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся. М., 2019.

2. Белицкая А.В. Правовое обеспечение государственной инвестиционной политики. Автореф. дисс. к.ю.н. М., 2018.

3. Белых В.С., Звезда Т.М. Концессионное соглашение: спорные вопросы теории и практики // Юрист. 2017. № 24.

4. Варламова А.Н. «Энерджинет» как правовая основа инвестиций в интеллектуальную (цифровую) энергетику // Инвестиции в национальном и международном праве: баланс частных и публичных интересов. Сборник материалов к XIV Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся. М., 2019.

5. Громов А.И. Ресурсно-инновационное развитие: есть ли альтернатива для российского ТЭК? // Энергетическая политика. 2019. № 1.

6. Громова Е.В. Повышение инвестиционной привлекательности территорий с особым режимом экономической деятельности // Инвестиции в национальном и международном праве: баланс частных и публичных интересов. Сборник материалов к XIV Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся. М., 2019.

7. Дмитриева Г.К., Викторова Н.Н. Суверенитет государства в контексте привлечения иностранных инвестиций // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 12.

8. Доронина Н.Г., Семилотина Н.Г. Развитие инвестиционного законодательства // Научные концепции развития российского законодательства / отв. ред. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. М., 2015.

9. Конопляник В., Жигулина Е. Взятки и инвесторы // Профиль. 2017. 13 декабря.

10. Новоселова Л.А., Медведева Т.М., Арефьев А.Н. Закон о краудфандинге — первый шаг в создании инфраструктуры для обращения цифровых прав // Хозяйство и право. 2019. № 11.

11. Символоков О.А. Государственная инвестиционная политика в сфере энергетики // Инвестиции в национальном и международном праве: баланс частных и публичных интересов. Сборник материалов к XIV Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся. М., 2019.

12. Сеницын С.А. «Инвестиционный элемент» в гражданских правоотношениях: трудности сочетания инструментов экономики и права // Инвестиции в национальном и международном праве: баланс частных и публичных интересов. Сборник материалов к XIV Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся. М., 2019.

13. Трунцевский Ю.В., Беляева О.А. Антикоррупционный ковенант в гражданско-правовых договорах // Договор как общеправовая ценность. М., 2018.

14. Хабриева Т.Я. Значение противодействия коррупции для привлечения иностранных инвестиций в национальную экономику // Реализация антикоррупционной политики Республики Татарстан: информационный бюллетень. Вып.3. Казан, 2014.

УДК 346.2

Научная специальность: 12.00.03

Алексеева Евгения Владимировна

доцент кафедры предпринимательского
и энергетического права СПбГЭУ,
канд. юрид. наук

ПРАВОВОЙ СТАТУС ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ

Alexeeva Evgenia

Assistant Professor of the Entrepreneurial Law Department
of the Saint Petersburg State University of Economics

LEGAL STATUS OF CONSUMERS OF ELECTRIC ENERGY

Abstract: The article evaluates the category of electric energy consumer, identifies terminological inaccuracies and features of the use of this definition, establishes and characterizes elements of the legal status of electric energy consumer.

Keywords: consumer, consumer of electric energy, power supply contract, subscriber.

В современном имущественном обороте сложилось, что под потребителем признается гражданин, т. е. физическое лицо, как того требует потребительское законодательство¹.

Вместе с тем, по справедливому замечанию М.Н. Илюшиной, специальное (отраслевое) законодательство и судебная практика расценивают категорию потребитель в более широком формате, в частности, для обозначения хозяйствующих субъектов, в т. ч. коммерческих юридических лиц, которые получают товары, работы и услуги частно-правовым договорам [1]. Так, к примеру, в ст. 3 Федерального закона от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» определено, что потребители электрической энергии — это субъекты, приобретающие электроэнергию для собственных бытовых и (или) производственных нужд. Обращает внимание и то обстоятельство, что упомянутый закон также выделяет потребителя мощности. При этом последняя категория

является собирательной, поскольку к ней относятся три категории субъектов:

- это участники отношений, складывающиеся на рынке электрической энергии, возникающие в связи с приобретением особого вида товара — суммарной активной мощности (т. е. производительной силы электрического тока за единицу времени) (ГОСТ 19431–84 «Энергетика и электрификация. Термины и определения»). Здесь речь идет о крупных потребителях электроэнергии, чье правовое положение определяется как субъект оптового рынка электрической энергии;
- участники-реализаторы электроэнергии на розничных рынках, т. е. в контексте электроэнергетического законодательства это сбытовые организации, включая гарантируемых поставщиков, которые продают электроэнергию гражданам-потребителям на розничных рынках;
- участники отношений, возникающих в рамках внешнеэкономической деятельности, поскольку они реализуют электроэнергию за пределами территории российского государства.

Детализируя положения ст. 539 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), можно убедиться, что потребитель (или его контекстуальный синоним в данном контексте «абонент») представляет собой участника энергетических отношений, во владении и пользовании которого находится энергопринимающее устройство, соответствующее заявленным техническим требованиям. Данное лицо должно быть присоединено к энергосетям снабжающей организации, и иметь иное требуемое оборудование, а также своевременно вносить плату за полученную энергию и соблюдать режим ее потребления, выдерживать требования безопасности эксплуатации энергосетей и исправность приборов и оборудования, связанных с потреблением энергии. Анализ исследуемой нормы подтверждает потребительскую автономность абонента, который самостоятельно использует энергию для собственных, включая и производственные, нужды.

Следует обратить внимание на точки зрения, имеющиеся в науке и касающиеся соотношения «потребитель» и «абонент». Как отмечает Ю.Ю. Курьянова, имеется правовая позиция, согласно которой рассматриваемые категории имеют одинаковый смысл, а в соответствии с другой — категория «потребитель» шире категории «абонент». Это связано с тем, что любой абонент является потребителем, но не каждый

потребитель — абонентом, ибо имеются еще и потребители-субабоненты [2]. Представляется целесообразным использовать термин «потребитель электрической энергии» применительно к гражданину, удовлетворяющему свои нужды, не связанные с целями бизнеса, а категорию «абонент» использовать в качестве сводного термина, объединяющего всех лиц, приобретающих электроэнергию для своих нужд, при этом характер таких нужд не имеет принципиального значения. Думается, что соответствующие изменения в терминологии необходимо внести в различные нормативные правовые акты, составляющие энергетическое законодательство. Поэтому под абонентом, на наш взгляд, следует считать гражданина или юридическое лицо, состоящее в договорных отношениях с энергоснабжающей организацией и имеющее присоединение ее к сетям, осуществляющее пользование энергией (мощностью) для собственного потребления.

Приведенное толкование норм энергетического законодательства позволяет выделить признаки абонента, подчеркивающие особенность его правового положения и отличающие его тем самым от потребителя электроэнергии по договору энергоснабжения. Среди основных нужно выделить следующие:

- наличие договора энергоснабжения с энергоснабжающей организацией;
- самостоятельное и автономное присоединение абонента к сетям энергоснабжающей организации;
- потребление энергии в соответствии с собственными (бытовыми либо производственными) нуждами либо в целях ее дальнейшей продажи.

Поскольку в контексте данной работы речь идет о правовом статусе потребителя электрической энергии, то принципиальным будет изучение вопроса о правах, обязанностях и ответственности указанного субъекта.

На наш взгляд, важнейшим и, пожалуй, даже первичным правом потребителя является право безотказного заключения договора энергоснабжения, поскольку этот договор носит публичный характер, а энергоснабжающая организация, как правило, занимает доминирующее, если не монопольное положение на рынке электрической энергии.

Кроме того, анализ положений параграфа 6 главы 30 ГК РФ позволяет отнести к правам потребителя электрической энергии следующие:

- получать энергию в количестве, предусмотренном договором (ст. 541 ГК РФ). Более того договором между потребителем и энергоснабжающей организацией может быть предусмотрено право потребителя изменять количество принимаемой им энергии, т. е. он использует энергию по мере необходимости, его нельзя заставить принять все сразу или выдавать энергию определенными дозами или порциями (например, поставка товара равными партиями ежемесячно, согласно с положениями ГК РФ о подряде, здесь невозможна). Потребитель здесь должен оплатить расходы энергоснабжающей организации. Когда потребителем выступает гражданин, использующий энергию для бытового потребления, он вправе использовать энергию в необходимом ему количестве. Специфическим моментом, подчеркивающим особенность договора энергоснабжения как разновидность сделки купли-продажи, здесь выступает отсутствие необходимости составлять какие-либо акты приема-передачи энергии. Таким образом, у потребителя энергии не возникает обязанности принять товар (энергию).
- получать энергию соответствующего качества (ст. 542 ГК РФ), которое должно соответствовать установленным требованиям (т. е. качество может определяться исходя из требований технического законодательства — ГОСТов, обязательных правил) или предусмотренным договором. При подаче энергии ненадлежащего качества потребитель вправе не оплачивать такую энергию.

Нужно помнить, что потребитель вправе проверить качество поставляемой ему энергии, для чего может заключить договор с организацией, имеющей электролабораторию, на проведение независимой экспертизы. Главное помнить, что у такой электролаборатории должна быть государственная аккредитация.

- потребитель-гражданин вправе требовать от энергоснабжающей организации обеспечения надлежащего технического состояния и безопасности энергетических сетей, а также приборов учета потребления энергии (п. 2 ст. 543 ГК РФ);
- потребитель-гражданин управомочен расторгнуть договор в одностороннем порядке (п. 1 ст. 546 ГК РФ). Условием реализации этого права является уведомление потребителем энергоснабжающей организации и полной оплаты иполученной энергии;

- сам потребитель вправе выступить снабжающим энергией лицом, т. е. имеет право передавать энергию субабонентам (ст. 545 ГК РФ). Однако здесь необходимо заручиться согласием снабжающей организации, которое является необходимым условием последующей передачи полученной энергии. Правила ст. 545 ГК РФ обладают императивным качеством и, договором не может быть предусмотрено иное.
- потребитель-гражданин вправе рассчитывать на упрощенный порядок заключения и пролонгации договора энергоснабжения, т. е. исходя из требований п. 1 ст. 540 ГК РФ рассматриваемое соглашение вступает в силу с момента первого фактического подключения абонента к присоединенной сети; сам договор не ограничен сроком.
- иные права потребителя могут быть также установлены отраслевыми нормативными правовыми актами или конкретным договором.

В качестве обязанностей потребителя, проанализировав соответствующие положения параграфа 6 главы 30 ГК РФ, можно указать такие, как:

- обязанность оплатить фактически принятое количество энергии в соответствии с данными учета (п. 1 ст. 544 ГК РФ). При этом в соответствии с Основными положениями функционирования розничных рынков электрической энергии, утвержденными Постановлением Правительства Российской Федерации от 04.05.2012 г. № 442, в случае выявления безучетного или бездоговорного потребления электрической энергии сетевой организацией составляется акт о неучтенном потреблении электрической энергии. Такой акт может служить основанием для взыскания с потребителя соответствующей задолженности (Апелляционное определение ВС Республики Саха (Якутия) от 02.10.2017 по делу № 33–3839/2017).
- потребитель — юридическое лицо обязан обеспечивать надлежащее техническое состояние и безопасность эксплуатируемых энергетических сетей, приборов и оборудования (ст. 543 ГК). Кроме этого, он обязан соблюдать установленный режим потребления энергии, а также немедленно сообщать энергоснабжающей организации об авариях, иных нарушениях, возникающих при пользовании энергией;

— потребитель должен предоставить возможность энергоснабжающей организации реализовать правомочия по контролю за состоянием технических средств и безопасности их эксплуатации.

Особенность ответственности абонента за неоплату полученной энергии проявляется в его обязанности возместить реальный ущерб (п. 1 ст. 547 ГК).

Важно учитывать, что реальным ущербом являются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества. Как отмечается в Постановлениях Пленума ВС РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996 г., Пленума ВС РФ от 23.06.2015 г. № 25 в состав реального ущерба включаются не только фактически понесенные расходы, но и будущие расходы, которые это лицо должно будет произвести для восстановления нарушенного права, а также необходимость и предполагаемый размер которых должны быть подтверждены обоснованным расчетом, доказательствами, в качестве которых могут быть представлены смета (калькуляция) затрат на устранение недостатков товаров, работ, услуг; договор, определяющий размер ответственности за нарушение обязательств, и т. п.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Илюшина М.Н. Особенности статуса коммерческих организаций как потребителя в публичных договорах // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. № 3. Ст. 11.
2. Курьянова Ю.Ю. Абонент и потребитель как стороны договора энергоснабжения // Налоги. 2011. № 11. С. 24.

Андреева Елена Михайловна

Доцент кафедры финансового права
СПбГЭУ, доктор юридических наук, доцент

НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ: ПЕРСПЕКТИВЫ И СОВРЕМЕННОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Andreeva Elena

Associate professor of Department of financial law of
Saint-Petersburg State University of Economics,
Doctor of Law, associate professor

MUNICIPALITY BANKRUPTCY: FUTURE AND MODERN LEGAL REGULATION

Abstract: This publication analyzes the norms of the law on bankruptcy, as well as budget legislation which are devoted methods and ways of carrying out the activities of municipalities in the conditions of full or partial insolvency. The author tried to answer two questions. Firstly, is there the possibility of conducting bankruptcy proceedings in relation to municipalities in Russian legislation, and secondly, what measures aimed at improving the financial condition of municipalities are provided for in the Budget Code of the Russian Federation

Key words: bankruptcy, insolvency, municipality, local budget, finance, temporary financial administration

В настоящее время в России наблюдается сложная финансовая ситуация у многих муниципальных образований. Виной тому целый комплекс связанных между собой проблем. Среди них в первую очередь следует выделить неразвитость экономики отдельных муниципальных образований, как результат слабость доходной базы городских и сельских поселений, неравномерное распределение публичного дохода по уровням публично-правовых образований (местным сообществам практически ничего не достается), отсутствие действенных государственных программ развития малых городов и сельских регионов России и как следствие отток населения, низкий профессионализм местных управленческих кадров и др. Добавляет беспокойство и новая коронавирусная инфекция, с которой ситуация на местах еще более усложнится.

Показательными являются несколько примеров муниципальных образований, которые фактически утратили способность отвечать

по своим обязательствам. Так, долги таких городов как Краснодар, Липецк, Ростов-на-Дону, Ижевск, Пермь превышают 70% их доходов [1]. В 2016 году муниципальный долг Брянска приблизился вплотную к собственным доходам города. На начало апреля областной центр имел долгов на 2,6 миллиардов рублей [2]. В 2013 году были заморожены лицевые счета администрации города Луга в связи с неисполнением решений судов о взыскании с местного бюджета сумм задолженности в пользу нескольких кредиторов на сумму более 12 млн. рублей. Кроме того, администрация города задолжала более 2 млн рублей за содержание и текущий ремонт тепловых сетей и ремонт общедомового оборудования городской управляющей компании, что также стало причиной обращения последней в суд. Как следствие, муниципальное образование не смогло надлежащим образом исполнять свои полномочия по решению местных вопросов и своевременно не приступила к отопительному сезону. Котельная «Северная», отапливающая треть города, была отключена по причине задолженности за природный газ [3].

На практике случаев признания субъектов публичной власти банкротами в России не было. Так, отдельными частными лицами предпринимались попытки направлять заявления в суд о признании отдельных муниципальных образований банкротами, однако все они арбитражными судами оставались без рассмотрения. Например, в 2005 году ООО «Юридическое агентство «ПРИС» обратилось в суд с заявлением о признании несостоятельным (банкротом) муниципального образования Аксубаевский район Республики Татарстан (см. Определение ВАС РФ от 20.04.2007г. № 4729/07 по делу № А65-11443/2005-СГ4-39). В тому же году гражданин Мазулян Г.М. обратился в суд с аналогичным заявлением в отношении муниципального образования Бавлинский район той же республики. И в том, и другом случаях суды, оставляя иски без рассмотрения, отмечали, что муниципальные образования не подпадают по субъективному составу под действие Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». После того, как по данным спорам высказался Верховный Суд РФ, обращения в суд с заявлениями о признании муниципальных образований банкротами резко сократились. Однако, насколько обоснован такой подход?

Проанализируем нормы законодательства о возможности признания муниципального образования банкротом и меры, которые

предусмотрены законодательством на случай, если муниципальное образование не сможет оплачивать свои долги.

В Федеральном законе от 26.10.2002г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» отсутствует положение о том, что публично-правовые образования не могут быть признаны банкротами или о том, что на них не распространяется данный закон. В статье 1 названного закона содержится отсылочная норма: «действие настоящего Федерального закона распространяется на юридические лица, которые могут быть признаны несостоятельными (банкротами) в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации». В статье 65 ГК РФ представлен перечень организаций, которые не могут быть признаны банкротами, среди них казенные предприятия, учреждения, политические партии, публично-правовые компании. Между тем, в статье 124 ГК РФ говорится о том, что к муниципальным образованиям применяются нормы ГК РФ, определяющие участие юридических лиц в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, если иное не вытекает из закона или особенностей данных субъектов. Поскольку правовой институт несостоятельности относится к гражданскому праву, а на муниципальные образования распространяется гражданское законодательство о юридических лицах, то рискнем предположить, что муниципальные образования могут быть подвергнуты процедурам банкротства.

Более того, некоторые специалисты утверждают, что банкротство муниципальных образований имеет положительные стороны. Например, Маркварт Э., Курбанов Б. отмечают, что государство, выступая тем или иным образом в гражданском обороте, зачастую стремится ограничить свою ответственность по своим долгам. Это ставит вопрос согласованности такого подхода с принципом равной защиты форм собственности и равенства участников отношений, регулируемых гражданским законодательством. Кроме того, отсутствие дисциплинирующего воздействия законодательства о банкротстве на менеджмент публичных юридических лиц (и на самого учредителя, то есть публично-правовое образование) может обуславливать неэффективную деятельность таких субъектов. В конечном счете нагрузка от их неэффективной деятельности ложится на плечи налогоплательщиков [4]. Таким образом, можно заключить, что введение процедур банкротства подстегнет муниципальное образование к пересмотру принципов организации своего финансового хозяйства, так, внешнее

управление пополнит муниципальный механизм новыми экономическими идеями и проектами.

Из всего современного российского законодательства, только его бюджетное направление предусматривает несколько правовых инструментов (мер), позволяющих, во-первых, предупредить первые признаки несостоятельности муниципальных образований, во-вторых, наладить функционирование поселения в условиях уже наступившей невозможности в полной мере нести свои расходные обязательства, в-третьих, оздоровить муниципальные финансы.

В качестве первой группы мер можно выделить установленный в ст. 107 Бюджетного кодекса Российской Федерации верхний предел муниципального долга, который не должен превышать утвержденный общий объем доходов бюджета без учета безвозмездных поступлений и (или) поступлений налоговых доходов по дополнительным нормативам отчислений от налога на доходы физических лиц. Исключения составляют высокодотационные территориально-административные единицы. Для них объем публичного долга не должен быть выше 50 процентов доходов без учета названных выше поступлений. Статьей 106 БК РФ установлен предельный объем заимствований муниципальных заимствований на соответствующий финансовый год. Он не может превышать общую сумму средств, направляемых на финансирование дефицита бюджета местного бюджета, и объемов погашения долговых обязательств муниципального образования, утвержденных на соответствующий финансовый год. То есть, закон констатирует, что нельзя брать больше, чем этого требуется для того, чтобы исполнить свои расходные и долговые обязательства. С 2020 года в отношении каждого региона, муниципального образования ежегодно проводится оценка долговой устойчивости, под которой понимается состояние, структура и сумма задолженности, позволяющие заемщику в полном объеме выполнять обязательства по погашению и обслуживанию этой задолженности, исключая нанесение ущерба социально-экономическому развитию и необходимость ее списания и (или) реструктуризации (ст. 6 БК РФ). В результате каждое публично-правовое образование включается в одну из следующих групп заемщиков: с высоким уровнем долговой устойчивости, средним уровнем долговой устойчивости или низким уровнем долговой устойчивости. В зависимости от того, в какую группу попал тот или иной регион (местное сообщество), устанавливается соответствующий

правовой режим заимствований — от полного запрета до максимально свободного привлечения заемных средств (ст. 107.1 БК РФ). Кроме того, государственные (муниципальные) заимствования осуществляются на основании программы (проекта), которая в обязательном порядке включается отдельным приложением к закону (решению) о бюджете. Таким образом, планируемые в текущем году займы должны быть одобрены представительным органом соответствующего публично-правового образования.

Вторая группа мер, направленных на порядок финансирования муниципального образования при наличии признаков несостоятельности, включает введение в муниципальном образовании местную финансовую администрацию. В ст. 168.1 БК РФ ее определение несколько расплывчато и не дает точного понимания о том, что она из себя представляет. Так, в ней сказано, что временная финансовая администрация (автор несколько укоротил это определение применительно к муниципальным образованиям) — исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации, уполномоченный высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации, подготавливать и осуществлять меры по восстановлению платежеспособности муниципального образования, оказывать содействие в осуществлении отдельных бюджетных полномочий органов местного самоуправления, осуществлять и (или) контролировать осуществление отдельных бюджетных полномочий местной администрации.

Из определения следует, что временная администрация не является какой-то специально созданной структурой, а фактически представляет собой наделение органа власти другого (вышестоящего) уровня дополнительными правами и обязанностями. Как правило, такими полномочиями наделяется финансовый орган субъекта Российской Федерации. Например, в 2013 году Временная финансовая администрация была введена в муниципальном образовании «Валдгеймское сельское поселение» Еврейской автономной области. В качестве уполномоченного органа определено Финансовое управление Правительства Еврейской автономной области (см. Решение Арбитражного суда Еврейской автономной области от 2 апреля 2013 г. по делу № А16–99/2013).

Из главы 19.1 Бюджетного кодекса РФ следует, что временная финансовая администрация вводится решением арбитражного суда.

В рамках работы по восстановлению платежеспособности муниципальных образований осуществляется, в частности, проведение проверки (аудита) местного бюджета, учет просроченной задолженности муниципального образования, разработка проекта плана восстановления платежеспособности муниципального образования, контроль за исполнением плана восстановления платежеспособности и исполнением местного бюджета. При этом, органы местного самоуправления, в том числе финансовый орган, не отстраняются от управления. Глава временной администрации вправе лишь взять на себя полномочия руководителя финансового органа муниципального образования. Однако, в процессе такого кризисного менеджмента, глава временной администрации осуществляет контроль за использованием бюджетных средств, утверждает сводную бюджетную роспись местного бюджета, а также согласует осуществление заимствований и предоставление бюджетных кредитов из местного бюджета.

На самом деле, процесс временного финансового администрирования схож с процедурой внешнего управления, предусмотренной для юридических лиц Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)». Тем не менее, по бюджетному законодательству этот процесс не может перейти в завершающую стадию банкротства организаций — конкурсное производство.

Насколько эффективны мероприятия, проводимые по восстановлению муниципального образования в рамках финансовой администрации, оценить сложно, поскольку в России по состоянию на 2020 год примеры ее введения единичны. Однако, что точно можно заметить. Вся деятельность по планированию мероприятий повышения финансовой устойчивости муниципальных образований, а также внедрение таких мер в жизнь проводится все теми же представителями государственной власти. Соответственно, методы и способы восстановления муниципальных финансов будут использованы такие же, как применялись самими органами местного самоуправления при управлении муниципалитетом до введения временной администрации. Образ мышления, кругозор, а также опыт и знания у государственных и муниципальных служащих приблизительно одинаковы, соответственно, вряд ли чиновники другого уровня смогут предложить что-то принципиально новое. Кроме того, в системе государственного аппарата нет специалистов с подготовкой в области антикризисного управления. Такое управление не является обыденным явлением, соответственно,

в органах исполнительной власти субъекта РФ работают обычные финансисты. Вторая проблема — это безучастность в оздоровлении муниципального образования его кредиторы. Они по бюджетному законодательству не наделены никакими правовыми инструментами, позволяющими участвовать в разработке плана восстановления платежеспособности муниципального образования, а также в организации бюджетного процесса в этот сложный период. В качестве предложения видится осуществление внешнего управления в отношении муниципальных образований именно с привлечением профессионального антикризисного менеджера — арбитражного управляющего. Кроме того, для обеспечения баланса интересов сторон обязательственного правоотношения — должника и его кредиторов, по аналогии с положениями Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» необходимо в главе 19.1 БК РФ, закрепить права и обязанности кредиторов муниципального образования при проведении внешнего финансового администрирования.

Третью группу мер, которые направлены на оздоровление муниципальных финансов, составляют меры, связанные с пополнением доходной базы муниципального образования. К ним, в первую очередь, относятся т. н. меры бюджетного регулирования [5, С. 262–266]. Они осуществляются в форме передачи муниципальным образованиям из вышестоящих бюджетов на безвозмездной и безвозвратной основах межбюджетных трансфертов — субсидий и дотаций, а также посредством перераспределения нормативов отчислений от налогов, поступающих в вышестоящий бюджет.

Так, бюджетные отчисления доходов (ст. 58 БК РФ) означает планирование и перечисление части или полностью доходов бюджета одного уровня от закрепленных за ним на постоянной основе налогов или сборов в бюджет другого уровня в соответствии с установленными нормативами. Например, налог на доходы физических лиц по бюджетному законодательству отнесен в размере 85% — в бюджеты субъекта РФ, 15% — в местные бюджеты. Соответственно, субъект РФ своим решением может как бы перераспределить свою часть доходов от НДФЛ и дополнительно отчислить в местные бюджеты. Особенностью данного метода является то, что нормативы отчисления устанавливаются единые для всех бюджетов соответствующей территории, без учета уровня их собственных доходов. Кроме того, недостатком данного способа является невозможность точно спрогнозировать размеры

дополнительных доходов, так как их объем напрямую зависит от поступлений, например, НДФЛ от налогоплательщиков.

Межбюджетные трансферты регулируются главой 16 Бюджетного кодекса Российской Федерации. Формат финансовой помощи имеют дотации и субсидии. Они являются существенным пополнением финансов муниципальных образований. Некоторые муниципальные образования получают дотации в размере более 40% от собственных доходов. Однако, этот метод имеет два значимых недостатка. Так, при принятии решений о предоставлении трансфертов велик фактор усмотрения со стороны органов вышестоящего уровня. Во-вторых, в случае дефицита бюджета субъекта РФ, вряд ли можно рассчитывать на большие объемы трансфертов для муниципальных образований.

Кроме двух перечисленных мер пополнения доходов муниципальных образований, можно назвать еще бюджетное кредитование, к которому часто прибегают муниципальные образования для сокращения дефицита, а также заимствования от третьих лиц, в виде муниципальных облигаций и кредитов. Однако, очевидно, что названную меру можно отнести к мерам по восстановлению платежеспособности лишь отчасти, она на короткое время снимает проблемы с финансированием.

На основании изложенного, приходим к следующим выводам. Во-первых, в настоящее время в российском законодательстве нет прямого запрета на признание муниципальных образований банкротами. Во-вторых, основные меры по восстановлению платежеспособности муниципальных образований сосредоточены в Бюджетном кодексе Российской Федерации. Их можно разделить на три группы: меры по предупреждению первых признаков несостоятельности муниципальных образований; меры по обеспечению функционирования городских и сельских поселений в условиях уже наступившей невозможности в полной мере нести свои расходные обязательства и меры по оздоровлению (пополнению) муниципальных финансов. В-третьих, существенными недостатками процедуры временной финансовой администрации являются проведение ее специалистами, не имеющими навыков антикризисного управления, а также без привлечения и учета интересов кредиторов муниципального образования. На основании данных выводов, предлагается для управления муниципальным образованием в режиме временной финансовой администрации привлекать профессионалов — арбитражных управляющих. Кроме того, считаем необходимым, в целях обеспечения баланса интересов

должника и кредиторов, предусмотреть в главе 19.1 БК РФ права и обязанности кредиторов муниципального образования при проведении процедуры временной финансовой администрации.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Городской портал города Краснодара. // <https://24krasnodar.ru/news/main/370>. Дата обращения 10.04.2020г.
2. Брянские новости. Электронное СМИ. // <https://www.bragazeta.ru/news/2016/04/20/mundolgb/> Дата обращения 10.04.2020г.
3. Интернет-издание «Газета СПб» // <https://gazeta.spb.ru/1426570-0/> Дата обращения 10.04.2020г.
4. Маркварт Э., Курбанов Б. Не такие, как все: применение законодательства о банкротстве к публично-правовым образованиям и публичным юридическим лицам (на примере Германии и России) // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 6. С. 61–78.
5. Подробное исследование данного термина см. Крохина Ю.А. Бюджетное право и российский федерализм // М.: Норма. 2001.

УДК 347

Научная специальность — 12.00.03

Белоусова Виктория Романовна

старший государственный налоговый инспектор отдела обеспечения процедур банкротства Управления ФНС России по Ленинградской области, ассистент кафедры предпринимательского и энергетического права СПбГЭУ

ЗАЛОГОВЫЙ СТАТУС

НЕИСПОЛНЕННЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПЕРЕД БЮДЖЕТОМ

Belousova Viktoria,

senior state tax inspector of the Department for ensuring bankruptcy procedures of the Federal tax service of Russia for the Leningrad region, assistant of the Department of entrepreneurship and energy law of Saint Petersburg University of Economics

COLLATERAL STATUS OF OUTSTANDING OBLIGATIONS TO THE BUDGET

Abstract. This article discusses the status of the tax authority's claims, analyzes some provisions of the Tax code of the Russian Federation and Federal law 26.10.2002 № 127-FZ “ on insolvency (bankruptcy)”.

The article considers the development of legislation from the point of view of securing the requirements of the authorized body with a pledge of the debtor's property and establishing the status of the pledgee.

The purpose of this work is to draw attention to the significance of innovations in the field of mandatory payments.

Based on the research, the authors consider the critical position of the tax authority when withdrawing assets by the debtor in the process of conducting an on-site tax audit and the support of the legislator in terms of giving priority status to tax payments.

Key words: on-site tax audit, taxpayer, tax authority, bankruptcy, mandatory payments, collateral.

Главой 14 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ) регламентированы меры налогового контроля, относительно заявленной тематики актуальной является выездная налоговая проверка (далее — ВМП).

Исходя из смысла указанной главы, налогоплательщик обязан действовать в ходе ее проведения налоговому органу, в частности, исполнять запросы Федеральной налоговой службы России (далее — ФНС), участвовать в допросах.

В результате соответствующих действий и с учетом справки с известной к доначислению суммой на стадии оформления результата мероприятий налогового контроля налогоплательщику представляется вся суть нарушений, в результате чего уже на ранней стадии он понимает и оценивает риски доначислений: возбуждение уголовного дела, взыскания и пр.

С целью избежать риски взыскания по решению налогового органа и, учитывая обстоятельства дела, налогоплательщик имеет возможность принять меры по сокрытию имущества до вступления акта ВМП в законную силу.

С учетом предоставленных ст. 101 НК РФ налогоплательщику прав в период проверки, допустимого ст. 100 НК РФ срока готовности акта до двух месяцев, назначения рассмотрения решения, возможности предоставления разногласий стороной и, как следует отметить, не вступившего в законную силу акта, а также возможен интервалом фактического окончания мероприятия до полугода и, в то же время, невозможности применения мер взыскания налоговым органом в отношении организации, налогоплательщиком могут быть осуществлены действия по сокрытию имущества, уничтожению и т. д.

Таким образом, критическим и основополагающим в данном случае для сторон является длительность цикла от «совершения шагов»

налогоплательщиком по уходу от ответственности до момента принятия налоговым органом обеспечительных мер, которые реализуются после вынесения решения по ВМП.

Несмотря на потенциальное право обжаловать сделки лицом, чьи права нарушены в результате вышеперечисленных действий, в рамках действующего гражданского законодательства, тема необходимости принятия законодателем мер для не столкновения сторон в рамках арбитражного дела по спорным сделкам насущна.

Попытки реализации вывода активов возлагают дополнительные риски в процессе обжалования сделок. Более того, с учетом концепции благонадежного приобретателя имеется риск утраты возможности взыскания за счет выведенного имущества в принципе.

В силу п. 15.1 ст. 101 НК РФ налоговые органы обязаны направить материалы налоговой проверки в правоохранительные органы.

В силу п. 3 ст. 32 НК РФ налоговые органы обязаны направить материалы налоговой проверки в правоохранительные органы если в течение двух месяцев со дня истечения срока исполнения требования об уплате налога (сбора, страховых взносов), направленного налогоплательщику (плательщику сбора, налоговому агенту, плательщику страховых взносов) на основании решения о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения, налогоплательщик (плательщик сбора, налоговый агент, плательщик страховых взносов) не уплатил (не перечислил) в полном объеме указанные в данном требовании суммы недоимки.

Также законодательством налоговой службе предоставляется право обращения в компетентные органы о наличии сомнений относительно законности деятельности юридических лиц в соответствии с п. 3 ст. 82 НК РФ.

В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 29.05.2004 № 257 уполномоченным органом по представлению в делах о банкротстве и в процедурах банкротства требований об уплате обязательных платежей требований Российской Федерации по денежным обязательствам является Министерство РФ по налогам и сборам.

Согласно п. 2 Постановления Правительства РФ от 30.09.2004 № 506 Федеральная налоговая служба и её территориальные органы в установленной сфере деятельности являются правопреемниками Министерства Российской Федерации по налогам и сборам, а также Федеральной службы по финансовому оздоровлению и банкротству

по всем правоотношениям, связанным с представлением интересов Российской Федерации в процедурах банкротства.

Таким образом, участие уполномоченных органов в делах о банкротстве и процедурах банкротства регулируется Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ, а также Постановлением Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве», Обзором судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2016), а также иными тематическими нормативными правовыми актами.

Действующим законодательством определен особый статус ФНС России, поскольку почти каждое третье дело, рассмотренное арбитражными судами в 2017–2019 годах осуществляется с участием уполномоченного органа — Федеральной налоговой службы в лице инспекций и управлений по субъектам Российской Федерации.

В связи с вышеизложенным, Верховным Судом Российской Федерации в соответствующих обзорах отражено изучение отдельных материалов судебной практики, связанных с квалификацией и установлением в делах о банкротстве требований по обязательным платежам — по налогам, в бюджет и внебюджетные фонды, а также проблем их взыскания в бюджет РФ.

25.02.2020 АО «Интерфакс» [1] опубликованы в том числе сведения об итогах процедур банкротства по состоянию на 31.12.2019. Доля удовлетворенных включенных в реестры требований кредиторов третьей очереди и необеспеченных залогом к требованиям залоговых кредиторов составляет 2,4% к 30,7%.

Законодатель не остается безучастным к попыткам недобросовестных налогоплательщиков, и с целью недопущения возникновения недоимки и увеличения шансов для пополнения бюджета Российской Федерации законодателем внесено изменение в главу 11 Налогового кодекса, в частности, добавлен п. 4 ст. 72 НК РФ, изменен п. 2 ст. 73 НК РФ, в результате которого ФНС вправе получить имущество в залог и, в последствие, установить статус залогового кредитора не только в добровольном порядке в качестве обеспечения, но и вследствие самостоятельных действий налогового органа по установлению данного статуса в связи с противоправным поведением налогоплательщика в соответствии с нормами п. 2.1 ст. 73 НК РФ.

Так, рассматриваемой нормой кодифицированного законодательного акта устанавливается особый статус имущества, в отношении которого применено наложение ареста либо в соответствии со вступившим в законную силу решением, предусмотренным п. 7 ст. 101 НК РФ, предусматривающей такой способ исполнения, как запрет на отчуждение (передачу в залог) имущества налогоплательщика (плательщика сбора, страховых взносов, налогового агента) без согласия налогового органа, или принята обеспечительная мера. Значительным является срок неуплаты обязательных платежей — один месяц.

В свою очередь, передача такого имущества в последующий залог не допускается. Последствия залога не распространяются на денежные средства на счетах, вкладах (депозитах), предназначенные для удовлетворения требований налогового органа.

Как и в иных случаях, предусмотренных действующим законодательством, залог подлежит государственной регистрации и учету.

Данная мера направлено на, так называемую, блокировку активов должника во избежание в последующем длительной и сложной процедуры взыскания задолженности перед бюджетом в деле о банкротстве, с целью минимизирования рисков: например, утраты бухгалтерской отчетности организации и, как указано ранее, совершения ценных сделок должника с целью вывода его имущества.

Следует отметить, что проблематика ухода налогоплательщика от ответственности зависит от его добросовестности. Так, обременения, в частности, регламентированные главой 8 Арбитражно-процессуального кодекса Российской Федерации от 31 июля 1998 года № 95-ФЗ недостаточны, в связи с чем законодатель ставит требования по уплате обязательных платежей как залоговые.

Таким образом, в деле о банкротстве ФНС как залоговый кредитор будет нести преимущества в чистом виде, иными словами будет достигнута приоритетность погашения.

Поскольку ФНС представляет интересы государства в том числе и в делах о банкротстве, принятая норма будет способствовать пополнению бюджета Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Результаты процедур в делах о банкротстве по состоянию на 31.12.2019 25.02.2020 «Федресурс» (URL: <http://www.fedresurs.ru>).

Брикса Ксения Олеговна

старший преподаватель кафедры гражданского права
Санкт-Петербургской юридической академии

ЛИКВИДАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА КАК ОСНОВАНИЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ ДОЛГОСРОЧНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ДОГОВОРА

Briksa Ksenia

Senior Lecturer, Department of Civil Law
St. Petersburg Academy of Law

LIQUIDATION OF A LEGAL ENTITY AS THE BASIS FOR TERMINATION OF A LONG-TERM ENTREPRENEURIAL AGREEMENT

Abstract: The article discusses the possibility of entrepreneurs who are a party to a long-term contract filing claims against organizations that are in the process of voluntary liquidation in order to recover losses, in particular lost profits. The author made an attempt to analyze the judicial practice on this issue.

Keywords: business agreement, long-term agreement, loan agreement, obligations, liability, liquidation, losses, lost profit.

Как правило, предприниматели, вступая в договорные отношения, надеются, что тот или иной договор будет способствовать извлечению как можно большего объема прибыли. Именно поэтому предприниматели особенно заинтересованы в заключении долгосрочных договоров, то есть соглашений, которые позволят в течение длительного времени извлекать от данного сотрудничества выгоду.

По мнению А.Г. Дудко «стороны, заключившие долгосрочный договор, в наибольшей степени заинтересованы в реальном исполнении обязательства, чем в возмещении убытков и взыскании неустойки в случае его нарушения» [1, с. 33].

К долгосрочным предпринимательским договорам можно отнести договоры поставки, аренды, займа.

Однако в ряде случаев может возникнуть ситуация, когда одна из сторон долгосрочного договора принимает решение о добровольной ликвидации. В связи с этим на практике возникает вопрос: может ли контрагент, рассчитывавший еще в течение длительного времени

на доход от этого договора, обратиться к ликвидируемой организации с требованием о возмещении убытков?

Согласно ст. 419 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) обязательство прекращается ликвидацией юридического лица (должника или кредитора), кроме случаев, когда законом или иными правовыми актами исполнение обязательства ликвидированного юридического лица возлагается на другое лицо (по требованиям о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, и др.).

Анализ данной нормы позволяет сделать вывод о том, что обязательства, возникшие в рамках долгосрочного договора при ликвидации юридического лица, просто прекращаются. Однако интересен вопрос о том, имели ли место случаи, когда арендодатель или поставщик обращались в суд с требованием о возмещении упущенной выгоды вследствие того, что арендатор или покупатель не решил начать процедуру ликвидации? Если да, то как складывается судебная практика по данному вопросу?

Анализ судебной практики показал, что по данному вопросу между предпринимателями отсутствуют споры, то есть никто из сторон долгосрочных предпринимательских договоров по состоянию на сегодняшний день не обращался в судебные органы с исками о взыскании упущенной выгоды к находящейся в процессе ликвидации организации. Возможно, предприниматели рассматривают ликвидацию другой стороны как обычный риск предпринимательской деятельности, и при получении своевременного уведомления о начале ликвидации контрагента начинают заранее готовиться к будущей сделке с другим лицом и поэтому не несут убытки в форме упущенной выгоды. Возможно, предприниматели, заранее оценивая низкие шансы на удовлетворение иска о взыскании упущенной выгоды с учетом сложившейся судебной практики, когда упущенную выгоду довольно сложно доказать, понимают, что обращаться в суд нецелесообразно.

Однако судебная практика показывает, что имеют место споры с Федеральной налоговой службой, ликвидировавшей организацию в административном порядке, что повлекло возникновение у контрагента упущенной выгоды. Так, например, Решением Арбитражного суд Магаданской области от 12.04.2018 по делу № А37–2444/2017 суд удовлетворил требования ПАО «Восточный экспресс банк» о признании недействительным решение налоговой службы о ликвидации ООО «МАГРАН» в административном (внесудебном порядке).

Одним из оснований данного заявления являлось то, что исключение ООО «МАГРАН» из единого государственного реестра юридических лиц с очевидностью принесет существенный ущерб банку, в части невозвращенной задолженности по кредитному договору, а также упущенной выгоды в части недополученных процентов на остаток задолженности. Таким образом, банк в целях сохранить свой доход по долгосрочному договору решил оспорить решение о ликвидации, и суд данное требование удовлетворил на основании того, что налоговая служба, исключая ООО «МАГРАН» из ЕГРЮЛ по признакам недействующего лица, не произвела проверку его имущественного положения, наличия соответствующих обязательств гражданско-правового характера, а ликвидация данной организации очевидно нарушает права ПАО «Восточный экспресс банк», являющегося его кредитором.

Аналогичное решение было принято Арбитражным судом города Москвы (Решение Арбитражного суда города Москвы от 25.01.2017 по делу № А40–229308/2015).

ПАО «Банк ВТБ 24» обратилось в суд с заявлением о признании недействительным решения Управления Федеральной Налоговой службы о предстоящем исключении ООО «Файн кемикал продактс» (далее — ООО) из ЕГРЮЛ.

Целью данного иска, естественно, было защитить свои интересы, а не интересы ООО. Заявитель указал, что исключение ООО из ЕГРЮЛ с очевидностью принесет ущерб заявителю в части невозвращенной задолженности по кредитному договору, а так же упущенной выгоде в части недополученных процентов на остаток ссудной задолженности, что является нарушением права для ПАО «Банк ВТБ 24»; при этом иных способов защиты нарушенного права кроме как обращения с указанным иском заявитель не имеет.

Суд, удовлетворяя требования банка, указал следующее:

- следует признать, что при исключении юридического лица из ЕГРЮЛ все его обязательства прекращаются, в рассматриваемом случае может прекратиться обязательство по возврату предоставленных денежных средств, в результате чего у кредитора возникнут убытки (уменьшение денежной массы). Однако обязательства по кредитному соглашению исполняются и до настоящего момента, следовательно, при отмене решения об исключении юридического лица из ЕГРЮЛ обязательство сохранится и будет исполняться далее.

— при сохранении юридического лица действующим будет сохранено и кредитное обязательство, которое будет погашено с высокой долей вероятности, учитывая тот факт, что нарушения данного обязательства практически отсутствовали, все возникающие вопросы и разногласия решались с помощью переговоров путем заключения дополнительных соглашений.

Таким образом, анализ судебной практики показал, что взыскание упущенной выгоды у организации, находящейся в процессе ликвидации, не то чтобы редкая ситуация, а вообще — несуществующая практика. Между тем имеют место случаи, когда стороны долгосрочных предпринимательских договоров, в целях избежания упущения выгоды оспаривают решения налоговой службы о ликвидации своих контрагентов, и одним из оснований для удовлетворения требований предпринимателей как раз и является существенное нарушение прав кредитора по недополучению дохода.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Дудко А.Г. Долгосрочный договор как особое правовое средство // Коммерческое право. 2008. № 1 (2). С. 22–37.

УДК 347

Научная специальность: 12.00.03 — гражданское право

Волковская Людмила Николаевна

ст.преподаватель СПбГЭУ

кафедра предпринимательского и энергетического права

volkovskay@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ СЕКТОРЕ РОССИИ

Volkovskaya Ludmila

Saint Petersburg State University of Economics

senior teacher

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF INVESTMENT ACTIVITY IN THE RUSSIAN ENERGY SECTOR

Abstract: the subject of the article is the problems of legal regulation of investment activities in the energy sector. The purpose of the article is to analyze the main problems of investment regulation in this industry. The main methods of conducting the

research were the analysis of legislation and the analysis of opinions of legal scholars. The obtained results allowed us to determine the need for further improvement of energy legislation. The study found that energy and investment legislation does not focus on regulating investment. The results obtained can be used for discussion at international investment forums and in the process of law-making.

Key words: energy sector, investment, legal regulation, energy law, investment law, internal investment, external investment, investment activity.

Введение. Приток инвестиций в энергетический сектор требует формирования привлекательного инвестиционного климата. Важным его элементом выступает особый правовой режим деятельности иностранных инвесторов, определяющий правовой статус инвестора, его льготы и гарантии и условия инвестиций.

Для организации подобных режимов особую роль играет заключение международных правовых договоров сотрудничества между государствами в сфере энергетики как экономической отрасли. Исследования показывают, что международное правовое регулирование в энергетическом секторе получило развитие лишь на региональном и отраслевом уровне. Главной проблемой разработки универсальных норм международного правового регулирования выступает их совместимость с особенностями энергоресурсов, определяющими правовые режимы, порядки использования и др. Проблему представляет унификация законодательства государств, имеющих членство на международных энергетических рынках [4, с. 83–97].

Однако, закрепляет приоритет международных договоров законодательство страны, интегрирующее нормы инвестиционного и энергетического законодательства*. Кроме того, сложились общие и специфические подходы к правовому регулированию отношений в различных сегментах энергетики (электроэнергетика, нефтегазовая отрасль, атомная энергетика, теплоэнергетика, энергетическая безопасность, инвестиции в энергетику).

Сфера энергетики стала областью внимания со стороны теоретиков и практиков [1, с. 26–38]. В исследованиях подчеркивается, что энергетическое законодательство представляет собой комплекс правовых норм, обеспечивающих гражданско-правовые и административно-

---

* Федеральный закон «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» от 09.07.1999 № 160-ФЗ (ред. 31.05.2018) // СПС Консультант. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 7.04.2020).

правовые отношения (техническое, тарифное, антимонопольное регулирование), свидетельствующие о том, что данная отрасль права регламентирует специфический тип отношений в сфере энергетики. Вместе с тем приходится констатировать, что единого нормативно-правового акта в сфере энергетики пока нет.

Целью статьи является анализ современных проблем правового регулирования инвестиций в сферу энергетики.

Методы. В процессе написания статьи основными методами исследования являются анализ юридической литературы, правовой анализ действующего законодательства.

Использовались материалы библиотеки cyberleninka.

Результаты. В Энергетической стратегии до 2035 г. подчеркивается, что формирование благоприятного инвестиционного климата является важнейшей задачей Правительства России. Для этих целей сформированы институты, основной Функцией которых выступает поддержка инвестиционных проектов (Росатом, Минэнерго, и др.). Итогом проводимой ими регуляционной политики выступает упрощение административных процедур, инициативы по улучшению корпоративного, административного, уголовного законодательства и др. вопросы.

Отношения в сфере энергетики регулируются, главным образом, Федеральным законом № 35 «Об электроэнергетике» (ред. 27.12.2019), где определены правовые основы экономических отношений в сфере энергетического сектора, определены регулирующие полномочия субъектов энергетических отношений. В качестве важнейшего принципа Статья 6 Федерального закона № 35 определяет экономическую обоснованность доходности инвестиционного капитала в электроэнергетике, на обеспечение которой закон направлен. В частности, статья 29 Федерального закона № 35 определяет правовые основы регулирования инвестиционной деятельности, определяющие направленность на привлечение инвестиций в эту сферу и контроль эффективности их использования. В качестве основного механизма целевого использования инвестиций закон определяет инвестиционные программы. В отдельных исследованиях подчеркивается, что каждая из подотраслей энергетического сектора регулируется отдельными профильными законами (нефти, газе, атомной энергии и т. п.). Такой правовой подход к регулированию создает предпосылки к полному или частичному недостижению поставленных целей и задач. По мнению отдельных

исследователей устранить данные недостатки позволит принятие Энергетического кодекса РФ [3, с. 3–12]. Необходимость его принятия объясняется непрозрачностью и непонятностью энергетического законодательства, что в данный момент вызывает недоверие внутренних и внешних инвесторов. Необходимо признать, что в отношении инвестиционной деятельности в сфере энергетического сектора законодательство в недостаточной степени определяет возможности иностранных инвесторов в отношениях, регулируемых энергетическим законодательством.

Обсуждение. Защита прав, гарантий и имущества субъектов инвестиционной деятельности всех форм собственности регулируется положениями Федерального закона № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений». Законом определяются термины «инвестиции» и «инвестиционная деятельность». Интересно, что статья 5 этого закона определяет в качестве приоритетных определяет правила, подписанные в международных договорах, над федеральным законодательством.

Статья 17 закона № 39-ФЗ определяет, что нарушение условий подписанных договоров, условий действующего законодательства влечет за собой ответственность по законам страны. Например, в деловых кругах ситуация с коронавирусом рассматривается как форс-мажорное чрезвычайное непреодолимое обстоятельство, определяющее снижение или исключение ответственности за невыполнения обязательств. В подобных условиях правовое регулирование инвестиций в энергетический сектор не выглядит столько привлекательным как ранее. Витиеватая трактовка норм статьи 3 Федерального закона № 39-ФЗ не дает исчерпывающего представления об объектах капитальных вложений, что усложняет понимание потенциальных инвесторов того, в какие отрасли энергетического сектора можно вложить инвестиции. Статья 11 данного закона определяет формы и методы государственного регулирования инвестиционной деятельности. В то же время статья 16 Федерального закона № 39-ФЗ не позволяет понять, как происходит защита капитальных вложений. С одной стороны, государство не исключает национализацию или реквизицию инвестиционных объектов с равноценной компенсацией убытков инвесторов, размер которой будет определяться нормами Гражданского кодекса РФ. Но страхование объектов инвестирования не позволит получить

прибыль потенциальному инвестору. Следует полагать, что такие перспективы для внутренних инвесторов малопривлекательны, не говоря уже о зарубежных инвесторах.

Вместе с тем, нерешенность многих других вопросов, связанных с правовым регулированием, не стимулирует инвесторов к капиталовложениям в энергетический сектор. Так, например, ситуация с распространением в мире короновирусной инфекции показала, что уменьшение рыночного спроса на энергоносители способно уменьшить долгосрочные инвестиции в энергетический сектор по причине неблагоприятной конъюнктуры рынка. Короновирус детерминировал большие потрясения на рынке предложения энергоресурсов, но спрос он не затронул. Для примера, на мировых рынках нефти цены упали на 20%, и они во многом отражают спрос Китая как ключевого мирового потребителя нефти. Из-за короновируса спрос на энергоносители в стране снизился (закрытие производств, карантин, снижение спроса на транспортные услуги, диверсификация продаж сжиженного природного газа). Перевыполненные нефтяные резервуары европейских стран привели к удешевлению производства нефти. Такая картина не смогла сказаться на инвестировании, в основном иностранные, в более дорогую добычу нефти и газа в России, и поведении Китая, изменившего свое законодательство и передумавшего импортировать газ у России (проект «Сила Сибири»), несмотря на заключенные договоры. Противоположным по успешности является реализация проекта «Ямал-СПГ» совместно с крупными китайскими инвесторами [5, с. 96–101].

Гарантии и права иностранных инвесторов конкретизируются в положениях Федерального закона № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» (ред. от 31.05.2018). В статье 8 законодатель указывает на более лояльное отношение к иностранному инвестору и его имуществу, не подлежащему реквизиции или национализации, за исключением законных оснований. Статья 10 допускает решение спорных ситуаций с инвесторами в международных судах. Подвергая критике данный закон, О.В. Тагашева обращает внимание на тот факт, что нормы закона не охватывают проблемы регулирования иностранных инвестиций [6].

Невыполнение договорных обязательств делает проблематичным принятие инвестиционных решений и правовое регулирование инвестиционных отношений. Поэтому довольно часто возможны инвестиционные споры, в том числе и в электроэнергетики. Для целей

разрешения возможных споров Россия стала участником договора Энергетической Хартии (не ратифицировала его), позволяющему эффективно осуществлять инвестиционное сотрудничество в сфере энергетики. Установлено, что число инвестиционных споров между иностранными добывающими компаниями и принимающими государствами достигло 26% [2, с. 116–117].

Заключение. Исследования показывают, что недостаточно четкое нормативно-правовое регулирование инвестиционной деятельности не позволяет применять эффективные инвестиционные инструменты для задач развития энергетического сектора. Правовое регулирование инвестиционной деятельности в энергетическом секторе происходит вразрез с общемировой практикой, где существует более упрощенный порядок лицензирования добычи энергоресурсов, более привлекательный для инвесторов. К примеру, работающие в мире российские компании добывают энергоресурсы в других странах на договорной основе. В стране ужесточен режим доступа к энергетическим ресурсам, а российские зарубежные инвестиции недостаточно защищены правовыми механизмами.

Действующее энергетическое законодательство не регулирует допуск инвестора к деятельности в сфере энергетического сектора и формы инвестиционного участия. Законодательство, регулирующее деятельность иностранных инвесторов, не охватывает организационные аспекты регулирования иностранных инвестиций, только их права и гарантии. Далеко не во все отрасли энергетического сектора имеет доступ иностранный инвестор.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Городов О.А. К понятию энергетического права / О.А. Городов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — 2010. — № 1. — С. 26–38.
2. Косякова Н.И., Мелков Г.М., Любимов А.П. Международно-правовое регулирование иностранных инвестиций в ТЭК / Н.И. Косякова [и др.] // Вестник Московского университета МВД России. — 2012. — № 7. — С. 116–117.
3. Попондопуло В. Ф. Энергетическое право и энергетическое законодательство: общая характеристика, тенденции развития // Энергетика и право. 2008. с. 3–12.
4. Романова В.В. Тенденции развития правового регулирования общественных отношений в сфере энергетики и задачи энергетического права / В.В. Романова // Труды Института государства и права Российской академии наук. — 2016. — № 6. — С. 83–97.
5. Селезнева Н.А, Кузнецов В.В. Соглашение о разделе продукции: инвестиционный потенциал в топливно-энергетическом комплексе России / Н.А. Селезнева, В.В.Кузнецов // Евразийская адвокатура. — 2018. — С. 96–101.

6. Тагашева О. В. Финансовый контроль в инвестиционной деятельности: особенности правового регулирования / О. В. Тагашева // Вестник Саратовской государственной академии. — 2016. — № 1(108). — С. 200–205.

УДК 34:336.76

Научная специальность — 12.00.03

Горкольтицева Ольга Игоревна

ЗАО «АК «БИГ 5», аудитор

ЦЕННЫЕ БУМАГИ КАК ОБЪЕКТ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Gorkoltseva Olga

ZAO «AK «BIG 5», auditor

SECURITIES AS AN OBJECT OF INVESTMENT ACTIVITY

Abstract. The article is devoted to one of the most widely used objects of investment activity — securities. Consideration of this object is necessary primarily in the light of recent changes in securities law. Now for investment securities only the non-documentary form is fixed. Which certainly meets the needs of investors. Acceleration of processes, the speed of transactions come to the fore, including in today's difficult conditions for investors, caused by the COVID-19 pandemic (economic instability, the transition to the remote mode of operation of many enterprises and others).

Keywords: investment, investment activity, investment activity object, investment securities, equity securities.

Пандемия COVID-19 в начале 2020 года спровоцировала «кризисную» ситуацию в мировой экономике. Сначала тяжелейшая ситуация в Китае с закрытием городов на карантины, остановкой производств. Затем обвал фондовых рынков после проникновения вируса в Европу и США, где повсеместно объявлялись режимы чрезвычайной ситуации. Положение России помимо проблем с COVID-19 усугубляется ослаблением позиций рубля, в том числе в результате резкого падения цен на нефть из-за «нефтяной войны с саудитами». В указанных непростых условиях компании перестраивают свои бюджеты, одни стараются выжить и не обанкротиться (туристический бизнес, компании развлекательной и досуговой сферы, компании оказывающие бытовые услуги), другие, получив максимум прибыли (биотехнологические компании, фармацевтика, компании, производящие средства защиты),

стараются приумножить её, в том числе пользуясь падением рынков как лучшим временем для инвестирования. Одним из привлекательных инструментов в данном случае могут быть ценные бумаги, которые часто используются как способ перераспределения финансовых ресурсов. Представляется важным рассмотрение ценной бумаги как объекта инвестиционной деятельности, в том числе в свете недавних изменений законодательства о рынке ценных бумаг.

В литературе в большинстве своем преобладает позиция, в соответствии с которой, инвестиции — это прежде всего категория экономическая [6, с. 661; 17, с.10]. Также встречается мнение, что инвестиции являются экономико-правовой категорией, обладающей как определенным экономическим, так и юридическим содержанием [12, с. 23]. Изучением категории инвестиции занимались как зарубежные (Дж. Кейнс, У.Шарп, Г. Александер, Дж. Бэйли, А. Маркус, Пол А. Самуэльсон, С.Фишер, Р. Дорнбуш), так и отечественные экономисты (Л.И. Абалкин, Б.И. Алехин, М.И. Кныш, Б.А.Перекатов, Т.С. Хачатуров, Ю. Яковец). В своей монографии М.Г. Холкина проанализировала взгляды вышеуказанных ученых и выделила основные признаки, которые характеризуют экономическую сущность инвестиций и могут быть использованы при формулировании их правовой дефиниции: инвестиции отражают действие — вложение; они формируют потенциальную возможность получения прибыли; их организатор—контрагент инвестора—лицо, осуществляющее деятельность, направленную на получение дохода; имущество вверяется профессиональному управляющему [17, с. 10].

Юристы в свою очередь понимают инвестиции с точки зрения двух основных подходов (в зависимости от определения их существенного признака). Одни придерживаются «объектного подхода» и во главу ставят право собственности или иное имущественное право (А.Г. Богатырев, В.А. Бублик, Н.Н. Вознесенская, С.С. Жилинский). Например, В.А. Бублик прямо указывает на то, что инвестиции представляют собой любой объект права собственности, имеющие денежную оценку и предпринимательскую значимость интеллектуальные ценности [5, с. 11]. Другие придерживаются «деятельностного (процессного) подхода» и полагают, что главное в инвестициях — это непосредственная деятельность лица, который инициирует оборот капитала (О.М. Антипова, В.В. Гушин, В.Н. Кокин, А.А. Овчинников). В.В. Гушин и А.А.Овчинников понимают инве-

стиции как активные действия субъекта, которые заключаются в распоряжении принадлежащих ему объектов гражданского права [7, с. 72]. В.Н. Кокин отмечает, что распоряжение происходит с целью получения выгоды [11, с. 46].

Российское законодательство в свою очередь содержит оба перечисленных подхода. Так, ст. 1 Закона РСФСР от 26.06.1991 № 1488–1 «Об инвестиционной деятельности в РСФСР» и ст. 1 Федерального закона от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в РФ, осуществляемой в форме капитальных вложений» раскрывающие основные понятия, используемые в законах, содержат указание на то, что под инвестициями понимаются денежные средства, ценные бумаги, иное имущество. В то же самое время, в ст. 2 Федерального закона от 09.07.1999 № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в РФ» указано, что иностранная инвестиция — это вложение иностранного капитала.

А.В. Габов полагает, что все-таки законодательство склоняется к деятельностному (процессному) подходу объяснения инвестиций, выделяя при этом понятие «инвестиционная деятельность (инвестирование)», фактически без наполнения ее смыслом [6, с. 671]. Так, законодатель под инвестиционной деятельностью понимает вложение инвестиций, практические действия, которые совершаются для получения прибыли или иного полезного эффекта (ст. 1 Закона РСФСР от 26.06.1991 № 1488–1 «Об инвестиционной деятельности в РСФСР» и ст. 1 ФЗ от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в РФ, осуществляемой в форме капитальных вложений»).

В юридической литературе инвестиционная деятельность рассматривается в нескольких аспектах. Одни ученые, например, Н.И. Клейн, А.Г. Богатырев, рассматривая инвестиционную деятельность, заостряют внимание на данной деятельности исключительно как на процессе вложения (инвестирования) [15, с. 143; 4, с. 11]. Другие юристы, например, В.А. Бублик все-таки рассматривают инвестиционную деятельность как совокупность действий, которая включает как процесс вложения инвестиций, так и их реализацию [5, с. 128]. А.В. Габов в свою очередь придерживается позиции, согласно которой «инвестиционная деятельность» является более широким понятием, чем понятие «инвестиции» [6, с. 670]. Данная позиция представляется обоснованной, поскольку до момента вложения инвестор занимается подготовительной работой: сбор информации, заключение договоров, получение разрешений от государственных органов и прочее.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в РФ, осуществляемой в форме капитальных вложений», инвестиционная деятельность может быть осуществлена в различных формах, в том числе путем вложения средств в ценные бумаги. Ценные бумаги по своей сути являются одним из привлекательных инструментов инвестирования, в литературе их еще называют портфельными инвестициями [9, с. 317–327; 10, с. 363–365]. Следует отметить, что инвестиционными будут не все отношения, где в качестве объекта выступают ценные бумаги. Поскольку ценные бумаги являются по своей сути многофункциональным инструментом и имеют различное экономическое назначение (цели для которых осуществляется их выпуск и приобретение) в литературе их принято делить на инвестиционные, расчетные и товарно-распорядительные [2, с. 26–27]. Нас интересует как раз вид инвестиционных ценных бумаг, так как их непосредственное назначение — служить инструментом инвестирования.

Юридическая литература понимает инвестиционные ценные бумаги как однородные, в основном, денежные ценные бумаги, которые выпускаются массово и удостоверяют права их держателей на получение с их номинальной стоимости дохода (единовременно или периодически), который соответствует размеру прибыли (дохода) эмитента, либо — содержанию обязательства, который он на себя взял [8, с. 7].

Действующее законодательство не содержит понятия инвестиционные ценные бумаги, везде можно встретить понятие эмиссионной ценной бумаги. В.А. Белов не ставил различий между указанными наименованиями, апеллируя к тому, что это обозначения одного и того же вида ценных бумаг [3, с. 231]. Г.Н. Шевченко в свою очередь отмечает различие между двумя понятиями и указывает на то, что инвестиционные бумаги шире по своей сути и включают в себя два вида ценных бумаг — эмиссионные и коллективного инвестирования [19, с. 54].

Следует отметить, что в последние годы в законодательство о ценных бумагах были внесены существенные изменения, направленные на решение главной задачи — упрощение эмиссии ценных бумаг (Федеральный закон от 27.12.2018 № 514-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» и отдельные законодательные акты РФ в части совершенствования правового регулирования осуществления эмиссии ценных бумаг»). Законодатель осу-

шесть ряд фундаментальных поправок, а именно: полностью был изменен подход к понятию «эмиссионная бумага». Теперь отсутствует разделение ценных бумаг на документарные и бездокументарные, для всех эмиссионных ценных бумаг закреплена бездокументарная форма.

Вышеуказанные изменения являются результатом «противоборства» основных, конкурирующих друг с другом концепций ценных бумаг: документарной и бездокументарной. Сторонники документарной теории видят ценную бумагу прежде всего документом, материальным носителем, исполненным на бумаге и относят ценные бумаги к вещам. Так, Т.С. Мартыанова и В.А. Белов указывают на то, что «ценные бумаги — это документы, которые не запрещены государством, допущены к обращению, ценность которых заключается в содержащемся в них праве кого-либо на определенную товарную, денежную или иную (идеальную) ценность» [13, с. 59]. А. Марченко утверждает, что «ценная бумага является вещью, которая символизирует собой совокупность прав» [14, с. 14].

Бездокументарную теорию считают более прогрессивной и современной. Сторонники данной концепции определяют ценную бумагу как совокупность имущественных прав. Они предполагают одинаковое право на существование как документарной формы ценных бумаг, так и бездокументарной. При этом оба вида ценных бумаг имеют аналогичный правовой режим. К авторам, разделяющим указанную позицию относятся Г.Н. Шевченко, Д.И. Степанов [16, 18].

В соответствии с легальной дефиницией документарная ценная бумага — это документ, соответствующий требованиям закона, который удостоверяет обязательственные и иные права, осуществить и передать которые можно при предъявлении таких документов (п. 1 ст. 142 ГК). Такие бумаги согласно ст. 128 ГК относятся к вещам.

Бездокументарной ценной бумагой являются обязательственные и иные права, которые закрепляются в решении о выпуске или ином соответствующем требованиям закона акте эмитента, осуществить и передать которые можно в соответствии с правилами учета этих прав. Положениями ст. 128 ГК бездокументарные ценные бумаги отнесены к иному имуществу.

Исходя из последних тенденций дематериализации ценных бумаг, с учетом развития электронных средств основной оборот ценных бумаг плавно переходит от обмена документами к электронному учету прав

на эти документы. Оппоненты документарной теории находят легальное обоснование своих тезисов в гл. 7 ГК, посвященной ценным бумагам, ст. 128 ГК, посвященной объектам гражданских прав, которые свидетельствуют, что оба вида ценных бумаг являются объектами гражданских прав, ст. 16.1 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг», где указано, что эмиссионные ценные бумаги могут быть только бездокументарными.

В ст. 1 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» прямо перечислены ценные бумаги, которые относятся к эмиссионным: акция, облигация, опцион эмитента, российская депозитарная расписка.

Следует отметить, что в обращении практически отсутствовали эмиссионные ценные бумаги «в бумажном варианте». Фактически, как справедливо отмечает Е.Н. Абрамова, «предосновой категории бездокументарных ценных бумаг стала не ценная бумага в целом, а только инвестиционная именная ценная бумага» [1, с. 40]. Необходимость существования документарной формы эмиссионных ценных бумаг представляется нецелесообразной и не отвечает современным потребностям оборота. Так, вышеуказанные фундаментальные изменения повлекли упразднение сертификата облигаций как документа, который удостоверяет права его владельца. До внесения изменений сертификат должен был быть передан в депозитарий с целью осуществления централизованного хранения и учета прав на ценные бумаги по счетам депо их владельцев. Данная процедура фактически приравнивала режим документарных ценных бумаг к бездокументарным. Теперь же бездокументарные облигации будут помещаться под централизованный учет. При этом реестр владельцев облигаций вести не будет, их права будут удостоверяться записями по счетам депо в депозитарии. Сведения о правах владельцев будут содержаться в одном документе — решении о выпуске, что решит проблему дублирования записей (ранее — и в сертификате, и в решении о выпуске).

Изменения в подходе к эмиссионным (инвестиционным) ценным бумагам представляются актуальными, поскольку традиционно сложившееся отношение к ценной бумаге исключительно как к вещи несовременно, сейчас на первый план выходит ускорение процессов, быстрота совершения сделок. Особенно это актуально в связи с нынешним положением компаний, большей части которых пришлось

перейти на «удаленный режим» работы в связи с карантинными мероприятиями из-за пандемии COVID-19.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Абрамова Е.Н. Именные и обыкновенные именные ценные бумаги: о разграничении понятий // Право и экономика. 2016. № 10. С. 37–42.
2. Белов В.А. Ценные бумаги как объекты гражданских прав: вопросы теории: дис... канд. юрид. наук в форме научного доклада, выполняющего также функции автореферата: 12.00.03. М., 1996.
3. Белов В.А. Ценные бумаги в российском гражданском праве. Т. II. М., Центр ЮрИнфоР, 2007.
4. Богатырев А.Г. Государственно-правовой механизм регулирования инвестиционных отношений (вопросы теории): Автореф. дис. докт. юрид. наук. М., 1996.
5. Бублик В.А. Гражданско-правовое регулирование внешнеэкономической деятельности в Российской Федерации: проблемы теории, законодательства и правоприменения. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1999.
6. Габов А.В. Ценные бумаги: вопросы теории и правового регулирования рынка. М.: Статут, 2011.
7. Гушин В.В., Овчинников А.А. Инвестиционное право. М., ЭКСМО, 2006.
8. Защита прав инвесторов в сфере рынка ценных бумаг / под ред. М.К.Треушников. М., 2009.
9. Иванов А.П. Финансовые инвестиции на рынке ценных бумаг / А.П.Иванов. М., 2008.
10. Инвестиции: учебник / под ред. В.В.Ковалева, В.В.Иванова, В.А. Лялина. М., 2003.
11. Кокин В.Н. Защита прав инвестора при недропользовании на условиях соглашения о разделе продукции в Российской Федерации: дис. канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2002.
12. Корнеева С. К понятию «инвестиции»// Хозяйство и право. М., 2008, № 12. С. 21–26.
13. Мартынова Т.С., Белов В.А. Ценные бумаги: эволюция становления и развития // Правоведение. 1992. № 6. С. 58–63.
14. Марченко А. Символ комплекса прав// Рынок ценных бумаг.1996. № 12.
15. Предпринимательское право / Под ред. Н.И. Клейн. М.: Юрид. лит., 1993.
16. Степанов Д.И. Вопросы теории и практики ценных бумаг // Хозяйство и право. 2002. № 3 С. 64–80, № 4. С. 73–85, № 5 С. 78–97.
17. Холкина М.Г. Защита прав инвесторов на рынке ценных бумаг. Владивосток, Изд-во ВГУЭС, 2010.
18. Шевченко Г.Н. Правовое регулирование ценных бумаг. Владивосток, 2002.
19. Шевченко Г.Н. Эмиссионные ценные бумаги: понятие, эмиссия, обращение. М.: Статут, 2006.

Дзьоник Виталий Романович

доцент кафедры предпринимательского и энергетического права
Санкт-Петербургского государственного экономического университета, кандидат
юридических наук

АНАЛИЗ РЕФОРМЫ ПО ЛИКВИДАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УНИТАРНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ К 2025 ГОДУ

Dzionik Vitaliy

Associate Professor, Department of Business and Energy Law
St. Petersburg State University of Economics, Ph.D. in Law

ANALYSIS OF REFORM ON THE LIQUIDATION OF STATE AND MUNICIPAL UNITARY ENTERPRISES BY 2025

Abstract: In this article, the author analyzes the reform of the liquidation of state and municipal unitary enterprises by 2025. One of the main reasons for this reform is the need to reduce the share of state and municipal enterprises in the total number of economic entities in the commodity market. In the end, the author came to the conclusion on the part of the legislative agencies that further reform of the legislation is required in order to avoid negative consequences after the completion of the reform.

Keywords: unitary enterprises, legislative reform, entrepreneurial activity, competition.

В соответствии со статьей 3 Федерального закона от 27.12.2019 № 485-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» и Федеральный закон «О защите конкуренции»*, унитарные предприятия на конкурентных рынках, созданные до начала действия данного закона, т. е. до 8 января 2020 года, подлежат ликвидации или реорганизации до 1 января 2025 года. При несоблюдении данного положения в указанные сроки, антимонопольный орган вынужден будет подать исковое заявление о ликвидации такого предприятия в судебном порядке. Законодателем также предусмотрен ряд исключений, например для предприятий, осуществляющих деятельность в сферах естественных монополий, кинематографии, культуры, обращения с радиоактивными отходами, искусства.

---

* Федеральный закон от 27.12.2019 № 485-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» и Федеральный закон «О защите конкуренции» // Российская газета. № 296.2019.

Более того, согласно информации с официального сайта Государственной Думы, как пояснил один из парламентариев: «Запрет деятельности унитарных предприятий будет действовать только на конкурентоспособных рынках, что позволит избежать ликвидации предприятий на социально значимых рынках, на которых отсутствуют частные хозяйствующие субъекты».

Основной целью принятия данного закона было постепенное увеличение конкуренции на товарном рынке посредством снижения доли государственного участия в нем.

Одной из предпосылок принятия данного закона был Указ Президента РФ от 21.12.2017 № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции»*, в котором закреплена необходимость совершенствования политики в области конкуренции, в том числе, путем сокращения доли государственных и муниципальных предприятий в общем количестве хозяйствующих субъектов на товарном рынке.

Для анализа складывающейся ситуации изначально следует разобратся с правовым положением таких предприятий в Российской Федерации по состоянию на начало 2020 года. В соответствии с частью 1 статьи 113 Гражданского кодекса Российской Федерации, унитарным предприятием является коммерческая организация, не наделенная правом собственности на закрепленное за ней собственником имущество.

В организационно-правовой форме унитарных предприятий могут действовать только государственные и муниципальные предприятия. Имущество таких предприятий, в зависимости от их вида, находится в федеральной, муниципальной или собственности субъекта РФ и принадлежит им на праве хозяйственного ведения или оперативного управления. Основные различия между этими правами заключаются в том, что:

- при праве хозяйственного ведения у унитарных предприятий присутствует обязанность в виде письменного согласования с учредителем только сделок с недвижимым имуществом, тогда как предприятие, функционирующее на праве оперативного управления, обязано согласовывать сделки как с движимым, так и с недвижимым имуществом;

---

* Указ Президента РФ от 21.12.2017 № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции» (вместе с «Национальным планом развития конкуренции в Российской Федерации на 2018 - 2020 годы») // Собрание законодательства РФ.2017. № 52 (Ч. I). ст. 8111.

- отсутствие у собственника возможности изъять имущество характерно для предприятий на праве хозяйственного ведения;
- предприятие на праве хозяйственного ведения вправе объявить себя банкротом, а у предприятий, на праве оперативного управления такая возможность отсутствует и др.[2, с. 8–9]

Для обоих видов предприятий характерна возможность использования целевых бюджетных источников финансирования (субвенций, субсидий), что зачастую приводит к тому, что ряд предприятий с экономической точки зрения являются абсолютно невыгодными, но они продолжают функционировать, т. к. они основаны для оказания социально-значимых услуг. Данный факт, безусловно, свидетельствует о необходимости сохранения предприятий в подобных сферах с целью избежания резкой инфляции.

Приведем некоторые статистические данные. Согласно Бюллетеню о развитии конкуренции Аналитического центра при Правительстве РФ, общее количество унитарных предприятий по состоянию на 2019 год находится на отметке 17 тысяч (в 2018–19 тысяч; в 2017–21 тысяча)[1, с. 7]. Данные статистические данные, в целом, указывают на наличие тенденции к снижению числа таких предприятий в общем секторе экономике, но, несмотря на это, по мнению Федеральной антимонопольной службы России, выраженному пояснительной записке «К проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части установления запрета на создание и осуществление деятельности унитарных предприятий)», именно участие унитарных предприятий в хозяйственной деятельности оказывает наиболее негативное влияние на конкуренцию на локальных рынках.

В юридических и экономических кругах в настоящее время идут активные дискуссии по поводу проводимой реформы, в частности исследователи указывают на возможные проблемы, которые могут возникнуть после завершения процесса приватизации унитарных предприятий.

В настоящей статье попробуем проанализировать возможные последствия таких законодательных изменений.

В пользу значительного сохранения количества унитарных предприятий РФ говорит тот факт, что часть из них является весомым источником бюджетных неналоговых доходов. Сокращение неналоговых поступлений в бюджет Российской Федерации в дальнейшем

может привести к установлению дополнительного налогового бремени как для юридических, так и для физических лиц с целью восполнения казны.

Наиболее значимым последствием ликвидации государственных и унитарных предприятий может стать резкий скачок цен на реализуемые такими предприятиями товары и услуги. Это может повлиять на такие социально-значимые услуги в области: жилищно-коммунального хозяйства, медицины, транспорта, в случае, если такие предприятия будут подлежать приватизации и т. д. Данный факт может привести к снижению реальных доходов населения, в очередной раз, оказать негативное влияние на такие категории граждан, как: пенсионеры; безработные; лица, находящиеся в отпуске по уходу за ребенком и т. д.

В этой связи, целесообразно согласиться с точкой зрения И.Ф. Ковтуненко, которая говорит о необходимости создания прочной правовой базы, которая станет полноценной заменой, гарантирующей должное исполнение тех функций, которые на сегодняшний день осуществляют унитарные предприятия [4, с. 31].

Еще одним актуальным вопросом приватизации унитарных предприятий остается вопрос потери рабочих мест лицами, которые на настоящий момент работают в таких унитарных предприятиях. Данный вопрос также подлежит законодательному урегулированию.

Рядом исследователей, в частности Е.В. Карповой, указывается на возможные проблемы при ликвидации фармацевтических организаций в форме унитарных предприятий, связанные с ухудшением ситуации с лекарственным обеспечением лиц, страдающих онкологическими заболеваниями, и жителей труднодоступных регионов. Такие проблемы могут обусловлены нежеланием частных компаний открывать нерентабельные предприятия в небольших городах и поселениях [3, с. 45–46]. Безусловно, данный пример является частным, но он показывает к чему может привести не до конца урегулированная реформа по ликвидации и реорганизации унитарных предприятий.

В любом случае, следует сказать, что, несмотря на принятие Федерального закона № 485-ФЗ, на настоящий момент ряд важных вопросов, непосредственно связанных с ликвидацией унитарных предприятий, должным образом не урегулирован и требует дальнейшего законодательного пояснения и уточнения. По всей вероятности, законодателем по этой причине установлен срок — 1 января 2025 года,

т. к. он берет в учет, что процедура приватизации таких предприятий нуждается в дальнейшем законодательном разъяснении. Преследуя цель — снижение доли государственного участия в экономическом секторе, государству следует предусмотреть и оценить все возможные негативные последствия приватизации и ликвидации унитарных предприятий.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Бюллетень аналитического центра при Правительстве РФ о развитии конкуренции. Выпуск 2. март 2019. URL: <https://ac.gov.ru/publications/topics/topic/2345>.
2. Золотко Т.А. Актуальные вопросы реформирования унитарных предприятий // Имущественные отношения в Российской Федерации. № 6. 2017. С. 8–18.
3. Карпова Е.В. Унитарные предприятия: будущее // Аптека: бухгалтерский учет и налогообложение. № 5. 2019. С. 45–46.
4. Ковтуненко И.Ф. Унитарные предприятия в системе управления государственной или муниципальной собственностью: как меняется законодательство // Государственная власть и местное самоуправление. № 1. 2019. С. 28–33.

УДК 347
Специальность 12.00.03

Ена Дмитрий Викторович
ст. преподаватель кафедры предпринимательского
и энергетического права СПбГЭУ

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «САМОЗАНЯТЫХ» ГРАЖДАН

В последнее время государство уделяет серьезное внимание выводу из тени приносящей доход деятельности физических лиц, осуществляемой без получения статуса индивидуального предпринимателя и без создания юридического лица (репетиторы, домашние работники, переводчики, частные мастера и т. п.). В целях реализации этого был подготовлен и принят Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)».

В конце 2019 года проводимый эксперимент, с учетом первых итогов, был признан успешным. Отмечалось, что указанный налоговый режим обеспечивает решение основной задачи его введения — создание стимулов для выхода людей из тени. В связи с этим перечень субъектов Российской Федерации, участвующих в эксперименте, с 01.01.2020 расширен до 23-х.

С 01.07.2020 года право вводить специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» предоставлено остальным субъектам Российской Федерации. Соответствующий федеральный закон (от 01.04.2020 № 101-ФЗ) был принят в рекордно короткие сроки: за один день принят Государственной Думой и одобрен Советом Федерации, а уже на следующий день подписан Президентом Российской Федерации. Что, несомненно, подчеркивает актуальность затронутой тематики.

Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (именуемый далее Закон 422-ФЗ) определяет понятие «профессиональный доход» в виде двух возможных составляющих дохода физических лиц

- от деятельности, при ведении которой они не являются работниками в рамках трудовых отношений и не привлекают таковых,
- от использования имущества.

Закон 422-ФЗ не содержит перечня видов деятельности, при осуществлении которых возникает право применять специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» (именуемый далее режим НПД). Определены случаи, когда режим НПД не может быть применим. То есть, можно говорить о действии правила «разрешено все, что не запрещено». Нельзя применять режим НПД, в частности, при

- осуществлении трудовой деятельности;
- реализации подакцизных товаров и товаров, которые должны пройти обязательную маркировку;
- перепродаже товаров, имущественных прав, кроме продажи имущества, которое использовалось для их личных, домашних и (или) иных подобных нужд;
- добыче и (или) реализации полезных ископаемых;
- ведении предпринимательской деятельности в интересах другого лица на основе договора поручения, комиссии либо агентского договора;

- оказании услуг по доставке товаров с приемом или передачей платежей за эти товары в интересах других лиц, исключая случаи применения налогоплательщиком зарегистрированной продавцом товаров контрольно-кассовой техники при расчетах с покупателями (заказчиками) за указанные товары в соответствии с законодательством о применении контрольно-кассовой техники;
- ведении таких видов предпринимательской деятельности, доходы от которой облагаются налогом на доходы физических лиц.

Кроме того, Закон 422-ФЗ не допускает, чтобы лицо, применяющее режим НПД, выполняло работу (оказывало услуги) своему бывшему работодателю в течение двух лет после прекращения трудовых отношений.

Учитывая, в том числе, право индивидуальных предпринимателей применять режим НПД, представляется, что деятельность субъектов, применяющих режим НПД, может являться как предпринимательской (то есть, соответствовать всем ее признакам), так и иной приносящей доход деятельностью. Примечательно, что по общему правилу для лица, применяющего режим НПД, регистрация в качестве индивидуального предпринимателя не требуется (необходима только в случаях, предусмотренных федеральным законом, исходя из вида осуществляемой деятельности).

Итак, субъектов, применяющих режим НПД, можно классифицировать на индивидуальных предпринимателей и иных физических лиц, которые статусом индивидуальных предпринимателей не обладают. Представляется, что правовое регулирование предпринимательской деятельности (в ее формальном понимании) второй категории субъектов (в рамках данной статьи будем именовать их далее «самозанятые») имеет определенную специфику, которую мы и обсудим.

С учетом этого представляется целесообразным рассмотреть определенные актуальные особенности правового регулирования предпринимательской деятельности «самозанятых».

Круг лиц, имеющих возможность применять режим НПД, по мнению автора, не определен надлежащим образом.

В Законе 422-ФЗ говорится о возможности применения режима НПД физическими лицами без указания на критерий гражданства. Однако порядок и условия начала и прекращения применения режима НПД прописан только для граждан Российской Федерации и гражд-

дан иностранных государств — членов Евразийского экономического союза. Означает ли это фактический запрет применения режима НПД гражданами государств, не входящих в ЕАС, а также лицами, не имеющими гражданства? Получается, что, да. На сайте Федеральной налоговой службы сообщается, что граждане других государств, не входящих в ЕАЭС, применять режим НПД не могут. Такую же позицию выражает Министерство Финансов Российской Федерации, отмечая, при этом, что вопрос о возможности применения режима НПД гражданами иностранных государств, не являющихся членами ЕАС, в настоящее время прорабатывается (Письмо Минфина России от 31.01.2020 № 03—11—11/5947).

Итак, стать «самозанятым» могут только граждане России и граждане иностранных государств — членов ЕАС.

В то время как порядок государственной регистрации физического лица в качестве индивидуального предпринимателя предусматривает возможность получения указанного статуса помимо граждан РФ, иностранными гражданами, а также лицами без гражданства.

О возрасте, с которого можно осуществлять деятельность с применением режима НПД.

Анализ соответствующих норм Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» позволяет прийти к выводу, что стать «самозанятым», равно, как зарегистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя возможно лицам, достигшим возраста четырнадцати лет. Для совершения большинства сделок в таком юном возрасте лицу потребуются получать согласие законных представителей, если только этот субъект не приобрел в установленных случаях и порядке дееспособность в полном объеме (вступление в брак, эмансипация). Тем не менее, представляется, что получение статуса «самозанятого» может быть весьма интересно даже подросткам. Как с практической точки зрения: реальный шанс зарабатывать деньги. Так и с психологической: самостоятельные доходы добавляют уверенности, можно считать себя, фактически, бизнесменом. Указанные аспекты очень значимы в подростковом, юношеском возрасте, когда каждый стремится доказать окружающим его сверстникам, и, что более для него важно, старшему поколению, что он уже взрослый, самостоятельный человек, который разбирается в жизни, обладает определенной

материальной (и психологической) независимостью. И кто знает, быть может, когда подрастающее поколение осознает преимущества статуса «самозанятого» (простота регистрации для применения режима НПД, низкие ставки налоговых отчислений, отсутствие бухгалтерской отчетности, не требуется применение контрольно-кассовой техники), оно составит старшему поколению серьезную конкуренцию в определенных направлениях деятельности. В первую очередь, там, где не требуется серьезная квалификация. Способствовать этому будут большое желание молодежи зарабатывать, возможно, ценовой демпинг. Обратной стороной медали может быть злоупотребление со стороны бизнеса в виде привлечения молодежи на условиях самозанятости вместо оформления трудовых отношений. В таком случае для привлеченного лица не придется организовывать рабочее место, устанавливать оплату не ниже предусмотренного законодательством размера, оплачивать отпуска, периоды временной нетрудоспособности, производить обязательные отчисления во внебюджетные фонды. Да и договор с «самозанятым» может быть заключен на любой срок и с различными условиями его прекращения.

Также повысить конкуренцию в определенных направлениях деятельности, уже независимо от возрастного критерия, могут иностранные «самозанятые». Как отмечалось выше, пока это только граждане иностранных государств — членов ЕАС (но и это может быть существенно).

В отличие от индивидуальных предпринимателей «самозанятые», как указывалось выше, не вправе привлекать к своей деятельности лиц в рамках трудовых отношений. То есть, выступать работодателем. Это представляется вполне обоснованным с учетом целей создания режима НПД, основной интерес к которому, как предполагается, должен быть у фрилансеров. Также аргументом в пользу запрета на наличие у «самозанятых» наемных работников, несомненно, является то, что для «самозанятых» не установлена обязанность отчислений во внебюджетные фонды, как это предусмотрено для трудовых правоотношений.

Сравнение возможных видов деятельности «самозанятых» и индивидуальных предпринимателей позволяет отметить следующее. Казалось бы, исходя из подходов Закона 422-ФЗ по определению субъектов, имеющих право применять режим НПД, а также видов возможной деятельности в рамках этого режима, можно сделать вывод, что выбор видов деятельности для «самозанятых» и индивидуальных предприни-

мателей одинаков. Однако представляется, что это не так. В отличие от индивидуальных предпринимателей «самозанятые», в частности, не вправе осуществлять лицензируемые виды деятельности.

Представляется целесообразным разобраться с вопросом, применима ли к предпринимательской деятельности «самозанятых» норма ГК РФ, согласно которой, если иное не вытекает из закона, иных правовых актов или существа правоотношения, к предпринимательской деятельности граждан, осуществляемой без образования юридического лица, применяются правила ГК РФ, регулирующие деятельность юридических лиц, являющихся коммерческими организациями? По мнению автора, буквальное толкование указанной нормы позволяет дать положительный ответ.

С учетом этого, можно выделить ряд следующих значимых особенностей правового регулирования предпринимательской деятельности установленных ГК РФ и применимых к деятельности «самозанятых»:

- Для обязательства, связанного с осуществлением всеми его сторонами предпринимательской деятельности, правовыми актами или договором может быть предусмотрено одностороннее изменение условий обязательства или односторонний отказ от его исполнения. В случае если исполнение обязательства связано с осуществлением предпринимательской деятельности не всеми его сторонами, то право на одностороннее изменение его условий или отказ от исполнения обязательства может быть предоставлено договором только лишь той стороне, которая не осуществляет предпринимательскую деятельность, исключая случаи, когда правовым актом возможность предоставления договором такого права другой стороне предусмотрена. Если право на односторонний отказ от исполнения обязательства, связанного с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, или на одностороннее изменение условий такого обязательства предусмотрено законом, иным правовым актом или договором, то соглашением сторон при реализации такого права может быть установлена выплата определенной денежной суммы другой стороне обязательства.
- В исключение из общего правила, согласно которому должник вправе исполнить обязательство до срока, досрочное исполнение обязательств, связанных с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, допустимо лишь

в тех случаях, когда это предусмотрено правовыми актами или условиями обязательства либо вытекает из обычаев или существа самого обязательства.

- По общему правилу для обязательства, связанного с предпринимательской деятельностью, в котором участвуют несколько должников либо кредиторов, установлены солидарная обязанность либо солидарное требование, соответственно. Иное может быть предусмотрено правовыми актами или условиями этого обязательства.
- Уменьшение определенной договором неустойки, которая подлежит уплате лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность, допускается судом лишь в исключительных случаях, когда будет доказано, что взыскание неустойки в размере, предусмотренном договором, может привести к получению необоснованной выгоды другой стороной.
- В обязательстве, которое связано с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, перевод долга возможен при условии соглашения между кредитором и новым должником. В таком случае первоначальный должник и новый должник отвечают перед кредитором солидарно, если только соглашением о переводе долга не предусмотрена субсидиарная ответственность первоначального должника либо первоначальный должник не освобожден от исполнения обязательства. Если иное не предусмотрено соглашением между первоначальным должником и новым должником или не вытекает из существа их отношений, к новому должнику, исполнившему обязательство, переходят права кредитора по этому обязательству.
- В обязательстве, исполняемом при осуществлении сторонами предпринимательской деятельности, в отличие от общего правила, не допускающего начисление процентов на проценты (когда иное не установлено законом), применение сложных процентов может быть предусмотрено.
- В отличие от общего правила, предусматривающего (кроме факта нарушения обязательства) наличие вины должника, для наступления ответственности, лицо, которое не исполнило обязательство или исполнило его ненадлежащим образом при осуществлении предпринимательской деятельности, если иное не предусмотрено законом или договором, несет ответствен-

ность независимо от наличия вины. Основанием освобождения от ответственности должника в таком случае будет только доказательство того, что надлежащее исполнение обязательства оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы.

- Соглашением сторон обязательства в рамках осуществления предпринимательской деятельности может быть установлена обязанность стороны возместить имущественные потери другой стороны, которые возникнут в случае наступления определенных обстоятельств, и не будут связаны с нарушением обязательства.
- В качестве общего правила для договора, связанного с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, предусмотрено, что если сторона приняла от другой стороны исполнение, и при этом полностью или частично не исполнила свое обязательство, то она не вправе требовать признания этого договора недействительным.

Помимо изложенного, следует отметить, что, по мнению автора, предпринимательская деятельность «самозанятых» не подпадает под регулирование Закона РФ от 07.02.1992 № 2300—1 «О защите прав потребителей». Такой вывод сделан на основании того, что в качестве изготовителя, исполнителя или продавца указанный закон рассматривает организации и индивидуальных предпринимателей. Данное обстоятельство, несомненно, ставит «самозанятых» в гораздо более выигрышное положение по отношению к индивидуальным предпринимателям. С учетом регулирования правоотношений «самозанятых» с контрагентами — физическими лицами, которых закон относит к потребителям, последние не могут рассчитывать в этих правоотношениях на способы защиты своих прав, предусмотренные Законом РФ от 07.02.1992 № 2300—1 «О защите прав потребителей».

Законодательством предусмотрены определенные различия в регулировании несостоятельности граждан, в том числе, «самозанятых», с одной стороны, и индивидуальных предпринимателей, с другой. В частности, имущество индивидуальных предпринимателей — должников, в отличие от имущества обычных граждан, подлежит продаже в порядке, предусмотренном для продажи имущества юридических лиц. Кроме того, закон определил разные последствия признания банкротом в отношении граждан и индивидуальных предпринимателей.

С учетом вышеизложенного, несмотря на определенные ограничения видов предпринимательской деятельности, которые могут

осуществлять физические лица, можно сделать вывод, что применение режима «Налог на профессиональный доход» физическими лицами, не являющихся индивидуальными предпринимателями, представляется весьма интересным, экономически выгодным и актуальным вариантом для осуществления физическими лицами деятельности, приносящей доход (основной либо дополнительный).

УДК 347

Научная специальность — 12.00.03

Кулушева Наталья Александровна

главный специалист отдела сопровождения процедур банкротства
Департамента правового обеспечения ПАО «МРСК Северо-Запада»,
ассистент кафедры предпринимательского
и энергетического права СПбГЭУ

Петров Валерий

судья, пребывающий в отставке,
ст. преподаватель кафедры уголовного права
и уголовного процесса СПбГЭУ

АНТИМОНОПОЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ОРГАНЫ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИЕ ПУБЛИЧНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ: КРАТ- КИЙ АНАЛИЗ ПРИМЕНЕНИЯ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКО- НОДАТЕЛЬСТВА. СОЦИАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВА

Kulusheva Natalya

chief specialist of the bankruptcy support Department of legal support
public company «MRCK North-West»,
assistant of the Department of entrepreneurship
and energy law of Saint Petersburg University of Economics

Petrov Valery

the judge staying in resignation,
chief lecturer of the Department of criminal law
and criminal process of Saint Petersburg University of Economics

ANTIMONOPOLY LEGISLATION AND BOIES EXERCISING PUBLIC AUTHORITY: BRIEF ANALYSIS OF THE APPLICATION OF ANTITRUST LEGISLATION. SOCIALIZATION OF THE STATE

Abstract. This article discusses the problems that arise when applying the Federal law of 26.07.2006 № 135-FZ “on protection of competition”, the Federal law of April 5, 2013 n 44-FZ “on the contract system in the field of procurement of goods, works,

services for state and municipal needs”. An analysis of some of the provisions of the above- mentioned laws, including their changes and issues arising in the practical application of antitrust legislation. Based on the research, the authors suggest further ways to improve the Antimonopoly legislation.

Key words: antitrust law, competition protection, contract system, procurement, goods, works, and services, socialization of the state.

Ныне действующее общегражданское законодательство в статье 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (далее — ГК РФ) признает равенство участников, вступающих в отношения, регулируемые данным законодательством, провозглашает свободу договора, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, возможность свободного осуществления гражданских прав, и в случае их нарушения, обеспечение права на судебную защиту.

Российское антимонопольное законодательство имеет ряд норм, прямо относящихся к органам, осуществляющим публичные полномочия.

Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее — Закон о защите конкуренции) определяет правовые основы защиты конкуренции, что предполагает, в том числе, установление определенных организационных норм, способствующих возможности свободного волеизъявления участников рынка.

Вышеупомянутый закон так же указывает на недопустимость ограничения, устранения конкуренции органами государственной власти, государственными внебюджетными фондами, ЦБ РФ.

Данные положения направлены на исключение ситуаций, при которых органы государственной власти могут своими действиями влиять на условия обращения товаров на определенном товарном рынке. Фактически эти нормы предупреждают и пресекают монополистическую деятельность при различных формах поддержки независимо от того, в чьих интересах будут совершаться действия.

Для лиц, занимающих ведущее положение на рынке, существуют ограничения, предусмотренные статьей 10 Закона о защите конкуренции. Для лиц независимо от того занимают они ведущее положение на рынке или нет в статье 11 Закона о защите конкуренции, предусмотрены запреты на ограничивающие конкуренцию соглашения или согласованные действия и в статье 14 Закона о защите конкуренции

предусматриваются ограничения на недобросовестную конкуренцию. Можно сделать вывод, что требования антимонопольного законодательства применяются к гражданско-правовым отношениям и гарантией соблюдения норм закона являются полномочия антимонопольного органа, которые состоят в пресечении монополистической деятельности, а конкретно выявлении нарушений, допускаемых при злоупотреблении экономическим положением лицом, имеющим преимущество на рынке.

Динамичное развитие антимонопольного законодательства в своей совокупности предполагает наличие отдельной группы норм, которые в своей совокупности должны разумно ограничивать полномочия государственных органов при обращении товаров на определенном товарном рынке.

Регулирование порядка заключения договоров в отношении государственного и муниципального имущества является неотъемлемой частью антимонопольного законодательства и барьером, не допускающим произвол в этой сфере, что касается в полном объеме и предоставление государственной или муниципальной преференции.

Закон о защите конкуренции устанавливает определенные требования для хозяйствующих субъектов при их взаимодействии с другими участниками гражданского оборота в сфере гражданско-правовых отношений.

Практика несоблюдения антимонопольного законодательства показывает, что изрядное количество нарушений допускается государственными органами норм обязывающих совершение тех или иных действий, либо из запрещающих.

Запретительные нормы перечисляются в статьях 15 и 16 Закона о защите конкуренции и распространяются на соглашения, совершенные органами государственной власти каких-либо действий и издания нормативных актов.

Законодательство устанавливает понятие конкуренции и определяет ее как соперничество хозяйствующих субъектов, при котором не допускается в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на любом из товарных рынков. Данное понятие изложено в п. 7, ст. 4 Закона о защите конкуренции.

Наиболее распространенным нарушением антимонопольного законодательства являются действия государственных органов, которые

противодействуют, порой совершенно необоснованно осуществлению деятельности участников рынка, в том числе и путем принятия нормативных актов, ограничивают действия хозяйствующих субъектов в интересующей сфере их деятельности.

Закон о защите конкуренции содержит нормы обязывающие государственные органы совершать те или иные действия определенного содержания. Обязательность касается трех сфер деятельности, которые учитывают наряду с антимонопольным учитывают еще и Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ (далее — Закон о противодействии коррупции), поскольку эти сферы предполагают манипуляции с государственным и муниципальным имуществом, распоряжение бюджетными средствами.

Обязательные для исполнения нормы касаются трех сфер деятельности государственных органов:

- в сфере распоряжения государственным и муниципальным имуществом (ст. 17.1 Закона о защите конкуренции),
- в сфере заключения договоров с финансовыми организациями (ст. 18 Закона о защите конкуренции),
- в сфере предоставления государственных и муниципальных преференций (ст. 19, 20, 21 Закона о защите конкуренции).

Конституция РФ гарантирует свободу перемещения товаров, работ и услуг, единство экономического пространства, свободу экономической деятельности, что относится к публичным интересам, и является непосредственным объектом нарушения антимонопольного законодательства со стороны органов публичной власти.

Некоторые действия государственных органов несоответствующие нормам антимонопольного законодательства, возможно расценить как правонарушения, влекущие определенные последствия в виде конкретных действий, которые оказывают негативное влияние на конкуренцию. Поскольку умышленные и неумышленные действия совершаются конкретными должностными лицами, усматривается тесная взаимосвязь антимонопольного законодательства и законодательства о противодействии коррупции. Цель регулирования деятельности государственных органов — это безопасность и чистота конкурентных отношений и одновременно недопущения злоупотреблениями должностных лиц, которые от имени органов публичной власти участвуют в этих отношениях.

Признание антимонопольными органами актов органов публичной власти несоответствующими антимонопольному законодательству является пресечением антиконкурентных действий, что благоприятно влияет на свободный рынок, восстанавливает условия конкуренции, устраняет негативное влияние вышеупомянутых актов.

Субъектом нарушения рассматриваемых норм антимонопольного законодательства являются органы, осуществляющие публичные полномочия, то есть федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления, но в эту проблему необходимо заглянуть глубже и выявлять должностных лиц, которые допускают такие нарушения.

Субъективная сторона вины как составная часть нарушения антимонопольного законодательства органами публичной власти очевидна, поскольку законодатель установил принцип обязательности соблюдения действующего законодательства, что непосредственно касается и органов государственной власти.

Одной из динамично развивающихся отраслей антимонопольного законодательства, касающихся непосредственно органов публичной власти является контрактная система в сфере закупок товаров, работ, услуг, которая регулируется Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Закон № 44-ФЗ).

Новеллы 2019 года, так же изменения, которые будут приняты в 2020 году предполагают обновленные правила проведения конкурсов, а именно их обязательность. Так же предполагается запрос котировок и запрос предложений в электронном виде, изменяются правила формирования планов-графиков закупок (исключается необходимость составления планов закупок), уточняется порядок контроля в сфере закупок, вводится особый порядок закупок и исполнения контрактов в целях реализации национальных проектов, а также некоторые другие.

Коснемся некоторых проблем, возникающих при применении Закона № 44-ФЗ как то установление заказчиками в документации при формировании заявок на торги чрезмерно излишних условий для необоснованного и формального отклонения участников, условия одностороннего отказа стороны от исполнения контракта, что вполне может рассматриваться как злоупотребление по отношению к другой,

добросовестной стороне, возможный сговор на торгах, повторность проведения закупок.

Если рассмотреть более подробно пути решения вышеупомянутых рисков ситуаций, можно увидеть, что Федеральным законом от 1 мая 2019 г. № 71-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Закон № 71-ФЗ) внесены изменения в процедуру подачи заявки на участие в электронном аукционе.

Для заявок на участие в процедуре электронного аукциона в рамках закупок, определенных ч. 3.1 ст. 66 Закона № 44-ФЗ, требуется исключительно согласие участника закупки на выполнение работ на условиях, предусмотренных документацией об электронном аукционе. Такое согласие дается с использованием программно-аппаратных средств электронной площадки.

В этом аспекте возможно и дальнейшее совершенствование анти-монопольного законодательства, например введение нормы, которая предполагает, что при закупке любых товаров, работ, услуг требуется только согласие участника закупки на иные работы, а при использовании товаров устанавливать ограниченный перечень характеристик на закупку. Подобные изменения позволят упростить порядок оформления заявок и создать настоящую конкуренцию на рынке закупок.

Право отказа стороны в одностороннем порядке от исполнения контракта, вполне может рассматриваться как злоупотребление по отношению к добросовестной стороне. Отсутствие в действующем законодательстве детально регламентированного перечня оснований для заявления отказа создает почву для злоупотреблений недобросовестными участниками сделки.

Одним из эффективных методов борьбы с недобросовестными поставщиками, подрядчиками, исполнителями является включение их в реестр недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей) и они на два года лишаются возможности участия в закупках. Применение подобного положения возможно лишь если заказчиком в качестве одного из требований к участникам будет указано отсутствие информации об участнике закупки в реестре, что предусмотрено ч. 1.1 ст. 31 Закона № 44-ФЗ.

Постановлением Правительства РФ от 25.11.2013 № 1062 (ред. от 27.12.2019) «О порядке ведения реестра недобросовестных поставщиков

(подрядчиков, исполнителей)» утверждены «Правила ведения реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей)». Исходя из этого нормативного акта решение о включении информации о недобросовестном поставщике (подрядчике, исполнителе) в реестр принимает уполномоченный орган на основании предоставленных заказчиком сведений.

Упомянутой проблеме стоит уделять внимание, поскольку по данным Федеральной антимонопольной службы (<https://fas.gov.ru>), которая и является уполномоченным органом, растёт количество случаев обращения заказчиков о включении их в реестр недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей).

В целях реализации права предпринимателей на честную конкурентную борьбу возможно предоставить им право устанавливать исчерпывающий перечень случаев, при которых допускается односторонний отказ заказчика от исполнения своих обязательств, в частности контракта и предоставления исполнителю права обжаловать такое решение заказчика.

Предотвращая возможность сговора участников закупки антимонопольное законодательство и, в частности, Закон № 71-ФЗ устанавливает изменения в порядок проведения электронного аукциона. В настоящее время электронный аукцион, при заявлении данного условия в документации о закупке товаров, указанных в ч. 3.1 ст. 66 Закона № 44-ФЗ, проводится через четыре часа после времени окончания подачи заявок на участие в указанном электронном аукционе, что явилось исключением из общего правила определения дня проведения электронного аукциона, каковым считается рабочий день, следующий за датой окончания срока рассмотрения первых частей заявок на участие в аукционе (ч. 3 ст. 68 Закона № 44-ФЗ).

Но для решения этой проблемы возможно сократить период подачи заявок и проводить аукцион через три или два часа после окончания срока подачи заявок для всех видов товаров, работ, услуг, либо еще максимально сократить этот временной промежуток. Необходимо пойти дальше и данную систему отсчета времени между окончанием подачи заявок и началом проведения аукциона установить в отношении любых закупок.

Очередная новелла Закона № 71-ФЗ — это проведение торгов только два раза. Если оба раза торги признаны несостоявшимися, то, как

указано в ст. 55 Закона № 44-ФЗ, можно заключать контракт с единственным поставщиком через согласование с ФАС России.

В дальнейшем возможно и после первого неудачного проведения торгов разрешить заказчикам сразу заключать контракт с единственным поставщиком по согласованию с ФАС России, что повысит устойчивость антимонопольного законодательства.

Одним из видов недобросовестного поведения можно рассматривать подачу жалоб на закупки с целью получения выгоды, в том числе и денег за отзыв жалобы как от добросовестных участников, так и от заказчиков. Подобное поведение можно наблюдать как у организация, так и у частных лиц.

Постановлением Правительства РФ от 21.03.2019 № 294 «О внесении изменений в приложения № 1 и 2 к Постановлению Правительства Российской Федерации от 4 февраля 2015 г. № 99» установлены некоторые дополнительные требования к участникам закупки отдельных видов товаров, работ, услуг. Прежде всего это проверка опыта исполнения за определенный промежуток времени и выполнение работ по ранее заключенному однородному контракту.

Цель установления некоторых дополнительных требований, это проверка «благонадежности» участника закупки, при которой уменьшается риск заказчика от недобросовестных действий участников конкурса. Но эти ограничения действуют только в отношении отдельных видов товаров, работ, услуг и разумным было бы ввести аналогичную проверку в отношении всех видов товаров, работ, услуг. Поскольку обжаловать контракт сможет только то лицо, которое имеет право на подачу заявки, то право на обжалование будет у тех, кто отвечает дополнительным требованиям, что сделает более качественным исполнение контракта.

Изменения, вносимые в Закон № 44-ФЗ определяют начало новой политики в применении антимонопольного законодательства, которая направлена на повышение прозрачности, эффективности и оптимизации конкурентной борьбы предпринимателей, что в свою очередь призвано оптимизировать этот рынок услуг.

Функционирование государственного аппарата невозможно без закупок товаров, работ, услуг, на что может отводиться до половины выделенных средств, а это 1/3 национального бюджета. Именно жесткий контроль в сфере закупок может обеспечить рациональное

использование денежных средств, выделяемых на нужды обеспечения деятельности соответствующих структур.

Надлежащее использование бюджетных средств должно обеспечиваться, в том числе и эффективностью антимонопольного законодательства. Нагрузка на бюджет ложиться не только в виде выплаты заработной платы, но и расходов по обеспечению деятельности государственных органов и закупки товаров, работ, услуг, которые должны быть оптимальными и не избыточными для обеспечения работы государственных органов.

Актуальность совершенствования антимонопольного законодательства напрямую связана с экономическим благополучием и прежде всего граждан.

По данным СМИ доходная часть бюджета РФ за 2018 год составила 19,455 трлн. руб.* , в 2019 году согласно Отчета об исполнении федерального бюджета и бюджетов бюджетной системы Российской Федерации за 2019 год (предварительные итоги)(далее — Отчет**) доходная часть бюджета РФ составила 20,187 трлн. рублей. При проведении несложных подсчетов мы увидим, что прирост составляет примерно 3,7%, а обещанная индексация пенсий в 2020 году по данным издательства ТАСС*** должна составить 6,6%, рост зарплаты в бюджетной сфере должен составить 6%****.

Расходная часть бюджета в 2019 году, исходя опять же из Отчета, составила 18 213 236,4 млн. рублей (стр. 147) расходы на общегосударственные вопросы 1 363,9 млрд руб., национальная оборона 2 997,4 млрд руб., национальная безопасность и правоохранительная деятельность 2 083,2 млрд руб., национальная экономика 2 825,5 млрд руб., то есть практически 10 805,8 млрд руб. составляют расходы на содержание государственного аппарата и 2 825,5 млрд руб. на поддержание национальной экономики.

Так ли необходимо увеличение расходов на содержание государственных органов, согласно информации, опубликованной Росстатом, среднемесячная заработная плата чиновников за 2018 год составила 126,6 тыс. рублей***** средняя заработная плата работников организаций

---

* Москва, 22 января — «Вести. Экономика», www.vestifinance.ru

** https://www.minfin.ru/ru/performance/budget/federal_budget/budgeti/2019/

*** <https://tass.ru/ekonomika/6945711>

**** https://nalog-nalog.ru/zarplaty_i_kadry/indeksaciya-zarabotnoj-platy/

***** https://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d04/plat1-18.htm

за 2019 год составила 41120 руб.* , средняя пенсия за 2019 год составила 14 163 руб**.

Государство — это прежде всего граждане и курс на социализацию, в том числе и экономики, избран совершенно справедливо, однако исходя из расходов на социальную политику 4 882,8 млрд руб., при чем 3 271,6 млрд руб. на пенсионное обеспечение наше государство в настоящее время социальным назвать нельзя.

Исходя из приведенных цифр планируемые увеличения расходов на содержание государственных служащих видятся совершенно необоснованным в свете провозглашенной политики на социализацию государства следует перераспределить расходную часть бюджета.

Поскольку перераспределением средств могут заниматься только органы исполнительной и законодательной власти, перераспределение в пользу социализации государственной политики маловероятно.

По данным Росстата численность пенсионеров на 2019 год в России составила 46 480 млн. человек***, то есть фактически это одна треть населения страны, получающая среднюю пенсию 14 163 руб.

По оценкам первого заместителя министра финансов Татьяны Нестеренко, общее количество работников государственных и муниципальных органов в России составляет 2,4 млн человек**** и эти чиновники ничего не производят, а существуют полностью за счет государственного бюджета, то есть за счет работающего населения РФ, которое получает среднюю заработную плату в три раза меньше чем чиновники, находящиеся на их содержании.

В случае повышения заработной платы чиновникам социальное расслоение населения продолжится, а это чревато оттоком трудовых ресурсов из малого и среднего бизнеса и нарастанием стремления обосноваться в органах государственной власти. С оттоком трудовых ресурсов будут падать и доходы государства, поскольку сократятся налоговые поступления в казну, а исполнение бюджета за счет поступлений от реализации сырья неизбежно сократятся. Излишняя реклама прелестей государственной службы должна быть пересмотрена в рекламу преимуществ производственных специальностей. Если поставить вопрос таким образом, все хотят стать управленцами,

---

* https://www.gks.ru/free_doc/doc_2019/info/oper-01-2019.pdf

** <https://gks.ru/storage/mediabank/osn-12-2019.pdf>

*** <https://rosinfostat.ru/pensii/>

**** https://aif.ru/politics/russia/skolko_chinovnikov_v_rossii_infografika

а кем же они будут управлять и зачем государству столько управленцев при отсутствии квалифицированных работников производственной сферы.

Очевидно, что на данном этапе экономического и политического развития нашего государства невозможны кардинальные изменения в социальной политике, поскольку высшее руководство то же относится к категории работников государственных органов и вряд ли без сильной политической воли будет принято решение о кардинальном реформировании государственных структур.

Надлежащее использование бюджетных средств должно обеспечиваться, в том числе и эффективностью антимонопольного законодательства. Нагрузка на бюджет ложиться не только в виде выплаты заработной платы, но и расходов по обеспечению деятельности государственных органов и закупки товаров, работ, услуг, которые должны быть оптимальными и не избыточными для обеспечения работы государственных органов.

УДК 349.2

Научная специальность — 12.00.05

Ногайлиева Фатима Курмановна

ассистент кафедры трудового и социального права

Санкт-Петербургского государственного университета

Контакты: ул. 22-я линия В.О., д. 7, Санкт-Петербург, Россия, 199106

САМОРЕГУЛИРОВАНИЕ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ТРУДА: НОВЕЙШИЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Nogaylieva Fatima

ассистент кафедры трудового и социального права

Saint-Petersburg State University

SELF-REGULATION IN THE FIELD OF SAFETY AND HEALTH PROTECTION: THE LATEST LEGISLATIVE INITIATIVES

Abstract. The subject of the article is the legal mechanism of the employer's duty to provide a safety and health protection. The goal is the legal assessment of new regulatory approaches to introducing the self-regulation in the area concerned. The study was conducted with general and special methods of legal science; the main points of this research should be reflected in the future act on self-regulation in the field of

safety and health protection. The results can be used to improve existing legislative initiatives and to continue a systematic regulation of safety and health protection.

Key words: safety and health protection, safe working conditions, occupational injuries, labor protection specialists, accreditation, self-regulatory organizations, self-regulation.

1. Введение. Для России характерен высокий уровень производственного травматизма и смертности от несчастных случаев на производстве. Ежегодно Росстат фиксирует положительную динамику сокращения общего числа несчастных случаев на производстве, однако их число в наиболее травмоопасных отраслях (промышленное производство и строительство) из года в год остается неизменным [6]. Кроме того, согласно методикам Международной организации труда, истинным показателем организации системы охраны труда в государстве является число несчастных случаев на производстве с летальным исходом на 100 тысяч трудоспособного населения (показатель, который работодателю практически невозможно скрыть от контролирующих государственных органов). Этот показатель в России не мал: в год на 100 тысяч работников приходится шесть погибших от несчастных случаев на производстве, в то время как для большинства стран Евросоюза показатель варьируется в пределах от нуля до трех [8].

С одной стороны, эти цифры означают собой финансовое бремя для государства, призванного обеспечивать меры социальной поддержки пострадавшим работникам или их иждивенцам. С другой стороны, за этими показателями стоят неблагоприятные экономические последствия и для работодателей. Во-первых, работодатель и/или лицо, на которое возложены обязанности по соблюдению требований охраны труда могут быть привлечены к административной ответственности (ст. 5.27.1 Кодекса об административных нарушениях РФ), а должностные лица — к уголовной ответственности (ст. 143 Уголовного кодекса РФ). Во-вторых, работодатель, являющийся страхователем в отношениях по обязательному социальному страхованию, лишается скидки к страховому тарифу, исходя из которого уплачиваются страховые взносы, наоборот, получая надбавку до 40% (ст. 22 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»). Наконец, принципиально то, что даже после прохождения работодателем через процедуры государственных проверок

и привлечения к ответственности сходные или иные несчастные могут повториться вследствие недостаточной информированности и компетентности в отношении производственных рисков.

Исследователи в данной отрасли отмечают в числе причин невыполнения или ненадлежащего выполнения работодателем обязанности по созданию безопасных условий труда *низкую профессиональную подготовку специалистов по охране труда* и, как следствие, некачественное оказание ими услуг (по гражданско-правовым договорам) или выполнение трудовых функций (при работе по трудовому договору) [5, с. 66; 7, с. 75]. Снижение квалификации специалистов по охране труда и падение престижа данной профессии являются следствием несбалансированного правового регулирования требований к специалистам и допуска к профессиональной деятельности. В профессиональном сообществе специалистов по охране труда уже несколько лет высказываются предложения о необходимости введения механизма саморегулирования, устанавливающего стандарты и правила ведения деятельности в области охраны труда [1, с. 10; 2, с. 13–14; 3, с. 568]. В настоящий момент можно засвидетельствовать наличие добровольного саморегулирования — объединений профессионалов отрасли (Ассоциация СРО «Объединение организаций, оказывающих услуги в области труда», Ассоциация СРО «Единый центр специалистов по охране труда», Партнерство СРО НП «НООБОТ», Национальная ассоциация профессиональных объединений в сфере охраны труда «Профтруд»). Их опыт успешной деятельности внёс в повестку необходимость внедрения нового механизма допуска к профессиональной деятельности в сфере охраны труда — саморегулирования. Таким образом, в настоящей статье ставится и предлагается решение проблемы несоответствия существующего уровня профессиональной квалификации и качества услуг по охране труда цели обеспечения безопасных условий труда. Целью статьи является обоснование возможности применения саморегулирования как правового средства повышения культуры охраны труда и сокращения производственного травматизма. В числе задач анализа действующего механизма аккредитации организаций в области охраны труда и его влияния на бизнес; критический обзор проекта федерального закона о введении саморегулирования в области охраны труда; разработка принципиальных положений, которые должны быть учтены для соблюдения баланса прав и законных интересов всех участников правоотношений по охране труда.

2. Действующий порядок: аккредитация участников рынка услуг в области охране труда. Российское трудовое законодательство возлагает на работодателя обязанности по обеспечению безопасных условий и охраны труда. Согласно ст. 217 Трудового кодекса РФ, в целях обеспечения соблюдения требований охраны труда, осуществления контроля за их выполнением:

- работодатель, численность работников которого превышает 50 человек, создает службу охраны труда или вводит в штат должность специалиста по охране труда, имеющего соответствующую подготовку или опыт работы в этой области;
- работодатель, численность работников которого не превышает 50 человек, принимает решение о создании службы охраны труда или введении должности специалиста по охране труда с учетом специфики своей производственной деятельности.

При отсутствии у работодателя службы охраны труда, штатного специалиста по охране труда их функции осуществляют:

работодатель — индивидуальный предприниматель (лично), руководитель организации, другой уполномоченный работодателем работник,

либо организация или специалист, оказывающие услуги в области охраны труда, привлекаемые работодателем по гражданско-правовому договору.

При этом организации, оказывающие услуги в области охраны труда, подлежат *обязательной аккредитации*. Перечень услуг, для оказания которых необходима аккредитация, правила аккредитации, включающие в себя требования аккредитации, которым должны соответствовать организации, порядок проведения контроля за деятельностью аккредитованных организаций установлены Приказом Минздравсоцразвития России от 01.04.2010 № 205н «Об утверждении перечня услуг в области охраны труда, для оказания которых необходима аккредитация, и Правил аккредитации организаций, оказывающих услуги в области охраны труда». В отношении данного документа может быть высказан целый ряд замечаний, которые не отвечают целям аккредитации и отрицательно сказываются на деятельности работодателей:

1) в п. 4 Правил аккредитации указано, что аккредитация организации, оказывающей услуги в области охраны труда, осуществляется *в уведомительном порядке*. При этом организации достаточно лишь

подтвердить, что на день подачи заявления она не находится в процедурах банкротства или ликвидации, что в отношении нее отсутствуют решения об административном приостановлении ее деятельности. Эти обстоятельства не могут служить критерием при определении компетентности организаций на оказание услуг в области охраны труда. Равно как нельзя считать достаточным требованием установленную Правилами аккредитации обязанность организации иметь справочную базу действующих нормативных правовых актов и справочной документации по охране труда;

2) организация, предполагающая осуществление функции службы охраны труда дополнительно подтверждает наличие у своих специалистов документов о высшем профессиональном образовании и стажа работы в области охраны труда (п. 6 Правил аккредитации). Принципиально верное положение не достигает цели верификации компетентности специалистов, поскольку нормативно не закреплены ни требования к специальности высшего образования, ни продолжительность стажа;

3) организация, предполагающая осуществление функции по обучению работодателей и работников вопросам охраны труда дополнительно предоставляет сведения о программах такого обучения и используемых учебно-методических материалах (п. 8 Правил аккредитации). По причине отсутствия экспертного контроля за содержанием программ обучения и материалов на практике обесценило результаты такого обучения. Организации зачастую не актуализируют содержание программ, стремятся к их упрощению, удешевлению в ущерб качеству обучения. В то же время и работодатели, стремясь к сокращению издержек на обучение и не имея реальной мотивации к повышению качества управления охраной труда, приобретают услуги у некомпетентных участников рынка «для галочки»;

4) наконец, п. 2 Правил аккредитации, декларируя в качестве цели обеспечение гарантий ответственности организаций перед заинтересованными лицами — получателями услуг в области охраны труда, не содержит ровным счетом никаких механизмов привлечения к какому-либо виду ответственности.

Таким образом, существующая сегодня система допуска и осуществления профессиональной деятельности в области охраны труда характеризуется следующими признаками:

1). Отсутствует контроль за организациями, оказывающими услуги в области охраны труда.

2). Отсутствует организованная система повышения качества услуг в области охраны труда и учета мнения профессионального сообщества.

3). Механизм аккредитации не распространяется на допуск специалистов к профессиональной деятельности по охране труда, а потому не установлены обязательные требования к специалистам, уровню квалификации. Работодатели не заинтересованы в соблюдении норм и требований охраны труда, а значит, и в создании мотивации для качественного и высокопрофессионального исполнения специалистами по охране труда своих обязанностей.

Отметим отдельно еще одно важное обстоятельство. В России, согласно реестру Министерства труда и социальной защиты РФ на март 2020 г., осуществляют деятельность 3307 организаций, оказывающих услуги по обучению работодателей и работников; 1101 организация, выполняющая функции службы охраны труда; 396 организаций, оказывающие оба вида услуг. Федеральные инспекции труда не способны работать с каждой из этих организаций (влияющих в свою очередь на охрану труда у сотен тысяч работодателей), осуществляя аудит их деятельности и предупредительный надзор. Ограниченность государственных контрольных ресурсов приводит к тому, что конкретные нарушения и упущения в управлении охраной труда у работодателей обнаруживаются только по факту уже произошедших несчастных случаев на производстве.

3. Законопроект о саморегулировании деятельности в области охраны труда. Проект Федерального закона о внесении в ТК РФ норм о саморегулировании деятельности в области охраны труда был разработан летом 2019 г. совместно Ассоциациями СРО «Объединение организаций, оказывающих услуги в области труда» и СРО «Единый центр специалистов по охране труда», пройдя затем ряд публичных обсуждений и презентаций на ключевых профессиональных площадках [4].

Разработчики законопроекта предлагают дополнить ТК РФ главой о саморегулируемых организациях в области охраны труда, установив два их вида: 1) объединение юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, оказывающих услуги по гражданско-правовым договорам; 2) объединение специалистов в области охраны труда, занятых по трудовым договорам у своих работодателей. В одном случае такие некоммерческие организации будут объединять субъектов предпринимательской деятельности, во втором — субъектов профессиональной деятельности в области охраны труда.

Преимуществами этого механизма по сравнению с аккредитацией являются его комплексность, широкий охват регулируемых вопросов, подробные требования, права и обязанности субъектов отношений. Так, саморегулируемая организация утверждает обязательные стандарты предпринимательской или профессиональной деятельности, осуществляет контроль за их соблюдением. Проектом предусмотрено создание «головного центра» для всех СРО — Национального объединения саморегулируемых организаций, которое принимает на себя большую часть государственных контрольных функций, ныне фактически не осуществляемых. Наконец, впервые нашел разрешение вопрос, касающийся возмещения вреда вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения членом СРО функций в области охраны труда. Однако, если обратиться к тексту проекта федерального закона, обнаруживается, что он идентичен положениям гл. 6.1 Градостроительного кодекса РФ, что само по себе не служит свидетельством его непригодности для регулирования отношений в области охраны труда. Вместе с тем моделирование этих отношений в соответствии с предлагаемыми нормами заставляет усомниться в достижимости того экономического и правового эффекта, на который рассчитывают работодатели.

4. Предложения по рационализации правового регулирования. Саморегулирование, развитие которого было закреплено в Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ в качестве одного из приоритетов государственной политики, получает в России распространение во многих сферах. Рассмотренный законопроект уникален тем, что предлагаемые изменения не насаждаются извне, а явились результатом естественного развития фактических отношений, образовались «снизу». Это обстоятельство может послужить гарантией реального действия и эффективности института саморегулирования. Признавая возможность использования и иных способов рационализации правового регулирования (например, существенная доработка действующей сейчас процедуры аккредитации), тем не менее считаем разумным оттолкнуться в рассуждениях от исходной идеи о наибольшей продуктивности в нынешних условиях введения именно механизма саморегулирования.

В отношении предложенного законопроекта возможно высказать ряд принципиальных положений как по форме, так и по содержанию. Что касается формы, т. е. введения в ТК РФ новой главы о саморегу-

лировании, то она представляется неудачной. Дело в том, что правовой институт охраны труда традиционно был урегулирован в российском праве отдельным законодательным актом. Поэтому дополнение ТК РФ новой (весьма объемной) главой вдобавок к уже имеющемуся чужеродному элементу в виде раздела об охране труда существенно усложнит обращение как к самому ТК РФ, так и в нормам об охране труда. К тому же, законопроект содержит в себе нормы различной отраслевой принадлежности, а потому отсутствуют и логические основания для их включения к ТК РФ. Гораздо более продуктивным и верным с точки зрения юридической техники будет принятие отдельного федерального закона — о саморегулировании в области охраны труда или об охране труда, включая нормы о саморегулировании.

В отношении содержания законопроекта остановимся на нескольких важных положениях, которые не должны оставаться вне поля зрения работодателей и законодателя.

1. Создание условий для улучшения состояния охраны труда. В законе должна быть гарантирована возможность учета плюрализма форм хозяйствования, т. е. интересов всех разновидностей работодателей и способов реализации способностей работников к труду: различные условия применения труда; профессиональные, квалификационные и личностные различия работников; особенности территорий, на которых расположены учреждения и предприятия; специфика производственной деятельности работодателя. Иными словами, единые положения и стандарты, принятые Национальным объединением для всех СРО по усредненному шаблону, могут оказаться губительными и неприменимыми в целых отраслях экономики.

2. Повышение заинтересованности работодателя в сотрудничестве с СРО. Во введении нами были отмечены негативные стимулы для работодателя к соблюдению норм охраны труда, но их бывает недостаточно. А одностороннее императивное требование направлять своих работников для членства в СРО или приобретать услуги только в организациях-членах СРО вовсе может быть воспринято как вмешательство в хозяйственную деятельность, а всё управление охраной труда рискует оказаться в «сером» секторе услуг.

Представляется, что закон должен предусмотреть и позитивные меры, стимулирующие работодателя к созданию надлежаще организованной системы охраны труда. В качестве такого можно использовать уже упоминавшийся инструмент скидки к страховому тарифу

на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний. При этом необходимо будет обозначить, что одним из условий для получения скидки будет являться наличие штате у страхователя специалиста по охране труда, имеющего выданный в установленном порядке сертификат СРО либо наличие у страхователя договора на осуществления деятельности по охране труда с организацией или индивидуальным предпринимателем, являющимися членами СРО.

Это означает, что СРО или Национальному объединению предстоит решить ряд задач: а) уточнить по видам экономической деятельности действующий профессиональный стандарт специалиста в области охраны труда; б) инициировать пересмотр системы подготовки таких специалистов (подробнее — ниже); в) принять на себя функцию компетентных органов, обладающих полномочиями осуществлять допуск к профессиональной деятельности.

Кроме того, экономические и производственные факторы отдельных предприятий возможно будет учесть, указав, что вышеизложенные положения на них не распространяются (например, атомные электростанции, военные предприятия и т. п.), поскольку в отношении них действует специальный порядок обеспечения правил по охране труда и технике безопасности.

3. Подготовка специалистов в области охраны труда. Специализация в области охраны труда предполагает получение определенных профессиональных знаний, а сферу компетенции специалиста, необходимо увязывать с типом хозяйствующего субъекта (производственное или непроизводственное предприятие), его специализацией (от хлебозавода до производства тяжелых экскаваторов), местом осуществления деятельности. В настоящее время действует Профессиональный стандарт специалиста в области охраны труда, утв. Приказом Минтруда РФ от 4 августа 2014 г., который этих обстоятельств не учитывает. По его смыслу он рассчитан на все виды экономической деятельности, а потому является абстрактным документом, не прибавляющим конкретики к знанию о трудовых функциях по охране труда. Если провести образное сравнение с подготовкой учителей или филологов, то ситуация схожа с тем, если бы вуз выдавал им просто диплом педагога или филолога, без подготовки и указания на специализацию.

Поэтому вслед за специализацией саморегулируемых организаций следует вести речь и о специализированной выработке профессио-

нальных стандартов специалистов по охране труда в соответствующей области хозяйственной деятельности, в которой СРО должны принимать активное и непосредственное участие.

Что касается организации подготовки специалистов в области охраны труда, то она может быть возложена на члена СРО, который имеет возможности и инициативу организовать учебный центр, оснащенный материалами и техническими средствами, а также обладающий персоналом преподавателей. Помимо создания одним из членов СРО учебного центра, возможно возложить функции обучения на одного из членов СРО; создать самостоятельное юридическое лицо, специализированное на осуществлении профессиональной подготовки, или центры профессиональной подготовки в кооперации с государственными структурами, осуществляющими переподготовку кадров в рамках программ по обеспечению занятости и т. д.

Самостоятельной (и завершающей) стадией подготовки специалиста в области охраны труда может стать прохождение квалификационного экзамена с выдачей соответствующего сертификата.

4. Ответственность в сфере отношений по охране труда. В законопроекте предложено введение солидарной ответственности СРО по обязательствам своих членов, возникшим вследствие причинения вреда в определенных случаях. Если же СРО прекратила свое существование, солидарным должником выступает соответствующее Национальное объединение СРО.

Напомним, что, согласно ст. 322 ГК РФ, солидарная обязанность (ответственность) или солидарное требование возникает, если солидарность обязанности или требования предусмотрена договором или установлена законом, в частности *при неделимости предмета обязательства*. Обязанности нескольких должников по обязательству, связанному с предпринимательской деятельностью, равно как и требования нескольких кредиторов в таком обязательстве, являются солидарными, если законом, иными правовыми актами или условиями обязательства не предусмотрено иное. Таким образом, квалифицирующим обстоятельством при возникновении солидарной ответственности является наличие обязательства, связывающего кредитора и должников (например, это происходит при договоре поручительства или при определении ответственности участников полного товарищества в непогашенной товариществом части долга).

Во-первых, СРО, объединяющее специалистов по охране труда по профессиональному принципу (работающих по трудовому договору), вовсе не может быть субъектом какой-либо ответственности, поскольку она не связана какими-либо обязательствами с хозяйствующим субъектом, претерпевшим вред вследствие виновных действий специалиста — работника этого хозяйствующего субъекта, несмотря на то, что этот специалист является членом такого. Работник же будет отвечать только в соответствии с нормами трудового законодательства, а СРО — лишь в случае наличия гражданско-правового договора с хозяйствующим субъектом, однако заключение такого гражданско-правового договора исключает трудовой договор со специалистом — членом СРО.

Что касается ситуации, когда услуги по охране труда оказываются индивидуальным предпринимателем или коммерческим юридическим лицом, специализирующимися на оказании услуг по охране труда, то обязанность солидарного должника должна возлагаться на СРО законом, которого, сразу отметим, нет. Напротив, определение СРО в качестве солидарного ответчика по коммерческим обязательствам членов противоречит ст. 14 Федерального закона от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях», которая запрещает СРО участвовать в предпринимательской (коммерческой) деятельности. Кроме того, СРО может организовывать *компенсационный фонд* в целях обеспечения обязательств своих членов (ст. 13). Установление солидарной ответственности СРО по обязательствам одного из своих членов означало бы определение в качестве солидарных должников всех членов СРО.

Представляется, что вопрос об ответственности с участием СРО в отношениях по охране труда поставлен преждевременно, а цель компенсации нанесенного вреда может быть достигнута на данном этапе использованием такого инструмента, как компенсационный фонд.

4. Заключение. Действующее правовое регулирование оказания услуг в области охраны труда создает предпосылки снижения общего уровня культуры охраны труда у работодателей, что подтверждается высоким показателем смертности от несчастных случаев на производстве. Система санкций (административная ответственность, надбавки к тарифу страховых взносов) на данном этапе не выполняют

превентивной функции. По этим причинам возникает вопрос о необходимости смены механизмов организации сферы охраны труда на всех этапах от подготовки специалистов и допуска к профессии до детальной стандартизации услуг по охране труда и ответственности за ненадлежащее качество их оказания. Новым механизмом, проявившимся в реальной практике отдельных организаций в области охраны труда, является саморегулирование. Предложенный законопроект о саморегулировании в области охраны труда содержит комплекс правовых средств, способных решить имеющиеся сегодня проблемы. Вместе с тем законопроект не свободен от недостатков, в статье предложены направления совершенствования правового регулирования по наиболее принципиальным моментам деятельности саморегулируемых организаций и взаимодействия с получателями услуг в области охраны труда.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Абрамов Н.Р. Саморегулировщики. Что может дать саморегулирование в области охраны труда // Безопасность и охрана труда. 2011. № 2. С. 8–12.
2. Абрамов Н.Р. Саморегулирование в обучении охране труда // Безопасность и охрана труда. 2012. № 2. С. 12–16.
3. Король Ж.В. Корпоративные требования нефтяных компаний России к подрядчикам в области безопасности труда и охраны здоровья // Экономика и предпринимательство. 2013. № 5 (34). С. 566–570.
4. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части саморегулирования деятельности в области охраны труда».
5. Перягинский А.Ю., Свиридова Т.В., Боброва О.Б. Моделирование системы обеспечения безопасности труда // XXI век: Итоги прошлого и проблемы настоящего. 2018. № 2 (42). Т. 7. С. 64–68.
6. Условия труда. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/working_conditions?print=1 (дата обращения: 5 марта 2020 г.)
7. Эйро Ф. Обучение и повышение квалификации в сфере охраны труда // Охрана и экономика труда. 2011. № 1. С. 75.
8. Statistics on safety and health at work. ILOSTAT. URL: <https://ilostat.ilo.org/topics/safety-and-health-at-work/> (дата обращения: 20 марта 2020 г.).

Сапрыкина Ксения Алексеевна

зам. начальника отдела противодействия
монополистической деятельности и картелям
Управления Федеральной антимонопольной службы
по Ленинградской области

ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ КОНКУРЕНТНОЙ СРЕДЫ В СФЕРЕ ОКАЗАНИЯ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНЫХ УСЛУГ

Saprykina Ksenia

Deputy head of counteraction Department
monopolistic activities and cartels Department of the
Federal Antimonopoly service for the Leningrad region

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF A COMPETITIVE ENVIRONMENT IN THE SPHERE OF HOUSING AND COMMUNAL SERVICES

Abstract: The basis of the strategy of socio-economic extension of the country is long-term planning, the reallocate of resources in appliance with the goals of public management.

To reduce the grade of monopolization of regulated markets, it is necessary to provide an opportunity to overcome industry entry barriers.

In this article the author consider the possibility of developing competition in the field of housing and communal services and ensuring the flow of investment by means of the conclusion of concession agreements.

Keywords: concession, competition, market barriers, development of competition, cogeneration, housing and utilities, concession agreements.

В условиях глобализации одним из главных векторов конкурентной политики является проведение анализа наличия барьеров для входа на отраслевые рынки и создание условий их преодоления. Рынки с низким показателем конкуренции отличаются особенностями ценообразования, обусловленными рыночной силой их участников. Существующая модель управления объектами инфраструктуры основана на монополии унитарных предприятий и дефицитном бюджете таких организаций. Особенность организации деятельности в сфере ЖКХ, обуславливает высокие показатели барьеров входа на данный товарный рынок. К негативным факторам относятся издержки по организации деятельности хозяйствующим субъектом, ограниченные каналы сбыта и политика государственных органов в отношении мелких и средних поставщиков.

Снижение административных барьеров для малого и среднего бизнеса в сфере ЖКХ, а также создание определенных экономических гарантий со стороны государства, может способствовать повышению конкуренции, что, несомненно, влечет стабилизацию динамики цен на жилищно-коммунальные услуги.

Создание условий для конкуренции на товарном рынке повышает инвестиционную составляющую как со стороны отечественного предпринимателя, так и зарубежных инвесторов. Развитие данного направления в жилищно-коммунальной сфере приведет к модернизации хозяйства, а также обеспечит оптимизацию процесса производства.

Различные отраслевые барьеры входа на рынок можно объединить в две основные группы: структурно-технологический и административные.

Уровень жизни населения находится в прямой зависимости от качества и стоимости оказываемых услуг в сфере ЖКХ. При этом организация данной деятельности находится в ведении органов местного самоуправления и является, на сегодня, источником общественного напряжения.

Таким образом, внедрение рыночных механизмов в сферу ЖКХ, развитие конкурентной среды, с сохранением определенной степени административного контроля, представляется необходимым.

Одним из эффективных способов привлечения бизнеса в сферу, относящуюся к исключительному ведению органами власти, является государственно-частное партнерство. К примеру, концессионное соглашение, как один из инструментов ГЧП, позволяет обеспечить защиту инвестору от финансовых рисков, а представителю властной структуры получить модернизированный объект по итогу реализации данного соглашения.

К структурно-технологическим барьерам относятся особенности отрасли, возникающие издержки, потребность в специализированных кадрах и др. В сфере ЖКХ, одним из способов преодоления барьера возможно за счет комплементарности технологий (совместного производства). Данное технологическое решение приводит к уменьшению издержек, оптимизации процесса, а также является сферой применения инновационных способов производства, что позволяет привлечь прямые вливания зарубежного капитала.

Однако, при заключении концессионного соглашения, внедрение комплементарных технологий встречает определенные препятствия.

К примеру, на данном этапе, законодатель строго разграничил регулирование деятельности относительно объектов электрохозяйства и объектов, производящих тепловой энергоноситель, п. 10 и 11 ч. 1 ст. 4 Закона о концессии. В силу ч. 21 ст. 39 ФЗ от 21.07.2005 № 115 «О концессионных соглашениях» (ред. от 27.12.2018) запрещено объединение нескольких видов коммунальной инфраструктуры в рамках одного концессионного соглашения.

Согласно сложившейся судебной практике объединение в один лот нескольких объектов инфраструктуры, которые технологически не связаны между собой, приводит к ограничению доступа других хозяйствующих субъектов на различные товарные рынки оказания коммунальных услуг.

Данное толкование норм права ставит под сомнение возможность включения объектов когенерации в предмет концессионного соглашения (Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23.03.2018 по делу № А66–2732/2017).

Когенерация — это единый процесс получения электрической и тепловой энергии [1]. Внедрение объектов когенерации в местные энергосистемы может обеспечить комплексное обслуживание потребителя. При этом, указанное технологическое решение снижает стоимость поставляемой энергии, расход топлива, а как следствие количество побочных продуктов производства, поступающих в окружающую среду.

Законодательное регулирование деятельности объектов когенерации требует существенной доработки: не определены полномочия органов публичной власти, не учтена технологическая специфика получения тепловой и электрической энергии при разработке тарифов, отсутствует возможность прямой поставки тепла и электричества конечному потребителю.

Согласно исследованию, проведенному в рамках разработки программы развития энергетического комплекса России, замена котельных на теплоэлектроцентралях может увеличить генерацию электрической энергии более чем на 50 ГВт*.

Основой для расчета тарифов в сферах тепло — и электроснабжения является показатель необходимой валовой выручки, формирую-

---

* Интернет-портал Росконгресс: [сайт] — Москва, 2011. — обновляется в течение суток. — URL: <https://www.eprussia.ru/> — дата обращения 27.02.2020.

щийся из учтенных расходов, возникших при оказании услуг в соответствующих сферах деятельности.

Исходя из специфики тарифного законодательства, создание объекта когенерации на месте реконструированной котельной, будет относиться к объектам малой генерации. Фактически это означает, что возведенный объект будет осуществлять деятельность только на рынке электроэнергии.

Однако тарифы на поставляемую энергию, приведенные к ценам на мощность и электрическую энергию уже существующих объектов, в соответствующей ценовой зоне, не способны покрывать деятельность местной тепло-электро-централи. Для обеспечения инвестиционной привлекательности таких проектов, необходимо разработать методику, учитывающую одновременное генерирование тепловой и электрической энергии, расчета тарифов на продукты, поставляемые создаваемыми мини-теплоэлектроцентралями.

Исходя из вышесказанного, внедрение механизма концессии для создания объекта когенерации в рамках реконструкции котельных могли бы принести значительный вклад в развитие коммунальных систем, обеспечив решение таких задач как:

- Надежность объектов генерации;
- Увеличение энергоэффективности производства;
- Снижение потерь, ввиду малой удаленности от потребителя;
- Улучшение экологии в микрорайоне.

При этом исходя из особенности прядка реализации концессионного соглашения, возможному инвестору были бы предоставлены реальные гарантии по сохранению вложенных средств, являющиеся значительным преимуществом при осуществлении инновационного проекта.

Таким образом, заключение концессионных соглашений способствует повышению степени положительного взаимодействия государства и коммерческих инвесторов, однако требует особого внимания со стороны как правоприменителей, так и деятелей в законотворческой сфере.

Для снижения входных барьеров в сфере жилищно-коммунального хозяйства необходимо совершенствование положений действующего законодательства и устранение противоречий в уже существующих нормативных правовых актах, между основными отраслевыми законами в первую очередь.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Голышев Г.А. Развитие инфраструктуры с использованием концессионных соглашений и долгосрочных инвестиционных контрактов // Финансовая аналитика. 2015.

УДК 347.133

Научная специальность — 12.00.03

Яковлев Олег Константинович

аспирант кафедры гражданского
и корпоративного права СПбГЭУ

К ВОПРОСУ ОБ АЛЕАТОРНОМ ХАРАКТЕРЕ СДЕЛКИ КУПЛИ-ПРОДАЖИ КРИПТОВАЛЮТЫ

Yakovlev Oleg

graduate student of the department of civil and corporate law
Saint Petersburg State University of Economics

TO THE QUESTION OF THE ALEATORY NATURE OF THE CRYPTOCURRENCY SALE TRANSACTION

Abstract. The article is devoted to the problem of the aleatory nature of the cryptocurrency sale transaction. The Central Bank of the Russian Federation policy on virtual assets is reviewed. The concept of an «aleatory transaction» is investigated. Various approaches of civil law scientists to risky transactions are considered. A comparison of the signs of an aleatory transaction and a cryptocurrency sale transaction has been carried out. The conclusion is made about the absence of an aleatory element in the sale transaction of virtual assets.

Key words. Cryptocurrency, aleatory transaction, Central Bank of the Russian Federation, conditional transaction, risk, judicial defense.

С момента зарождения криптовалюты официальные публично-правовые институты и, в особенности, денежно-кредитные регуляторы различных стран, относились к ней настороженно, со значительной долей скепсиса, призывая граждан и юридических лиц воздерживаться от инвестирования в подобного рода активы.

Не стал исключением и Центральный банк Российской Федерации. Так, в информационном письме от 27.01.2014* регулятор обратил вни-

---

* Информация Банка России от 27.01.2014 "Об использовании при совершении сделок "виртуальных валют", в частности, Биткойн".(криптовалют)».

мание потенциальных инвесторов на то, что виртуальные валюты ничем не обеспечены, носят суррогатный характер, могут быть использованы для финансирования терроризма или легализации доходов, полученных преступным путем, и, в целом, могут попадать под категорию сомнительных операций. Эту позицию ЦБ РФ последовательно поддерживает по настоящее время, подтвердив ее еще раз в письме от 04.09.2017*. К уже упомянутым рискам добавились также следующие аргументы: резкие колебания курса обмена криптовалюты, технологические риски при их выпуске и обращении, риски финансирования ICO, невозможность защиты прав потребителей «финансовых услуг».

Как стало недавно известно, ЦБ РФ собирается существенно расширить перечень операций, являющихся «сомнительными»: в подобных случаях банк может приостановить транзакцию или же вообще отказать в ее проведении. К числу таких транзакций будут отнесены также сделки, связанные с приобретением или продажей виртуальных активов [5] (по всей видимости, имеются ввиду в том числе криптовалюты).

Таким образом, в настоящий момент можно говорить о том, что права инвесторов в криптовалюты на территории РФ никак не защищаются. Активы подобного рода до сих пор (пока не принят закон «О цифровых финансовых активах») находятся в так называемой «серой» зоне, регулируемой общим правилом диспозитивности («разрешено все то, что прямо не запрещено законом»). Поэтому, необходимо поставить вопрос о том, справедливо ли отнесение действий по покупке/продаже биткоина или любой другой криптовалюты к сделкам с рисковым элементом (алеаторным сделкам). Как указывает Е.Н. Абрамова «возможность заключения сделки определенного вида в настоящее время не регламентирована относительно криптовалюты, но анализ сложившихся фактически общественных отношений, которые и призвано регулировать право, позволяет сделать вывод, что она выступает предметом таких сделок, предметом которых может быть вещь» [2]. Таким образом, совершаемые действия по покупке и продаже, например, биткоина, будет справедливо рассматривать как сделку купли-продажи.

---

* Информация Банка России от 04.09.2017 "Об использовании частных "виртуальных валют" (криптовалют)".

Прежде всего, необходимо выяснить, что в законодательстве и научной литературе понимается под термином «алеаторная сделка». ГК РФ не содержит ни определения алеаторной сделки, ни упоминания данного термина на своих страницах. В цивилистике выделяют несколько основных подходов к пониманию сущности алеаторной сделки.

Так, Б.М. Гонгало определяет алеаторную сделку как сделку, в которой объем и соотношение взаимных исполнений не вполне известны сторонам и не могут быть четко определены в момент заключения сделки [4, с. 140]. Ученый обращает наше внимание на то, что исполнение, его объем и соотношение будут зависеть от обстоятельств, относительно которых неизвестно, наступят они или нет. Таким образом, можно сделать вывод, что данный автор относит алеаторные сделки к разновидности условных сделок. В качестве примеров подобных сделок, он приводит договор страхования (объем предоставления зависит от того, наступит страховой случай или нет), договор пожизненной ренты (получатель ренты долго не умирает и сумма выплаченных рентных платежей превысила стоимость имущества). Аналогичной позиции придерживается и К.П. Победоносцев [6, с. 25, 523].

Представляется, что подобный подход, хотя и является не противоречащим сути явления, тем не менее, не раскрывает его в полной мере. Основной проблемой видится сложность в установлении критерия разграничения алеаторных сделок от обычных условных сделок.

Г. Райнер обращает внимание на другой аспект алеаторной сделки — ее заключение ради выгоды одной из сторон (причем в момент заключения сделки, неизвестно, какой именно стороны). Именно этот фактор неопределенности несет решающее значение, а его утрата делает заключение самой сделки бессмысленной [8, с. 12, 28]. Вместе с тем, указанный фактор также относится к категории «условий», поскольку делает акцент на решающую роль события с неизвестной степенью вероятности.

Однако, не все авторы согласны с отнесением алеаторных сделок к категории условных. Так, В.И. Серебовский отмечает их различие, говоря о том, что само существование условной сделки зависит от наличия условия, действительность же алеаторной сделки не зависит от наступления условия, которое лишь определяет, какая из сторон получит выгоду по сделке в итоге [9, 339–340].

Е.Г. Ханакеева выделяет следующие отличия алеаторных сделок от условных:

1. Условие в сделке является дополнительным волеизъявлением и не совпадает с ее основным содержанием;

2. Размер встреченного предоставления по условной сделке четко определен, а в алеаторной сделке является «плавающим», представляет лишь шанс с неизвестной степенью его воплощения в реальность;

3. В условной сделке главным является существо договора, а в алеаторной сделке — риск;

4. Условная сделка пользуется судебной защитной, а алеаторная — нет [10].

Указанные выводы представляются нам вполне обоснованными, они позволяют выделить основные характеристики алеаторной сделки более подробно, нежели это сделано иными цивилистами. Преимуществом также является разграничение алеаторной сделки от иных типов сделок. Следовательно, для уяснения того, является ли сделка по приобретению/продаже криптовалюты алеаторной, необходимо рассмотреть ее в контексте указанных критериев.

В настоящее время законодателем не введено ни понятия «виртуальные активы» или «криптовалюта», ни дополнительные ограничения по кругу субъектов, которые могут совершать сделки купли-продажи подобных активов. Таким образом, круг участников сделок по приобретению и отчуждению криптовалют максимально широк — любые физические и юридические лица.

Сделка купли-продажи криптовалюты может преследовать несколько основных целей — это ее владение ею с целью долгосрочного инвестирования и получения пассивного дохода в виде процентов (так называемый стекинг криптовалют [7], процесс, схожий с получением процентов по банковскому вкладу или же выплатой дивидендов по акциям), либо покупка в спекулятивном интересе (дальнейшей ее продажи с целью заработать на разнице с курсом покупки), либо с целью покупки товаров и оплаты услуг криптовалютой (редко). Представляется, что до тех пор, пока законодателем четко не определен правовой статус криптовалюты и токенов (являются ли они ценными бумагами, товаром, иным имуществом или же еще чем-либо), ответить на вопрос о содержании сделки с криптовалютой однозначно нельзя.

В соответствии со ст. 140 ГК РФ единственным законным платежным средством на территории России является рубль. Согласно ФЗ о Центробанке РФ выпуск денежных суррогатов при этом запрещен. Таким образом, исходя из действующего законодательства,

криптовалюту нельзя использовать с целью приобретения товаров/услуг, но можно хранить с целью спекуляции или получения процентов. В законопроекте № 373641–7 «О внесении изменения в статью 140 Гражданского кодекса Российской Федерации» содержится понятие крипторубля — аналога рубля, который также является законным платежным средством. Вместе с тем, указанный законопроект был возвращен инициатору в марте 2018 года и по настоящее время дальнейшего развития не получил. При этом, как отмечает Е.Н. Абрамова, следует также отметить «такое отличие криптовалюты от денег, а значит, и от денежных суррогатов, как отсутствие лица, осуществляющего выпуск денежных знаков (эмитента)» [1], поскольку эмиссия криптовалюты осуществляется децентрализованно.

Представляется разумным предположить, что большинство субъектов гражданско-правовых отношений приобретают криптовалюту с целью спекуляции. Вместе с тем, посредники при купле-продаже криптовалюты (например, биржи или обменники) также преследуют цель получения выгоды с комиссии за сделку.

Стоит обратить внимание, что размер встречного предоставления в сделке купли-продажи криптовалюты всегда четко определен. Покупатель отдает определенное количество фиатной валюты с банковской карты или же иным образом (рубли, доллары, евро и т. д.), а получает заранее оговоренное количество валюты виртуальной (биткоин, эфириум, риппл и т. п.), перечисляемой продавцом на криптовалютный кошелек покупателя. Иной подход означал бы недобросовестное поведение контрагентов.

Является ли риск главной составляющей сделки с криптовалютой? Как показано выше так происходит не всегда. Это верно лишь для покупателя-спекулянта, желающего заработать на росте курса. Для такого субъекта, отсутствие волатильности курса криптовалюты означает бессмысленность заключенной сделки. В то же время, для продавца или посредника изменение стоимости актива значения не имеет, так как его основной целью является немедленное получение выгоды по сделке (фиатные деньги, комиссия).

Последний вопрос — должны ли сделки с криптовалютами пользоваться судебной защитой? Согласно п. 1 ст. 1063 ГК РФ требования граждан и юридических лиц, связанные с организацией игр и пари или с участием в них, не подлежат судебной защите. Введение этой нормы законодателем в ГК обычно объясняется представителями ци-

вилистической науки через призму отсутствия социальной пользы подобных отношений. Здесь стоит обратить внимание на мнение А.Г. Федотова, который критикует указанное положение, замечая, что ««вредные» отношения превращаются в «полезные», если государство имеет в этом фискальный интерес» [11]. Имеются ввиду значительные налоговые поступления в казну государства от игорного бизнеса.

Справедливо ли будет применить подобную норму по аналогии к сделкам с криптовалютой? Поскольку выше было указано, что не для всех участников сделок с цифровыми активами риск является главной составляющей, а социальная польза таких сделок может быть выражена, в том числе, в виде дополнительного налогообложения, полагаем, что такое применение будет некорректно. Более разумным представляется применение по аналогии п. 2 ст. 1062 ГК РФ, когда судебная защита для сделки с деривативами предусмотрена, если одной из сторон является юридическое лицо, имеющее лицензию, которая позволяет заключать сделки на бирже.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. ЦБ РФ относит сделки, связанные с приобретением или продажей виртуальных активов, к высоко рискованным инструментам со значительной степенью «сомнительности». Тем не менее, проведенный анализ показывает, что подобные сделки не попадают под понятие сделок с рискованым элементом (алеаторных сделок).

2. Для дальнейшего анализа поставленной проблемы и введения соответствующего правового регулирования необходимо закрепить в законодательстве понятие «криптовалюта». При этом не стоит заикливаться исключительно на формулировке. Гораздо важнее принять тот факт, что право может регламентировать любые отношения, вне зависимости от их технологической сложности, даже без непосредственного упоминания института в законодательстве [3]. Поэтому, с практической точки зрения, в первую очередь необходимо понять, будут ли введены требования к специальной правоспособности субъектов, имеющих право на покупку или отчуждение виртуальных активов (требуется ли подобная деятельность лицензии).

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Абрамова Е.Н. Дискуссии о правовой природе криптовалюты // Право и современная экономика: сборник материалов I Международной научно-практической конференции юридического факультета СПбГЭУ. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. С. 53.

2. Абрамова Е.Н. К вопросу о соотношении электронных денег и криптовалюты // Журнал «Конкурентное право». 2019, № 3. С. 18–22.
3. Абрамова Е.Н. К вопросу о формировании правовой парадигмы цифровой экономики // Право и современная экономика: новые вызовы и перспективы: сборник материалов II научно-практической конференции с международным участием юридического факультета СПбГЭУ. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2019. С. 163.
4. Гонгало Б.М. Гражданское право. Том 1. Статут. 2018.
5. Кошкина Ю., Чернышева Е. ЦБ впервые за восемь лет изменит основания для блокировки счетов // <https://www.rbc.ru/finances/17/02/2020/5e46d18c9a7947711d96cd2>
6. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Том 3. Зерцало, 2003.
7. Привалов А. Что такое стекинг криптовалют? // URL: <https://cryptochill.ru/chto-takoe-staking-kriptovalut/#i>
8. Райнер Г. Деривативы и право. М., 2005.
9. Серебровский В.И. Избранные труды. М., 1997.
10. Ханакеева Е.Г. Соотношение алеаторных и условных сделок: теоретический аспект // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2009. № 1.
11. Федотов А.Г. Игры и пари в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2011. № 2.

УДК 347.441.44

Научная специальность — 12.00.03

Ячменев Юрий Васильевич

профессор кафедры правоведения СЗИУ РАНХиГС
доктор юридических наук, профессор

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЛИДАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ТАМОЖЕННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ И ДЕКЛАРАНТОВ

Yachmenev Yuri

Professor of the Department of Law of The North-West Institute of
management of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Doctor of Law, Professor

ACTUAL PROBLEMS OF SOLIDAR RESPONSIBILITY OF CUSTOMS REPRESENTATIVES AND DECLARANTS

Abstract: The article discusses current issues of bringing customs representatives to joint liability for customs payments along with declarants on whose behalf these representatives act. With the adoption of the Customs Code of the Eurasian Economic Union and the new Federal Law “On Customs Regulation”, the grounds for the release of customs representatives from joint liability were amended. This study presents an analysis of current jurisprudence on this subject.

Keywords: customs representative, declarant, liability, joint liability, joint obligation, customs payments, release from liability, proof.

В отечественной цивилистической доктрине и современном гражданском законодательстве признается, что число участников обязательства не является исчерпывающим перечнем двух лиц (должник-кредитор). Гражданским кодексом Российской Федерации (далее — ГК РФ) регламентируются неограниченный круг лиц, участвующих в обязательстве. Так называемое, обязательство с множественностью лиц (должников или (и) кредиторов, — ст. 321 ГК РФ). Среди которых выделяют долевые, солидарные, субсидиарные. Солидарные обязательства (от лат. Solidus — полный, целый) относятся к более сложной разновидности обязательств с множественностью лиц. Данные обязательства характеризуются неделимостью долга (в пассивной множественности) и права требования (в активной множественности) или та и другая (смешанная множественность).

Согласно п. 1 ст. 322 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) солидарная обязанность (ответственность) или солидарное требование возникает, если солидарность обязанности или требования предусмотрена договором или установлена законом.

Одним из примеров установленной законом солидарной ответственности должников выступает ответственность таможенного представителя и декларанта перед государством по уплате таможенных платежей (п. 4 ст. 405 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (далее — ТК ЕАЭС).

Интерес представляет рассмотрение вопроса о наличии исключений из правила о солидарной ответственности таможенного представителя, а также то, как данные исключения реализуются на практике.

Пунктами 5, 6 ст. 405 ТК ЕАЭС предусмотрено, что при наступлении обстоятельств, при которых обязанность по уплате таможенных пошлин, налогов, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин подлежит исполнению, такая обязанность исполняется таможенным представителем солидарно с представляемым им лицом, за исключением случаев, когда исполнение такой обязанности связано:

- 1) с несоблюдением условий использования товаров в соответствии с таможенной процедурой, под которую помещены товары;
- 2) с изменением сроков уплаты таможенных пошлин, налогов в соответствии с главой 8 ТК ЕАЭС;

3) с совершением действий в нарушение целей и условий предоставления льгот по уплате таможенных пошлин, налогов и (или) ограничений по пользованию и (или) распоряжению товарами в связи с применением таких льгот.

При этом законодательством государств-членов могут устанавливаться иные случаи, когда обязанность по уплате таможенных платежей, возникшая солидарно с декларантом, не подлежит исполнению таможенным представителем.

«Иной» случай установлен, например, ч. 7 ст. 346 Федерального закона от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ). Данная норма освобождает таможенного представителя от несения солидарной обязанности по уплате таможенных платежей при соблюдении одновременно двух условий:

1) исполнение обязанности по уплате таможенных платежей связано с использованием при подаче декларации на товары поддельных документов, документов, полученных незаконным путем, документов, не имеющих юридической силы;

2) таможенный представитель доказал, что он не знал и не должен был знать о незаконности перемещения товаров через таможенную границу Евразийского экономического союза, что будет установлено решением суда или таможенного органа.

При этом важно отметить, что в таможенном законодательстве, действовавшем до начала 2018 года (в Таможенном кодексе Таможенного союза 2010 года, Федеральном законе от 27.11.2010 № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации») отсутствовали какие-либо исключения из правила о солидарной ответственности таможенного представителя с декларантом. ТК ЕАЭС вступил в силу с 01.01.2018, а Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ вступил в силу 04.09.2018.

Как следствие, судебная практика по вопросу освобождения таможенного представителя от солидарной ответственности еще до конца не сформировалась, а анализ данной практики представляет вполне обоснованный интерес.

Заслуживает внимания дело № А32—42432/2018, в рамках которого таможенный представитель просил Арбитражный суд признать

недействительными требования Краснодарской таможни об уплате таможенных платежей от 23.03.2018, выставленные таможней в порядке солидарной ответственности с декларантом, применив обратную силу закона (Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.12.2019 по делу № А32–42432/2018).

Таможенный представитель в рамках данного дела рассчитывал, что в отношении него будет применена норма ч. 7 ст. 346 Федерального закона от 03.08.2018 № 289-ФЗ об освобождении от солидарной ответственности ввиду того, что он не знал и не должен был знать о незаконности перемещения товара через границу.

Однако суд отказал в удовлетворении данного заявления, так как требования об уплате таможенных платежей были выставлены в марте 2018 года, а Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ вступил в силу на несколько месяцев позже. Суд указал, что на ч. 7 ст. 346 Закона № 289-ФЗ не распространяются положения ч. 4 ст. 392 Федерального закона от 03.08.2018 № 289-ФЗ об обратной силе закона в части прекращения обязанности по уплате таможенных платежей, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин, пеней, процентов. Аналогичной позиции придерживается судебная коллегия Арбитражного суда Северо-Кавказского округа в постановлении от 30.01.2020 по делу № А61–6487/2018.

Абсолютно иные выводы были сделаны в Решении Арбитражного суда Московской области от 30.10.2019 по делу № А41–68917/19. Таможенный представитель обратился в суд с заявлением об установлении юридического факта того, что таможенный представитель не знал и не должен был знать о незаконности перемещения через таможенную границу Евразийского экономического союза товаров — «ядра кедрового ореха...», задекларированных таможенным представителем по декларациям на товары.

Таможенная стоимость товара была определена и заявлена таможенным представителем на основании документов, предоставленных декларантом (среди которых были контракты между декларантом и поставщиком), в размере 7 долларов США за 1 кг.

В рамках камеральной таможенной проверки, в рамках Соглашения между Красноярской таможней были получены экспортные декларации из КНР, в которых сведения о цене на товар, ввезенный из КНР на таможенную территорию ЕАЭС, составлял 18,10 долларов США за килограмм.

Таможенный представитель в качестве обоснования своей позиции ссылаясь на следующее:

- документы, предоставленные декларантом (контракт, приложения к контракту, инвойс, упаковочный лист, товарно-транспортная накладная, сертификат происхождения для определенных групп товаров), являлись достаточными для совершения таможенных операций и определения таможенной стоимости товаров;
- экспортные декларации не являются обязательными документами для направления и предоставления в таможенный орган и не требуются для целей таможенного оформления;
- расчет таможенных платежей таможенный представитель производит на основании предоставленных документов;
- о том, что в китайских декларациях указана цена ореха 18,1 доллар США, таможенный представитель узнал, только когда началось предварительное расследование в отношении генерального директора декларанта по факту уклонения от уплаты таможенных платежей;
- таможенный представитель на сайте ФТС смотрел статистическую стоимость ореха кедрового очищенного, она была 6–7 долларов США.

Суд столкнулся с вопросом о применении обратной силы закона и сделал вывод о том, что с учетом принципов, закрепленных в ч. 2 ст. 6 (о придании актам законодательства Российской Федерации о таможенном регулировании обратной силы) и ч. 4 ст. 392 Федерального закона от 03.08.2018 № 289-ФЗ (о распространении положений Закона о таможенном регулировании в части прекращения обязанности по уплате таможенных, иных платежей на правоотношения, возникшие до дня его вступления в силу), норма ч. 7 ст. 346 Федерального закона от 03.08.2018 № 289-ФЗ имеет обратную силу и подлежит применению к спорным правоотношениям.

Таким образом, в данном деле суд применил положения ч. 7 ст. 346 Федерального закона от 03.08.2018 № 289-ФЗ и установил факт того, что таможенный представитель не знал и не должен был знать о незаконности перемещения через таможенную границу.

То есть Арбитражные суды разных регионов в один период времени (последний квартал 2019 года — начало 2020 года) принимали пря-

мо противоположные решения в аналогичных спорах в части применения обратной силы закона.

Арбитражный суд Челябинской области в Решении от 28.01.2020 по делу № А76–12175/2019 признал незаконными действия Находкинской таможни, выразившиеся в привлечении таможенного представителя к солидарной обязанности по уплате таможенных платежей на ввиду того, что от заместителя директора организации — декларанта поступила явка с повинной, в которой он сообщил о совершенном им преступлении — умышленном уклонении от уплаты таможенных платежей, которое выразилось в недостоверном декларировании иностранных товаров с использованием коммерческих документов, содержащих недостоверные сведения о стоимости товара.

Причем в данном деле суд практически не требовал от таможенного представителя каких-либо доказательств незнания о недостоверности представленных декларантом документов, а наоборот, обратил внимание на то, что таможенным органом применен формальный подход при наличии информации о том, что таможенный представитель мог и не знать о недостоверности соответствующих сведений

Арбитражный суд Поволжского округа в решении от 24.01.2020 по делу № А65–12015/2019 сделал однозначный вывод о том, что наличие приговора суда о признании учредителя общества (декларанта) виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 194 Уголовного кодекса Российской Федерации, в связи с принятием им решения об использовании при таможенном декларировании товаров инвойсов с недостоверными сведениями о стоимости товара, свидетельствует о том, что таможенный представитель не был осведомлен о преступном умысле декларанта на уклонение от уплаты таможенных платежей и не знал о предоставлении им товаросопроводительных документов с недостоверными сведениями о стоимости товара.

В рамках дела № А56–118766–2019 таможенный представитель просил арбитражный суд признать недействительными уведомления таможни о неуплаченных таможенных платежах ввиду того, что таможенный представитель не знал о том, что товары, заявленные в таможенной декларации, были произведены в стране, отличной от страны, указанной в декларации (в Эстонии, а не в Словацкой Республике) (Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 30.12.2019 по делу № А56–118766/2019). Интересно,

что суд исходил из презумпции достоверности информации, представленной декларантом в ходе таможенного контроля, а бремя опровержения в полной мере возложил на таможенный орган, указав при этом следующее:

- таможей не представлено доказательств того, что таможенный представитель знал или должен был знать о предполагаемой недостоверности заявленных сведений о стране происхождения товаров декларанта, а тем более, что таможенный представитель скрывал данную информацию либо способствовал ее искажению в отношениях с таможенными органами;
- таможей не представлено суду доказательств того, что для подтверждения сведений о стране происхождения товаров таможенным представителем изготовлены и предоставлены поддельные документы, документы, полученные незаконным путем, документы, не имеющие юридической силы, послужившие основанием к неуплате таможенных платежей.

Исходя из решения суда по данному делу, можно сделать вывод о том, что суд в полном объеме возложил бремя доказывания на таможенный орган, предоставив ему возможность доказывать практически недоказуемое, а именно факт незнания таможенным представителем факта предоставления недостоверных документов.

Анализ судебной практики показывает тенденцию, ранее не свойственную для судов: Арбитражные суды в спорах между таможенными органами и таможенными представителями, всё чаще встают на сторону слабой стороны — участника внешнеэкономической деятельности.

В ходе анализа путем произвольной выборки был проанализирован ряд решений, принятых по вопросам:

- признания таможенных требований об уплате таможенных платежей недействительными;
- признания незаконными уведомлений об уплате таможенных платежей.

Заявителями в данных делах выступали таможенные представители, пытавшиеся доказать, что они не должны нести солидарную обязанность по уплате таможенных платежей вместе с декларантами.

В 37,5% случаев суды отказали в удовлетворении требований таможенных представителей, в остальных случаях (62,5%) требования были удовлетворены.

Таким образом судебная практика свидетельствует о том, что нормы ТК ЕАЭС и Федерального закона от 03.08.2018 № 289-ФЗ об освобождении таможенных представителей от солидарной ответственности реализуются по-разному. В каждом отдельном случае суды исходили из конкретных обстоятельств дела: установленных и доказанных фактов. Безусловно, руководствуясь принципами: законности, разумности, добросовестности и, в итоге, справедливости.

Раздел V

СТАТЬИ УЧАСТНИКОВ СЕКЦИИ «ГРАЖДАНСКОГО И КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА»

*Ответственный — зав.кафедрой гражданского и корпоративного права
СПбГЭУ, канд.юрид.наук, доцент В.И. Смирнов*

УДК 347.121.2

Научная специальность — 12.00.03

Гаврилов Евгений Владимирович

консультант юридического отдела
экспертно-правового управления
Законодательного Собрания Красноярского края

ПОЧЕТНЫЕ ГРАМОТЫ, БЛАГОДАРСТВЕННЫЕ ПИСЬМА КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВА СФОРМИРОВАННОЙ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ И ИНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Evgeniy V. Gavrilov

consultant of the legal department of the expert-law department of
the Legislative Assembly of the Krasnoyarsk Territory

HONORABLE CERTIFICATES, GRATEFUL LETTERS AS THE EVIDENCE OF A FORMED BUSINESS REPUTATION IN ENTREPRENEURSHIP AND OTHER ECONOMIC ACTIVITY

Abstract. The presence of a formed business reputation is one of the conditions for the recovery of reputational damage to legal entities. In the article, on the basis of scientific literature and the practice of arbitration courts, such evidence of the formed business reputation in business and other economic activities is considered as honorable certificates, grateful letters. Judicial practice recognizes them as valid evidence of the formation of business reputation in a particular area of business relations.

Key words: business reputation, compensation, reputational damage, legal entities, honorable certificates, grateful letters.

В современных условиях российской экономики и права для юридических лиц огромную роль играет деловая репутация, складывающаяся в их предпринимательской и иной экономической деятельности.

Очевидно, что при нарушении своей деловой репутации юридические лица претерпевают репутационный вред — вред, причиненный их деловой репутации, под которой понимается сложившееся о юридическом лице общественное мнение, основанное на оценке его деловых качеств [5, с. 56].

В современном российском праве отсутствует прямое законодательное закрепление денежной компенсации репутационного вреда, однако, не смотря на это, такой способ защиты является допустимым и реально существует в новейшей судебной практике. Данный тезис подтверждается п. 21 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2017), утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2017, определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18.11.2016 № 307-ЭС16–8923 по делу № А56–58502/2015, определениями Верховного Суда РФ от 27.07.2017 № 306-ЭС17–7583 по делу № А57–29630/2015, от 26.12.2018 № 305-ЭС18–21841 по делу № А40–40306/17–91–380, от 01.04.2019 № 307-ЭС19–2728 по делу № А56–26348/2018, от 07.10.2019 № 310-ЭС19-16768 по делу № А36–2639/2018.

Анализ практики Верховного Суда РФ показывает, что вред, причиненный деловой репутации (репутационный вред) юридических лиц, — это умаление их деловой репутации, которое может иметь следующие формы воплощения:

1) убытки, возникшие вследствие распространения несоответствующих действительности порочащих сведений, умаляющих деловую репутацию юридического лица, т. е. *материальный вред*;

2) иные неблагоприятные последствия в виде утраты юридическим лицом в глазах общественности и делового сообщества положительного мнения о его деловых качествах, утраты конкурентоспособности, невозможности планирования деятельности и др., т. е. *нематериальный вред*. Юридические лица вполне могут испытывать одновременно обе формы репутационного вреда и требовать соответствующую компенсацию [3, с. 3–48].

По мнению Верховного Суда РФ, для взыскания денежной компенсации любого репутационного вреда истец должен доказать не только наступление для него неблагоприятных последствий в результате распространения порочащих сведений, факт утраты доверия к его репутации или ее снижение, но и наличие сформированной репутации в той или иной сфере деловых отношений (промышленности, бизнесе,

услугах, образовании и т. д.), т. е. сформированной деловой репутации в предпринимательской и иной экономической деятельности. Другими словами, для взыскания компенсации репутационного вреда истец (юридическое лицо) среди прочего должен представить доказательства и пояснения, свидетельствующие о том, что до момента нарушения его деловая репутация уже являлась сформированной.

Обращаем внимание, что по логике Верховного Суда РФ для взыскания компенсации репутационного вреда требуется доказать наличие не просто деловой репутации, а именно *сформированной* деловой репутации. *Сформированная* деловая репутация в предпринимательской и иной экономической деятельности, в сфере деловых отношений, в отличие от просто деловой репутации, создается на определенной территории годами, подтверждается временем и степенью известности организации.

К сожалению, указав на *сформированность* деловой репутации как условие компенсации репутационного вреда, Верховный Суд РФ не дал толкование данному явлению, а также не привел критерии и примерный перечень доказательств, подтверждающих сформированность деловой репутации. Отсутствие надлежащих доказательств сформированности деловой репутации является одной из причин отказа в удовлетворении требования о компенсации репутационного вреда (см., например, постановления Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 25.05.2018 № Ф01–1716/2018 по делу № А82–13037/2017, от 09.06.2018 № Ф01–2292/2018 по делу № А28–3455/2017, Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 29.06.2018 № Ф02–2608/2018 по делу № А10–6234/2015, Арбитражного суда Дальневосточного округа от 10.05.2017 № Ф03–1470/2017 по делу № А73–10080/2016, от 27.08.2018 № Ф03–3406/2018 по делу № А73–15683/2017, от 09.08.2019 № Ф03–3121/2019 по делу № А37–2121/2016, Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 23.03.2018 № Ф04–738/2018 по делу № А45–10107/2017, Арбитражного суда Московского округа от 01.02.2018 № Ф05–21448/2017 по делу № А41–16180/2017, Арбитражного суда Уральского округа от 31.05.2018 № Ф09–1041/18 по делу № А60–10904/2017).

Какие критерии и факты влияют на сформированность деловой репутации?

Так, например, С.А. Киракосян и Е.С. Емелина, а вслед за ними и А.В. Михневич, В.И. Благодаров пишут о трех критериях (извест-

ность (узнаваемость), территория, время) [4, с. 20–21]; [6, с. 181]; Н.А. Руденко обозначает три факта (известность, время, большой оборот) [9, с. 46]. С указанными критериями и фактами вполне можно согласиться.

Какими доказательствами подтвердить сформированность деловой репутации в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности?

М.З. Али в качестве примеров таких доказательств называет письма от контрагентов, показания свидетелей, отзывы из сети «Интернет», социологические опросы [1, с. 2]; К.М. Беликова и И.В. Ермакова — совокупность исполненных договоров, рекомендационные письма от контрагентов [2, с. 51–52]; С.А. Киракосян и Е.С. Емелина — публикации в СМИ, патенты, награды, грамоты [4, с. 20–21]; А.В. Михневич, В.И. Благодаров — положительные отзывы и впечатления со стороны контрагентов и клиентов, награды, грамоты, общественная деятельность и т. д. [6, с. 181].

По нашему мнению, к доказательствам сформированной деловой репутации юридического лица следует относить факты, подтверждающие *длительность существования юридического лица и его известность*: отзывы со стороны клиентов и партнеров; публикации об организации, ее руководителях и трудовом коллективе в СМИ; награды, почетные грамоты, благодарственные письма юридического лица, его руководителей и персонала; участие в конкурсах, выставках, мастер-классах, деловых встречах, благотворительных акциях, государственно-частном и муниципально-частном партнерстве, и др.

В любом случае эти доказательства носят оценочный характер, поэтому ответчики могут ссылаться на несформированность деловой репутации истца, а суд в контексте конкретных отношений посчитать вышеуказанные доказательства недопустимыми, не имеющими отношения к рассматриваемому спору. Здесь важны аргументированность и убедительность лица, настаивающего на приобщении их к материалам дела. Таким образом, не можем согласиться с мнением А.Д. Набережного о том, что «доказать реально сформированную репутацию юридического лица не так сложно» [7, с. 27].

Изучение новейшей практики арбитражных судов показало, что к фактам, доказывающим наличие сформированной деловой репутации в предпринимательской и иной экономической деятельности, относятся, в частности: длительное существование организации;

рекомендационные (рекомендательные) письма; известность организации на территории разных стран; нахождение компании в каком-либо рейтинге, например в рейтинге журнала «Forbes», и др.

Наиболее же типичными и надежными доказательствами факта сформированности деловой репутации являются почетные грамоты и благодарственные письма.

Указанный тезис подтверждает обширная практика арбитражных судов (см., например, постановления Арбитражного суда Центрального округа от 05.06.2019 № Ф10–1824/2019 по делу № А36–2639/2018, Арбитражного суда Уральского округа от 13.08.2019 № Ф09–3821/19 по делу № А60–66835/2017, от 05.12.2019 № Ф09–8391/19 по делу № А50–14657/2018, Второго арбитражного апелляционного суда от 22.07.2013 по делу № А31–7699/2012, Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.08.2017 № 16АП-2558/2017 по делу № А63–218/2017, Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.03.2019 № 20АП-545/2019 по делу № А54–4578/2017, Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.01.2018 № 15АП-20398/2017 по делу № А53–15206/17, от 09.06.2018 № 15АП-7584/2018 по делу № А53–29466/17, Десятого арбитражного апелляционного суда от 25.04.2019 № 10АП-1129/2019 по делу № А41–44425/18, Девятого арбитражного апелляционного суда от 08.10.2019 № 09АП-48607/2019 по делу № А40–20134/2019).

Почетные грамоты и благодарственные письма представляют собой форму поощрения граждан и организаций за особые заслуги, достижение успешных результатов в какой-либо сфере деятельности. Они представляют собой официальные документы, ими награждаются от имени публично-правовых образований, органов публичной власти, организаций. Для нас очевидно, что наличие у юридического лица почетных грамот и благодарственных писем свидетельствует о том, что данное юридическое лицо обладает сформированной деловой репутацией.

При этом обращаем внимание, что почетные грамоты и благодарственные письма могут быть расценены в качестве доказательств сформированности деловой репутации юридического лица, но не могут являться доказательствами, подтверждающими наступление для него неблагоприятных последствий в результате распространения несоответствующих действительности порочащих сведений, факт утраты доверия к его деловой репутации или ее снижение. Для этих условий компенсации репутационного вреда требуется представление иных доказательств.

Сформированность деловой репутации как условие компенсации репутационного вреда юридическим лицам справедливо критикуется в научной литературе.

Так, например, Н.Н. Парыгина считает, что любая деловая репутация (и сформированная, и несформированная) должна быть защищена; фактор сформированности деловой репутации должен *влиять на размер* денежной компенсации, но не на решение вопроса о самой возможности ее взыскания [8, с. 203]. Схожей позиции придерживается проф. А.М. Эрделевский [10, с. 68].

По нашему мнению, сформированную деловую репутацию, в основе которой лежит «сформированность» как оценочное понятие, крайне сложно доказать. При таком подходе юридические лица, только начавшие функционировать в гражданском обороте, находятся в худшем положении, по сравнению с теми организациями, которые существуют давно и имеют *сформированную* деловую репутацию. По логике Верховного Суда РФ: первые из них — не имеют право на компенсацию репутационного вреда, поскольку не смогут доказать наличие у них именно *сформированной* деловой репутации, а вторые — имеют. В этом видится несоответствие гражданскому законодательству, которое основывается, среди прочего, на принципе равенства участников гражданских отношений (п. 1 ст. 2 ГК РФ), а также прямое нарушение ст. 19 (ч. 1) Конституции РФ, согласно которой все равны перед законом и судом.

На основании изложенного полагаем, что полноценной защите с применением всякого незапрещенного законом способа защиты, включая компенсацию репутационного вреда юридическим лицам, должна подлежать любая положительная деловая репутация, независимо от того, является она сформированной, или нет.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Али М. Репутационный вред: ВС РФ поставил точку // ЭЖ-Юрист. 2016. № 49.
2. Беликова К.М., Ермакова И.В. Отдельные аспекты предмета доказывания по делам о защите деловой репутации в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 8.
3. Гаврилов Е. Компенсация нематериального (репутационного) вреда юридическим лицам: история и современное состояние // Приложение к ежемесячному юридическому журналу «Хозяйство и право». 2017. № 2.
4. Киракосян С.А., Емелина Е.С. Репутационный вред юридического лица: особенности доказывания и судебная практика // Вестник арбитражной практики. 2017. № 2.

5. Кремслюк В.А. К вопросу о компенсации вреда, причиненного деловой репутации юридического лица // Ученые записки юридического факультета. 2010. Вып. 17(27).

6. Михневич А.В., Благодаров В.И. Проблема взыскания компенсации за причинение нематериального вреда юридическим лицам // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 11–1 (38).

7. Набережный А. Деловая репутация. Возмещаем нематериальный вред // Корпоративный юрист. 2017. № 3.

8. Парыгина Н.Н. Защита права на деловую репутацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей по гражданскому законодательству Российской Федерации: Дисс. ... к.ю.н. Омск, 2017.

9. Руденко Н. Репутационный вред: как добиться максимальной компенсации? // Арбитражная практика для юристов. 2019. № 9.

10. Эрделевский А. О некоторых вопросах возмещения репутационного вреда в судебной практике // Хозяйство и право. 2018. № 9.

УДК 347.79

Научная специальность — 12.00.03

Зарубенко Софья Александровна

ООО «СКФ Арктика», юрисконсульт

АРБИТРАБЕЛЬНОСТЬ СПОРОВ ПО ПОВОДУ НЕДВИЖИМОСТИ (НА ПРИМЕРЕ МОРСКИХ СУДОВ)*

Sofia A. Zarubenko

ООО “SCF Arctic”, legal adviser

ARBITRABILITY OF DISPUTES IN RELATION TO IMMOVABLE PROPERTY (AS ILLUSTRATED BY MARINE VESSELS)

Abstract. In the article some theoretical and practical issues with regard to arbitrability of disputes in relation to immovable property in general and in relation to marine vessels as a special type of immovable in particular are considered. The purpose of the research is to conduct a comprehensive review of legal regulation and judicial practice regarding issue under consideration. The author concludes that, nonetheless, there are some improvements reached in the course of “arbitral reform”, some matters are still to be resolved.

---

* Статья подготовлена в рамках гранта МГИМО МИД России на выполнение научных работ молодыми исследователями под руководством докторов наук (X конкурс молодых ученых «75 лет МГИМО»).

Key words: arbitrability, marine vessels, immovable property, property registration, public-law element, writ.

Вопрос рассмотрения споров, связанных с куплей-продажей и ипотекой морских судов, является проблемным аспектом, связанным с компетенцией арбитража, в частности, морского арбитража. С одной стороны, традиционно, такие споры считаются арбитрабельными. Они прямо отнесены к предметной компетенции Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации (далее — МАК при ТПП РФ) пп. 4 п. 2 Положения и пп. 4 п. 1 Регламента этого арбитражного учреждения. С другой стороны, морские суда в настоящий момент относятся к недвижимому имуществу, подлежащему регистрации в специальных реестрах (п. 1 ст. 130 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)). Как следствие, споры, связанные с правами на них, их ограничениями (обременениями), в частности, ипотекой морских судов, порождают вопросы, связанные с государственной регистрацией этих прав. Вопрос о принципиальной возможности рассмотрения третейскими судами споров в отношении недвижимого имущества долгое время являлся дискуссионным. Несмотря на то, что в результате вынесения Конституционным Судом Российской Федерации постановления от 26.05.2011 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» (далее — Постановление № 10-П) и проведения «третейской реформы» в 2015–2017 гг., было признано, что такие споры могут быть рассмотрены третейскими судами (например, [4]), и данная дискуссия утратила свою остроту, ряд теоретических и практических вопросов до сих пор остался неразрешенным. Вышесказанное обуславливает актуальность рассмотрения вопросов арбитрабельности споров, связанных с куплей-продажей и ипотекой морских судов как особого вида недвижимости.

Возможность передачи в третейские суды споров, связанных с недвижимым имуществом, рассматривали В.А. Мусин, О.Ю. Скворцов,

Г.В. Севастьянов, Т. Н. Нешатаева, М.Э. Морозов, А.В. Грибанов, Е.А. Суханов. Между тем, применительно к спорам, касающимся права собственности на морские суда и обременений этих прав, данный вопрос не получил широкого освещения.

Таким образом, представляется, что правовая проблема заключается в отсутствии однозначного разрешения теоретических и практических вопросов, связанных с компетенцией третейских судов по рассмотрению споров в отношении недвижимого имущества, в результате рассмотрения которых должны осуществляться регистрационные действия, а также в неразработанности частного вопроса, связанного с арбитрабельностью споров в отношении морских судов.

Ввиду изложенного целью настоящего исследования является комплексный анализ правового регулирования арбитрабельности споров, возникающих в отношении недвижимого имущества в целом и морских судов в частности, а также выявление проблем правоприменения, связанных с правовым регулированием вышеуказанного института, и разработка научно обоснованных путей их решения.

Данная цель может быть достигнута путем решения следующих задач:

1) обозначить доктринальные подходы и обобщить имеющуюся судебную практику в отношении арбитрабельности споров, предметом которых является недвижимое имущество в целом;

2) сделать вывод об арбитрабельности споров в отношении прав на морские суда, их ограничений, в частности, споров, вытекающих из ипотеки морских судов;

3) дать рекомендации о развитии законодательства и судебной практики.

§ 1. Арбитрабельность споров в отношении недвижимого имущества. Дискуссия о том, может ли третейский суд рассматривать спор о недвижимом имуществе, продолжается еще с дореволюционного периода. В качестве основных причин в литературе отмечают два обстоятельства: 1) несовершенство законодательного регулирования арбитрабельности споров; 2) сложный состав возникновения прав на недвижимое имущество.

В отношении несовершенства законодательного регулирования можно отметить следующее. Как указано в ч. 3 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (далее — ФЗ «Об арбитраже (тре-

тейском разбирательстве) в Российской Федерации»), в третейский суд могут передаваться споры между сторонами гражданско-правовых отношений, если иное не предусмотрено федеральным законом. Аналогичным образом, но с учетом специфики арбитража, предметный критерий арбитрабельности — «споры из гражданско-правовых отношений» определен в Законе РФ от 07.07.1993 № 5338—1 «О международном коммерческом арбитраже» (далее — Закон РФ «О международном коммерческом арбитраже»), «Положении о Международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промышленной палате Российской Федерации», «Положении о Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации». Указание на возможность передать споры из гражданско-правовых отношений в третейский суд с приведением перечней споров, прямо изъятых из компетенции третейских судов, содержится также в процессуальных кодексах (ст. 33 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ), ст. 22.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ)). Так, не могут быть переданы на рассмотрение третейского суда подлежащие рассмотрению арбитражными судами споры о несостоятельности, споры об отказе в государственной регистрации, уклонении от государственной регистрации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, споры, возникающие из административных и иных публичных правоотношений и иные споры, прямо предусмотренные ч. 3 ст. 33 АПК РФ и иными федеральными законами; подлежащие рассмотрению судами общей юрисдикции споры, возникающие из семейных, трудовых, наследственных отношений, споры о возмещении вреда жизни и здоровью и иные споры, прямо предусмотренные ч. 2 ст. 22.1 ГПК РФ и иными федеральными законами. В качестве критериев для изъятия споров из компетенции третейского суда можно выделить, в частности, наличие публичного интереса или затрагивание спором интересов третьих лиц, в том числе неограниченного круга таких лиц (например, споры, возникающие из банкротства, наследственных правоотношений).

В научной литературе постоянно подвергаются критике отсутствие четких критериев арбитрабельности споров, отсутствие норм о том, какие конкретно гражданско-правовые споры могут быть переданы на рассмотрение в третейский суд [9, с. 258; 21]. Сам термин

«гражданско-правовые отношения» интерпретируется по-разному: одни ученые являются сторонниками расширительного толкования категории гражданско-правовых споров как частных споров, другие придерживаются узкого подхода и предлагают ограничивать гражданско-правовые отношения от трудовых, семейных, жилищных, земельных, экологических и иных [9, с. 259]. Также предлагалось рассматривать в качестве арбитрабельных споры из обязательствно-правовых отношений (относительных) и в качестве неарбитрабельных споры о вещных правах (абсолютных) на недвижимость [20]. Такой подход остался доктринальным, поскольку не нашел подкрепления в законодательстве, из которого, вероятнее, следовало, что споры о вещных правах на недвижимость являются арбитрабельными. Как отмечал В.А. Мусин, право собственности на недвижимое имущество является одним из основных гражданских прав [9, с. 261]. Кроме того, в доктрине неоднозначно указывалось на возможность перенять зарубежный опыт в определении арбитрабельности споров. В качестве примера приводится отнесение к спорам, которые могут быть предметом третейского разбирательства, любых споров, по которым стороны могут заключить мировое соглашение (Австрия, Швеция, Чехия), любых споров по поводу прав, которыми стороны имеют право распоряжаться свободно (Югославия, Хорватия, Венгрия) [9, с. 258; 21].

В результате проведения «третейской реформы» в 2015–2017 гг., компетенция третейских судов была уточнена. В частности, в процессуальных кодексах появились специальные статьи, посвященные тому, какие споры могут быть переданы на рассмотрение третейского суда (ст. 33 АПК РФ, ст. 22.1 ГПК РФ), в дополнение к указанию на гражданско-правовой характер отношений в статьях о праве на обращение в суд (ч. 3 ст. 3 ГПК РФ, ч. 6 ст. 4 АПК РФ). Впервые в законе прямо названы изъятия из компетенции третейских судов, список которых может быть расширен федеральными законами*. Между тем, принципиальный подход не изменился — возможность передачи спора на рассмотрение третейского суда по-прежнему определяется через отраслевую принадлежность правоотношений.

---

* Так называемый негативный способ определения арбитрабельности, т.е. описание конкретных видов правоотношений, которые в случае возникновения спора не могут быть предметом третейского разбирательства [21].

Второй аспект, порождающий дискуссии о возможности рассмотрения в третейских судах споров, связанных с недвижимым имуществом, является комплексный характер возникновения вещного права, поскольку состав возникновения прав на недвижимое имущество предусматривает наличие публично-правового элемента — государственной регистрации [9, с. 260]. Так, согласно п. 2 ст. 8 ГК РФ возникновение, изменение и прекращение прав на имущество, подлежащих государственной регистрации, связано с моментом внесения соответствующей записи в государственный реестр; аналогичным образом с п. 2 ст. 223 ГК РФ предусмотрено возникновение права собственности у приобретателя с момента государственной регистрации в случае, если отчуждение имущества подлежит регистрации. Между тем, в данном вопросе важно разграничить частный и публичный интересы: первая часть сложного состава возникновения прав на недвижимость состоит в определении правообладателя (на основании, например, сделки, ненормативного акта, решения государственного суда, решения третейского суда*) (п.1 ст. 8 ГК РФ), что затрагивает исключительно частный интерес и является основанием для второй части сложного состава возникновения права на недвижимое имущество — государственной регистрации, затрагивающей публичный интерес [9, с. 259]. Публичный характер государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним заключается, в частности, в том, что, во-первых, такая регистрация в соответствии с 1 ст. 3 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее — ФЗ «О государственной регистрации недвижимости») осуществляется уполномоченным органом исполнительной власти — Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестром) и является юридическим актом признания и подтверждения со стороны государства установления права определенного лица на недвижимое имущество (ч. 3 ст. 1 ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»),

---

* Автор в данном случае отдельно выделяет решения государственных судов и решения третейских судов для ясности. В Постановлении № 10-П Конституционный Суд подчеркивал невозможность отождествления государственных и третейских судов и отмечал, что третейские суды не входят в судебную систему Российской Федерации. Однако, автору более близкой представляется позиция К.В. Арановского, выраженной в его особом мнении к данному Постановлению, о том, что третейские суды также осуществляют правосудие (юрисдикцию) и не могут быть отделены от судов, учреждаемых государством.

во-вторых, такая регистрация является единственным доказательством существования права, которое может быть оспорено только в суде (ч. 5 ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»), то есть публично-достоверным сведением, которым могут руководствоваться третьи лица [9, с. 261].

Данный вопрос был детально проанализирован Конституционным Судом при рассмотрении запроса о проверке конституционности ряда положений закона в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Так, в Постановлении № 10-П от 26.05.2011 Конституционный Суд указал, что передаче вопроса на рассмотрение третейского суда препятствует публично-правовой характер споров, который связан не с видом имущества, но с характером правоотношений, из которых появляется спор, и с субъектным составом участников спора. Как установил Конституционный Суд, при рассмотрении споров о недвижимом имуществе, требование о государственной регистрации не касается ни участников спора, ни характера спорного правоотношения, и не является содержательным элементом спорного правоотношения, которое является частноправовым. Государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним служит цели обеспечения государственного контроля за оборотом объектов недвижимого имущества, и ее «публичный эффект» появляется после удостоверения государством результатов юридически значимого действия. В результате, органом конституционного правосудия был сделан вывод о том, что обязательность государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним не свидетельствует о невозможности передачи споров по поводу недвижимого имущества на рассмотрение третейских судов. Также, Конституционный Суд отметил, что для целей государственной регистрации прав на недвижимое имущество правовые последствия вынесения решения в отношении недвижимого имущества третейским судом и государственным судом равны.

Указанное постановление Конституционного Суда Российской Федерации поставило точку в дискуссии по поводу принципиальной возможности рассмотрения споров о недвижимом имуществе в третейских судах, которая существовала как в доктрине*, так и в судеб-

---

* Более подробно о правовой дискуссии о возможности рассмотрения третейскими судами споров о недвижимом имуществе см., например, [9, с. 261–268; 20; 21].

ной практике*. Кроме того, ответы на некоторые вопросы были даны в результате проведения «третейской реформы» в 2015–2017 гг. Так, как было указано выше, в процессуальном законодательстве приведены перечни неарбитрабельных споров, в которых не названы прямо споры, связанные с недвижимостью, из чего можно сделать вывод, что законодатель допускает рассмотрение третейскими судами таких споров. Между тем, вопрос вызывает закрепленный в ходе указанной реформы механизм государственной регистрации права вещных прав на недвижимое имущество, ограничений (обременений) этих прав. Так, в соответствии со ст. 43 ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» арбитражное решение, включая арбитражное решение, не предусматривающее принудительное приведение в исполнение, не является основанием для внесения записи в государственный реестр, внесение записей в который влечет за собой возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, при отсутствии исполнительного листа, выданного на основании судебного акта компетентного суда (в том числе в отношении арбитражного решения, не требующего принудительного приведения в исполнение). Аналогичное правило применяется к решениям международных коммерческих арбитражей в силу ч. 2 ст. 1 Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже». Подобная практика существовала после принятия Конституционным Судом Российской Федерации революционного Постановления № 10-П и до «третейской реформы», как в судах [17], так и в регистрирующем органе [16]. Именно такая практика, а не разъяснения Конституционного Суда и последовательно аргументированные позиции деятелей науки** были восприняты законодателем при проведении «третейской реформы». С другой стороны, необходимо отметить, что приведенная выше ст. 43 ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» хоть и не прямо, но подтверждает, что третейские суды могут рассматривать споры о недвижимом имуществе и других видах имущества и объектах гражданских прав, сведения о которых подлежат регистрации в специальных реестрах [6, с. 181].

ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» не содержит никакой информации в отношении решений третейских судов как

---

* См., например, [7; 13; 14; 15; 18; 19].

** Например, научные труды В.А. Мусина. См. например, [12].

основания для регистрации прав. Так, согласно с п. 5 ч. 2 ст. 14, ст. 58 указанного закона таким основанием является вступившие в законную силу судебные акты*. Из этого положения, по задумке законодателя, и, как было пояснено Верховным Судом РФ в п. 56 Постановления Пленума от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» (далее — Постановление Пленума ВС РФ № 53), следует, что вынесенное по спору о правах на недвижимое имущество решение третейского суда, в том числе не требующее принудительного обращения к исполнению, не представляет собой основание для государственной регистрации прав. Таким образом, в приведенных положениях закона под «вступившими в законную силу судебными актами» имеются в виду определения суда о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда и исполнительные листы, выданные на их основании (ст. 240 АПК РФ, ст. 427 ГПК РФ). Такой подход воспринят в судебной практике [1; 2; 3; 5; 22].

Интересным представляется толкование ст. 43 «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» в судебной практике. Так, Арбитражный суд Северо-Западного округа в Постановлении от 19.02.2019 по делу № А56–71727/2017 признал возможность внесения изменений в ЕГРН (в запись об ипотеке) в части суммы обеспеченного ипотекой обязательства на основании заключенного мирового соглашения, утвержденного третейским судом, без исполнительного листа, выданного государственным судом. Суд исходил, во-первых, из того, что условия мирового соглашения не связаны с установлением прав в отношении объекта недвижимости, а во-вторых, из того, что стороны обратились для осуществления регистра-

---

* Традиционно отмечается, что нельзя говорить о вступлении в законную силу решения третейского суда, поскольку оно не является общеобязательным (в сравнении с решениями государственных арбитражных судов, судов общей юрисдикции) и распространяются только на лиц, участвующих в рассмотрении спора. Между тем, представляется убедительной иная позиция, высказанная В.А. Мусиным, о том, что решение третейского суда вступает в силу с момента его вынесения и является юридически релевантным не только для сторон разбирательства, но и для иных лиц, например, для государственных судов, которые не могут повторно рассмотреть тождественный спор [12, с. 133–134].

ционных действий на основании заключенной ими сделки — утвержденного третейским судом мирового соглашения. Таким образом, судебная практика исходит из того, что устанавливаются разные требования к необходимости получения исполнительного листа в государственном суде для внесения записи в государственные реестры в отношении недвижимого имущества на основании решения третейского суда в зависимости от содержания записи и вида судебного акта, принятого третейским судом.

Принятый в результате проведения «третейской реформы» подход о необходимости получения исполнительного листа для государственной регистрации прав на недвижимое имущество, установленных третейским судом, не заслуживает поддержки, поскольку, во-первых, вступает в прямое противоречие с Постановлением № 10-П Конституционного Суда, согласно которому для целей регистрации прав на недвижимость решения третейских судов имеют равные с решениями государственных судов правовые последствия, в то время как выявленный указанным судом конституционно-правовой смысл законоположений является общеобязательным; во-вторых, процедура регистрации прав на недвижимое имущество, установленных решением третейского суда, усложняется искусственным образом из-за необходимости получения определения государственного суда об исполнении такого решения; в-третьих, без убедительных к тому оснований нивелируются такие преимущества третейского разбирательства, как предполагаемая добровольность (ст. 38 ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации») исполнения решения, отсутствие возможности обжалования такого решения в вышестоящие инстанции, сохранение конфиденциальности, поскольку в каждом споре, связанном с недвижимым имуществом, разрешенном третейским судом, даже в случаях, когда стороны хотели бы исполнить решение добровольно, стороны будут вынуждены обратиться в суд для получения исполнительного листа, в результате чего будет осуществлена проверка на наличие оснований для отказа в выдаче исполнительного листа. В свою очередь, такая проверка, влечет за собой следующие риски: 1) отказа в выдаче исполнительного листа, поскольку при осуществлении проверки государственные суды иногда выходят за пределы своих полномочий, пересматривая дело по существу и отказывая в выдаче исполнительного листа на основании нарушения

публичного порядка из-за простого несогласия с тем, как третейский суд решил дело*); 2) обжалования определения государственного суда об исполнении решения третейского суда в вышестоящие инстанции. Кроме того, как известно, на решения по искам о признании исполнительные листы практически не выдаются [12, с. 133–134], между тем, ст. 43 ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» и п. 56 Постановление Пленума ВС РФ № 53 предусмотрена выдача исполнительного листа в отношении арбитражного решения, не требующего принудительного приведения в исполнение, что вызывает вопросы с точки зрения науки процессуального права. Также, вызывает вопрос обоснованность выявленного в судебной практике дифференцированного подхода к необходимости получения исполнительного листа в государственном суде в зависимости от содержания записи в реестре и вида судебного акта, принятого третейским судом, ввиду отсутствия предпосылок для такого подхода в действующем законодательстве и в смысле правового регулирования.

§ 2. Арбитрабельность споров в отношении морских судов как особого вида недвижимого имущества. В российском праве статус судна определяется в соответствии с национальным законодательством и международными договорами Российской Федерации. Национальное законодательство, на основании которого определяется статус судна, состоит из общих положений гражданского права об объектах гражданских прав (вещах) и специальных положений Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации (КТМ РФ)

* Например, «Бюллетень судебной коллегии по гражданским делам Липецкого областного суда. 2 квартал 2017 года», дело № 33-1518а/2017. При рассмотрении вопроса о передаче кассационной жалобы на определение районного суда об отказе в исполнении решения третейского суда в судебное заседание суда кассационной инстанции, областной суд установил, что третейским судом был установлен переход права собственности на долю в праве собственности на квартиру, находящуюся в долевой собственности. При этом сособственник был привлечен третейским судом к участию в третейском разбирательстве в качестве третьего лица. Областной суд пришел к выводу, что поскольку третейский суд рассмотрел спор, затрагивающий права третьего лица как участника общей долевой собственности, имеющего преимущественное право покупки доли в праве общей собственности на квартиру, то решение третейского суда противоречит публичному порядку Российской Федерации. Представляется, что с учетом обстоятельств дела невозможно говорить о нарушении публичного порядка. Во внимание также можно принять в п. 51 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража».

о судах. Ряд международных договоров, в которых участвует Российская Федерация, содержат понятия судна, которые, однако, применимы для целей того или иного договора и ограничены сферой его применения [10, с. 77].

В соответствии с российским гражданским правом вещи делятся на движимые и недвижимые. В первую очередь, вещи являются недвижимыми в силу своих природных свойств. В соответствии с абз. 1 ч. 1 ст. 130 ГК РФ для рассмотрения вещей как недвижимых требуется прочная связь с землей, невозможность их перемещения без несоразмерного ущерба назначению. Кроме того, вещи могут быть отнесены к недвижимым в силу прямого указания закона. Так, абз. 2 ч. 1 ст. 130 ГК РФ прямо отнесены к недвижимым вещам подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания. Подобное регулирование — юридическая фикция: вещь, созданная и специально предназначенная для перемещения в пространстве, объявляется недвижимой законом и подчиняется режиму недвижимых вещей. Введение такой фикции обусловлено рядом факторов: так, суда, названные в абз. 2 ч. 1 ст. 130 ГК РФ, 1) являются высокотехнологичными сооружениями, и контроль со стороны государства обусловлен, в том числе целями безопасности; 2) обладают высокой стоимостью, вследствие чего необходим повышенный контроль над оборотом таких объектов; 3) относятся к источникам повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ) и, кроме того, существует необходимость обеспечить возможность установить, кто является судовладельцем (например, в случае загрязнения морской среды). В соответствии с положениями гражданского законодательства правовому режиму недвижимости свойственны следующие характеристики: 1) обязательная государственная регистрация прав на объект недвижимости в едином государственном реестре (ч. 2 ст. 33 КТМ РФ); 2) признание государственной регистрации в качестве единственного доказательства существования права на объект недвижимости (ч. 3 ст. 33 КТМ РФ); 3) возложение всех функций по регистрации на единственный государственный орган [11, с. 76].

Государственная регистрация вещных прав на судно, ограничений (обременений) этих прав (ипотека и другие) осуществляется в порядке, отличном от регистрации имущества, которое является недвижимым в силу природных свойств. Так, по гражданскому законодательству (п. 6 ст. 131 ГК РФ) права на недвижимые вещи, ограничения этих прав

подлежат государственной регистрации в соответствии с ГК РФ и ФЗ «О государственной регистрации недвижимости». Между тем, стоит толковать данную отсылочную норму расширительно, поскольку помимо ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» правила о государственной регистрации отдельных недвижимых вещей также установлены КТМ РФ, Воздушным кодексом Российской Федерации, Кодексом внутреннего водного транспорта Российской Федерации, Федеральным законом от 14.03.2009 № 31-ФЗ «О государственной регистрации прав на воздушные суда и сделок с ними» и принятыми в соответствии с ними подзаконными актами [8, с. 436]. Кроме того, ч. 8 ст. 1 ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» прямо исключено применение положений данного закона к государственной регистрации прав, в том числе на морские суда. Таким образом, государственная регистрация вещных прав на суда, ограничений (обременений) этих прав (ипотека и другие), их возникновения, перехода и прекращения осуществляется в соответствии с КТМ РФ (в частности, с ч. 2 ст. 33) и принятыми в соответствии с ним подзаконными актами: Приказом Минтранса России № 191 «Об утверждении Правил государственной регистрации судов, прав на них и сделок с ними в морских портах и централизованного учета зарегистрированных судов» (далее — Приказ Минтранса России № 191) и Приказом МЧС России от 24.06.2016 № 340 «Об утверждении Правил государственной регистрации маломерных судов, поднадзорных Государственной инспекции по маломерным судам Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» (далее — Приказ МЧС России № 340).

При этом КТМ РФ не указывает, на основании каких документов производится государственная регистрация вещных прав на судно, ограничений (обременений) этих прав. В соответствии с п. 48 Правил, установленных Приказом Минтранса России № 191, в качестве оснований для государственной регистрации прав на судно и их ограничений (обременений) названы вступившие в силу судебные решения. В п. 53 Правил, установленных Приказом Минтранса России № 191, содержатся правила для государственной регистрации ипотеки судна и других ограничений (обременений) прав на судно, в соответствии с которыми при наличии вступившего в законную силу судебного акта, заявление может подать единолично лицо, в защиту интересов которого вынесен такой акт. По указанным выше причинам, неочевидно,

относятся ли решения третейских судов к вступившим в законную силу судебным решениям.

Между тем, положения ст. 43 ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» в полной мере применимы к решениям третейских судов в отношении установления прав на суда, поскольку права на суда подлежат регистрации в государственных реестрах, и такая регистрация носит правоустанавливающий характер, т. е. влечет за собой возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей*.

Представляется, что вопрос об арбитрабельности споров, связанных с морскими судами, и об осуществлении государственной регистрации вещных прав на судно, ограничений (обременений) этих прав, установленных решениями третейского суда, аналогичен подходу к недвижимому имуществу в целом — такие споры являются арбитрабельными, однако для осуществления государственной регистрации решение третейского суда необходимо «легитимировать» посредством получения исполнительного листа в государственном суде. Судебной практики по данному вопросу не выявлено. В дополнение к обозначенной выше критике усложнения процедуры государственной регистрации прав на недвижимое имущество, установленных третейскими судами, необходимостью получения исполнительных листов, применительно к морским судам дополнительно можно привести аргумент о специфике морских споров. Поскольку такие споры зачастую требуют специализированных знаний, не только юридических, но и иных, относящихся к морскому делу, третейские суды, особенно специализированные, как МАК при ТПП РФ, в которых стороны самостоятельно выбирают арбитров, в том числе не юристов, имеют преимущество. Между тем, усложнение процедуры достижения результата разбирательства, например, установления права, ограничения (обременения), нивелирует и это преимущество третейского разбирательства.

Более интересным данным вопрос представляется в свете проводимой в настоящее время реформы вещного права, в рамках которой

---

* Не вдаваясь в подробности доктринальных споров о правоустанавливающем или правоподтверждающем характере регистрации прав на недвижимость, полагаем, что ГК РФ исходит из того, что характер такой регистрации является правоустанавливающим. В отношении морских судов, подтверждением могут служить положения ч. 3 ст. 33, ч. 4 ст. 377 КТМ РФ, п. 61 Правил регистрации, утвержденных Приказом Минтранса России № 191.

рабочими группами, образованными Советом при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, был подготовлен ко второму чтению в Государственной думе Российской Федерации проект федерального закона № 47538–6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Проект), вносящий значительные изменения в регулирование вещей и вещных прав.

Так, в Проекте предлагается новая редакция ст. 130 ГК РФ о недвижимых и движимых вещах, в которой больше не содержится специальное указание на воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, космические объекты. Как указано в ч. 5. ст. 130 предложенной в Проекте редакции ГК РФ, вещи, не относящиеся к недвижимым, являются движимыми. Правила о недвижимых вещах могут применяться к движимым вещам в случаях, предусмотренных законом. Вероятно, это положение закона будет применяться к судам для случаев, когда необходимо распространить правовой режим недвижимости на суда, например, для целей регистрации права собственности и иных вещных прав на суда, ограничений (обременений) этих прав, их возникновения, перехода и прекращения. Таким образом, случаями, предусмотренными законом, будут считаться следующие: 1) регистрация вещных прав на судно, ограничений (обременений) этих прав в Государственном судовом реестре, реестре маломерных судов, Российском международном реестре судов или Российском открытом реестре судов судно (за исключением этих прав на судно, зафрахтованное по бербоут-чартеру) в соответствии с ч. 2 ст. 33 КТМ РФ; 2) регистрация права собственности на строящееся судно, ипотеки строящегося судна согласно положениям ст. 376 КТМ РФ.

Проект исходит из того, что недвижимой вещью является только земельный участок, а расположенные на нем здания, сооружения, объекты незавершенного строительства и иные объекты, прочно связанные с участком, являются его составными частями, за исключением случаев, когда они не принадлежат на праве собственности собственнику земельного участка, на котором расположены. В случаях, предусмотренных законом, помещение (жилое или нежилое), а также часть здания или сооружения, предназначенная для размещения транс-

портных средств (машино-место), могут быть признаны недвижимыми вещами (ст. 130, 141.2–141.16 ГК РФ в редакции, предложенной в Проекте). Таким образом, Проект предлагает кардинальным образом изменить правовой статус морских судов, определяя их как движимые вещи, на которые распространяются правила о недвижимых вещах в специально предусмотренных случаях.

Представляется, что последствия введения изменений, предложенных Проектом, будут значительными. Правовые режимы движимых и недвижимых вещей различаются в регулировании многих аспектов, например, необходимость государственной регистрации объекта (ч. 2 ст. 131 ГК РФ), необходимость государственной регистрации сделок с недвижимостью (ст. 164 ГК РФ), возникновение права собственности (ст. 219, 223 ГК РФ), залог (ст. 338, 340, 349 ГК РФ) [8, с. 433].

Особый интерес представляет вопрос о передаче титула на судно, поскольку в соответствии с общими положениями гражданского законодательства титул на движимую вещь переходит при ее фактической передаче (п. 1 ст. 223 ГК РФ), титул на недвижимую вещь — при регистрации перехода титула (п. 2 ст. 223 ГК РФ). Кроме того, небезынтересно, как будет осуществляться регистрация самих судов: как регистрация отдельных видов недвижимости (п. 2 ст. 131 ГК РФ) или как регистрация движимых вещей для целей учета (по аналогии с автомобилями). Поскольку арбитрабельность споров в отношении недвижимого имущества в настоящий момент не вызывает сомнений, решение обозначенных вопросов не повлияет на арбитрабельность споров, связанных с правами, их ограничениями (обременениями) на морские суда. Между тем, от того, какой ответ будет дан на поставленные вопросы в правовом регулировании, которое будет принято, и в правоприменительной практике, будет зависеть процедура регистрации прав на недвижимость на основании решений третейских судов. В случае, если в части передачи титула на судно и регистрации судов с указанием правообладателя будут применяться правила о движимых вещах, то, очевидно, что положения ст. 43 ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» не будут применяться, поскольку регистрация будет вестись для целей учета и не будет иметь правоустанавливающий характер, а значит, сможет осуществляться лишь на основании решения третейского суда. В то же время, если передача титула на судно и регистрация

судов и прав на них, ограничений (обременений) таких прав будет осуществляться с применением правил о недвижимых вещах, то государственная регистрация прав на суда будет осуществляться в порядке, установленном приведенным выше положением ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», при условии предоставления исполнительного листа. Данный пример довольно четко иллюстрирует проблему, на которую особенно обращал внимание Конституционный Суд, называя недопустимым рассматривать государственную регистрацию как влияющую на природу спора в целом. Так, от того, какой подход будет применяться к морским судам: о движимых или недвижимых вещах, будет зависеть то, как будут осуществляться регистрация прав на суда, их ограничений (обременений) на основании решений третейских судов, при этом, сам предмет спорных правоотношения останется неизменным.

В заключение можно прийти к следующим выводам.

Во-первых, несмотря на существование долгой дискуссии в отношении принципиальной возможности рассмотрения споров по поводу недвижимого имущества в третейских судах, как в доктрине, так и в судебной практике, в настоящий момент общепризнано, что споры в отношении недвижимого имущества арбитрабельны.

Во-вторых, споры в отношении права собственности и иных вещных прав, ограничений (обременений) этих прав (ипотека) на морские суда, которые в настоящий момент являются недвижимом имуществом в силу юридической фикции, также арбитрабельны.

В-третьих, ряд теоретических и практических вопросов по-прежнему остается неразрешенным. В частности, вопросы вызывает закрепленный в ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» механизм осуществления государственной регистрации прав на недвижимое имущество, установленных решением третейского суда, при условии предоставления исполнительного листа, выданного на основании судебного акта компетентного суда. По мнению автора, такой подход заслуживает критики, поскольку он: 1) противоречит Постановлению 10-П Конституционного Суда в части признания равенства правовых последствий решений третейских судов и государственных судов в отношении недвижимого имущества для целей осуществления государственной регистрации, 2) необоснованно усложняет про-

цедуру оформления прав на недвижимое имущество; 3) безусловно нивелирует ряд преимуществ третейского суда, что особенно важно для морских споров, имеющих специфику.

Таким образом, правильным представлялось бы отойти от необходимости «легитимации» решений третейских судов в отношении недвижимости для целей внесения в государственный реестр записи, устанавливающей права и обязанности, и осуществлять регистрацию прав, их ограничений (обременений) на недвижимое имущество на основании решений третейских судов в том же порядке, что и на основании решений государственных судов.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Апелляционное определение Московского городского суда от 20.07.2017 по делу № 33–28482/2017. URL:// <http://www.consultant.ru>.
2. Апелляционное определение Московского городского суда от 10.08.2017 по делу № 33–31142/2017. URL:// <http://www.consultant.ru>.
3. Апелляционное определение Московского городского суда от 20.12.2017 по делу № 33–52298/2017. URL:// <http://www.consultant.ru>.
4. Апелляционное определение Московского городского суда от 12.01.2018 по делу № 33–708/2018. URL:// <http://www.consultant.ru>.
5. Апелляционное определение Московского городского суда от 08.02.2018 по делу № 33–5233/2018. URL:// <http://www.consultant.ru>.
6. Грибанов А.В. Регистрация прав на основании решений третейских судов: от дискуссии к разрешению проблемы // Третейский суд. 2017. № 2 (110). С. 174–184.
7. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 декабря 2005 г. № 96 «О практике рассмотрения арбитражными судами дел о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов, об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов» // Вестник ВАС РФ. 2006. № 3.
8. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая (постатейный): учебно-практический комментарий / Под ред. А.П. Сергеева. М.: Проспект, 2018. 1280 с.
9. Международный коммерческий арбитраж: Учебник / Науч. ред.: О.Ю. Скворцов, М.Ю. Савранский, Г.В. Севастьянов; Отв. ред. Т.А. Лунаева. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: АНО «Редакция журнала «Третейский суд»; М.: Статут, 2018. 965 с. (Библиотека журнала «Третейский суд». Вып. 9).
10. Международное морское право (частное и публичное): учебник / Под общ. ред. В.Н. Коваля. М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2017. 228 с.
11. Морское право: учебник / Под ред. В.Ф. Сидорченко, М.В. Кротова. СПб.: Издательский Дом С.-Петербурга. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. 728 с.
12. Мусин В.А. Избранное — СПб.: АНО «Редакция журнала «Третейский суд»; М.: Статут, 2014. (Библиотека журнала «Третейский суд»; Вып. 6).

13. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 09.02.2005 «Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2004 года» // Бюллетень ВС РФ. 2005. № 7.

14. Определение Конституционного Суда РФ от 04.06.2007 № 377-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Алтухова Александра Павловича, Алтуховой Галины Федоровны и других на нарушение их конституционных прав частью 1 статьи 4, статьей 42 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и абзацем шестым пункта 1 статьи 17 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним». URL:// <http://www.consultant.ru>.

15. Письмо ВАС РФ от 23.08.2007 № ВАС-С06/ОПП-1200. URL:// <http://www.consultant.ru>.

16. Письмо Росреестра от 21.05.2012 № 14–3648-ГЕ «О некоторых вопросах государственной регистрации прав на основании решений третейских судов» // Экономика железных дорог. 2012. № 10.

17. Постановление Президиума ВАС РФ от 13.09.2011 № 3004/11 по делу № А63–5034/2010 // Вестник ВАС РФ. 2011. № 12.

18. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 18.10.2007 по делу № А42–8702/2006. URL:// <http://www.consultant.ru>.

19. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 29.12.2006 по делу № А28–8020/2006–46/2. URL:// <http://www.consultant.ru>.

20. Скворцов О.Ю. Рассмотрение третейскими судами споров о правах на недвижимость: правовая политика и юридическая практика // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2007. № 1. С. 43–58. URL:// <http://www.consultant.ru>.

21. Севастьянов Г.В. Подведомственность третейскому суду споров о недвижимом имуществе: современное состояние проблемы // Закон. 2008. № 1. С. 58–74.

22. Справка по результатам изучения судебной практики рассмотрения дел, связанных с выполнением судами общей юрисдикции функций содействия и контроля в отношении третейских судов (подготовлена судебной коллегией по гражданским делам Саратовского областного суда). URL:// <http://www.consultant.ru>.

Краснова Татьяна Сергеевна

канд. юрид. наук,

доцент Санкт-Петербургского государственного университета

**КОНКУРЕНЦИЯ ИСКОВ ПРИ ВОЗВРАТЕ
ИЗЪЯТОЙ ИЗ ОБОРОТА ИЛИ ОГРАНИЧЕННОЙ В ОБОРОТЕ
ВЕЩИ ИЗ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
В ПУБЛИЧНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ**

Krasnova Tatyana Sergeevna

PhD in Law

docent of St. Petersburg State University

**THE CHOICE OF CLAIMS FOR THE REDELIVERY OF
A WITHDRAWN OR LIMITED IN COMMERCE PROPERTY
FROM PRIVATE TO PUBLIC OWNERSHIP**

On the basis of the analysis of the interesting definition of the Supreme Court of the Russian Federation the author is pursuing an answer to the question: what remedy is applicable to return from private ownership to public ownership a withdrawn or limited in commerce property. In particular she is exploring the *rei vindicatio* action, the action for the declaration of the right of ownership and the action for the declaration of the right of ownership absence.

Key words: the *rei vindicatio* action, the action for the declaration of the right of ownership, the action for the declaration of the right of ownership absence.

Для предметного обсуждения поставленного в заглавии вопроса обратимся к показательному делу, недавно рассмотренному Верховным Судом РФ, а именно к Определению от 06.02.2020 № 306-ЭС19–23752.

Фабула дела такова. На балансе Государственного Предприятия «Саратовский авиационный завод» находилось производственное здание. Здание имело характеристики: 4 этажа и подвал, в который встроен объект гражданской обороны (убежище). В отношении убежища в 1979 г. изготовлен паспорт защитного сооружения, предусматривающий, что оно — среди прочего — имеет три входа и один аварийный выход.

Территориальное управление ФАУГИ в Саратовской области обратилось в суд с иском к ООО «Перспектива-2011» (правопреемнику Государственного Предприятия) о признании права собственности РФ на убежище; истребовании его из незаконного владения Общества. Истец полагал, что регистрация в Едином государственном реестре

недвижимости (далее — ЕГРН) права собственности ответчика на убежище в составе здания нарушает права и интересы РФ как собственника защитного сооружения, а также права неограниченного круга лиц на защиту жизни, здоровья и использование средств коллективной и индивидуальной защиты.

При рассмотрении дела суды установили следующее.

Судебная экспертиза подтвердила, что убежище входит в состав здания, принадлежащего на праве собственности Обществу, и является обособленным.

Государственное Предприятие было приватизировано в 1991 г., в результате чего было создано Коллективное Предприятие, которому было передано в собственность имущество Государственного Предприятия. Это подтверждается актами органов власти, а также свидетельством о праве собственности. В последующем в результате нескольких юридических фактов имущество Коллективного Предприятия перешло Обществу, которое зарегистрировало на него право собственности.

Опираясь на ряд нормативных правовых актов, суды первой и апелляционной инстанций заключили, что убежище не могло быть приватизировано, сделки по его отчуждению ничтожны. Тем самым Общество приобрело убежище у неуправомоченного отчуждателя, оно является недобросовестным приобретателем, виндикационный иск подлежит удовлетворению.

Довод Общества о пропуске срока исковой давности был отклонен судом первой инстанции со ссылкой на абз. 3 п. 57 Постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 29.04.2010 № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (далее — Постановление № 10/22) [6]. В иске о признании права собственности РФ суд отказал, сославшись на то, что удовлетворение виндикационного иска и так является основанием для изменения записи в ЕГРН.

Суд апелляционной инстанции согласился с судом первой инстанции, но посчитал, что исковая давность применению подлежит. При этом суд апелляционной инстанции, ссылаясь на ст. 195 и 200 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) [1], п. 4 Постановления Пленума ВС РФ от 29.09.2015 № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации

об исковой давности» [5], признал срок исковой давности не истекшим, поскольку Управление узнало об ответчике из выписок ЕГРН, с момента получения которых не прошло трех лет.

Суд кассационной инстанции отменил акты нижестоящих судов и обратил внимание на то, что они не установили, когда убежище фактически выбыло из владения РФ и когда уполномоченный орган власти узнал или должен был узнать об этом факте. При этом акцентируется внимание на том, что суд апелляционной инстанции ошибочно отождествил утрату владения РФ с моментом внесения записи о правообладателе в ЕГРН, поэтому не придавал значения моменту, когда Управление узнало или должно было узнать о том, что спорный объект выбыл из владения РФ и перешел во владение третьего лица. Между тем истцу и другому уполномоченному органу власти было известно о статусе убежища как самостоятельного объекта гражданской обороны и о регистрации права собственности Предприятия на него с 2009 г.

Управление обратилось в ВС РФ, который заключил, что все акты нижестоящих судов подлежат отмене по следующим причинам.

1) Убежище не подлежит приватизации. РФ является собственником убежища, право собственности возникло до вступления в силу Федерального закона от 21.07.1997 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» [2] и признается юридически действительным при отсутствии государственной регистрации. Государственная регистрация права собственности на этот объект в ЕГРН за Обществом неправомерна. Согласно позиции КС РФ, закрепленной в Определении от 27.09.2016 № 1748-О [7], государственная регистрация права, будучи юридическим актом признания и подтверждения государством возникновения, ограничения (обременения), перехода или прекращения права на недвижимость, не может подменять собой основание возникновения, изменения и прекращения права.

2) В настоящее время в подвальном помещении здания расположено защитное сооружение гражданской обороны, оборудованное как убежище в соответствии с паспортом объекта. Доказательств выбытия убежища из владения РФ, какого бы то ни было пользования данным помещением ни ответчиком, ни его правопреемниками в материалах дела не содержится. Данный факт исключает как фактическую передачу убежища публичным собственником Государственному Предприятию и переход права собственности на убежище к последнему

в результате приватизации, так и дальнейшее правопреемство в результате внесения имущества в уставный капитал Общества.

Представители Общества также подтвердили, что с момента внесения здания в уставный капитал Общества данным помещением не владели, готовы произвести отчуждение спорного объекта в пользу РФ в виде дара или пожертвования.

3) Факт добросовестного приобретения убежища Обществом исключается, поскольку, исходя из ст. 302 ГК РФ, постановка вопроса о наличии добросовестного приобретателя возможна в ситуации, когда вещь выбыла из владения собственника (п. 5–6 «Обзора судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения», утвержденного Информационным письмом Президиума ВАС РФ от 13.11.2008 № 126 [8]).

В силу п. 2 и 52 Постановления № 10/22 зарегистрированное право на недвижимое имущество может быть оспорено только в судебном порядке, а в случаях, когда запись в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним (далее — ЕГРП) нарушает право истца, которое не может быть защищено путем признания права или истребования имущества из чужого незаконного владения, оспаривание зарегистрированного права или обременения может быть осуществлено путем предъявления иска о признании права или обременения отсутствующими. К искам о правах на недвижимое имущество относятся, в частности, иски об истребовании имущества из чужого незаконного владения, об устранении нарушений права, не связанных с лишением владения, о признании права, об установлении сервитута, об установлении границ земельного участка, об освобождении имущества от ареста.

С учетом п. 3 Постановления № 10/22 в случае ненадлежащего формулирования истцом способа защиты при очевидности преследуемого им материально-правового интереса суд обязан самостоятельно определить, из какого правоотношения возник спор и какие нормы права подлежат применению при разрешении дела с тем, чтобы обеспечить восстановление нарушенного права, за защитой которого обратился истец.

4) В соответствии с абз. 5 ст. 208 ГК РФ исковая давность не распространяется на требования собственника или иного владельца об устранении всяких нарушений его права, хотя бы эти нарушения не были соединены с лишением владения (ст. 304).

В абз. 3 п. 57 Постановления № 10/22 разъяснено, что в силу абз. 5 ст. 208 ГК РФ в случаях, когда нарушение права истца путем внесения недостоверной записи в ЕГРП не связано с лишением владения, на иск, направленный на оспаривание зарегистрированного права, исковая давность не распространяется.

Таким образом, заключает ВС РФ, у судов, установивших, что Управление предъявило иск на восстановление права собственности РФ на убежище, не имелось правовых оснований для отказа в иске о признании права собственности, на который исковая давность не распространяется. Поскольку Общество не является и никогда не являлось собственником спорного объекта недвижимости, который не переходил в его владение, заявленный виндикационный иск удовлетворению не подлежал.

ВС РФ удовлетворил иск Управления о признании права собственности РФ на убежище.

Анализируемое Определение обращает на себя внимание в связи со следующим.

1) Дошедшее до ВС РФ дело является ярким примером того, что правоприменители (в том числе органы власти и суды) далеко не всегда чувствуют разницу между существующими в российском правопорядке вещно-правовыми способами защиты. Так, в данном случае смешались виндикационный иск, иск о признании права собственности и иск о признании права собственности отсутствующим. И это при том, что Постановление № 10/22 принято несколько лет назад и детально исследовано в доктрине [10, с. 57–161; 13; 14; 15; 16; 17].

Как утверждают разработчики Постановления № 10/22, такое положение дел связано, в частности, с тем, что по объективным причинам отразить в указанном Постановлении все детали разграничения вещно-правовых способов защиты было невозможно. Опираясь на разъяснения, данные ВАС РФ и ВС РФ, суды должны определять эти детали и формулировать положения о них [12].

2) Очевидно, что суды, осознавая недопустимость нахождения убежища в частной собственности, всеми способами пытались вернуть его в публичную собственность.

На этом пути суд первой инстанции удовлетворил виндикационный иск и не применил к нему исковую давность со ссылкой на абз. 3 п. 57 Постановления № 10/22, согласно которому в случаях, когда нарушение права истца путем внесения недостоверной записи в ЕГРП

не связано с лишением владения, на требования, направленные на оспаривание зарегистрированного права, исковая давность не распространяется.

Такой пассаж вызывает удивление, ведь, во-первых, очевидно, что срок исковой давности на виндикационные требования распространяется, во-вторых, процитированный абзац относится к искам о признании права и искам о признании права отсутствующим, а не к виндикационным искам.

Суд апелляционной инстанции исправил коллег — он распространил на виндикационный иск срок исковой давности, однако посчитал его истекшим в связи с тем, что с момента получения истцом выписок из ЕГРН (!) не прошло трех лет. Это при том, что истцу и другому уполномоченному органу власти было известно о нахождении убежища в частной собственности как минимум с 2009 г.

Суд кассационной инстанции исчислил срок исковой давности с 1991 г. — с момента, когда произошло физическое выбытие убежища из хозяйственного господства публичного собственника. При этом суд отметил, что осведомленность истца о внесении записи о праве частной собственности на убежище в ЕГРН правового значения не имеет.

Возникает вопрос: почему в данном случае суд не посчитал, что началом течения срока исковой давности является дата регистрации права частной собственности на убежище в ЕГРН? Ведь именно такую позицию суды занимают по целому ряду споров о сносе самовольных построек. Справедливо замечание о том, что «если государство в лице уполномоченных органов обязано добросовестно осуществлять свои полномочия в части получения информации о частных самовольных постройках (чужих объектах), то в отношении своего собственного имущества, выбывающего по незаконным основаниям, требуется еще большая прилежность». Либо тогда и соответствующая практика по делам о сносе самовольных построек должна быть пересмотрена [18].

3) Ни принятие на баланс, ни государственный кадастровый учет, ни государственная регистрация права сами по себе не могут, во-первых, создать из двух самостоятельных объектов недвижимости один, во-вторых, являться основанием возникновения права собственности на объект, который не может находиться в частной собственности. Очевидно, что убежище относится к таким объектам [3, п. 2; 4, п. 2.1.9].

При этом для нас осталось загадкой — убежище и здание, в котором оно расположено, — это все-таки разные объекты недвижимости или

один? С одной стороны, из материалов дела следует, что убежище физически обособлено, имеет самостоятельные входы и выходы. С другой стороны, оно встроено в здание. Интересно и то, передавалось ли фактически убежище Обществу, кто имел в него доступ?

Особую актуальность эти вопросы приобретают в связи с тем, что в материалах дела отсутствуют какие-либо доказательства, подтверждающие сохранение владения убежищем за публичным собственником. Более того, на баланс Государственного Предприятия было передано все здание, включая убежище; земельный участок под этим зданием был выкуплен Государственным Предприятием при реализации права на выкуп земельного участка собственником здания.

Однако ВС РФ установил отсутствие владения убежищем на стороне Общества и обратил внимание на то, что внесение записи в ЕГРН еще не свидетельствует о выбытии вещи из владения собственника. Вероятно, при этом ВС РФ исходил из того, что убежище на протяжении многих лет сохраняло свое назначение, т. е. ответчик не переоборудовал его, не использовал по другому назначению и т. д. Таким образом, ответчик отказался от хозяйственного господства над убежищем в своих целях и признал сохранение такого господства над убежищем публичным собственником.

Тогда снова странно, что на наличие/отсутствия владения убежищем на стороне Общества не обратили внимания суды первых двух инстанций.

4) Если следовать логике Постановления № 10/22 и Информационного письма Президиума ВАС РФ от 15.01.2013 № 153 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам защиты прав собственника от нарушений, не связанных с лишением владения» [9], то ВС РФ обосновано удовлетворил иск о признании права собственности РФ на убежище. Напомним, согласно указанным разъяснениям иск о признании права собственности на недвижимую вещь подлежит удовлетворению, в том числе тогда, когда он предъявлен владеющим собственником вещи, право собственности на которую зарегистрировано за другим лицом. Срок исковой давности на такого рода иски не распространяется. Иск о признании права собственности отсутствующим, который тоже не давливается, может предъявить владеющий и реестровый собственник. То есть в нашем случае для применения такого иска отсутствует второй элемент [13; 15, с. 97–112].

Применительно к последнему аргументу следует сделать небольшое пояснение. Как в доктрине, так и в судебной практике обращается

внимание на то, что ограничение сферы действия иска о признании права отсутствующим только ситуациями, когда такой иск предъявляется владеющим и реестровым собственником, необосновано. Сфера действия данного иска должна быть намного шире и в равной степени распространяться на другие спорные ситуации, касающиеся принадлежности гражданских прав [16, с. 243–247]. Однако данный иск, как исключительный, не мог быть применен в анализируемом деле, поскольку существовала возможность предъявить иск о признании права собственности.

С разграничением иска о признании права, иска о признании права отсутствующим, негативного иска, предложенным в указанных разъяснениях Высших Судов, можно соглашаться или нет [10, с. 57–161]. Но применительно к рассматриваемому спору неясно, зачем ВС РФ ссылается на иск о признании права отсутствующим и делает ссылку на п. 3 Постановления № 10/22, если в итоге обращается к иску о признании права и удовлетворяет его. Если ВС РФ не хотел представить какое-то новое видение о соотношении перечисленных исков, этот пассаж только вводит в заблуждение. Полагаем, что для обоснования приведенной позиции ВС РФ было бы достаточно ссылок на п. 57–59 Постановления № 10/22.

5) Еще один интересный вопрос применительно к анализируемому делу возник при его обсуждении на просторах сети «Интернет».

Согласно п. 1–2 ст. 238 ГК РФ, если по основаниям, допускаемым законом, в собственности лица оказалось имущество, которое в силу закона не может ему принадлежать, это имущество должно быть отчуждено собственником в течение года с момента возникновения права собственности на имущество, если законом не установлен иной срок. Если этого не сделано, такое имущество, с учетом его характера и назначения, по решению суда, вынесенному по заявлению органа власти, подлежит принудительной продаже с передачей бывшему собственнику вырученной суммы либо передаче в публичную собственность с возмещением бывшему собственнику стоимости имущества, определенной судом. При этом вычитаются затраты на отчуждение имущества.

Формально данные нормы не могли быть применены при разрешении анализируемого спора, поскольку убежище оказалось в частной собственности по основанию, не допускаемому законом. Кроме того, возмездный возврат убежища из частной собственности в публичную собственность выглядит малобоснованным.

Судя по всему, в нашем правопорядке отсутствует механизм возврата изъятой или ограниченной в обороте вещи из частной собственности в публичную собственность, если вещь выбыла из владения публичного собственника незаконно, и истек срок исковой давности по виндикации. Очевидно, что такого рода споры могут касаться не только защитных сооружений, но и, например, изъятых из оборота или ограниченных в обороте земельных участков. Возможно, на виндикационный иск по такого рода спорам не должен распространяться срок исковой давности? [18] Или правовые режимы таких объектов, оказавшихся в частной собственности, но не могущих быть возвращенными в публичную собственность, должны быть изменены? Последнее предположение выглядит весьма сомнительным. Ведь режим изъятия или ограниченности в обороте вводится в отношении строго определенных объектов при наличии веских политико-правовых оснований для этого. И незаконное отчуждение таких объектов из публичной собственности в частную собственность не должно что-то менять в этом процессе.

К слову, если встать на позицию некоторых цивилистов и признать, что изъятые из оборота объекты — это вовсе не объекты гражданского права [11], тогда частноправовые способы защиты прав на такие объекты в принципе не применимы. Должны применяться какие-то специальные публично-правовые инструменты. Вопрос только в том — какие?

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова М.А. Право собственности и способы его защиты в гражданском праве: учеб. пособие/М.А. Александрова, А.Д. Рудоквас, А.О. Рыбалов; под общ. ред. А.Д. Рудокваса. СПб., 2017.
2. Бевзенко Р. Что такое реки, публичные дороги, мосты, Московский Кремль, подземные пусковые шахты баллистических ракет и проч. с точки зрения гражданского права? Ответы — в книге Карадже-Искрова «Публичные вещи». URL: zakon.ru;
3. Егоров А.В., Ерохова М.А. Ключевые вопросы вещного права (интервью). URL: YouTube;
4. Ерохова М.А. Защита права собственности в свете реформы ГК РФ. М., 2015.
5. Подшивалов Т. П. Негаторный иск: проблемы теории и практики. М., 2019.
6. Скловский К.И. Применение законодательства о собственности. Трудные вопросы. Комментарий Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010 г., Постановления Пленума ВАС РФ от 11 июля 2011 г. № 54, Информационного письма Президиума ВАС РФ от 15 января 2013 г. № 153. М., 2016.

7. Хлюстов П.В. Энциклопедия правовых позиций Высшего Арбитражного Суда РФ и Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ по делам о защите права собственности и других вещных прав от нарушений, не связанных с лишением владения: негативный иск, иск о признании права, иск о признании права отсутствующим. М, 2017.

8. Хлюстов П.В. Энциклопедия правовых позиций Высшего Арбитражного Суда РФ по делам об истребовании имущества из чужого незаконного владения. М., 2015.

9. Юминов А. Бомбическое Определение ВС РФ про бомбоубежище. URL: zakon.ru.

УДК 347

Научная специальность — 12.00.03

Кулушева Наталья Александровна

главный специалист отдела сопровождения процедур банкротства
Департамента правового обеспечения
ПАО «МРСК Северо-Запада»,
ассистент кафедры предпринимательского
и энергетического права СПбГЭУ

Петров Валерий Викторович

судья, пребывающий в отставке,
старший преподаватель кафедры уголовного права
и уголовного процесса СПбГЭУ

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КОНТРОЛЯ (НАДЗОРА)
ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ АРБИТРАЖНЫХ УПРАВЛЯЮЩИХ
В СВЕТЕ ПРОЦЕДУР БАНКРОТСТВА 2018–2019**

Natalya A. Kulusheva

chief specialist of the bankruptcy support Department of legal support
public company «MRCK North-West»,
assistant of the Department of entrepreneurship
and energy law of Saint Petersburg University of Economics

Valery V. Petrov

the judge staying in resignation,
chief lecturer of the Department of criminal law
and criminal process of Saint Petersburg University of Economics

**SOME ISSUES OF CONTROL (SUPERVISION)
OVER THE ACTIVITIES OF ARBITRATION MANAGERS
IN THE LIGHT OF BANKRUPTCY PROCEDURES 2018–2019**

Abstract. This article discusses the practical problems that arise in the application of Federal law 26.10.2002 № 127-FZ “on insolvency (bankruptcy)”, and analyzes some of the provisions of this law.

The results of bankruptcy procedures for 2018 and 2019, as well as issues of efficiency of arbitration managers are considered.

The purpose of the work is to draw attention to the imperfection of legislation and practice of applying the Federal law 26.10.2002 № 127-FZ “on insolvency (bankruptcy)”, as well as in the sphere of control (supervision) over the activities of arbitration managers.

Based on the research, the authors suggest further ways to improve anti-crisis legislation.

Key words: arbitration Manager, bankruptcy, control, supervision, register, creditors' claims.

Одним из показателей экономического благополучия в стране является, в том числе, и состояние платежной дисциплины, платежно-расчетного механизма относительно кризис которых на определенном этапе исторического развития привел к введению в России института банкротства, который, в настоящее время регулируется Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве).

Упомянутый закон наряду с Гражданским кодексом Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ст. 65 ГК РФ) устанавливает основания для признания должника несостоятельным (банкротом), регулирует порядок и условия осуществления мер по предупреждению несостоятельности (банкротства), порядок и условия проведения процедур, применяемых в деле о банкротстве, и иные отношения, возникающие при неспособности должника удовлетворить в полном объеме требования кредиторов.

Определены лица, участвующие в деле о банкротстве и очевидно, что основная из них фигура арбитражного управляющего, который и призван вести саму процедуру. Арбитражный управляющий утверждается арбитражным судом в зависимости от процедуры в качестве временного, административного, внешнего, конкурсного или финансового управляющего.

Арбитражный управляющий является субъектом профессиональной деятельности, осуществляет регулируемую законодательством деятельность, занимаясь частной практикой.

Поскольку деятельность арбитражных управляющих регулируется рядом законов, в том числе Законом о банкротстве при непосредственном и главенствующем участии арбитражного суда, естественна процедура осуществления соответствующего контроля со стороны государственных органов.

Законом о банкротстве определены формы контроля за деятельностью как саморегулируемой организации (далее — СРО) арбитражных управляющих, так и самих арбитражных управляющих и последних контролирует СРО в котором они состоят, то есть общественная организация. Контроль за деятельностью арбитражных управляющих осуществляется в части соблюдения последними Закона о банкротстве, иных законов или нормативно правовых актов.

За деятельностью СРО контроль (надзор) осуществляет соответствующий федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный Правительством РФ в полномочия которого входят указанные функции и этим органом является Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (далее — Росреестр) (Постановление Правительства РФ от 01.06.2009 № 457 «О Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии»).

Законодательство о банкротстве своей целью ставит удовлетворение в полном объеме требований кредиторов, регулируя порядок и условия осуществления мер по предупреждению несостоятельности (банкротства), порядок и условия проведения процедур, применяемых в деле о банкротстве, что напрямую взаимосвязано, как упоминалось выше, с экономическим благополучием страны.

Эффективность применения законодательства о банкротстве, а соответственно и деятельности арбитражных управляющих определяется результатом применения соответствующих процедур.

18.01.2019 АО «Интерфакс» [1] опубликовало сводные результаты процедур, применявшихся в деле о банкротстве за 2018 год, из которых видно, что:

- сумма требований, включенных в реестр требований кредиторов по делам, находящимся в производстве, составила 3 197 393 465 376, 95 рублей, а сумма удовлетворенных требований составила 2 427 078 547, 04 рублей.
- сумма требований, включенных в реестр требований кредиторов по завершенным делам, составила 2 686 335 650 303, 02 рублей, сумма удовлетворенных требований 123 582 922 265, 71 рублей.

Общая сумма требований, включенных в реестр требований кредиторов 5 611 593 566 713, 04 руб., а общая сумма удовлетворенных требований 127 532 360 035, 3 руб., то есть удовлетворяемость требований составляет всего 2,27%. К сведению доходная часть бюджета РФ

за 2018 год составила 19,455 трлн. руб. [2] и потери кредиторов составили приблизительно $\frac{1}{4}$ бюджета страны.

В отчете приводятся и другие данные, так арбитражным управляющим за исполнение ими обязанностей выплачено вознаграждение в сумме 7 021 441 781, 51 рублей, лицам, привлеченным арбитражными управляющими для обеспечения своей деятельности, выплачено 2 641 195 497, 10 рублей.

15.01.2020 АО «Интерфакс» [3] опубликованы результаты процедур в делах о банкротстве за 2019 год, и они мало отличаются от результатов за предыдущий период:

- сумма требований, включенных в реестр требований кредиторов по делам, находящимся в производстве, составила 2 724 294 281 796,45 рублей, сумма удовлетворенных требований составила 12 558 206 103,7 рублей.
- сумма требований, включенных в реестр требований кредиторов по завершенным делам, составила 3 301 302 559 147,79 рублей, сумма удовлетворенных требований 146 473 446 299,25 рублей.

Общая сумма требований, включенных в реестр требований кредиторов составила 6 025 596 840 944,24 рублей, сумма удовлетворенных требований 159 031 652 402,95 рублей, то есть в 2019 году удовлетворяемость требований кредиторов составила 2,64%.

Издательство ТАСС опубликовало сведения о доходе бюджета РФ [4] и в 2019 году, по версии издательства, доход составил 20,187 трлн. рублей.

По данным Статистического бюллетеня ЕФРСБ на июнь 2019 года арбитражных управляющих в РФ 10103 человека [5], в этом же году, исходя из результатов процедур, опубликованных АО «Интерфакс» им выплачено вознаграждение, к стати за счет средств кредиторов, в сумме 5 741 243 807,1 рублей, произведена оплата услуг лиц, привлеченных арбитражными управляющими для обеспечения своей деятельности, в сумме 3 904 832 036,31 рублей.

Наблюдая эти цифры, можно задать резонный вопрос, а чем вообще занимаются арбитражные управляющие при эффективности удовлетворяемости требований кредиторов не более трех процентов и насколько эффективно действующее законодательство о банкротстве.

Ответ на поверхности, арбитражные управляющие осуществляют законный бизнес для ограниченного круга лиц, основанный

на бедственном экономическом положении юридических лиц и граждан, а само законодательство о банкротстве в существующем виде позволяет гражданам и юридическим лицами более или менее успешно «списывать» свои долги оставляя открытым вопрос удовлетворения в полном объеме требований кредиторов.

Эффективна ли существующая процедура контроля (надзора) за деятельностью арбитражных управляющих, может ли общественная организация, в лице дисциплинарного комитета, которая существует на взносы арбитражных управляющих, объективно оценить их деятельность, «подпилить сук», на котором сидит — по всей видимости, нет.

Исходя из отчета за 2018 год, на действия (бездействие) арбитражных управляющих рассмотрено 4755 жалоб, из них удовлетворено 1066.

В 2019 году рассмотрено 6 671 жалоб, удовлетворено 1 222.

Жалобы могут рассматриваться как судом, так и саморегулируемой организацией арбитражных управляющих и разграничения в отчете отсутствуют.

В ходе возникновения трений между арбитражным управляющим и руководством саморегулируемой организацией последние пытаются и оказывают давление на управляющих, в том числе и с применением не совсем законных средств и методов.

Показателен конфликт между Союзом «Саморегулируемая организация арбитражных управляющих «Стратегия» г. Москва и арбитражным управляющим Елисоветским О.И. после назначения последнего финансовым управляющим гражданина-банкрота Андрея Исаева дело рассматривалось в Арбитражном суде города Санкт-Петербурга и Ленинградской области № А56—71974/2015.

04.07.2016 года Елисоветский О.И. подал заявление о выходе из СРО, которое в установленный срок удовлетворено не было, а назначена и проведена внеплановая проверка, по результатам которой составлен соответствующий акт. Результат проверки был достаточно предсказуем, Дисциплинарный комитет рекомендовал Совету Союза СРО АУ «Стратегия» исключить арбитражного управляющего Елисоветского О. И. из числа членов Союза СРО, что и было осуществлено 21.10.2016 года принято решение об исключении Елисоветского О.И.

Арбитражный управляющий обжаловал данное решение и Арбитражным судом города Москвы по делу № А40—208209/16 оно было признано незаконным.

Заявление было подано в суд 13.10.2016, решение принято 13.03.2017, то есть на разрешение конфликта потребовалось 5 месяцев. В законную силу решение вступило 31.05.2017 года после рассмотрения дела Девятым арбитражным апелляционным судом. Окончательная точка поставлена Арбитражным судом Московского округа 05.10.2017 года, то есть практически через год после подачи заявления.

Самостоятельный выход из членов СРО конечно отличается от исключения по решению Дисциплинарного комитета, и последнее влечет негативные последствия для арбитражного управляющего применительно к его профессиональной деятельности.

Вышеупомянутый пример стал достоянием гласности ввиду проведения процедуры банкротства в отношении Исаева А.В., которая, кстати, не закончена до настоящего времени, правда, ведет ее уже другой арбитражный управляющий и показателен неоднозначными отношениями между руководством СРО и управляющими.

Елисоветский И.И. этой ситуации посвятил открытое письмо, направленное в государственные органы, где привел примеры непростых отношений внутри СРО, однако ссылки на него были бы некорректными, поскольку это субъективное мнение управляющего.

Однако есть положительные примеры разрешения жалоб на действия (бездействие) арбитражных управляющих и к таким можно отнести рассмотрение дела в отношении Бровина А.М.

Управление Росреестра по Ленинградской области провело проверку жалоб на деятельность арбитражного управляющего Бровина А.М. по результатам которой обратилось в Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области с заявлением о привлечении Бровина А.М. к административной ответственности, усматривая в его действиях (бездействии) ч. 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ. Диспозиция указанной статьи предусматривает ответственность за повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 3 ст. 14.13 КоАП РФ и предусматривает ответственность в виде дисквалификации на срок от шести месяцев до трех лет.

Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области № А56—49295/2016 принял решение об отказе в привлечении арбитражного управляющего Бровина А.М. к административной ответственности усмотрев в его действиях (бездействии) малозначительность деяния и объявил устное замечание.

Суд второй инстанции, а именно Тринадцатый арбитражный апелляционный суд согласился с решением суда первой инстанции и оставил его без изменения.

Жалобы на Бровина А.М. поступали и в СРО, видимо чаша терпения переполнилась и решением совета Союза арбитражных управляющих «Саморегулируемая организация «Северная Столица», оформленного Протоколом № 203 от 23.11.2016, арбитражный управляющий Бровин А.М. исключен из членов Союза за неоднократные нарушения норм Закона о банкротстве.

Бровин А.М. обжаловал решение СРО в Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, но видимо нарушения были столь серьезны, что в удовлетворении жалобы было отказано дело № А56—83377/2016. Суд второй инстанции в лице Тринадцатого арбитражного апелляционного суда и в этот раз согласился с решением суда первой инстанции.

Со стороны государства контроль (надзор) за деятельностью саморегулируемых организаций осуществляет Росреестр, положение о котором утверждено Постановлением Правительства РФ от 01.06.2009 № 457.

Приказом Минэкономразвития РФ от 07.10.2011 № 549 утвержден Административный регламент исполнения Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии государственной функции по осуществлению контроля (надзора) за деятельностью саморегулируемых организаций арбитражных управляющих и надзора за деятельностью саморегулируемых организаций оценщиков.

Предметом государственного контроля (надзора) является соблюдение саморегулируемой организацией арбитражных управляющих требований Закона о банкротстве, Закона о саморегулируемых организациях, других федеральных законов, иных нормативных правовых актов Российской Федерации, регулирующих деятельность саморегулируемых организаций арбитражных управляющих и самих арбитражных управляющих, не касается.

Однако, любое нарушение норм Закон о банкротстве образует состав административного правонарушения, предусмотренного частью 3 статьей 14.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ — (далее КоАП РФ) неисполнение арбитражным управляющим, реестродержателем, организатором торгов, оператором электронной площадки либо руководи-

телем временной администрации кредитной или иной финансовой организации обязанностей, установленных законодательством о несостоятельности (банкротстве), если такое действие (бездействие) не содержит уголовно наказуемого деяния.

Субъектом данного правонарушения является арбитражный управляющий, административное правонарушение, предусмотренное частью 3 статьи 14.13 КоАП РФ, характеризуется формальным составом, является оконченным с момента невыполнения соответствующих требований Закона о банкротстве, ответственность за нарушение которых наступает независимо от наличия общественно опасных последствий в виде причинения ущерба правам и законным интересам кредиторов.

Основаниями к возбуждению дел об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 14.13 КоАП РФ, являются поводы, указанные в пунктах 1, 2 и 3 части 1 статьи 28.1 КоАП РФ, а конкретно непосредственное обнаружение должностными лицами, уполномоченными составлять протоколы об административных правонарушениях, достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения; поступившие из правоохранительных органов, а также из других государственных органов, органов местного самоуправления, от общественных объединений материалы, содержащие данные, указывающие на наличие события административного правонарушения; сообщения и заявления физических и юридических лиц, а также сообщения в средствах массовой информации, содержащие данные, указывающие на наличие события административного правонарушения и заявления лиц, участвующих в деле о банкротстве, лиц, участвующих в арбитражном процессе по делу о банкротстве, органов управления должника — юридического лица, саморегулируемой организации арбитражных управляющих, содержащие достаточные данные, указывающие на наличие события административного правонарушения.

Протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 14.13 КоАП РФ, уполномочены составлять должностные лица федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по контролю (надзору) за деятельностью саморегулируемых организаций арбитражных управляющих, то есть Росреестра.

Статья 28.7 КоАП РФ предусматривает по делам данной категории проведение административного расследования, что позволяет

осуществлять комплекс мероприятий по истребованию сведений, назначению и проведению экспертиз, опросу граждан, исследованию деятельности арбитражного управляющего.

Решение о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования принимается должностным лицом, уполномоченным в соответствии со статьей 28.3 КоАП РФ составлять протокол об административном правонарушении, в виде определения, а прокурором в виде постановления.

Дела об административных правонарушениях, предусмотренных частью 3, 3.1 статьи 14.13 КоАП РФ рассматривают судьи арбитражных судов (ст. 23.1 КоАП РФ).

То есть КоАП РФ дает право сотрудникам Росреестра осуществлять контроль (надзор) за деятельностью арбитражных управляющих в рамках соблюдения последними норм Закона о банкротстве, однако эффективность данной деятельности оставляет желать лучшего.

По данным ЕФРСБ с 01.01.2018 по 31.12.2018 арбитражными управляющими опубликовано с нарушением срока, установленного статьей 13 Закона о банкротстве, по Санкт-Петербургу 321 сообщение, по Ленинградской области 58 сообщений, с 01.01.2019 по 31.12.2019 по Санкт-Петербургу с нарушением срока опубликовано 273 сообщения, по Ленинградской области 38 сообщений.

В 2018 году соответствующие Управления Росреестра вправе были составить 379 протоколов об административных правонарушениях в отношении арбитражных управляющих как говорится «не выходя из кабинета» не считая остального спектра нарушений норм Закона о банкротстве.

В реалии Арбитражным судом города Санкт-Петербурга и Ленинградской области в 2018 году [5] рассмотрено 188 дел, связанных с применением законодательства об административном правонарушении, о привлечении к административной ответственности связанных с банкротством и только по 100 делам требования удовлетворены.

На сегодняшний день на сайте Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, к сожалению, отсутствуют сведения о работе суда за 2019 год, что не позволяет исследовать ситуацию с рассмотрением дел об административном правонарушении на текущий период времени, но и приведенные цифры позволяют сделать вывод об отсутствии эффективного контроля (надзора) за деятельно-

стью арбитражных управляющих, поскольку опубликование с нарушением срока, установленного статьей 13 Закона о банкротстве это малая толика тех нарушений, которые допускаются арбитражными управляющими при ведении соответствующих процедур, применяемых в деле о банкротстве.

С момента принятия Закона о банкротстве в 2002 году по настоящее время в последний внесено более 100 изменений, что говорит о динамичном развитии данной отрасли законодательства и отсутствие стройной системы контроля (надзора) в данной сфере не может не вызывать беспокойства, поскольку кредиторы, юридические лица, либо граждане, в отношении которых введены процедуры банкротства, остаются один на один с арбитражным управляющим.

Средства массой информации, интернет-издания изобилуют рекламой об оказании услуг гражданам, организациям по делам о банкротстве. Но если разобраться в смысле участия этих «помощников», то в первую очередь необходимо заглянуть в Закон о банкротстве, который определил вознаграждение арбитражного управляющего, которое состоит из фиксированной суммы и суммы процентов.

Размер фиксированной суммы составляет для временного управляющего 30 000 руб. в месяц, административного управляющего 15 000 руб., внешнего управляющего 45 000 руб., конкурсного управляющего 30 000 руб., финансового управляющего 25 000 руб. причем последняя сумма единовременно за проведение всей процедуры.

А вот сумма процентов по вознаграждению устанавливается исходя из проводимой процедуры и зависит у временного, административного управляющего от балансовой стоимости активов должника, у внешнего управляющего от сумм, направленных на погашение требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов, при прекращении производства по делу о банкротстве и стоимости чистых активов должника за период внешнего управления, у конкурсного управляющего от размера удовлетворенных требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов.

То есть в отношении граждан вознаграждение в 25 000 руб. единовременно за проведение всей процедуры не обеспечит существование не только организации, которая желает оказать помощь при проведении процедур банкротства, но и самого арбитражного управляющего, либо иного «помощника».

Привлечение финансовых средств, необходимых якобы для реализации возможности осуществления процедур, применяемых в деле о банкротстве, возлагается на гражданина, организацию должника и последние успешно финансируют управляющих и их организации.

Зачастую арбитражные управляющие в качестве представителей выступают на стороне должников, представляя их интересы, естественно то же не бесплатно и данная сфера деятельности, в том числе и оборот денежных средств, остаются без контроля, поскольку Законом о банкротстве не регулируются.

Ныне действующая система предполагает утверждение кандидатуры арбитражного управляющего в процедуре банкротства в качестве временного, конкурсного управляющего по предложению кредиторов, либо кандидатуру выдвигает саморегулируемая организация. Поскольку порядок случайного выбора арбитражного управляющего не определён, действующая схема позволяет утверждение «удобной» кандидатуры. Обязательное получение согласия арбитражного управляющего на участие в соответствующей процедуре может создать ситуацию отсутствия кандидатуры для утверждения вообще, что лишит права должника на введение процедуры банкротства и к тому есть печальные примеры.

Законодательство о банкротстве формировалось для реализации конституционного права гражданина на обращение в суд и обеспечение со стороны государства реальных условий для использования им всего механизма потребительского банкротства. Процедуры несостоятельности в отношении гражданина осуществляются под контролем суда и поскольку в силу пункта 1 статьи 213.9 Закона о банкротстве участие финансового управляющего в деле о банкротстве гражданина является обязательным, суд обязан обеспечить условия для реализации данного права, однако действенный механизм обеспечения отсутствует.

Определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28.01.2019 № 301-ЭС18–13818 по делу № А28–3350/2017 как раз разрешался подобный вопрос когда производство по делу о банкротстве было прекращено по истечению установленного законом трехмесячного срока для утверждения кандидатуры финансового управляющего. И именно пробелы в Законе о банкротстве привели к созданию подобной ситуации и, как всегда, несовершенство

законодательства регулируются судебными актами и правоприменение формируется судебной практикой.

Достаточно очевидно, что создание судебной практики дело непростое и очень небыстрое, вышеупомянутое определение СК по экономическим спорам принято 28.01.2019, это дата изготовления решения в полном объеме, а обжалуемое решение суда первой инстанции вынесено 20.11.2017, то есть проблема даже не вчерашнего дня, гражданину потребовалось более года на восстановление своего конституционного права, но не все могут быть такими упорными.

Очевидно, что вопросы деятельности арбитражных управляющих и вопросы контроля их деятельности подлежат уточнению и конкретизации соответствующим отраслевым законодательством, необходимо детально прописать в Законе о банкротстве подобные ситуации и способы их разрешения.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Результаты процедур в делах о банкротстве за 2018 год 18.01.2019 «Федресурс» (fedresurs.ru)
2. Москва, 22 января — «Вести. Экономика», www.vestifinance.ru
3. Результаты процедур в делах о банкротстве за 2019 год 15.01.2019 «Федресурс» (fedresurs.ru)
4. <https://tass.ru/ekonomika/7558867>
5. <https://tass.ru/ekonomika>
6. spb.arbitr.ru/welcome/showall/130

УДК 341.9

Научная специальность — 12.00.03

Елена Владимировна Леонова

доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

Татьяна Георгиевна Лясович

доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин
Ленинградского областного филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ФИНЛЯДИИ

Elena V. Leonova

Docent of Civil Law and Civil Procedure Department
of Saint-Petersburg University of MIA of Russia,
Ph. D. in Law, Docent

Tatiana G. Lyasovich

Docent of Socio-Economic and Humanitarian Sciences
Department of the Leningrad Regional
Branch of the St. Petersburg University of the MIA of Russia.

ABOUT PECULIARITIES OF LEGAL REGULATION ON UNFAIR COMPETITION COUNTERACTION IN THE LEGISLATION OF FINLAND

Abstract. The article is devoted to the experience of legal regulation of unfair competition counteraction in the current legislation of Finnish Republic. Analyzing legal acts and law enforcement practice authors research the most widespread law violations in the field of monopoly activity and unfair competition and prevention measures. At the end of the article, the conclusion is made that Finnish experience of legal regulation and reaction on violations in the field of competition and antimonopoly policy is useful for research and can be used in the conditions of modern Russia.

Key words: antimonopoly legislation of Finland, free competition, Competition Act of Finnish Republic, unfair competition, Finnish Competition and Consumer Authority of Finland.

Свободная конкуренция является неотъемлемой частью и условием эффективного развития рыночной экономики, которое «позволяет сохранить нечто вроде равновесия... между различными субъектами» [2, с. 49]. В силу этого в законодательство большинства европейских

государств включены положения, обеспечивающие создание и функционирование механизма противодействия недобросовестной конкуренции, а также устанавливающие ряд правил ее «правильной» организации [15][17].

Финляндская республика в этом отношении не является исключением. В ее антимонопольном законодательстве содержится ряд интересных положений о конкуренции и ее защите, изучение и анализ которых могут быть интересны и полезны как с теоретической, так и с практической точек зрения.

Итак, по сути, действующее антимонопольное законодательство Финляндии направлено на создание всех необходимых предпосылок для обеспечения эффективной конкуренции хозяйствующих субъектов, которые в итоге приобретают «свободный выход на рынки, могут свободно выбирать своих клиентов и устанавливать цены» [7].

Положения антимонопольного законодательства Финляндии, в котором в качестве основного можно выделить закон «Об ограничении конкуренции» (далее — Закон), основаны на директивах Евросоюза (ЕС) — в частности, Правилах о конкуренции ЕС [13, с. 5]. Положениями названных законов запрещаются действия, направленные на ограничение или устранение конкуренции, а также перечисляются способы недобросовестной конкуренции: ценовой сговор с другими компаниями, создание различных картелей и бойкотов, разделение рынка, заключение договоров о запрете конкуренции, а также злоупотребление своим доминирующим положением [14, с. 3].

Таким образом, становится очевидным, что финский законодатель запрещает любые способы и ухищрения, ведущие к уменьшению конкуренции и (или) умышленному повышению цен, которое неминуемо повлияет на экономическое положение того или иного хозяйствующего субъекта.

Примечательно, что на территории Финляндии действуют специализированные структуры по контролю конкуренции — Агентство свободной конкуренции и защиты прав потребителей (далее — Агентство), а также Региональные управления органов государственной власти «АВИ». Деятельность названных структур регламентируется уже упомянутым законом «Об ограничении конкуренции» и имеет своей целью разрешение широкого круга вопросов, связанных с вредными последствиями ограничения конкуренции. Так, к примеру, в Законе в качестве вредных последствий недобросовестной конкуренции

(или ее ограничения) называются следующие факторы: 1) влияние на ценообразование; 2) снижение эффективности экономической жизни в целом; 3) нанесение вреда предпринимательской деятельности (в целом и деятельности конкретных субъектов); 4) возникновение условий для злоупотребления своим положением хозяйствующими субъектами на рынке; 5) нарушение международных договоренностей [6].

В целях недопущения наступления перечисленных вредных последствий финский законодатель уделяет особое внимание противодействию ограничению конкуренции (или любых иных нарушений в этой сфере), а также борьбе со злоупотреблениями хозяйствующих субъектов своим доминирующим положением на рынке. С этой целью он предлагает значительно расширить круг прав ведомства по делам конкуренции, а также налагает ряд ограничений на предпринимателей.

В частности, на основании Закона, в коммерческой деятельности предпринимателям запрещается использовать способы, не соответствующие правилам «порядочного ведения бизнеса» или «которые, по иным основаниям, являются неподходящими, по мнению другого предпринимателя» [4] (противоречат обычаям делового оборота — авт.) [3, с. 22–28]. В качестве таких способов называются имитация деятельности другого предприятия, сокрытие необходимой информации, создание неверного представления о своей продукции (например, в рекламе), обещание случайной выгоды (путем розыгрыша), если для ее достижения необходимо приобрести товар.

Заслуживает особого внимания полномочия и практика деятельности Агентства свободной конкуренции и защиты прав потребителей Финляндии по противодействию различным ограничениям свободной конкуренции и борьбе с иными нарушениями в этой сфере.

Агентство наделено широкими полномочиями по рассмотрению дел, связанных с ограничениями конкуренции на рынке. Оно уполномочено обязать предпринимателя, незаконно занявшего доминантное положение на рынке (раздел 4 Закона), прекратить свою незаконную деятельность, или установить ограничение с помощью определённой правоприменительной процедуры (раздел 7 Закона). Решение Агентства может быть обжаловано в Арбитражный суд и в Высший административный суд, который вправе согласиться со штрафом, предложенным Агентством и вынести соответствующее решение.

На практике в процессе пресечения злоупотреблений хозяйствующими субъектами своим доминирующим положением на рынке

Агентство опирается на директивы ЕС по определению размера штрафов и правила ЕС о приоритетах. Так, в 2017 г. в ЕС была издана специальная брошюра с практическими рекомендациями [5].

Кроме того, Агентство уполномочено издавать собственные директивы по противодействию недобросовестной конкуренции и аналогичным нарушениям в экономической сфере, однако, до настоящего момента им таких директив разработано не было. Единственным исключением стало решение Агентства, принятое в 2018 г., которое носило обязывающий характер, в отношении условий соглашения между правообладателями — членами финского общества композиторов-копирайтеров «Теосто» (некоммерческая организация коллективного управления, которая собирает «роялти» (периодическая денежная компенсация за использование авторских прав) в пользу авторов песен и композиторов Финляндии). Агентство поставило под сомнение соблюдение правил добросовестной конкуренции и условий соглашения общества. В дальнейшем Агентство обязало общество композиторов «Теосто» расширить индивидуальное управление опциями копирайта (авторских прав) для композиторов [9].

Этот пример, на наш взгляд, может свидетельствовать, с одной стороны, о том, что реальные возможности Агентства в сфере правоприменения остаются довольно ограниченными на настоящий момент (что, возможно, существенно снижает эффективность его работы в сфере противодействия ограничению свободной конкуренции и иных нарушений в этой сфере). С другой стороны, вполне допустимо и то, что ввиду традиционной законопослушности и уважения к закону и власти, после однократного указания на нарушение со стороны Агентства, носящего рекомендательный характер, хозяйствующие субъекты-нарушители оперативно реагируют прекращением противоправных действий. Таким образом, необходимость в императивных методах воздействия априори отпадает.

Закон «Об ограничении конкуренции» Финляндии (раздел 7) содержит подробный перечень правонарушений в области монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции. В частности, к ним относят: установление запретительных цен (монопольно высокая или монопольно низкая цена товара), заключение сделок с предоставлением привилегированных условий одной из сторон, отказ от сделки, поставок товара, дискриминация, «эксплуататорские» злоупотребления [13, с. 2].

Приведем примеры некоторых из них. Так, *к нарушениям в области ценообразования* законодатель относит ведение хозяйствующим субъектом такой ценовой политики, в рамках которой доминирующая компания устанавливает цену на товары заведомо ниже их стоимости в течении непродолжительного периода времени с целью устранения существующих или возможных конкурентов с рынка. Примером подобного нарушения является дело финской компании по производству молочных продуктов Валио (Valio), в отношении которой Высший административный суд Финляндии установил, что она намеренно и незаконно заняла доминирующее положение на рынке свежего молока и молочной продукции путем заведомого искусственного занижения цен. В действиях компании суд усмотрел злоупотребление доминирующим положением на рынке и нарушением в области ценовой политики. Высший административный суд также поддержал решение Арбитражного суда о наложении штрафа на компанию в размере 70 миллионов евро, который стал самым суровым наказанием, которое когда-либо назначалось в Финляндии до настоящего времени за правонарушение подобного рода [8].

Еще одним нарушением в области монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции, согласно Закону, является *эксклюзивное дилерство*. Примером реакции Агентства на совершение подобного правонарушения является дело компании Аблой (Abloy), в рамках которого Агентством было установлено, что маркетинговое сопровождение (поддержка), выплаченная компанией аккредитованным дилерам (дистрибьюторам), является скрытой, незаконной, целевой льготой. Агентство приняло во внимание тот факт, что половиной дилеров было получено денежное вознаграждение, которое составило примерно одну треть от их операционного дохода, что неизбежно «приводит к повышению лояльности и заинтересованности дилеров в успешной работе» [10]. Агентство также установило, что маркетинговая поддержка была непрозрачна и основания ее выплаты полностью не ясны. Такое поведение хозяйствующего субъекта может свидетельствовать о монополистическом характере его деятельности и иметь негативное влияние на рынок отдельных групп товаров. Примечательно, что после проведения переговоров Агентства с руководством компании, компания добровольно изменила систему скидок согласно рекомендательным директивам Агентства. Таким образом, Агентство приняло решение ограничиться предупреждением и не выносить решение о наказании в отношении указанной компании.

Еще одним нарушением в области монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции, согласно Закону, является *отказ от совершения сделок*. В деле Сной (SNOY) Высший административный суд Финляндии поддержал решение Арбитражного суда и назначил штраф в размере 90.000 евро финской компании «Suomen Numeropalvelu» (обслуживание телефонных номеров в Финляндии) за отказ предоставить информацию о телефонных абонентах на оптовом рынке. Данная компания, располагая единственной на настоящее время национальной базой данных о телефонных абонентах в Финляндии, отказала в предоставлении информации ее клиентам. Руководство компании «Suomen Numeropalvelu» оправдало отказ в предоставлении информации клиентам, ссылаясь на законодательство о защите информации. Однако этот аргумент не был принят Арбитражным судом, и в отношении компании «Suomen Numeropalvelu» было принято решение о злоупотреблении своими доминирующим положением на рынке [16].

Еще одним нарушением в области монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции, согласно Закону, является *дискриминация*. В деле Аутоматия (Automatia) Агентство постановило, что три банка, принадлежащие одному совместному предприятию, по предварительному согласованию совместно заняли доминирующее положение на рынке при распределении денежных средств, что привело к дискредитирующему ценообразованию и нарушению экономического баланса. Агентство выявило, что стоимость денежных операций, совершенных через банкоматы банков, объединенных в совместное предприятие, оказалась значительно выше по сравнению с операциями, совершаемыми через банкоматы других банков. После проведенных переговоров с руководством совместного предприятия было принято решение об принятии обязательств банками-нарушителями о снижении комиссии за снятие наличных средств через банкоматы, а также об осуществлении банковской деятельности в дальнейшем «не в дискредитирующей манере» [11].

И в завершении рассмотрим еще одно нарушение в области монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции, упомянутое в Законе Финляндии «Об ограничении конкуренции». Это — *эксплуатационное нарушение*, т. е. нарушение, связанное с искусственным завышением цены. Так, к примеру, Агентство заинтересовалось ценами за отопление, устанавливаемыми районными тепловыми компаниями, в период с 2009 по 2011 гг. В своем решении

Агентство указало, что уровень цен тепловых компаний был достаточно высок по сравнению с полученной ими выгодой, а также риском упущенной выгоды от проводимых операций на рынке. В то же время допущенные нарушения лишь незначительно превышают цены, обычно взимаемые за такого рода услуги. Таким образом, Агентство приняло решение об отсутствии состава правонарушения (в данном случае — злоупотребления доминирующим положением на рынке и допущения эксплуатационных нарушений) в действиях тепловых районных компаний [12].

Подводя итог сказанному, отметим, что описанный в статье финский опыт правового регулирования и реагирования на нарушения в сфере конкуренции и антимонопольной политики интересен с теоретической и практической точек зрения. В настоящее время в России пока не приходится говорить о высоком уровне развития свободной конкуренции и ее эффективной защиты. Российский рынок, несмотря на усилия со стороны государства, пока остается высокомонополизированным, что характерно для экономики переходного типа. В таких условиях внимание государства к вопросам антимонопольной политики оправдано и требует расширения сферы влияния государственных структур, обладающих соответствующими полномочиями [1].

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Деркач Ю.Е. Антимонопольная политика Российского государства на современном этапе // Наука и общество. 2011. № 3 (3).
2. Леруа К. Глобализованная свободная конкуренция: очерк о взаимосвязи между правом свободной торговли и правом конкуренции // Вестник Гуманитарного университета. 2018. № 3 (22). С. 49.
3. Пархоменко И.К., Лясевич Т.Г. Обычай как источник права и его роль в регулировании общественных отношений // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2018. № 2 (39). С. 22–28.
4. Behrens P. The Ordoliberal Concept of «Abuse» of a Dominant Position and Its Impact on Article 102 TFEU (2015) // URL: https://www.papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2658045
5. Brochure on the inspection of business premises under Section 35 of the Competition Act (2017).
6. Carlos Laguna de Paz J. Judicial Review in European Competition Law, U. OXFORDFAC.L. // URL: https://www.law.ox.ac.uk/sites/files/oxlaw/judicial_review_in_european_competition_law.pdf
7. Consolidated Version of the Treaty on the Functioning of the European Union art. 102, 2012 O.J. (C 326) 47 (formerly Article 82 TEC).

8. Decision of the Supreme Administrative Court, KHO:2016:221, Valio Oy and Market Court Decision No. 458/12/KR and 36/13/KR, Valio Oy.
9. FCCA Decision No. 503 / KKV14.00.00 /2014.
10. FCCA Decision No. 428/V1.6.61/2006, Abloy Oy.
11. FCCA Decision No. 964/61/2007, Nordea Pankki Suomi Oyj, OP-Keskus cooperative and Sampo Pankki Oyj.
12. FCCA press release, 16 January 2012. P. 3.
13. Guidelines on the Application of the Competition act 3/2011. P. 5.
14. Guidelines on the Application of the Competition act 4/2011. P. 3.
15. Laitenberger J. Developments in EU Competition Control in the Global and Digital Age. Remarks Before the Fordham Antitrust Law and Policy Conference (Sept. 6, 2018)// URL://https:// www.ec.europa.eu/competition/ speeches/text/sp2018_12_en.pdf
Market Court Decision No.1097/ 61/ 2003.
16. Ramirez E. Chairwoman, Fed. Trade Comm'n, Problems with Global Antitrust Enforcement, Yale School of Management (Feb. 20, 2016) // URL://https:// www.som.yale.edu/problems-with-globalantitrust-enforcement/keynote-address-edith-ramirez

УДК 347.9

Научная специальность — 12.00.03

Наджафов Алик Музаффар оглы

Ст. преподаватель Кафедры гражданского права
юридического факультета СПбГЭУ

Павлова Дария Андреевна

Магистрант Кафедры гражданского права
юридического факультета СПбГЭУ

ПРАВИЛЬНОЕ И ЕДИНООБРАЗНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ЗАКОНОВ СУДАМИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Alik M. Nadjafov

Senior Lecturer Department of Civil and Corporate Law, Faculty of Law
Saint-Petersburg State University of Economics

Dariia A. Pavlova

Master Department of Civil and Corporate Law,
Faculty of Law Saint-Petersburg State University of Economics

CORRECT AND UNIFORM APPLICATION OF LAWS BY COURTS: PROBLEMS AND WAYS OF THEIR RESOLUTION

Abstract. This article is devoted to the consideration of the uniform application by judges of the legislation of the Russian Federation, the analysis of judicial practice and national legislation. Proposals for improving legislation in the application of courts

and appeals and cassation instances of provisions on the verification of the legality of decisions of courts of first instance.

Key words: legal proceedings, judicial system, legality of decisions, civil procedural law, civil process.

Конституция Российской Федерации устанавливает, что Верховный Суд Российской Федерации является высшим судебным органом по гражданским делам и дает разъяснения по вопросам судебной практики (ст. 126).[1].

Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» (п.1 ч.3 ст.5) несколько расширяет содержание названного положения и указывает, что разъяснения по вопросам судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации дает Пленум Верховного Суда РФ. [2].

Невозможно не согласиться с тем, что руководящие разъяснения (постановления) Пленума Верховного Суда Российской Федерации являются важными и необходимыми для обеспечения единообразного толкования закона, его терминологии и смысла. Однако руководящих разъяснений недостаточно для того, чтобы добиться единообразного толкования закона на практике. Судебная практика создается конкретными судьями в ходе осуществления деятельности, связанной с рассмотрением и разрешением споров. Важно отметить, что поведение судьи оказывает влияние на толкование нормы закона по конкретному делу. В связи с тем, что разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации не являются обязательными для судов, а носят рекомендательный характер, на практике большинство судей руководствуются разъяснениями не регулярно. В связи с этим, в решениях судов ссылки на разъяснения Пленумов Верховного Суда Российской Федерации не многочисленны. Данное обстоятельство формирует проблему, свойственную судебной системе Российской Федерации. Очевидно, что принцип единообразного применения законов нарушают сами же правоприменители, т. е. конкретные судьи. Указанные нарушения обнаруживаются в вышестоящих судебных инстанциях при рассмотрении конкретных жалоб. Но практика показывает, что в вышестоящих судебных инстанциях, при выявлении нарушений, не обращают на них должного внимания, что позволяет говорить о формировании принципа «корпоративной

солидарности». Однако, все же следует отметить, что ряд судей вышестоящих судебных инстанций обращают внимание на обжалуемые решения и корректируют их с учетом законности и обоснованности. Таким образом, допущенные судьями при разбирательстве дела нарушения в большинстве случаев остаются не выявленными. Следовательно, судьи, допускающие нарушения при вынесении решения не привлекаются к дисциплинарной ответственности. *И здесь будет уместно вспомнить известную поговорку, которая гласит: «Безнаказанность порождает вседозволенность».* А ведь задачами гражданского судопроизводства являются правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел. Кроме того, гражданское судопроизводство должно способствовать укреплению законности и правопорядка, а также формированию уважительного отношения к закону и суду. Таким образом, следует особо подчеркнуть, что одной из главных задач гражданского судопроизводства является именно правильное рассмотрение и разрешение гражданских дел. Судьи, при рассмотрении и разрешении гражданских дел, обязаны применить именно тот закон, который подлежит применению. В то же время, судьи обязаны не применять закон, который не подлежит применению. Судьи обязаны правильно истолковать закон и оценить доказательства по делу в совокупности и по своему внутреннему убеждению. Уверены, что только в этом случае может быть обеспечено единообразное применение законодательства Российской Федерации. Однако, практика показывает, что судьи применяют разные подходы к разрешению аналогичных споров и применению норм действующего законодательства, что подтверждается примерами из судебной практики.

Пример № 1. 18 декабря 2017 года Истец ООО «СТРОЙЛИНК» на предварительном судебном заседании по делу № 2–5378/2017, которое слушалось в Красногвардейском районном суде Санкт-Петербурга, отказался от своих исковых требований к Ответчику ООО «Меридиан». Отказ был принят судом и производство по делу прекращено [3]. В соответствии с пунктом 3 части 1 статьи 333.40. НК РФ, уплаченная государственная пошлина подлежит возврату частично или полностью в случае прекращения производства по делу. После вступления Определения суда в законную силу, ООО «СТРОЙЛИНК» обратилось к судье Р. с заявлением выдать справку для возврата из федерального бюджета оплаченную государственную пошлину. Справка о возврате

государственной пошлины была получена и уплаченная государственная пошлина из федерального бюджета была возвращена.

Пример № 2. 02 апреля 2018 года Истец ООО «СТРОЙЛИНК» на предварительном судебном заседании по делу № 2–654/2018, которое слушалось в том же Красногвардейском районном суде Санкт-Петербурга, также отказался от своих исковых требований к Ответчику ООО «СтройСервис». Отказ был принят судом. Производство по делу прекращено. После вступления Определения суда в законную силу, ООО «СТРОЙЛИНК» обратилось к судье С. с заявлением выдать справку для возврата из федерального бюджета оплаченную государственную пошлину. Однако, судья С. отказала в удовлетворении заявления ООО «СТРОЙЛИНК» о выдаче справки на возврат госпошлины. Отказ мотивирован тем, что оснований для возврата госпошлины за подачу искового заявления, уплаченную ООО «СТРОЙЛИНК», не имеется, поскольку в рамках рассмотрения дела, требования истца удовлетворены ответчиком добровольно, в связи с чем истцом заявлен отказ от исковых требований [4]. При этом, судья С. ссылалась на положение п.3 ст. 333.40 НК РФ. Однако, по требованиям вышеназванной статьи налогового законодательства, уплаченная государственная пошлина не возвращается при добровольном удовлетворении ответчиком требований истца только после обращения указанных истцов в Верховный Суд Российской Федерации, арбитражный суд и вынесения определения о принятии искового заявления к производству, а также при утверждении мирового соглашения, соглашения о примирении Верховным Судом Российской Федерации, судом общей юрисдикции. Как видим, про суды общей юрисдикции в данной статье ничего не сказано.

Как и требует действующее процессуальное законодательство Российской Федерации в случае не согласия с позицией суда, на Определение суда была подана частная жалоба в судебную коллегия по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда. Апелляционным определением Санкт-Петербургского городского суда от 09 октября 2018 года, определение Красногвардейского районного суда Санкт-Петербурга от 22 мая 2018 года было признано незаконным, необоснованным и подлежащим отмене с разрешением вопроса по существу. Дело было возвращено в Красногвардейский районный суд Санкт-Петербурга для разрешения вопроса о выдаче ООО «СТРОЙЛИНК» справки на возврат государственной пошлины.

16 января 2019 года судья С. выдала ООО «СТРОЙЛИНК» справку на возврат государственной пошлины. Что интересно, судья С., в справке на возврат государственной пошлины, снова сослалась на пункт 3 статьи 333.40 НК РФ. Видимо, данная статья Налогового кодекса РФ является для судьи С. «универсальной» статьей, которую можно трактовать на свое усмотрение и применять, как в случае отказа в удовлетворении заявлений, так и в случае удовлетворения. *Здесь также будет уместно вспомнить русскую пословицу, которая гласит: «Закон дышло, как повернул, так и вышло».*

В апелляции определении Санкт-Петербургского городского суда от 09 октября 2018 года (Рег. № 33–21457/20180, только лишь указано, что судебная коллегия с данным выводом суда (Красногвардейского районного суда Санкт-Петербурга) не может согласиться. В результате Определение Красногвардейского районного суда Санкт-Петербурга от 22 мая 2018 года было признано незаконным, необоснованным и подлежащим отмене с разрешением вопроса по существу. Дело было возвращено в Красногвардейский районный суд Санкт-Петербурга для разрешения вопроса о выдаче ООО «СТРОЙЛИНК» справки на возврат государственной пошлины [5].

На первый взгляд кажется, что вышестоящая судебная инстанция разобралась в проблеме и приняла законное решение. Однако, данное решение вышестоящей судебной инстанции вызывает ряд вопросов, среди которых: Почему в одном и том же суде, по аналогичному вопросу судьи приняли разные решения? Почему судья С. приняла незаконное решение? Что повлияло на принятие незаконного решения, пренебрежение судьей С. требования закона или же это банальная «безграмотность» судьи С.?

Постановка данных вопросов в нашем случае, и вообще постановка вопросов во всех других случаях всегда необходима, когда вышестоящие судебные инстанции признают решения нижестоящих судебных инстанций незаконными и отменяют их. Но что делать дальше, ведь судьи вышестоящих судебных инстанций не вправе привлекать к ответственности судей нижестоящих судебных инстанций? А «закрывать глаза» на эти нарушения ни в коем случае нельзя. Для таких случаев Федеральным Законом № 30-ФЗ от 14 марта 2002 года «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» в субъектах Российской Федерации созданы квалификационные коллегии судей субъектов Российской Федерации, полномочия которых определены в статье

19. Так, квалификационные коллегии судей наделены правом наложения дисциплинарных взысканий на судей соответствующих судов за совершение ими дисциплинарного проступка. Кстати, председатели и заместители председателей районных судов также могут быть привлечены к дисциплинарной ответственности за совершение дисциплинарного проступка.

Таким образом, Президиум Совета судей Российской Федерации, совет судей субъекта Российской Федерации в случае выявления признаков совершения судьей дисциплинарного проступка вправе провести проверку и направить в квалификационную коллегию судей обращение о наложении на судью дисциплинарного взыскания, в том числе в виде досрочного прекращения полномочий судьи. Обращение о наложении на судью дисциплинарного взыскания за совершение дисциплинарного проступка при исполнении судьей служебных обязанностей может быть направлено в квалификационную коллегию судей Советом судей Российской Федерации, только при наличии частного определения, вынесенного вышестоящей судебной инстанцией. Также допускается наличие жалобы или обращения участников процесса о нарушении их прав незаконными действиями судьи, совершенными при рассмотрении их дела.

Анализируя вышеизложенное мы установили следующее:

Во-первых, проведение проверки, в случае выявления признаков совершения конкретным судьей дисциплинарного проступка, в настоящее время является не обязанностью Президиума Совета судей Российской Федерации, совета судей субъекта Российской Федерации, а лишь их правом.

Во-вторых, обращение о наложении на судью дисциплинарного взыскания за совершение дисциплинарного проступка при исполнении судьей служебных обязанностей в квалификационную коллегию судей Советом судей Российской Федерации, иным органом судейского сообщества, не в обязательном порядке должно быть направлено, а лишь может быть направлено. Здесь не понятно, в каких случаях обращение может быть направлено, а в каких нет. Остается только предположить, что если конкретного судью хотят наказать, то обращение будет направлено, если не хотят наказать, то не направят.

В-третьих, обращение о наложении на судью дисциплинарного взыскания за совершение дисциплинарного проступка возможно толь-

ко при наличии частного определения, вынесенного вышестоящей судебной инстанцией. Практика показывает, что частные определения вышестоящие судебные инстанции никогда не выносят. По крайней мере, статистических данных об этом нам обнаружить не удалось. Полагаем, что даже если эти данные в конкретных цифрах имеются, то они не находятся в открытом доступе.

Таким образом, мы считаем, что для решения такой серьезной проблемы, как обеспечение единообразного применения законодательства Российской Федерации, необходимо выполнить следующее:

1. Пункт 3.1. части 3 статьи 10 Федерального закона № 30-ФЗ от 14 марта 2002 года «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» изменить и четко прописать, что Президиум Совета судей Российской Федерации, совет судей субъекта Российской Федерации в случае выявления признаков совершения судьей дисциплинарного проступка обязан провести проверку и направить в квалификационную коллегия судей обращение о наложении на судью дисциплинарного взыскания.

2. Часть 3 статьи 327.1. и часть 1 статьи 379.6 ГПК РФ дополнить предложением о том, что суд апелляционной и кассационной инстанции при рассмотрении соответствующих жалоб, в случае выявления признаков совершения судьей дисциплинарного проступка, обязан вынести частное определение и направить ее в соответствующую квалификационную коллегия судей субъекта Российской Федерации.

Считаем, что только после вышеуказанных изменений в законодательстве может быть обеспечено единообразное применение законодательства Российской Федерации, что, в свою очередь, безусловно, будет способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению правонарушений, а самое главное, формированию уважительного отношения к закону и суду.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES:

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. ст. 4398;

2. О Верховном Суде Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 05 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 6. ст. 550;

3. Определение Красногвардейского районного суда Санкт-Петербурга по делу № 2–5378/2017 от 12 декабря 2017 г. // Красногвардейский районный суд города Санкт-Петербурга. 2020, Режим доступа: <https://kgv--spb.sudrf.ru/>, свободный. — Загл. с экрана.

4. Определение Красногвардейского районного суда Санкт-Петербурга по делу № 2–654/2018 от 05 февраля 2018 г. // Красногвардейский районный суд города Санкт-Петербурга. 2020, Режим доступа: <https://kgv--spb.sudrf.ru/>, свободный. — Загл. с экрана.

5. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда по делу № 2–654/2018 от 09 октября 2018 г. № 33–21457/2018 // Красногвардейский районный суд города Санкт-Петербурга. 2020, Режим доступа: <https://kgv--spb.sudrf.ru/>, свободный. — Загл. с экрана.

УДК 347

Научная специальность — 12.00.03

Савельева Мария Владимировна

доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса
Санкт-Петербургского Университета МВД России
кандидат юридических наук

ПРИНЦИП НЕЗЫБЛЕМОСТИ ДОГОВОРА И НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ЗАКЛЮЧЕННОГО ДОГОВОРА

Mariya V. Saveleva

Associate Professor, Department of Civil Law and Civil Procedure
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Candidate of Law

PRINCIPLE OF THE CONSTANT OF THE CONTRACT AND THE VALIDITY OF THE CONCLUDED AGREEMENT

Annotation. This paper explores the implications one of the main unnamed principles of civil law — the principle of inviolability of the contract and its implementation when the contract is declared invalid. Substantiates the possibility of termination of the contract without invalidating it for various reasons.

Keywords: principle of inviolability of a contract, conclusion of a contract, performance of a contract, invalidation of a contract.

Один из основных принципов договорного права — принцип незыблемости договора — *pacta sunt servanda* «договоры должны исполняться» — известен не только в международном, но и в гражданском праве. Договор является основанием, порождающим именно обязательственные отношения, и оканчивается исполнением данных сторонами обязательств. Договор, согласно общепринятой классифика-

ции юридических фактов, договор является подвидом сделки. Гражданскому праву знакомы иные сделки, не являющиеся договорами, но относящиеся к юридическим фактам. Для договора необходимо взаимное волеизъявление двух, а иногда и более сторон и согласование действий в случае наступления определенных последствий. Стороны при заключении договора рассчитывают, что каждая из них исполнит взятые на себя обязательства, и у другой стороны появляется право требовать исполнения взятого на себя обязательства.

Сущностью соглашения, как основы многосторонней сделки становится установление согласия воли всех участников сделки. Принцип *pacta sunt servanda* прямо не прописан в Гражданском кодексе РФ, как принцип свободы договора или добросовестности. Принцип незыблемости договора возможным прогнозирование действий сторон по их волеизъявлениям и намерениям и выявляет характер интереса всех участников правоотношения. Как правильно заметил Д. В. Дождев «не только ориентироваться в предписанной форме волеизъявления гражданских правоотношений, но и равным для всех участников способом определить характер интереса» [1, с. 137].

Исполнение обязательства зависит от людей, а люди не всегда следуют своим обещаниям. Поэтому некоторая непрочность имманентно присуща любому обязательству. Закрепление принципа незыблемости исполнения договоров позволяет упрочить отношения сторон. Реализация данного принципа прослеживается в ряде статей Гражданского кодекса, например при недопустимости одностороннего отказа от исполнения или одностороннего изменения договора.

Согласно п. 1 ст. 310 ГК РФ одностороннее изменение условий обязательства не допускается, за исключением случаев, предусмотренных Гражданским кодексом, другими законами или иными правовыми актами. Договором между сторонами можно предусмотреть возможность одностороннего изменения только тогда, когда все его стороны являются лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, либо для той стороны договора, которая не осуществляет предпринимательскую деятельность, за исключением случаев, когда законом такое право может быть предоставлено и другой стороне. Например, закон не содержит запрета банкам изменять условия банковского обслуживания и устанавливать иные размеры комиссий или новые комиссии, но в случаях с клиентами — физическими лицами до оказания услуги должно быть достигнуто

соответствующее соглашение о возможности изменения договора банковского обслуживания в форме, которая позволяет однозначно установить согласие потребителя на обслуживание на этих условиях и добровольный выбор им объема оказанных услуг.

Однако в случае, если сторона заключила договор, а в последствии ссылается на его недействительность необходимо признание недействительности судом.

В юридической науке предусматривается принципиально два различных случая недействительности сделки, это ее ничтожность и оспоримость.

В случае ничтожности сделки заинтересованному лицу нет необходимости убеждать суд в недействительности сделки. Своим иском заинтересованное лицо лишь просит подтвердить, что сделка ничтожна в силу закона. Оспоримая же сделка требует подтверждения своей недействительности и может быть оспорена в судебном порядке заинтересованным лицом посредством соответствующего судебного иска, а судья по своему усмотрению может удостоверить изначально ничтожную сделку или признать ее недействительной.

Принципу незабываемости исполнения договора можно противопоставить факторы, воздействующие на формирование воли стороны (порок воли). Так, римляне учитывали такие пороки воли как: «угроза применения силы», «злой умысел» и «ошибка в мотивах сделки».

По общему правилу оспоримыми являются, например:

- сделки нарушающие требования закона или иного нормативно-правового акта (п. 1 ст.168 ГК РФ);
- сделки, совершаемые юридическим лицом противоречие с целями его деятельности, определенными в учредительных документах (ст.173 ГК РФ);
- сделки, совершаемые без необходимого в силу закона, согласия третьего лица, органа юридического лица или государственного органа, либо органа местного самоуправления (п.п. 1 и 2 ст. 173.1 ГК РФ);
- сделки, при совершении которых лицо, совершающее сделку, привысило свои полномочия либо действовало в ущерб интересам юридического лица, от имени которого совершается сделка (ст. 174 ГК РФ);
- сделки, совершаемые несовершеннолетним в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет (за исключением ставших

- полностью дееспособными) без согласия родителей, усыновителей или попечителя, если такое согласие требуется в соответствии со статьей 26 ГК РФ (ст. 175 ГК РФ);
- сделки по распоряжению имуществом, совершаемые гражданами, ограниченным судом в дееспособности, без согласия попечителей (ст. 176 ГК РФ);
  - сделки, совершаемые гражданами, не способными понимать значение своих действий или руководить ими (ст. 177 ГК РФ);
  - сделки, совершенные под влиянием существенного заблуждения (ст. 178 ГК РФ);
  - сделки совершенные под влиянием обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств (ст. 179 ГК РФ);
  - сделки, предусмотренные статьями 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве;
  - сделки, совершаемые одним супругом без согласия другого супруга (ст. 35 СК РФ);
  - сделка между супругами об общем режиме совместной собственности (ст. 40 СК РФ).

В гражданско-правовой доктрине предусмотрены различные основания для расторжения договора и признания сделки недействительной, которые имеют различную правовую природу. Не совпадают так же последствия расторгнутых договоров и признанных недействительными[2, с. 277].

Так, брачный договор может быть расторгнут только по соглашению супругов, которые его заключили. Один супруг без согласия другого может расторгнуть брачный договор только в судебном порядке по тем же основаниям, что и для обычной гражданско-правовой сделки.

Сам факт признания судом, что условия сделки ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение будут являться основанием для расторжения договора. Однако супруг, заключивший брачный договор, должен доказать, что его положение после заключения договора, и в результате исполнения стало крайне неблагоприятно. Само исполнение договора чаще имеет имущественный характер и касается раздела имущества нажитого супругами во время брака. Суду необходимо исследовать многолетние обстоятельства, сложившиеся спустя годы после заключения договора и в результате появляется зыбкая возможность признать нотариально удостоверенный

договор недействительным. Этот призрачный шанс на признание сделки недействительной создает неопределенность и противопоставляется принципу неизблемости договора.

Результат исполнения договора может оказаться иным, чем тот, на который рассчитывала сторона при заключении брачного договора, а один супругов может полностью лишаться права собственности на имущество, нажитое супругами в период брака. В то же время интересы кредиторов одного из супругов, уведомленных о заключении брачного договора, и рассчитывающих на его исполнение, могут быть ущемлены, в случае признания оспариваемого договора недействительным.

В результате расторжения договора как в судебном порядке возобладает законный режим имущества супругов.

По нашему мнению, возможность признания договора недействительным на основании условий, ставящих в крайне невыгодного положения одного из супругов, следует исключить из Семейного законодательства, как явно не соответствующее принципу неизблемости договора и подрывающее определенность гражданских правоотношений.

В то же время, расторжение брачного договора судом возможно по основаниям предусмотренным Гражданским кодексом, т. е. при существенном нарушении договора одной из сторон. Существенным будет признаваться нарушение договора одной из сторон, которое повлечет для другой стороны такой ущерб, что она в значительной степени лишается того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Дождев Д.В. Римское частное право : учебник / Д.В. Дождев; под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015.

2. Шадрков А.А., Желонкин С.С. Мнимые и притворные сделки: понятия и юридические последствия // Материалы II международного форума цивилистов. Сборник научных статей международной научно-практической конференции. ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия». 2019. С. 276–280.

Раздел VI

СТАТЬИ УЧАСТНИКОВ СЕКЦИИ «ФИНАНСОВОГО ПРАВА»

*Ответственный — доцент кафедры финансового права,
кандидат юридических наук, доцент О.В. Аверьянова*

УДК 347.73

Научная специальность 12.00.04

Аверьянова Ольга Владимировна

доцент кафедры финансового права СПбГЭУ,
кандидат экономических наук

Семенов Сергей Леонидович

доцент кафедры судебной медицины и медицинского права
Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова,
кандидат медицинских наук

ФИНАНСОВЫЙ КОНТРОЛЬ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Averyanova O. V.

associate Professor of the Department of financial law
Saint Petersburg state University University of Economics,
candidate of economic Sciences

Semyonov Sergey Leonidovich

associate Professor of the Department of forensic medicine and medical law
S. M. Kirov military medical Academy,
candidate of medical Sciences

FINANCIAL CONTROL OF THE STATE IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF THE ECONOMY

Abstract: the article deals with the basic concepts, subjects and objects of internal financial control in the Russian Federation. Changes in the legislation of this research area. The impact of digitalization of the economy on internal financial control and financial audit. The introduction of digital technology in the conduct of internal financial control.

Key words: budget, Finance, internal financial control, financial audit, monitoring, digitalization of the economy.

В настоящее время в условиях сложившейся сложной экономической ситуации в Российской Федерации вопрос финансового контроля является актуальным. Внутренний государственный контроль

помогает справиться и минимизировать рост экономических преступлений и мошеннических действий. Внутренний контроль является важным комплексом мероприятий, который осуществляют органы исполнительной власти в Российской Федерации.

К органам исполнительной власти, осуществляющим финансовый контроль, относятся государственные структуры ответственные за соблюдение норм и требований законодательства в различных сферах финансовой деятельности. К основным органам в соответствии с Указом Президента РФ относятся Счетная Палата, Центральный банк, Министерство Финансов, Федеральная налоговая служба и Федеральная таможенная служба Российской Федерации. Также государственный финансовый контроль могут осуществлять иные органы, которые компетентны в вопросах мониторинга и контроля поступления и расходования денежных средств в раках бюджетной системы и бюджетного законодательства Российской Федерации [2].

Особое значение приобретает финансовый контроль, проводимый налоговыми органами, который осуществляется по средствам выездных и камеральных налоговых проверок, и ревизионных мероприятий по выполнению налоговых обязательств перед бюджетами всех уровней.

Более подробно рассмотрим компетенции основных российских органов исполнительной власти по проведению финансового контроля. Органы исполнительной власти в соответствии с законодательством имеют право и обязаны осуществлять несколько видов внутреннего финансового контроля и аудита в соответствии с нормами и требованиями Бюджетного Кодекса и в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

В июле 2019 года вышел Федеральный закон № 199ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части совершенствования государственного (муниципального) финансового контроля, внутреннего финансового контроля и внутреннего финансового аудита». Положения данного закона играют важную роль в процессе реформирования внутреннего финансового контроля и аудита.

Согласно новой редакции ч. 1 ст. 265 Бюджетного Кодекса РФ государственный финансовый контроль проводится в целях обеспечения соблюдения положений бюджетного законодательства РФ и иных нормативных правовых актов, не только регулирующих бюджетные правоотношения, но и (или) обуславливающих расходные обязательства публично-правовых образований, а также в целях обеспечения соблю-

дения условий государственных (муниципальных) контрактов, договоров или соглашений о предоставлении средств из бюджета.

Основные изменения коснулись, Бюджетный Кодекс РФ в части статьи 160.2–1 в связи с тем, что внутренний финансовый аудит смогут осуществлять и получатели бюджетных средств название изменилось на «Бюджетные полномочия отдельных участников бюджетного процесса по организации и осуществлению внутреннего финансового аудита».

Осуществление финансового контроля исключили из полномочий администраторов бюджетных средств, что, безусловно, позволяет минимизировать формализованность, которая в настоящее время свойственна внутреннему финансовому контролю.

Администраторам бюджетных средств предоставлено право передать полномочия по осуществлению внутреннего финансового аудита главному администратору бюджетных средств или другому администратору бюджетных средств.

Главные администраторы и администраторы бюджетных средств станут самостоятельно определять порядок осуществления финансового контроля. В соответствии со статьей 165 Бюджетного Кодекса РФ за Минфином России оставлено полномочие по методическому обеспечению осуществления внутреннего финансового контроля, что оставляет открытым вопрос о том, в каком виде это будет реализовано и как это повлияет на осуществление внутреннего финансового контроля внутри главных администраторов и администраторов бюджетных средств.

Вводится обязанность проведения мониторинга качества финансового менеджмента органами управления государственными внебюджетными фондами. Ранее в статье 160.2–1 Бюджетного Кодекса РФ порядок проведения мониторинга устанавливался самостоятельно теми, кто его проводил. Статья 165 Бюджетного Кодекса РФ Министерство Финансов Российской Федерации осуществляет нормативное и методическое обеспечение проведения мониторинга качества финансового менеджмента.

Обширное внедрение в деятельность всех государственных структур информационных технологий может создать возможность для перехода к новому способу контроля на основе различных информационных систем и программ. Сегодня большинство ученых сходятся на мнении о необходимости создания на государственном уровне системы безопасности с превентивным принципом действия, внедрение

компьютерных технологий и создание искусственного интеллекта в государственный сервис, а также бизнес структуры. Внутренний финансовый контроль должен измениться от состязательной модели к партнерской модели, для более качественной реализации своего предназначения.

В новых условиях орган, осуществляющий внутренний финансовый контроль становится непосредственным участником всех процессов бизнеса контролируемого объекта — наблюдать и отслеживать все проводимые операции. В настоящее время существуют информационные данные о деятельности всех контролируемых объектах, которые содержатся в цифровых базах [3].

Создание единого цифрового пространства позволит осуществлять постоянный мониторинг действий контролируемого объекта, единый доступ органов государственного финансового контроля к результатам исследования и мониторинга, а также совершенствование мероприятий по контролю в отношении определенного объекта. Цифровизация мониторинга позволяет выйти на качественно новый уровень по проведению контроля, который будет максимально точен и позволит обеспечить оперативное реагирование на риски реализации нарушений.

Важной проблемой внутреннего финансового контроля в условиях цифровизации экономики является территория Российской Федерации, и региона со своими особенностями, которые необходимо учитывать при реализации бюджетных отношений. Необходимо обеспечить все регионы Интернетом и установить соответствующие программы для взаимосвязи, что является дорогостоящей процедурой. Сложность заключается также в том, что необходимо обучить граждан по правильному обращению с информационными программами [4].

Целью программы «Цифровая экономика РФ» является улучшение качества жизни россиян за счет использования цифровых технологий. Программа делится на 2 направления:

- создание институтов, занимающихся подготовкой специалистов, способных развивать и обслуживать цифровые технологии. Также подразумевает создание институтов, занимающихся адаптацией нормативно-правовой базы РФ к принятию новых технологий
- создание цифровой инфраструктуры и обеспечение безопасности её функционирования [1].

Развитие мировой экономики неразрывно сегодня связано с развитием цифровой экономики, цифровизацией и соответственно новых

методов ведения экономических отношений. При реализации проектов по цифровизации важна слаженная работа всех государственных органов и структур. Внутренний финансовый контроль играет важную роль и имеет государственное значение, так как затрагивает всех участников финансовой системы. Качественный внутренний финансовый контроль приведет к интенсивному росту цифровой экономики и положительно скажется на изменении макроэкономических показателях.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Аверьянова О.В. Государственное регулирование развития цифровой экономики и информационно-телекоммуникационных технологий // Ленинградский Юридический Журнал № 2. 2019. С. 112–119.
2. Бюджетное право: Учеб. пособие./Под ред. Никитина А.М. — 2-е изд. перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2018.
3. Крохина, Ю. А. Бюджетное право России: учебник для бакалавриата и магистратуры / Ю. А. Крохина. 5-е изд., перераб. и доп. М., Юрайт, 2018.
4. Финансовое право: учебник и практикум для среднего профессионального образования / под редакцией Г. Ф. Ручкиной. М., Юрайт, 2019.

УДК 346.62

Научная специальность — 12.00.04

Андреева Елена Михайловна

Доцент кафедры финансового права
СПбГЭУ, доктор юридических наук, доцент

БЮДЖЕТНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О ГРАНТАХ*

Andreeva E.M.

Associate professor of Department of financial law of Saint-Petersburg State University of Economics, Doctor of Law, associate professor

BUDGET CODE OF RUSSIAN FEDERATION ABOUT GRANTS

Abstract. This publication is devoted the articles of the Budget Code of the Russian Federation on grants. The author concludes that very little attention has been paid to grant in the financial legislations. The budget code articles are conflicted. Their sys-

---

* Статья подготовлена в рамках поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований научного проекта № 18-29-15035-мк «Сравнительно-правовое исследование механизма назначения, выдачи и использования грантов в целях финансирования научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ»

tematic analysis leads to a large number of questions on which the lawmaker does not give answers. The author suggests that the current state of the Russian grant legislation does not contribute to the economic and social development of Russia, but rather slows it down. In conclusion, proposals are formulated to improve the quality of legal regulation of grant activities in the Russian Federation

Key words: grants, budget, Budget Code of the Russian Federation, European Union, funding, subsidy, donation, public finance

В настоящее время грантовая деятельность регулируется нормами гражданского, финансового и административного права. Общего понятия грантов, применимого ко всем отраслям права, в российском законодательстве не содержится. Имеются лишь несколько его различных интерпретаций, приспособленных для конкретных целей. В ст. 2 Федерального закона от 23.08.1996г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» гранты рассматриваются как частные денежные и иные средства, передаваемые безвозмездно и безвозвратно гражданами и юридическими лицами на осуществление конкретных научных, научно-технических программ и проектов, инновационных проектов, проведение конкретных научных исследований (статья 2 закона). В ст. 251 Налогового кодекса РФ установлены налоговые преференции получателям грантов на осуществление конкретных программ в области образования, искусства, культуры, науки, физической культуры и спорта (за исключением профессионального спорта), охраны здоровья, охраны окружающей среды, защиты прав и свобод человека и гражданина, социального обслуживания малоимущих и социально незащищенных категорий граждан. В ст. 15 Федерального закона от 11.08.1995г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» сказано, что благотворительные гранты рассматриваются как вид пожертвований, которые носят целевой характер. В Гражданском кодексе Российской Федерации слово «гранты» не встречается.

Правовое регулирование финансирования грантовой деятельности за счет бюджетных средств осуществляется в соответствии с положениями Бюджетного кодекса Российской Федерации. В нем не имеется дефиниции гранты, между тем можно сделать вывод, что гранты рассматриваются как вид бюджетной субсидии. И в этом видится проблема. Законодатель предусматривает выделение денежных средств на грантовую поддержку, однако не устанавливает отличительные черты

самого гранта. Так, в ч. 7 ст. 78 БК РФ «Предоставление субсидий юридическим лицам (за исключением субсидий государственным (муниципальным) учреждениям), индивидуальным предпринимателям, физическим лицам», сказано, что в «законе (решении) о бюджете могут предусматриваться бюджетные ассигнования на предоставление в соответствии с решениями Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, местной администрации юридическим лицам (за исключением государственных (муниципальных) учреждений), индивидуальным предпринимателям, физическим лицам грантов в форме субсидий, в том числе предоставляемых на конкурсной основе». Приблизительно такое же положение закреплено в статье 78.1 БК РФ «Предоставление субсидий некоммерческим организациям..., не являющимся казенными учреждениями». В ней установлено, что «в законе (решении) о бюджете могут предусматриваться бюджетные ассигнования на предоставление в соответствии с решениями ... некоммерческим организациям, не являющимся казенными учреждениями, грантов в форме субсидий, в том числе предоставляемых федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местной администрации по результатам проводимых ими конкурсов бюджетным и автономным учреждениям, включая учреждения, в отношении которых указанные органы не осуществляют функции и полномочия учредителя».

Нужно сказать, что в БК РФ это, пожалуй, самые длинные фразы, посвященные грантам. Гранты упоминаются также в статьях 21, 138.1 и 217 БК РФ. Так, в них добавлено, что по бюджетной классификации гранты относятся к расходам бюджетов группы «Социальное обеспечение и иные выплаты населению», подгруппа «Премии и гранты». В ст. 138.1 БК РФ говорится о субсидиях, предоставляемых федеральному бюджету из бюджета субъекта Российской Федерации, при предоставлении грантов федеральным государственным учреждениям. В статье 217 кодекса предусмотрено изменение сводной бюджетной росписи федерального бюджета по решению Министерства финансов РФ (без внесения изменений в закон о бюджете) в случае перераспределения бюджетных ассигнований (за исключением бюджетных ассигнований, предоставляемых на конкурсной основе), в том числе

в связи с предоставлением грантов и стипендий в соответствии с решениями Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации.

Детальное изучение приведенных положений БК РФ вызывает много вопросов и критических замечаний. Вопросы следующие. Во-первых, чем гранты отличаются от других видов субсидий. Во-вторых, могут ли гранты предоставляться не только в форме субсидий. Если да, то в каких других формах. В-третьих, в чем различия грантов и порядка их предоставления по статьям 78 и ст. 78.1 БК РФ. В-четвертых, почему в кодексе выделены субсидии на гранты из бюджета субъекта РФ в федеральный бюджет для федеральных государственных учреждений, но не упомянуто о субсидиях на предоставление грантов из федерального бюджета в бюджет субъекта РФ, или из бюджета субъекта РФ в местные бюджеты. В-шестых, почему гранты относятся к группе расходов «Социальное обеспечение и иные выплаты населению» бюджетной классификации, если в самом БК РФ предусмотрены гранты, в том числе для юридических лиц и не относящиеся к социальной поддержке. В-седьмых, в каких случаях грантовой финансирование осуществляется на конкурсной основе, а когда нет? При этом, поскольку других положений, посвященных грантам, в кодексе нет, то уверенно ответить на поставленные вопросы не получится. Отсюда и критические замечания. В частности, есть основания полагать, что нормы Бюджетного кодекса Российской Федерации о грантах не дают представления ни о рассматриваемом понятии, ни о порядке предоставления бюджетных средств на эти цели. Кроме того, бросается в глаза пробельность и противоречивость положений БК РФ.

Между тем, государственная поддержка различных видов деятельности с применением указанной формы финансирования активно осуществляется. Например, объем бюджетных средств, выделенных на научные проекты в форме грантов через федеральное бюджетное учреждение «Российский фонд фундаментальных исследований» составил в 2016 году — 9,9 млрд. руб., в 2017 году — 10,0 млрд. руб., в 2018 — 19,1 млрд. рублей [1]. Общая сумма грантов по разным направлениям в федеральном бюджете была предусмотрена в 2016 году в размере 18,0 млрд. рублей, в 2017 году — 23,6 млрд. рублей, в 2018 году — 38,6 млрд. рублей, в 2019 год — 30,6 млрд. рублей [2]. Соответственно, есть основания полагать, что гранты должны быть признаны полноценной категорией финансового права.

Несмотря на такие внушительные цифры грантового финансирования, каждый грант, выделяемый из бюджета, регулируется отдельным нормативным правовым актом. Именно в нем устанавливается порядок его предоставления и использования. Универсальных положений законодательства о грантах крайне мало. В этой связи следует упомянуть Постановление Правительства Российской Федерации от 27.03.2019 г. № 322 «Об общих требованиях к нормативным правовым актам и муниципальным правовым актам, устанавливающим порядок предоставления грантов в форме субсидий, в том числе предоставляемых на конкурсной основе» (далее — Постановление Правительства № 322). На первый взгляд, это крайне существенный документ, тем не менее, оно дополняет характеристику грантов, данную в БК РФ, в незначительной степени. Огромное количество решений постановление оставляет на откуп отдельных положений о предоставлении конкретных грантов. Кроме того, постановление № 322 устанавливает лишь «общие требования к нормативным правовым актам» о предоставлении грантов, а не к самой грантовой деятельности и к порядку бюджетного финансирования. Нивелирует значимость данного документа еще и то обстоятельство, что зафиксированные в нем общие требования не распространяются на порядки предоставления грантов в форме субсидий из федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации, местных бюджетов, определенные решениями, предусмотренными абз. 1 п. 7 ст. 78 и абз. 1 п. 4 ст. 78.1 БК РФ. То есть, если правила предоставления отдельных видов грантов установлены в конкретных решениях о предоставлении этих грантов, они имеют приоритет перед общими требованиями, закрепленными в Постановлении Правительства № 322. Соответственно, данное постановление применяется по «остаточному принципу».

По мнению автора, за основу грантового регулирования в России следует взять опыт Европейского союза. Так, Базовым документом, регулирующим грантовую деятельность в ЕС, является Финансовый Регламент Евросоюза № 2018/1046 «Финансовые правила, применяемые к общему бюджету Европейского Союза», принятый Европейским парламентом и Европейским советом 18 июля 2018 года (далее — Финансовый регламент Евросоюза). Этот документ можно назвать «Бюджетным кодексом Евросоюза», аналогом Бюджетного кодекса Российской Федерации. В Финансовом регламенте Евросоюза достаточно много положений посвящено грантам.

Так, помимо регламентации грантовой поддержки в общих статьях Финансового регламента Европейского Союза, грантам посвящен целый раздел VIII «Гранты» (Grants) этого документа, состоящий из 4 глав и 25 статей (статьи 180–205). В ст. 2 регламента раскрывается определение гранта (grant) как финансового вклада в виде пожертвования. В Главе VIII установлены специальные принципы, на которых должна основываться грантовая поддержка, а также предусмотрена детальная регламентация всех существенных вопросов грантового процесса — порядок извещения о гранте, случаи, когда гранты предоставляются на конкурсной (внеконкурсной) основах, порядок перечисления средств гранта, отчетность и контроль.

Выявленные выше недостатки грантового законодательства РФ, приведенный опыт Европейского союза по регулированию грантовых отношений, оценка воздействия бюджетного законодательства о грантах на достижение целей социально-экономического развития РФ, привел автора к выводу о необходимости улучшения юридической составляющей грантовой поддержки в России. Наши предложения сводятся к следующему. Во-первых, необходимо определиться с понятием бюджетного гранта и таким образом отделить его от всех других форм государственной поддержки. В качестве отличительных особенностей гранта видятся — безвозмездный и безвозвратный характер, некоммерческая сфера применения грантовой поддержки, целевое назначение грантов, предъявление требований к получателям грантов, финансирование за счет грантов определенных заранее анонсированных грантодателем действий (проектов), обязательный отбор заявок, обособленный учет бюджетных средств, полученных в виде гранта. Заметим, что данные свойства бюджетного гранта применимы и к частным грантам. Во-вторых, предлагаем включить в Бюджетный кодекс Российской Федерации главу «Бюджетные гранты». В ней предлагается: установить понятие бюджетных грантов, озвученные выше признаки грантов, принципы грантовой поддержки, очертить круг грантополучателей (физические лица и некоммерческие организации), определить общие правила предоставления и расходования грантов, ответственность за их нецелевое или неэффективное использование, иные нарушения. Надеемся, что предложения автора будут услышаны законодателем и учтены в процессе модернизации финансового законодательства России.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Официальный сайт Федерального бюджетного учреждения «Российский фонд фундаментальных исследований». Отчеты о результатах деятельности РФФИ и использовании закрепленного за ним федерального имущества за 2016, 2017, 2018 годы. // https://www.rfbr.ru/rffi/ru/news_events/o_2095203. Дата обращения 12.08.2019 г.

2. Обобщение авторов по анализу данных федеральных бюджетов за 2016–2020 годы. / Федеральные законы от 14.12.2015г. № 359-ФЗ «О федеральном бюджете на 2016 год»; от 19.12.2016г. № 415-ФЗ «О федеральном бюджете на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов»; от 05.12.2017г. № 362-ФЗ «О федеральном бюджете на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов»; от 29.11.2018г. № 459-ФЗ «О федеральном бюджете на 2019 год и плановый период 2020–2021 годов». // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 30.02.2020.

УДК 347.73

Научная специальность — 12.00.04

Беликов Евгений Геннадьевич

профессор кафедры финансового, банковского
и таможенного права имени профессора
Нины Ивановны Химичевой
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия», доктор юридических наук, доцент

РАЗВИТИЕ ПРИНЦИПОВ ПУБЛИЧНОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Evgeny G. Belikov

Professor of the Department of Financial, banking
and customs law named after Professor
Nina Ivanovna Himicheva
of Saratov state law Academy, doctor of law, associate Professor

DEVELOPMENT OF PRINCIPLES OF PUBLIC FINANCIAL CONTROL IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF THE ECONOMY

Abstract. The article defines the concept of principles of public financial control, gives their classification, evaluates the normative content of some of them, the application of which is due to the possibility or necessity of using information and telecommunications technologies by the Supervisory authority.

Key words: public financial control, principles, efficiency, transparency, digital economy, external public financial control, internal public financial control.

Массовое внедрение информационно-телекоммуникационных технологий практически во всех сферах жизнедеятельности человека обусловило необходимость правового регулирования их применения, а также соответствующего информационного взаимодействия, в том числе в сфере финансов и в области публичного финансового контроля в частности. Так, посредством информатизации деятельности органов государственного и муниципального финансового контроля на более высоком (цифровом) уровне появляется возможность взаимодействия между ними в электронной форме с целью повышения эффективности осуществления финансовой деятельности публично-правовых образований, обеспечивается открытость для населения результатов их деятельности.

Существование публичного финансового контроля обусловлено контрольной функцией финансов и обеспечением реализации публичных интересов. При этом публичный финансовый контроль осуществляется не только уполномоченными государственными органами и органами местного самоуправления, но и иными субъектами (например, аудиторскими организациями, саморегулируемыми организациями, финансовыми организациями). Целью указанного контроля в современных условиях становится не только обеспечение эффективности финансовой деятельности государства и муниципальных образований, но и обеспечение финансовой стабильности иных фондов денежных средств публичного характера (денежных фондов государственных корпораций, финансовых организаций, компенсационных фондов саморегулируемых организаций и др.).

Органы публичного финансового контроля в своей деятельности, сопровождающейся в том числе правоприменением, руководствуются различными принципами, закрепленными в правовых нормах либо основанными на них. Поддерживая имеющуюся в общей теории права позицию о том, что правовые принципы — более широкая категория, чем принципы права, поскольку помимо права она относится и к правовой системе, правовой политике, правотворческой и правоприменительной деятельности, правосудию и другим сложным государственно-правовым образованиям [4, с. 39–41; 1, с. 12–13], целесообразно говорить о правовых принципах публичного финансового

контроля. К последним в связи с этим можно отнести как принципы права, прежде всего финансового права, так и принципы правоприменительной деятельности. Таким образом, под правовыми принципами публичного финансового контроля следует понимать основополагающие, объективно обусловленные требования, закрепленные в юридических нормах или непосредственно вытекающие из них, которые определяют направленность формирования, функционирования и развития его правового регулирования, а также отражают сущность основной деятельности осуществляющих его органов.

В финансово-правовой науке существуют различные классификации принципов финансового права [8, 46–51; 7, с. 7; 6, с. 171; 5, с. 9]. Основываясь на распространенном в юридической науке критерии деления принципов права — по сфере действия, можно выделить следующую систему принципов, действующих в отечественном финансовом праве: 1) общеправовые (общие) принципы права, закрепляемые в ратифицированных международно-правовых актах и внутригосударственном праве; 2) межотраслевые принципы права; 3) отраслевые принципы финансового права; 4) подотраслевые и институциональные принципы финансового права [2, с. 67–68]. Исходя из этого, к принципам финансового права, распространяющимся на правовое регулирование публичного финансового контроля, следует отнести следующие: 1) принципы общеправового характера (справедливость, гуманизм, законность, демократизм, федерализм, плановость, гласность и др.); 2) принципы межотраслевого характера (самостоятельность органов местного самоуправления, равноправие субъектов РФ); 3) принципы внутриотраслевого характера (приоритетность публичных интересов в правовом регулировании финансовых отношений, социальная направленность финансово-правового регулирования, принцип единства финансовой политики и денежной системы); 4) принципы подотраслевого и институционального характера (принципы бюджетного права, финансового контроля).

Принципы правоприменительной деятельности органов публичного финансового контроля можно разграничить в зависимости от их уровня подчиненности (подотчетности). В частности, применительно к бюджетной сфере, в том числе контрактной системе в области закупок для государственных и муниципальных нужд, можно выделить две группы принципов. Первую группу составляют принципы деятельности органов внешнего публичного (государственного

и муниципального) финансового контроля — контрольно-счетных органов, подотчетных представительным органам власти. Во вторую группу входят принципы деятельности органов внутреннего публичного (государственного и муниципального) финансового контроля — органов исполнительной власти.

Принципы публичного финансового контроля тесно взаимосвязаны со стандартами внешнего и внутреннего государственного и муниципального финансового контроля, которые применяются для проведения соответствующими органами контрольных и (или) экспертно-аналитических мероприятий. При этом указанные принципы, с одной стороны, лежат в основе разработки данных стандартов, а с другой стороны, применение последних призвано обеспечить в том числе соблюдение основных принципов внешнего и внутреннего публичного финансового контроля.

Принципы деятельности органов внешнего государственного и муниципального финансового контроля основываются на положениях международно-правовых актов (Лимская декларация руководящих принципов контроля: принята в г. Лиме 17 октября 1977 г. — 26 октября 1977 г. IX Конгрессом Международной организации высших органов финансового контроля (ИНТОСАИ)) и нормативно закреплены в актах национального права. В частности, речь идет о Федеральном законе от 05 апреля 2013 г. № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» (ст. 4) и Федеральном законе от 07 февраля 2011 г. № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» (ст. 4). К данным принципам относятся: законность, эффективность, объективность, независимость, открытость и гласность.

В условиях цифровой экономики особую значимость приобретают принципы гласности и эффективности. Принцип гласности в соответствии с Декларацией принципов деятельности контрольно-счетных органов РФ, принятой IV конференцией Ассоциации контрольно-счетных органов Российской Федерации 5 декабря 2002 г., предусматривает:

- открытость деятельности контрольно-счетных органов, информированность общества о результатах их деятельности;
- предоставление итоговых (годовых) и текущих отчетов органов государственного и муниципального финансового контроля органам, их образовавшим, и другим органам власти;

- регулярную публикацию в средствах массовой информации отчетных материалов о результатах проверок, а также информации о принятии мер по устранению выявленных нарушений (за исключением информации, содержащей конфиденциальные сведения, доступ к которым ограничен действующим законодательством);
- законодательное закрепление процедуры обнародования результатов контроля.

В частности, гарантией реализации данного принципа служит достаточно частое закрепление в нормативно-правовых актах о контрольно-счетных органах обязанности последних размещать в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, в том числе на своем официальном сайте, сведения (отчеты) о своей контрольной и экспертно-аналитической деятельности.

Реализации в современных условиях принципа эффективности деятельности контрольно-счетных органов, т. е. ее экономичного, продуктивного и результативного осуществления (3, с. 60), во многом способствует использование государственных информационных систем в целях автоматизации процесса государственного и муниципального финансового контроля. Указанные системы позволяют в режиме реального времени автоматизировать процессы сбора, обработки, обобщения и анализа большого объема информации, необходимой для осуществления контрольных и экспертно-аналитических мероприятий, что в свою очередь способствует повышению их эффективности и качества принимаемых решений (3, с. 81). К информационным системам, которые применяются органами внешнего публичного контроля, следует отнести в первую очередь государственную информационно-аналитическую систему контрольно-счетных органов РФ (далее — ГИАС КСО РФ), оператором которой является Счетная палата РФ, а также государственную интегрированную информационную систему управления общественными финансами «Электронный бюджет», оператором которой выступает Федеральное казначейство.

ГИАС КСО РФ (создана Распоряжением Правительства РФ от 28 мая 2011 г. № 926-р «О создании, развитии, обеспечении функционирования государственной информационно-аналитической системы контрольно-счетных органов Российской Федерации») представляет собой совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий,

технических средств и предназначена для выполнения ряда задач. К последним относятся информационно-аналитическое обеспечение контрольно-ревизионной и экспертно-аналитической деятельности органов внешнего публичного финансового контроля и осуществление эффективного взаимодействия указанных органов между собой и участниками бюджетного процесса. Данная система объединяет данные о планировании и результатах деятельности органов внешнего публичного финансового контроля, предоставляет им доступ к сведениям, необходимым для осуществления их полномочий, реализует общие для всех указанных органов методы и способы обработки и анализа данных.

Информационная система «Электронный бюджет» создана на основании Распоряжения Правительства РФ от 20 июля 2011 г. № 1275-р «О концепции создания и развития государственной интегрированной информационной системы управления общественными финансами «Электронный бюджет» в целях обеспечения прозрачности, открытости и подотчетности деятельности органов публичной власти, а также повышения качества финансового менеджмента организаций сектора государственного управления. Данная система состоит из Единого портала бюджетной системы РФ (ст. 241.2 БК РФ), централизованных и сервисных подсистем. Единый портал бюджетной системы РФ состоит из двух частей: открытой, представляющей собой общедоступный информационный ресурс, который содержит информацию о финансовой деятельности публично-правовых образований, и закрытой, предназначенной для обеспечения авторизованного доступа пользователей к информационной системе «Электронный бюджет». Централизованные подсистемы включают в себя программные компоненты и модули, предназначенные для функционирования федерального бюджета и государственных внебюджетных фондов РФ, а сервисные подсистемы — программные компоненты и модули, предназначенные для функционирования государственных и местных бюджетов. В частности, централизованные и сервисные подсистемы финансового контроля предназначены как для органов публичного финансового контроля (для доступа к информации, содержащейся в системе «Электронный бюджет», в целях планирования и проведения контрольных мероприятий, мониторинга устранения выявленных нарушений), так и для органов публичной власти (для

проведения анализа финансовой деятельности подведомственных учреждений).

Принципы внутреннего государственного и муниципального финансового контроля в настоящее время на федеральном уровне нормативно закрепляются Правительством РФ. Так, деятельность Федерального казначейства по контролю в финансово-бюджетной сфере основывается на принципах законности, объективности, эффективности, независимости, профессиональной компетентности, достоверности результатов и гласности (Постановление Правительства РФ от 28 ноября 2013 г. № 1092 «О порядке осуществления Федеральным казначейством полномочий по контролю в финансово-бюджетной сфере»). Кроме того, с 1 июля 2020 года вступает в силу федеральный стандарт, который устанавливает принципы деятельности органов внутреннего публичного финансового контроля (Постановление Правительства РФ от 06 февраля 2020 г. № 95 «Об утверждении федерального стандарта внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля «Принципы контрольной деятельности органов внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля»).

В частности, в соответствии с указанным стандартом данные принципы подразделяются на две группы: общие и осуществления профессиональной деятельности. К общим принципам относятся независимость, объективность, профессиональная компетентность, целеустремленность, достоверность, профессиональный скептицизм. Принципы осуществления профессиональной деятельности включают в себя такие принципы, как эффективность, риск-ориентированность, автоматизация, информатизация, единство методологии, взаимодействие, информационная открытость.

Наибольший интерес в рамках настоящего исследования представляют принципы автоматизации, информатизации и информационной открытости. Анализ нормативного содержания указанных принципов свидетельствует о том, что они, по сути, выступают проявлением таких принципов, характерных для внешнего публичного финансового контроля, как эффективность (автоматизация, информатизация) и гласность (информационная открытость).

Так, принцип автоматизации предполагает, что при осуществлении контрольной деятельности на всех стадиях должны использоваться

при наличии информационно-телекоммуникационные технологии, позволяющие автоматизировать постоянные и однообразные процессы, а также обеспечивающие оперативную обработку большого массива данных и автоматизированное формирование документов. В свою очередь принцип информатизации означает, что при осуществлении внутреннего публичного финансового контроля контролирующий орган не запрашивает у контролируемого субъекта необходимые документы, материалы и информацию, содержащиеся в государственных и муниципальных информационных системах, к которым у данного органа есть доступ. Таким образом, применение указанных принципов повышает эффективность, в том числе результативность, деятельности органов внутреннего публичного финансового контроля в современных условиях. Исходя из нормативного содержания принципа эффективности вышеуказанных органов, автоматизация и информатизация их деятельности как раз способствуют обеспечению оптимального объема трудовых, материальных, финансовых и иных ресурсов для повышения качества финансового менеджмента контролируемых субъектов.

Принцип информационной открытости означает публичную доступность информации о контрольной деятельности органа внутреннего финансового контроля, размещаемой с учетом требований, предусмотренных Федеральным законом от 09 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», а также иными нормативными правовыми актами. Речь идет об информации, которая размещается в сети «Интернет» и на официальном сайте данного органа: общая информация, отчеты о проведении контрольных мероприятий, ежегодный отчет о результатах контрольной деятельности, а также иные сведения. Исключение составляет информация, свободное распространение которой запрещено или ограничено в соответствии с законодательством (например, сведения, составляющие содержащей конфиденциальную информацию). В связи с этим рассматриваемый принцип составляет во многом содержание общеправового принципа гласности, применяемого также в рамках внешнего публичного финансового контроля.

Таким образом, нормативное закрепление принципов внешнего и внутреннего публичного финансового контроля в условиях цифровизации экономики свидетельствует об учете в их содержании

или даже наименовании некоторых из них возможности либо обязанности использования контрольным органом информационно-телекоммуникационных технологий в процессе и (или) по итогам контрольных (экспертно-аналитических) мероприятий. В то же время содержание некоторых «новых» принципов внутреннего публичного финансового контроля, обусловленных применением цифровых технологий, соответствует содержанию общеправовых принципов, применяемых также в рамках внешнего публичного финансового контроля.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Байниязова З.С. Основные принципы российской правовой системы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004.
2. Беликов Е.Г. Финансовое право и его институты: проблемы социальной эффективности / под ред. докт. юрид. наук, проф. Е.В. Покачаловой. М.: Юрлитинформ, 2016.
3. Контроль в финансово-бюджетной сфере: Научно-практическое пособие / Кучеров И.И., Поветкина Н.А., Абрамова Н.Е. М.: Контракт, ИЗиСП, 2016.
4. Малько А.В., Струсь К.А. Принципы права как важнейшая составляющая правовых основ развития общества // Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2010. С. 29–51.
5. Пилипенко А.А. Принципы финансового права России и их нормативное закрепление: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
6. Смирнов Д.А. Принципы современного российского налогового права. С. 171.
7. Соколова Э.Д. Система принципов финансового права // Финансовое право. 2012. № 8. С. 7–8.
8. Финансовое право: учебник / отв. ред. Н.И. Химичева, Е.В. Покачалова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017.

Васильева Евгения Григорьевна

доцент кафедры административного и финансового права
СКФ ФГБОУВО «РГУП» (г. Краснодар),
кандидат юридических наук, доцент

САМОЗАНЯТЫЕ ГРАЖДАНЕ: ВОПРОСЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

Vasilyeva E. G.

Assistant professor at the Department of administrative and financial law
North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice Krasnodar, Ph.D.,
associate professor

SELF-EMPLOYED CITIZENS: ISSUES OF INSTITUTIONALIZATION AND PROBLEMS OF TAXATION

Abstract. The article highlights new mechanisms, issues of institutionalization, problems of taxation of self-employed citizens. The author investigated and analyzed a new special tax regime for self-employed citizens. The article touches upon the issues of defining the concept of self-employment, their legal status, problems of calculating and paying taxes, monitoring the reliability and accuracy of calculating and paying taxes, as well as the problems of overcoming this category of citizens. The author believes that there is a clear trend in the legislation, indicating the emergence of a new institution of self-employment. Based on the study, the author considered the main changes introduced by the Federal Law of November 27, 2018 No. 422-ФЗ. The author hopes that Federal Law of November 27, 2018 No. 422-FZ will be able to increase the motivation of self-employed citizens to inadmissibility of evading tax obligations.

Key words: self-employed citizens, special tax regime, institutionalization, tax problems

В настоящее время в России только зарождается формирование института самозанятости. Федеральным законом от 26.07.2017 № 199-ФЗ внесены изменения в ст. 23 ГК РФ, путем дополнения следующим положением: «В отношении отдельных видов предпринимательской деятельности законом могут быть предусмотрены условия осуществления гражданами такой деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя». Внесены также поправки в ст. 217 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ) Федеральным законом от 30.11.2016 № 401-ФЗ, согласно которым не подлежат налогообложению (освобождаются от налогообло-

жения) «доходы в виде выплат (вознаграждений), полученных физическими лицами, не являющимися индивидуальными предпринимателями, от физических лиц за оказание им следующих услуг для личных, домашних и (или) иных подобных нужд»: няни и сиделки, репетиторы, «уборщики». Такие налоговые каникулы устанавливаются на два года (в период до 2019 г.). При этом перечисленные лица должны уведомить о своей деятельности налоговый орган.

С 1 июля 2020 года налоговый режим можно применять по всей России. На сегодняшний момент указанные новации пока не получили практического воплощения, весьма незначительное количество лиц зарегистрировали свою деятельность в налоговых органах в силу разных причин. Самозанятость не является сферой получения сверхдоходов, скорее это инструмент для реализации себя в экономических отношениях, регулируемых формальными институтами. Отметим, что самозанятые граждане относятся к категории физических лиц, не к индивидуальным предпринимателям. В связи с этим возникают определенные вопросы правоприменения, требующие дальнейшего совершенствования в сфере самозанятости населения. Обозначим, что деятельность самозанятых де-юре определена как предпринимательская и де-факто тоже является таковой. Таким образом, возникает определенное противоречие (коллизия) в определении самозанятых лиц. Так, самозанятость по своей профессиональной классификации во многом пересекается с классификацией видов деятельности, подпадающих под патентную систему налогообложения (далее — ПСН), распространяемую также на индивидуальных предпринимателей. В основном, для которых она и разрабатывалась. Изначально планировалось не отягощать таких предпринимателей сильным налоговым бременем. Но с 2019 г. (для ПСН) необходимо использовать ККТ, on-line кассы с фискальными чеками наладить, подключив Интернет в местах обслуживания. Вдобавок еще необходимо осуществлять платежи по страховым взносам. Все эти «издержки» не будут способствовать увеличению количества лиц, переходящих на ПСН и также появлению самозанятых лиц.

В данной статье будут затронуты вопросы определения понятия самозанятости, их правового статуса, проблемы исчисления и уплаты налогов, контроль за достоверностью и правильностью исчисления и уплаты ими налогов, а также проблемы выхода «из тени» данной категории граждан.

Определение термина «самозанятые» в российском законодательстве найти достаточно сложно. Разобраться в этом термине не так-то просто, поскольку отдельные государственные органы по-разному его толкуют. Открывая статью 2 Закона РФ № 1032–1 от 19.04.1991 «О занятости населения в Российской Федерации», среди категорий занятого населения нет ни одной, подходящей под понятие самозанятых. Сформулируем понятие «Самозанятое население следующим образом. К ним относятся индивидуальные предприниматели, главы и члены крестьянских (фермерских) хозяйств, адвокаты, арбитражные управляющие, нотариусы, занимающиеся частной практикой, и иные лица, занимающиеся частной практикой, и не являющиеся индивидуальными предпринимателями». Федеральная налоговая служба дает таким гражданам следующую характеристику: «физические лица, не являющиеся индивидуальными предпринимателями и оказывающие без привлечения наемных работников услуги физическому лицу для личных, домашних и (или) иных подобных нужд». Полагаем, что самозанятые должны платить налоги и страховые взносы. Фактически самозанятые представляют собой пограничную категорию, сочетающую в себе признаки как наемного работника, так и субъекта малого предпринимательства. Однако, с учетом проведенного анализа главы 23 «НДФЛ» Налогового кодекса РФ и Письма ФНС России от 20 февраля 2019 года № СД-4–3/2899 можно сделать вывод, что самозанятые теперь приравниваются к лицам, осуществляющим профессиональную деятельность, а именно к нотариусам и адвокатам. На улучшение определенности самозанятых направлен Федеральный закон 401-ФЗ, внесший изменения в НК РФ, в соответствии с которыми: 1) В налоговом законодательстве фактически возникла новая категория физических лиц, не имеющих статуса ИП, однако оказывающих другим физическим лицам услуги для личных, домашних и иных подобных нужд и получающих соответствующий доход. Такие граждане не имеют права привлекать наемных работников, но получают возможность осуществлять свою деятельность официально. При этом процедура регистрации для них существенно упрощена. 2) В НК закреплен краткий перечень видов деятельности, которыми могут заниматься лица, отнесенные к категории самозанятых. В нем всего три пункта: репетиторство, уборка, присмотр и уход за детьми, больными и престарелыми.

Разобравшись с понятием самозанятых возникает вопрос. По какой причине в государстве возникла необходимость закрепления дан-

ной категории налогоплательщиков. По состоянию на январь 2019 года Росстат огласил уровень безработицы в России в 4,9% — отношение численности безработных к численности рабочей силы. Таким образом, у государства отсутствует подтвержденная информация о том, чем занимаются 4 миллиона трудоспособных граждан России, которые не работают по трудовым договорам и не ведут легальный бизнес. Понятно, что в условиях рыночной экономики все эти лица заняты какой-то деятельностью, которая приносит им доход. При этом сами граждане прекрасно осознают, что нарушают законы, но становиться на учет, как ИП и платить налоги не спешат. Одной из причин неразрешимости ситуации и сложности вывода этих миллионов граждан из тени вызвана стремлением избежать уплаты налогов, а также объективными причинами, такими как: высокий уровень безработицы, финансовая нагрузка на работодателей по выплате страховых взносов, из-за чего они стремятся нанимать нелегальных работников или доплачивать зарплату в конвертах, а так же постоянным изменением пенсионного законодательства и отсутствием гарантии достойной пенсии. Из этого следует что, мощный институциональный барьер не дает гражданам в полной мере исполнять свою налоговую обязанность. Все это приводит к тому, что граждане не особо надеются на государство в финансовых вопросах и самостоятельно находят источники получения дохода, путем ухода от налогообложения и избегая какой либо регистрации в налоговых органах. Проблема неформальности самозанятых обходится бюджету примерно в 1,2 миллиарда рублей в год по оценкам Общественной палаты. Факт наличия проблемы и необходимость ее решения признаются на уровне федеральных властей. Данная тема была затронута в нескольких поручениях Президента РФ. В связи с установлением в законодательстве данной категории налогоплательщиков эксперты Общественной палаты рассчитывают на выход «из тени» 5% самозанятых ежегодно.

До внесения изменений в законодательство самозанятые не имели иных вариантов легально осуществлять свою деятельность, кроме регистрации в качестве ИП. Приобретение данного статуса связано с определенными сложностями и накладывает на лицо перечень весьма обременительных обязанностей, связанных с ведением учета и уплатой налогов и сборов. И если для «полноценного» предпринимателя данные сложности компенсировались преимуществами формального статуса, то для самозанятого ценность таких преимуществ существенно

ниже. Например, возможность найма работников для самозанятого не играет никакой роли. В связи с этим государство закрепило новую категорию налогоплательщиков, такую как самозанятые граждане и ввело для них льготную программу.

Основным преимуществом видится предоставление самозанятым относительно простого механизма для легализации своей деятельности. Взамен на приобретение легального статуса самозанятые получают возможность не уплачивать налоги в течение двух лет, при этом не несут обременительных обязанностей, связанных с приобретением статуса ИП. В данном аспекте их можно сравнить с субъектами малого предпринимательства о которых упоминалось выше, которым в соответствии Федеральным законом от 29.12.2014 № 477-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации», внесшим изменения в статью 346.20 НК РФ предоставляются так называемые «налоговые каникулы».

Далее, целесообразно перейти к вопросу о порядке исчисления и уплаты налога, а также отчетности самозанятых налогоплательщиков. Прежде всего, стоит отметить что, объектом налогообложения признаются доходы от реализации товаров (работ, услуг, имущественных прав). Налоговым периодом по общему правилу признается календарный месяц. Сумма налога исчисляется налоговым органом. Налоговый орган уведомляет налогоплательщика через мобильное приложение «Мой налог» не позднее 12-го числа месяца, следующего за истекшим налоговым периодом, о сумме налога, подлежащей уплате по итогам налогового периода, с указанием реквизитов, необходимых для уплаты налога. Уплата налога осуществляется не позднее 25-го числа месяца, следующего за истекшим налоговым периодом, по месту ведения налогоплательщиком деятельности [11]. При произведении расчетов, связанных с получением доходов от реализации товаров (работ, услуг, имущественных прав), являющихся объектом налогообложения, налогоплательщик обязан с использованием мобильного приложения «Мой налог» и (или) через уполномоченного оператора электронной площадки и (или) уполномоченную кредитную организацию передать сведения о произведенных расчетах в налоговый орган, сформировать чек и обеспечить его передачу покупателю (заказчику). Чек должен быть сформирован налогоплательщиком и передан покупателю (заказчику) в момент расчета наличными денежными средствами и (или) с использованием электронных средств платежа. При иных формах денежных расчетов в безналичном порядке чек должен быть сформирован

рован и передан покупателю (заказчику) не позднее 9-го числа месяца, следующего за налоговым периодом, в котором произведены расчеты (п. 3 ст.14 Федерального закона от 27.11.2018 года № 422-ФЗ). Федеральный закон «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении расчетов в Российской Федерации» от 22.05.2003 № 54-ФЗ регулирует более детально выдачу чека благодаря использованию онлайн-касс, заметим, что самозанятые не обязаны устанавливать «кассы», а все свои действия должны отражать в приложении «Мой налог». Таким образом, контроль будет осуществляться только по предоставленным самим самозанятым налогоплательщиком чекам, и в случаях нарушения данной обязанности по обращению заказчика в ФНС России, в том числе с использованием сервиса «Обратиться в ФНС России», размещенном на официальном сайте ФНС России. Но, несмотря на это, это никак не дает гарантий, что часть дохода не будет «утаиваться». Деятельность самозанятых зачастую осуществляется в областях, где во взаимоотношениях сторон предпринимательской деятельности отсутствуют какие-либо посредники или третьи лица, а оплата производится наличными денежными средствами. Данное обстоятельство обуславливает возникновения проблем в части осуществления государственного регулирования самозанятости.

В настоящее время в законодательстве не предусмотрен порядок проверки правильности исчисления и достоверности представленных чеков, что существенно осложняет проведение налогового контроля. В большинстве случаев придется только надеяться на добросовестное исполнение самозанятыми налогоплательщиками своей налоговой обязанности. Также не до конца ясен вопрос, каким образом будет происходить выход «из тени» самозанятых. Для государства цель появления новой категории лиц ясна — новая категория налогоплательщиков, ранее скрывавшая свои доходы, теперь будет находиться под контролем и тем самым пополнять государственный бюджет. А вот цель обозначения себя самозанятым для граждан пока не совсем ясна. Большинство из данной категории, как правило, работают по трудовому договору и виды деятельности, отнесенные к самозанятости для них являются дополнительным, так называемым «внеурочным» доходом. И весьма затруднительным представляется обнаружение данной категории налогоплательщиков. С учетом изложенного, представляется более детально, законодательно урегулировать вопросы выявления, обнаружения данной категории налогоплательщиков, путем, введения для самозанятых налоговых льгот, отличающихся от льгот предоставляемых

субъектам малого предпринимательства ввиду их индивидуальных особенностей. Полагаю, что перспективы самозанятости, преимущества, новые возможности и льготы для самозанятых граждан должны быть нормативно закреплены и тщательно проработаны. Развитию самозанятости будут способствовать и современные информационные технологии, с помощью которых формируется рынок различных услуг, в том числе и в сфере самозанятости.

УДК 347. 73

Научная специальность 12.00.04

Иваноженко Андрей Борисович

доцент кафедры Правоведения
Санкт-Петербургского государственного
архитектурно-строительного университета
кандидат юридических наук, доцент

О НЕКОТОРЫХ ДОКТРИНАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЯХ В РЕГУЛЯЦИИ СИСТЕМЫ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ПЕНСИОННОГО СТРАХОВАНИЯ

Andrei Ivanyuzhenko

St. Petersburg State University of Architecture and
Civil Engineering
Department of law studies, Professor

ABOUT SOME DOCTRINAL CONTRADICTIONS IN THE REGULATION OF THE MANDATORY PENSION INSURANCE SYSTEM

Abstract. The article is devoted to the role of the uncertainty of the “labor” category as a basic category in the formation of a balanced budget of the Russians pension Fund. The author concretizes the problems identified during the implementation of the «pension reform — 2018» and suggests ways to solve them. The article substantiates the review of the existing relationship between Russian labor resources and business in building a stable deficit-free financial model of pension provision.

Key words. Pension insurance, right to labor, actuarial calculations, financial system.

Неустойчивость пенсионной системы России побудили весной — летом 2018 года общественную дискуссию по поводу экономической обоснованности существующей пенсионной системы России и ее

социальной справедливости. Промежуточным итогом этой дискуссии стало принятие в 2018 году Федерального закона от 30 октября 2018г. № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий», поименованного в ходе общественной дискуссии «пенсионной реформой» (в соответствии с которым возраст приобретения прав на пенсию по достижению возраста нетрудоспособности поэтапно возрастает на 5 лет), вызвавшим острое недовольство традиционного российского общества. Названное недовольство было обусловлено такими причинами, как:

1) исторически-сложившимся взглядами россиян на возраст приобретения права на пенсию по нетрудоспособности как на стабильную социальную гарантию (существующий до «пенсионной реформы» возраст приобретения пенсионных прав по нетрудоспособности был установлен еще в 30-е годы XX века);

2) непрозрачностью актуарной модели, формирующей соотношение между тарификацией платежей в Пенсионный фонд РФ (ПФ РФ) и величиной пенсионных обязательств, и имеющей, по мнению отдельных специалистов в области публичных финансов и финансовой математики ряд существенных погрешностей [2, 114] и

3) существующим в пенсионном обеспечении неравенством, опосредованным тем, что россияне, находящиеся на государственной гражданской и военной службе (количественная оценка последних невозможна из-за особенностей профессиональной деятельности отдельных структурных подразделений) не являются участниками системы обязательного пенсионного страхования (далее — ОПС) и в соответствии с Федеральным законом от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» (закон № 166-ФЗ) приобретают право на «государственное пенсионное обеспечение» за счет средств федерального бюджета в более раннем возрасте, что создает предпосылку для количественных диспропорций доходов у лиц приобретших право на пенсионные выплаты.

Поскольку нормативно система ОПС описана в терминах страхования, мы должны согласиться с тем, что пенсия по достижению возраста нетрудоспособности является индивидуальной компенсационной выплатой. Названная компенсация обусловлена тем, что существующая ныне товарно-денежная система опосредует активность индивида в обеспечении себя имущественными ресурсами для

биологического существования, в соответствии с чем, человек либо осуществляет трудовую деятельность приобретаемую работодателем, либо — осуществляет предпринимательскую деятельность на свой риск. Именно обусловленность экономической моделью страхового, а не иного перераспределения денежных ресурсов существующих в современной финансовой системе России, по нашему мнению, объясняет неоднозначность взглядов государства на социальную политику и реализацию застрахованными своих прав до достижения пенсионного возраста по той причине, что защищаемый страхованием интерес в обеспечении жизнедеятельности нетрудоспособного лица прекращается с его смертью.

Рассматривая заявление министра финансов РФ А.Г. Силуанова о том, что «граждане должны сами заботиться о том, чтобы при завершении работы, получать достойную пенсию» [1], т. е. иметь интерес по формированию индивидуальной величины пенсионного обеспечения, за счет отчислений относительно стоимостных показателей своей социальной активности (труда) мы обращаем внимание на то, что функциональным назначением пенсия по достижению возраста нетрудоспособности является защита человека от риска невозможности жизнеобеспечения в результате утраты способности к труду.

Российское государство на переходном этапе развития попыталось подтолкнуть общество к активному формированию индивидуальных результатов труда, как базы для формирования бюджета ПФ РФ и соответственно — стабильности системы ОПС, посредством процедур вовлеченности индивидов в управление предприятиями. Е.Т. Гайдар, описывая методологию приватизации имущественных комплексов указывал на то, что «Программа реформы, не предусматривающая упрочения таких ценностей, как <...> активное участие трудящихся в управлении производством, просто нежизнеспособна» [3]. Однако вектор экономического развития России пошел по иному пути, концепция приватизации производства посредством «ваучеров» создала определенную эффективность в создании ВВП, но повлекла неблагоприятные последствия для сбалансированной системы ОПС, что прослеживается и поныне. В связи с этим российские граждане оказались не вовлеченными в процесс управления своими структурами, а ряд категорий работников (государственная и муниципальная служба) не стали участниками ОПС по причине осуществления деятельности, не подпадающей под действие этой системы.

Нам представляется правильным заявление Президента РФ сделанное в 2018 году о том, что «значительная доля смысла предпринимательства — в извлечении прибыли» [5], т. к. современный российский работодатель, выполняя функцию страхователя в ОПС и руководствуясь в первую очередь целью извлечения прибыли, содержательно видит в труде своих наемных работников (т. е. застрахованных в системе ОПС) не партнеров, создающих конечный продукт, а «товар», отчуждение которого происходит в процессе производства и реализации. Тем самым представитель «бизнеса» формируя свой финансовый результат не заинтересован нести бремя расходов по формированию доходной части бюджета ПФ РФ. Это позволяет нам (не смотря на действующую в России Декларацию «О целях и задачах Международной организации труда» (МОТ) от 10.05.1944. в п. «а» ст.1 которой установлено, что «труд не является товаром») признать существование высказанного более 100 лет назад К.Марксом тезиса, согласно которого «деятельность рабочего <...> принадлежит другому, она есть утрата рабочим самого себя» [4, 90], а также объяснить озабоченность Правительства РФ признавшего в 2020 году «запредельной» фискальной нагрузкой на труд [6].

Возникающее при этом противоречие между фискальным бременем страхователей и необеспеченностью застрахованных пенсионными ресурсами, не смотря на применение к первым мер юридической ответственности, равно как и нераспространение на ряд работников правил ОПС являются краеугольными камнями несбалансированности этой системы, и не позволяет ПФ РФ начиная с 2016 года по настоящее время выполнять надлежащим образом функцию страховщика.

Как нам представляется, позиция российского государства по вопросу выявленного противоречия доктринально не определена, т. к. Россия, гарантируя человеку свободу труда (Ч.1 ст.37 Конституции РФ) и предусматривая что он не может обладать стоимостью менее минимального размера (Ч.2 ст. 7 Конституции РФ) не определилась концептуально с содержанием правовой дефиниции «труд» и как следствие — не может создать единую для всех лиц осуществляющих социальную активность, систему защиты от рисков понесения убытков от невозможности получать за его реализацию должный стоимостной эквивалент по причине старения. К подобному выводу побуждает уже то обстоятельство, что:

- стоимостной эквивалент «традиционной» социальной активности (результат труда оформленного договором) признаваемый объектом обложения страховыми взносами в ОПС (ст. 419 НК РФ), для самого работника является «доходом» выраженном в виде получаемого им соответствующего вознаграждения (ст. 208 НК РФ), а
- стоимостной эквивалент аналогичной, но не систематической социальной активности россиян признается ст. 6 Федерального закона от 27.11.2018 года № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход», «доходом от реализации работ, услуг», т. е. средствами от передачи прав на конечный результат социальной активности, но не является объектом обложения обязательными страховыми взносами в бюджет ПФ РФ (ст. 3 Федерального закона от 27 ноября 2018 года № 425-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую НК РФ и отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

Предложенные Президентом РФ в 2020 году поправки в ст. 75 Конституции РФ (речь идет о п.8 ст. 1 Закона РФ о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» принятого Государственной Думой РФ и одобренного Советом Федерации РФ 11 марта 2020 г.) по нашему мнению, также не способствуют решению этого противоречия, т. к. часть 6 данной статьи Основного закона декларирует, что в России только «формируется» (т. е. не существует в настоящее время) «эффективная система пенсионного обеспечения», а названные принципы ее построения (всеобщность, справедливость и солидарности поколений) [7], с точки зрения финансовой модели перераспределения средств должны распространяться исключительно на лиц — участников ОПС, что влечет неопределенность в приобретении в первую очередь государственными (муниципальными) служащими, т. е. лиц на которых распространяется вышеназванный федеральный закон № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в России» и не вовлеченных в систему обязательного пенсионного страхования своих пенсионных прав.

Поскольку, стоимостное выражение труда, как базы для формирования системы защита рисков от убытков связанных с поэтапным

снижением и утратой социальной активности имеет неоднозначное истолкование, концептуальным решением устранения нестабильности пенсионной системы России может быть введение в российскую правовую систему легальной дефиниции «труд». Это, в свою очередь, позволит:

- пересмотреть границы стоимостного выражения социальной активности человека, как базы для уплаты страховых взносов в систему ОПС;
- более содержательно рассматривать регуляцию отношений между работником и работодателем, в которых российские граждане смогут, как владельцы своего труда вовлекаться в формирование стоимостных показателей своей социальной активности;
- распространить правила ОПС на стоимостной эквивалент каждого носителя трудовой функции независимо от ее вида, и как следствие —
- в перспективе производить пенсионные компенсационные выплаты за счет средств бюджета ПФ РФ с учетом требований современной цивилизации (т. н. «коэффициента замещения» МОТ) только в случаях фактической утраты застрахованным лицом возможности осуществлять социальную активность, обладающую стоимостным эквивалентом (осуществление фактической трудовой функции).

Как нам представляется, данные новации позволят сформировать новые взгляды на формирование доходов системы ОПС, повлекут за собой равенство в приобретении пенсионных прав, что в конечном итоге позволит стать российской пенсионной системе сбалансированной в финансово-правовом отношении, и более справедливой в отношении социальном.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Белоконова, Е. «Силуанов заявил, что достойная пенсия — это забота самих россиян». URL: <https://www.kp.ru/online/news/3079705/> Сайт информационного агентства «Комсомольская правда».
2. Дмитриева, О.Г., Чернов, В.П. «Монотонность и стационарность пенсионных функций и их нарушение в действующих и предлагаемых формулах расчета пенсий» // Вопросы экономики, 2014. № 6. С. 112–140.
3. Гайдар, Е.Т. «Частная собственность — новый стереотип» // Московские Новости, 1989. 8 октября.

4. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 42. Издание второе. Изд-во политической литературы. Москва 1974. С. 43–174.

5. «Путин призвал молодежь идти в бизнес не для того чтобы «заколачивать бабки»» / Редакционная статья. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5909243> Сайт информационного агентства «ТАСС».

6. «Силуанов назвал запредельной налоговую нагрузку на труд». / Редакционная статья. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4261509> Сайт информационного агентства «Коммерсантъ».

УДК 342.9

Научная специальность 12.00.14

Конеv Сергей Игоревич

старший преподаватель кафедры
административного и энергетического права
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

НАДНАЦИОНАЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ФОРМИРОВАНИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА

Konev Sergey Igorevich

senior lecturer of the department
administrativeandenergylaw
National University of Oil and Gas «Gubkin University»

SUPRANATIONAL REGULATION OF RELATIONS AS A PREREQUISITE FOR THE FORMATION OF TRANSNATIONAL ADMINISTRATIVE LAW

Abstract: the author examines the activities of international organizations, including in the economic sphere, through the prism of the administrative and legal category «management». Highlighting several forms of regulatory influence on national relations by supranational structures, the author concludes about the prerequisites for the formation of transnational administrative law.

Key words: administrative law, management, transnational administrative law, regulation, legal space

Внедрение информационно-телекоммуникационных технологий в сферу управления и цифровизация экономических процессов, проходящие на фоне тенденций глобализации порождают новые угрозы

и риски, решить которые государству в одиночку проблематично. В этом контексте С.Ю. Кашкиным отмечается «тенденция смещения акцентов права с сугубо внутренних вопросов к регулированию региональных и наднациональных вопросов» [1, с.52]. В то же время формирование единого пространства, экономическое оно или социальное, оказывает влияние и на правовую систему.

Россия является участником большого количества интеграционных объединений с самым разным целевым назначением. Образуют ли нормативные акты, принимаемые этими организациями источники права, которое в литературе называют интернациональным, транснациональным или международным административным правом?

Для дальнейшего рассмотрения этого вопроса мы сначала оттолкнемся от предмета регулирования обеих отраслей.

Административное право имеет своим предметом отношения управленческого характера. При этом управление характеризуется как целенаправленное воздействие субъекта управления на объект, с целью создания, эффективно действующей системой. Наряду с техническим, биологическим и социальным управлением мы выделяем государственное. Причем в широком смысле — это деятельность всех органов власти оказывающих воздействие на общественные отношения и обладающие возможностью применить санкции.

Предмет международного права в самом общем виде можно обозначить как публично — правовые отношения между суверенными государствами, международными организациями и иными субъектами, которые в той или иной форме затрагивают интересы государств. При этом государства, обладая первичной правосубъектностью, для удовлетворения этих интересов создают эти международные организации. Правосубъектность последних уже носит функциональный характер и обусловлена целями, которые указаны в правоустанавливающих договорах. Реализуя в соответствии с международными договорами задачи международные организации в свою очередь порождают предписания, обязательные для государств-участников.

Таким образом, сближающим обе отрасли категорией, становится «управление». При этом, международные организации все чаще начинают выполнять функцию управления, беря на себя роль присущую органам исполнительной власти.

Попытки применить административную категорию «управление» к сфере международных отношений не являются принципиально

новыми. Еще в XIX веке Ф.Ф. Мартенс рассуждал о международном управлении, «понятие и существо которого вытекают из идеи международного общения и цели самого государства»[2, с. 5]. При этом «совокупность юридических условий или норм, определяющих международную деятельность государств, есть право международного управления или международное административное право»[2, с.9].

Если рассматривать деятельность существующих международных организаций, то можно выделить несколько разновидностей транснационального управления в зависимости от степени воздействия на национальные структуры и правовые институты. Не рассматривая транснациональное сетевое управление, управленческое воздействие со стороны некоммерческих и неправительственных организаций, оказывающих регуляторное воздействие на какую-либо сферу общественных отношений, мы остановимся только на одной форме. Которая основана на решениях международных организаций, которые обязательны для стран-участников.

Так, например Совет Безопасности Организации Объединённых наций (далее — СБ ООН) имеет право потребовать от заинтересованных сторон выполнения тех временных мер, которые он найдет необходимыми или желательными (ст.40 Устава ООН). В случае, если сторона не исполняет требования СБ ООН последний может применить превентивные или принудительные меры для урегулирования конфликта. Спектр этих мер достаточно широк: разрыв дипломатических отношений, полный или частичный перерыв в экономических отношениях и даже действия воздушными, морскими или сухопутными силами (ст. 41 и ст. 42 Устава ООН).

Еще одним примером является Всемирная торговая организация (далее — ВТО). Как указано в ст. 3 Марракешского соглашения от 15.04.1994 г. о создании ВТО она осуществляет административные функции в отношении правил и процедур, регулирующих разрешение споров. С этой целью ВТО создало Орган по разрешению споров (далее ОРС) на которого в конечном счете возложен контроль за выполнением принятых рекомендаций или решений (п. 6 ст. 21 Приложения 2 Марракешское соглашение о создании ВТО). Последствием неисполнения вышеуказанных решений является возможность ОРС применить приостановку торговых уступок, которые по своему объему эквиваленты нарушенным правам (п. 7 ст. 3 Приложения 2 Марракешское соглашение о создании ВТО).

В вышеуказанных случаях принятие решений должно носить обоснованный характер, а сами процедуры принятия решений должны быть прозрачными. По своей природе такие процедуры носят административный характер.

В контексте темы конференции для нас представляет интерес и деятельность Евразийского Экономического Союза (далее — ЕАЭС или Союз), который представляет собой международную организацию региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью, (п. 1 ст. 1 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014). При этом ЕАЭС ставит перед собой цели развития экономик-стран участниц, формирование единого рынка товаров, работ и услуг и всестороннюю модернизацию (ст.4.Договора о ЕАЭС). Обращает на себя внимание, что в Договоре о ЕАЭС прямо говорится, о едином экономическом пространстве, на котором действуют одностипные регуляторы, основанные на гармонизации и унификации законодательства (ст.2 Договора о ЕАЭС). Решения высших органов ЕАЭС (Высшего Евразийского экономического совета и Евразийского межправительственного совета) подлежат исполнению в порядке, предусмотренном национальным законодательством стран — участников. В структуре ЕАЭС имеется постоянно действующий регулирующий орган — Евразийская экономическая комиссия. Она наделена правом принимать обязательные решения для стран — участниц, распоряжения и рекомендации (Приложение № 1 к Договору о Евразийском экономическом союзе).

Одним из самых важных результатов деятельности ЕАЭС является принятие Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, который вступил в силу с 1 января 2018 года. Данный документ окончательно сформировал единую основу правового регулирования сферы общественных отношений на территории нескольких государств на основе единых норм, правил и процедур. При этом таможенные органы в пределах своей компетенции обеспечивают исполнение актов, составляющих право ЕАЭС. (п.3 ч.1 ст.351 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза).

Таким образом, на примере ЕАЭС мы видим единое правовое пространство, в рамках которого осуществляется регулирование различных видов отношений. При этом оно имеет наднациональный характер. Следует отметить, что для единообразного применения законодательства ЕАЭС был учрежден Суд Союза (Приложение № 2

к Договору о Евразийском экономическом союзе), решения которого обязательны для исполнения. Однако, формы исполнения решений Суда ЕАЭС страны выбирают самостоятельно.

В заключении автор хотел бы отметить, что находясь на «стыке» административной и международной отрасли права транснациональное административное право заимствует элементы каждой из них и формирует свой инструментарий, позволяющий в иных случаях напрямую воздействовать на национальные структуры и отношения. Важным вопросом является предел такого воздействия, и на взгляд автора ответ на него может дать только Конституция нашего государства.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Кашкин С.Ю. Основные тенденции развития зарубежного, международного и европейского прав // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2011. № 5.

2. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. В 2-х томах. Том 2 // под редакцией и с биографическим очерком доктора юридических наук, профессора В.А.Томсинова — «Зерцало», 2008 г.

УДК 349.6

Научная специальность 12.00.06

Левитанус Борис Александрович

доцент кафедры финансового права
Санкт-Петербургского государственного
экономического университета,
кандидат юридических наук, доцент

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОГО ОБРАЩЕНИЯ С ЖИВОТНЫМИ

Levitanus B. Aleksandrovich

Associate Professor of the Chair of financial law of
Saint Petersburg State University of Economics

LEGAL REGULATION OF RESPONSIBLE HANDLING OF ANIMALS

Abstract. The scientific article is devoted to the establishment of the legal regime of animals. The article provides various classifications of animals, as well as criteria for classifying an animal as regulated by civil and environmental law. The article

analyzes such legal problems as: cruelty to animals, the use of animals in cultural and entertainment events, animal killing, animal trapping and keeping them in shelters, the experience of foreign countries in the field of responsible animal handling is analyzed. In conclusion, the article summarizes the study and formulates conclusions.

Key words: animal, cruelty to animals, animal capture, animal killing, animal chipping, laboratory animals.

Для начала проведения исследования необходимо определить юридическое понятие «животного». Если провести анализ существующего законодательства в данной сфере, можно прийти к выводу, что в нашей стране отсутствует правовое закрепление данной дефиниции. Правовое регулирование животных затрагивает действие таких отраслей права как экологическое, гражданское, уголовное, административное. Однако самого понятия «животное» мы не сможем найти ни в статье ст. 245 УК РФ — жестокое обращение с животными, ни в статье 137 Гражданского Кодекса — животные, ни в Федеральном законе от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире», ни Федеральном закон от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», ни в Федеральном законе «Об ответственном обращении с животными». «Таким образом, законодатель предполагает обращение либо к этимологическому словарю, либо к иным источникам, раскрывающим термин «животное»» [5, с. 56].

Основополагающее понимание животного в обыденном смысле сформулировано в энциклопедическом словаре: «Живой организм, существо, обладающее способностью двигаться и питающееся, в отличие от растений, готовыми органическими соединениями» [2, с. 614].

Наиболее узкое содержание понятия «животные» формулируют в праве: к ним относят лишь высших животных или высших млекопитающих. Если вспоминать Римское право, то к животным относились дикие звери, рыбы и птицы.

Если мы говорим о правовом режиме животных, следует отметить, что в различных отраслях права данная категория рассматривается по-разному. В экологическом праве используется термин «животный мир». В соответствии с Федеральным законом от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире» животный мир — совокупность живых организмов всех видов диких животных, постоянно или временно населяющих территорию Российской Федерации и находящихся в состоянии

естественной свободы, а также относящихся к природным ресурсам континентального шельфа и исключительной экономической зоны Российской Федерации.

То есть для того чтобы животное регулировалось нормами указанного федерального закона оно должно быть диким, населять территорию РФ, находится в состоянии естественной свободы. При этом настоящий закон не раскрывает указанные понятия, а главное не даёт дефиницию «диким животным».

Что касается гражданского права, то ст.137 Гражданского Кодекса РФ устанавливает для животных иной правовой режим. В соответствии, с данной статьёй к животным применяются общие правила об имуществе постольку, поскольку законом или иными правовыми актами не установлено иное. То есть указанный нормативный правовой акт приравнивает животных к одушевлённым вещам.

Если подвести краткий итог, то, исходя из логики законодателя, предметом регулирования экологического права являются дикие животные, находящиеся в состоянии естественной свободы, а все остальные животные с некоторой условностью должны относиться к вещам. Ведущую роль, при регулировании гражданским правом отводится домашним животным. Определение «домашнего животного» у нас в законодательстве появилось сравнительно недавно, в связи со вступлением в силу Федерального закона от 27.12.2018 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными». В соответствии со ст. 3 настоящего федерального закона домашние животные — животные (за исключением животных, включенных в перечень животных, запрещенных к содержанию), которые находятся на содержании владельца — физического лица, под его временным или постоянным надзором.

Однако, необходимо согласиться с мнением, Дементьева Д.И [3 стр. 594], что в законодательстве, помимо категорий диких и домашних животных, существуют и иные животные, причем как прямо не отнесенные к данным категориям, так и отнесение которых к той или иной категории представляется неверным или затруднительным. В качестве примера можно выделить: животных без владельца (п. 6 ст. 3 ФЗ «Об ответственном обращении с животными»), безнадзорных животных (ст. 230 ГК РФ); сельскохозяйственных и иных одомашненных животных (абз. 3 ст. 3 ФЗ «О животном мире»); животных, включенных в перечень животных, запрещенных к содержанию (п. 4 ст. 3 ФЗ «Об ответственном обращении с животными»); диких животных, со-

державшихся в условиях неволи (абз. 3 ст. 3 ФЗ «О животном мире», п. 3 ст. 3 ФЗ «Об ответственном обращении с животными»).

Обозначив некоторые особенности животных, как объекта правового регулирования, перейдём к основному вопросу исследования — проблемам ответственного обращения с животными.

Закон, регулирующий вопросы ответственного обращения с животными, должен был увидеть свет в 2010 году, он прошёл необходимые чтения в Государственной Думе РФ, но был отклонён Президентом РФ. И вот по прошествии восьми лет Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными» был принят.

Бесспорно, его принятие, это положительная веха во взаимоотношении человека с животными. Как справедливо отмечает, Шамардин А.А., «в России за всю ее историю не существовало закона, регулирующего взаимоотношения человека и животных. При этом за рубежом первые такие акты были приняты уже в 19 веке» [4, с. 73].

Какие же юридические новеллы содержит данный закон и какие правовые аспекты остались не затронутыми?

Первое, о чём необходимо упомянуть, сфера действия указанного закона затрагивает далеко не все категории животных. В частности, законом не регулируются дикие виды животных. Некоторые авторы, в частности, Шамардин А.А. объясняет этот факт, тем, что при принятии рассматриваемого закона, не последнюю роль сыграло «охотничье лобби». Конечно для них распространение действия этого закона на вопросы, связанные с организацией и непосредственным проведением охоты были крайне нежелательны. Также действие закона не распространяется на животных, которые используются в экспериментальных целях — лабораторные животные. Из текста закона не ясно, могут ли использоваться в качестве, лабораторных животных домашние кошки и собаки. Также закон не применяется к сельскохозяйственным животным. То есть можно сделать вывод, что с указанными животными можно обращаться безответственно.

Фактически сфера действия настоящего закона распространяется на домашних животных и животных, которые используются при организации культурно-зрелищных мероприятий.

Безусловным достоинством рассматриваемого закона является то, что он ввёл дефиницию жестокого обращения с животными, тем самым пояснив и расширив норму статьи 245 Уголовного Кодекса «Жестокое обращение с животными». В частности, согласно п. 5 ст. 3 Федерального

закона «Об ответственном обращении с животными» под жестоким обращением с животными понимается «обращение с животным, которое привело или может привести к гибели, увечью или иному повреждению здоровья животного (включая истязание животного, в том числе голодом, жаждой, побоями, иными действиями), нарушение требований к содержанию животных, установленных настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации (в том числе отказ владельца от содержания животного), причинившее вред здоровью животного, либо неоказание при наличии возможности владельцем помощи животному, находящемуся в опасном для жизни или здоровья состоянии».

Статья 12 рассматриваемого закона устанавливает запрет пропаганды жестокого обращения с животными и призывов к этому, в том числе в сети «Интернет», изготовление и распространение материалов, пропагандирующих жестокое обращение с животными.

Также закон запрещает организацию и проведение боёв животных, направление животных на других животных. Часть 6 ст. 15 запрещает применение «лекарственных препаратов для ветеринарного применения» и иных, веществ, причиняющих вред здоровью животных, «в целях повышения эффективности использования животных в культурно-зрелищных мероприятиях». Речь идёт о том, что запрещается применение различных медицинских транквилизаторов к животным, с которыми, к примеру, фотографируются дети. Обычно, зачастую, это дикие животные обязаны, попугаи, медведи и другие, которые принимают нужную позу при фотографировании. Конечно, этот факт можно объяснить тем, что эти животные проходили дрессировку, но на практике не всегда дело обстоит таким образом.

Также к жестокому обращению с животными относится отказ собственника от содержания животного. Но, как это можно доказать? Ведь закон не предусматривает обязательную процедуру чипирования животных. Фактически если владелец оставляет животное на улице, оно не имеет признаков индивидуально-определённой вещи и к ответственности собственника никак не привлечёт.

В этой связи можно обратиться к законодательству Германии. В частности, в соответствии с указанным законодательством, чипирование животного или присвоение специального номера осуществляется в обязательном порядке. При регистрации права собственности на животное ему присваивается специальный номер (его

гравировать на ошейнике, наносят в виде татуировки или вживляют под холку чип со всеми данными о владельце и животном). Для быстрого поиска, потерянного животного существует бесплатная база данных, куда владелец вносит информацию о своем животном и прилагает фотографии. В Германии за оставление животного на улице (которое можно реально идентифицировать) владельцу грозит штраф в размере 25 тысяч евро либо лишение свободы сроком до трех лет.

Возвращаясь к анализу российского закона, следует отметить, что закон содержит обязательные требования по оказанию животным своевременной ветеринарной помощи. В законе содержатся общие требования, касающиеся умерщвления животного. Согласно п. 11. ст. 16 указанного закона животных, содержащихся в приютах умерщвлять запрещено, за исключением случаев необходимости прекращения непереносимых физических страданий нежизнеспособных животных при наличии достоверно установленных специалистом в области ветеринарии тяжелого неизлечимого заболевания животного или неизлечимых последствий острой травмы, несовместимых с жизнью животного, и соответствующая процедура должна производиться специалистом в области ветеринарии гуманными методами, гарантирующими быструю и безболезненную смерть.

Закон устанавливает фактический запрет на функционирование деятельности контактных зоопарков, путем установления запрета на осуществление деятельности, предусматривающей использование животных в культурно зрелищных целях, основной целью которых является предоставление физического контакта с животными.

Так же подробно регулируется деятельность приютов, которые теперь обязаны обеспечивать соответствующий уход за животными; проводить их стерилизацию, вакцинацию от опасных болезней для животного и человека, и клинический осмотр. На приюты накладывается обязанность по содержанию животных в приюте до момента передачи их новому владельцу или наступлению естественной смерти, или умерщвлению по основаниям, указанным выше.

Важным нововведением закона является то, что отлов животных без владельца теперь в обязательном порядке должен сопровождаться видеозаписью процесса, которая должна бесплатно быть предоставлена по требованию уполномоченного органа исполнительной власти субъекта РФ, возврат животных без владельцев осуществляется на тех же условиях.

Если подводить итог, то принятие нового закона способствовало решению многих накопившихся проблем во взаимодействии человека с животными. Бесспорно, закон имеет определённые пробелы и далеко не всегда обеспечен должными мерами юридической ответственности за нарушения его положений.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Левитанус Б.А., Орлова О.Ю Проблемы правоприменительной практики в сфере жесткого обращения с животными//Управленческое консультирование.2014. № 2(62). С. 55–60.
2. Введенский Б. А. Энциклопедический словарь: в 3 т. Т. 1: А — Й. — М.: Большая Советская энциклопедия, 1953.
3. Дементьев Д.И. Законодательство о животных: основные понятия. Право собственности на объекты животного мира //Уральский журнал правовых исследований.2019. № 5(6) с. 574–600.
4. Шамардин А.А. Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными»: оправдались ли надежды //Труды Оренбургского университета (филиала) Московской государственной юридической академии № 39 с. 73–80.

УДК 347.734.01

Научная специальность — 12.00.04

Пастушенко Елена Николаевна

профессор кафедры финансового
банковского и таможенного права имени
профессора Нины Ивановны Химичевой
Саратовской государственной юридической академии,
доктор юридических наук, профессор

Земцова Лариса Николаевна

председатель суда общей юрисдикции в отставке,
кандидат юридических наук

РАЗВИТИЕ НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ И ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ*

---

* Подготовка статьи осуществлена в рамках исследования при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) по научному проекту № 18–29–16102, исполнителем которого выступает доктор юридических наук, профессор Е.Н. Пастушенко.

Pastushenko Elena Nikolaevna

Professor, Doctor of Law, Professor at the Department of financial, banking and customs law named after Professor Nina Ivanovna Himicheva, Federal state budgetary educational institution of higher education “Saratov state law Academy” (410056,

Zemtsova Larisa Nikolaevna

PhD of law, retired Chairman of the court of general jurisdiction,

LEGISLATIVE FUNCTION DEVELOPMENT OF THE CENTRAL BANK OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE DIGITAL ECONOMY: PUBLIC AND PRIVATE LEGAL ASPECTS*

Abstract: The article presents general and special bases of the legislative function by the Central Bank of the Russian Federation and its development in the digital financial technologies introduction. The given research treats regulatory normative acts of the Bank of Russia as the sources of financial law (public law aspect). At the same time, a hypothesis has been put forward regarding the Bank of Russia’s regulatory acts as the sources of civil law (private law aspect).

Key words: Central Bank of the Russian Federation, normative acts of the Bank of Russia, digital economy, financial technologies

В современных условиях активно развивается рынок цифровых услуг в сфере банковской деятельности и других сегментов финансового рынка. Данная тенденция требует адекватного правового обеспечения цифровой экономики. Возрастает роль федеральных законов. Но не теряет своей значимости и подзаконное нормотворчество, включая нормативные акты Центрального банка Российской Федерации как мегарегулятора финансового рынка. Данное положение позволяет сделать вывод об актуальности исследования заявленной проблематики развития нормотворческой функции Центрального банка Российской Федерации в условиях цифровой экономики с учетом публично-правовых и частно-правовых аспектов.

Обращает на себя внимание наличие общих и специальных оснований для реализации Банком России нормотворческой функции.

Общие основания сформулированы в статье 7 Федерального закона от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». В указанной норме подчеркивается самостоятельная роль Банка России в определении правил издания им

---

* The article was prepared in the framework of the scientific research with the financial support of The Russian Foundation for fundamental research (RFBR) on the scientific project No. 18–29–16102 which is performed by the Professor, Doctor of Law, Pastushenko E. N.

нормативных актов Банка России. Указанное полномочие было реализовано Банком России в издании 22 сентября 2017 года Положения № 602-П «О правилах подготовки нормативных актов Банка России». Опыт применения Банком России данного нормативного акта нашел отражение в Указании Банка России от 23 марта 2020 года № 5414-У «О внесении изменений в Положение Банка России от 22 сентября 2017 года № 602-П «О правилах подготовки нормативных актов Банка России», в котором в том числе затрагиваются вопросы цифровизации экономики. Новеллой является норма с требованием о дополнении пояснительной записки к проекту нормативного акта новым разделом 8, посвященным изложению в пояснительной записке влияния проекта нормативного акта на портфель проектов Банка России и бизнес-процессы Банка России. В указанном разделе 8 пояснительной записки к проекту нормативного акта Банка России должны приводиться комментарии о том, потребует ли издание проекта внесения изменений в портфель проектов Банка России (в том числе инициирования открытия проектов Банка России) и изменения бизнес-процессов Банка России, а также доработки информационных систем.

Представляется важным введение в общие основания нормотворческой функции Банка России, начиная с 2016 года, правила об официальном опубликовании нормативных актов Банка России на официальном сайте Центрального банка Российской Федерации. Ранее единственным вариантом официального опубликования нормативных актов Банка России было опубликование в официальном издании Банка России — Вестнике Банка России. Развитие электронных технологий позволило избрать перспективное направление официального опубликования нормативных актов на официальном сайте Банка России с сохранением второго варианта — опубликования в Вестнике Банка России. Нормативный акт Банка России вступает в силу с даты, отсчитываемой с даты первого опубликования — на сайте Банка России или в Вестнике Банка России.

Специальные основания нормотворческой функции Банка России закреплены в федеральных законах путем фиксирования вопроса, по которому требуется издание нормативных актов Банка России. Специальные основания получают все большее распространение. Специальные основания нормотворческой функции Банка России получили отражение в Федеральном законе от 2 декабря 1990 года № 395–1 «О банках и банковской деятельности», Федеральном законе от 07 августа

2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», Федеральном законе от 23 декабря 2003 года № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации», Федеральном законе от 10 декабря 2003 года № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле», Федеральном законе от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», Федеральном законе от 21 декабря 2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)».

Специальные основания нормотворческой функции Банка России наблюдается и в сфере правового регулирования цифровой экономики. Данный подход применен в недавно принятом Федеральном законе от 2 августа 2019 года № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», вступившем в силу 01 января 2020 года. Помимо статей 16 и 17 названного закона, посвященных полномочиям Банка России в указанной сфере общественных отношений, вопросы, требующие издания нормативных актов Банка России закреплены и в иных статьях указанного закона (п. 8 ст. 10, п. 6 ст. 11, п. 9 ст.13, п. 8 ст. 3, п. 3 ст. 10).

Как правило, нормативные акты Банка России рассматриваются как источники финансового права [1, с. 61], посвященные публично-правовым вопросам [2, с. 30]. Следует заметить, что имеет место быть и частно-правовая проблематика нормативных актов Банка России. Так, в Федеральном законе от 2 августа 2019 года № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» предусмотрено издание нормативного акта Банка России, устанавливающего дополнительные требования к инвестиционным платформам, с использованием которых приобретаются ценные бумаги или утилитарные цифровые права (пункт 6 статьи 11). Поэтому представляется возможным высказать гипотезу о рассмотрении нормативных актов Банка России в частно-правовом аспекте как источников гражданского права. Весьма дискуссионным представляется рассмотрение финансового права в качестве института частного права и деление финансового права на частное финансовое право и публичное финансовое право [3, с. 8].

С позиций юридической техники некоторые нормы Федерально-го закона от 2 августа 2019 года № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций

с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» требуют уточнения. Примером является пункт 9 статьи 13 названного закона, предусматривающий положение о том, что для осуществления деятельности по организации привлечения инвестиций оператору инвестиционной платформы открывается один или несколько номинальных счетов. В случае если такой номинальный счет открыт для совершения операций с денежными средствами, права на которые принадлежат нескольким инвесторам, оператор инвестиционной платформы ведет учет денежных средств каждого инвестора. Как указано в приводимой норме, Банк России вправе установить порядок ведения оператором инвестиционной платформы такого учета. Возникает вопрос: почему вправе? Потребность в правовом регулировании Банка России требует закрепления не права, а полномочия (право-обязанность) Банка России урегулировать ситуацию. Это представляется важным в аспекте защиты прав инвесторов и потребителей финансовых услуг.

Центральный банк Российской Федерации ведет заблаговременную работу по подготовке нормативных актов, предусмотренных в специальных федеральных законах. Обращает на себя внимание подготовка Банком России Указания от 29 января 2020 года № 5395-У «О порядке и сроках составления представления в Банк России отчетов операторами инвестиционных платформ и составе включаемых в них сведений» (по состоянию на 21 февраля 2020 года документ находится на регистрации в Министерстве юстиции Российской Федерации). Согласно проекту Указание вступает в силу с 01 октября 2020 года.

К сожалению, имеют место быть и некоторые задержки в издании нормативных актов Банка России. Это касается Указания Банка России от 02 декабря 2019 года № 5337-У «О требованиях к внутреннему документу (документам) о управлению конфликтами интересов оператора инвестиционной платформы» (зарегистрировано в Минюсте России 10 января 2020 года № 57115, официально опубликовано на официальном сайте Банка России 14 января 2020 года), в то время как Федеральный закон от 2 августа 2019 года № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» вступил в силу с 01 января 2020 года. Своевременное правовое регулирование финансовых технологий является актуальным направлением финансово-правовой политики [4, с. 9–10].

Таким образом, развитие нормотворческой функции Центрального банка Российской Федерации в условиях цифровой экономики обусловлено расширением общих и специальных оснований издания Банком России нормативных актов, что проявляется как в публично-правовом, так и частно-правовом аспекте.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Финансовое право : учебник / отв. ред. Н.И. Химичева, Е.В. Покачалова. — 6-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2017. (Авторы главы — Н.И. Химичева и Е.В. Покачалова)
2. Финансовое право: учебник для бакалавров / отв. ред. Е.Ю. Грачева. — Москва : Проспект, 2018. (Автор главы — Е.Ю. Грачева)
3. Попондопуло В.Ф. Финансовое право: понятие, природа, источники // Финансовое право. 2020. № 1. С. 8–14.
4. Баракина Е.Ю. Финансово-правовые аспекты внедрения систем распределенного реестра в национальную платежную систему // Финансовое право. 2019. № 3. С. 9–13.

УДК339.19:347.73

Научная специальность — 12.00.04

Покачалова Анна Сергеевна

доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права
имени профессора Нины Ивановны Химичевой
Саратовской государственной юридической академии,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О РОЛИ СТРАХОВОГО РЫНКА В РАЗВИТИИ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ В КРИЗИСНЫЕ ПЕРИОДЫ

Pokachalova Anna Sergeevna

associate Professor of the Department of financial,
banking and customs law named after Professor Nina Ivanovna Himicheva
Saratov state law Academy,
candidate of law, associate Professor

ON THE ROLE OF THE INSURANCE MARKET IN THE DEVELOPMENT OF THE FINANCIAL SYSTEM IN TIMES OF CRISIS

Abstract. The article analyzes the importance of the insurance market in stabilizing the financial system in times of crisis. The author concludes that the insurance market suffered insignificant losses during the economic crises of 2008 and 2014, and new

types of insurance appeared. Through insurance, the banking sector was able to reduce lending risks in times of crisis.

Key words: insurance market, insurance, financial system, economic crisis.

Одним из элементов финансовой системы Российской Федерации признается финансы страхования, которые формируются на страховом рынке. Финансы страхования представляют собой создаваемые страховыми организациями и перестраховочными компаниями фонды денежных средств, призванные обеспечить выполнение обязательств перед страхователями, застрахованными лицами, выгодоприобретателями.

Страховой рынок является одним из видов финансовых рынков, рассматриваемый как сфера (пространство), где осуществляется купля-продажа страховых продуктов (услуг). Следует учитывать, что это абстрактное пространство, определить конкретное место нахождения которого не представляется возможным. Можно констатировать, что страховой рынок будет и в офисе автоцентра, где оформляют ОСАГО и КАСКО, так и в офисе страховой компании. Тенденции продаж в этих местах в целом и будут определять спрос и предложение на страховом рынке.

Финансовая система-это совокупность взаимосвязанных элементов, каждый из которых влияет на ее функционирование[3, С. 29]. Нарушения в одном из звеньев системы всегда отражаются на всех остальных элементах. Так, мировой экономический кризис 2008 года показал существенное влияние банковского сектора на финансовую систему. Дестабилизация на рынке ипотечного кредитования, банкротство крупнейших банков мира, привели к цепной реакции во всех элементах финансовой системы. Российская финансовая система в этот период пострадала в большей степени из-за снижения стоимости барреля нефти, недоступности получения российскими банками кредитов у зарубежных банков, большое количество нестабильных кредитных организаций. В конечном итоге, благодаря поддержке государства Российская Федерация смогла выйти из данного кризиса.

Страховой рынок в свою очередь также ощутил негативное влияние. Вместе с тем это дало ему новый виток в развитии страховых услуг. Например, по состоянию на 2008 год основными страховыми продуктами были КАСКО, страхование имущества юридических лиц, дополнительное медицинское страхование [1]. С 2009 года КАСКО перестает быть настолько актуальным, поскольку граждане отказываются от автокредитования, вместе с тем продажи страховых продуктов

через банковскую сеть постепенно увеличивается за счет развития личного страхования заемщиков, и так называемые коробочные варианты. Страховой рынок в этот период смог обеспечить банковский сектор снижением риска в сфере розничного кредитования, посредством увеличения линейки страховых продуктов в данном секторе. Так, именно в начале 2010 года стал активно развиваться такой страховой продукт как коллективное страхование.

Государство с 2010 года стало более пристально следить за страховым рынком и предпринимать различные меры по ускорению его развития. Предпринятые меры привели к появлению новых видов страхования (Федеральный закон от 27 июля 2010 года № 225-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте», Федеральный закон от 14 июня 2012 г. № 67-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности перевозчика за причинение вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров и о порядке возмещения такого вреда, причиненного при перевозках пассажиров метрополитеном») и модернизации старых (Федеральный закон от 29 ноября 2010 года № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации»).

Новый кризис 2014 года, обусловленный введением внешнеэкономических санкций против России, опять больше всего затронул банковский сектор. Однако некоторые сегменты страхового рынка, например перестрахование, почувствовали на себе его негативные последствия. Приостановление экономических отношений со многими странами, привело к невозможности страховых компаний осуществить перестрахование. При этом на российском рынке до 2016 года не было какой-либо крупной перестраховочной организации. С октября 2016 года начало действовать Акционерное общество «Российская Национальная Перестраховочная Компания» (далее — РНПК), единственным учредителем которого выступил Банка России. РНПК смогло обеспечить привлечение, как международных страховых организаций, так и отечественных, ранее пользующихся услугами зарубежных перестраховочных компаний [2].

На основании изложенного можно констатировать, что, во-первых, экономические кризисы, так или иначе, оказывали влияние на страховой рынок, при этом последний не оказался в стагнации, а обеспечил развитие новых видов страхования. Во-вторых, за счет развития

страхового рынка происходила стабилизация других элементов финансовой системы, например, кредитования. В-третьих, именно в кризисный период государство уделило наибольшее внимание страхованию, что свидетельствует о значимости страхового рынка для стабилизации финансовой системы.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Официальный сайт Кредитное рейтинговое агентство «Эксперт РА» <https://raexpert.ru/researches/insurance/projection08-09>
2. Перестрахование в России за 1 квартал 2019 года. Официальный сайт РНПК. // URL:<https://rnrc.ru/upload/doc-ru/analytics/rnrc-analytics/analytical-report-rnrc-reinsurance-in-russia-1qt-2019.pdf>
3. Финансовое право: учебник / отв. ред. Н. И. Химичева, Е. В. Покачалова. — 6-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2017.

УДК 347.73

Научная специальность — 12.00.04

Ярахмедова Римма Нежбетдиновна
преподаватель, соискатель кафедры финансового,
банковского и таможенного права
имени профессора Нины Ивановны Химичевой

ФИНАНСОВО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕЗЕРВНЫХ ФОНДОВ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Yarakhmedova Rimma Nezhbetdinovna

Lecturer of the Department of Financial,
Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva

FINANCIAL AND LEGAL FEATURES OF FUNCTIONING OF RESERVE FUNDS OF RUSSIA AT THE PRESENT STAGE

Annotation. The article discusses the legal basis for the functioning of reserve funds of national, regional and municipal significance. The author provides a list of legal acts that form the basis for the provision of reserve funds. Considering the peculiarities of the legal and economic nature of reserve funds, the extraordinary and unforeseen nature of measures for spending funds is noted. A separate group of anti-crisis funds is singled out, which have similar features to reserve ones, but differ in the order of formation and expenditure.

Key words: Reserve Fund, National Welfare Fund, Reserve Fund of the Government of the Russian Federation

В настоящих условиях особо актуализируется вопрос о функционировании резервных фондов, что предполагает проведение содержательного анализа не только экономического назначения данных финансовых инструментов бюджета, но и исследование правового регулирования. Основными нормативно-правовыми актами регулирования резервных фондов являются Бюджетный кодекс РФ и Федеральный закон о бюджете на соответствующий финансовый год и плановый период. Однако отдельные положения по вопросам функционирования фондов содержатся в постановлениях Правительства РФ и приказах Министерства финансов РФ.

К нормативному источнику Правительства РФ в сфере регулирования вопросов управления резервными фондами следует отнести Постановление Правительства РФ от 19 января 2008 г. № 18 «О порядке управления средствами Фонда национального благосостояния», Постановление Правительства РФ от 05 ноября 2013 г. № 990 «О порядке размещения средств Фонда национального благосостояния в ценные бумаги российских эмитентов, связанные с реализацией самоокупаемых инфраструктурных проектов» вместе с Правилами размещения средств Фонда национального благосостояния в ценные бумаги, Постановление Правительства РФ от 14 августа 2013 г. № 699 «О проведении расчетов и перечислении средств в связи с формированием и использованием дополнительных нефтегазовых доходов федерального бюджета, средств Фонда национального благосостояния, а также о признании утратившими силу отдельных актов Правительства Российской Федерации».

Формирование и расходование резервных фондов является одним из способов обеспечения финансирования бюджетных расходов. При этом эффективность управления средствами резервных фондов представляется необходимым способом в целях снижения неблагоприятных последствий финансового кризиса. Следует отметить, что сложившаяся практика образования и использования резервных фондов убедительно доказала их эффективность, а выработанная система управления позволила определить как положительные, так и негативные стороны обеспечения расходования средств фондов.

Формирование резервных фондов предусмотрено Бюджетным кодексом РФ, в соответствии с которым возможна типологизация

на суверенные, региональные и федеральные (национальные). Так, единственным суверенным резервным фондом России является Фонд национального благосостояния, потерпевший существенную трансформацию в связи с реформированием и слиянием с Резервным фондом на основании Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 262-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части использования нефтегазовых доходов федерального бюджета». Цели использования Фонда национального благосостояния являются четко определенными и законодательно закрепленными. Исходя из п.1 ст. 96.10 Бюджетного кодекса РФ целями создания рассматриваемого фонда является обеспечение софинансирования добровольных пенсионных накоплений населения, сбалансированности федерального бюджета и бюджета Пенсионного фонда РФ. Вместе с тем, если исследователи-экономисты акцентируют внимание на функционировании суверенных фондов с позиции их жизнестойкости как экономического института, то финансово-правовая наука исследует рассматриваемые фонды с точки зрения их юридической регламентации, определения правового режима. Однако в последнее время наибольшее внимание правоведов привлекают вопросы эффективного управления средствами резервных фондов, которые, как правило, являлись дискуссионными в рамках экономической теории и науки. Данная тенденция очевидна из-за непосредственного влияния качества управления на обеспечение неналоговых доходов федерального бюджета, стабильности исполнения расходных обязательств, которые требуют правового регламентирования.

Бюджетный кодекс РФ определяет предельные величины использования средств резервных фондов, отнесенных к федеральным (национальным) — Резервного фонда Правительства РФ Резервного фонда Президента РФ. К основным направлениям расходования на основании положений ст. 81 и 82 Бюджетного кодекса относятся — проведение мероприятий аварийно-восстановительного характера, ликвидация последствий стихийных бедствий и иных чрезвычайных ситуаций.

Несмотря на более раннее появление резервных фондов в российском законодательстве, возможность образования резервных фондов регионального и муниципального значения утвердилось с 2009 г., что означает относительную незрелость данного финансового института и новшество в бюджетной практике субъектов РФ. Указанное во мно-

гом определяет отсутствие единообразия в законодательстве субъектов РФ по вопросам образования, расходования средств фондов и необходимость введения жестких ограничений при использовании средств резервного фонда 1 [1. Воробьева Н. Н. Правовые проблемы создания и функционирования Резервного фонда субъекта Российской Федерации // Проблемы учета и финансов. 2011. № 1. С. 80.].

Важной отличительной особенностью обозначенных резервных фондов представляет их целевое назначение и направление расходования. Так, представляя особый резерв государства, «подушку безопасности» резервные фонды имеют единый характер расходования исходя из экономической природы их формирования. Бюджетный кодекс РФ в п. 3 ст. 81, ст. 81.1, п.2 ст. 82 закрепляет непредвиденность и чрезвычайность мероприятий, подлежащие обеспечению за счет средств резервных фондов государственного и муниципального значения. Однако, Бюджетный кодекс РФ не содержит определения «непредвиденных и чрезвычайных ситуаций», что представляется пробелом законодателя и предполагает возможность использования средств резервных фондов на мероприятия, которые по содержанию могут и не носить характер непредвиденных и чрезвычайных.

В целях обеспечения мероприятий непредвиденного значения могут формироваться фонды разной экономической и правовой природы, которые резервными по своей направленности не являются. Так, например, в целях борьбы с вирусной эпидемией Правительство РФ разработало план формирования антикризисного фонда, формируемый за счет оптимизации бюджетных расходов² [Официальный сайт Минфина России. URL: <https://www.minfin.ru/ru/>]. Вместе с тем, по заявлению Министерства финансов РФ средства Резервного фонда Правительства РФ также будут задействованы с целью борьбы с последствиями вирусной пандемии. Подобная тенденция наблюдается и в субъектах РФ, в которых приняты решения о расходовании средств резервных фондов субъектов в рамках обеспечения мероприятий чрезвычайного характера, к которым отнесли профилактические и иные предупредительные меры по борьбе с вирусной пандемией³ [Сайт информационного телеграфного агентства России (ИТАР — ТАСС) URL: <https://tass.ru/v-strane/8029757>]. Необходимо отметить, что в настоящих условиях возник вопрос об оперативности увеличения средств Резервного фонда Правительства РФ, что способствовало одобрению Советом федерации закона об увеличении средств указанного фонда

в ходе исполнения бюджета в текущем году с их использованием в перспективе.

Таким образом, финансово-правовое регулирование резервных фондов представлено правовой регламентацией порядка формирования, управления и расходования средств фондов в федеральных нормативно-правовых и подзаконных актах. Думается основной проблемой неэффективности использования средств резервных фондов в субъектах РФ является неоднозначность подхода регионального законодателя к регламентированию порядка управления и формирования средств в резервных фондах с возможностью их последующего эффективного и рационального использования. Вместе с тем, в изменяющихся обстоятельствах, становится очевидным необходимость включения в Бюджетный кодекс РФ дополнений уточняющих непредвиденный характер расходования средств резервных фондов.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Воробьева Н. Н. Правовые проблемы создания и функционирования Резервного фонда субъекта Российской Федерации // Проблемы учета и финансов. 2011. № 1. С. 80.
2. Официальный сайт Минфина России. URL: <https://www.minfin.ru/ru/>
3. Сайт информационного телеграфного агентства России (ИТАР — ТАСС) URL: <https://tass.ru/v-strane/8029757>

Раздел VII

СТАТЬИ УЧАСТНИКОВ СЕКЦИИ «МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ»

*Ответственный — и.о. зав.кафедрой предпринимательского
и энергетического права, кандидат юридических наук,
доцент Е.Н. Абрамова*

УДК 347

Научная специальность — 12.00.03

Диана Ибрагимовна Аликова
магистр СПбГЭУ

СТРАХОВАНИЕ КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ЗАЕМЩИКА ПО ДОГОВОРУ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО КРЕДИТА

Кредитование — это предоставление одним лицом другому материальных благ или выгоды с последующим их возмещением. Основными элементами системы банковского кредитования являются: субъект кредитования, объект, методы банковского кредитования, принципы, порядок, способы регулирования задолженности, и другие. Все указанные элементы системы взаимосвязаны друг с другом, дополняют друг друга и обеспечивают надежность возврата кредита.

К принципам банковского кредитования относятся: срочность, возвратность, платность, целевой характер, обеспечение кредитных обязательств, кредитоспособность заемщиков [4, с. 122].

Одним из видов кредитования является потребительское кредитование. Потребительский кредит является важным инструментом, который позволяет удовлетворять потребительские нужды населения.

В.И. Авдеева при анализе рынка кредитования обосновывает вывод о том, что потребительский кредит следует рассматривать как наиболее востребованный банковский продукт [1].

Такой договор обладает важной особенностью, которая состоит в том, что стороной договора (заемщиком) выступает потребитель. Законодательное определение потребителя содержится в тексте преамбулы Закона РФ от 07.02.1992 г. № 2300—1 «О защите прав потребителей». Признаками потребителя является то, что потребителем может

являться только физическое лицо, которое вступает в отношения с целью удовлетворения личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. В соответствии с п. 2 ст. 3 Федерального закона от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» заемщиком считается «физическое лицо, обратившееся к кредитору с намерением получить, получающее или получившее потребительский кредит (заем)».

Несмотря на популярность потребительского кредитования, среди ученых и практических работников активно обсуждаются проблемы, возникающие при заключении такого договора, а также проблемы защиты прав потребителя-заемщика по договору потребительского кредита.

В последние годы авторы научных работ, обращаясь к проблемам потребительского кредитования отмечают проблему, связанную с взиманием дополнительных денежных средств с заемщика, путем установления условий о страховании заемщика [3, с.93]. Оплата услуг по страхованию может быть оплачена путем внесения платежа при получении кредита, а также ежемесячно в период всего срока кредитования.

О.Г. Артемова в своей статье выделяет два подхода к закреплению условий о страховании заемщика. С одной стороны, по мнению автора, включение банком требований о страховании заемщика нарушает положения Закона № 2300–1, в соответствии с которым запрещено обуславливать приобретение одних услуг, обязательным приобретением других услуг. В ситуации с потребительским кредитованием заемщики достаточно часто обращаются в кредитные организации в том положении, когда вынуждены соглашаться на все условия, которые устанавливаются банком.

На практике кредитные специалисты при заключении кредитного договора достаточно часто вводят потребителя в заблуждение относительно возможности исключения такого условия из кредитного договора, т. е. указывают на возможность заключения кредитного договора только на условиях банка.

Автор отмечает и то, что путем страхования осуществляется защита как потребителя, который является «слабой стороной», так и кредитной организацией [2, с. 41].

Договор личного страхования носит публичный характер, однако, кредитные организации заключают договоры страхования только с аффилированными страховыми компаниями. При этом, при заключении договора потребительского кредита кредитная организация не при-

нимает договора страхования, заключенного со сторонней страховой компанией.

А.П. Пегов указывает, что требование кредитной организации о включении требований о подключении к программе личного страхования следует рассматривать как навязывание услуги. Также автор отмечает, что такие требования можно рассматривать в качестве скрытых комиссий, что связано со стоимостью такого страхования, которое может достигать 15–20% от стоимости всего кредита. По мнению автора, требование о подключении к услуге личного страхования является экономически не выгодной для потребителя [5, с. 194].

Судебная практика по квалификации условия о подключения к программе личного страхования не является единообразной. Данный вопрос был предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ еще в 1999 году и в Постановлении от 23.02.1999 № 4-П Конституционный суд РФ указал, что «гражданин является экономически слабой стороной и нуждается в особой защите своих прав, что влечет необходимость ограничить свободу договора для другой стороны, т. е. для банков»*.

Оспаривание условий кредитного договора о страховании является широко распространенной категорией споров, однако, при анализе судебных решений можно сделать вывод о том, что судами большинство решений принимается не в пользу заемщика.

Основанием для отказа в удовлетворении требований заемщика является непредоставление доказательств о том, что заемщику были навязаны услуги подключения услуги страхования**.

В связи с большим количеством обращений в суд, а также с отсутствием единообразия в судебной практике, Президиумом Верховного Суда РФ 05 июня 2019 года был утвержден «Обзор практики рассмотрения судами споров, возникающих из отношений по добровольному личному страхованию, связанному с предоставлением потребительского кредита». В данном обзоре была сформулирована позиция Верховного Суда РФ, которая должна быть учтена при принятии решений судами по указанным спорам. Значимым в данном Обзоре

---

* Постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности положения части второй статьи 29 Федерального закона от 3 февраля 1996 года "О банках и банковской деятельности" в связи с жалобами граждан О.Ю. Веселяшковой, А.Ю. Веселяшкина и Н.П. Лазаренко от 23.02.1999 г. // Вестник Конституционного Суда РФ. № 3. 1999.

** Определение Санкт-Петербургского городского суда от 30.01.2019 по делу № 33-2553/2019 // ГАС Правосудие. URL <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 06.04.2020).

является указание на то, что отношение в связи с присоединением к договору личного страхования следует рассматривать как отношение, к которому применяются положения Закона № 2300–1.

Кроме того, было указано о распространении правил о «периоде охлаждения» на заемщика, который был подключен к программе добровольного страхования. При отказе в подключении к услуге страхования заемщику возвращается уплаченная денежная сумма, либо часть такой суммы, за вычетом ее части. И здесь возникает проблема, связанная с определением размера удержанной суммы. Представляется, что при удержании кредитной организацией части суммы, выплаченной по договору страхования такая сумма должна быть обоснована и расходы, подлежащие удержанию документально подтверждены.

Кроме того, следует отметить риски, которые подлежат страхованию, при подключении к такой услуге. Перечень таких рисков является слишком узким и, как правило, включает в себя риски, связанные с гибелью заемщика либо причинение ему вреда здоровью. Лишь в редких случаях, в перечень рисков включается риск потери работы. Для решения такой проблемы предлагается закрепить требование о предоставлении заемщику выбора рисков, которые подлежат страхованию и после согласования такого перечню рассчитывать стоимость программы личного страхования.

Таким образом, установление требования о страховании при заключении договора потребительского кредита не является нарушением положений гражданского законодательства и не ограничивает прав потребителей. Такой вывод основан на том, что потребитель имеет право отказаться от заключения кредитного договора, в тех случаях, когда не согласен с условиями такого договора, либо с условием о необходимости заключения договора страхования. В данном случае речь идет о реализации принципа свободы договора. Кроме того, можно отметить и возможность, которая предоставляется потребителю на отказ от страхования в «период охлаждения» и в случае досрочного погашения кредита, при котором может быть уменьшен и размер платежей по страхованию.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Авдеева В.И., Кулакова Н.Н. Потребительское кредитование в России в современных экономических условиях // Вестник Алтайской академии экономики и права. № 9 (ч.2).

2. Артемова О.Г. Условия кредитного договора, ущемляющие права потребителя // В сборнике: Молодежь и XXI век — 2018 материалы VIII Международной молодежной научной конференции. Юго-Западный государственный университет. 2018.

3. Богдан В.В., Алымов А.А. Проблемы реализации прав потребителей на добросовестные условия кредитного договора: условие о страховании // Юридические исследования. 2017. № 5.

4. Ерина Е.А. Совершенствование понятийного аппарата коммерческого кредитования // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2016. № 5 (89).

5. Пегов А.П. Популяризация судебной практики как средство общественного контроля за соблюдением прав потребителей при заключении договора с кредитными организациями на подключение к программе личного страхования // Взаимодействие власти, бизнеса и общества в осуществлении общественного контроля. Материалы XII Международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию Саратовского гос. университета. 2019.

УДК 4012

Научная специальность — 12.00.03

Анна Олеговна Гузеева
магистр СПбГЭУ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОБЪЕКТИВНОГО СРОКА ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ

1 сентября 2013 года в ГК РФ (ч. 1) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (Далее ГК) появилась норма, закрепляющая, что срок исковой давности не может превышать 10 лет, тем самым установив предельный срок защиты прав лиц по иску, который в доктрине называется объективный срок исковой давности.

Ведутся немалые дискуссии по поводу определения такого срока как абсолютного пресекающего срока, по истечению которого материальное право на защиту субъекта прекращается независимо от каких-либо условий.

Течение 10-летнего срока в отличие от субъективной исковой давности не привязано моменту, когда лицо узнало о нарушении своего права, а также о надлежном ответчике. В данном случае, объективная исковая давность начинает течь в соответствии со ст.196 ГК с момента начала самого нарушения права. В случае же признания ничтожности сделки данный срок начинает течь с еще более раннего момента —

заключения сделки, а при обязательствах момент исполнения которых не определен с самого возникновения обязательства.

Стоит отметить, что норма ст. 200 ГК, закрепляющая объективный срок исковой давности применялась относительно недолго — до 2016 года, пока Конституционный суд Российской Федерации» (Далее Конституционный суд РФ) в своем Постановлении от 15.02.2016 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений части 9 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации не признал положения о применении 10-летнего срока исковой давности к требованиям не истекшим до 2013 года — не соответствующим Конституции РФ. Позже Федеральным законом от 28.12.2016 № 499-ФЗ «О внесении изменения в статью 3 Федерального закона «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» были внесены изменения, в соответствии с которыми данный срок будет применяться к правоотношениям, возникшим только после 1 сентября 2013 года. Таким образом, законодатель исключил придание обратной силы данной норме.

Невозможно не согласиться с целесообразностью введения предельного срока исковой давности для защиты прав субъектов гражданских правоотношений, поскольку это способствует поддержанию принципа правовой определенности, а также стабильности и устойчивости гражданского правового оборота. Существование неопределенно длительного срока для защиты права лица по иску значительного затрудняет разрешение гражданских споров. В таких случаях существует большая вероятность утраты доказательств, недостоверного отображения обстоятельства дела лицами, изменением экономических процессов и так далее. Все это, несомненно, усложняет механизм принятия судами объективного и правильного решения по делу и соответственно приводит к ошибочному вынесению решения. Установление предела срока на защиту своего права должно дисциплинировать лицо, вынуждать его не злоупотреблять своим правом на подачу иска и не затягивать процесс несоразмерного длительного обременения должника. Кроме того, нельзя не согласиться и с тем, что это в какой-то степени разгружает суды от рассматривания дел «вековой» давности, избавляя от лишней неэффективной нагрузки на судей.

Тем не менее, как и в большинстве случаев законодательство РФ несовершенно. Так, институт исковой давности имеет некоторые проблемы и противоречия, и поскольку объективный срок исковой давности, как уже было отмечено выше, применяется к правоотношениям возникшим после 1 сентября 2013 года, то его применение станет возможным не раньше 1 сентября 2023 года. Поэтому в настоящей момент не сложилось судебной практики разрешения тех противоречий и проблем, с которыми могут столкнуться суды в будущем.

Так, например, непонятна возможность восстановления 10-летнего срока исковой давности. Постановление Пленума Верховного суда от 29.09.2015 № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» (Далее Постановление N43) в пункте 8 исключило возможность восстановления исковой давности для предельного 10-летнего срока. Тем не менее, данный запрет не был закреплен законодательно, а Пленум Верховного суда РФ имеет лишь рекомендательное значение для применения судами. При этом в доктрине гражданского права высказывались разные позиции по данному вопросу, в частности, точку зрения о запрете восстановления 10-летнего срока давности высказывали такие ученые как Иванов А.А., Сарбаш С.В., Белов В., [1] Кархалев Д.Н., [3] Намова Е.А., [4] в свою очередь за возможность восстановления предельного срока исковой давности высказывались Терещенко Т.А., Сергеев А.П., [5] Павлов А.А. [1] Позиция последних основана на том, что если из закона прямо не вытекает запрет на восстановление 10-летнего срока, то данный срок может быть восстановлен.

Правильность запрета восстановление срока исковой давности нельзя отрицать, но должен ли быть данный запрет абсолютным? Верной является позиция Сарбаша С.В., что 10-летний срок не должен подлежать восстановлению, так как в таком случае теряется всякий его смысл, поскольку он должен являться максимальным. Тем не менее, на наш взгляд, должны быть некоторые отступления от данного правила, которые бы позволили в исключительных случаях восстановить данный срок [1].

Да, несомненно, неосуществление права на защиту в течение длительного времени может свидетельствовать и демонстрировать безразличие к своему праву, но если лицо(гражданин), не может знать о том, что его право нарушено или воспользоваться правом на защиту ввиду

каких-либо физиологических факторов, таких как малолетство или недееспособность. Так, например, в случаях нарушения имущественных прав несовершеннолетнего при наследовании имущества, либо нарушения имущественных прав недееспособного лица и так далее. В таких случаях, когда они и смогут реализовать свое право на защиту, им будет отказано в удовлетворении иска ввиду пропуска предельного срока исковой давности. Также, важно отметить и то, что невозможность восстановления объективного срока исковой давности для малолетних идет в разрез с существующей позицией Верховного суда, а именно в соответствии с пунктом 2 Постановления № 43 исковая давность может быть восстановлена при ненадлежащем исполнении законным представителем своих обязанностей, в данном случае представляется возможным применения данного исключительного случая и на объективный срок исковой давности.

В противном же случае, абсолютно добросовестное лицо при определенных жизненных обстоятельствах не сможет обратиться в суд за защитой своего имущественного права. Таким образом, нарушается его конституционное право на судебную защиту, поскольку лицо не имело никакой возможности защитить свое право. Если судебная практика пойдет по пути абсолютного запрета восстановления предельного срока исковой давности, то это может привести к дисбалансу интересов сторон гражданских правоотношений и у недобросовестной стороны появится механизм с помощью которой она получит защиту даже при недобросовестном поведении.

Таким образом, Пленум ВС РФ должен более детально истолковать правовую позицию, касающуюся предельного срока исковой давности и его абсолютного характера, установив возможность в некоторых определенных ситуациях субъектам защитить свои права, посредством восстановления срока.

Следующим противоречивым решением законодателя является установление начала течения предельного срока исковой давности для обязательств срок которых не определен, либо определен моментом востребования. В данном случае, если момент востребования по обязательству из договора будет произведен по истечению 10 лет и сторона нарушит договорные обязательства, то права другой стороны не смогут быть защищены в судебном порядке. С одной стороны очевидно, что неисполнения в течение такого длительного периода обязательств вызывает видимость незаинтересованности кредитора, да и должник в дан-

ном случае должен считать, что кредитор отказался от исполнения, тем не менее, само нарушение прав кредитора чаще всего может произойти только после возникновения момента востребования по обязательству, и только после этого у него возникнет необходимость в защите своих прав. Также, стоит отметить и то, что институт исковой давности предполагает защиту своего нарушенного права, а поскольку невозможно установить, как лицо будет действовать в данных правоотношениях, ведь исполнение по договору еще не наступило и лицо даже не имеет возможности что-либо нарушить, нецелесообразно за этот период считать объективный срок исковой давности.

Прав в данном случае Сергеев А.П., который справедливо отметил то, что законодатель лишил права на судебную защиту всех тех участников гражданского оборота, которые состоят друг с другом в длительных (более 10 лет) обязательственных правоотношениях. В данном случае лица просто не смогут реализовать свое конституционное право на защиту[1].

Также весьма интересным является и особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Гаджиева Г.А.* о том, что данная норма вводит запрет на заключение бессрочных обязательств, поскольку момент востребования всегда должен быть ограничен 10 годами. В данном случае нарушается право лиц на свободу договора, поскольку фактически исключается возможность заключения бессрочного обязательства и обязательства по востребованию. В соответствии со статьей 421 ГК стороны могут самостоятельно определить условия договора по своему усмотрению. Субъекты свободны в своем волеизъявлении и если в их намерении было заключить договор, исполнение которого будет произведено по востребованию, то в соответствии с данным принципом, а также принципом диспозитивности они должны иметь такую возможность. В законодательстве РФ отсутствует запрет на заключение обязательств по востребованию, кроме того, из смысла ст. 314 ГК вытекает возможность заключения таких сделок, тем не менее норма ст. 200 ГК лишает субъектов такой возможности.

---

* Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15.02.2016 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений части 9 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Е.В. Поточкого» //Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 17.02.2016.

Таким образом, следует внести изменение в законодательство РФ, а именно в ст. 196 ГК и определить начало течения предельного срока исковой давности по бессрочным обязательствам и обязательства, срок востребования которых не определен — с момента востребования исполнения по договору. Внесение вышеуказанных изменений в действующее федеральное законодательство позволит разрешить ряд противоречий, исключив тем самым нарушение таких основополагающих принципов гражданского права как свободы договора, невмешательства в частные дела, диспозитивности и обеспечения судебной защиты нарушенного права.

Казалось бы, предельный срок исковой давности является верным решением законодателя, он способствует снижению недобросовестности и злоупотребления правом со стороны субъектов, тем не менее существуют некоторые проблемы и противоречия, с которыми суды могут столкнуться в будущем при его применении. Если восстановление срока прямо не урегулировано на уровне законов или подзаконных актов и суды могут применять данные положения на свое усмотрение, соглашаясь или нет с позицией Верховного Суда РФ, то при вопросе относительно начала течения исковой давности при бессрочных обязательствах все же необходимо внесение изменений в законодательство. Правильным было бы установить начало течения срока по бессрочным обязательствам именно с моментом востребования исполнения. Все это несомненно исключит данные противоречия и повысит эффективность защиты нарушенных прав граждан, а также разрешит баланс интересов сторон.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Иванов А., Сергеев А., Байбак В., Соломин С., Сарбаш С., Латыев А., Варул П., Павлов А., Белов В. Объективная исковая давность // Закон. 2016. № 3. С. 16–25.
2. Иванов А.А. Проблемы изменения начала течения десятилетней объективной исковой давности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 8. С. 64–74.
3. Кархалев Д.Н. Срок исковой давности в гражданском праве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 2. С. 79–83.
4. Наумова Е.А. Что нового в нормах об исковой давности? // Российский судья. 2016. № 6. С. 8–11.
5. Сергеев А.П., Терещенко Т.А. Исковая давность: отдельные противоречия правового регулирования и связанные с этим проблемы правоприменения // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2017. № 2. С. 36–47.

ДОКТРИНА ЭКВИВАЛЕНТОВ: КАМЕНЬ ПРЕТКНОВЕНИЯ ДЛЯ СПОРОВ О ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИХ ПАТЕНТАХ

В российской судебной практике одними из наиболее сложных считаются дела о нарушении патентов на изобретения, особенно в области фармацевтики, что обусловлено спецификой данной области и необходимостью применения специальных знаний не только в соответствующей области техники, но и в области права интеллектуальной собственности [1]. Во многом это обусловлено сложностью адаптации некоторых законодательных норм к специфичным по сути своей результатам интеллектуальной деятельности. В таких условиях особое значение приобретают правовые нормы, носящие гибкий характер. Такие нормы, с одной стороны, удобны для применения, с другой — неправильная, неточная, неполная формулировка ведёт к разобщению судебной практики и возникновению разных толкований. Так происходит с доктриной эквивалентов.

Доктрина эквивалентов — это юридическая доктрина, которая берет свое начало в законодательной системе Соединённых Штатов Америки середины XIX века. Суть данной доктрины заключается в защите патентообладателя от посягательств на исключительное право, обеспечиваемое его патентом, недобросовестными компаниями-подражателями, не полностью повторяющим его изобретение, но пытающимся обойти его патент посредством изменения незначительных деталей изобретения.

В российском законодательстве данный правовой принцип материализован в п. 3 ст. 1358 ГК, где указывается, что изобретение признается использованным в продукте или способе, если продукт содержит, а в способе использован каждый признак изобретения, приведенный в независимом пункте содержащейся в патенте формулы изобретения, либо признак, эквивалентный ему и ставший известным в качестве такового в данной области техники до даты приоритета изобретения.

Понятие «эквивалентных признаков» не нашло свое отражение ни в одном действующем нормативном акте. Однако попытки его сформулировать часто встречаются в доктринальных источниках.

К примеру, В.А. Мещеряков предлагает определить эквивалентные признаки как равноценные признаки, то есть признаки, совпадающие по выполняемой ими функции и обусловливаемому ими результату в качестве вклада в технический результат, обеспечиваемый изобретением [2].

В законодательной системе СССР уделялось большое внимание принципу эквивалентности. В связи с наличием норм из законодательства СССР, по мнению определенных ученых, отсутствие данной дефиниции в нынешнем законодательстве не ведет к каким-либо усугубляющим последствиям [3]. Однако, справедливо было бы заметить, что нормы, утратившие свою юридическую силу, не являются источником права, поэтому ссылаться на них как на обязательные в суде возможным не представляется. И это существенно затрудняет судебный процесс.

Вместе с тем, в качестве информационного источника использовать утратившие силу нормы допустимо. И судебная практика подтверждает благосклонное отношение судов к нормативным актам СССР в этой сфере. В качестве примера можно привести выдержку из постановления Девятого арбитражного апелляционного суда от 28 февраля 2012 г. по делу № 40–61605/11–12–522: «Применение экспертом инструкций, утративших свою силу, вызвано необходимостью пояснения понятия «эквивалентный признак», поскольку ни один из действующих нормативных документов не раскрывает данное понятие».

Законодательство СССР подробно прописывало механизм действия доктрины эквивалентов. В частности, в поисках определения «эквивалентных признаков» можно обратиться к п. 24 Инструкции о порядке выплаты вознаграждения за изобретения и рационализаторские предложения, утвержденной Госкомизобретений СССР 15 января 1974 г., где указывается следующее: «Эквивалентной считается замена признака или признаков, указанных в формуле изобретения, если сущность этого изобретения не меняется, достигается такой же результат, а средства выполнения заменены на равноценные, известные в данной области».

В инструктивно-методических материалах есть перечень условий эквивалентности, который сводится к следующему:

- а) если замена признаков эквивалентами не меняет сущности изобретения;
- б) если при замене признаков изобретения другими элементами (эквивалентами) достигается тот же результат;

в) если средства выполнения заменены на равноценные (эквиваленты);

г) если технические решения (элементы), которыми заменяются признаки изобретения, известны в данной области техники.

Из единственного на данный момент легального источника доктрины эквивалентов, то есть п.3 ст.1358 ГК, также можно вывести условия эквивалентности, заложенные в норме, но не выраженные в качестве четкого перечня. К ним можно отнести:

- 1) неизменность сущности изобретения;
- 2) достижение того же результата;
- 3) взаимозаменяемость элементов;
- 4) известность заменяемых признаков.

На практике довольно часто патентообладатель, заявляющий о нарушении патента в связи с эквивалентностью отличительных от прототипа признаков изобретения конкурента, попадает в довольно спорную ситуацию: известность эквивалентных признаков может поставить под угрозу и его патент в связи с несоответствием условию патентоспособности «изобретательский уровень».

Время доказывания эквивалентности возлагается на истца, то есть на патентообладателя. Однако же он, располагая сведениями, свидетельствующими об эквивалентности признаков, неизменно рискует патентом: такие сведения, будучи представленными в суде, попадая в руки к конкуренту-ответчику, становятся доказательствами непатентоспособности запатентованного истцом изобретения, которые он использует для оспаривания действительности патента.

Ситуация усугубляется тем, что все споры о выплате вознаграждений, а также часть споров о нарушении патентных прав разрешаются судами общей юрисдикции по всей России [4]. Судьи вынуждены полагаться в разрешении подобных споров только на заключения экспертов, которые далеко не всегда сведущи в специфике патентно-правовой экспертизы, так как она является одной из самых сложных.

Наглядно иллюстрирует ситуацию с неправильным применением доктрины эквивалентности дело № А43–18360/2013: унитарное предприятие «Минскинтеркапс» оспорило решение Управления Федеральной антимонопольной службы по Нижегородской области, в соответствии с которым реализация истцом препарата «АнГрикапс Максима» была признана недобросовестной конкуренцией в связи с тем, что данное лекарственное средство нарушало евразийский

патент № 8765 «Антигриппозное средство», принадлежащий компании «Анвилаб». Судом была назначена экспертиза на предмет выявления эквивалентных признаков формул продукции двух компаний. Экспертиза установила, что в «АнГрикапс Максима» используются все признаки независимого пункта формулы изобретения компании «Анвилаб», за исключением того, что в составе запатентованного вещества числился «глюконат кальция», а в лекарственном средстве производства истца — «карбонат кальция». Но данное обстоятельство послужило для вывода экспертизы о неэквивалентности двух веществ.

Обосновывая свой вывод об отсутствии эквивалентности указанных признаков, эксперты указали, что наличие в препарате «АнГрикапс Максима» карбоната кальция способствует устранению изжоги, что придает продукту дополнительные полезные качества.

Однако при оспаривании правомерности такой трактовки применения доктрины эквивалентов, было отмечено, что количество карбоната кальция в «АнГрикапс Максима» составляет 11,2 мг., в то время, как в известных препаратах для лечения изжоги содержание указанного вещества значительно больше. В качестве примера, можно привести Аддитива кальций, содержащий 1250 мг. карбоната кальция, или Витакальцин, содержащий 693,68 мг. данного вещества. Это позволяет прийти к заключению, что о наличии факультативных свойств препарата речи быть не может — доза содержания вещества недостаточна для достижения дополнительного терапевтического эффекта.

Таким образом, замена глюконата кальция на карбонат кальция не изменяет сущность запатентованного изобретения, поскольку обе соли имеют одинаковые функции, не смотря на отличия в химической структуре.

Данный вывод подтвердила и повторная экспертиза, установившая эквивалентность признака «карбонат кальция» признаку «глюконат кальция». Суд на основании данного экспертного заключения вынес решение в пользу УФАС, подтвердив неправомерное использование в «АнГрикапс Максима» евразийского патента № 8765.

Таким образом, на данном примере наглядно видно, что явствует необходимость переноса норм СССР о применении принципа эквивалентности в действующее российское законодательство посредством издания профильного закона или ведомственного акта Роспатента с целью придания им статуса источника права, а не ретроспективной рекомендации. Помимо данной меры, необходимо включение в такой

акт норм, разъясняющих понятие «известность», а также механизм применения данного принципа эквивалентности к количественным признакам формул изобретений.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Александров Е.Б., Назина Е.Е. Современные подходы судов к применению доктрины эквивалентов // G-NEWS. Информационный бюллетень № 3(99). 2014. С. 13–16.
2. Мещеряков В.А. Применение доктрины эквивалентов при рассмотрении патентных споров // Патенты и лицензии. 2012. № 5. С. 8–16.
3. Джермакян В.Ю. О новом подходе к правилу об эквивалентных признаках // Патентный поверенный. 2016. № 6. С. 40–48.
4. Дементьев В.Н., Рыбаков В.М., Христофоров А.А. Новый (?) подход к правилу об эквивалентных признаках//Патентный поверенный — 2016. — № 3. — С. 20–33.

УДК 347.512.5

Научная специальность — 12.00.03

*Артёмий Игоревич Двойников
Мария Владимировна Смирнова*

Институт юстиции

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕДОБРОСОВЕСТНЫЙ ВЫХОД ИЗ ПЕРЕГОВОРОВ О ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Ответственность за недобросовестный выход из переговоров существует во многих странах континентальной Европы достаточно давно. В России она была закреплена в отдельной статье с 1 июня 2015 года, когда вступила в силу ст. 434.1 Гражданского кодекса Российской Федерации* (далее — ГК), конкретизирующая правила ведения переговоров о заключении договоров. Мнение о том, что ранее институт преддоговорной ответственности не был известен российскому законодательству, ошибочно: ст. 507 ГК, посвященная урегулированию разногласий при заключении договора поставки, содержит

---

* См. Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 32. ст. 5132.

норму о том, что та сторона переговоров, которая получила предложение, но не предприняла мер по согласованию условий договора поставки и не уведомила другую сторону об отказе от заключения договора в срок, должна возместить убытки.

Статья 434.1 ГК называет несколько критериев недобросовестного выхода из переговоров: внезапность, неоправданность и неожиданность для другой стороны. В п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 7 от 24 марта 2016 года «О применении судами некоторых положений ГК об ответственности за нарушение обязательств»^{*} справедливо отмечено, что сам факт того, что сторона вышла из переговоров без объяснения причин, не свидетельствует о недобросовестности выхода из переговоров. Требуется нечто весомее, но что конкретно? В этом весь вопрос.

Статья 434.1 ГК РФ достаточно объемная, слово «(не)добросовестный» в её тексте использовано шесть раз. Однако применение данной статьи весьма затруднительно в силу неопределенности — непонятно, какое же поведение на переговорах является добросовестным? Отсутствие законодательно закрепленных критериев недобросовестности формирует юридические риски и отсутствие предсказуемых судебных позиций.

В январе 2020 года в Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ было рассмотрено дело по преддоговорной ответственности в рамках второй кассационной инстанции. Речь шла о взыскании убытков, которые понес истец, в виде оплаты услуг юристов в связи с сопровождением сделки приобретения бизнеса. Расходы оказались бесполезными — сделка не состоялась, а переговоры были дорогостоящими и длительными.

Судебная коллегия Верховного Суда РФ выявила в действиях ответчика возможное притворное продолжение переговоров без намерения заключить договор и указала на недостаточную исследованность данного обстоятельства, дело отправилось на новое рассмотрение в суд первой инстанции^{**}. При этом коллегия разъяснила следующее. Пред-

---

^{*} См. Постановление Пленума ВС РФ от 24 марта 2016 года № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Верховный Суд РФ [Офф. сайт]. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8478/> (дата обращения: 12.02.2020).

^{**} См. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 29 января 2020 г. по делу № 305-ЭС19-19395 // Интернет-ресурс «СудАкт». URL: [//sudact.ru/vsrf/doc/hxABD0Pz2BQj/](https://sudact.ru/vsrf/doc/hxABD0Pz2BQj/) (дата обращения: 12.02.2020).

полагается, что каждая из сторон переговоров действует добросовестно, а само по себе прекращение переговоров без указания мотивов отказа не свидетельствует о недобросовестности соответствующей стороны. Вместе с тем недобросовестность действий ответчика предполагается, если существуют обстоятельства, предусмотренные подп. 1 и 2 п. 2 ст. 434.1 ГК. В этих случаях ответчик должен доказать добросовестность своих действий. Однако некоторые важные вопросы так и остались открытыми.

Логично, что чем ближе переговоры к завершению, тем больше оснований у сторон ожидать успешного завершения переговоров. Учитывая это, может ли выход из переговоров, произошедший на поздней стадии, когда основные условия были согласованы, признаваться недобросовестным? Если согласиться с данным тезисом, появится огромная проблема для сторон переговоров. Ведь в таком случае будет существовать определенная черта, этап переговоров, после которого их участники просто обязаны заключить договор. В конечном счете это приведет к тому, что сложится практика торможения процесса переговоров, а «черта» станет фактическим заключением договора, что крайне несправедливо. Ведь пока стороны не закрепили соглашение, они свободны в действиях и могут взвешивать финансовые и правовые риски, рассматривать альтернативы.

Еще одним сложным вопросом является формирование уверенности у стороны, когда она не может разумно ожидать выхода оппонента из переговоров. Для того, чтобы выход из переговоров считался недобросовестным, требуется чтобы он был неожиданным и безосновательным, при этом необходимо, чтобы прекращение переговоров подрывало разумные ожидания оппонента. Вести переговоры, особенно делящиеся, согласовывая условия, может и сотрудник, не уполномоченный на заключение договора. Тогда являются ли его слова, формирующие уверенность в положительном исходе переговоров, значимыми и, следовательно, влекущими последующую ответственность? В своей трудовой деятельности такой работник действует как продавец, и его единственной целью является заключение сделки любыми приемлемыми способами. При этом будет неправильно предполагать его юридическую грамотность и полное осознание воли руководства. Тогда можем ли мы трактовать его фразы по поводу скорого заключения договора как порождающие последующую ответственность?

Ведение параллельных переговоров и несообщение о них так же не может признаваться недобросовестным. Это нормальная практика ведения дел и поиска более выгодных условий, такое поведение повышает конечную эффективность, уменьшает риски, экономит время.

Основное последствие недобросовестного выхода из дорогостоящих переговоров — несение убытков. Отсутствие четкой правоприменительной практики и единой позиции судов в данном вопросе порождает дополнительные проблемы. Естественно, это связано с еще небольшим сроком действия статьи 434.1 ГК, а также с тем, что недобросовестность в каждом конкретном случае определяется судом с учетом специфики обстоятельств. Разъяснение Верховного Суда РФ, в котором бы содержались четкие ответы о том, каким образом поступать в той или иной ситуации, способствовало бы решению упомянутых выше вопросов. При этом стоит иметь в виду, что предусмотреть все на законодательном уровне невозможно. Следовательно, наилучшим решением, защищающим стороны, будет соглашение о порядке ведения переговоров. Таким образом, проблема преддоговорной ответственности требует дальнейшего совершенствования в ходе правоприменительной практики.

УДК 340

Научная специальность — 12.00.03

Елизавета Андреевна Иванова

АОУ ВО ЛО «Государственный институт экономики,
финансов, права и технологий»

ХВАТИТ ЛИ СРЕДСТВ ФОНДА НАЦИОНАЛЬНОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ ДЛЯ СМЕНЫ ГЛАВНОГО АКЦИОНЕРА СБЕРБАНКА?

Основной подотраслью финансового права является бюджетное право, которое регулируется нормами Бюджетного Кодекса Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 27.12.2019). В данном нормативно-правовом акте отдельная статья посвящена Фонду национального благосостояния (ФНБ), который является частью средств федерального бюджета и призван «стать частью устойчивого механиз-

ма пенсионного обеспечения граждан Российской Федерации на длительную перспективу». Предназначение этого государственного фонда обуславливает повышенное внимание общественности к тому, на что расходуются средства ФНБ и в каком размере.

Подтверждением данных слов служит общественный интерес, вызванный новостью министра финансов Российской Федерации — Антона Силуанова, о том, что Правительство РФ «одобрило изменения в законодательстве о покупке контрольного пакета Сбербанка у Центрального Банка» (ЦБ). В планах государства выкупить акции крупнейшего банка страны по рыночной стоимости за счет легко реализуемых средств ФНБ, превосходящих 7% ВВП.

По информации Министерства финансов, продажа контрольного пакета акций будет реализована в несколько этапов. Как заявил представитель Центрального Банка информационному агентству РБК, «количество лотов и скорость продажи будут зависеть от наполнения ФНБ». Также, в Министерстве финансов подтвердили, что в Фонде национального благосостояния отсутствует необходимое количество средств для того, чтобы одновременно приобрести весь пакет бумаг Сбербанка. По этой причине в собственность государства акции будут переходить по факту их оплаты. Окончательная цена сделки будет известна позднее, так как Центральному Банку необходимо рассчитать ее, используя формулу «средневзвешенной цены акций за шесть полных месяцев до даты первой сделки». В таком случае, стоимость продаваемого пакета, согласно этой методике, на 11 февраля составляла приблизительно 2,7–2,8 трлн руб.

В долларовой выразении быстро реализуемые средства ФНБ в нынешнем году составят около \$143 млрд (на данный момент неизвестно, когда эти деньги будут зачислены в Фонд, но Правительство основывается на том, что эта сумма уже практически перечислена в Фонд национального благосостояния).

На сегодняшний день ликвидные средства Фонда оцениваются примерно в 9,16 трлн руб. и представляют собой 8,1% ВВП, прогнозируемого Правительством на 2020 год. Исходя из этого, те средства, которые возможно инвестировать в этом году, составят около 1,2–1,3 трлн руб. (данные меняются в связи с изменением валютных котировок). В интервью министр финансов заявил, что в текущем году на финансирование проектов инфраструктуры из Фонда национального благосостояния будет направлено порядка 0,4 трлн руб. Следо-

вательно, у Министерства финансов станется лишь 0,8–0,9 трлн руб. в нынешнем году для покупки контрольного пакета Сбербанка, т. е. будет оплачено порядка 30% от суммы всей сделки.

Проанализировав федеральный бюджет на 2020–2022 годы*, можно сделать вывод о том, что доступные для инвестирования средства Фонда национального благосостояния (ликвидная часть, превышающая значение в 7% ВВП) будут ежегодно увеличиваться. Так, по подсчетам правительства, в 2021 году сумма доступных средств ФНБ, полученных от нефтяных сверхдоходов и продолжающих поступать в федеральный бюджет, будет составлять 3,7 трлн руб., а в 2022 году на 2,2 трлн руб. больше — 5,8 трлн руб.

Данный прогноз был сформирован, основываясь на консервативном прогнозе котировок на нефть в 55–57\$ за баррель. Однако, невзирая на то, что цены на нефть, на фоне сокращения потребления нефти в Китае, оказались ниже уровня, заложенного в федеральном бюджете, предполагается, «что в среднем за год цены на нефть будут не ниже прогнозируемых правительством».

Ожидается, что дивиденды по акциям Сбербанка по результатам прошлого года существенно превзойдут доходность по облигациям, выпускаемым Министерством финансов. По этой причине инвестиции в акции отвечают целям управления Фонда национального благосостояния, а именно — «обеспечение сохранности средств Фонда и стабильного уровня доходов от его размещения в долгосрочной перспективе». Что касается инвестирования средств ФНБ в проекты инфраструктуры, то планов правительства по данному вопросу покупка не отменяет, сообщил Силуанов.

Ввиду этого, 17 февраля этого года Правительство Российской Федерации внесло в Государственную Думу законопроект № 901908–7 [7] о приобретении им акций Сбербанка. Различные предложения и замечания были направлены в профильный комитет до 21 февраля, а сам законопроект был включен в примерную программу Весенней сессии (март 2020).

В течение многих лет обсуждался вопрос продажи Сбербанка Центральным Банком в силу существования конфликта интересов: Цен-

---

* Федеральный закон от 02.12.2019 № 380-ФЗ «О федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2020).

тральный Банк сочетает в себе роли акционера, регулирующего и надзорного органа, и продажа контрольного пакета акций Сбербанка «позволит снять вопросы».

«Когда мы готовились вступать в ОЭСР, до 2014 года нам указывали страны-члены ОЭСР, что это довольно странно, что Центральный банк является владельцем крупнейшего банка страны. В целом проблема понятна, она стоит, но пока решения проблемы мы не нашли», — говорил заместитель министра финансов Российской Федерации Алексей Моисеев, выступая в Государственной Думе в 2019 году.

В последнее время наблюдался высокий интерес к вопросу о смене главного акционера Сбербанка, причиной этому считают разногласия в отношении его дивидендов, которые уже 3 года поступают напрямую в федеральный бюджет, хотя должны зачисляться в доходы Центрального Банка. В соответствии со ст. 26 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 27.12.2019) Центральный Банк «перечисляет в федеральный бюджет 75 процентов фактически полученной им по итогам года прибыли»,* но, как говорилось ранее, с 2017 года это не происходит, так как ЦБ из-за санации банков терпит убытки [8]. Например, в 2017 году убыток достиг небывалых 435,3 млрд руб., а в 2018-м на 0,6 млрд руб. меньше — 434,7 млрд руб. В случае, если бы в этот промежуток времени дивиденды Сбербанка направлялись в доходы Центрального Банка, то государственный бюджет недополучил деньги, на которые рассчитывал. В конце весны прошлого года Эльвира Набиуллина выступила с инициативой о возвращении предшествующей системы перечисления дивидендов в доходы Банка России (такие изменения помогли бы частично покрыть убытки, вызванные санацией банков).

Вице-президент Moody's Ольга Ульянова считает, что столкновение интересов присутствовало всегда, а вопрос о смене главного акционера Сбербанка начал обсуждаться еще давно, но Центральному Банку было некогда — сперва из-за экономического кризиса, затем по причине активного участия в санации банков. Продажа

---

* Федеральный закон от 10.07.2002 №86-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 23.01.2020) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.02.2020).

акций Сбербанка не является чем-то необычным, напротив, нетипичным можно считать тот факт, что Банк России являлся главным держателем акций крупнейшего банка страны, заявляет она: ведь, как правило, владельцем государственных банков выступает государство.

В конце прошлого года один из ведущих поставщиков финансовой информации — агентство Reuters, сообщило о вновь начавшихся обсуждениях по вопросу смены главного акционера Сбербанка, а затем данный факт был подтвержден действующим министром финансов Российской Федерации Антоном Силуановым. Эту новость прокомментировала председатель Банка России — Эльвира Набиуллина, которая в интервью «Интерфаксу» сообщила, что «речь может идти только о продаже пакета правительству, а не о его передаче».

В соответствии с договоренностями сторон четверть полученных средств — около 700 млрд руб., полученных от реализации акций Сбербанка, главный финансовый регулятор страны планирует включить в состав своих доходов за нынешний год. Остальная часть будет направлена в бюджет страны—«частично в виде денег, частично в форме передачи в казну требований к Сбербанку по субординированному займу и к ВЭБ. РФ по депозиту».

Существует мнение, что покупка акций Сбербанка Правительством по итогу может оказаться одним из источников для финансирования социальных проектов, о которых заявлял президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин. Это объясняется тем, что доход Центрального Банка, полученный в случае продажи пакета акций Сбербанка, может быть частично передан в бюджет, поскольку, как говорилось ранее, в соответствии с законодательством Российской Федерации, Банк России обязан перечислять 75% прибыли Правительству. И так как средства, поступающие от Центрального Банка, зачисляются в нефтехгазовые доходы государственного бюджета, то, следовательно, расходы федерального бюджета, возможно, увеличить на эту же сумму. Из этого следует, что приобретя контрольный пакет акций Сбербанка за счет средств Фонда национального благосостояния, Правительство в конечном итоге сможет использовать их в качестве дополнительных расходов с целью финансирования мер социальной поддержки.

ПРОБЛЕМЫ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ И КОРПОРАТИВНОЙ ЗАЩИТЫ В СФЕРЕ ЭНЕРГЕТИКИ

Без значительных инвестиций в электроэнергетику России невозможно надежное энергообеспечение развития экономики страны. Укрепление доверия инвесторов, привлечение стабильных источников финансирования на более выгодных условиях основывается на приверженности хорошему корпоративному управлению.

В социально-экономическое развитие страны значительный вклад вносит ТЭК России. В мировой торговле энергоресурсами Россия занимает лидирующие позиции и экспортирует почти половину энергии, которая производится первично [1].

Электроэнергетика является основной инфраструктурной отраслью Российской Федерации, которая предоставляет электроэнергию внутри страны и экспортирует ее за границу. По объемам производства электроэнергии в мире Россия занимает четвертое место и, так же четвертое место, Россия занимает по экспорту электроэнергии.

Потребление первичных энергоресурсов в 2019 году составило 754,0 млн. тонн нефтяного эквивалента, из которых 54,1% пришлось на природный газ; 22,3% на нефть; 12,9% на уголь; 6,0% на гидроэнергию; 4,7% на ядерную энергию.

В 2019 году производство электроэнергии было на уровне 1,217 трлн. кВт·ч, что на 0,4% выше уровня 2018 года [2, с. 210].

Следует отметить, что на сегодняшний день отрасль стремительно развивается, чему способствуют такие факторы, как инвестиции, спрос, государственные программы, корпоративное управление и др.

Рассмотрим более подробно один из факторов, а именно корпоративное управление.

Совокупность процессов, обеспечивающих управление и контроль за деятельностью компании и включающих отношения между акционерами, Советом директоров, Правлением, иными органами и заинтересованными лицами в интересах акционера понимается под корпоративным управлением в сфере энергетики*.

---

* Федеральный закон от 26 марта 2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике»

Как правило, взаимодействие трех основных групп интересов подразумевает корпоративное управление в сфере энергетики, речь идет об акционерах, совете директоров и топ–менеджерах. Конфликт интересов, так или иначе, возникает между всеми участниками.

На сегодняшний день энергетическая сфера России в области корпоративного управления столкнулась с рядом проблем, а именно:

- во-первых, формализм и декларативность. Стандарты, нормы и институты корпоративного управления, принятые предприятиями, не всегда эффективны, поскольку реальных механизмов для реализации этих инструментов нет, и рынок это чувствует;
- во-вторых, слабый состав Совета директоров и его комитетов, который не всегда принимает правильные решения;
- в-третьих, не в полной мере используя кадровые ресурсы. Так, во многих энергетических компаниях (например, в АО «Концерн Росэнергоатом», АО «Юнипро», ПАО «Энел Россия») мотивирующая политика по-прежнему ограничена уровнем топ-менеджеров. Более того, как показывает практика, управление мотивируется результатами конкретных транзакций или проектов, а не по результатам деятельности компании (стоимость, эффективность и т. д.). Это расслаивает менеджмент компании по квалификации и профессионализму: высшее руководство более мобильно и готово к изменениям, а элементарные навыки принятия решений на уровне среднего и низшего менеджмента полностью отсутствуют;
- в-четвертых, недостаточная гласность и открытость, особенно в современной экономике Российской Федерации с исключительной ролью энергетических компаний, принимая во внимание как финансовую отчетность, так и кадровую политику, отношения с общественностью, государственными учреждениями и т. д. [4].

Таким образом, для совершенствования корпоративного управления в российских энергетических компаниях с целью корпоративной защиты необходимо:

- определить условия раскрытия информации на законодательном уровне (например, раскрытие информации судам, налоговым органам, судебным приставам, органам предварительного следствия, органам Росфинмониторингу, бюро кредитных историй), и как следствие, ужесточить требования по раскрытию информации и ответственность за это публичных компаний;

- в случае необходимости изменять состав Совета директоров и его комитетов;
- законодательно защитить права миноритарных акционеров, а точнее миноритарии не могут быть принуждены продать их акции;
- создать механизмы привлечения к гражданско-правовой ответственности должностных лиц компании при нанесении ущерба компании или ее собственникам (например, имущественный ущерб, который причинен решениями, действиями неправомерного характера или бездейтельностью должностного лица компании, в полном объеме возмещается лицом, которое его нанесло);
- принять на уровне каждой компании (в случае его отсутствия) Кодекс корпоративного поведения, который будет предусматривать регламентацию деятельности совета директоров, порядок подготовки и проведения собраний акционеров, организацию внутреннего контроля, социальную ответственность компании;
- создать механизмы по развития персонала компании, заинтересовать его в результатах деятельности (пересмотр системы мотивации, аттестация, переподготовка, тренинги и т. д.) [3].

Предложенные меры поспособствуют директивным органам в энергетической сфере оценить и улучшить правовые, регуляторные и институциональные рамки корпоративного управления с целью содействия экономической эффективности, устойчивому росту и финансовой стабильности энергетического сектора в частности и экономики страны в целом.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Энергетическая стратегия России на период до 2035 года
2. Прогноз развития энергетики мира и России 2019 / под ред. А.А. Макарова, Т.А. Митровой, В.А. Кулагина; ИНЭИ РАН—Московская школа управления СКОЛКОВО — Москва, 2019. — 210 с.
3. Шевелева Г.И. Актуальные проблемы развития корпоративного управления в российской электроэнергетике // Методические вопросы исследования надежности больших систем энергетики. Вып. 70. Методические и практические проблемы надежности систем энергетики. 2019. С. 214–223.
4. Основные характеристики российской энергетики [Электронный ресурс]. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/532> (дата обращения: 12.03.2020)

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРИСОЕДИНЕНИЯ

Электроэнергетика является одной из базовых национальных отраслей экономики, устойчивое развитие и надежное функционирование отрасли лежит в основе энергетической безопасности государства и оказывает непосредственное влияние на успешное экономическое развитие*.

Электроэнергетическая отрасль характеризуется наличием комплекса экономических отношений, возникающих в процессе производства, передачи электрической энергии, оперативно-диспетчерского управления в электроэнергетике, сбыта и потребления электрической энергии с использованием производственных и иных имущественных объектов, принадлежащих на праве собственности или на ином предусмотренном федеральными законами основании субъектам электроэнергетики или иным лицам (ст. 3 ФЗ от 26 марта 2003 № 35 «Об электроэнергетике»).

Под производственными объектами в данном случае понимаются объекты электросетевого хозяйства, входящие в электроэнергетическую систему** или Единую энергетическую систему России.*** В качестве иных имущественных объектов обычно рассматриваются энергопринимающие устройства****.

---

* Сайт Министерства энергетики Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: <https://minenergo.gov.ru/node/539> (дата обращения: 20.03.2020).

** Электроэнергетическая система — совокупность объектов электроэнергетики и энергопринимающих установок потребителей электрической энергии, связанных общим режимом работы в едином технологическом процессе производства, передачи и потребления электрической энергии в условиях централизованного оперативно-диспетчерского управления в электроэнергетике (ст. 3 Федерального закона от 26 марта 2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике»).

*** Единая энергетическая система России — электроэнергетическая система, которая расположена в пределах территории РФ (ст. 3 Федерального закона от 26 марта 2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике»).

**** Под энергопринимающими устройствами потребителя в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 27.12.2004 № 861 понимаются находящиеся у потребителя аппараты, агрегаты, механизмы, устройства и иное оборудование (или их комплекс), предназначенные для преобразования электрической энергии в другой вид энергии в целях использования (потребления) и имеющие между собой электрические связи.

Разница между электроэнергетической системой и ЕЭСР заключается в том, что второе понятие включает в себя совокупность объектов электроэнергетики, энергопринимающих установок потребителей электрической энергии и централизованное оперативно-диспетчерское управление ими только на территории Российской Федерации.

Присоединение любого энергопринимающего устройства* к ЕЭСР через объект электросетевого хозяйства происходит на основании соглашения между двумя сторонами: заявителем и сетевой организацией, осуществляющей электроснабжение и подходящей по ряду условий**. Такое соглашение называется договором технологического присоединения и именно его природу мы подробно рассмотрим в нашей статье.

В науке гражданского права выявление юридической природы гражданско-правового договора тесно связано с определением его места в существующей системе договоров. В соответствии с легальным определением, содержащимся в ст. 420 ГК РФ, договором признаётся соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей.

Исходя из данного определения, можно сделать вывод, что каждый договор:

- является соглашением;
- является юридическим фактом, а именно двусторонней сделкой;
- заключается на основе свободного волеизъявления юридически равных сторон.

Нами в данной статье термин «договор» будет использоваться в значении соглашения, заключённого между сторонами.

Понимание юридической природы гражданско-правового договора и его обязательных признаков менялось на протяжении десятилетий. В различные периоды времени отдельные вытекающие из определения гражданско-правового договора признаки имели большее или меньшее значение, что связывается нами с различной экономической

---

* Энергопринимающее устройство представляет собой комплекс из взаимосвязанного оборудования и сооружения, предназначенного для преобразования, передачи, распределения и потребления электроэнергии. Примером энергопринимающего устройства может являться любое здание, оснащённое внутренней электрической сетью.

** Сетевая организация считается подходящей, если на её балансе есть объекты электросетевого хозяйства, совпадающие классом напряжения с присоединяемым энергопринимающим объектом, и эти объекты находятся на наименьшем расстоянии от энергопринимающего устройства заявителя.

и социальной обстановкой в стране. Например, до 2000-х большое значение имел имущественный характер сделки. Отражение этого подхода прослеживается в том, что Д.И. Мейер в своих трудах определял договор как соглашение воли двух или нескольких лиц, которое порождает право на чужое действие, имеющее имущественный интерес [4, с. 156].

Как мы видим, в этом случае внимание действительно акцентируется на имущественном характере сделки, в то время как сейчас законодатель старается сместить фокус в сторону свободного волеизъявления и равенства сторон договора и донести важность именно этих признаков для всех участников гражданско-правовых отношений.

Классификация гражданско-правовых договоров в теории возможна по самым различным основаниям, базовым из которых является классическое деление на реальные и консенсуальные договоры. Законодатель же не ставит перед собой задачи классифицировать гражданско-правовые договоры по какому-либо из оснований и закрепляет в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — ГК РФ) те из них, что пользуются наибольшим спросом у участников гражданско-правовых отношений, а потому нуждаются в наиболее подробном регулировании.

Все названные законодателем отдельные виды гражданско-правовых договоров также можно выделить в несколько больших групп, три из которых мы приведём ниже, так как включаемые в них виды договоров имеют наибольшее сходство с договором технологического присоединения:

- сделки, связанные с передачей имущества;
- сделки, связанные с выполнением работ;
- сделки, связанные с оказанием услуг.

Среди них стоит упомянуть два договора, которые особенно важны нам ввиду того, что в различные отрезки времени именно к этим видам договора пытались отнести договор технологического присоединения:

- договор подряда (ст. 702 ГК РФ) — относящийся к группе сделок, связанных с выполнением работ;
- договор возмездного оказания услуг (ст. 779 ГК РФ) — относящийся к группе сделок, связанных с оказанием услуг.

Соглашение между заявителем и сетевой организацией, именуемое договором технологического присоединения, является специализиро-

ванной конструкцией на стыке энергетического и гражданского права, суть которой заключается в правовом закреплении правоотношений по присоединению энергопринимающих устройств к объектам электросетевого хозяйства для потребления электроэнергии.

Технологическое присоединение на практике представляет собой совокупность мероприятий технического и правового характера, направленных на присоединение энергопринимающего устройства, принадлежащего заявителю, к электроэнергетической системе посредством подключения к объекту электросетевого хозяйства, принадлежащему сетевой организации, осуществляющей электроснабжение.

Процесс технологического присоединения включает в себя такие этапы как:

- определение соответствующей требованиям сетевой организации;
- подача заявки на технологическое присоединение;
- получение проекта договора (в данном случае «договор» используется в значении документа, подтверждающего соглашение между сторонами);
- подписание договора обеими сторонами;
- выполнение технических условий, указанных в договоре и обязательных для осуществления присоединения;
- проверка качества выполнения технических условий;
- оформление актов о допуске в эксплуатацию и о технологическом присоединении;
- заключение договора энергоснабжения для осуществления в дальнейшем подачи напряжения;
- подача напряжения на присоединённый объект электросетевого хозяйства.

Заключаемое сторонами соглашение включает в себя весь вышеперечисленный комплекс мер, в том числе техническую сторону с разработкой схем подключения. В соответствии с законодательно закреплённой типовой формой договора присоединения, содержащейся в Приложении № 9 Постановления Правительства РФ от 27 декабря 2004 № 861 «Об утверждении Правил недискриминационного доступа...», в качестве предмета договора выступает обязательство со стороны сетевой организации по осуществлению технологического присоединения энергопринимающих устройств заявителя, в том числе

по обеспечению готовности объектов электросетевого хозяйства (включая их проектирование, строительство, реконструкцию) к присоединению энергопринимающих устройств, урегулированию отношений с третьими лицами в случае необходимости строительства (модернизации) такими лицами принадлежащих им объектов электросетевого хозяйства (энергопринимающих устройств, объектов электроэнергетики), с учетом индивидуальных характеристик.

Возникающие между сетевой организацией и заявителем отношения по технологическому присоединению регулируются преимущественно ГК, ст. 3 и 26 Федерального закона от 26 марта 2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике», а также Правилами технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям, содержащимися в Постановлении Правительства РФ № 861 от 27 декабря 2004 «Об утверждении Правил недискриминационного доступа...» и иными нормативными правовыми актами в части оплаты осуществлённых мероприятий и выбора тарифа.

При подробном анализе законодательства становится понятно, что как такового легального определения договора технологического присоединения не существует, хотя законодатель даёт его краткую характеристику совместно с обязанностями одной из сторон в Законе об электроэнергетике.

Мы не увидим раскрытия понятия или большинства аспектов в отношении порядка и процедуры по заключению и исполнению договора в привычной форме, как это представлено в Гражданском кодексе, потому что они разделены и закреплены в различных законодательных актах. Так, существенные условия договора и сама процедура исполнения, в отличие от обязанностей, закреплены в Постановлении Правительства РФ № 861 от 27 декабря 2004 «Об утверждении Правил недискриминационного доступа...».

Такое своеобразное распределение норм правового регулирования договора технологического присоединения и отсутствие законодательно закреплённого понятия порождает не только в теории, но и на практике проблему определения его правовой природы, также связанную с многоэлементностью комплекса мер, входящих в процедуру присоединения.

Неопределённость правовой природы порождает за собой неопределённость в выборе норм права, которые можно было бы применить в случае отсутствия специальных норм.

В течение двух последних десятилетий было сформировано несколько подходов к пониманию правовой природы договора технологического присоединения, каждый из которых имеет под собой научное обоснование.

1. Договор технологического присоединения, как договор возмездного оказания услуг. Такой подход основывается на мнении судов о полном соответствии существенных условий договора технологического присоединения данному виду договоров и среди прочих последствий влечёт за собой комплексное применение специальных норм и положений гл. 39 ГК РФ (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.12.2017 № 305-ЭС17-11195 по делу № А40–205546/2016).

В поддержку этой позиции также высказывался С.А. Свирков, обосновывая подобный подход тем, что предметом договора является осуществление целого комплекса действий, направленных на достижение «положительного эффекта нематериального характера», а именно доступа к беспрепятственному получению заявителем электроэнергии. В качестве комплекса действий, осуществляемых другой стороной договора, им рассматривались мероприятия технического характера обязательные для осуществления технологического подключения [5].

2. Договор технологического присоединения, как смешанный договор. В данном случае отмечается, что смешение элементов договора подряда и договора оказания услуг в рамках энергетической отрасли образуют по своей правовой природе некий отдельный вид договора, сочетающий в себе их существенные условия.

Для такого подхода при анализе договора технологического присоединения характерно разделение его составляющих на следующие компоненты, отражённые на разработанном нами рисунке 1, с последующим выявлением характерных черт договора подряда и договора оказания услуг в отношении соответствующего элемента [2].

В качестве подвида данного подхода можно выделить причисление договора технологического присоединения к работам и как следствие договору подряда в чистом виде. Такой подход объясняется тем, что в данном случае заявителем преследуется результат принятых по присоединению мер, а не сам процесс присоединения.

Так, в своих работах Е.В. Кирюхина и О.А. Городов отмечают, что ряд признаков, в том числе цель и характеристика проводимых технологических мероприятий в процессе присоединения представляют собой работу по подключению объектов электросетевого хозяйства к электрической сети для последующего получения заявителем электроэнергии [1, с. 126–138], [3, с. 27–34].

Одним из наиболее выгодных последствий такого подхода является право заявителя в случае потери интереса к строительству или присоединению к объекту электросетевого хозяйства отказаться от исполнения договора, уплатив сетевой организации часть установленной цены пропорционально выполненным работам (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 17.04.2018 № 306-ЭС17–20590 по делу № А57-19494/2016).

3. Договор технологического присоединения, как отдельный вид договора, непоименованный в ГК РФ, который не может быть отнесен ни к договорам возмездного оказания услуг, ни к договорам подряда, ни к смешанным договорам, включающим в себя элементы договора возмездного оказания услуг и подряда.

Данный подход основывается на ряде судебных решений, в которых делался вывод о невозможности отнесения договора технологического присоединения ко всем вышеперечисленным договорам ввиду отсутствия существенных признаков, присущих договору оказания услуг, договору подряда или смешанному договору, включающему в себя элементы договора возмездного оказания услуг и подряда. На основании вышесказанного, судом был сделан вывод о принадлежности договора технологического присоединения к непоименованным договорам.

Однако в науке есть позиция, что такой подход не может применяться. Данное мнение основывается на том, что исходя из закреплённой ч. 2 ст. 421 ГК свободы договора, стороны могут заключить непоименованный договор, чьё законодательное регулирование впоследствии будет осуществляться по аналогии закона или аналогии права с применением норм, наиболее сходных с конкретным непоименованным договором. Исходя из этого, непоименованный договор должен быть неизвестен законодателю, а его регулирование не должно осуществляться конкретными нормами права, разработанными

ными специально для этого вида договора, в то время, как регулирование договора технологического присоединения осуществляется целым перечнем нормативных правовых актов.

Именно на основании вышесказанного, определение договора технологического присоединения как непоименованного договора представляется невозможным.

Подводя итог, очевидным кажется вывод об отсутствии как в научной среде, так и на практике, единого подхода к гражданско-правовой природе договора технологического присоединения, что, несомненно, влечёт за собой проблемы практического характера, как то: допустимость применения к сторонам договора тех или иных норм Гражданского кодекса при рассмотрении их в качестве подрядчика и заказчика или исполнителя и заказчика.

На данный момент наиболее обоснованным нам видится отнесение договора технологического присоединения к договорам возмездного оказания услуг. Такой подход учитывает соответствие существенных условий договора технологического присоединения данному виду договоров и делает возможным комплексное применение специальных норм и положений гл. 39 ГК. Также этот подход, по нашему мнению, создаёт для обеих сторон действительно равные условия и тем самым реализует один из основных принципов гражданского права. Например, применение положений о договоре оказания услуг разрешает односторонний отказ при условии возмещения фактически понесенных расходов (или убытков, если рассматривать односторонний отказ со стороны исполнителя). Иные же подходы ставят заявителя в заведомо более выгодное положение, что может расцениваться как нарушение принципа юридического равенства сторон.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Городов О.А. Договоры в сфере электроэнергетики. М.: Волтерс Клувер, 2007.
2. Жанэ А.Д. Комментарий к Федеральному закону «Об электроэнергетике» (постатейный). М.: Юстицинформ, 2005.
3. Кириухина Е.В. Некоторые вопросы правового регулирования договора технологического присоединения к электрическим сетям // Юридический мир. 2009. № 6.
4. Мейер Д.И. Русское гражданское право: В двух частях. М.: Статут, 1997. ч. 1. 1997.
5. Свирков С.А. Договорные обязательства в электроэнергетике. М.: Статут, 2006.

ДВОЙСТВЕННОСТЬ ПОНЯТИЯ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

В гражданском праве России относительно недавно было введено и закреплено в качестве генеральной оговорки понятие добросовестности. Впервые успешно данный принцип стал применяться в Германии еще до Первой Мировой войны, после же он отчасти трансформировался и применяется в современном немецком праве и по сей день. Однако, при его введении у нас в 2013 году, в силу недостаточной доктринальной проработанности, вскоре возникли некоторые сложности в понимании и применении добросовестности на практике.

Все дело в том, что под термином «добросовестность» скрываются две разные правовые категории, которые необходимо уметь различать, во избежание путаницы в процессе рассмотрении данного правового явления. Под первой такой категорией скрывается добросовестность, которая была возведена с недавнего времени законодателем в принцип гражданского права, о чем было сказано вначале. Другая сторона этого понятия — субъективная добросовестность или извинительное незнание какого-либо субъекта права. Это означает, что какое-либо лицо не знало и не могло знать о каких-то фактах, имеющих важное юридическое значение. Итак, это две части одного целого, называемого «добросовестностью» и часто, когда кто-то говорит об этом, не делается акцент на различии данных понятий. А суть различий заключается в том, что первая категория этого понятия относится к принципам гражданского права и касается абсолютно всех его сфер, то есть лежит в основе любых гражданских правоотношений наряду с другими принципами, вторая же — частный случай юридической квалификации определенных фактических обстоятельств. Важно отметить, что у каждой из них свои цели и задачи, разные функции, и это если не говорить о различиях в механизмах правового регулирования.

Поэтому, на мой взгляд, при изучении добросовестности как принципа гражданского права вовсе необязательно рассматривать и изучать «субъективную» добросовестность, так как в этом нет практического смысла и вряд ли это сможет привести к какому-либо внятному чет-

кому результату. Другое дело, если подходить к этим понятиям, не руководясь вышеописанной логикой, а именно, смешать между собой эти категории и попытаться совместно и комплексно их изучить. Это несомненно приведет к ошибкам в понимании и может увести в сторону от истины, а именно изучения добросовестности как генеральной оговорки, то есть, как принципа гражданского права.

Смешение двух категорий данного понятия в литературе началось еще до реформирования ГК, продолжалось в период подготовки и введения поправок в ст. 1 Кодекса и имело значительное распространение также и спустя несколько лет после внесения в него соответствующих поправок.

Примеров такого смешения категорий можно найти в достаточном количестве. Одна из таких работ, написанных в начале 2000-х годов, где автор рассматривал добросовестность как уважение и признание воли другой стороны, автономии контрагента, необходимости соответствия поведенческих установок принципу справедливости, общеправовым ценностям и о способности добросовестности противостоять строгому праву. Однако дальше, исследуя ее способность противостоять строгому праву, автор делает вывод: «Именно это свойство теперь выходит на первый план и придает доброй совести непосредственное (техническое, нормативное) значение: под ней понимается такое состояние воли лица, которое характеризуется извинительным незнанием объективных препятствий к достижению преследуемой им юридической цели, прежде всего приобретению частного права» [5, с. 82]. Из этой цитаты можно увидеть, что автор, пытаясь дать определение рассматриваемой правовой категории, определил именно суть субъективной стороны добросовестности. Далее он продолжил ее рассматривать в этом ключе. В работе демонстрировались различные случаи извинительного незнания в отношениях собственника и владельца (добросовестное владение), в обязательственных отношениях (защита должника при цессии, защита стороны сделки при заключении ее со стороны юридического лица с превышением полномочий). И итогом такого исследования стал вывод автора о том, что: «Юридический смысл доброй совести не в укреплении субъективного права, а в противостоянии ему» [5, с. 86]. Однако такой итог, закономерно, стоит рассматривать только применительно к «субъективной» добросовестности, но никак не к добросовестности, как к принципу права, а именно в смысле правовой

справедливости, учета интересов сторон правоотношения, соблюдения баланса их интересов с точки зрения правового регулирования, общеправовых ценностей. Очевидно, что автор, по каким-то неизвестным причинам не учел то, что «субъективная» добросовестность представляет несколько иное правовое явление, нежели добросовестность как принцип права. Такое смешение категорий понятия добросовестности того периода можно объяснить недостаточной доктринальной проработанностью данного вопроса, а также, возможно, недостаточным вниманием.

Однако в период подготовки к внесению изменений в ст. 1 ГК такое совмещение понятий «добросовестностей» не было устранено. Примером этого служит работа, которая, на тот момент, как раз была посвящена новелле ГК о закреплении в этой статье принципа добросовестности и подводила некие промежуточные итоги реформы российского гражданского права [2, с. 7–8]. Автор основывает свой подход к рассмотрению этого вопроса на основании написанной еще до революции работе И.Б. Новицкого, особенностью которой служит деление добросовестности на объективную и субъективную составляющие. Стоит отметить, что несмотря на то, что труд был написан около века назад, своей актуальности и важности для изучения добросовестности как правового явления в целом он не потерял. Однако стоит сделать важное замечание, что И.Б. Новицкий данные категории не смешивает, а наоборот рассматривает их в отдельности друг от друга, указывая на то, что каждая обладает своими задачами, функциями и содержанием. Автор пишет, что в одних случаях добрая совесть выступает в объективном значении, как известное внешнее мерило, которое принимается во внимание законом, судом, применяющим закон, и которое рекомендуется членам гражданского оборота в их взаимных сношениях друг с другом; здесь перед нами как бы открывается новый источник, выступает параллельная или подсобная норма, призываемая к действию законом. В субъективном же смысле добросовестность понимается как сознание того или иного лица, как неведение некоторых обстоятельств, с наличием которого закон считает возможным связать те или иные юридические последствия [3, с. 56–57]. Понятно, что случаи, к которым можно применить эти две категории добросовестности должны быть разными. Нельзя применить субъективную добросовестность там, где ситуация требует применить добросовестность именно в объективном смысле, и наоборот. Поводом

же для рассмотрения их вместе послужила, видимо, общность терминологических обозначений данных явлений.

Заданный вектор исследования через смешивание терминологических категорий сохранялся и продолжался во многих работах, и в последующий период, даже спустя несколько лет после окончания реформирования ст. 1 ГК.

В качестве примера, который может ярко продемонстрировать состояние проработанности доктрины о принципе добросовестности на тот момент времени стоит привести работу, которая была посвящена вопросам добросовестности давностного владения. В ней подвергался анализу проект изменений в регулирование приобретательной давности. А именно, автора беспокоило предложение исключить из числа условий приобретательной давности необходимость добросовестного владения. Речь здесь шла о субъективной добросовестности. Далее автора смутила нелогичность такого шага в силу того, что на тот момент времени как раз была введена в ст. 1 ГК добросовестность в качестве общего генерального принципа гражданского права, но при этом предлагалось «эту же добросовестность» убрать в некоторых случаях приобретательной давности [4, с. 11]. Можно сказать, в процессе написания труда, автор, исследуя вопрос, сам запутался в «добросовестностях», которые присутствуют в нашем праве. На мой взгляд, это наиболее яркий пример, почему необходимо уметь различать эти две правовые категории друг от друга, ведь без этого легко пойти не тем путем и усложнить понимание этого явления, а главное, в перспективе, это может негативно повлиять на гражданско-правовой оборот.

Аналогично смешиваются данные категории и в другой работе, посвященной раскрытию гражданско-правового значения добросовестности. В процессе анализа понятий добросовестности и недобросовестности автор задается вопросом: «зачем законодателю специально упоминать о добросовестности приобретателя, если последний предполагается таковым на основании общих положений п. 5 ст. 10 ГК РФ» [1, с. 21]? Все дело как раз в том, что в случае с добросовестным приобретателем предполагается «субъективная» добросовестность и схема «не знал и должен был знать», а п. 5 ст. 10 ГК содержит презумпцию добросовестности участников гражданских правоотношений, которая распространяется на всех лиц. Впрочем, данная ситуация характеризуется некоторыми нюансами, а также сложностью, а именно, для полноценного исследования этого вопроса необходимо посвятить отдельный труд.

Еще одним примером стремления найти что-то общее между принципом добросовестности и извинительным незнанием определенных фактов можно найти в работе, где зависимость между этими двумя категориями определяется буквально следующим образом: «Такая связь проявляется через те нормы действующего законодательства, применение которых позволяет восполнить недостающую легитимацию: юридический эффект (правовое последствие) наступает, несмотря на наличие того или иного дефекта в условиях, необходимых для наступления такого эффекта, но при наличии извинительного неведения лица в тех или иных фактах. В частности, речь идет о нормах вещного права, регламентирующих отношения с участием добросовестного владельца, добросовестного приобретателя, добросовестного спецификатора» [6, с. 75]. Здесь речь снова ведется о категориях извинительного незнания определенных фактов и хорошо передана их суть, однако связь с именно принципом добросовестности увидеть здесь не представляется возможным.

Помимо того, что категории «субъективной» добросовестности и принципа («объективной») добросовестности смешиваются, что приводит к различным запутанным ситуациям, которые не способствуют пониманию функционирования принципа добросовестности, есть еще примеры в юридической литературе, когда можно вовсе увидеть прямую критику такого разграничения. Такое деление характеризуется как «достаточно смутное и весьма небесспорное» [7, с. 26].

На мой взгляд, для того, чтобы четко продемонстрировать, как и в каких ситуациях эти две категории добросовестности применяются, достаточно привести лишь пару примеров из практики, где они фигурируют. Эти ситуации помогут понять, что различать обе стороны добросовестности необходимо именно для корректного правоприменения. Потому, как один «вид» добросовестности подходит только под «одну категорию» дел, а второй — под «другую». Также это поможет убрать путаницу в доктринальном осознании добросовестности, а именно, лучше понять ее двойственную природу.

В качестве примера субъективной добросовестности приведу дело, где гражданин, приобрел автомобиль у лица на основании договора купли-продажи (Апелляционное определение Московского городского суда от 28.01.2020 по делу № 33-3422/2020). Покупатель произвел оплату всей стоимости автомобиля, продавец же в свою очередь гарантировал, что транспортное средство никому не продано, не зало-

жено, в споре и под арестом не состоит. Далее автомобиль был успешно поставлен на учет в органах ГИБДД, никаких запретов и ограничений на регистрацию не было. Однако позже приобретатель автомобиля столкнулся с тем, что в отношении указанного транспортного средства в реестре залогов появились зарегистрированные сведения о том, что автомобиль находится в залоге у банка. Собственно банк и попытался обратиться с иском на этот автомобиль у приобретателя. По итогу, суд отказал банку в требовании, потому что приобретатель автомобиля оказался добросовестным. Чтобы выяснить это, суду необходимо было установить факт незнания покупателя автомобиля о том, что он на момент заключения договора купли-продажи имущества не знал и не мог знать о том, что оно находится в залоге у банка, а лицо, которое отчуждало этот автомобиль не имело права его продавать. Из материалов дела видно, что приобретатель приложил все необходимые усилия для проверки обременений и ограничений в отношении транспортного средства на момент покупки. О том, что данное имущество находится в залоге у банка, с помощью возможностей, которые были у него, он узнать никак не мог. Следовательно суд правомерно решил данное дело в пользу покупателя автомобиля. Стоит отметить, что здесь применяется схема именно «субъективной» добросовестности, но не принципа добросовестности. Если в данной ситуации рассматривать именно последнее, то в данном случае покупателю не надо было учитывать чьи-либо интересы, относиться с заботливостью и так далее, потому что стороной, которой был нанесен ущерб был он сам, более того, здесь играет большое значение именно незнание о каких-либо фактах, имеющих важное юридическое значение, а именно, в данной ситуации — незнание о залоге автомобиля на момент покупки. Если допустить, что он узнал по каким-либо причинам об этом факте, то сделка скорее всего не состоялась бы, либо, в случае проблем, он не получил бы защиты в суде, так как добросовестным приобретателем его считать уже нельзя и в таком случае банк смог бы взыскать с него имущество.

Другой пример из судебной практики будет посвящен применению объективной добросовестности (принципа добросовестности). Суть дела состояла в том, что стороны должны были заключить договор аренды и вели об этом переговоры более полугода (Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.11.2017 № Ф05-16349/2017 по делу №А41-90214/2016). Проекты были согласованы

и подписаны потенциальным арендодателем (истец), но когда дело дошло до арендатора (ответчик), то он внезапно прекратил контакт с контрагентом. Арендодатель обратился в суд ссылаясь на недобросовестность действий контрагента, что успешно смог доказать. Для этого суду необходимо было увидеть факт ввода в заблуждение истца. Это обстоятельство удалось обнаружить с помощью поведения, который демонстрировал ответчик и действий, которые явно давали понять контрагенту о намерении заключить сделку. А именно в процессе переговоров ответчик, в частности, проводил финансовый и юридический анализ документов, согласовывал основные и детальные условия сделки по всем существенным, коммерческим и техническим вопросам, направлял запросы на предоставление необходимых документов. В такой ситуации арендодатель никак не мог ожидать, что контрагент внезапно и неоправданно прекратит переговоры по заключению договоров. Помимо всего прочего истец также доказал наличие убытков в виде упущенной выгоды: ему пришлось освободить от прежних арендаторов предстоящие к сдаче помещения, чтобы подготовить их для нового контрагента. И если бы истец не вступил в переговоры с недобросовестным контрагентом, то получил бы доходы от сдачи в аренду прежним арендаторам. Апелляция, а вслед за ней и кассация решение оставили в силе и отклонили многочисленные возражения ответчика, в частности о том, что сделка не получила корпоративного одобрения и истец должен был предполагать возможность такого исхода.

В примере выше очевидно нарушение принципа добросовестности (объективной добросовестности) ответчиком. А именно, он никак не учитывал права и интересы другой стороны и не проинформировал заранее контрагента о том, что сделка может сорваться, что в итоге и привело к серьезному ущербу для истца. В данном случае своим поведением арендатор демонстрировал желание заключить сделку, что дало арендодателю внутреннюю уверенность в том, что она будет заключена и о том, что уже можно освобождать помещения для контрагента от прежних арендаторов. Позже эта сделка сорвалась, что нанесло большой ущерб истцу в виде упущенной выгоды. То есть при ведении переговоров каждая из сторон, желали достижения своих целей, демонстрировали это своим поведением и действиями, информировали друг друга в ходе переговоров, чтобы достичь результата в виде заключения договора аренды. Естественно, что каж-

дая из сторон как явным, так и подразумеваемым способом исходила из того, что их права и интересы не будут нарушены. Но один из контрагентов все же пренебрег данными требованиями принципа добросовестности в данной ситуации, что привело к такому результату для истца.

Очевидно, что формула «субъективной» добросовестности «не знал и не должен был знать» здесь применить никак нельзя. В данной ситуации суд исходил из нескольких требований принципа добросовестности: обязанности сторон учитывать права и интересы друг друга, обязанности по информированию, соблюдения баланса интересов и взаимосвязь понесенного ущерба истцом с исполнением данных обязанностей ответчиком.

Подводя итог написанному, необходимо отметить важность понимания в необходимости разграничения двух правовых категорий, которые скрываются под одним термином «добросовестность». Это необходимо для устранения путаниц, которые могут возникать в процессе доктринальной проработки вопроса принципа добросовестности в российском праве, а также помочь судебной практике более четко ориентироваться в такой нестандартной правовой категории и принимать более осознанные и взвешенные правовые решения основанные не на каком-то фантомном чувстве добросовестности, которое невозможно описать словами, а точно понимая, что и когда необходимо делать. В современной российской доктрине о принципе добросовестности часто встречаются ситуации, когда между обеими этими категориями не различают разницы, что указывает на уровень проработки и осознанности данного правового явления и что та самая проработка находится только в начале своего пути.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Груздев В.В. Гражданско-правовое значение добросовестности // Право и экономика. 2016. № 12.
2. Егоров А.В. Принцип добросовестности в Гражданском кодексе РФ: первые шаги реформы // Legal Insight. 2013. № 2.
3. Коновалов А.В. К вопросу о добросовестности давностного владения // Вестник гражданского права. 2016. № 6.
4. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права, 1916, № 6.
5. Скловский К.И. Применение норм о доброй совести в гражданском праве России // Хозяйство и право. 2002. № 9.

6. Соломин С.К. Теория добросовестности в российском гражданском праве: становление, развитие, перспективы // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2016. № 2.

7. Церковников М.А. О добросовестности в институтах вещного права // Вестник гражданского права. 2017. № 2.

УДК 347

Научная специальность — 12.00.03

Дмитрий Алексеевич Кузнецов
Институт магистратуры СПбГЭУ

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПЕРЕВОЗЧИКА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ПЕРЕВОЗКАХ ПАССАЖИРОВ МОРСКИМ ТРАНСПОРТОМ.

Международные морские перевозки пассажиров представляют собой достаточно актуальную тему в части ответственности перевозчика за жизнь и здоровье пассажиров. Не так давно произошедшие события, связанные с эпидемией кароновируса, в порту Йокогама, где было задержано судно «DiamondPrincess» с более 3000 тысячами пассажирами на борту заставляет обратить внимание на ответственность перевозчика в морских перевозках за жизнь и здоровье пассажиров. Кроме того, А.С. Касаткина, отмечала что основная задача международной ответственности при перевозке пассажиров, это обеспечение защиты пассажиров и обеспечение надлежащей регуляции транспортного процесса [2, с. 93–103]. Это делает достаточно интересным, с точки зрения МЧП ситуацию, сложившуюся с пассажирами злополучного судна и требует дополнительного анализа.

Основные акты в сфере международных морских перевозок пассажиров это: афинская конвенция 1974 года, «Международная конвенция об унификации некоторых правил, относящихся к перевозке пассажиров морем» (г. Брюссель 1961 год, РФ в ней не участвует)*, Международная конвенция для унификации некоторых правил, относящихся к перевозке багажа пассажиров морем (Заклучена

---

* Международная конвенция для унификации некоторых правил, относящихся к перевозке багажа пассажиров морем (Заклучена в г. Брюсселе 27.05.1967 // [электронный ресурс]. — конвеншонс.ру. -http://www.conventions.ru/view_base.php?id=851Дата обращения: 04.03.2020 г.

в г. Брюсселе 27.05.1967*). Кроме того, внутренне российское право предусматривает применение, КТМ и ГК РФ. Начнём рассмотрение с Афинской конвенции** (ратифицирована Федеральным законом «О присоединении Российской Федерации к Протоколу 2002 года к Афинской конвенции о перевозке морем пассажиров и их багажа 1974 года и денонсации Российской Федерацией Афинской конвенции о перевозке морем пассажиров и их багажа 1974 года и Протокола 1976 года к Афинской конвенции о перевозке морем пассажиров и их багажа 1974 года» от 28.11.2018 № 430-ФЗ)***. В рамках данной конвенции рассматриваются общие вопросы ответственности перевозчика ст. 3–10, а также ст.13 (предусмотрена утрата права перевозчик на ограничении ответственности). В соответствии с данной конвенцией, по ст. 3 и 4, а также ст. 1 перевозчик несёт ответственность за пассажира, его имущество, за исключением ценностей, установлена в определённых пределах. За ущерб, не связанный с морской перевозкой перевозчик отвечает лишь в случае если он возник по его вине, бремя доказывания возлагается на истца. Перевозчик несет ответственность за ущерб в случае только если не докажет, что: явление, породившее ущерб, не являлось результатом военных действий, восстаний или иных обстоятельств, стихийных явлений, исключительных по своему характеру, порождающих непреодолимой силы, или было вызвано деянием третьих лиц, с намерением вызвать происшествие. По ст. 1 п. 8 охватывается перевозкой процесс, с момента посадки пассажира на трап и до схода пассажира на портовое сооружение. Д.П. Стригунов отмечала, что многие положения Афинской конвенции были положены в основу КТМ****: РФ не участвует в протоколе к конвенции 1990 года, однако,

---

* Международная конвенция для унификации некоторых правил, относящихся к перевозке багажа пассажиров морем (Заключена в г. Брюсселе 27.05.1967 // [электронный ресурс]. — конвеншонс.ру.-http://www.conventions.ru/view_base.php?id=851Дата обращения: 04.03.2020 г.

** Афинская конвенция о перевозке морем пассажиров их багажа 1974 года // [электронный ресурс]. — цнтд.ру. — <http://docs.cntd.ru/document/1901870>Дата обращения: 4.03.2020

*** Федеральный закон «О присоединении Российской Федерации к Протоколу 2002 года к Афинской конвенции о перевозке морем пассажиров и их багажа 1974 года и денонсации Российской Федерацией Афинской конвенции о перевозке морем пассажиров и их багажа 1974 года и Протокола 1976 года к Афинской конвенции о перевозке морем пассажиров и их багажа 1974 года» от 28.11.2018 № 430-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — Выпуск № 49, 2018 г. ст. 7502.

**** КТМ РФ от 30 апреля 1999 года № 81-ФЗ // СЗ РФ. Вып. № 18. 1999. Ст. 2207.

большое количество положений вошли в состав кодекса торгового мореплавания [3, с. 261–265]. При детальном анализе конвенций 1961, 1967 и 1974 года было установлено, что общее содержание совпадает, Данные положения имеет смысл включить и в Афинскую конвенцию или КТМ.

КТМ повторяет положения Афинской конвенции. Однако, есть некоторые интересные детали. Так, ст. 183 установлены правила отказа пассажира от договора перевозки (дается бланкетная норма, отсылающая к приказу Минтранса России от 17.06.2015 № 190 «Об утверждении Правил морской перевозки пассажиров»*, а ст. 184 предусмотрены основания отказа перевозчика от договора (в упомянутом приказе в п. 68 перечень оснований заимствован из КТМ в них ничего нет об отказе от договора при обстоятельствах, подобных эпидемии. Ст.185 указывает на основания изменения условий договора, в том числе и на санитарно-эпидемиологическую обстановку в месте отправления или прибытия. Статья 401 ГК предусматривает понятие непреодолимой силы. Постановление Пленума Верховного суда п. 8–10 указывает на обстоятельна непреодолимой силы, определяя их как «обстоятельство признается непредотвратимым, если любой участник гражданского оборота... не мог бы избежать наступления этого обстоятельства или его последствий...»**. Наступление таких обстоятельна не отменяет обязательства и п.10 ППВС предусматривается обязанность минимизации последствий наступления таких обстоятельств. ТПП РФ в положении о свидетельствовании форс-мажора***, п. 1.3 признает эпидемию обстоятельством непреодолимой силы. Конвенции о морских перевозках ничего не упоминают

---

* Приказ Минтранса России от 17.06.2015 N 190 "Об утверждении Правил морской перевозки пассажиров" (Зарег. в Минюсте России 03.09.2015 N 38782) // [электронный ресурс]. — КонсультантПлюс.ру. — http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_185545/ /Дата обращения: 4.03.2020 г.

** Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 07.02.2017) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // [электронный ресурс]. — КонсультантПлюс.ру. — http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195783/ /Дата обращения: 4.03.2020 г.

*** Положение о порядке свидетельствования Торгово-промышленной палатой Российской Федерации обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажор) (приложение к постановлению Правления Торгово-промышленной палаты РФ от 23 декабря 2015 г. № 173-14)// [электронный ресурс]. — КонсультантПлюс.ру. — http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_192640/ /Дата обращения: 4.03.2020 г.

об ответственности и действиях перевозчика в чрезвычайных ситуациях. Безусловно, в любом правовом порядке, диспозитивность гражданского правоотношения позволяла бы сторонам отказаться от заключения договора в подобных условиях. Де-факто в соответствии со ст. 18 «Проект пересмотренных международных медико-санитарных правил ВОЗ» 23.05.2005 г. государство, принимающее лиц, прибывших из района эпидемии или эпизоотии, имеет право отказать в принятии таких лиц со ссылкой на подозрительность на заражение, что, применяя к нашей ситуации, заблаговременно, японское правительство вполне могло это сделать. Статья 27 тех же правил предусматривает изоляцию зараженного транспортного средства. В соответствии с резолюцией ВОЗ WHA59.2 этот документ применяется странами участниками добровольно.

К сожалению, не представляется возможным определить право государства, которое будет применяться к инциденту в Йокогаме. Как замечал М.М. Богуславский [1, с. 348], вопрос о применении права по договору международной морской перевозки достаточно проблематичен сам, в связи с отсутствием коллизионных норм, и может определяться судебной практикой. Так, в Великобритании и Франции применим закон флага судна, в ФРГ — закон страны назначения груза, в Польше закон, избираемый сторонами. В то же время на основании ч. 2 п. 6 ст. 1211 ГК РФ, ясно, что применяется право страны — перевозчика. Положения ст. 414, ч. 1 и 2 ст. 418 КТМ указывают на тот факт, что при морской перевозке пассажиров применяется право страны, которая указано в билете, в случае отсутствия указания, применяется право страны перевозчика. Руководствуясь российским правом, ситуация с судном в порту Йокогамы должна быть разрешена в части возмещения вреда пассажирам следующим образом: судовладелец должен обеспечить нераспространение заболевания, высадку пассажиров в ближайшем порту, в котором это возможно и предоставление компенсаций за неисполненное обязательство. Так же существует обязанность оплатить проезд пассажиров до порта отплытия. Усматривается необходимость обеспечения пассажиров необходимыми лекарственными средствами до момента прибытия в ближайший порт, принять иные необходимые меры для минимизации последствий.

С учетом всего выше изложенного, автор может сделать следующие выводы. Так, требуется принятие единой конвенции ООН по перевозке пассажиров морем. В Афинскую конвенцию необходимо ввести

ст. 3.1 «Ответственность перевозчика за вред, причиненный пассажиру, в следование заражении особо опасным инфекционным заболеванием». Аналогичные изменения имеет смысл внести и в кодекс торгового мореплавания. Автор надеется на практическую ценность и полезность исследования.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Богуславский М.М. Международное частное право // М.: Норма. 2019.
2. Касаткина А.С. Ответственность перевозчика при международных перевозках пассажиров и багажа// Право. Журнал ВШЭ. 2011 . № 3.
3. Строганова Д.П. О правовом регулировании международной перевозки пассажиров // Вестник университета № 7. 2014.

УДК 347.91

Научная специальность — 12.00.15

Лилия Рустамовна Малышева
Институт магистратуры СПбГЭУ

ПОСЛЕДСТВИЯ НАРУШЕНИЯ МЕР ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ИСКА

Обеспечительные меры имеют место во всех правопорядках и этому есть объяснение — они необходимы для полноценного функционирования судебной и исполнительной систем. И актуальность продиктована условиями современной жизни, где ежедневно заключаются договоры, ежедневно договоры нарушаются и обязательства по ним не исполняются. Также ежедневно кредиторы обращаются в суд с ходатайствами о принятии мер по обеспечению иска и, становится очевидно, что это пользующийся популярностью в процессуальной праве институт, которому присущи свои недостатки и законодательные изъяны, что обсуждается мною в данной статье.

Цель настоящей работы заключается в определении правовых коллизий института залога в процессуальном праве, а задачами являются анализ прошлого и действующего законодательства, судебной практики и ознакомление с мнениями авторитетных юристов-практиков.

Меры по обеспечению иска — это наложенный судом запрет распоряжаться своим имуществом, а доктрина это трактует как лишение

собственника определять судьбу вещи, формировать свою волю в отношении этой вещи. Иными словами, должник оказывается в ситуации, при которой владея вещью, он не может в силу ограничения прав распорядиться ею, то есть определить юридическую судьбу.

Изначально, после внесения в Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (далее — ГК РФ) п.2 в ст.174.1 было много вопросов и дискуссий, как именно применять данную новеллу и что значит «сделка совершенная с нарушением запрета (в нашем случае судебным) на распоряжение имуществом... не препятствует реализации прав указанного кредитора». Ответ на этот вопрос был дан законодателем спустя некоторое время в п. 5 ст.334 ГК. В п.5 разъяснялось, что такое лицо (в пользу которого были применены обеспечительные меры) приобретает права и обязанности залогодержателя. Однако, после таких поправок вопросы только умножились и точки зрения разделились на «узкий и широкий» подходы.

Данная проблема не осталась без внимания таких исследователей как Костко В.С., Карапетов А.Г. [1;3], и известный процессуалист Шварц М.З. также высказался по этому поводу [2]. Обсуждения и прения не были пустыми и голословными, так как данный вопрос имеет прикладной характер, а не только теоретический.

Дело в том, что:

во-первых, ставится под сомнение юридическая техника ст.174.1 и наличие отсылки ст.334 к ней;

во-вторых, в данном случае судебная практика (Постановление Пленума ВС № 25) подменяет законодателя, что является недопустимым;

в-третьих, Верховный Суд не дает ответа относительно момента возникновения такого залога, возникает он в силу принятия судебного акта или в силу неправомерных действий должника.

Несмотря на то, что рассматриваемые нормы располагаются в материально-правовых источниках, влияют они напрямую на процессуальные права и обязанности, и тесно связаны с институтом мер по обеспечению иска.

Расположение ст.174.1 в параграфе «Недействительность сделок» неслучайно и устанавливает последствия совершения сделки в отношении имущества, распоряжение которым запрещено или ограничено — в нашем случае в нарушение наложенных судом мер.

Но парадокс возник после того, как Верховный Суд Российской Федерации (далее — ВС РФ) разъяснил в Постановлении Пленума

от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», что сделка, совершенная в нарушение установленного запрета, признается действительной. Пленум в своих разъяснениях переиначил волю законодателя и интерпретировал данную норму за пределами своих полномочий, не признавая сделку недействительной, или, например, несостоявшейся (как иногда такая сделка признавалась). Широкой критике подверглось разъяснение Пленума, и это было оправданно — судебный орган не может создавать новую норму, так как не является правотворческим субъектом. Ведь без этого разъяснения, ст. 174.1 ГК имеет иной смысл.

В это же время Верховный Суд императивно не допускает применить нормы ст. 174.1 ГК по отношению к реституции или виндикации, то есть применение таких законодательных положений ограничивается только денежными требованиями, что и есть «узкий подход».

Назначение обеспечительных мер состоит в том, чтобы кредитор, выиграв процесс смог не только получить судебное решение, но и добиться его исполнения должником. До Постановления Пленума совершенная должником сделка вопреки запрету не обладала юридической силой, как будто этой сделки никогда и не было и имущество не переходило в собственность третьих лиц. Впредь кредитор или иное управомоченное лицо имеют возможность лишь «на реализацию прав», например посредством подачи иска об обращении взыскания на такое имущество. И получается, что при нарушении прав кредитора, последнему остается только прибегать к судебной защите, и следовательно, участвовать в процессе, теряя время и деньги на профессиональных юристов. Это всё кажется нерациональным, как минимум, потому что современные тенденции задают вектор разрешения споров во внесудебном порядке во избежание длительных и затратных судебных тяжб. В нашем случае такие положения провоцируют больше судебных процессов.

Пункт 95 Постановления Пленума регулирует одну из возможных ситуаций — покупатель реализованного под запретом имущества был добросовестен. И в данном случае в приоритете защищаются права менее защищенного лица — добросовестного приобретателя. А вот права кредитора могут быть реализованы только в том случае, «если будет доказано, что приобретатель имущества знал или должен был знать о запрете на распоряжение имуществом должника, в том числе

не принял все разумные меры для выяснения правомочий должника на отчуждение имущества». Следовательно, здесь действует презумпция незнания приобретателя.

Перейдем к рассмотрению п.5 ст. 334 ГК. В юридической литературе авторы прозвали эту норму «залог в силу ареста» или «арестантский залог». Законодатель определил, что все лица, в чьих интересах был наложен запрет на распоряжение имуществом, пользуются правами и обязанностями залогодержателя в залоговых правоотношениях.

Если не углубляться и посмотреть поверхностно, «залог в силу ареста» не та классическая конструкция залога, которая всем нам известна. Все потому, что судебный акт не указывается в перечне ст. 334.1 ГК — Основания возникновения залога. И на этом авторы разграничивают залог на основе п. 5 ст. 334 ГК и залог по договору.

Пункт 5 ст. 334 ГК ставит в один ряд кредитора, который обладает правом залога вследствие наложения судом ареста и остальных (залоговых) кредиторов. К тому же Постановление Пленума не содержит разграничений между «материальным» и «процессуальным» залогом: «Если права и обязанности залогодержателей принадлежат нескольким лицам, то в силу пункта 1 статьи 342 ГК РФ требования залогодержателей удовлетворяются в порядке очередности, определяемой по дате, на которую соответствующий залог считается возникшим. Для ареста, наложенного судом или судебным приставом исполнителем, такой датой считается дата наложения ареста...».

Существуют мнения, что это всего лишь юридический прием и к регулированию отношений применяются права и обязанности залогодержателя, но полноценного права залога здесь не возникает. Это имеет принципиальную важность в одной только отрасли, но очень на сегодняшний день значительной — банкротство. Верховный Суд в 2017 году, рассмотрев дело о банкротстве не согласился с выводами судов предыдущих инстанций, которые посчитали, что кредиторы, приобретшие статус залоговых в силу судебного акта имеют такие же преимущества как и залоговые кредиторы. Как выделил сам суд, в основу решения легло толкование существа законодательного регулирования залога.

Такое положение дел должно быть регламентировано, во-первых для ясности, а во-вторых для недопущения злоупотребления правами. «Наделение правами и обязанностями залогодержателя» — это приравнивание к классической конструкции залога с правом следования

и так далее, но не то же самое. В данном случае кредитор не обладает преимуществами в процедурах банкротства.

Немало важно отметить момент наступления залога в силу ареста, потому что это юридический факт, затрагивающий права и обязанности иногда не только кредитора и должника, но и третьих лиц. Верховный Суд на этот счет высказался следующим образом: «Поскольку согласно п.5 ст.334 ГК считается, что права и обязанности залогодержателя предоставляются кредитору или иному управомоченному лицу только со дня вступления в силу решения суда, которым удовлетворены требования, обеспечивающиеся запретом, право на иск об обращении взыскания на арестованное имущество возникает не ранее указанного дня».

Вопрос состоит в том, автоматически возникает такой «залог» или только после совершения сделки, которая нарушает права кредитора? А если сделки, отчуждающей имущество не было, значит и залог как таковой не существовал?

На самом деле залог в силу ареста возникает в тех случаях, когда ответчик, предприняв неправомерные действия по его отчуждению, заключил сделку с третьим лицом по отчуждению заложенного имущества. Судебный акт не может создавать материальные последствия и это важный аспект в соотношении «права» и «процесса».

Мною до сих пор не были отмечены причины таких изменений, а ведь это немало важно — понять вектор мысли лиц, создающих и трактующих закон. Совершение сделок — это основа всего гражданского оборота, которая подобно шестеренкам в системе гражданского права. Каждый раз признавать сделки недействительными, значит останавливать ход такой системы. Раньше заключенная под судебным запретом сделка была бы признана недействительной, но теперь кредитор становится почти залогодержателем в отношении имущества, которое было передано по этой сделке, а имущество уходит в имущественный оборот. И отсюда вывод: арестантский залог не возникает в момент принятия судом обеспечительных мер, он возникает в момент когда такое имущество было отчуждено. А если имущество так и осталось у должника, следовательно, ни о каком залоге речи быть не может.

Сделки, совершенные под судебным запретом, как мне видится, нужно признавать недействительными и такое решение сократит количество обращений кредиторов в суд, а также ситуаций, при которых кредитор не может получить свое имущество, так как оно приобрете-

но добросовестным покупателем. Здесь нарушается идея обеспечительных мер — сделать судебное решение исполнимым. В заключении:

1. В соответствии с разъяснениями Верховного Суда сделка, совершенная под запретом (ст. 174.1) считается действительной, что, по моему мнению, дает должнику возможность злоупотребить правом.

2. Кредитор, имеющий право залога в силу ареста не имеет преимуществ перед другими кредиторами и не обладает правами залогового кредитора в силу договора;

3. Залог из ареста не обладает свойством автоматизма и возникает только в том случае, если должник неправомерно распорядился имуществом, на которое наложен арест.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Костко В.С. Запрет на распоряжение имуществом как способ обеспечения требований: соотношение п. 2 ст. 174.1 и п. 5 ст. 334 ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 4. С. 132–144.

2. Шварц М.З. К вопросу о так называемом арестантском залоге // Информационно-аналитический журнал «Арбитражные споры». 2017. № 2. С. 109–124.

3. Карапетов А.Г. — Залог в силу ареста: попытаемся разобраться с некоторыми спорными вопросами [Электронный ресурс]. — URL: https://zakon.ru/blog/2016/3/9/zalog_v_silu_aresta_popytaemsa_razobratsya_s_nekotorymi_spornymi_voprosami

УДК 351/354

Научная специальность — 12.00.03

Анастасия Владимировна Маслюк

Артём Дмитриевич Макаров

Факультет управления СПбГЭУ

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА, ЗНАЧЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ РАСЧЕТНЫХ И КРЕДИТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Доходы населения уменьшаясь, негативно влияют и на уровень платежеспособности населения. В связи с этим активному развитию подалась сфера кредитования и ссудирования — важные институты гражданского права. Ученым они известны хоть и давно, но их активное развитие началось совсем недавно и продолжается по сей день. В большей степени это относится к кредитному договору. К его помощи люди прибегают в том случае, когда они не готовы для

приобретения желаемой дорогостоящей покупки единовременно тратить крупные суммы денег. Здесь велика роль психологического воздействия. Люди берут кредит и могут чувствовать себя богаче, потому как есть возможность приобрести то, что они хотят. Они чувствуют, что живут не хуже, а, возможно, даже лучше других.

Часто люди путают договор займа с договором кредитным. Действительно, они схожи по смыслу, но разница заключается в том, что при кредите одна из сторон — банк, а при займе обе стороны не являются кредитными организациями.

Кредитные и расчетные отношения не обладают какой-либо самостоятельно экономической функцией, а лишь выполняют вспомогательную. Она заключается в том, что при ее осуществлении либо вообще не образуется новой стоимости (безналичные расчеты за товар), либо такая стоимость возникает в результате возврата денег с приращением (возмездный кредит). Но эти правоотношения существуют самостоятельно с юридической точки зрения, а не являются лишь дополнительными, формальными процессами товарообмена. Иногда их от самих актов обмена отделяют действительные стоимости. Это происходит из-за того, что при обмене товаров и услуг (ДКП, договоры аренды и т. п.) в сделку вступает банк или иная организация, которую рынок создал специально для проведения операций кредитования и безналичных платежей. При этом процесс становится более сложным и упорядоченным. Это позволяет говорить о наличии особых обязательств по кредитованию и расчетам, выделяя их в конкретные виды договорных правоотношений.

Специфика кредитных и расчетных правоотношений заключена в следующем:

1. Эти отношения имеют форму обязательств. Понятие «расчетные отношения» можно использовать равно, как и понятие «расчетные обязательства». Чаще всего они представляют собой некоторую последовательность сделок. При проведении операции выдачи кредита банком открывается счет, на него в дальнейшем поступают денежные средства, которые потом используются на определенные нужды.

2. Разные роли расчетно-кредитных обязательств в гражданском обороте. Они могут быть как предшествующим условием будущих операций, так и помощником в процессе передачи чего-либо от одного человека к другому при условии возврата (кредитовании и займа).

3. Расчетные и кредитные правоотношения являются денежными обязательствами. Если с должником что-то случается или он не имеет денег, чтоб вернуть долг, он не освобождается от исполнения обязательства, не перестает быть должником. Но в тот же момент предметом денежных обязательств являются деньги, а их оборот, согласно ст. 316, 317 ГК РФ, регулируется некоторыми правилами. Вообще, воздействует на расчетно-кредитные правоотношения как гражданский кодекс, так и законодательство валютное и финансовое. На их решения влияет состояние денежно-кредитной политики страны, уплата налогов и правильное формирование бюджета [1].

Кредитные обязательства характеризуются доверием управомоченного лица к должнику.

На данный момент по закону кредит различается на денежный и коммерческий.

Денежный кредит представляет собой договор, по которому осуществляется процесс выдачи кредита или займа. То есть денежные средства передаются должнику, а он за определенный период времени обязуется вернуть деньги или товаров на занятую сумму.

Коммерческий кредит является отсрочкой исполнения какой-либо обязанности по основному договору.

Таким образом, кредитное обязательство — гражданское правоотношение, при котором кредитор передает должнику некоторую сумму денег, которую потом последний обязан вернуть. Также существует в виде отсрочки выполнения обязательств, прописанных в договоре.

Расчетные правоотношения всегда тесно связаны с иными правоотношениями. На сегодняшний день большинство операций кредитования происходит через систему безналичных переводов, а не передачей денег наличных из рук в руки. При этом задействуется банк или другая кредитная организация в качестве финансового посредника.

В условиях современности всё чаще юристам стали поступать вопросы о законности повышенной процентной ставки.

Процент по кредиту — это денежная сумма, указанная в процентном выражении по отношению к сумме кредита, которую выплачивает получатель за пользование им в расчёте на определенный промежуток времени.

Для того, чтобы разобраться, почему ставка по кредиту так сильно отличается от ставки Центрального Банка России, необходимо понять, как проходит процедура кредитования:

Для начала Вы лично или онлайн отправляете заявку на получение кредита. После рассмотрения и одобрения Вашей заявки происходит оформление соглашения о кредитовании. Затем в конце концов заёмщику выдается кредит. (см. рис. 1)

Мало кто задумывается, откуда у банка, в который Вы обращаетесь, есть возможность выдать Вам кредит.

Стоит обратить внимание на то, что в целом из себя представляет стоимость кредита. Стоимость кредита — это общая сумма затрат банка на получение средств, включая риски невозврата и прочие расходы.

Для того, чтобы банк мог выдать кредит, организации необходимо самим взять кредит у Центрального Банка под ключевую ставку. На сегодняшний день ставка рефинансирования в России составляет 6.0% (процентов). Именно этот ежегодный процент банковская организация выплачивает ЦБ РФ. Конечно, банк оформляет страхование займа (кредита). Страхование является надбавкой к стоимости кредита в размере от 1 до 3 процентов. В свою очередь это влияет на конечную стоимость кредита.

Изучим данную проблему на конкретном примере. Банковская организация берет кредит у Центрального Банка РФ под 6% (процентов) [5]. К данной стоимости добавляется цена оформления страховки, равная примерно 2% (процентам). Из оставшихся средств значительно небольшая сумма используется для покрытия рисков невозврата, а всё остальное — прибыль банка. Учитывая среднюю ставку потребительского кредита организации «Сбербанк», которая в 2020 году составляет 16%, и посчитав, можно прийти к выводу, что почти 8% (процентов) является прибылью банка от общей суммы кредита, ведь лишь малая часть используется для покрытия рисков невозврата [1].

Ставка по кредиту становится выше с каждым годом. Почему? Существует несколько причин. Ставка рефинансирования полностью зависит от инфляции, это 6%, которые заложены в рост цен, а соответственно и во все кредиты — ведь каждый год деньги дешевеют на эту величину.

Также к причинам высокой процентной ставки можно отнести коррупцию. К сожалению, от нее, как и от инфляции, никуда не деться [4].

Не менее важная причина — это высокие кредитные риски. Процент невозврата по потребительскому кредиту достигает практически 30% (процентов). Это вытекает из низкой платёжеспособности население

ния. В свою очередь это приводит к неофициальной трудоустроенности, за которую люди получают так называемую «серую заработную плату».

Низкий уровень конкуренции в банковской сфере тоже является одной из причин высокой процентной ставки. Банковским сектором по большей части управляют несколько ведущих банков. Доля 20 крупнейших российских банков в совокупных активах банковской системы составляет ровно две трети, из которых 50% принадлежат шести крупнейшим банкам, контролируемым государством: Сбербанку, ВТБ, Газпромбанку, Россельхозбанку, ВТБ24, Банку Москвы. На рынке корпоративных кредитов доля пяти крупнейших государственных банков еще выше: около 58%, из которых более трети — Сбербанк. Ответ, на возникающий у многих людей вопрос о законности повышенной процентной ставки однозначен. Повышение ставки обоснованно и законно.

Если обратиться к закону в статье 29 «О банках и банковской деятельности» написано следующее: «Кредитная организация не имеет права в одностороннем порядке изменять процентные ставки по кредитам и (или) порядок их определения» [3].

О невозможности изменений банком параметров кредитования говорится и в 310 ст. ГК РФ. «Односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение его условий не допускаются» — ни ставка по ссуде, ни другие условия погашения не могут меняться одной стороной сделки [3].

Закон «О потребительском кредите» в ст. 9 уточняет, что процентная ставка может быть как постоянной, так и зависящей от переменной величины.

Вопрос о законности возникает только потому, что сотрудники банка не могут дать конкретных ответов на вопрос потребителей. Во время проведения исследования авторы работы во многих банках слышали фразу с примерно одинаковым смыслом: «Высокая процентная ставка необходима для покрытия непредвиденных расходов банка».

Проблема кредитования стала достаточно серьёзной в современном мире. Всё чаще банки сталкиваются с тем, что человек не может выплатить кредит, который брал.

К сожалению, проводя исследования авторы выяснили, что многие банки плохо проверяют документы необходимые для получения кредита.

Для получения кредита до 300 000 рублей (при условии соответствия портрету клиента Банка) Вам потребуются следующие документы [6]:

1. Действующий паспорт гражданина РФ

2. Второй документ, подтверждающий Вашу личность (не всегда):

- Водительское удостоверение
- Загранпаспорт
- Свидетельство ИНН
- СНИЛС
- Военный билет
- Пенсионное удостоверение

Но, как правило, всё индивидуально и зависит от Вашего кредитного рейтинга

Для получения кредита от 300 000 рублей Вам потребуется следующий пакет документов[6]:

Действующий паспорт гражданина РФ

Второй документ, подтверждающий Вашу личность (перечень см. выше)

Копия трудовой книжки, заверенная работодателем

Военный билет (для мужчин младше 27 лет)

Документ подтверждающий доход:

Справка о доходах по форме Банка или по форме 2-НДФЛ

Справка о размере назначенной/выплаченной пенсии, выданная уполномоченным органом, и справка из НПФ при наличии (для неработающих пенсионеров)

Справка о пожизненном содержании судей (для судей в отставке)

Помимо этого, авторы признают необходимым не выдавать кредит, если заработная плата заёмщика не превышает уровень прожиточного минимума. Так же считаем необходимым, чтобы банки самостоятельно тщательнее проверяли достоверность документов, предоставляемых банку. Однако, авторы считают, что процентная ставка в банке должна быть ниже, предлагают на законодательном уровне внести на нее ограничения. То есть необходимо ввести закон о том, чтобы процентная ставка банка отличалась от ключевой ставки Центрального Банка не более чем на 6%(процентов). На наш взгляд именно эти меры позволят исполнить одно из главных функций кредитования — дать возможность полноценно жить, даже в трудной финансовой ситуации.

На сегодняшний день в Российской системе кредитования существуют важные проблемы. Каждая из упомянутых в данной статье требует скорейшего решения.

Делая общий вывод, можно сказать о том, что проблемы кредитования в РФ очень остро стоят на сегодняшний день, каждая выделен-

ная нами группа проблем имеет взаимосвязь друг с другом и требует скорейшего решения. Необходимо подходить к решению проблем комплексно, ведь развитие данного рынка зависит не только от государства, но и от каждого его участника, в том числе заемщиков.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Крюков, Р. В. Банковское дело и кредитование / Р.В. Крюков. — М.: А-Приор, 2018.
2. Лаврушин, О. И. Банковское дело. Современная система кредитования / О.И. Лаврушин, О.Н. Афанасьева, С.Л. Корниенко. — М.: КноРус, 2017.
3. Самодурова, Н. В. Всемирный банк: кредитование экономики / Н.В. Самодурова. — М.: Финансы и статистика, 2017.
4. Щегорцов, В. А. Деньги, кредит, банки / В.А. Щегорцов, В.А. Таран. — М.: Юнити-Дана, 2019.
5. Ставка рефинансирования ЦБ РФ на сегодня в 2020 году таблица [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.26-2.ru/art/355149-stavka-refinansirovaniya-tsb-rf-na-segodnya-v-2020-godu-tablitsa> (дата обращения 20.04.2020).
6. Этапы оформления кредита и требования банков [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vsyokartemir.ru/banki-i-kredity/etapy-oformleniya-kredita-i-trebovaniya-bankov/> (дата обращения 17.01.2019).

УДК 349.4

Научная специальность — 12.00.06

Алексей Сергеевич Наталенко

Институт магистратуры СПбГЭУ

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬ В ОХРАННЫХ ЗОНАХ МАГИСТРАЛЬНЫХ ТРУБОПРОВОДОВ

По некоторым данным на сегодняшний день количество магистральных трубопроводов располагаемых на территории Российской Федерации настолько велико, что их общая протяженность превышает 250 тысяч километров, а доля трубопроводного транспорта в грузообороте всей транспортной системы России составляет более 45%. Безусловно, тема регулирования отношений связанных с наличием трубопроводного транспорта на сегодняшний день актуальна.

Исследование темы по большей части основывается на анализе судебной практики и изучении норм, регулирующих исследуемые

отношения. Относительно небольшое количество литературы по теме объясняется тем, что проблемы, возникающие при использовании земель в охранных зонах магистральных трубопроводов, относятся к проблемам практической юриспруденции, и до настоящего момента системно и целно не рассматривались в доктрине в качестве самостоятельного предмета исследования.

Для достижения целей исследования — определения наиболее распространённых правовых проблем, связанных с нарушением допустимого использования земель в охранных зонах магистральных трубопроводов, а также формулирования предложений по устранению указанных проблем являются необходимыми: изучение и анализ судебной практики, определение наиболее часто встречающихся категорий судебных дел связанных с темой исследования, обзор нормативно-правовых актов, регулирующих указанные отношения.

При исследовании темы использовались универсальные методы научного познания, такие как анализ и синтез.

В современности нередкими являются случаи предъявления требований собственниками трубопроводного транспорта к физическим лицам о сносе возведенных ими ранее сооружений или строений в нарушение требований к возведению таких строений или сооружений. Права собственников земель, находящихся в охранных зонах с пролегающими магистральными трубопроводами, а также зонах минимально допустимых расстояний, сильно ограничиваются Правилами охраны магистральных трубопроводов от 1992 года. Так, в подп. «а» п. 4.4 устанавливается: «В охранных зонах трубопроводов без письменного разрешения предприятий трубопроводного транспорта запрещается возводить любые постройки и сооружения...»*. Подпунктом 1 п. 2 ст. 56 Земельного Кодекса РФ устанавливается: «Могут устанавливаться следующие ограничения прав на землю: ограничения использования земельных участков в зонах с особыми условиями использования территорий...»**. Так же регулирование осуществляется строительными нормами и правилами, утверждаемыми перед началом строительства очередного магистрального трубопровода. Если нормы Земельного кодекса и даже Правил охраны магистральных трубопроводов доступны добросовестным собственникам земельных участков

---

* Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 года №136-ФЗ.

** Правила охраны магистральных трубопроводов (утверждены постановлением Госгортехнадзора Российской Федерации от 24 апреля 1992 года № 9)

при планировании строительства сооружений, то строительные нормы и правила, предназначенные для собственников трубопроводного транспорта, физическими лицами, желающими возвести постройку, обычно не изучаются, а зачастую об их наличии они и не подозревают.

Земельный кодекс и Правила охраны магистральных трубопроводов регулируют запреты связанные с использованием земельных участков в охранных зонах (до 25 метров от трубопровода), но эти требования в подавляющем большинстве и не нарушаются гражданами желающими возвести сооружение. Судебные споры возникают как следствие нарушений строительных норм и правил не допускающих строительство в так называемых зонах минимально допустимых расстояний (более 25 метров). Как отмечали В.О. Шумилина и О.В. Шумилин: «остаётся открытым вопрос о раскрытии информации о таких расстояниях в государственных реестрах, содержащих сведения об объектах недвижимости и ограничениях права, действующих в отношении объектов» [2].

Таким образом отсутствует законодательно установленный запрет, позволяющий избежать последующего сноса добросовестным собственникам земельных участков. Однако, не смотря на неоднозначность недобросовестного поведения граждан, желающих возвести постройку, и в связи с опасностью таких трубопроводов в результате сложившейся судебной практики такие дела зачастую заканчиваются удовлетворением требований заявителя в полном объеме и собственники неправомерно возведенных сооружений вынуждены сносить их за свой счет. Включающие в себя такие требования судебные дела представляется возможным выделить в отдельную категорию дел.

Ко второй категории дел относятся дела связанные с последующим обращением физических лиц к крупным организациям, владеющим трубопроводным транспортом, с требованием о компенсации убытков, понесённых в связи с принятием судебными органами решений, и последующим сносом таких строений. В данной категории, как правило, суды встают на сторону организаций использующих трубопроводный транспорт, так как единичны случаи правомерности действий заявителя и расходы, понесенные при сносе неправомерно возведенных строений, ложатся на него. Как верно отмечает Корякин В.И.: «Законодательство Российской Федерации, в том числе подзаконные акты, нуждаются как в актуализации с учетом современных условий размещения и эксплуатации линейных объектов, так и в юридической

систематизации разграничения полномочий органов государственной власти и органов местного самоуправления не только в части принятия решений об установлении границ охранных зон линейных объектов, но и в части контроля за использованием земельных участков в таких границах и ответственности лиц, нарушающих правовой режим таких земельных участков» [1].

Вероятно, необходимо предложить создание нормативно-правового акта законодательно устанавливающего регулирование использования земель еще и в зонах минимально допустимых расстояний. Это позволило бы избежать таких споров с участием добросовестных собственников земельных участков, либо свести их к минимуму.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES:

1. Корякин В.И. Новое в правовом регулировании размещения линейных объектов // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2016. № 6. С. 17–31.

2. Шумилина В.О., Шумилин О.В. Проблемы определения правовой природы зон запрета строительства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 3. С. 87–97.

УДК 347.4

Научная специальность — 12.00.03

Айкануш Жораевна Нерсиян

Юридическая школа

ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»

АБОНЕНТСКИЙ ДОГОВОР: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Актуальность исследования абонентского договора объясняется широкой распространенностью его в самых различных сферах, а также возникающими проблемами в ходе его исполнения. В статье будут рассмотрены приоритетные направления развития права по вопросу исполнения обязательств в абонентском договоре, нормы действующего законодательства, регулирующие обязанности исполнителя по абонентскому договору, юридическая практика реализации абонентского договора исполнителем, а также предлагаются пути совершенствования законодательства об абонентском договоре.

Количество возможных договорных конструкций для заключения отдельных поименованных договоров было увеличено в связи с принятием Федерального закона от 25.02.2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации». Наряду с классическими конструкциями публичного и предварительного договоров, а также договоров присоединения и в пользу третьего лица, законодатель предусмотрел модель договора с исполнением по требованию или абонентского договора, предоставляющую возможность оформлять обязательственные отношения, которые возникают, например, из договора подряда, поставки и др. Примерами такого применения могут быть договоры по предоставлению сотовой связи, интернета, кабельного телевидения, при приобретении абонентов в тренажерные залы, бассейны, спортклубы и т. д.

В соответствии с п.1 ст. 429.4 ГК содержание абонентского договора составляют две корреспондирующие обязанности сторон. Сущность первой из них состоит во внесении абонентом определенного предоставления. Вторая обязанность предполагает осуществление противоположной стороной исполнения на тех условиях, которые будут определены абонентом. При этом объем и срок встречного исполнения противоположной стороны определяется абонентом самостоятельно (к примеру, выбрать нужный тарифный план при заключении договора с оператором сотовой сети), а также может такой выбор не осуществлять (приобретение абонента в спортивный клуб).

Таким образом, противоположная сторона при заключении договора не знает, в каком объеме потребуется исполнить долг и будет ли такое исполнение эквивалентным предоставлению абонента. Поэтому, в данном случае имеет место элемент риска на стороне исполнителя. К тому же, выполнить свое обязательство абонент будет вынужден, уже вне зависимости от того, запрошено встречное предоставление или нет. Закономерно возникают проблемы практической реализации абонентского договора, и одной из таких проблем является ненадлежащее исполнение своих обязательств со стороны исполнителя. Так, по договорам возмездного оказания услуг (не охватывающих конструкцию абонентского договора) заказчику гораздо проще проконтролировать качество оказываемых услуг, особенно если услуга оказывается разово или, если услуги оказываются систематически, но каждая услуга принимается заказчиком.

В случаях заключения абонентского договора, например, с операторами связи, предоставляющими телекоммуникационные услуги, в ситуации ненадлежащего исполнения обязательства, которое может быть выражено в перебоях связи от нескольких часов до суток, абоненту достаточно сложно бывает реализовать свои права. В одних договорах содержится положение о том, что внесенные платежи за месяц, в котором произошло приостановление или прекращение оказания услуги, не компенсируются. В других — исполнитель либо не включает в договор условия о снижении абонентской платы на данный период, либо соглашается ее снизить в результате переговоров, но суммы, предлагаемые в этом случае, столь незначительны, что не восполняют убытков абонентов, не говоря уже о моральном вреде (это может быть невыполненная в срок работа при отсутствии связи в сети «Интернет», невозможность получения заказов при работе на дому, невозможность осуществить платежи и т. д.). В проанализированных абонентских договорах телекоммуникационных компаний указывается, что ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств исполнитель будет нести только при наличии вины.

Представляется, что это положение договора ставит абонента — физическое лицо в затруднительное положение. Таким примером может быть ситуация, когда на несколько праздничных дней компания, оказывающая интернет услуги и услуги кабельного телевидения, прекратила свою работу, объяснив абонентам, что из-за морозов поврежден кабель и вины компании в этом нет. Только проведение экспертизы может подтвердить или опровергнуть заявление компании, абонентам же было предложено снижение абонентской платы лишь на сто рублей [3, с. 80].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что новеллы ст. 429.4 ГК, в первую очередь, направлены на защиту исполнителя в абонентском договоре. Если можно согласиться с той позицией, что абонент вносит платежи вне зависимости от того, появится ли у него необходимость воспользоваться впоследствии данными услугами или нет, то ситуации, когда абоненту оказаны услуги ненадлежащего качества либо не в полной мере, либо он в целом не имеет возможности воспользоваться своим правом на предоставление услуги по причине действия или бездействия исполнителя, представляются как нарушение прав абонента, что требует дальнейшего ис-

следования рассматриваемой проблемы реализации абонентского договора и разработки гарантий законодателем не только для исполнителя, но и для абонента.

Рассматривая обязанности исполнителя по абонентскому договору, следует отметить, что в общем сам абонентский договор стал результатом реформы гражданского законодательства России, в частности, в сфере договорного права в рамках такой подотрасли, как обязательственное право [4, с. 84].

Статья 429.4 ГК по сути лишь выделяет признаки абонентского договора и законодательно его признает. Такую категорию, как «абонент» рассматривает и Федеральный закон от 07.07.2003 г. № 126-ФЗ «О связи», также, при реализации абонентского договора может быть применен Закон РФ от 07.02.1992 г. № 2300–1 «О защите прав потребителей».

Исходя из этого можно заключить, что сам абонентский договор регулируется исключительно гражданским правом, а обязанности исполнителя законодательно не закреплены, следовательно, в данном случае применяется принцип свободы договора, и все условия устанавливаются и согласовываются контрагентами.

Рассматривая правовую регламентацию абонентского договора в целом можно отметить, что он упоминается исключительно в ГК в ст. 429.4. Нормы данной статьи только раскрывают суть абонентского договора и устанавливают, что «Договором с исполнением по требованию (абонентским договором) признается договор, предусматривающий внесение одной из сторон (абонентом) определенных, в том числе периодических, платежей или иного предоставления за право требовать от другой стороны (исполнителя) предоставления, предусмотренного договором исполнения в затребованных количестве или объеме, либо на иных условиях, определяемых абонентом. Абонент обязан вносить платежи или предоставлять иное исполнение по абонентскому договору независимо от того, было ли затребовано им соответствующее исполнение от исполнителя, если иное не предусмотрено законом или договором».

Как справедливо отмечает С.А. Степанов, смысловая и юридическая нагрузка в легальном определении договора с исполнением по требованию приходится на слова «за право требовать». Экономический интерес абонента заключается, собственно, не в самом предоставлении, а в праве требовать таковое. Обязанности исполнителя, таким

образом, заранее точно не определены, равно как и вероятность (и объем) его предоставления[5, с. 398]. Несмотря на то, что сами обязанности исполнителя будут определены абонентским договором, в гражданском законодательстве отсутствует указание именно на обязанность исполнителя выполнить взятые на себя обязательства, а отмечается лишь право абонента требовать исполнения условий договора.

В свою очередь, Е.Е. Богданова констатирует, что вместе с этим, ст. 429.4. ГК также не содержит и специальные положения, которые были бы направлены на защиту абонента в случае невыполнения или ненадлежащего выполнения контрагентом условий договора [2, с. 309]. Соглашаясь с ее мнением, следует отметить, что априори абоненту важно не само обладание правом требовать исполнения, а именно реализация данного права, к примеру, получить услуги в срок и надлежащего качества.

Проблема определения объема обязанностей исполнителя по абонентскому договору коротко упоминается и в п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора», в котором указывается только возможность определения в самом абонентском договоре верхнего предела объема исполнения, затребованного со стороны абонента.

Если абонентом является физическое лицо, имеющее намерение заказать или приобрести либо заказывающее, приобретающее или использующее товары, работы или услуги исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, то кроме норм ГК РФ об абонентском договоре применяются и нормы Закона РФ от 07.02.1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей». Таким образом, правовая регламентация реализации абонентского договора в настоящее время еще недостаточна.

Можно заключить, что ст. 429.4, внесенная в ГК в 2015 году, лишь легализовала сложившуюся договорную практику, избавив правоприменителя от необходимости интерпретаций общих правил о договоре и общих правил соглашений об оказании возмездных услуг.

Согласно проведенному анализу реализации абонентского договора на практике, а именно в части ненадлежащего исполнения своих обязательств со стороны исполнителя, можно констатировать, что на

уровне правоприменительной, судебной и законодательной практики указанный вопрос недостаточно регламентирован. Основную часть судебных разбирательств составляет вопрос исключительно расторжения абонентского договора по инициативе абонента и возвращение платежей, уплаченных по договору. Причиной подачи искового заявления в суд является отсутствие необходимости у абонента пользоваться услугами исполнителя, либо когда абонент ни разу не использовал свое право воспользоваться услугами исполнителя в течение действия абонентского договора. Условия договора также могут быть основанием возникновения судебных споров по реализации абонентского договора, к примеру, зачастую в договор исполнитель включает пункт, согласно которому расторжение договора возможно, однако уплаченные абонентские платежи самому абоненту возвращению не подлежат. Также, судебные споры возникают, если исполнитель соглашается с расторжением договора, но отказывается вернуть уплаченные по договору денежные средства. Такие ситуации, к примеру, были рассмотрены Железнодорожным районным судом г. о. Самары, Ленинским районным судом г. Тюмени, Сыктывкарским городским судом Республики Коми и т. д.

В соответствии с решениями судов:

- признается недействительным пункт абонентского договора, включенным исполнителем о невозвращении неиспользованного остатка денежных средств абоненту (Решение Ленинского районного суда г. Тюмени от 20.11.2017 № 2-9152/2017 2-9152/2017~М-8777/2017 М-8777/2017 по делу № 2-9152/2017);
- абонент имеет право взыскать компенсацию морального вреда (Решение Железнодорожного районного суда г.о. Самара от 11.10.2018 № 2-2289/2018 2-2289/2018~М-2077/2018 М-2077/2018 по делу № 2-2289/2018);
- на абонентский договор распространяются нормы Закона РФ от 07.02.1992 г. № 2300—1 «О защите прав потребителей», если абонентом является физическое лицо, которое использует услуги исполнителя в своих личных целях. В связи с чем абонент, на основании ст. 32 указанного закона, может отказаться от исполнения договора о выполнении работ (оказании услуг) в любое время, при соблюдении одного условия — оплаты исполнителю понесенных им фактических расходов, которые непосредственно были связаны с исполнением обязательств,

и потребовать возвращение неиспользованного остатка денежных средств, поскольку иначе действия исполнителя будут противоречить закону и будут способствовать его неосновательному обогащению за счет средств абонента (Решение Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 12.02.2018 № 2-1428/2018 2-1428/2018 ~ М-10968/2017 М-10968/2017 по делу № 2-1428/2018).

По вопросу ненадлежащего исполнения обязательств со стороны исполнителя по абонентскому договору можно отметить лишь Определение Верховного Суда РФ от 21.08.2019 г. № 305—ЭС19—10906 по делу № А40—83386/2018, в котором указано, что «...оснований для вывода о ненадлежащем исполнении договора ответчиком не имеется...».

Отдельно стоит отметить, что, согласно данным таких правовых сайтов, как «Система обеспечения законодательной деятельности», «Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации», «КонсультантПлюс», в настоящее время отсутствуют принимаемые или разрабатываемые законодательные проекты по вопросу реализации абонентского договора в части исполнения обязательств со стороны исполнителя.

Итак, подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что практика реализации абонентского договора со стороны исполнителя на сегодняшний день многочисленны трудности. Представляется, что это, прежде всего, связано с тем, что легализация абонентского договора в гражданском праве произошла относительно недавно.

Как уже было отмечено ранее, абонентский договор в своем большинстве применяется в сфере телекоммуникационных услуг, где абонентские платежи небольшие, в связи с чем, даже при наличии кратковременного некачественного предоставления услуг (перебой связи, снижение скорости интернета и т. д.) абонент не станет обращаться в суд, а продолжит пользоваться абонентским договором, либо решит вопрос в досудебном порядке напрямую с исполнителем — это вторая причина отсутствия судебной практики по исполнению обязательств со стороны исполнителя абонентского договора.

Ненадлежащее исполнение своих обязательств со стороны исполнителя в абонентском договоре, безусловно, является существенной проблемой в реализации анализируемого вида гражданского договора, что требует дальнейшего исследования и совершенствования на за-

конодательном уровне. Представляется, что для более эффективного функционирования института реализации абонентского договора со стороны исполнителя следует в гражданском законодательстве предусмотреть специальные положения, направленные на защиту абонентов при условии невыполнения или ненадлежащего выполнения контрагентом условий договора, к примеру, установить право абонента в таком случае отказаться от внесения платежей или предоставления иного исполнения.

Целесообразно установить также имущественную ответственность исполнителя за ненадлежащее исполнение своих обязательств. К примеру, в настоящее время все виды трудовой деятельности все больше развиваются именно в интернет-направлениях, для граждан предусмотрены также удаленные и надомные профессии. Например, в ситуации, когда услуги Интернет-провайдера будут предоставлены ненадлежащим образом либо не предоставлены вообще, гражданин может понести убытки по причине вынужденной приостановки своей профессиональной деятельности. Представляется, что именно исполнитель должен возместить подобного рода ущерб.

Не вызывает никаких сомнений тот факт, что конструкция абонентского договора, требует детального научного анализа. В теории гражданского права высказаны мнения, к примеру, А. Алиевым [1, с. 34], что законодатель поступил правильно, не указав детали, а ограничившись лишь констатацией возможности такой конструкции. Тем не менее, появление данной нормы в ГК РФ должно способствовать проведению научных исследований по вопросу деталей функционирования данного института, и как результат — формированию более проработанной доктрины абонентского договора, в частности, сформировать положения, регламентирующие обязанности исполнителя по абонентскому договору.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Алиев А., Бекен А.Т. Абонентский договор в контексте имплементации отдельных положений Английского и Европейского права в гражданское законодательство Республики Казахстан // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2018. № 1 (50). С. 34–39.
2. Богданова Е.Е. Реформа обязательственного права России: проблемы и перспективы: монография. Проспект, 2018.
3. Иванова С.Г. Абонентский договор: новый договор гражданского права? // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 1. С. 77–82.

4. Почтарь Т.М. Реформа гражданского законодательства в России и классификация гражданско-правовых договоров: вопросы нормативно–правовой необходимости // Вестник Коломенского института (филиала) Московского политехнического университета. Серия: социально–гуманитарные науки. 2017. № 12. С. 84–95.

5. Степанов С.А. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (учебно-практический) к ч. 1. 5-е издание. Издательство «Проспект», 2015.

УДК 347.2/.3

Научная специальность — 12.00.15

Наталья Андреевна Носова

Институт магистратуры СПбГЭУ

ЗАЩИТА ПРАВА НА ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ПАЙ

Успешность российской экономики тесно связана с развитием инвестиционной деятельности внутри страны, ведь инвестирование граждан — это лучший способ привлечения дополнительных финансовых ресурсов для государства. Соответственно, крайне важно следить за поддержанием привлекательности отрасли инвестирования, отслеживать возникновение препятствий ее развитию, а также стимулировать ее укрепление.

Актуальность темы также обусловлена популярностью бездокументарной формы ценных бумаг, нарастающая с каждым днем в связи с прогрессивным развитием технологий, из-за которого ухудшается правовое регулирование видов деятельности, связанных с такой формой ценных бумаг.

На данный момент несовершенство правового регулирования защиты владельцев инвестиционных паев связано с новыми видами мошенничества и иных преступлений, основанных на использовании системы учета прав на бездокументарные ценные бумаги в своих целях.

До 2013 года несмотря на то, что бездокументарные ценные бумаги не обладают индивидуально-определенными признаками, судебная практика признавала их вещами, которые определены родовыми признаками, и на которые распространяются вещные отношения (п. 7, Информационное письмо ВАС РФ от 21.04.1998 № 33), соответственно, несмотря на их бестелесность, бездокументарные ценные бумаги виндицировались по ст. 301, 302 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее — ГК), как и вещи в натуре, что вызывало противо-

речия в юридической литературе, анализировавшей природу бездокументарных ценных бумаг.

Так, для того, чтобы теории и практики юридической науки пришли к консенсусу в том, что несмотря на отсутствие материальной оболочки такой бумаги, ее владелец все равно обладает имущественным вещным правом на нее, в редакции ГК 2013 года был предусмотрен отдельный механизм защиты владельцев бездокументарных ценных бумаг (ст.149.3 ГК), отчасти похожий на вещно-правовой способ защиты. В соответствии со ст.128 ГК редакции 2013 года бездокументарные ценные бумаги стали относиться к иному имуществу, а именно имущественным правам, согласно абз.2 п.1 ст. 142 ГК такие бумаги теперь признаются обязательственными и иными правами, которые закреплены в решении о выпуске, соответственно, законодатель отказался от признания таких бумаг индивидуально-определенными либо родовыми вещами, и нормы вещных прав к ним применяться не должны.

В связи с выше указанными обстоятельствами условия предъявления иска по истребованию бездокументарных ценных бумаг из незаконного владения схожи с условиями предъявления виндикационного иска, но не совпадают с ними.

Проведем сравнительный анализ условий предъявления виндикационного иска и иска об истребовании бездокументарных ценных бумаг.

1) В первом случае истребуется индивидуально-определенная вещь, а при истребовании бездокументарных ценных бумаг истребуются права;

2) при виндикации существует условие выбытия вещи из фактического владения собственника, а при истребовании бумаг — условие списания прав с лицевого счета законного правообладателя;

3) объектом истребования при виндикационном иске является утраченная вещь в натуре, а при истребовании бездокументарных ценных бумаг — такое же количество утраченных ценных бумаг;

4) необходимым условием предъявления иска о виндикации является нахождение вещи во владении у ответчика, которого нет в новом механизме по истребованию бездокументарных ценных бумаг, поскольку в последнем случае ответчиком является то лицо, которому было зачислено утраченное количество ценных бумаг независимо от того, находятся ли они в данный момент на его счету.

Главной проблемой истребования бездокументарных ценных бумаг является трудно достижимое подтверждение правообладания по причине отсутствия письменных или электронных доказательств, в силу формы выше указанных ценных бумаг, однако в случае с инвестиционным паем мы имеем на руках договор доверительного управления (далее — ДУ), подтверждающий наличие прав на паи. Договор ДУ выдается на руки инвестору при открытии индивидуального инвестиционного счета или же лицевого счета в реестре, когда тот решает приобрести паи, также при покупке и погашении паев у инвестора на руках остается выписка из реестра, а при продаже паев на вторичном рынке у пайщика должен остаться на руках договор купли-продажи. Все выше перечисленные документы будут являться доказательствами законного правообладания истца в деле об истребовании инвестиционных паев.

В соответствии с п. 6 ст. 143 ГК, к бездокументарным ценным бумагам, права на которые устанавливаются по записям в реестре, применяются нормы об именных документарных ценных бумагах. Так, согласно п. 4 ст. 147.3 ГК, при истребовании бездокументарных ценных бумаг суд выясняет неправомерность действий, приведших к списанию, соответственно, в первую очередь суд выясняет, какие действия привели к списанию. Такая последовательность рассмотрения дела об истребовании бездокументарных ценных бумаг является основным отличием в сравнении с рассмотрением дела о виндикации, а также лишает необходимости доказывать добросовестность и возмездность. В случае выяснения правомерности списания иск не удовлетворяется. При выяснении неправомерности списания, рассмотрение дела продолжается и суд, так же, как и при виндикации, анализирует добросовестность ответчика (приобретатель не знал и не мог знать о том, что чьи-то права нарушаются), и в случае его недобросовестности исковые требования подлежат удовлетворению без дальнейшего рассмотрения дела (ст. 303 ГК, п. 1 ст. 149.3 ГК). Выяснив, что ответчик является добросовестным приобретателем истребуемого имущества, суд выясняет, на какой основе они были получены, и, если имущество было приобретено безвозмездно, то исковые требования подлежат удовлетворению и дело закрывается (п. 1 ст. 302 ГК, абз. 3 п. 1 ст. 149.3 ГК). Например, в случае ошибки регистратора паевого инвестиционного фонда, в результате которой права, принадлежащие истцу, были переведены на лицевой счет ответчика.

При условии возмездного приобретения имущества добросовестным приобретателем суд выясняет способ выбытия его из владения (по воле, помимо воли) собственника (истца), однако данное условие характерно только для виндикации, поскольку в ст. 149.3 ГК ничего об этом нет, мы провели исследование последствий такой ситуации.

Выбыть из законного владения и возмездно попасть к добросовестному приобретателю инвестиционные паи могли по разным обстоятельствам, к таким относятся ошибка регистратора паевого инвестиционного фонда или же ошибка на организованных торгах, в результате которых паи переместились со счета истца на незаконном основании.

В соответствии с абз.2 п.1 ст. 149.3 ГК бездокументарные ценные бумаги, которые были приобретены на организованных торгах, истребованы быть не могут, однако в случае безвозмездного приобретения бездокументарных ценных бумаг у лица, которое не имело право на отчуждение, законный правообладатель имеет право на истребование этих ценных бумаг. Согласно п. 3 ст. 149.3 ГК законный правообладатель вправе требовать у лица, несущего перед ним ответственность за причиненные незаконным списанием убытки, приобретения таких же ценных бумаг или возмещения расходов, необходимых для их приобретения.

Таким образом, основным обстоятельством, подлежащим доказыванию со стороны истца по делу об истребовании бездокументарных ценных бумаг, является неправомерность выбытия спорных паев из владения законного правообладателя. А основным обстоятельством, подлежащим доказыванию, по делу о виндикации вещи является выбытие имущества помимо воли собственника. Согласно п. 1 ст. 302 ГК, истребоваться может имущество, приобретенное у лица, не имевшего права его отчуждать, похищенное, либо же выбывшее из владения другим путем помимо воли собственника. При непредоставлении истцом в обоих случаях достаточных доказательств, существует риск отказа в удовлетворении исковых требований.

Истребовав инвестиционный пай из незаконного владения, инвестор будет заинтересован в реализации обязательственных и иных прав по этой бумаге за период утраты, ведь лишившись имущественного права, владелец инвестиционного пая, как и любой другой ценной бумаги, лишается на этот период и прав, исходящих из нее.

При удовлетворении иска об истребовании инвестиционных паев, истцу зачисляется на счет такое же количество таких же ценных бумаг

(п. 1 ст.1 49.3 ГК, а в случае, когда списанные со счета правообладателя ценные бумаги были конвертированы в другие ценные бумаги, правообладатель вправе истребовать те ценные бумаги, в которые они были конвертированы (п. 2 ст. 149.3 ГК).

В том случае, когда у ответчика уже нет предмета истребования, виндикационный иск не удовлетворяется, поскольку он направлен на возврат собственнику той же самой вещи, что выбыла из владения. Однако, иск по истребованию бездокументарных ценных бумаг, направлен на восстановление прав. Соответственно, при отсутствии истребуемых неправомерно списанных паев на счете ответчика, их рыночная стоимость будет являться реальными убытками правообладателя, подлежащих выплате в установленные судом сроки.

Кроме того, истец, так же, как и при удовлетворении виндикационного иска, имеет право истребовать всё полученное по инвестиционному паю и возмещения убытков, однако в случае добросовестности приобретателя истец имеет право истребовать всё полученное по инвестиционному паю только с момента, когда добросовестный приобретатель должен был узнать о неправомерности своего владения (п. 5 ст. 147.1 ГК, ст. 303 ГК).

В качестве одного из универсальных способов защиты гражданских прав выступает возмещение убытков, которое более конкретно раскрывается в ст.15 ГК. В соответствии с данной статьей правообладатель вправе требовать у правонарушителя возмещения как реальных убытков (рыночная стоимость истребованных паев), так и упущенной выгоды (выплачиваемый доход по инвестиционному паю). Однако, реальные убытки возмещаются только в том случае, когда истребовать паи из незаконного владения не представляется возможным (если истребуемые паи смешались с паями, законным правообладателем которых является ответчик).

Истребовав инвестиционные паи из незаконного владения и прибегнув к такому способу защиты, как возмещение убытков, в случае уклонения ответчика от исполнения обязательств (ст. 395 ГК), правообладателю необходимо рассчитать процент, подлежащий возмещению за неправомерное пользование чужими денежными средствами. Из ст. 15 ГК можно сделать вывод, что сумма неправомерно используемых денежных средств представляет собой сумму реальных убытков и упущенной выгоды. Чтобы получить процент, подлежащий компенсации, необходимо сумму неправомерно используемых денежных средств

(сумма иска по истребованию паев и применению последствий их истребования) умножить на актуальную ключевую ставку, умножить на количество дней, начиная со дня, когда правонарушитель должен был узнать о своем обязательстве. Полученную сумму необходимо разделить на 365.

Так, допустим, со счета владельца инвестиционного пая мошенническим путем были списаны паи на сумму 15 000 рублей, за период владения паями мошенником доход по бумаге не выплачивался. Судом был удовлетворен иск об истребовании паев из незаконного владения, а также применении последствий такого истребования, однако в установленный судом срок мошенником обязательство исполнено не было. Последний срок исполнения обязательства по иску 12.01.2020. Проценты начисляются с 13.01. 2020 по 16.03.2020(дата искового заявления), что составило 63 дня. Актуальная ключевая ставка, установленная Банком России на март 2020 года, составляет 6%. Рассчитываем процент, подлежащий компенсации:

Соответственно, ответчику предстоит выплатить сумму иска по истребованию бездокументарных ценных бумаг (при условии, что паи не изымаются) и применению последствия истребования, а также 155 рублей за задержку.

Таким образом, наиболее эффективным способом защиты права собственности владельцев инвестиционных паев при актуальном законодательстве признается аналог виндикационного иска, содержащийся в ст.149.3 ГК РФ, совмещенный с иском о применении последствий истребования бездокументарных ценных бумаг, однако значительное влияние на исход дела оказывает способность истца доказать факт своего законного правообладания на момент выбытия паев из владения.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Абрамова Е.Н. Бездокументарная форма ценной бумаги // Хозяйство и право. 2015. № 5. офиц.сайт. Дата обращения: 25.02.2020.

2. Кукушкин А.А. Защита прав владельцев бездокументарных ценных бумаг в Российской Федерации // [Электронный ресурс] disserCat — электронная библиотека диссертаций Режим доступа URL: <https://www.dissercat.com/content/zashchita-prav-vladeltsev-bezdokumentarnykh-tsennykh-bumag-v-rossiiskoi-federatsii/read> Дата обращения: 25.02.2020.

3. Никитина А.А. Особенности защиты нарушенных прав владельцев бездокументарных ценных бумаг // [Электронный ресурс] ИЦПРОН Режим доступа URL: <http://>

izron.ru/articles/teoriya-i-praktika-sovremennoy-yuridicheskoy-nauki-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdunarodnoy/sektsiya-3-grazhdanskoe-pravo-predprinimatelskoe-pravo-semeynoe-pravo-mezhdunarodnoe-chastnoe-pravo/osobennosti-zashchity-narushennykh-prav-vladeltsev-bezdokumentarnykh-tsennykh-bumag/ Дата обращения: 25.02.2020.

4. Рябова А.Ю. Мошенничество на рынке ценных бумаг // [Электронный ресурс] КиберЛенинка Режим доступа URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moshennichestvo-na-gynke-tsennykh-bumag/viewer> Дата обращения: 25.02.2020.

5. Увакина Т.В. Охрана и защита прав на бездокументарные акции в Российской Федерации // [Электронный ресурс] disserCat — электронная библиотека диссертаций Режим доступа URL: <https://www.dissercat.com/content/okhrana-i-zashchita-prav-na-bezdokumentarnye-aktsii-v-rossiiskoi-federatsii> Дата обращения: 25.02.2020.

УДК 347

Научная специальность — 12.00.03

Павлова Дария Андреевна
Институт магистратуры СПбГЭУ

К ВОПРОСУ О ДЕФИНИЦИИ КРИПТОВАЛЮТЫ

Развитие российского законодательства в части цифровизации гражданского оборота способствовало появлению таких нововведений, как «цифровое право» и криптовалюта. Данное обстоятельство обусловлено развитием информационных технологий и цифровой экономики в современном обществе. Однако открытым остается вопрос о месте криптовалюты в системе объектов гражданских прав, что в свою очередь, порождает сложности в части разрешения споров, вытекающих из отношений, связанных с оборотом криптовалюты, и формирует пробел в российском законодательстве.

Криптовалюта, по мнению Л. Ю. Василенской, представляет собой «цифровую денежную единицу, используемую для расчетов в информационной системе на платформе Blockchain (блокчейн)» [4]. Блокчейн система функционирует на принципах саморегулирования, основу действия системы обеспечивает запрограммированный механизм (алгоритм).

Действительно, в цифровой среде криптовалюта выступает единицей расчета (цифровой единицей цены) и способна выполнять функцию цифрового денежного знака в части реализации функции исполнения денежного обязательства. Важно отметить, что крипто-

валюта выполняет функции средства платежа только в рамках системы блокчейн и не является законным платежным средством на территории Российской Федерации. Также допустимо утверждать, что криптовалюта с учетом технических возможностей способна выполнять функции средства накопления и определения стоимости [1]. Криптовалюта, помимо договора купли-продажи, может выступать объектом иных гражданско-правовых сделок, среди них можно выделить договор дарения или договор мены.

Экономическая ценность (благо) криптовалюты заключена в интересе субъектов, осуществляющих операции по обмену (торгу) криптовалюты и может быть оценена в денежном эквиваленте на основании спроса участников с учетом затрат на создание криптовалюты (вычислительная деятельность ЭВМ). Криптовалюта не обеспечена какими-либо активами Центрального банка РФ или иных финансовых организаций, не является их обязательствами. Криптовалюта выступает как самостоятельный финансовый инструмент, обеспеченный интересом взаимодействующих с ней субъектов.

И. А. Толканов отмечает, что криптовалюта является необеспеченными базовыми активами или правами, встроенными токенами, которые являются неотъемлемой частью блокчейна, обеспечивающие его функционирование. Технология создания криптовалюты представляется в виде «асимметричного криптографического шифрования и «блокчейн-технологии, на базе которой формируется сеть «peer-to-peer» [5]. Важно отметить, что в данном определении под токенами понимаются не цифровые права, указанные в Гражданском кодексе РФ (далее — ГК РФ), а собирательное понятие, охватывающие смежные «цифровые активы» (криптографический токен, ICO). По мнению М. А. Егоровой и Л. Г. Ефимовой криптовалюта, как финансовый инструмент, обладает следующими признаками:

- криптовалюта представляют собой результат функционирования соответствующей компьютерной программы;
- являются разновидностью «цифрового» имущества, выполняющего в обществе функции средства платежа;
- являются децентрализованной пиринговой валютой, которая эмитируется и хранится децентрализованно с использованием технологии блокчейн;

Анализ предлагаемых в литературе признаков приводит к выводу, что чаще всего криптовалюту считают идеальным по своей природе

объектом, имеющим физическое выражение в виде алгоритмической записи (набора символов и цифр) в децентрализованной информационной системе. На наш взгляд, данные признаки отражают экономический аспект криптовалюты и не могут в полной мере отразить ее правовую природу. Однако данные признаки необходимо учитывать при выявлении признаков криптовалюты с точки зрения права.

Разумно согласиться с позицией Е. Н. Абрамовой о том, что представление криптовалюты в виде цифровой записи недопустимо, так как в результате рассмотрения криптовалюты в виде цифрового кода и обозначения допускается возможность отнесения криптовалюты к информации [2], что в свою очередь, провоцирует неверное толкование криптовалюты и не отражает ее правовую природу. Цифровая запись о криптовалюте не является криптовалютой, а лишь служит способом удостоверения и доказательством существования, а не самим благом [3].

В связи с указанными обстоятельствами, целесообразным представляется рассмотреть криптовалюту с точки зрения российской гражданско-правовой доктрины.

И. А. Толканов представляет криптовалюту в виде «имущества, создаваемого, сохраняемого и учитываемого в цифровом виде посредством применения технологии блокчейн, которое используется неопределенным кругом лиц в качестве средства платежа при исполнении обязательств» [10]. И. В. Фролов указывает, что функционирование криптовалюты неразрывно связано с акцептом публичной оферты многостороннего соглашения путем совершения конклюдентных действий (установки специального программного обеспечения для ЭВМ или регистрации учетной записи в специальных Интернет-системах) [11].

По мнению Л. Г. Ефимовой криптовалюта объединяет в себе несколько разных по своей правовой природе взаимоотношений между участниками, осуществляющих свою деятельность с криптовалютой. Первая группа отношений составляют абсолютные отношения между «владельцем» криптовалюты и третьими лицами. Вторая группа отношений связана с использованием криптовалюты в качестве платежного средства во исполнение гражданско-правовых сделок на основании соглашений (в том числе договоров), что составляет относительные правоотношения.

Важно отметить, что криптовалюта сама по себе не является обязательственным правом [7] в связи с тем, что криптовалюта не представляет никаких прав в отношении «эмитента» (изготовителя) или третьих лиц.

Абсолютный характер правоотношений, связанных с криптовалютой, выражается в виде прав требования владельца к неопределенному кругу лиц о недопущении нарушений и ограничений его прав относительно владения, пользования и распоряжения криптовалютой [9].

Относительные правоотношения возникают при совершении сделок между субъектами с использованием криптовалюты. В данном случае обязанности между участниками возникают на основании соглашения или путем совершения конклюдентных действий (в том числе в качестве исполнения по смарт-контракту). Сама криптовалюта, как было сказано ранее, не содержит в себе обязательственных прав.

Мнение относительно рассмотрения криптовалюты как *имущества* допустимо ввиду обладания криптовалютой таких признаков имущества, как:

- способность выступать объектом права собственности и гражданско-правовых сделок;
- способность обладать ценностью для участников гражданского оборота;
- способность подлежать оценке через призму экономических благ (иметь стоимостное выражение).

Так как категория имущества является весьма обширной, рассмотрение криптовалюты только как имущества недостаточно для отражения ее правовой природы. Научное сообщество и судебная практика единодушны в том, что криптовалюту можно отнести к имуществу. Однако следует учитывать, что категория имущества включает в себя две разные подкатегории: вещи и иное имущество. Наиболее часто криптовалюту относят к последней. Так, А. И. Савельев указывает о возможности отнесения криптовалюты к такой собирательной для новых объектов категории, как «иное имущество» [8], ввиду невозможности отнесения криптовалют к иным категориям объектов. На наш взгляд, отнесение криптовалют к категории «иного имущества» не может в полной мере отразить их правовую природу, так как благо,

заключенное в криптовалюте, отлично от благ, свойственных «иному имуществу» как категории. Данной позиции также придерживается В. С. Костко [6] и А. В. Саженов [9] указывая, что для криптовалют наиболее удачен подход рассмотрения их с точки зрения вещей, так как обращаясь к категории «вещь» в праве, ключевое значение имеет не материальный предмет, а правовой режим. На криптовалюты допустимо распространение регулирования, свойственного вещам в части распространения на них схожих по своей природе правомочий собственника (владение, пользование, распоряжение), оснований возникновения криптовалют (создание новых или на основании договора) и так далее. Криптовалюты целесообразно отнести к непоименованной категории «квази-вещей», так как данная категория охватывает в себе объекты, на которые допустимо распространение вещно-правового режима, хотя такие объекты сами вещами не являются [2]. С учетом вышеизложенного криптовалюта обладает такими признаками квази-вещей как:

- заключенное в криптовалюте «нематериальное благо» (интерес субъектов, направленный на осуществление сделок при участии криптовалюты);
- способность иметь опосредованное выражение в материальном мире при помощи специальных технических носителей;
- ценность криптовалюты заключается не в силу ее физических свойств, а в благе, которое в ней выражено.

Важно отметить, что помимо указанных признаков криптовалюта имеет ряд признаков, свойственных цифровым объектам права. Наиболее важными для определения криптовалюты с точки зрения права допустимо привести следующие:

- создание криптовалюты происходит в результате вычислительной деятельности программы для ЭВМ;
- подтверждение существования криптовалюты проявляется в виде криптографической записи [2] в децентрализованном реестре транзакций (системе);
- многосторонний характер криптовалютных «эмитентов» без идентификации субъектов (обезличенное взаимодействие);
- экономическая самообеспеченность криптовалюты с возможностью опосредованного денежного выражения;

С учетом проведенного анализа, криптовалюта представляет собой имущество, созданное посредством вычислительной деятельности

программ для ЭВМ и способное выступать в гражданском обороте посредством совершения участниками конклюдентных действий, находящихся отражение в виде соответствующих записей, внесенных в децентрализованный реестр.

Криптовалюта является уникальным правовым феноменом, заключающим в себе традиционные для имущества признаки и обладающим особенностями, связанными с техническим и экономическим аспектом.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Абрамова Е.Н. Дискуссии о правовой природе криптовалюты // Право и современная экономика: новые вызовы и перспективы : сборник материалов I международной научно-практической конференции юридического факультета СПбГЭУ. 5 апреля 2018 г. / под науч. ред. канд. юрид. наук, доцента Н.А. Крайновой. — СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2018. С. 51–60.
2. Абрамова Е. Н. К вопросу о соотношении электронных денег и криптовалюты // Конкурентное право. 2019. № 3. С. 18–22.
3. Абрамова Е. Н. К вопросу о формировании правовой парадигмы цифровой экономики // Право и современная экономика: новые вызовы и перспективы : сборник материалов II научно-практической конференции с международным участием юридического факультета СПбГЭУ. 9 апреля 2019 г. / под науч. ред. канд. юрид. наук, доцента Н.А. Крайновой. — СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2019. С. 157–163.
4. Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права / Л. Ю. Василевская // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5 (102). С. 111–119.
5. Егорова М. А., Ефимова Л.Г. Понятие и особенности правового регулирования криптовалют // Предпринимательское право. 2019. № 3. С. 11–16.
6. Костко В.С., Скловский К.И. О понятии вещи. Деньги. Недвижимость // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 8. С. 132.
7. Новоселова Л. А. О правовой природе биткойна // Хозяйство и право. 2017. № 9.
8. Савельев А. И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. 2017. № 8.
9. Саженов А. В. Криптовалюты: дематериализация категории вещей в гражданском праве // Закон. 2018. № 9. С. 118–119.
10. Толканов И. А. Правовые аспекты эмиссии и обращения криптовалют: проблемы и перспективы регулирования в России // Конкурентное право. 2019. № 3. С. 28–31.
11. Фролов И. В. Криптовалюта как цифровой финансовый актив в российской юрисдикции: к вопросу о вещной или обязательственной природе // Право и экономика. 2019. № 6. С. 5–17.

ПРОБЛЕМА КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА

В настоящее время существует довольно исчерпывающее определение термина «моральный вред», под которым, прежде всего, понимаются нравственные или физические страдания. Однако и по сей день отсутствует детальное регулирование компенсации морального вреда, так как законодатель не устанавливает конкретный размер денежной суммы, что усложняет принятие судьёй решения по рассматриваемому делу [2]. К тому же, приговор судьи зачастую крайне субъективен вследствие чего данная проблема представляется мне актуальной. В статьях 151, 1100, 1101 ГК установлены обстоятельства, принимаемые судом во внимание при вынесении решения, основания компенсации, а также способ и критерии определения размера компенсации морального вреда. Отдельное внимание следует уделить тому, что при установлении размера компенсации вреда должны учитываться требования разумности и справедливости, содержание которых законодатель не раскрывает [3].

Одним из ориентиров единого применения законодательства являются Постановления Пленума Верховного Суда РФ, поэтому для разъяснения проблемных аспектов компенсации морального вреда обращаюсь к одному из таких нормативных актов — Постановлению Пленума ВС РФ от 20.12.1994 № 10 под названием «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда». В нём ВС РФ разъяснил с целью унификации применения действующего законодательства и обеспечения защиты интересов граждан правовые аспекты урегулирования отношений, непосредственно связанных с компенсацией морального вреда. Для того чтобы осознать сущность проблемы и проследить логику законодателя, стоит проанализировать положения Постановления. Важнейшим законодательным уточнением является установление обязательного условия, определяющего наличие оснований ответственности за причиненный моральный вред. Таким критерием привлечения к ответственности признаётся вина причинителя, то есть становится ясным тот факт, что не любой человек может понести ответствен-

ность. В то же время в ГК предусмотрены еще три основания компенсации морального вреда независимо от вины причинителя. Первое основание – причинение вреда жизни или здоровью гражданина источником повышенной опасности. Перечень таких источников в ГК является открытым. Вторым основанием является причинение гражданину вреда в результате объективного вменения (которое не допускается согласно ст. 5 УК), неправомерного осуждения, а также нелегального применения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ. Третье основание заключается в причинении вреда посредством распространения сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию лица. Понятие «распространение сведений» закреплено в п. 7 Постановления Пленума ВС РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц». Таким образом, по общему правилу основанием привлечения к ответственности признаётся вина причинителя, однако существуют и иные основания компенсации морального вреда, не зависящие от вины правонарушителя.

Важно обратиться к особенностям компенсации морального вреда, одной из которых является невозможность требований со стороны потерпевшего в случае, если моральный вред ему причинили до введения в действие законодательного акта, предусматривающего право на компенсацию. Но если нравственные или физические страдания потерпевшего продолжаются и после вступления в силу необходимого закона, то обидчик должен компенсировать вред.

Компенсация же морального вреда, согласно пояснению Постановления Пленума ВС РФ от 20.12.1994 г., осуществляется в следующих формах: денежной или иной материальной форме в случае правоотношений, возникших после 3 августа 1992 г., и только денежной форме для правоотношений, возникших после 1 января 1995 года. Размер компенсации связывается, в первую очередь, с характером и объемом страданий истца, степенью вины ответчика и иными заслуживающими внимания обстоятельствами.

Также должны быть приняты во внимание требования разумности и справедливости. При этом неизвестно, что понимается под последними категориями. Как верно отмечают некоторые правоведы, принцип справедливости служит определенным нравственным ориентиром

судей, причем довольно шатким, так как больше носит факультативный характер наряду с законом [3]. К тому же, считаю довольно трудным приведение принципа справедливости к раскрытию через какую-то одну категорию, так как само по себе понятие «справедливость» имеет довольно многогранный смысл [9]. Что же касается требований разумности, то их обыкновенно связывают с осмысленной и адекватной оценкой судьей всех обстоятельств в ходе рассмотрения конкретного дела и принятия по нему решения [3].

Следующими факторами, которые должны приниматься во внимание судьей, согласно Постановлению, являются степень нравственных или физических страданий и индивидуальные особенности потерпевшего. Стоит отметить, что последние упомянутые критерии, учитываемые при установлении компенсации за причиненный моральный вред, взаимосвязаны [2]. Корреляция данных показателей определяется тем, что степень страданий — это количественный критерий, связанный с серьезностью переживаний, а индивидуальные особенности, в свою очередь, выступают качественным показателем. Последний как раз оказывает влияние на усиление или уменьшение количественного критерия. Так, например, для одного человека проявление малейшей несправедливости к нему является сильнейшим стимулом обиды, сопряженной с дальнейшими невротами и иными пагубными последствиями, в то время как другой человек воспримет ситуацию шуточно без какой-либо злобы в отношении обидчика. Конечно, из-за большого количества различных и, к тому же, неясно регламентированных критериев определения компенсации морального вреда, судьям, по моему мнению, зачастую трудно вынести объективный для всех субъектов правоотношений приговор.

В современной доктрине сложилось множество точек зрения относительно проблемы определения размера компенсации морального вреда, однако единая позиция по данному вопросу так и не выработана. Так, одни специалисты в области права выступают за нормирование, законодательное закрепление размера компенсации морального вреда [3]. Кардинально отличная точка зрения высказывается другими цивилистами, полагающими, что нравственные и физические страдания нельзя измерить определенной денежной суммой, в частности, для последней не существует шкалы соотнесения с причиненным вредом [1]. Этой позиции придерживался и А. М. Эрделевский, считавший, что моральный вред не имеет стоимостного

эквивалента подобно имущественному ущербу, в связи с чем его денежная компенсация направлена лишь на «сглаживание» страданий потерпевшего [8, с. 212]. Полагаю, во избежание случаев, когда суд в тождественных делах присуждает разные размеры компенсации морального вреда, необходимо все же установить некоторые рамки ради соблюдения социальной справедливости. Безусловно, на протяжении двух десятилетий судом принимались спорные решения вследствие некоторой субъективности судопроизводства. Однако этот фактор не свидетельствует о том, что все приговоры по одинаковым категориям дел имели существенную разницу в компенсации морального вреда. Поэтому представляется полезным провести анализ судебной практики за последние двадцать лет, проклассифицировать все дела по критериям и в соответствии с этим выделить определенные группы сходных случаев.

Проблемой классификации дел будет заниматься Управление систематизации законодательства и анализа судебной практики ВС РФ. В результате проведенной работы, во-первых, будет упрощён процесс судопроизводства: судьям не придётся при принятии решений полностью руководствоваться установленными законодателем критериями и их личным опытом, у них появится определенная «тарифная система». Во-вторых, наличие «планок» позволит субъектам не злоупотреблять правами на компенсацию морального вреда: у потерпевшего не будет искушения и возможности взыскать чрезмерно большую сумму с «обидчика», а правонарушителю не удастся «откупиться» мизерной платой. При этом полагаем, что полностью невозможно компенсировать моральный вред, в любом случае будет иметь место «недокомпенсация».

С целью осознания возможности изменения тенденций развития российского законодательства в части определения размера компенсации морального вреда, представляется целесообразным изучить основные подходы по данной проблеме и отечественную практику. В современных исследованиях учёные выделяют два основных подхода к компенсации морального вреда: функциональный подход и установление размера вреда на основе степени «потери ценности» [7]. Думаю, на данный момент для нашего правосудия применяется именно первый подход, согласно которому сумма компенсации направлена на обеспечение комфорта и утешения потерпевшего, а не для того, чтобы компенсировать сам вред, поскольку это невозможно.

Если же говорить о практике, то российские и зарубежные судебные решения по данному вопросу существенно различаются, это связано, в том числе с «молодостью» российского института компенсации [4]. Так, в России сумма компенсации морального вреда напрямую зависит от субъективной оценки суда^{* **}, поэтому установить конкретные минимальные и максимальные пределы такой компенсации представляется сложным. Каждое дело судебной практики специфично и имеет непредсказуемый результат [5].

А, например, в Германии существуют таблицы компенсации морального вреда, которые служат опорой судей при рассмотрении похожих случаев и принятии справедливого решения [6]. При этом германская система не имеет целью формализовать компенсацию морального вреда, сообразовав его с конкретной травмой, таблицы созданы лишь для упрощения вынесения решения уполномоченными органами в тождественных ситуациях. Стоит отметить, что подход к решению проблемы, используемый в Германии, является в настоящее время наиболее удачным. Это обусловлено тем, что при составлении таблиц учёными используется множество критериев, позволяющих дать наиболее объективную оценку конкретного дела. К таким критериям относятся: интенсивность, масштаб и длительность неблагоприятного воздействия; возраст жертвы; функциональное ограничение или даже потеря функций организма, органов или конечностей, а также другие критерии [6]. Кроме того, все показатели подробно разъяснены цивилистами.

Во Франции, в свою очередь, нет установленной шкалы определения размера морального вреда, поэтому суды часто ориентируются на уже вынесенные судебные решения. Однако для предотвращения колебаний судебной практики существуют ориентировочные показатели и рекомендации, служащие справочным материалом для судьи, в том числе формулы расчета размера компенсации [10]. Однако подобные формулы не представляются объективными, так как учитывают лишь отдельные факторы в отношении потерпевшего, такие, например, как возраст и степень утраты возможности вести привычный образ жизни.

---

* Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 21.11.2016 № 53-КГ16-18.

** Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 21.04.2014 № 88-КГПР15-1.

По моему мнению, на данный момент представляется важным хотя бы «тестовое» использование одного из зарубежных способов решения проблемы компенсации морального вреда с целью понимания, подходит ли конкретная модель для нашего государства. Так или иначе благодаря такой попытке выявятся положительные и отрицательные аспекты конкретной модели, что позволит приблизиться к разработке своей совершенной системы. Конечно, при выборе того или иного подхода должны учитываться особенности правовой системы РФ. Подобная «гражданско-правовая реформа» будет реализована, безусловно, нескоро. Но на данный момент, в свою очередь, ввести в теорию и практику проработанное схематическое представление вариантов размера компенсации для облегчения труда судей представляется возможным. Подобная разработка даст импульс и дальнейшим научно-правовым теоретическим и практическим изменениям.

Было проведено авторское собственное исследование на предмет оценки необходимости нормативного закрепления пределов размера компенсации морального вреда и иными связанными с этим аспектом вопросами, в том числе касающимися имущественного положения потерпевшего и правонарушителя, возможности полностью компенсировать вред. Участникам опроса, в частности задавались следующие вопросы: считаете ли вы, что нужно законодательно закрепить размер компенсации морального вреда? Должна ли данная компенсация зависеть от статуса истца и ответчика? Влияет ли возраст потерпевшего на увеличение или уменьшение суммы компенсации? Можно ли вообще компенсировать моральный вред? Данный перечень вопросов не является исчерпывающим.

В исследовании приняли участие пятьдесят шесть обычных граждан (преимущественно студентов различных направлений подготовки высшего образования), ранее не сталкивающихся с проблемой компенсации морального вреда. Среди них двадцать девять выступили против законодательного закрепления границ компенсации, а двадцать семь, соответственно, за такую регламентацию. Собранные посредством опроса и проанализированные данные свидетельствуют о совершенно полярном представлении людей относительно данного вопроса, а также о нерешённости данной проблемы и необходимости её дальнейшего неоднократного обсуждения компетентными лицами.

Стоит также отметить, что обсуждаемая проблема тесно связана с экономикой, что позволяет говорить и о необходимости выработки

специальной экономической программы, позволяющей создать «материальный резерв» на случай, если у правонарушителя будет отсутствовать нужная сумма. В настоящее время непонятно, кто должен его создавать, по каким критериям и на каких условиях будет осуществляться выдача средств, существует ли уже такая практика и т. п.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: во-первых, проблема компенсации морального вреда остается актуальной, в том числе и из-за ряда неточностей в гражданском законодательстве, в связи с чем предлагаю внести изменения в статьи ГК. Предлагаю в ст. 151 ГК добавить открытый перечень индивидуальных особенностей человека, а также законодательно закрепить процедуры, посредством которых будут выявляться такие специфические черты. В ст. 1100 ГК, полагаю, необходимо отграничить причинение вреда потерпевшему вследствие незаконного привлечения к уголовной ответственности от незаконного наложения административного взыскания. И, наконец, в ст. 1101 ГК указать, что законодатель понимает под требованиями разумности и справедливости.

Во-вторых, следует в «пробном режиме» перенять модель практического решения проблемы в Германии, чтобы в будущем иметь представление о преимуществах, недостатках и в целом применимости такого подхода для отечественной правовой системы.

В-третьих, вопрос компенсации морального вреда является междисциплинарным, в связи с чем для его обсуждения необходимо привлекать экспертов разных научных специальностей, например, экономистов, кредитных специалистов, бухгалтеров, социологов и т. д.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Важенин А.В., Егоров О.Н., Олефиренко С.П. О необходимости проведения медицинских экспертных исследований при определении размера компенсации морального вреда военнослужащим органов ФСБ// Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2008. № 1 (15). С. 121–132.

2. Козарук Е.Г. Влияние психолого-физиологических аспектов на определение размера компенсации морального вреда// Журнал «Известия Южного федерального университета. Технические науки». Тематический выпуск: управление в экономических системах. 2006 г. № 10 (65) С. 172–175.

3. Пушкина Т. Н. Критерии определения размера компенсации морального вреда как основная проблема гражданско-правового института морального вреда//Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2013. № 1. С. 170–175.

4. Сазанкова О.В., Брагин М.К. История становления института компенсации морального вреда в РФ// Научный журнал Хабаровского государственного университета экономики и права. 2018 г. № 4 (27). С. 82–85.

5. Добрикова Е. Компенсация морального вреда: тенденции российской судебной практики [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.garant.ru/article/864733/>
6. Пастухова Е.А. Справка по компенсации морального вреда в немецком праве [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://m-logos.ru/wp-content/uploads/2019/11/spravka-po-kompensaczii-moralnogo-vreda-v-germanii-a.-pastuhova.pdf>
7. Фаст И., Нестеров А., Соколова М. Компенсация морального вреда при причинении вреда жизни и здоровью: практические итоги после 25 лет существования института в РФ [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://sila-zakona.ru/images/docs/research/booklet.pdf>
8. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.neps.ru/media/files/library/file89.pdf>
9. Большой юридический словарь [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://slovar.cc/pravo/slovar/2464943.html>
10. Справка по возмещению морального вреда во французском праве [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://m-logos.ru/wp-content/uploads/2019/11/spravka-po-vozmeshhe-niyu-moralnogo-vreda-vo-franczii-a.-lobacheva.pdf>

УДК 34.07

Научная специальность — 12.00.03

Максим Антонович Садыгов

Юридический факультет СПбГЭУ

ПАНДЕМИЯ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА — ПРЕОДОЛЕНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Пандемия, вытекающий карантин, и совпавший с ними кризис охватили весь мир, включая и нашу страну в том числе. Эти проблемы стали настоящим испытанием для стран, для Правительств и народов. Именно Государства должны сделать свой ход, предприняв те или иные меры для уменьшения последствий от свалившихся проблем: когда весь мир сидит дома, а экономика трещит по швам, трудно удержать всё на своих местах. В этих целях в первую очередь, конечно, нужно позаботиться о защите здоровья населения. Для этого во всём мире вводится специальный режим, при котором все сидят дома. У нас это иногда называется карантином, а иногда самоизоляцией. Но в чём разница и как же это на самом деле работает?

В своём обращении [13] Президента РФ Владимира Путина к гражданам России от 2 апреля 2020 года, глава Государства говорит о «режиме самоизоляции». Но известно, что понятия «самоизоляция» в Российском праве не существует. Хотя о самоизоляции говорит не только

Президент, но и другие высокопоставленные чиновники [5], [6]: так, первым этот термин использовал Мэр Москвы Сергей Собянин в своём Указе от 5 марта 2020 г. № 12-УМ «О введении режима повышенной готовности»[2].

И тут мы сталкиваемся с первой проблемой: как можно вводить режим самоизоляции, если такового в юридической науке и в российском праве нет? Что же тогда в Московской области, если не «режим самоизоляции»?

В других же официальных источниках (законодательных актах в т. ч.) [1] говорится об ограничительных мерах — карантине — введённых в тех или иных субъектах Федерации. Но следует разобраться подробнее, что же такое «карантин»: карантин, или ограничительные мероприятия — это «административные, медико-санитарные, ветеринарные и иные меры, направленные на предотвращение распространения инфекционных заболеваний и предусматривающие особый режим хозяйственной и иной деятельности, ограничение передвижения населения, транспортных средств, грузов, товаров и животных» — говорится в ч.1 ст. 1 ФЗ от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения». Важно также то, что «Ограничительные мероприятия (карантин) вводятся (отменяются) на основании предложений, предписаний главных государственных санитарных врачей и их заместителей» — написано в п. 2 ст. 31 того же закона.

Но тут второй вопрос и вторая проблема соответственно: карантин или ограничительные меры могут распространяться только на тех, кто непосредственно заражён вирусом, или на тех, кто попадает под подозрение в болезни. Поэтому и тут возникают многие вопросы: почему, если Правительство Санкт-Петербурга в своём Постановлении [1] ссылается на предписания главного государственного врача, то этого не делает Мэр Москвы?

Однако ряд экспертов считает, что настоящие ограничительные меры имеют больше сходств именно с режимом чрезвычайной ситуацией, которой даётся дефиниция в ст. 1 ФЗ от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»: «чрезвычайная ситуация — «это обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой чело-

веческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей».

Но тут важно продолжить: 31 марта был принят ФЗ от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций», в ч.1 ст.2 которого говорится «часть первую статьи 1 после слова «катастрофы,» дополнить словами «распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих».

Однако, согласно ст.4 ФКЗ от 30.05.2001 № 3-ФКЗ (ред. от 03.07.2016) «О чрезвычайном положении» «чрезвычайное положение на всей территории Российской Федерации или в ее отдельных местностях вводится указом Президента Российской Федерации с незамедлительным сообщением об этом Совету Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации»[1].

И это интересно потому, что в таком случае неправомерными становятся действия того же самого Собянина, который в п. 9 своего Указа [3] «обязывает граждан не покидать места проживания (пребывания)», не имея на то полномочий. Это превышение служебных полномочий (а также преступление против Конституции) многократно критиковалось многими юристами экспертами [10, 15, 18, 19, 22] вплоть до Главы комитета по конституционному законодательству и государственному строительству Совфеда А. Клишаса[18] и депутата Мосгордумы П.Тарасова[22].

Из данных оснований также выходит отсутствие прав у правоохранительных органов штрафовать москвичей за нарушение режима «самоизоляции», хотя только за 1 апреля сотрудники полиции составили 1250 протоколов за нарушение режима, штрафую граждан на 4000 р., а водителей — на 5000 р.

Известно много случаев, далее, когда сами хранители правопорядка не знают своих и гражданских прав в данном вопросе: есть даже свидетельство о полицейском патруле, через громкоговоритель объявляющем, что «в Московской области введён комендантский час. С 20 часов вечера до 8 часов утра все граждане должны находиться дома. Выход на улицу категорически запрещён» [17]. А ведь такая ситуация может породить много новых примеров унтер-офицера Пришибеева.

Но неопределённость присутствует не только в исполнительной и законодательной области, но также и в судебной: в Мосгорсуде было зарегистрировано административное исковое заявление Кисиева Дмитрия Теймуразовича [18] к правительству Москвы, в котором истец просит признать недействующим пункт 2 указа мэра от 23 марта № 26-УМ [3] как несоответствующий, по мнению истца, законодательству РФ, — сообщили «Интерфаксу» в пресс-службе Мосгорсуда [19]. Но иск пока даже не принят, причиной чему я нахожу то, что суд сам не знает, как и чем ему тут придётся руководствоваться.

Тем временем свой комментарий по этому поводу даёт пресс-секретарь президента Дмитрий Песков: «меры, которые принимают власти Москвы и власти Подмосковья, и меры, которые рекомендованы всем остальным регионам России, абсолютно соответствуют задачам по борьбе с коронавирусом и задачам по обеспечению эпидемиологической безопасности людей», заверил Песков [10].

Таким образом изложенные выше факты констатируют тяжёлую обстановку, сложенную вокруг правового регулирования сложного режима: существует огромное количество подводных камней и пробелов в данном вопросе, и это касается не только Москвы, но и других регионов следом.

Так, решить вопрос «карантина» и роли субъектов решил во втором обращении к гражданам России Владимир Путина [13], сделав два вывода:

- 1) «Режим самоизоляции» продлить на месяц;
- 2) Решения и ответственность переложить на регионы.

Разбирая первый вопрос, следует задаться вопросом: почему «режим самоизоляции», легально ли это? Этот вопрос наиболее острый сегодня, но и ответ на него острый не меньше: подавляющее количество экспертов находит причиной нежелание властей нести ответственность за последствия чрезвычайной ситуации, объявляемой Президентом, ведь в случае ЧС объявляется форс-мажор и на основании ч.7 ст. 83 ТК РФ* все договора подлежали бы прекращению, включая ипотечные. До тех же пор, у нас максимально схожий с ЧС режим «самоизоляции», т. е. добровольного изолирования себя.

Если изолирование добровольное, то и убытки граждане будут нести за себя сами. А тем не менее, имея действующие даже сейчас

---

* Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 16.12.2019).

кредиты и ипотеки, в большинстве потеряв заработок, гражданское население испытывает большие трудности. Опрос населения в Пермском краевом портале «59.ru» [11] показывает такие выводы, что 42% граждан потеряли доход, 17% потеряли часть дохода, а 14% — и саму зарплату полностью. И лишь 7% общего числа респондентов сохранили свой доход и их состояние не ухудшилось. Но важно понимать, однако, что причина тому также неоднозначна: помимо пандемической ситуации в стране и в мире также растёт и мировой кризис со всеми последствиями, ощутимыми уже сейчас.

Тем временем, следует обратить на второе решение Президента России о перекладывании доли решения и ответственности на сами регионы, т. е. теперь регионы сами будут регулировать и контролировать режим и отношения внутри него.

Однако на опыте Москвы мы видим, что далеко не всегда решения регионов приведут к благоприятным последствиям: не имея должного опыта и подготовки, региональные власти подобно московским, могут внести ещё большую туманность во всю ситуацию. Предвидя такие последствия, с момента обращения Президента в отставку подали: глава Коми Сергей Гапликов [23], губернатор Архангельской области Игорь Орлов [20], губернатор Камчатского края Владимир Илюхин [8], министр здравоохранения Самарской области Михаил Ратманов [7]. Кроме того, данный список, вероятно, ещё пополнится.

Но от проблемы не убежать. Какие же есть выходы из данной ситуации? Итак, в первую очередь необходимо наоборот централизовать законодательную власть, сместить её в самый центр; исполнительную же и судебную власти — децентрализовать. Эти меры всегда должны приниматься руководством Государства в таких катаклизмах, как условия военного времени.

Поэтому нормативно-правовое регулирование должно быть единообразным и строго-определённым: нужно уже сейчас вводить режим чрезвычайной ситуации в наиболее уязвимых регионах (на сегодня в нашей необъятной России ещё много регионов, где нет ни одного случая заражения COVID-19). Аналогичные решения введения ЧС на нашем этапе развития болезни были приняты такими государствами, как Италия — 31 января при 10000 заражённых —, США — 14 марта при 2500 заражённых —, Чехия — 12 марта при 2000 заражённых, и т. д. И тем не менее, Дмитрий Песков в ответ на вопросы журналистов о введении ЧС ответил, что этот вопрос «не обсуждается» [9].

Введение чрезвычайной ситуации необходимо ввиду нынешней односторонней ситуации в стране: с одной стороны, «самоизоляция» у нас проходит юридически добровольно, но с другой стороны на самом деле за её нарушение штрафуют; с одной стороны вопреки указанию Президента по тем или иным причинам людям урезают заработную плату либо лишают зарплаты вообще, а с другой — у людей остаются кредиты и ипотеки, за которые нужно платить; с одной стороны все граждане должны соблюдать режим, а в случае невозможности соблюдать все санитарно-эпидемиологические требования, с другой — работают практически все стройки, и рабочие находятся без каких-либо средств индивидуальной противовирусной защиты.

И таких примеров возникших в связи с неоднозначностью норм парадоксов в правовой действительности можно привести очень много. Но наиболее острым камнем преткновения является именно благосостояние народа в таких тяжёлых условиях. В этой связи Государством оказываются такие меры поддержки, как предоставление охраняемого права получения ипотечных каникул (в случае снижения зарплаты на 30% по сравнению с 2019 годом), меры поддержки малого и частного бизнеса в виде снижения налогов (будут снижены: налог с оборота по УСН — с 6% до 1%; сумма налога с доходов за вычетом расходов — с 15% до 5%), предлагается также снизить НДС с 20% до 15% [14]. Снижение налогов является необходимой мерой в условиях расширяющегося кризиса и растущей пандемии. Это окажет большую помощь гражданскому населению Российской Федерации, и сможет так или иначе помочь развитию коммерческой деятельности (насколько это сегодня возможно).

Но в условиях кризиса, пандемии и режима «самоизоляции» очень важно не только меньше забирать, но и иногда «прощать», и отдавать: 16 марта 2020 года Президент Франции пообещал временно отменить арендные и коммунальные платежи для малого бизнеса, а в США было решено в связи с пандемией раздать каждому гражданину по 1000 долларов, а каждому ребёнку — по 500 [16]. Но в нашей Госдуме идею отменить оплату ЖКХ на время карантина раскритиковали. Что касается идеи о выплате той или иной фиксированной суммы каждому гражданину, то тут следует отметить, что данная отмеченная Чубайсом идея начинает также реализовываться: уже более 1,6 миллиона столичных пенсионеров уже получили материальную помощь в размере 4 тысячи рублей, и их количество растёт [21].

Что же по поводу иных экономических отношений, направленных на борьбу с пандемией и кризисом в условиях условной чрезвычайной ситуации, то в нашей стране на эти цели было выделено 1,4 трлн. рублей — 1,2% от ВВП — сообщил 1 апреля Премьер-министр Михаил Мишустин [15]. Для сравнения, в США только из федеральных фондов планируется направить \$2 трлн. на поддержку экономики и населения на период эпидемии [14]. В Европе счет также идет на триллионы евро: Европейский Центробанк выделил на эти цели 820 млрд. евро. По меньшим странам — десятки миллиардов. Даже на Мальте с населением 450000 человек собираются потратить 2 млрд евро. Самую щедрую поддержку своей экономике готова оказать Германия — \$1,4 трлн, что в процентном соотношении к ВВП составляет 37% ВВП, что в 70 раз больше выделенного Российской Федерацией. «Теперь уже ясно, что мир погружается в рецессию — предрекла спад мировой экономики глава МВФ Кристилина Георгиева. — Она будет не меньше, а то и хуже той, что мы пережили в 2009 году» [12].

Поэтому нам необходимо хорошо подготовиться к этой рецессии, чтобы в тот момент, когда мы войдем в глубину кризиса, наша правовая система была готова для успешного преодоления флуктуации. По нашему мнению, для достижения этой цели нам необходимо предпринять и реализовать такие решительные меры, как введение чрезвычайной ситуации в наиболее уязвимых регионах государства, введение общей федеральной нормы по установлению регионами должного режима, его защиты и охраны. Необходимо контролировать строгое соответствие регионов этой норме и установить жесткий контроль по контролю исполнения тех или иных санитарно-эпидемиологических мероприятий: до сих пор работают стройки с незащищенными рабочими, до сих пор многие граждане работают, как и прежде, нелегально.

Но нужно бороться не только с симптомами вируса и пандемии: чрезвычайно важным является увеличение направленного на борьбу с кризисом и пандемией капитала. Я солидарен с рядом исследователей в том, что на сегодня выделенных нашим государством средств недостаточно, этого слишком мало. Считаю также правильной и оправданной мерой приостановление таких договоров и обязательств, как кредитные и ипотечные договоры, оплата долгов, штрафов, и, вместе с тем, и налогов хотя бы отчасти: колоссальный процент граждан находится в уязвимом экономическом положении,

и лишние их экономические обязательства перед государством и друг перед другом только ухудшат экономическое состояние такого большого количества человек. Кроме того, мы считаем оправданной также меру выплаты фиксированной материальной помощи гражданам, хотя бы из наиболее уязвимых слоёв — это будет отличным решением для государства, которое, предприняв такие меры, тем самым решит вопросы и с предложенной инициативой сбавить гражданам оплаты по ЖКХ. Всё это должно будет иметь прочную правовую базу на общем федеральном уровне.

Таким образом, только конкретно направленные, уверенные и взаимосвязанные действия законодательных, правоохранительных, экономических и здравоохранительных государственных аппаратов помогут государству и гражданам преодолеть возникшие катаклизмы и успешно, без появления патологий, продолжить развиваться дальше.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 3.04.2020 № 182 «О внесении изменений в постановление Правительства Санкт-Петербурга от 13.03.2020 № 121».

2. Указ Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ «О введении режима повышенной готовности».

3. Указ мэра Москвы от 2 марта 2020 № 26-УМ «О внесении изменений в указ Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ».

4. Указ Мэра города Москвы от 29 марта 2020 г. № 34-УМ «О внесении изменений в «Указ Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ «О введении режима повышенной готовности».

5. Указ губернатора Ярославской области от 3 апреля 2020 года № 80 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения и внесении изменений в указ Губернатора области от 18.03.2020 № 47».

6. Указ губернатора Пермского края от 4 апреля 2020 года № 30 «О внесении изменений в указ губернатора Пермского края от 29 марта 2020 г. № 23 «О мероприятиях, реализуемых в связи с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в Пермском крае».

7. Айвазян А. Михаил Ратманов «самараизолировался» // Коммерсантъ (Самара). 2020. № 58.

8. Калимова Н. Губернатор Камчатки ушел в отставку после критики из-за коронавируса // РБК 3 апреля 2020 // URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/04/2020/5e85ff89a79470b2baaab45>.

9. Калюков Е. Кремль заявил об отсутствии обсуждения введения режима ЧС в России. // РБК News URL 1 апреля 2020 // <https://www.rbc.ru/politics/01/04/2020/5e84b0379a794777f7b9abdс>

10. Корня А., Мухаметшина Е., Ляев Б., Бочарова С., Никольский А. Указ Собянина о полной самоизоляции вызвал серьезные сомнения у юристов // Ведомости.

30 марта 2020 // URL://https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/03/30/826618-ukaz-sobyanyina;

11. Краснов А. «Раздать бы хоть по 10 000 рублей»: выясняем, как будут работать предложения Путина на практике // «59.ru» от 26 марта 2020 // URL://https://59.ru/text/gorod/69052414/.

12. Ломская Т. Пандемия со скидкой: Россия выделила на помощь населению и бизнесу в 70 раз меньше Германии // «Forbes» от 1 апреля 2020 [Электронный ресурс] — URL://https://www.forbes.ru/biznes/396629-pandemiya-so-skidkoy-rossiya-vydelila-na-pomoshch-naseleniyu-i-biznesu-v-70-raz-menshe.

13. Путин В.В. Обращение к гражданам России от 2 апреля 2020.

14. Сонин К., Гуриев С., Егоров Г., Ениколопов Р., Журавская Е., Коврижных А., Маленко А., Маленко Н., Миронов М., Петрова М., Стребулаев И., Ушаев Ф., Черножуков В. Необходим жёсткий карантин и активные антикризисные меры // «Facebook» от 26 марта 2020 // [Электронный ресурс] — URL:https://www.facebook.com/konstantin.sonin/posts/35656192394224;

15. Филипенко А. Власти заложили ₽1,4 трлн на борьбу с коронавирусом // «РБК News» от 1 апреля 2020 [Электронный ресурс] URL: https://www.rbc.ru/politics/01/04/2020/5e84a09a9a79476fce52c1fd.

УДК 347

Научная специальность — 12.00.07

Селицкая Дарина Дмитриевна
Институт магистратуры СПбГЭУ

ПОДТВЕРЖДЕНИЕ РЕШЕНИЙ СОБРАНИЙ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ

Актуальность темы исследования обусловлена относительно недавним устранением пробелов в законодательстве, регулирующем подтверждения решений собраний. Глава 9.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК) вступила в действие с сентября 2013 года, а нормы, регулирующие способы подтверждения решений собраний, были внесены в ГК в сентябре 2014 года. Сейчас, спустя какое-то время, можно сделать выводы о целесообразности и необходимости введения норм, устанавливающих и регулирующих подтверждения решений хозяйственных обществ.

Учитывая новизну института решений собраний, не представляется возможным опираться в исследовании на доктрину, так как в качестве самостоятельного предмета исследования указанный институт детально не рассматривался. В основном анализе подвергался лишь

один из вариантов подтверждения — нотариальное удостоверение. Обзор литературы по теме приводит к немногим, но содержательным научным работам, таким как работы Е.Н. Абрамовой [1] и Т.А. Гусейнова [2].

Пункт 3 ст. 67.1 ГК предусматривает правила об обязательном подтверждении принятых решений собраний общества. Если речь идет о публичном акционерном обществе, то закон предусматривает лишь один способ — удостоверение регистратором, ведущим реестр акционеров общества и выполняющим функции счетной комиссии. Для непубличных акционерных обществ это либо нотариальная форма, либо удостоверение регистратором, выполняющего функции счетной комиссии. Относительно обществ с ограниченной ответственностью, законодатель применяет диспозитивную норму, где по умолчанию применяется нотариальное удостоверение решений собраний участников.

Для акционерных и публичных акционерных обществ (далее — АО и ПАО) данная норма весьма понятна и особых вопросов не вызывает — для ПАО установлен единственный возможный вариант подтверждения решения собрания, а непубличные АО зачастую избегают нотариального удостоверения. Е.Н. Абрамова отмечает: «ошибочным представляется весьма распространенный в литературе вывод о том, что для решений собраний непубличных акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью предусмотрено обязательное нотариальное удостоверение. Совершенно напротив, гражданское законодательство не содержит требования обязательной нотариальной формы для решений собраний ООО и непубличных АО» [1]. Также, поскольку законом предусмотрена обязанность АО вести реестр акционеров, с возможностью возложения такой обязанности на регистратора, то ПАО удобнее обращаться к тому же регистратору, нежели пользоваться услугами нотариуса.

Положения ГК применительно к ООО вызвали много важных с практической точки зрения вопросов. ООО обязано обращаться к услугам нотариуса только в случае, если уставом ООО не предусмотрен иной способ подтверждения решения собрания. Перечень возможных способов подтверждения решений собраний ООО также открытый, что позволяет ООО выбрать наиболее удобную и подходящую модель. Т.А. Гусейнов отмечает, что наиболее распространен

ным из них является подписание протокола всеми участниками общества, так как это самый простой и надежный способ удостоверения решения собрания, который, впрочем, таит в себе определенные риски [2].

Свобода выбора участниками ООО альтернативного способа подтверждения решений собраний ограничивается Федеральным законом от 08.02.92 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью». Так, в ст. 17 данного закона указано, что факт принятия решения общего собрания участников общества об увеличении уставного капитала и состав участников общества, присутствовавших при принятии указанного решения, должны быть подтверждены путем нотариального удостоверения.

Обязательными условиями для установления иного способа подтверждения решений являются наличие такого способа в уставе ООО, или наличие решения собрания по данному вопросу, принятого всеми участниками общества единогласно.

Стоит отметить, что законом прямо не предусмотрена необходимость удостоверения решения собрания участников ООО об избрании альтернативного способа удостоверения. Установлено лишь условие о принятии данного решения единогласно всеми участниками собрания. Необходимо ли в таком случае нотариальное удостоверение? Если следовать логике, то поскольку на момент принятия решения об избрании альтернативного способа, в уставе не отражен такой способ, то должно применять законодательно установленный порядок удостоверения решения собрания участников ООО.

Лишь в декабре 2019 года Верховный суд РФ (далее — ВС) разъяснил, что решение общего собрания участников ООО, в соответствии с которым в отношении решений общества будет применяться альтернативный способ подтверждения, все же требует нотариального удостоверения (п. 2 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утв. Президиумом ВС 25.12.2019)).

Такое дополнительное требование обосновывается тем, что нотариальное удостоверение, применяемое в ООО по общему правилу, является бесспорным в силу закона, в то время как альтернативный способ таким качеством не обладает, и для получения такой бесспорности, решение участников ООО об избрании альтернативного способа должно быть нотариально удостоверено.

Помимо этого, оставались открытыми вопросы о механизме удостоверения решений заочных собраний и решений единственного участника. Так, после принятия норм о нотариальном удостоверении решений собраний хозяйственных обществ, Федеральная нотариальная палата (далее — ФНП) дала разъяснение касательно ООО, состоящего из одного участника, указав что на решения такого ООО положения статьи 67.1 ГК не распространяются (п. 2.3. Пособия по удостоверению нотариусом принятия общим собранием участников хозяйственного общества решения и состава участников общества, присутствовавших при его принятии (утв. Письмом ФНП от 1 сентября 2014 г. № 2405/03–16–3)).

Таким образом, на практике решения единственного участника нотариально не удостоверялось, несмотря на отсутствие в законе прямых исключений в отношении решений собраний единственного участника в части требования о нотариальном удостоверении.

Окончательно вопрос о нотариальном удостоверении решения единственного участника был разрешен ВС также в декабре 2019 года. Так, требование о нотариальном удостоверении, установленное подпунктом 3 пункта 3 статьи 67.1 ГК, распространяется и на решение единственного участника (п. 3 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утв. Президиумом ВС 25.12.2019)). После указанных разъяснений ВС, ФНП рекомендовала нотариусам при предоставлении для совершения нотариального действия решения единственного участника, принятого после разъяснений ВС, а именно 25.12.2019, проверять его надлежащее подтверждение. При этом для подтверждения такого решения нотариусам рекомендовано свидетельствовать подлинность подписи единственного участника общества (п. 2 Письма ФНП от 15 января 2020 г. № 121/03–16–3 Об Обзоре судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах).

Удостоверение решения единственного участника с точки зрения целесообразности остается под вопросом. Главным аргументом в пользу нотариального удостоверения является предотвращение фальсификаций подписи единственного участника. Но если необходимость удостоверения решений собрания исходит из предотвращения ущемления прав участников, то удостоверить решение единственного участ-

ника, тратить ресурсы общества на услуги нотариуса, просто не имеет смысла, ведь оспаривать такое решение будет некому.

Также остается непонятным то, каким образом будет реализовываться изложенная позиция суда, поскольку на практике отсутствует единый механизм нотариального удостоверения принятых единственным участником решений. Будет ли в действительности достаточно подтверждения нотариусами подлинности подписи единственного участника?

Нецелесообразность нотариального удостоверения решения единственного участника общества, а также отсутствие механизма, регулирующего действия нотариусов в данных ситуациях, может привести к возникновению новых практических проблем в вопросах удостоверения решений собраний хозяйственных обществ.

Подводя итоги, хочется отметить, что принятие норм, регулирующих подтверждение решений собраний хозяйственных обществ, неизбежно привело к множеству правоприменительных вопросов. Только в конце 2019 года Президиум ВС своим обзором судебной практики предпринял попытку устранить существующие сложности в толковании и применении статьи 67.1 ГК, — были разъяснены вопросы о нотариальном удостоверении решения собрания ООО об избрании альтернативного способа подтверждения таких решений, а также вопрос об удостоверении решения единственного участника общества. Однако таких разъяснений явно недостаточно. Поэтому регулирование исследуемых отношений продолжает развиваться и корректироваться и на данный момент, только по истечении времени станет ясно как сложится практика после разъяснений ВС.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Абрамова Е.Н. К вопросу о нотариальном удостоверении решения собрания юридического лица // Нотариус. 2018. № 6. С. 12–17.
2. Гусейнов Т.А. Проблемы нотариального удостоверения решений собраний // Закон. 2014. № 11. С. 46–52.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА РЕБЕНКА ЖИТЬ И ВОСПИТЫВАТЬСЯ В СЕМЬЕ

Общепризнанным является деление прав ребенка на имущественные и личные неимущественные права. Особенностью данных прав является то, что такие права являются срочными, т. е. возникают с момента рождения и прекращаются достижением ребенка восемнадцатилетнего возраста. Особенностью личных неимущественных прав ребенка является то, что праву ребенка корреспондирует обязанность по обеспечению такого права.

Поскольку родители имеют преимущественное право лично воспитывать своих детей, то будучи свободными в выборе методов и способов воспитания, они при этом должны исходить из интересов ребенка, общества и государства [2, С. 212].

В.И. Бычихина указывает, что закрепление в Конституции РФ обязанности родителей заботиться о своих детях является необходимостью, потому что только так государство может контролировать семейные отношения и предпринимать необходимые меры для устранения возникающих проблем [3, С. 116].

Одним из неимущественных прав ребенка является право жить и воспитываться в семье. Ю.Ф. Беспалов в своей статье отмечает, что «под правом жить и воспитываться в семье своими родителями следует понимать обеспечение нормами права и другими социальными регуляторами полномочия ребенка проживать в семье своих родителей, воспитываться ими и одновременно право и обязанность родителей воспитывать своего ребенка. Право на заботу родителей и совместное проживание с ними означает возможность ребенка проживать вместе с родителями и получать от них должную заботу о воспитании, развитии и содержании, и одновременно обязанность родителей заботиться о ребенке и проживать с ним вместе» [1, С. 7].

При этом оба родителя, в соответствии с положениями ст. 61 СК имеют равные права и обязанности по воспитанию ребенка.

В последние годы является распространенным подача иска об определении места жительства ребенка, что, как правило является следствием расторжения брака между супругами.

В практике вопрос об определении места жительства ребенка может быть решен двумя способами.

Первым способом является добровольное соглашение, которое заключают родители по поводу проживания ребенка, а также периода общения с ребенком другого родителя, который будет проживать отдельно.

В качестве второго способа следует рассматривать установление местожительства ребенка на основании решения суда. К данному способу родители прибегают в тех случаях, когда достигнуть соглашения не представилось возможным [6, с. 99].

В ст. 66 СК закреплены положения, предусматривающие осуществление родительских прав родителями, не проживающими с ребенком.

Родитель, который не проживает с ребенком, обладает правом на:

- а) общение с ребенком;
- б) принятие участия в процессе его воспитания;
- в) решение вопросов, касающихся получения им образования.

Одной из проблем, возникающих в практической деятельности, является проблема реализации прав родителем, который проживает отдельно от ребенка. На возникновение такой проблемы оказывают влияние отношения, которые возникли между бывшими супругами после расторжения брака, либо между отцом и матерью ребенка, если такой брак не был зарегистрирован. В силу возникших неприязненных отношений между супругами, распространенными являются ситуации, когда родитель, проживающий совместно с ребенком, препятствует реализации права второго родителя. Такие действия являются нарушением закрепленной в СК обязанности не чинить препятствия в реализации права второго родителя на участие в воспитании ребенка [4, с. 200].

Неисполнение такой обязанности стало предметом рассмотрения Боровского районного суда Калужской области. В данном примере между родителями возник конфликт по поводу реализации права второго родителя по воспитанию ребенка (мать не предоставляет отцу информацию о жизни сына и подрывает его авторитет в глазах ребенка), тогда как желанием истца было регулярное общение с ребенком, в том числе и в присутствии матери. Суд удовлетворил иски требования и защитил неимущественное право ребенка — право на общение с родителями и другими родственниками (в данном случае отцом). Судом установлен порядок общения с ребёнком,

а также мать предупреждена об ответственности за нарушение такого права (Решение Боровского районного суда Калужской области от 26 января 2015 по делу № 2–18/2015).

В соответствии с п. 2 ст. 66 СК предусматривается определение порядка осуществления своих прав родителем, который не проживает с ребенком, на основе соглашения родителей. Данное соглашение называется соглашением о порядке осуществления родительских прав родителем, который не проживает с ребенком, при этом, его заключение происходит между родителями ребенка. Согласно законодательству РФ, заключение этого соглашения может производиться в письменном виде, при этом, отсутствуют замечания по поводу письменной формы либо нотариально удостоверенной. Но, согласно практике, защита интересов и прав ребенка, а также родителя, который отдельно проживает от ребенка, требует заключения соглашения в нотариально удостоверенном виде. Содержание данного соглашения состоит из вопросов, затрагивающих форму, частоту, место, продолжительность общения с родителем, которые не проживает с ребенком, вопросов, касающихся его участия в процессе воспитания ребенка [5, с. 156].

В том случае, если не достигнуто соглашение, предусматривающее осуществление родительских прав того родителя, который не проживает с ребенком, предусматривается разрешение спора между родителями в судебном порядке наряду с органами опеки и попечительства при наличии требования одного из заинтересованных родителей. В рамках рассмотрения таких дел судом акцентируется внимание на обстоятельствах, характеризующих присущие родителям личные качества или иным лицам, воспитывающим ребенка, сложившиеся отношения данных лиц и ребенка. Судом, в процессе рассмотрения спора по этому вопросу, учитываются разные обстоятельства, соблюдение принципов равенства родителей и интересов детей. В случае необходимости суд назначает судебно-психологическую экспертизу, проведение которой происходит в отношении обоих родителей либо психологического анализа ситуации. Вместе с тем, к доказательствам, рассматриваемым судом наряду с иными доказательствами, принадлежит заключение проводимой судебно-психологической экспертизы, заключение органов опеки и попечительства.

Судом производится определение порядка общения родителя, который не проживает с ребенком, на основе необходимости защиты

интересов, прав несовершеннолетнего в рамках общения с данным родителем, при этом, указывается место, время, продолжительность их общения. В рамках определения порядка их общения производится учет возраста ребенка, состояния его здоровья, привязанности к родителям и других обстоятельств, способных воздействовать на психическое либо физическое здоровье ребенка, нравственное его развитие.

В некоторых случаях, когда процесс общения ребенка с не проживающим с ним родителем может причинить ребенку вред, суд, основываясь на п. 1 ст. 65 СК, которым исключается осуществление прав в ущерб психическому и физическому здоровью ребенка, нравственному его развитию, имеет право на отказ от удовлетворения иска, касающегося определения порядка его участия в процессе воспитания ребенка.

Согласно п. 3 ст. 66 СК судом, в результате определения порядка участия, проживающего отдельно родителя в процессе воспитания ребенка, предупреждается другой родитель о результате невыполнения судебного решения. Злостным невыполнением судебного решения, являющимся основанием при удовлетворении требований родителя, который не проживает с ребенком, касающегося передачи ему ребенка, является невыполнение им судебного решения либо создание препятствий его исполнению, невзирая на использование к виновному законодательно предусмотренных мер (п. 8 Постановления Пленума ВС РФ № 10). При неподчинении родителя, проживающего с ребенком, судебному решению, касающемуся порядка участия другого, не проживающего с ребенком родителя, в процессе его воспитания, предусматривается применение к нему мер ответственности, указанных в законодательстве об исполнительном производстве.

Подводя итог, следует отметить, что в некоторых случаях суды вправе отступать от законных прав родителя не проживающего совместно с ребёнком в интересах последнего. Такое отступление не может считаться нарушением Конституционных и иных прав родителя, так как делается оно исключительно в интересах несовершеннолетнего с целью защиты его физического и психологического здоровья. Ещё одной, трудно решаемой проблемой являются крайне неприязненные отношения бывших супругов. Движимые обидой и ненавистью родители начинают использовать ребёнка в качестве орудия мести бывшему супругу или супруге, что также недопустимо.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Беспалов Ю.Ф. К вопросу о некоторых семейных правах ребенка в РФ и проблемах их осуществления // Социально-юридическая тетрадь. 2019. № 9. С. 6–15.
2. Букатина А.Е., Никитина Н.Н., Матвеев П.А. Особенности реализации права ребенка жить и воспитываться в семье // Аллея науки. 2018. Т. 3. № 9 (25). С. 210–214.
3. Бычихина В.И. Конституционная обязанность родителей заботиться о детях // В сборнике: Права человека: история, теория, практика Седьмая Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная 25-летию Конституции Российской Федерации: Сборник научных статей. Ответственный редактор В.В. Коровин. 2018. С. 114–116.
4. Ковалева Д.Ю., Масуфранова Е.А. Право ребенка жить и воспитываться в семье // Права человека: история, теория, практика. Всероссийская научно-практическая конференция: Сборник научных статей. Курск, 2015. С. 199–203.
5. Кокорина М.С. Нотариальная форма реализации права ребенка жить и воспитываться в семье // В сборнике: Семья и семейные ценности в РФ: социально-правовой аспект Материалы Международной научно-практической конференции, приуроченной к юбилею доктора юридических наук, профессора Ю.Ф. Беспалова. 2019. С. 154–162.
6. Шевчук С.С., Бурименко А.А. К вопросу о праве ребенка жить и воспитываться в семье // В сборнике: Современная наука: ключевые проблемы и инновационные разработки. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ставрополь, 2019. С. 98–102.

УДК 347.1

Научная специальность — 12.00.03

Старикова Елена Васильевна

Институт магистратуры СПбГЭУ

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОДПИСЬ: ИЗМЕНЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Электронная подпись на электронном документе придает ему юридическую силу, но правовое регулирование электронной подписи в РФ имело некоторые недостатки. С принятием Федерального закона от 27.12.2019 № 476-ФЗ, законодатель решил некоторые проблемы, касающиеся функционирования электронной подписи. Следует отметить, что с появлением данного ФЗ требования к использованию электронной подписи усилились. ФЗ вступает в силу с 1 июля 2020 года, за исключением некоторых положений, которые вступят в силу 1 января 2021 г. В целях формирования правовопонимания и выявления дальнейших перспективных направлений из-

менения законодательства по заявленной теме, необходимо подробнее изучить уже принятые правки.

В Федеральном законе «Об электронной подписи» определены два вида электронной подписи: простая электронная подпись и усиленная. Под простой электронной подписью понимают использование специальных средств (например, пароля или кода), которые подтверждают, что электронная подпись создана определенным лицом. В повседневной жизни люди часто используют простую электронную подпись. Ею является, например, код подтверждения, присланный по SMS, логин и пароль для входа на сайт, простая электронная подпись используется также на сайте Госуслуг[2].

Усиленная электронная подпись, в свою очередь, делится на два подвида: неквалифицированная и квалифицированная. Неквалифицированная электронная подпись создается при помощи программ криптошифрования с использованием ключа электронной подписи. Неквалифицированная электронная подпись позволяет идентифицировать личность владельца и установить, вносились ли в электронный документ изменения после «воспроизведения» данной подписи. Существует два ключа неквалифицированной электронной подписи. Первый — открытый ключ. Он доступен всем участникам электронного документооборота, позволяет участникам последнего проверить подлинность электронной подписи. Второй ключ — закрытый. Он используется для дешифровки данных, которые находятся в электронной подписи. Закрытый ключ является секретным, он хранится на цифровом носителе (флэшке, токене).

Квалифицированная электронная подпись отличается от неквалифицированной тем, что для нее необходим квалифицированный сертификат электронной подписи, в котором указывается открытый ключ. Также выдавать данный сертификат может только аккредитованный Минкомсвязью удостоверяющий центр, осуществляющий создание и обеспечение работы квалифицированной электронной подписи на программном обеспечении, которое соответствует требованиям ФСБ РФ (Приказ ФСБ РФ от 27 декабря 2011 г. № 796).

Средства электронной подписи, с помощью которых осуществляются создание и проверка подлинности электронной подписи, а также создание ключа и ключа проверки электронной подписи, обеспечивают ее надежность. Указанные средства должны включать в себя

элементы криптографии и соответствовать установленным законом требованиям.

При помощи электронной подписи электронному документу придается юридическая сила. Простая электронная подпись приравнивается к собственноручной, при условии, что это установлено отдельным нормативно-правовым актом (например: ст. 21.2 ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»; ст. 6.1 Закона РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации») или между сторонами договора заключено соглашение о подобном приравнивании, в котором установлены:

правила, с помощью которых по простой электронной подписи определяют подписанта;

обязанность пользователя и создателя ключа простой электронной подписи соблюдать в отношении данного ключа конфиденциальность.

В обоих случаях должен быть предусмотрен порядок проверки электронной подписи, т. е. порядок идентификации владельца электронной подписи.

В случае с неквалифицированной электронной подписью также требуется соглашение о признании подписанного ей электронного документа равнозначным документу, подписанному собственноручно.

При использовании квалифицированной электронной подписи, электронный документ приравнивается к документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью правомочного лица. Лицо получает квалифицированный сертификат электронной подписи и с ее помощью действует от своего имени, или от имени организации в рамках предоставленных полномочий [4].

После вступления в силу в июле 2020 года ФЗ с поправками, данные условия претерпят некоторые изменения. Документ, подписанный простой и неквалифицированной электронной подписью, будет приравнен к документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью в дополнение к вышеперечисленным условиям, при следующих обстоятельствах:

- если это установлено нормативными актами Центрального банка РФ;
- а также правилами платежных систем, которые приравниваются к соглашениям между участниками электронного взаимодействия. Что касается квалифицированной электронной подписи,

то при подписании ей документа в электронной форме, последний признается равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью в любом случае. Но на этот счет существует исключение: в законодательстве может быть установлено требование о необходимости составления документа только на бумажном носителе.

Не смотря на упомянутый порядок признания электронного документа, подписанного электронной подписью равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью, остаются вопросы по поводу формы совершаемых сделок. В отношении квалифицированной электронной подписи можно применить п. 1 ст. 160 ГК, в котором говорится, что письменная форма сделки признается соблюденной при подписании электронного документа с помощью электронных средств. Таким средством может выступать электронная подпись.

В отношении формы сделок, подписанных простой или неквалифицированной электронной подписью, можно применять другие нормы. Например, в судебной практике можно встретить следующие решения. Предложение банком ввести код из СМС признается офертой на заключение договора, лицо вводит этот код в графу подтверждения и при совпадении данного кода с ожидаемым, договор признается заключенным. Данная форма приравнивается судом к простой письменной форме договора. Это решение основано на п. 3 ст. 434 и п. 3 ст. 438 ГК, в которых указано, что договор считается заключенным в простой письменной форме, если лицо, получившее оферту, совершает указанные в ней действия. Получается, что действия по вводу кода из СМС будут считаться акцептом (Определение Приморского краевого суда от 07.04.2015 по делу № 33—2865).

Одним из важных нововведений является изменение правоотношений, в которых участвуют удостоверяющие центры. Если в старой редакции ст. 16 ФЗ «Об электронной подписи» было указано, что аккредитация удостоверяющего центра осуществляется сроком на пять лет, по общему правилу, то после вступления в силу изменений данный срок сократится до трех лет. Также претерпели изменения условия, предъявляемые к удостоверяющим центрам. Минимальный размер собственных средств удостоверяющего центра повышается с 7 млн рублей до одного миллиарда рублей — минимально, либо пятисот миллионов рублей при наличии не менее чем в трех четвертях

субъектов Российской Федерации минимум одного филиала или представительства.

Порог страховой ответственности деятельности аккредитованного удостоверяющего центра увеличивается с суммы в 30 млн рублей до не менее 100 млн рублей. А также пятьсот тысяч рублей за каждое место осуществления лицензируемой деятельности, если таких мест более десяти, но не более двухсот миллионов рублей. При наличии менее десяти подобных мест, финансовое обеспечение ответственности не возрастает выше 100 млн рублей.

В соответствии со ст. 15 ФЗ «Об электронной подписи» работник аккредитованного удостоверяющего центра, доверенные лица и их работники могут нести за неисполнение своих обязанностей, предусмотренных Федеральным законом и иными НПА, а также обязанностей удостоверяющего центра не только гражданско-правовую и административную ответственность, но теперь и уголовную.

Аккредитация удостоверяющих центров согласно ст. 16 ФЗ «Об электронной подписи» теперь будет проходить в два этапа. Среди полномочий Минкомсвязи остается подготовка заключения о соответствии удостоверяющего центра требованиям, предъявляемым Федеральным законом — это первый этап. На втором этапе правительственная комиссия принимает решение об аккредитации удостоверяющего центра или об отказе в данной услуге. Состав правительственной комиссией и порядок принятия с ее помощью решений утверждаются Правительством РФ.

В обновленном законе будет реализована идея «облачной электронной подписи». И несмотря на то, что самого термина в законе не появится, вводится законодательное закрепление возможности использования подобных технологий:

- в ст. 15 ФЗ «Об электронной подписи» после внесения изменений будет сказано, что удостоверяющий центр с согласия владельца электронной подписи будет вправе осуществлять хранение ключа электронной подписи. В квалифицированном сертификате у владельца электронной подписи будет указан ключ проверки для обеспечения защиты от компрометации и несанкционированного использования;
- обозначена возможность создания при помощи данного ключа электронной подписи по поручению владельца квалифицированного сертификата;

- возложена обязанность на удостоверяющие центры информировать владельца квалифицированного сертификата об использовании принадлежащего ему ключа электронной подписи, а также обязанность предоставлять по требованию данного владельца истории использования указанного ключа электронной подписи.

В связи с этим усилились требования к удостоверяющему центру, который вправе осуществлять хранение подобных ключей электронной подписи. Повышены требования к технической оснащённости и обеспечению финансовой ответственности за убытки, причинённые в случае компрометации или несанкционированного использования хранимых ключей электронной подписи (не менее 200 млн рублей).

Также в соответствии с принятыми изменениями будет ограничена возможность для различного вида удостоверяющих центров выдавать квалифицированную электронную подпись некоторым субъектам, а именно:

- удостоверяющий центр Федеральной налоговой службы РФ будет выдавать данные подписи юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям (за исключением юрлиц и ИП кредитно-финансовой сферы) и нотариусам;
- удостоверяющий центр Банка России будет выдавать подписи кредитным организациям, операторам платёжных систем, некредитным финансовым организациям и индивидуальным предпринимателям, осуществляющим указанные в ч.1 ст. 76.1 Закона о ЦБ РФ виды деятельности, а также должностным лицам Банка России;
- удостоверяющий центр Федерального казначейства — лицам, замещающим государственные должности РФ, государственные должности субъектов РФ, должностным лицам госорганов, органов местного самоуправления, их подведомственных учреждений и организаций;
- коммерческие удостоверяющие центры, получившие аккредитацию Минкомсвязи Российской Федерации, сохраняют полномочия по созданию и выдаче квалифицированных сертификатов только физическим лицам [5].

«С одной стороны, мы не можем внедрить цифровую экономику и цифровой оборот без электронной подписи, которая и удостоверяет, и подтверждает неизменность документа. Но с другой стороны —

наблюдается уязвимость этой подписи, возможность мошенничества чрезвычайно велика», — подчеркнул Председатель Комитета по финансовому рынку Мартин Шаккум [6].

Были выделены некоторые основные проблемы, которые возникают при использовании электронной подписи:

несовершенство процедуры идентификации гражданина, желающего получить электронный ключ в УЦ;

недостаточное обеспечение надежного хранения электронных подписей.

Освещенные в данной работе изменения законодательства и другие не упоминавшиеся меры направлены на обеспечение защиты прав граждан при выдаче и хранении ключей электронной подписи. Одной из таких мер является установление условий проведения федерального государственного надзора в сфере электронной подписи — внеплановых проверок аккредитованных удостоверяющих центров.

По данным Федеральной налоговой службы, только за полтора года использования электронной подписи было зафиксировано более 45 тысяч правонарушений [1]. Они происходили при подаче налоговой декларации; были связаны с финансовой отчетностью; выпускалась электронная подпись поддельным документам и т. д. Предполагается, что увеличение финансовых требований к удостоверяющим центрам должно привести к их более качественному и ответственному выполнению своих обязанностей.

Несмотря на произведенные изменения, некоторые существовавшие ранее проблемы остаются нерешенными. В литературе можно встретить такие недостатки электронной подписи как возможность подделки электронной подписи, ее незаконного получения и использования сертификатов электронной подписи. Но специалисты в области криптографии отмечают, что механизм усиленной электронной подписи достаточно совершенен. В отличие от простой электронной подписи, где можно подобрать пароль или код доступа, а также, например, взломать сайт, при использовании усиленной электронной подписи подобрать ключ электронной подписи без его наличия представляется невозможным [14].

Но нарушение закона может произойти при других обстоятельствах. Отмечается, что не смотря на изменения в законодательстве, большинство правонарушений связанных с электронной подписью основаны не на низком уровне контроля за удостоверяющими цен-

трами, а на недостаточном качестве идентификации лиц, которые обращаются за получением сертификата электронной подписи [14]. Например, в некоторых удостоверяющих центрах можно получить электронную подпись, прислав фотографию себя и своего паспорта рядом.

Предлагается применять более строгий порядок проверки личности заявителя на получение усиленной электронной подписи. Таким мерами могут быть: запрет на получение электронной подписи на третье лицо по доверенности в простой письменной форме; запрет на получение сертификата электронной подписи дистанционно; установление обязательной личной явки лица, получающего данный сертификат, или его представителя, который действует на основании нотариальной доверенности.

Еще одной проблемой является передача электронной подписи ее владельцами другим лицам для осуществления подписания последними электронных документов. Несмотря на то, что в ФЗ «Об электронной подписи» указано, что на владельца электронной подписи возлагается обязанность по конфиденциальному использованию ключа электронной подписи, ответственности за передачу данного ключа третьим лицам не предусмотрено. В тоже время в ст. 10 ФЗ «Об электронной подписи» сказано, что использовать ключ электронной подписи без согласия ее владельца нельзя. Некоторые участники электронного документооборота трактуют эту норму как возможность использования ключа электронной подписи с согласия его владельца третьими лицами.

Например, в апелляционном определении судебной коллегии по гражданским делам Челябинского областного суда от 14 декабря 2015 г. по делу № 11–14292/2015 сторона утверждает, что имела право передавать электронную подпись третьему лицу. И ответственность по совершенной сделке, подписанной переданной подписью, должно нести это третье лицо. Но суд истолковал данную норму иначе. Доводы ответчика о том, что закон не содержит запрета на передачу электронной подписи сотрудникам организации и ее дальнейшее использование не признали обоснованными. Суд установил, что п. 1 ст. 10 ФЗ «Об электронной подписи» предполагает не передачу права использования усиленной электронной подписи другому лицу, а указывает на техническую возможность совершения электронной подписи другим лицом с согласия и под контролем владельца ключа электронной

подписи. Сама передача прав по использованию электронной подписи упомянутым ФЗ не предусмотрена.

К тому же, ситуация усложняется проблематичностью доказывания использования электронной подписи третьим лицом. Даже если допустить возможность передачи электронной подписи по доверенности, сложно доказать, что именно доверенное лицо в конкретном случае воспользовалось электронной подписью доверителя и вышло за пределы своих полномочий, указанных в доверенности. И ответственность по сделке ляжет на владельца электронной подписи.

В п. 4 ст. 11 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» указано, что обмен электронными сообщениями, которые подписаны электронной подписью отправителя подобного сообщения, если это предусмотрено нормативными правовыми актами или соглашением сторон, рассматривается как обмен электронными документами.

В российском законодательстве не урегулированы вопросы обеспечения долгосрочного хранения электронных документов, заверенных электронной подписью. На сегодняшний день законодательство главным образом направлено на учет и хранение обычных бумажных документов. Место и способ хранения электронных документов не определены, не обозначены требования к обеспечению необходимого уровня безопасности для работы с электронными документами, не существует единого формата для хранения документа в архиве с электронной подписью.

Также отсутствуют нормативно-правовые требования для возможного извлечения и использования электронного документа без потери юридической силы через длительное время после окончания действия электронной подписи. Следует законодательно урегулировать данные вопросы с целью усовершенствования действующих норм обеспечения юридически значимого электронного документооборота [3].

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Замахина Т. Принят закон о защите электронной подписи [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://rg.ru/2019/12/18/priniat-zakon-o-zashchite-elektronnoj-podpisi.html>, — Яз. рус. (дата обращения 26.03.2020).

2. Миронов И.Д. Правовое регулирование электронной подписи в России// Вопросы науки и образования. 2020.

3. Овчинников С.А. Болдырева Е.П. Земсков М.Д. Основные проблемы сохранения цифровых записей при внедрении электронной подписи и юридически значимого электронного документооборота в России// Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2013.

4. Остроушко А.В. К вопросу о правовом регулировании оборота электронной подписи. Правовая информатика. 2013.

5. Повышение требований к удостоверяющим центрам и другие поправки в закон об электронной подписи [Электронный ресурс]/– Режим доступа: <http://www.garant.ru/news/1313085/>, — Яз. рус. (дата обращения 26.03.2020).

6. Эксперты обсудили дополнительные меры защиты при использовании электронной цифровой подписи [Электронный ресурс]/– Режим доступа: <http://www.garant.ru/news/1295353/#ixzz6Hi2YFIw0>, — Яз. рус. (дата обращения 26.03.2020).

УДК 347.68

Научная специальность — 12.00.03

Хайманова Альбина Олеговна

Институт магистратуры СПбГЭУ

НАСЛЕДНИК КАК СЛАБАЯ СТОРОНА НАСЛЕДСТВЕННОГО ДОГОВОРА

Наследственный договор является достаточно новой правовой конструкцией в российском гражданском праве, так как данный вид договора был введен Федеральным законом «О внесении изменений в части первую, вторую и ст. 1124 Гражданского кодекса РФ» от 18.03.2019 г. № 34-ФЗ.

Полагаем, что многие положения, закрепленные в ст. 1140.1 ГК, о наследственном договоре нуждаются в существенной доработке. Наследственный договор по своей правовой природе является способом распоряжения имуществом на случай смерти в виде двусторонней сделки. По сути, введение наследственного договора в российское правовое поле расширило полномочия наследника и наследодателя.

По задумке авторов законодательной инициативы П.В. Крашенинников, А. Г. Сидякин, Р.Р. Ишмухаметов нововведения, в первую очередь направлены на защиту прав наследодателя.

При всем при этом, данный договор ставит в заведомо невыгодное положение наследника. По сути, наследственный договор является гражданско-правовым соглашением между стороной, отчуждающей свое имущество и стороной, принимающей имущество. Однако, при

всей социальной значимости данного договора, мы усматриваем ущемление права наследника, которое выражается в том, что при заключении наследственного договора для наследника при жизни наследодателя не возникают правовые последствия.

Одним из квалифицирующих признаков наследственного договора является то, что право собственности на имущество переходит к наследникам исключительно после смерти наследодателя[2]. Единственным механизмом защиты своих прав, предусмотренных законодательством, является возможность возместить убытки, возникшие в связи с исполнением договора к моменту получения копии уведомления об отказе от наследственного договора.

Однако, данный механизм является неустойчивым. Так, в договоре наследодатель может возложить на наследника обязанность исполнить имущественные или неимущественные обязательства при жизни первого. В этой связи возникает вопрос об оценке неимущественных обязанностей, исполненных потенциальным наследником при недобросовестных действиях наследодателя. Наследник, даже исполнив свои обязательства в полном объеме и надлежащим образом, вероятно, может не получить имущества по наследственному договору.

Одним из механизмов защиты наследника является возмещение убытков наследнику, которые возникли у них в связи с исполнением наследственного договора к моменту получения копии уведомления об отказе наследодателя от наследственного договора. Данный механизм представляется логичным. В случае, если наследник исполнил имущественные обязательства. Однако, возникает вопрос с неимущественными обязательствами, насколько справедливо возможно оценить и возместить убытки в случае исполнения наследником неимущественных обязанностей по договору. В связи с этим, потенциальный наследник-лицо, совершенно незащищённое. Следовательно, можно сделать вывод, что в действующей редакции ст. 1140.1 ГК наследник является заведомо слабой стороной договора. Считаю необходимым ввести законодательные ограничения для наследственного договора, в котором необходимо ввести обременение прав на имущество, если одной из обязанностей по договору является исполнение наследником действий неимущественного характера. Данная мера позволит защитить интересы наследников. Механизм обременения имущества по наследственному договору, например,

предусмотрен в законодательстве Латвии. Согласно законодательству Латвии, обременяется то недвижимое имущество, которое указано в договоре, при этом наследодатель может совершить сделки по распоряжению имуществом, указанным в наследственном договоре, только с согласия наследника по договору, которому это имущество должно перейти после смерти наследодателя [1]. Также в Гражданском кодексе Украины введён запрет на распоряжение имуществом по наследственному договору. Полагаю, что безусловный запрет на распоряжение имуществом на случай смерти будет ограничивать свободу распоряжения имуществом. В связи с этим разумным представляется ограничение на отчуждение потенциальной наследственной массы исключительно по договорам, в которых на наследнике лежат неимущественные обязательства [1].

Наследственный договор применяется в Германии, Англии, Австрии, Латвии, Украине, Швейцарской Конфедерации и др.

Анализ норм о наследственном договоре позволил выявить отличия отечественного законодательства, от законодательства ряда зарубежных стран, где предусмотрены механизмы защиты прав наследников при отказе наследодателя от договора.

Согласно п. 12 ст. 1140.1 ГК после заключения наследственного договора наследодатель вправе совершать любые сделки в отношении принадлежащего ему имущества и иным образом распоряжаться принадлежащим ему имуществом своей волей и в своем интересе, даже если такое распоряжение лишит лицо, которое может быть призвано к наследованию, прав на имущество наследодателя. Соглашение об ином ничтожно.

Так, наследодатель путём уведомления наследника может в одностороннем порядке отказаться от наследственного договора или любым способом распорядиться потенциальной наследственной массой. Такими действиями наследодатель нарушает права наследника — стороны договора. Так, в ГК не предусмотрены правовые последствия в виде признания недействительными сделок, направленных на отчуждение потенциальной наследственной массы. Например, в Эстонии, Германии, Англии наследник имеет право оспорить договор, в случае если наследодатель произвел отчуждение имущества с умыслом причинить вред наследнику. Считаем, что данный механизм возможен и в российском законодательстве.

Согласно п.4 ст. 1140.1 ГК, возникающие из наследственного договора права и обязанности стороны наследственного договора неотчуждаемы и непередаваемы иным способом. В законе не раскрывается вопрос относительно смерти наследника при жизни наследодателя, в случае исполнения наследником обязательств по договору. Однако, как известно, к наследнику право собственности на имущество переходит лишь после смерти наследодателя. Таким образом получается, что исполнив обязательства по договору и после смерти наследодателя имущество переходит в собственность наследников наследника. Однако, по смыслу новой статьи наследодатель распоряжается своим имуществом, выбирая конкретное лицо. Считаем, что условие о переходе имущества в случае смерти наследника и исполнение им обязательств по договору должно обязательно содержаться в договоре и являться существенным.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES:

1. Крашенинников П.В. Наследственное право. 3-е изд. М.: Статут, 2018.288с.
2. Алиев Т.Т., Рябцев А.А. Проблемы правового регулирования наследственного договора в России // Наследственное право. 2019. № 4. С. 24–26.

УДК 4414

Научная специальность — 12.00.03

Назаров Аслан Пахливанович

советник государственной гражданской службы
Ленинградской области 2-го класса

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ РИСК-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ ВНЕПЛАНОВЫХ ПРОВЕРОК

Аннотация. Применение риск-ориентированного подхода способствует снижению административного давления на предпринимателей, хозяйствующих субъектов, улучшает инвестиционный климат, создает благоприятные условия для развития коммерческой деятельности. Риск-ориентированный подход применяется в отношении плановых проверок. Вместе с тем, существуют особенности применения такого подхода в ограниченном, видоизмененном варианте при организации внеплановых проверок.

Ключевые слова: контроль, риск-ориентированный подход, проверки, надзор, предприниматели, организация внеплановой проверки.

FEATURES OF APPLYING A RISK-BASED APPROACH TO THE ORGANIZATION OF UNSCHEDULED INSPECTIONS

Abstract. The application of a risk-oriented approach helps to reduce administrative pressure on entrepreneurs, business entities, improves the investment climate, and creates favorable conditions for the development of commercial activities. Risk — oriented a focused approach applies to planned checks. At the same time, there are conditions and prerequisites for applying this approach in a limited, modified version when organizing unscheduled inspections.

Key words: control, risk — oriented approach, inspections, supervision, entrepreneurs, organization of unscheduled inspection.

Осуществление предпринимательской деятельности сопряжено с реализацией уполномоченными органами контрольно-надзорных полномочий. Контрольно-надзорная деятельность отражает степень административного давления на субъектов предпринимательской деятельности, определяет условия ведения бизнеса, способствует или препятствует улучшению инвестиционного климата в регионе или в стране в целом.

Риск — ориентированный подход призван уменьшить количество проверок в отношении субъектов предпринимательской деятельности, соответственно, снизить административное давление на бизнес сообщество, создать благоприятные условия для ведения коммерческой деятельности. Ожидаемым результатом применения подхода является позитивный экономический эффект. Риск-ориентированный подход применяется в отношении плановых проверок [1].

В отношении внеплановых проверок применяется видоизмененный, ограниченный вариант риск-ориентированного подхода.

Действуют два правовых механизма, отражающих такого подхода:

1. Разработка и использование индикаторов риска нарушения обязательны требований.

2. Мотивированное представление должностного лица по результатам рассмотрения или предварительной проверки обращений и заявлений граждан, индивидуальных предпринимателей, юридических лиц, информации от органов государственной власти, органов местного самоуправления, из средств массовой информации [1].

К недостатку первого механизма можно отнести ограниченное распространение. Так, индикаторы риска могут применяться только

в рамках мероприятий по контролю без взаимодействия с субъектами предпринимательской деятельности [1].

Применение второго правового механизма (представление должностного лица) на практике получило неоднозначные оценки.

Согласно опросу компаний членов Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) об условиях предпринимательской деятельности в качестве причины проведения внеплановых проверок за последние два года респондентами также указаны:

- «заказ» конкурентов — 10, 8% (в 2018 году — 10, 9%);
- жалобы от других компаний — 8, 8% (в 2018 году — 12, 0%);
- «заказ» федеральных властей — 2, 7% (в 2018 году — 5,4%);
- «заказ» местных властей — 2, 7% (в 2018 году — 3, 3%) [2, с. 56].

Соответственно, суммарными результатами негативных оценок являются: 25% в 2019 году, 31, 6% в 2018 году.

Кроме того, такой инструмент как предварительная проверка требует дополнительного нормативного регулирования и правового разъяснения. Так, проведение проверки возможно только на основании распоряжения органа контроля. Вместе с тем, для проведения предварительной проверки такого распоряжения не требуется [1].

Также необходимо отметить, что в рамках действующего законодательства вопрос о принятии решения о проведении внеплановой проверки оставлен на самостоятельное усмотрение должностного лица [1].

Вышеуказанные негативные обстоятельства при организации внеплановых проверок создают благоприятные условия (возможность) для применения риск-ориентированного подхода в форме индикаторов риска путем установления критериев для принятия должностным лицом решения о проведении внеплановой проверки по факту поступления обращения граждан, юридических лиц, информации от органов государственной власти, органов местного самоуправления, а также сведений из средств массовой информации, что позволит:

1. Оптимизировать использование органом контроля трудовых, материальных, финансовых ресурсов.

2. Снизить административные издержки на субъектов предпринимательской деятельности путем уменьшения количества внеплановых проверок.

3. Исключить коррупциогенные факторы при принятии решения о проведении внеплановой проверки.

Возможность установления критериев по вопросам принятия решения о проведении внеплановой проверки всесторонне и полно раскрывается в рамках контрольно-надзорной реформы.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // Собрание законодательства РФ, 2008, № 52 (ч. 1), ст. 6249,
2. Доклад Российского союза промышленников и предпринимателей о состоянии делового климата в России в 2019 году. 2019. С. 56, <http://рспп.рф/activity/analytics>.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

СТАТЬИ УЧАСТНИКОВ СЕКЦИИ «ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»

*Отв. — зав.кафедрой теории и истории государства и права СПбГЭУ,
д-р юрид. наук, профессор Г.Г. Бернацкий*

<i>Агеева Е.А., Бернацкий Г.Г.</i> Альтернативы в современной экономике.....	3
<i>Боряев С.А.</i> Правовая природа эмиссии ценных бумаг	7
<i>Елизаров В.П.</i> К проблеме определения правового института: на примере института финансирования выборов	12
<i>Игнатьева С.В.</i> Концептуальные аспекты государственно-правового регулирования предпринимательской деятельности в России	17
<i>Калашикова Ю.А.</i> Проблемы одностороннего отказа от исполнения государственного (муниципального) контракта.....	24
<i>Кремлёва О.К.</i> Совершенствование законодательства об ответственности за манипулирование на рынке ценных бумаг как катализатор постковидной экономики	31
<i>Куницкая Е.В.</i> Венчурные фонды как особый субъект инвестиционной деятельности.....	34
<i>Потёмкина Е.В.</i> Правовые вопросы эвакуации культурных ценностей дворцов-музеев Ленинградской области в 1941 году	39
<i>Родионова Т. Н.</i> Условия выхода крестьян из сельского состояния в пореформенный период второй половины XIX века.....	45
<i>Садчикова А.В.</i> Система права и система законодательства	53
<i>Свиридов Я.С.</i> Лица, потенциально заинтересованные в совершении сделки хозяйственным обществом (бизнес-корпорацией) и основания заинтересованности в России и в штате Делавэр (США): Сравнительно-правовой анализ	58
<i>Слесарев В.В.</i> Необходимость введения таможенного аудита как элемента всесторонней оценки финансово-хозяйственной деятельности участников ВЭД.....	64
<i>Честнов И.Л.</i> Право в ситуации постпостмодерна	70

Раздел II

СТАТЬИ УЧАСТНИКОВ СЕКЦИИ

«КОНСТИТУЦИОННОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА»

*Отв. — доцент кафедры конституционного и административного права,
канд. юрид. наук, доцент Л.Ю. Свистунова*

<i>Воронцова М.А.</i> Конституционно-правовой анализ репродуктивных прав человека в свете применения вспомогательных репродуктивных технологий	81
<i>Коломейцева Т.А.</i> Конституционные основы организации федеративного государства	86
<i>Свистунова Л.Ю.</i> Гармонизация законодательства как элемент глобализации: понятие, принципы и конституционно-правовые пределы..	94

Раздел III

СТАТЬИ УЧАСТНИКОВ СЕКЦИИ

«УГОЛОВНОГО ПРАВА И УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА»

*Отв. — зав. кафедрой уголовного права и уголовного процесса, кандидат
юридических наук, доцент О.А. Чабукиани*

<i>Виноградов В.А.</i> Экономико-правовые факторы влияния на качество оказания юридической помощи в российском уголовном судопроизводстве	101
<i>Капитонова Е.А.</i> Ограничение конституционных прав граждан в целях рационального использования растительного мира	106
<i>Крайнова Н.А.</i> Современные глобальные риски и их влияние на уголовную политику в сфере ресоциализации осужденных.....	112
<i>Мельник А.О., Крайнова Н.А.</i> К вопросу о необходимости совершенствования действующего российского законодательства в области административного надзора	118
<i>Петров В.В.</i> Некоторые вопросы оглашения показаний потерпевшего или свидетеля в ходе судебного следствия. Оглашение показаний забывчивого потерпевшего или свидетеля	122
<i>Петухов Н.А., Чабукиани О.А.</i> Реализация принципа справедливости в уголовно-процессуальном праве	129
<i>Рагулина А.В.</i> Современные уголовно-правовые риски в предпринимательской деятельности: результаты анализа правоприменительной практики и судебной статистики	135

<i>Радошинова Н.В.</i> Бандитизм (Особая категория) УК РСФСР 1926 г.	139
<i>Семенов К.П.</i> К вопросу о квалификации деяния с использованием обстоятельств фиктивного дорожно-транспортного происшествия	146
<i>Стебенева Е.В.</i> Коррупциогенность закона как один из криминогенных факторов экономической преступности.....	153
<i>Фомин А.А.</i> Уголовная ответственность и безответственность в механизме обеспечения психической (психологической) и духовной безопасности	158
<i>Шестак В.А., Михалева М.Ю.</i> Ответственность за нарушения в сфере банкротства: опыт ФРГ.....	164

Раздел IV

СТАТЬИ УЧАСТНИКОВ СЕКЦИИ

«ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО И ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПРАВА»

Отв. — и.о. зав. кафедрой предпринимательского и энергетического права СПбГЭУ, канд. юрид. наук, доцент Е.Н. Абрамова

<i>Абрамова Е.Н.</i> Правовые механизмы инвестирования в энергетику	170
<i>Алексеева Е.В.</i> Правовой статус потребителей электрической энергии...	183
<i>Андреева Е.М.</i> Несостоятельность муниципальных образований: перспективы и современное правовое регулирование	189
<i>Белоусова В.Р.</i> Залоговый статус неисполненных обязательств перед бюджетом.....	197
<i>Брикса К.О.</i> Ликвидация юридического лица как основание прекращения долгосрочного предпринимательского договора.....	202
<i>Волковская Л.Н.</i> Проблемы правового регулирования инвестиционной деятельности в энергетическом секторе России.....	205
<i>Горколыцева О.И.</i> Ценные бумаги как объект инвестиционной деятельности	211
<i>Дзьоник В.Р.</i> Анализ реформы по ликвидации государственных и муниципальных унитарных предприятий к 2025 году	218
<i>Ена Д.В.</i> О некоторых особенностях правового регулирования предпринимательской деятельности «самозанятых» граждан	222

<i>Кулушева Н.А., Петров В.В.</i> Антимонопольное законодательство и органы, осуществляющие публичные полномочия: краткий анализ применения антимонопольного законодательства. Социализация государства	230
<i>Ногайлиева Ф.К.</i> Саморегулирование в сфере охраны труда: новейшие тенденции правового регулирования.....	240
<i>Сапрыкина К.А.</i> Перспектива развития конкурентной среды в сфере оказания жилищно-коммунальных услуг	252
<i>Яковлев О.К.</i> К вопросу об алеаторном характере сделки купли-продажи криптовалюты	256
<i>Ячменев Ю.В.</i> Актуальные проблемы солидарной ответственности таможенных представителей и декларантов	262

Раздел V

СТАТЬИ УЧАСТНИКОВ СЕКЦИИ «ГРАЖДАНСКОГО И КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА»

*Отв. — зав. кафедрой гражданского и корпоративного права СПбГЭУ,
канд. юрид. наук, доцент В.И. Смирнов*

<i>Гаврилов Е.В.</i> Почетные грамоты, благодарственные письма как доказательства сформированной деловой репутации в предпринимательской и иной экономической деятельности	270
<i>Зарубенко С.А.</i> Арбитрабельность споров по поводу недвижимости (на примере морских судов)	276
<i>Краснова Т.С.</i> Конкуренция исков при возврате изъятой из оборота или ограниченной в обороте вещи из частной собственности в публичную собственность	295
<i>Кулушева Н.А., Петров В.В.</i> Некоторые вопросы контроля (надзора) за деятельностью арбитражных управляющих в свете процедур банкротства 2018–2019	304
<i>Леонова Е.В., Лясович Т.Г.</i> Об особенностях правового регулирования противодействия недобросовестной конкуренции в законодательстве Финляндии	316
<i>Наджафов А.М., Павлова Д.А.</i> Правильное и единообразное применение законов судами: проблемы и пути их решения	323
<i>Савельева М.В.</i> Принцип неизблемости договора и недействительность заключенного договора.....	330

Раздел VI

СТАТЬИ УЧАСТНИКОВ СЕКЦИИ «ФИНАНСОВОГО ПРАВА»

*Отв. — доцент кафедры финансового права, кандидат юридических наук,
доцент О.В. Аверьянова*

<i>Аверьянова О.В., Семенов С.Л.</i> Финансовый контроль государства в условиях цифровизации экономики	335
<i>Андреева Е.М.</i> Бюджетный кодекс Российской Федерации о грантах.....	339
<i>Беликов Е.Г.</i> Развитие принципов публичного финансового контроля в условиях цифровизации экономики	345
<i>Васильева Е.Г.</i> Самозанятые граждане: вопросы институционализации и проблемы налогообложения.....	354
<i>Иванюженко А.Б.</i> О некоторых доктринальных противоречиях в регулировании системы обязательного пенсионного страхования	360
<i>Конев С.И.</i> Наднациональное регулирование отношений как предпосылка формирования транснационального административного права	366
<i>Левитанус Б.А.</i> Правовое регулирование ответственного обращения с животными	370
<i>Пастушенко Е.Н., Земцова Л.Н.</i> Развитие нормотворческой функции центрального банка Российской Федерации в условиях цифровой экономики: публично-правовые и частно-правовые аспекты	376
<i>Покачалова А.С.</i> К вопросу о роли страхового рынка в развитии финансовой системы в кризисные периоды.....	381
<i>Ярахмедова Р.Н.</i> Финансово-правовые особенности функционирования резервных фондов России на современном этапе	384

Раздел VII

СТАТЬИ УЧАСТНИКОВ СЕКЦИИ «МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ»

*Отв. — и.о. зав. кафедрой предпринимательского и энергетического права,
кандидат юридических наук, доцент Е.Н. Абрамова*

<i>Аликова Д.И.</i> Страхование как способ обеспечения обязательств заемщика по договору потребительского кредита	389
<i>Гузеева А.О.</i> Некоторые проблемы применения объективного срока исковой давности	393

<i>Гусарова В.В.</i> Доктрина эквивалентов: камень преткновения для споров о фармацевтических патентах.....	399
<i>Двойников А.И., Смирнова М.В.</i> Ответственность за недобросовестный выход из переговоров о заключении договора: проблемы и пути решения	403
<i>Иванова Е.А.</i> Хватит ли средств Фонда национального благосостояния для смены главного акционера Сбербанка?.....	406
<i>Иванова М.С.</i> Проблемы корпоративного управления и корпоративной защиты в сфере энергетики	411
<i>Козлова А.А.</i> Гражданско-правовая природа договора технологического присоединения	414
<i>Короткевич В.И.</i> Двойственность понятия добросовестности в российском гражданском праве	422
<i>Кузнецов Д.А.</i> Ответственность перевозчика в международных перевозках пассажиров морским транспортом	430
<i>Мальшиева Л.Р.</i> Последствия нарушения мер по обеспечению иска	434
<i>Маслюк А.В., Макаров А.Д.</i> Правовая природа, значение и проблемы расчетных и кредитных обязательств.....	439
<i>Наталенко А.С.</i> Современные проблемы правового регулирования использования земель в охранных зонах магистральных трубопроводов	445
<i>Нерсиян А.Ж.</i> Абонентский договор: проблемы реализации	448
<i>Носова Н.А.</i> Защита прав на инвестиционный пай	456
<i>Павлова Д.А.</i> К вопросу о дефиниции криптовалюты	462
<i>Репьева Д.И.</i> Проблема компенсации морального вреда.....	468
<i>Садыхов М.А.</i> Пандемия в условиях кризиса — преодоление, проблемы и пути их решения.....	475
<i>Селицкая Д.Д.</i> Подтверждение решений собраний хозяйственных обществ	483
<i>Скалкин Д.В.</i> Реализация права ребенка жить и воспитываться в семье	488
<i>Старикова Е.В.</i> Электронная подпись: изменения в законодательстве ..	492
<i>Хайманова А.О.</i> Наследник как слабая сторона наследственного договора	501
<i>Назаров А.П.</i> Особенности применения риск-ориентированного подхода при организации внеплановых проверок	504

Научное издание

**ПРАВО И СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИКА:
НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

**III научно-практической конференции с международным участием
юридического факультета СПбГЭУ**

*Санкт-Петербург
9 апреля 2020 года*

*Под научной редакцией канд. юрид. наук,
доцента Н.А. Крайновой*

Подписано в печать 30.09.2020. Формат 60×84 1/16.
Усл. печ. л. 32,25. Тираж 500 экз. Заказ 747.

Издательство СПбГЭУ. 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21.

Отпечатано на полиграфической базе СПбГЭУ